

Оксана Чекуменёва

НИКОГДА НЕ СПОРЬ
С СУДЬБОЙ

Альтернатива. Белла так и не переехала в Форкс и никогда не встретила Эдварда. Но зато на головы Калленам в буквальном смысле свалилась очень необычная девочка. Она выглядит как человек, но таковой явно не является. Она и не вампир, хотя мало в чём им уступает, а порой и превосходит. Кто она, эта загадочная девочка? Почему она знает всё о вампирах и ничего о себе? И какое отношение судьба имеет к её появлению в семье Калленов? Эта история — фанфик по "Сумеречной саге". Герои саги принадлежат Стефани Майер, мои герои — мне.

Никогда не спорь с судьбой

Оксана Чекменёва

Пролог. Найдёныш

Это был самый обычный летний пасмурный день, очень характерный для данной местности. Два вампира-вегетарианца, Карлайл и Эсми, только закончили охоту, как им прямо под ноги рухнуло тело девочки, забрызгав всё вокруг кровью. Карлайл, как существо сострадательное, кинулся на помощь, пытаясь определить — можно ли её спасти? Краем сознания он отметил, что хотя кровью было забрызгано полполяны, никакой жажды у него не возникло, как впрочем, и у Эсми, которая сначала хотела отбежать, чтобы не поддаваться соблазну, но, не чувствуя никакого дискомфорта, подошла ближе. Списав это на сытость после охоты и многолетнюю практику, Карлайл приступил к осмотру.

При этом выяснилось, что девочка поломана вся, с ног до головы, включая переломы позвоночника и расколотый череп. Несколько травм были смертельны. Не считая множества несмертельных. Плюс — огромная кровопотеря. И не смотря на то, что неизвестная должна была умереть мгновенно, она продолжала жить, дышать, её сердце билось.

Карлайл понимал, что даже окажись они сейчас в операционной с самым современным оборудованием — и тогда девочку спасти было бы невозможно. А уж здесь, в лесу — и подавно. Но она продолжала цепляться за жизнь. И тогда мысль попытаться обратить её пришла им обоим одновременно.

Карлайл укусил её, но когда кровь попала ему в рот, он понял — что-то не так! Кровь не была горячей, как у людей — а ведь остыть она никак не могла, девочка ещё была жива. И вкус был очень странный. Это явно не была кровь человека. Тут Карлайл вспомнил своё мимолётное удивление, что запах крови не вызвал в нём жажды и принюхался. Это не был запах человека.

Карлайл и Эсми удивились. Перед ними лежал вроде бы человек, но человеком это существо не являлось. Не зная, чего ждать, они застыли, наблюдая, подействует ли яд? Больше ничего они сделать уже не могли.

Спустя пару минут начались изменения. Это походило на действие яда, но заживление шло явно ускоренными темпами. Раны зарастали на глазах, кости срастались, сломанные, скрюченные под невообразимыми углами конечности выпрямлялись. Спустя несколько минут в лежащей перед ними девочке только запёкшаяся кровь, и разодранная одежда напоминали о случившемся. Карлайл вновь осторожно обследовал её. Это был абсолютно невредимый ребёнок. А девочка вдруг открыла глаза и села, потирая ладонью шею в том месте, куда он недавно вонзил свои зубы.

— Неужели было так уж необходимо меня ещё и кусать? Теперь чешется, — потом встала и с улыбкой посмотрела на застывших вампиров. — Привет!

Вдруг её лицо исказилось гримасой боли. Она схватилась за голову и, громко застонав, упала на колени. Карлайл опустился рядом, придерживая её за плечи, а девочка, сильно закашлялась и вместе с кровью выплюнула что-то в свою подставленную ладонь. Перестав стонать, словно боль сразу отступила, она стала рассматривать то, что оказалось у неё в руке, а потом недоумённо протянула раскрытую ладонь Карлайлу. И он с ужасом увидел, что в небольшой лужице крови, блестя металлическими боками, лежали пять пуль.

Каллены пришли в ужас — кто-то пытался застрелить этого ребёнка! С другой стороны — это явно была неудачная попытка. Эта девочка не была человеком — ни пули, ни падение с огромной высоты не причинили ей никакого видимого вреда. Кто же перед ними? Монстр

или чудо природы?

— Меня хотели убить? — спросила девочка. Она не казалась напуганной, скорее удивлённой. — Кто это был?

— Ты не помнишь?

— Не-ет... — она потёрла висок свободной рукой и, машинально сунув пули в карман разодранных джинсов и вытерев перемазанную кровью ладонь о бедро, недоумённо огляделась. — Где я? И как я сюда попала?

Карлайл и Эми переглянулись — похоже, произошедшее всё же имело последствия.

— Мы нашли тебя здесь несколько минут назад. Ты буквально рухнула с неба. Меня зовут доктор Каллен, но можно просто Карлайл, а это — моя жена Эми. Мы живём неподалёку, — неопределённо качнув головой куда-то на юг, Карлайл протянул ей руку. — А как твоё имя?

Девочка смело пожала протянутую руку — её пожатие было сильным, намного сильнее, чем пожатие обычного человека. Рука её была прохладной — лишь чуть теплее руки доктора.

— С неба? Как странно... — Машинально задрал голову, она какое-то время рассматривала облака, сплошь затянувшие небо, потом пожала плечами и снова взглянула на своего собеседника. — Очень приятно. Меня зовут...

Она вдруг запнулась, сделала глубокий вдох и начала сначала.

— Меня зовут...

Снова пауза. Она закрыла глаза, наморщила лоб, потёрла висок и попыталась снова.

— Меня... зовут... — потом открыла медленно наливающимися слезами глаза. — Я не помню, — в ужасе прошептала она, — я ничего не помню!

Эми тут же подбежала и обняла плачущую девочку.

— Всё хорошо, всё хорошо, успокойся... — она гладила прижатую к своему плечу головку с заскорузлыми от крови волосами, чувствуя под руками крепенькое тело. Это не было чувство, что обнимаешь вампира, но разница была не велика. Кожа девочки была более мягкая, но не было ощущения, что нажав чуть сильнее, её можно раздавить, наоборот, её можно было прижимать к себе без опаски. Карлайл взглянул на обнимающуюся пару и понял, что Эми уже всё для себя решила. Её безграничный материнский инстинкт моментально отреагировал на одинокого перепуганного плачущего ребёнка. Эту девочку они заберут к себе — здесь не было других вариантов. Ей явно нужна была помощь, а отправлять её в обычную больницу или обращаться к властям было нельзя. Там сразу поймут всю необычность попавшего к ним ребёнка. Что будет дальше — страшно даже предположить. Её либо начнут изучать, сделав подопытной крысой для всяких экспериментов, либо посчитают опасной и попытаются убить. Будучи сам необычным существом и, долгие века, скрывая свою сущность от посторонних, доктор не мог не сострадать кому-то, оказавшемуся в похожей ситуации.

И лишь одно смущало Карлайла — семья у него была далеко не стандартная, и это ещё мягко сказано. С одной стороны придётся раскрыть этой девочке тайну, строго охраняемую от посторонних, к тому же это может сильно её напугать. С другой — она явно сама принадлежит к мистическим существам — правда пока не понятно, к каким? За всю свою долгую жизнь Карлайл никогда не слышал о чём-то подобном. Но возможно те, к кому принадлежит этот ребёнок, скрывают свою тайну так же тщательно, как и вампиры свою. В этом случае она может даже не догадаться, к кому попала. Доктор решил, что не стоит сразу

сообщать гостю о необычности семьи, в которой ей некоторое время придётся пожить. Потеряв память, она просто может не обратить внимания на странности Калленов, приняв их как должное. Возможно, близкие девочки найдутся раньше, чем она вообще заметит что-то необычное.

В этот момент успокоившаяся девочка подняла голову с плеча Эсми и, слегка отстранившись, потёрла живот и скорчила жалобную рожицу.

— А у вас не найдётся чего-нибудь поесть? Я просто умираю с голоду.

Потом сокрушённо покачала головой и пробормотала себе под нос:

— Какая же я глупая! Ну откуда же у вампиров возьмётся нормальная еда?!

Карлайл почувствовал, что его челюсть просто отпала. Удивление его было безгранично. И самый большой шок вызвало даже не то, что эта незнакомка вот так, с ходу, ни секунды не усомнившись, определила их истинную сущность, а то, как спокойно она это сказала. Мимоходом, всего лишь констатируя факт. Ни страха, ни удивления. Словно встретить вампира ничуть не более странно, чем простого человека. Слово «вампиры» прозвучало так же легко и просто, как будто перед ней, например пожарные, или азиаты, или старики — словом кто-то, отличающийся от остальной массы людей, но лишь чем-то обычным, незначительным, не вызывающим удивления.

Пока Каллены приходили в себя от шока, их найдёныш, втянув воздух носом, целенаправленно двинулся к краю поляны, где лежал небольшой олень, недавно выпитый Эсми. Подойдя к нему, девочка оглянулась на застывших Калленов:

— Вы ведь не будете это доедать, верно? Можно мне?

Увидев утвердительный кивок Карлайла — говорить он пока ещё не мог, она склонилась над тушкой. Замерла. Наклонилась ниже. Сглотнула слюну. Выпрямилась, подошла с другой стороны. Взявшись за заднюю ногу оленя, резко рванула. Нога осталась у неё в руке. Поднесла ко рту. Отодвинула. Несколько раз сглотнула. Потёрла живот. Снова поднесла сырое мясо ко рту. Постояла ещё немного. Карлайл и Эсми с интересом наблюдали за всеми этими манипуляциями. Наконец, словно признавая своё поражение, девочка положила оленью ногу на траву, так и не надкусив. Опустила плечи и тяжело вздохнула, признавая своё поражение. Потом взглянула на Карлайла и с надеждой спросила.

— А спичек у вас не найдётся?

Спичек у Карлайла, конечно, не было, но для вампира добыть огонь трением — не проблема. Спустя какое-то время на поляне бодро горел костёр, а удивительная девочка, сглатывая слюну, гипнотизировала взглядом жарящуюся над ним оленью ногу, периодически поворачивая импровизированный вертел и нетерпеливо тыча в мясо пальцем для определения готовности. По-видимому, никаких неприятных ощущений она при этом не испытывала, хотя любой человек сделав такое немедленно обжётся бы.

Карлайл и Эсми получили очередное подтверждение тому, что их найдёныш — не человек, по крайней мере — не обычный человек. Доктор Каллен уже представлял, как сможет изучить сидящий перед ним феномен. Всё необычное всегда вызывало в нём любопытство и страсть исследователя. И вампиров и людей он давно изучил, а теперь перед ним открывались новые исследовательские горизонты.

Наконец Карлайл решился заговорить о том, что не давало им с Эсми покоя.

— Почему ты решила, что мы — вампиры?

Девочка отвела глаза от жарящегося мяса.

— А разве нет?

— Ну, вообще-то, да, но как ты это поняла?

— Просто знаю и всё. Вы холодные, и у вас сердце не бьётся.

— И ты сразу же поняла, кто мы?

— Ну, да... А что здесь такого? Я же знаю, что это — огонь, это — деревья, а вон на той ветке — белка, — она ткнула пальцем в дерево на дальнем конце поляны, на котором Карлайл действительно увидел белку. Но дерево находилось в добрых ста метрах от них. А белка едва выглядывала из-за листьев.

— Если я не помню своего имени... — тут её голос сорвался, но девочка сделала глубокий вдох и усилием воли подавила рыдания, готовые вырваться наружу. — Если я не помню своего имени, — повторила она уже более твёрдым голосом, — то это не значит, что я не помню вообще ничего!

Карлайла поразило самообладание, редко присущее такому юному существу. На вид девочке было лет двенадцать, хотя из-за грязи и крови, покрывавшей её мордашку, точнее определить было трудно. Тут в его голову пришёл новый вопрос. Определить, что они холодные девочка могла, когда Эсми обнимала её, но вот остальное...

— А как ты поняла, что наши сердца не бьются?

Девочка вновь недоумённо взглянула на него и дёрнула плечом:

— Услышала. У меня — бьётся. У той белки — бьётся. А у вас — не бьётся.

И снова перевела взгляд на будущее жаркое. Похоже, еда сейчас занимала все её мысли, и она не понимала, зачем её отвлекают от такого важного занятия какими-то глупыми вопросами?

Итак, ко всем прочим чудесам — ещё и суперзрение, и суперслух! В этом она очень походила на вампира. Если бы не кровь, текущая в её жилах, и не желание есть обычную, человеческую пищу, её вполне можно было бы принять за одну из них. Так кто же она, эта девочка, упавшая с неба?

— Послушай... — продолжил Карлайл разговор, но запнулся. — Я даже не знаю, как к тебе обратиться. Надо бы придумать тебе хоть какое-нибудь имя, пока ты не вспомнишь своё.

— Действительно, — подхватила, приблизившись к ним, Эсми. До этого она держалась подальше от мерзкого запаха жарящегося мяса, но решила подойти, чтобы тоже поучаствовать в разговоре. В конце концов, раз уж она решила взять в семью приёмша, который питается этой гадко пахнущей человеческой пищей, значит нужно привыкать.

— Ладно, — не отводя глаз от жаркого, ответила девочка. — С именем как-то удобнее. Раз уж своё не помню...

— Как насчёт Кэтрин? — предложил Карлайл. Девочка сморщила носик и помотала головой.

— Скучно.

— Маргарет? Элизабет? Сьюзан? — продолжал перечислять Карлайл, но реакция и на эти имена была та же — сморщенный нос и мотание головой.

— Нет, это совсем не то! — вмешалась Эсми. — Тут нужно особенное имя. Подумай сам — она упала с неба. Как ангелочек. А что, если Энджел (Ангел)? Ну, или просто Энжи.

При звуках этого имени девочка, довольно равнодушно относившаяся к происходящему, и больше времени уделявшая жарящемуся мясу, чем выбору своего будущего имени, вдруг резко повернулась и взглянула на Эсми. Так, словно её окликнули.

— Энжи? — её лоб наморщился, взгляд устремился куда-то вдаль и расфокусировался.

Казалось, что она прислушивается к чему-то. — Энжи... — уже тихо и задумчиво повторила она, словно пробуя его на вкус. — Пожалуй, мне нравится.

— Ты вспомнила?

— Это твоё имя? — одновременно воскликнули Каллены.

— Нет. Я ничего не вспомнила. Но это имя кажется мне знакомым, такое чувство, что я не раз слышала его. Не думаю, что это моё имя, но возможно так звали кого-то, кого я хорошо знала.... Я не помню.

— Ничего, — Эсми погладила печально опущенную головку. — Всё будет хорошо. В конце концов, ты всё вспомнишь. А пока — Энжи? Раз уж это имя вызвало у тебя хоть какой-то отклик.

— Не думаю, что так уж похожа на ангелочка, — девочка вновь подняла голову и улыбнулась Эсми. — но пусть будет Энжи. Это всё же лучше, чем Элизабет или Маргарет. — И она бросила насмешливый взгляд в сторону Карлайла. Тот пожал плечами и улыбнулся, признавая свою несостоятельность в выборе имени для найдёныша.

— Знаешь, Энжи, — Карлайл чуть запнулся, произнося это имя. — Похоже, твоё мясо уже прожарилось. Ты поешь, а потом нам надо будет серьёзно поговорить.

И Каллены отошли к краю поляны, оставляя Энжи наедине с её обедом.

Спустя несколько минут с оленьей ногой было покончено. Новоявленная Энжи в момент съела жареную оленину, а потом, сломав кость руками, высосала из неё мозг. После чего, сытая и довольная, она развалилась на траве, блаженно поглаживая набитое брюшко. Куда всё поместилось, было непонятно, но факт оставался фактом — она за пару минут прикончила такое количество мяса, которым обычная семья питалась бы неделю.

Потом Энжи бодро вскочила на ноги и направилась к Калленам, всё это время с интересом за ней наблюдавшим.

— Вы о чём-то хотели поговорить?

— Да. Видишь ли, Энжи, — Карлайл решил начать издалека. — Ты сказала, что знаешь о том, кто мы такие. Но при этом ты совершенно нас не боишься, ведь так?

— Нет, не боюсь. А должна?

— Ну, вообще-то, нас принято бояться. Нас считают монстрами, чудовищами и убийцами.

— Но вы же не убийцы. Вы не причинили мне вреда, хотя могли бы, пока я была без сознания. Вместо этого вы по-доброму отнеслись ко мне, пожалели, даже имя дали...

— Я укусил тебя. Помнишь?

— Верно, укусили. Но вы не пили мою кровь, я это почувствовала. Кстати, а зачем вы меня кусали, если не собирались меня пить? — Она снова потёрла шею ладонью. — Сейчас уже не чешется, но сначала было не очень приятно.

— Я пытался спасти тебя, думал — ты умираешь. Я не знал, что ты сможешь исцелиться сама.

— Исцелиться сама? А разве другие так не делают?

— Нет, — покачал головой Карлайл. — Никто из тех, кого я встречал или хотя бы слышал. Наш яд исцеляет, но не так быстро. И при этом происходит перерождение. И даже он не может воскресить мёртвого. А ты от таких травм должна была умереть мгновенно. Но ты выжила. Фактически воскресла.

— Значит, я не такая, как другие люди? Другие люди... — медленно повторила Энжи. — А я вообще человек?

— Мы не знаем. Внешне ты очень похожа на человека, но за те полчаса, что мы тебя знаем, ты продемонстрировала столько сверхспособностей, сколько не может быть у человека. И ты даже этого не заметила, для тебя, похоже, это — норма. Вполне вероятно, что ты — не человек, как и мы, но кто ты — большая загадка. Я никогда не слышал и не читал ни о чём подобном. И это означает, что раньше ты либо скрывалась от людей, либо умела скрывать от них свою сущность, так же, как это делаем мы. Но теперь, забыв прежнюю жизнь, ты забыла и это умение, и можешь легко выдать себя. А если люди узнают о тебе, они либо захотят использовать твои способности к своей выгоде, либо попытаются тебя убить.

— Похоже, уже попытались, — пробормотала Энжи, внимательно слушавшая слова Карлайла, и побренчала в кармане пулями. — Это было... неприятно. Очень.

— Поэтому я считаю, что тебе нужно убежище. Место, где ты вновь научишься притворяться простым человеком. Где ты сможешь дожидаться, когда твои близкие тебя отыщут. Где ты будешь в безопасности.

— Но где? Я ничего и никого здесь не знаю. Ну, кроме вас.

— Вот об этом мы и хотим с тобой поговорить, — вмешалась в разговор Эсми. — Ты могла бы пожить у нас.

— Мы сможем научить тебя всему, потому, что сами долгие годы живём среди людей, притворяясь обычной семьёй, — продолжил Карлайл. — Мы сможем объяснить тебе, как контролировать и скрывать свои способности, ведь нам приходится это делать постоянно.

— У вас? Правда? Вы хотите взять меня к себе?

— У нас большой дом в живописном месте, тебе он понравится. — Эсми приобняла девочку за плечи, и та тут же доверчиво прижалась к ней. — У нас пятеро приёмных детей, тебе не будет скучно. Думаю, что вы подружитесь. Ты согласна?

— Конечно, конечно согласна! — Энжи пылко обняла Эсми, а потом повернулась к Карлайлу. — От меня не будет никаких проблем, обещаю! Я могу помогать по дому и присматривать за вашими детишками. Я буду хорошей нянькой, вот увидите! Правда, я много ем... Но я смогу есть мясо тех животных, на которых вы охотитесь, вам же оно всё равно не нужно. И я не займу много места. Я могу спать где угодно, хоть на чердаке.

Каллены, застыв от изумления, слушали возбуждённый монолог девочки. На такую бурную реакцию они не рассчитывали.

А она вдруг, словно выдохшись, опустила плечи, тяжело вздохнула и прошептала:

— Я так боялась остаться одна.

— Нет-нет, ты не одна! Ты теперь никогда не будешь одна. — Эсми гладила прижавшуюся к ней девочку, представляя, какой страх одиночества она испытывала. И как мужественно его скрывала, пока угроза остаться одной, без памяти, в чужом, незнакомом месте не миновала.

— Конечно, тебе не придётся спать на чердаке, — улыбнулся Карлайл. — Уж мы найдём для тебя местечко в доме, учитывая, что нам-то спать не нужно вообще. Да и за детишками нашими присматривать не нужно. Они уже взрослые, учатся в старших классах. — Он улыбнулся ещё шире, представив, как эта малышка нянчит его детей, младшим из которых уже давно перевалило за восемьдесят.

— А они — тоже вампиры?

— Да, тоже.

— И, как и вы, питаются кровью животных?

— Верно. Меня уже не удивляет, что тебе известно и это. Тоже «просто знала и всё»?

— Нет, — хмыкнула Энжи. Тут я как раз догадалась. Во-первых, меня-то вы не тронули. Во-вторых — олень. Он не просто так лежал там весь обескровленный. И ещё — ваши глаза. Они золотистые, а у обычных вампиров — красные. Вот я и сделала вывод.

И видя вновь появившееся на лицах Калленов удивление, ответила на ещё не заданный вопрос.

— А вот про глаза — просто знаю и всё.

— Тебе довольно много известно о вампирах. Мало кто знает о нашем существовании вообще, да и легенды не дают правдивого описания — потому-то нам и удаётся жить среди людей. Но ты, похоже, знала о нас, настоящих, причём забыв своё имя, это ты продолжаешь помнить. Я не могу этого понять, но, возможно, в будущем, когда ты всё вспомнишь, эта тайна откроется. А теперь мы просто будем жить дальше. В какой-то степени это даже к лучшему — тебе будет проще вписаться в нашу семью, поскольку ты, похоже, как должное воспринимаешь само наше существование.

— Пожалуй, нам пора возвращаться, — вмешалась Эсми. — А все вопросы сможем решить позже. Энжи хорошо бы помыться и переодеться, а сделать это она сможет только тогда, когда мы приедем домой.

Энжи, словно впервые задумавшись об этом — а, похоже, так оно и было — оглядела себя. То, что когда-то было джинсовым костюмчиком, было покрыто грязью, засохшей кровью и дырами в местах, где сломанные кости прорвали ткань. Да и падение с большой высоты тоже не добавило ему привлекательности. Потом она нащупала прядь волос и поднесла к глазам — это было нечто, слипшееся в сосульку и абсолютно неопределяемого цвета. Поскребла ногтем щёку, посмотрела на то, что соскреблось. Глянула на ноги и, сняв остатки левого кроссовка (правый отсутствовал), забросила его в кусты. Пролетев метров 50, тот врезался в дерево и разлетелся на куски. Каллены переглянулись.

— Я похожа на чучело... Пожалуй, мне действительно не помешает ванна. Ну, если вы ещё не передумали взять к себе такое страшилище, то я готова. Куда пойдём?

— Наша машина стоит на опушке. Это километрах в двадцати отсюда, но идти пешком тебе не придётся, да ещё и босиком, — улыбнулся Карлайл Энжи. — Забирайся ко мне на спину, зажмурься и ничего не бойся.

Девочка ловко вскарабкалась к нему на спину, крепко вцепилась в плечи, но и не подумала зажмуриваться.

Каллены побежали. Эсми, державшаяся рядом с мужем, бросила взгляд на Энжи. На чумазом лице был написан дикий восторг, белозубая улыбка сияла вовсю — это было единственное чистое пятно на её замурзанной мордашке. С таким восторгом дети обычно катаются на карусели, а не несутся с невероятной скоростью по лесу на спине у вампира. Лишний раз убедившись в необычности своего найдёныша, Эсми и сама не удержалась от улыбки — так заразителен был восторг малышки.

Наконец, Каллены остановились на опушке, возле чёрного «Мерседеса». Спрыгнув со спины Карлайла, Энжи буквально затанцевала вокруг него.

— Здорово! Круто! Мне так понравилось! А ещё покатаете? — она даже начала слегка подпрыгивать от распирающих её эмоций.

— Покатаю, раз уж так понравилось. — Карлайл улыбнулся восторгу малышки. — Но, пожалуй, этим скорее займутся твои братья. Покатать на спине маленькую сестрёнку будет их прямой и неременной обязанностью.

Энжи вдруг перестала прыгать, и по её, внезапно ставшему серьёзным, лицу покатились

слезинка.

— В чём дело? — забеспокоилась Эсми. — Что случилось?

— Так вы... — внезапно севшим голосом заговорила Энжи.

Прокашлялась, и уже более твёрдым голосом повторила.

— Так вы меня не просто к себе домой берёте? Вы меня в свою семью принимаете?

— Ну конечно! — с тёплой улыбкой ответила Эсми. — Неизвестно, как скоро ты вспомнишь, кто ты, и откуда. Неизвестно, как скоро тебя найдут. Но я хочу, чтобы всё это время ты была не одна, а имела семью. И мы приглашаем тебя в нашу семью так надолго, как ты сама этого захочешь.

— Спасибо! — прошептала девочка, глядя ей в глаза, потом повернулась к Карлайлу и, взяв его за руку, повторила. — Спасибо. Большое вам спасибо...

Карлайл подвёл её к машине и открыл заднюю дверцу.

— Забирайся и устраивайся поудобнее. Нам ехать не меньше двух часов.

Энжи заглянула внутрь, оглядела роскошный салон, потом себя.

— Я же вам всю обивку испорчу! А подстелить ничего нет? И вообще, может, мне лучше на пол сесть? Если кто-то увидит меня в окно, в таком виде, он же может и полицию вызвать. А зачем вам из-за меня неприятности?

— На пол тебе садиться не нужно, но и выставляться напоказ тоже не стоит, тут ты права. Пожалуй, будет лучше, если ты ляжешь на сиденье. И не бойся за обивку — почистить её не проблема.

Девочка без возражений забралась на заднее сиденье, предварительно пошаркав ногами по траве и похлопав ладошками по своей одежде, тщетно пытаясь хоть немного стряхнуть с себя грязь. Там она свернулась калачиком и, не успела машина тронуться, уже мирно сопела, примостив голову на согнутую руку.

— Умаялась, бедняжка, — с жалостью проговорила Эсми, наблюдая за ней в зеркало заднего вида. Столько всего сегодня перенесла, не всякий взрослый сохранил бы рассудок. А ведь она — совсем ещё ребёнок!

— Кто знает, может в этом ей как раз повезло? Детский разум более гибкий, чем взрослый, он легче адаптируется ко всяким изменениям и переносит стрессы. Ну что ж, мы постараемся сделать всё, чтобы эта малышка как можно быстрее вернулась к нормальной жизни и вновь стала обычным ребёнком. Хотя, пожалуй, слова «нормальный» и «обычный» к данной ситуации совершенно не подходят.

— Может, позвонить домой, предупредить, что везём нового члена семьи?

— Думаю, что это лишнее. Я уверен, что Элис уже всё увидела и рассказала остальным. Вот увидишь, к этому моменту наши девочки уже развили бурную деятельность, готова для Энжи комнату, одежду, еду и всё, что ей может ещё понадобится. Что ж, я надеюсь, ты рада, что наша семья увеличилась.

— Да. Я уверена, что не зря именно мы нашли эту удивительную девочку. Значит, так распорядилась судьба. И я рада, что у нас появилась ещё одна дочь.

— Но ты понимаешь, что в любой момент могут появиться её настоящие родители? И мы её потеряем.

— Я всё понимаю. Но это может произойти и не скоро. Но пока мы нужны ей — мы будем её семьёй.

«Где ты? Где ты? Отзовись!»

Голоса звучали в моей голове. Много голосов.

«Отзовись! Пожалуйста, отзовись!»

Мужские голоса. Юные и взрослые.

«Пожалуйста, отзовись!»

Голоса сливались в непрерывный гул. В них звучало такое отчаяние, такая безнадежность, что моё горло перехватило от сострадания. Вокруг была темнота. Я не знала, где я, кто я, что я... Не было ничего, только темнота и голоса. Кого они звали? Меня? Но почему в них звучит эта щемящая безнадежность, словно ответа услышать они не надеются.

«Где ты? Где же ты?»

«Я здесь! — хотелось мне крикнуть в ответ. — Успокойтесь!»

Но я не могла крикнуть. Я даже прошептать не могла. У меня не было языка. Не было рта. У меня ничего не было. Меня не было!

«Отзовись. Пожалуйста, отзовись...»

Мне хотелось зажать уши, чтобы не слышать отчаяния, звучащего в каждом слове. Не надо! Уйдите! Я не хочу вас слышать, не хочу чувствовать вашу боль.

«Где же ты? Пожалуйста, отзовись! Где ты... где ты... где ты...»

— Просыпайся, — женский голос ворвался в хор мужских. — Мы приехали. Просыпайся, Энжи.

Чья-то рука погладила меня по голове. У меня есть голова! Я её чувствую! Я чувствую всё своё тело!

Голоса мужчин стали удаляться, постепенно стихая.

«Отзовись...»

Я открыла глаза. Сон. Это был просто сон...

Я узнала лицо, склонившееся надо мной. Эсми, жена доктора Каллена. Очень красивая, очень добрая. Именно такой все дети видят свою маму. Теперь она станет моей мамой. Надолго ли? Я не знаю. Но я рада, что не одна, рада, что у меня будет семья. И если бы выбирала себе родителей сама, вряд ли мой собственный выбор был бы удачнее, чем тот, что сделала за меня судьба. Скорее всего, где-то есть мои настоящие родители, но я их не помню, а значит, они как бы не существуют. Теперь у меня новая семья, родители и пятеро братьев и сестёр — других подробностей о них я так и не успела узнать, так неожиданно уснув. И сейчас мне предстоит знакомство с ними. И ещё неизвестно, как они меня встретят....

— Ты плачешь? — голос Эсми звучал взволновано.

Я плачу? Провела рукой по щеке — она влажная. Видимо я действительно плакала. Третий раз за день. Это слишком много. Меня примут за плаксу, а этого допустить нельзя! Доктор Каллен сказал, что их дети — старшеклассники, а подростки не прощают слабостей. Нужно взять себя в руки.

Я быстро размазываю слёзы вместе с грязью по лицу — хуже уже не будет. Потом делаю глубокий вдох и улыбаюсь Эсми.

— Всё в порядке. Видимо, что-то приснилось.

Потом сажусь и выглядываю из окна машины. Она стоит возле прекрасного старинного трёхэтажного дома — других домов поблизости не видно, только лес. Укромное местечко, подальше от людских глаз. Как раз подходящее, чтобы спрятаться такому монстру, как я. Не

человеку. Я даже не знаю, кто я такая. Возможно, я опасна для тех, кто рядом. Но, насколько мне известно, вампиров хрупкими созданиями не назовёшь, так что, надеюсь, у них хватит сил справиться со мной, если я вдруг стану опасной. Доктор прав — людям мне показываться нельзя, пока я не научусь вести себя обычно и незаметно. Вот только знать бы ещё, какие мои действия меня выдают. Судя по тому, как Каллены постоянно переглядывались — все. Что бы я ни делала, я делала это не так, как надо. Надеюсь, здесь меня научат тому, как НАДО.

На крыльце стояли две девушки. Обе невероятно прекрасные, но при этом абсолютно разные. Одна — высокая блондинка с великолепной фигурой и водопадом длинных волос, другая — невысокая, изящная брюнетка с коротко постриженными волосами. Блондинка держалась несколько надменно, а брюнетка лучилась улыбкой и была подвижна как ртуть. Она мгновенно оказалась возле машины и заглянула внутрь, встретившись со мной глазами. Какое-то время мы молча рассматривали друг друга. В это время блондинка подала голос — очень красивый, но при этом очень недовольный.

— Карлайл, кого вы привезли? И зачем?

— Кого? — удивлённо переспросил доктор. Потом повернулся к машине и обратился к брюнетке. — Я думал, что ты увидела, всё, что с нами произошло, и уже рассказала остальным.

Та покачала головой, продолжая рассматривать меня.

— Я ничего такого не увидела. Обычная охота, ничего нового. Странно.... Ладно, попробую ещё раз. — Она зажмурилась и наморщила лоб.

Вдруг у меня перед глазами появилась картинка.

Большой торговый центр. Мы с брюнеткой идем по нему, пробираясь сквозь толпу. Точнее, она целенаправленно пробирается, ведя меня за руку, а я тащусь у неё на буксире и ною.

— Ну, Элис, ну может, уже хватит? У нас вся машина забита пакетами с одеждой, мы же сами в неё уже не поместимся. Я столько одежды за всю жизнь не сношу. И столько обуви.

— *Остался последний штрих, и твой гардероб можно будет считать полным,* — отвечает мне она, не прекращая лавировать среди покупателей. — *Это точно самый последний отдел, обещаю!*

— *Ты это последние два часа обещаешь! Я уже есть хочу.* — Тут Элис сворачивает в отдел, и у меня падает челюсть — вокруг всё розовое. Платья, блузки, юбки, развешанные вокруг, и девочки-подростки, роющиеся в них. И рюшечки, вышивки, стразики повсюду! Я решительно останавливаюсь в дверях. Элис машинально тянет меня внутрь, но сдвинуть с места не может. Я разворачиваюсь и уже сама тащу её за собой, бормоча:

— *Нет уж, Барби из себя я сделать не позволю.*

Я моргнула и видение исчезло. Что это было? Я что, ещё и будущее могу видеть? По моему, это уже перебор. Впрочем, если это так, то одно хорошо — с брюнеткой, а точнее с Элис, — мы подружимся. Что же, это можно легко проверить. Кажется, Каллены не называли мне имён своих детей.

— Знаешь, Элис, — начала я и увидела, как глаза старших Калленов буквально полезли на лоб. — Я поеду с тобой в торговый центр за одеждой только при условии, что ничего розового ты мне покупать не будешь!

— Как ты узнала её имя? — не удержалась от вопроса Эсми. — Мы же тебе его не

говорили!

— «Просто знаешь и всё»? — с иронией подхватил Карлайл, было видно, что это очень его заинтересовало.

— Нет, — я покачала головой, — Не знала. Вы хотите сказать, что я права? И тебя действительно зовут Элис? — и я вновь взглянула на брюнетку.

— Угадала, — улыбнулась та. — Но как? И сама-то ты кто?

В это же время я услышала тихий шёпот блондинки — видимо, она рассчитывала, что я её не слышу:

— Зачем вы привезли сюда человека? Вы с ума сошли?

— Меня зовут Энжи. По крайней мере, я ношу это имя последние несколько часов. — Сказав это, я повернулась к крыльцу, на котором всё ещё стояла блондинка, видимо, не желая ко мне приближаться. Похоже, с ней мы вряд ли станем лучшими подругами. — И я — не человек.

Ответом мне был ошеломлённый взгляд. Уж не знаю, что её удивило больше — то, что я её услышала, или мой ответ. Возможно, что и всё вместе, а так же что-то ещё, мне неизвестное.

— Она действительно, НЕ человек, Розали, — подхватила Элис, даже не обернувшись. Она продолжала внимательно меня рассматривать. — Ты только понюхай её! Я в жизни не встречала такого необычного запаха. Я чувствую как пахнет её кровь, но этот запах вообще не вызывает у меня жажды. То есть абсолютно! Я вообще жажду не испытываю, даже обычную. Это что-то невероятное! Где вы её взяли? — этот вопрос уже предназначался родителям, но, отвернувшись на мгновение, она вновь уставилась на меня. — И почему ты такая чумазая и в крови? Что произошло с твоей одеждой? Кажется, у нас одинаковый размер, хотя сложно сказать — твою фигуру практически не видно под этими лохмотьями. Но я уверена, что подберу тебе что-нибудь подходящее переодеться. Не можешь же ты и дальше ходить в таком виде. И ты не ответила, откуда узнала моё имя. — Снова взгляд в сторону родителей. Эсми за это время успела выйти из машины и стояла рядом с Карлайлом и Розали. — А почему я не видела, что вы её привезёте. Я видела вас на охоте, потом вы ехали домой в машине. Одни. Правда, вы почему-то задержались почти на час на какой-то поляне, но я решила, что просто вам зачем-то этого захотелось, ну и ладно. Так что же произошло?

Я с улыбкой слушала её. Элис нравилась мне всё больше. Живая и непосредственная, она говорила то, что думала, перескакивая с одной темы на другую. Моё видение меня не обмануло — мы действительно подружимся. Я уже испытывала к ней большую симпатию, в отличие от её надменной красотки-сестры.

Наконец, видимо, не выдержав, Карлайл умудрился-таки вставить реплику в её монолог.

— И как мы должны ответить на твои вопросы, если ты не даёшь нам слово вставить?

— Ой! Ну конечно! Извините, — забормотала Элис. — Ну, рассказывай же, не томи!

— Я хотел дождаться ребят, чтобы рассказать всё один раз, но ты ведь не утерпишь?

— Да они могут ещё не скоро вернуться. Я к тому времени умру от любопытства!

И Карлайл начал рассказ. Время от времени Эсми вносила дополнения. Я слушала с том, как меня нашли, и как я выглядела при этом, что говорила и что делала. По удивлённым восклицаниям девушек и недоверчивым взглядам в мою сторону, начала постепенно осознавать, насколько же я не такая как все. Любое моё действие подтверждало это. И ещё моё видение. До него мы пока не дошли, но разобраться с этим всё же было надо.

Наконец, рассказ Калленов подошёл к концу. За это время я вылезла из машины и тоже подошла к четвёрке, стоящей возле крыльца. Элис приблизилась ко мне, в её взгляде, светилось доброжелательное любопытство. Розали же, наоборот, слегка отступила. Не демонстративно, а скорее машинально, и смотрела на меня не то чтобы с опаской, но настороженно, как смотрят на незнакомую собаку — вроде бы она сейчас спокойна, но кто знает, чего от неё ждать, вдруг бросится? Я не осуждала её за это, судя по всему, я действительно вполне могла оказаться чем-то потенциально опасным.

Остался нерешённым последний вопрос.

— Итак, — вновь повернулся ко мне Карлайл. — Как тебе удалось узнать имя Элис?

— И про торговый центр? — встряла Элис. — У меня возникла такая мысль, но как ты догадалась?

Я тяжело вздохнула. Вот и началось то, чего я так опасалась. Ну как им это объяснить, если я сама ничего не понимаю?

— У меня было видение. Мы с тобой в торговом центре. Ты покупала мне одежду и хотела нарядить как Барби. Я называла тебя Элис.

— Видение? У тебя? Ничего себе! Я думала, что одна такая.

— А что ещё ты видела? Были у тебя другие видения? — Карлайл тоже с трудом пришёл в себя от удивления.

— Нет, только одно. В тот момент, когда Элис посмотрела на меня пристально, я это и увидела. Раньше со мной такого не было. Хотя откуда мне знать, чего раньше не было, а что было?

— В тот момент я пыталась увидеть твоё будущее, но не увидела ничего. И как Карлайл и Эсми тебя нашли — тоже. Ничего не понимаю. Если бы я просто их не видела, но я их видела, но без тебя.

Элис была в полном недоумении. Судя по лицам — остальные тоже. До меня дошло, что Элис — ясновидящая. Она видит будущее своих родных, но не меня. Неужели я — тоже? Совпадение было слишком уж невероятным. Возможно, всему этому найдётся какое-нибудь разумное объяснение, но пока я ничего не понимала.

Я почесалась, стараясь сделать это как можно незаметнее. Кровь и пыль смешались на мне в грязь, и, засыхая, она превратилась в корку, от которой всё тело безумно зудело. Но мои осторожные телодвижения не остались незамеченными — разве от вампиров такое скроешь.

— Так, хватит! — вмешалась в разговор Эсми. — Всё это может подождать, а Энжи немедленно надо принять ванну. Потом будем решать все проблемы, сейчас важнее другое.

— Верно, — воскликнула Элис, — чур, одежду ей я выберу сама! — И, схватив меня за руку, потащила к двери. Розали молча посторонилась, пропуская нас. Тащась на буксире за Элис, я подумала — а ведь мне это уже знакомо. Похоже, это станет для нас привычным способом передвижения.

— Ничего розового, — пробормотала я, вслед за ней заходя в дом.

Глава 1. Преображение. Часть 2

Мы быстро поднялись на третий этаж — я едва успевала оглянуться по сторонам. В целом от обстановки дома у меня осталось впечатление света и простора. Подробнее разглядеть не успела, но сейчас не это было для меня самым важным. Зуд всё усиливался, особенно чесалась голова — я не видела себя в зеркало, но представляла на ощупь, что

творится с моими волосами. Элис завела меня в большую просторную спальню, а потом сразу — в шикарную ванную комнату, оборудованную всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами. Моё внимание сразу же привлёк унитаз, скромно примостившийся в углу. Зов природы моментально дал о себе знать, заставив забыть даже о чесотке во всём теле. Элис, выпустив мою руку, рылась в шкафчиках, доставая большие пушистые полотенца, шампунь, ещё какие-то флакончики.

— Элис, ты не могла бы выйти?

— Нет, я тебе помогу. Сама ты свои волосы точно не отмоешь. Не хотелось бы в итоге их состригать. И не нужно стесняться — в конце концов, мы обе девочки, не правда ли?

— Элис! — я, молча, показала глазами в угол комнаты.

— Ой, ну конечно! Как же я сразу не сообразила. Видимо, в тебе не так уж мало от человека. Ладно, потерпи ещё секундочку, я сейчас.

И, действительно, через секунду она вновь появилась и протянула мне неначатый рулон туалетной бумаги.

— Вот, держим на всякий случай в ванной для гостей. Самим-то нам это не нужно. Правда, гостей у нас не бывает, но лучше уж быть ко всему готовыми, верно?

— Верно, — согласилась я, забирая бумагу и выжидательно глядя на неё.

— Всё-всё, ухожу! Поищу пока, во что тебя переодеть. И позови меня, как будешь готова. Имей в виду — через десять минут я войду сама!

Я кивнула, и она исчезла за дверью. Быстро разделавшись с одной настоящей потребностью организма, я тут же почувствовала другую. Открыв холодную воду, я припала к крану и начала жадно пить. Странно, что до этого я не ощущала такой сильной жажды. Видимо, стресс от всего произошедшего притушил на время все остальные чувства. А теперь, когда я наконец-то расслабилась и почувствовала себя в безопасности, смогла думать о более приземлённых вещах. Я долго пила и никак не могла напиться. Наконец, когда мне стало казаться, что вода вот-вот польётся у меня из ушей, я оторвалась от крана, быстро скинула лохмотья, ещё каким-то чудом держащиеся на мне, и встала под душ.

Закрыв глаза, я задержала дыхание и подставила лицо под тёплые упругие струи воды. Пытаясь смыть с себя всю грязь, я старалась не вспоминать то кошмарное создание, которое мельком увидела в зеркало. Как Каллены вообще решились впустить такое чудовище в дом, не то, что в семью? Из зеркала на меня взглянуло нечто, похожее на зомби, только что вылезшее из могилы, где пролежало минимум месяц. Кровь и грязь коркой покрывали и тело, и одежду, и волосы — я вся была одного цвета — мерзко-бурого. Надеюсь, когда я отмоюсь, то уже не буду так ужасно выглядеть. Хотя, кто знает, какой монстр может скрываться под всей этой маскировкой. Возможно, грязь даже сделала меня привлекательнее.

— Я захожу, — услышала я голос Элис. — Ты как, в порядке?

— В полном — пробормотала я, и для этого мне пришлось набрать воздуха в лёгкие. О, господи, я что, всё это время не дышала? Это ведь ненормально! Так люди не могут, это понимала даже я. Да кто же я такая, в конце-то концов?!

В это время Элис вошла и стала наполнять ванну, что-то напевая себе под нос. В воздухе запахло персиком. Я старательно скреблась прихваченной мочалкой, надеясь, что если отмоюсь сама, то она откажется от идеи мыть меня. Я всё же не младенец, к тому же имела некоторую гордость — уж с такой-то ерундой я и сама в состоянии справиться. Правда, после моих лихорадочных попыток отмыть волосы, они окончательно спутались в мочалку.

Видимо, стрижки всё же не избежать.

— Ванна готова, — услышала я голос Элис. — Вылезай из-под душа и марш сюда! Если ты так уж стесняешься, то я отвернусь. И без возражений. А то я сама тебя притащу. Я гораздо сильнее тебя, так что ты должна меня слушаться!

Вспомнив своё видение, я в этом усомнилась. Возможно, я сильнее. Но я не стала возражать и, выйдя из душевой кабинки, быстро уселась в ванну, подтянув колени к груди. Может, мы обе и девочки, но я всё равно немного стеснялась.

Элис занялась моими волосами, и я расслабилась и прикрыла глаза. Она действовала осторожно, разбирая их прядь за прядью, чуть ли не по волоску. Я едва не задремала, расслабленная тёплой водой и ласковыми руками, взбивающими на моей голове пышную пену. Но тут Элис, видимо закончив с моими волосами, взялась за мочалку и прошлась ею по моей спине, там, где сама я дотянуться не смогла. От этого я моментально взбодрилась, спать уже точно не хотелось.

— Готово. Иди под душ и смой с себя пену. А потом выходи в комнату — я там подобрала кое-что из одежды, посмотрим, что тебе подойдёт. Вот полотенца, вот халат, я тебя жду. — И она выпорхнула из ванной, оставив меня сидеть в облаке пахнущей персиком пены.

Когда спустя пару минут я вытиралась, то заметила, что полотенце за что-то цепляется. На ощупь я обнаружила у себя на шее цепочку с кулоном. Странно, что я не заметила её раньше. Даже сейчас, обнаружив её и ощупывая пальцами, я совершенно не ощущала её на коже. Либо я такая толстокожая, либо ношу её так долго, что перестала замечать, а вероятнее всего — и то и другое сразу. Я попыталась рассмотреть кулон и не смогла. Цепочка была слишком короткой — чуть длиннее окружности шеи, и, наклонив голову, я упёрлась в кулон подбородком. Тогда я попыталась её снять. Новая странность — у цепочки не было застёжки, а через голову снять её было абсолютно невозможно. Как я вообще её надела? В голову пришла только одна возможность — эту цепочку на меня надели, когда я была ещё младенцем, и с тех пор я ношу ее, не снимая. Видимо, это не просто украшение, оно что-то означает, возможно — что-то важное. На ощупь кулон представлял собой овал, в который было вписано какое-то ажурное изображение. Определить, что это, я не могла, но и подходить к зеркалу не хотелось — во мне ещё сидел страх перед монстром, которого я могу там увидеть. Нет уж, не горит, я вполне могу подождать. Потом как-нибудь я рассмотрю свой кулон поближе, но не сейчас. Сейчас меня ждёт Элис.

Элис не просто меня ждала — она ждала меня во всеоружии. Огромная кровать, стоящая среди комнаты была завалена одеждой. Элис увлечённо рылась в ней, сортировала, соединяла в комплекты — короче делала что-то, что мне казалось излишним. Достаточно было бы нескольких вещей — я же не на показ мод собралась. Заметив моё присутствие, Элис повернулась ко мне, держа в руках нечто модное и изящное. Так, всё ясно. Похоже, в детстве она не наигралась в куклы и собирается сделать из меня подходящую замену. Ну, уж нет! Если уступить хоть раз, потом она так и будет меня наряжать, а мне почему-то совсем этого не хотелось. Решительно обойдя свою новую сестру, я начала сама рыться в куче одежды. Вытащив джинсовые шорты и самую простую футболку, которую смогла отыскать среди дизайнерских вещичек Элис, я вновь направилась в ванную.

— Стоп! — раздалось у меня за спиной. — Уж это-то тебе точно понадобится.

Развернувшись, я увидела у неё в руках шёлковые кружевные трусики, которыми она помахивала у меня перед носом. О, господи! Неужели мне придётся ЭТО надеть? Видим

все эти мысли отразилось на моём лице, потому, что Элис захихикала, потом метнулась к комоду, что-то оттуда достала и бросила в меня. Я машинально поймала это, мельком отметив, что не затратила абсолютно никаких усилий, просто протянула руку, и предмет тут же оказался в ней. Потом присмотрелась к своей добыче. Это была невскрытая упаковка, а в ней — простенькие на вид трусики-неделька. Хотя, судя по всему, они были далеко не простыми — и лейбл известной фирмы это подтверждал. Видимо, с кружевным бельём Элис просто пошутила.

Быстро переодевшись и расчесав волосы пальцами — расчёски в ванной я не нашла, — я вновь вышла в спальню. За это время комната приняла прежний вид — гора на кровати бесследно исчезла. Элис, вооружившись феном, ждала меня у туалетного столика. Понимая, что спорить бесполезно, я уселась в кресло, всё еще отворачиваясь от зеркала. Элис занялась моими волосами, суша и расчёсывая их, осторожно и ловко распутывая неизбежные в этом случае узелки. Всё это время она щебетала о том, как мне понравится у них жить, как она рада новой младшей сестрёнке — потому, что до этого младшей официально считалась она, как повезёт меня в Сиэтл за покупками, как весело нам будет вместе ходить по магазинам — и так далее в том же духе. При этом она сознательно избегала более серьёзных тем — о моем невероятном появлении и обо всех моих странностях. Видимо не хотела тревожить меня лишний раз — о проблемах можно будет поговорить и позже. Я была ей за это благодарна — мне хотелось просто расслабиться и жить дальше в чудесной семье, которая меня приютила.

Наконец Элис закончила колдовать над моими волосами. Я продолжала упорно смотреть мимо зеркала.

— Не хочешь на себя взглянуть?

Я помотала головой.

— А почему? Я так старалась, а тебе даже не интересно?

— Я боюсь, — едва слышно прошептала я.

— Боишься? Но чего?

— А вдруг я чудовище.

— Какие глупости! Да ты просто куколка! Уж поверь, я знаю толк в красивых мордашках, и скажу тебе следующее: ты — просто очаровашка! Ну же, давай! Взгляни на себя! Смелее.

Я подняла глаза и впервые увидела своё лицо. От облегчения и приятного удивления мои губы сами собой расплылись в широкую улыбку. Да, я действительно хорошенькая. Из зеркала на меня взглянуло юное девичье лицо с высокими скулами и нежным слегка заострённым подбородком. Про такое ещё говорят — «лицо сердечком». Небольшой изящный носик, чуть курносый, пухлые губы — нижняя губа заметно полнее верхней, небольшая родинка чуть выше левого уголка губ, ой, то есть правого, я же в зеркало смотрюсь. И глаза. Большие, красивой формы, опущенные густыми длинными, чёрными ресницами, которые выглядели накрашенными на фоне светлых волос. Но я-то прекрасно знала, что их никто не красил, они чёрные от природы, как впрочем, и брови. Интересное и необычное сочетание. Ну, в конце концов, чему же тут удивляться — что во мне вообще было обычного?

Но самым невероятным был цвет глаз. Они были ярко-синие, не тёмные и не голубые, а насыщенного сапфирового цвета. Кожа на лице была нежной, бархатистой, абсолютно чистой и здоровой — никаких подростковых прыщей и угрей, хотя откуда же им взяться — я же регенерирую. Уши маленькие, аккуратные, прижатые к голове. Не проколотые. Это тоже

вполне логично. И волосы. Они были светлыми, но не пепельными или белокурыми, а золотистыми, густыми и блестящими, и падали на плечи крупными локонами. У висков Элис прихватила их заколками, чтобы не падали на лицо. Да, я была куколкой, как образно выразилась Элис, лучшего слова и не подберёшь. Что же, похоже, я прекрасно впишусь в эту семью красавиц, и не буду сильно выделяться на их фоне, даже несмотря на нежный румянец на щеках.

В этот момент я встретилась взглядом с Элис, пристально глядевшей на меня. Такой же взгляд у неё был в прошлый раз, когда.... Я не успела додумать, как на меня нахлынуло новое видение.

Я крадусь вдоль дома Калленов к целующейся парочке. Это Элис и высокий светловолосый парень, который приподнял её и держит на весу. Они ничего вокруг не замечают, поэтому мне удаётся подкрасться незаметно, и я в прыжке (иначе не дотянуться) прикалываю парню к волосам заколку с пышным розовым бантом. Развернувшись практически на лету, я удираю прочь от них, слыша за спиной его чертыхания и её заливистый смех. Неподальёку, скрестив руки на груди, стоит другой парень, черноволосый здоровяк, со смехом наблюдающий за происходящим. Я на бегу цепляюсь за него и, сделав вираж, прячусь за его спину. Потом выглядываю из-под его локтя и наблюдаю, как светловолосый, сердито глядя на меня, сдирает с головы бант, а Элис, давась от смеха, уговаривает его:

— Не надо, Джаспер, тебе идёт! Ты с ним такой гламурный!

— Ну, всё, Кнопка, теперь тебе придётся спать вполглаза. Иначе рискуешь однажды проснуться с зелёными волосами, — предупреждает меня здоровяк.

— Не-а, ничего он мне не сделает! — возражаю я. — Во-первых, Джаспер считает себя выше того, чтобы реагировать на шалости «ребёнка», каковым он меня считает. А во-вторых, Элис ему не позволит — ей слишком нравятся мои волосы. Так что не волнуйся за меня, мне бояться нечего.

Парочка уже удалилась, поэтому я тоже выбираюсь из своего укрытия. Джаса мне действительно бояться нечего — я видела, что, несмотря на грозный вид, в глазах у него искрились смешинки. К тому же, он сразу поймёт, что был всего лишь отвлекающим манёвром, когда увидит наклейку на футболке Эммета, ловко прицепленную мной, когда я якобы пряталась у него за спиной. Яркая картинка в районе правой лопатки — Тинкербелл и надпись крупными буквами: «Я ФЕЕЧКА». И всё такое блестящее и переливающееся, что привело бы в экстаз любую уважающую себя пятилетнюю девочку. Интересно, как долго он проходит в таком виде? И что будет, когда он наконец-то эту наклейку обнаружит? Пожалуй, совет о сне вполглаза был совсем неплох.

— Да что же это такое! Снова ничего не вижу! — слышу я раздосадованный голос Элис, и видение исчезает.

— Твоего парня зовут Джаспер, он высокий блондин, верно? А ещё есть Эммет — мускулистый, с чёрными кудрями. Это один из братьев, да? — спрашиваю я, и вижу потрясение на лице Элис. Сегодня это уже стало привычным для меня — вводить всех в ступор.

— Но как? — у неё, похоже, не хватает слов. А до меня стало доходить.

— Кажется, я поняла. У меня появлялись видения только тогда, когда ты пыталась увидеть моё будущее. Похоже, что я вижу его вместо тебя.

— Ничего себе, — ошеломлённо бормочет Элис. — Я с таким ещё не сталкивалась.

Видишь вместо меня, ну надо же. — Постепенно удивление сменялось любопытством. — А что ты увидела на этот раз?

Я пожала плечами.

— Ничего особенного. Ты целовалась с Джаспером. Я шалила. Подшучивала над ним. Эммет меня в этом поддерживал. Он вёл себя со мной как старший брат, поэтому я решила, что он — один из детей Карлайла и Эсми. Я права?

— Права. Но Джаспер тоже один из братьев.

— Ты целовалась с братом? — моему удивлению не было предела. — Знаешь, я бы не назвала этот поцелуй братским.

Элис рассмеялась.

— Знаешь, мы ведь на самом деле все не родные. По крови, по крайней мере. Просто мы объединились в семью, и для посторонних считается, что мы, младшие — приёмные дети Карлайла и Эсми. Они действительно стали нам родителями, ведь своих все мы давно лишились. Но на самом деле Джаспер — мой муж, а Эммет — муж Розали. Просто мы скрываем это, поскольку пока ещё считаемся подростками.

— И никто ничего не замечает? Как вам удаётся скрывать ото всех свои отношения. Вы ведь часто бываете среди людей, верно?

— Очень часто. Мы ведь ходим в школу. Да-да, в обычную школу, хотя у каждого по несколько высших образований за плечами. И мы не так уж и скрываем свои отношения. Видишь ли, дело в том, что официально Джаспер и Розали считаются близнецами и племянниками Эсми, которых она взяла к себе, когда они осиротели.

— Логично. Они оба блондины, — кивнула я.

— А я, Эммет и Эдвард — усыновлённые — продолжила Элис. — Поэтому мы можем вступать в брак, не нарушая никаких законов. И мы периодически делаем это, — улыбнулась она.

— Ты сказала — Эдвард? Ещё один брат? А он тоже женатый?

— Нет, Эдвард у нас одиночка. За всё это время так и не встретил свою единственную. Ведь в отличие от людей, мы выбираем пару один раз и на всю жизнь. А жизнь у нас, как ты понимаешь, очень долгая. Не всем везёт так, как Розали с Эмметом. Остальным тоже пришлось долго ждать встречи со своей половинкой. Надеюсь, в своё время и Эдвард встретит, наконец, ту, с кем будет счастлив. Он уже так долго один.

— Ха, — мне в голову пришла мысль, позабавившая меня. — Получается, что в вашей семье только у Эдварда четверо братьев и сестёр, а у всех остальных — лишь по трое?

— Ну, с твоим появлением у меня тоже их стало четверо. — Элис приобняла меня за плечи. — Так, обувайся, и пойдём, покажем остальным, какая ты у нас красавица.

К счастью, размер обуви у нас почти совпадал. Проигнорировав туфли и босоножки Элис, я выбрала тенниски, и надела их на два носка — моя нога всё же была чуть меньше. Шнуруя их, я решила не говорить Элис, что с моим появлением братьев и сестёр у Эдварда станет пятеро — так что в этом он вновь опережает её. Когда я была готова, Элис, вновь взяв меня за руку, повела вниз, хвалиться мною перед моей новой семьёй.

Глава 2. Первая встреча. Часть 1.

За то время, что мы отсутствовали, в доме появились остальные члены семьи. Видимо, вернулись с охоты. А Эсми уехала — похоже, за продуктами для меня. Я слышала, как подъехала и отъехала машина, как Карлайл рассказывал сыновьям новости, но не

вслушивалась, сосредоточившись на разговоре с Элис. Я немного волновалась перед встречей с парнями. Мне очень хотелось поскорее познакомиться с Эмметом — судя по всему, он станет прекрасным старшим братом. Немного волновалась, как меня встретит Джаспер — почему-то казалось, что моё появление в семье не приведёт его в большой восторг. И, конечно, мне любопытно было взглянуть на Эдварда — единственного члена семьи, которого я пока не видела. Мы с Элис быстро ссыпались по лестнице, но перед последним пролётом она притормозила и медленно, даже немного торжественно, свела меня по ступеням, словно демонстрируя всем. Застыв на последней ступеньке, я обвела глазами огромную светлую комнату, и всех, кто в ней находился.

Первыми я заметила Розали и Эммета — обнявшись, они сидели на кушетке перед телевизором — кажется, шли новости — и заслышав наши шаги, повернулись, внимательно глядя на меня. Эммет широко и добродушно улыбался, в слегка насторожённом взгляде Розали мелькнуло одобрение, видимо, вызванное моим преображением. Карлайл поднял глаза от монитора компьютера — в них я увидела явное изумление. Неужели он ожидал, что и отмытая, я останусь такой же страшилкой? Вряд ли. Тогда что же его так удивило? Прислонившись к колонне, стоял Джаспер, устремив на меня пристальный взгляд. И вдруг на меня нахлынуло чувство насторожённости и недоверия, волнами идущее от него, которое постепенно сменилась недоумением, а потом растерянностью. Я тоже растерялась. Что происходит? Почему я чувствую то, что чувствует он? Ещё один дар? Но почему я не чувствую эмоции остальных? К тому же ощущать то, что чувствуют другие — даром это явно не назовёшь, скорее это проклятье. Так, спокойно, всё по порядку, выясним и это.

Джаспер повернул голову и вопросительно взглянул куда-то в угол комнаты. В ту же секунду, как он перестал на меня смотреть, все посторонние эмоции, которые я ощущала, исчезли, словно их выключили. Машинально я перевела взгляд туда же, куда и он. Там, на небольшом возвышении, стоял рояль, за которым сидел ещё один парень с каштановыми волосами — видимо, это и был Эдвард. Я поняла, что негромкая красивая музыка, которую я слышала последнее время — это вовсе не запись. Его пальцы легко порхали над клавишами, а сам он в тот момент переглядывался с Джаспером, пожимая плечами и качая головой. Уж не знаю, что означала данная пантомима, но она явно имела отношение ко мне. Я вновь перевела взгляд на Эммета и робко улыбнулась ему. Хоть кому-то моё появление доставило положительные эмоции. И в этот момент в моей голове зазвучали слова: «Ничего не слышу. Просто невероятно. Со мной ещё никогда такого не было. В чём дело? И Элис тебя не видит. И Джаспер не чувствует. Да кто же ты такая?». Мне стало нехорошо, и я, слегка покачнувшись, уцепилась за руку Элис. Ну, сколько можно! Ещё и мысли чужие слушать. Не надо! Я не хочу! Я хочу быть нормальной!

Элис подхватила меня, а через мгновение рядом был Карлайл. В следующую секунду я уже сидела на софе — Розали и Эммет подвинулись, уступая мне место. Я даже не поняла, кто меня перенёс. Обхватив голову руками и зажмурившись, я ждала, когда головокружение пройдёт. Меня трясло. Я понимала, что реагирую не слишком адекватно, просто весь день, с момента пробуждения на поляне, я загоняла страх внутрь. Всё больше убеждаясь, насколько я иная, я всё же старалась держать себя в руках, успокаивая, что всё в порядке, не так уж всё и страшно. Но чтение чужих чувств, а потом и мыслей — и всё это меньше чем за минуту, — стало последней каплей. Чего мне ждать дальше? Какое умение вынырнет следующим? И будет ли оно безопасным для меня и окружающих? Может, не зря кто-то пытался меня убить? Может, уничтожить меня — единственная возможность обезопасить этот мир? От

всех этих мыслей мне захотелось разреветься, завизжать, начать крушить всё вокруг, и, в то же время — заползти в глубокую-глубокую нору, свернуться там калачиком и не шевелиться, чтобы никто не смог меня найти. Чувствуя, как накатывает истерика, я постаралась подавить её, сделав несколько глубоких вдохов.

Я почувствовала, как Элис, присев рядом со мной, обняла меня и гладит по голове. Я уткнулась лбом ей в плечо, чувствуя необходимость в чьей-нибудь близости и защите.

— Что случилось — голос Карлайла звучал взволновано. — Тебе плохо?

— Опять видение? — это уже Элис. Я помотала головой, не отрываясь от её плеча и не открывая глаз, и забормотала:

— Не видения. Это что-то другое. Я слышала чужие мысли. Я чувствовала чужие эмоции. Это неправильно. Это ненормально. Мне страшно.

— А что именно ты слышала? Чьи мысли?

— Не знаю, чьи. Просто услышала голос в голове: «Почему я не могу услышать её мысли? Кто она такая?» И почувствовала, как Джаспер сначала был насторожён, а потом растерялся. Почему я это слышала?

— А сейчас ты слышишь что-нибудь? — не отвечая на мой вопрос, продолжала расспрашивать Элис. Было такое чувство, что она хочет в чём-то убедиться и ждёт подтверждения своей теории.

— Сейчас — нет, — я подняла голову и огляделась. Карлайл присел на корточки перед диваном и с тревогой наблюдал за мной. Джаспер и Эдвард стояли с другой стороны, у нас за спиной. Мне стало неудобно за то, что заставила всех волноваться и суетиться вокруг меня. И вдруг это снова произошло. Я почувствовала, что Джаспер взволнован, а потом он вдруг резко успокоился и расслабился. В то же время в голове у меня зазвучали слова: «Бедная малышка. Что же с тобой не так? Как бы я хотел услышать, о чём ты сейчас думаешь. Почему же у меня ничего не выходит?». Застонав, я вновь уткнулась в плечо Элис и зажала уши руками, понимая, что это не поможет — голос звучал у меня в голове.

— Ну вот, опять, — прохныкала я.

— Так, Джаспер, Эдвард, прекратите сейчас же! Вы её пугаете!

— Что прекратить? — синхронно спросили они.

— Использовать на Энжи свой дар!

Я вскинула голову. «Свой дар»? У них тоже есть дар, как у Элис? Та, видя удивление окружающих, попыталась объяснить.

— У меня есть теория, но я хочу кое-что уточнить. Энжи, постарайся точно вспомнить, что именно ты сейчас почувствовала и услышала?

— Ну, Джаспер сначала волновался, а потом успокоился, а услышала.... Ну, в принципе всё то же самое: «Почему я тебя не слышу?». Да, и ещё: «Бедная малышка». А какое это имеет значение?

— Большое! — хмыкнула она и повернулась к Джасперу. — Ну? Так и было?

— В общем-то, да. Я хотел успокоить её, но вдруг сам почувствовал такую безмятежность. А вот что чувствует... Энжи, верно? Так вот, этого я так и не ощутил. Такое со мной впервые.

— И со мной, — раздался ещё один голос у меня за спиной. Именно его я слышала у себя в голове. Эдвард. Теперь, когда я немного успокоилась, то поняла, что красивее этого голоса я ничего не слыхала. Ну, по крайней мере, мне так кажется, ведь сложно сказать, что со мной было раньше. — И я действительно думал, что не могу услышать её мысли. И,

кажется, я действительно подумал что-то типа «бедной малышки».

— Всё сходится! — Элис даже в ладоши захлопала от восторга. — Я всё поняла!

— Да что ты поняла-то? Не томи. — Голос Розали звучал чуть раздражённо. Эммет успокаивающе погладил её по спине, но тоже глядел на Элис с нетерпением, как и Карлайл.

— В общем, так! Вот вам все факты. Когда я пыталась увидеть Карлайла и Эсми, я их видела, но одних, хотя Энжи в это время была рядом с ними. А когда я попыталась увидеть будущее самой Энжи... Скажи, я ведь присутствовала в обоих твоих видениях? — обратилась она ко мне. Я молча кивнула. — Ну, вот. Когда я пыталась увидеть её будущее, то не увидела ничего вообще, зато она увидела моё! Ты, Эдвард, просто не слышишь её, верно? — видимо она дождалась от него какого-то подтверждающего знака, я не оборачивалась, потому не видела — Но когда ты сознательно пытался услышать её мысли, то она услышала твои. Теперь ты, Джаспер. Ты не мог её почувствовать, как остальных, но когда стал пытаться сделать это специально и сознательно, то Энжи сама почувствовала твои эмоции. А когда ты попытался успокоить её — то успокоился сам. — Видя мои недоумевающие глаза, Элис пояснила. — Дар Джаспера — чувствовать эмоции других и управлять их настроением. — Я понимаю кивнула, хотя и не до конца всё осмыслила. Ладно, обдумаю всё потом.

— Ну? Вы поняли? — Элис обвела всех глазами. — Это же так просто! Дар Энжи — защита от всех наших способностей! От пассивных — защита пассивная, на неё просто ничего не действует и всё. Но когда мы переходим к активному использованию дара, направляя его конкретно против неё — она не просто закрыта! Она отражает его, используя против нас!

— Невероятно! — воскликнул Карлайл. — Но, похоже, что так оно и есть. Просто удивительный дар. Причём, используется только для защиты. Ведь, следуя логике, получается, что Энжи может лишь отражать направленный на неё удар, используя оружие врага против него же самого!

— Значит, на самом деле я вовсе не ясновидящая? И не телепат? И вообще, сама я ничего особенного не умею? Слава богу. А то я уже испугалась, какая ещё моя способность вынырнет в следующий раз. И насколько она будет безобидна. А я, оказывается, всего лишь могу защититься и всё. Ну, это хороший дар и не опасный. Я так рада!

— Мы не можем точно знать, какой сюрприз ты преподнесешь нам в следующий момент. — Карлайл серьёзно посмотрел на меня. — Но мы будем рядом и постараемся помочь тебе, что бы ни случилось.

Я кивнула. Да, сюрпризы ещё возможны, но я не одна. Мне помогут.

— Интересно, а защита у тебя только против чьего-то дара? — Эммет высунулся из-за Розали, насмешливо глядя на меня. — А как насчёт этого? — и он резко выбросил вперёд руку, целясь мне прямо в лицо.

Сомневаюсь, что он действительно намеревался меня ударить. Просто попугать, подразнить. Но я действовала инстинктивно, не думая. Кулак Эммета застыл на полпути — моя выброшенная вперёд ладонь остановила его. Мои пальцы едва могли охватить его огромный кулак, но всё же я без труда удерживала его. Челюсть Эммета отпала. Он смотрел то на меня, то на свой кулак, удерживаемый моей ладонью, казавшейся рядом с ним совсем крохотной, и его глаза становились всё огромнее. Общий вздох изумления показал, что и другие не остались равнодушны к этому происшествию. Я отпустила кулак, который ещё какое-то время висел в воздухе, потом медленно опустился.

— Ничего себе, — протяжно произнёс Эммет совершенно обалдевшим голосом. Я

опустила голову. Ну вот, очередного сюрприза долго ждать не пришлось. А ведь все только успокоились. Что же будет дальше?

Первой пришла в себя Элис.

— Вот так, Эммет! Теперь ты уже не самый сильный в семье! Так что не задавайся! — мне показалось, или в её голосе действительно прозвучала гордость за меня?

— Это случайность! — возмутился Эммет. — Я и силу-то по-настоящему не прикладывал.

— Ой, ну конечно! Теперь можешь говорить что угодно, но Энжи тебя сделала! — и Элис показала ему язык.

— Успокойтесь, — прервал начинающуюся перепалку Карлайл. — Что Энжи подумает о нашей семье, если ты так её встречаешь? — это уже предназначалось лично Эммету.

— То, что у вас очень дружная и любящая семья. И весёлая. И что мне у вас понравится, — ответила я, опередив уже готового извиняться, пристыжённого Эммета. — Я же знала, что ты на самом деле вовсе не собирался драться, не переживай!

Рассмеявшись, Эммет вскочил с дивана, подхватил меня подмышки, подбросил как ребёнка, поймав, пару раз покружил, и только тогда опустил на пол.

— Добро пожаловать в семью, Кнопка! — потом наклонился и прошептал мне на ухо — А кто сильнее, мы сможем выяснить и позже.

Я рассмеялась и кивнула. Он оказался точно таким, как я и представляла. Какого же чудесного старшего брата я получила!

В это время двое остальных Калленов обошли диван и приблизились к нам.

— Что ж, я думаю, что ты уже и так знаешь, кто мы. Но всё же позволь официально представиться. Меня зовут Джаспер.

Я пожала протянутую руку, испытывая некоторую робость. В отличие от Эммета, он совершенно не располагал к панибратству. Джаспера окружала некая аура неприступности, хотелось обращаться к нему на «вы». Вот уж кого я точно не стану просить покатать меня на спине. Хотя в моём видении я и вела себя с ним более чем свободно, но сейчас я бы на такое точно не решилась. Возможно, первое впечатление было ошибочным, но я решила держать пока некую дистанцию.

— Ну, а я — Эдвард.

Я отвела взгляд от Джаспера и посмотрела на того из братьев, кого до этого толком и не видела. Высокий. Это первое, что я заметила. Не такой высокий, как Джаспер, но и он возвышался надо мной так, что пришлось запрокинуть голову, чтобы разглядеть его лицо. Выглядит моложе своих братьев. Невероятно красив — выделяется даже на фоне своей семьи. Я машинально подала ему руку, как перед этим Джасперу, и в тот момент, как ощутила его пожатие, посмотрела в его глаза. Что со мной произошло дальше, я так и не поняла. Но меня словно пронзила молния — и не понятно, откуда она появилась — из его прекрасных золотистых глаз или от его слегка прохладной руки, бережно сжавшей мою ладошку, которая в ней просто утонула. Мне вдруг показалось, что от него исходит сияние. Не знаю как, но я вдруг отчётливо поняла, что всё случившееся до этого момента, произошло лишь для того, что бы я вот так стояла рядом, глядела в его глаза и прикасалась к его руке. Теперь смысл моей жизни состоял в том, чтобы быть возле него и с ним, защищать и оберегать его от любой беды и опасности, заботиться о нём, любить его. Любить его? Да, любить. Не знаю, откуда пришла эта мысль, но знаю точно, что она правильная, настоящая и ничто не изменит того, что со мной сейчас произошло. Это навсегда. Навечно. Сколько бы

лет и веков не прошло — я буду любить и оберегать его вечно.

Глава 2. Первая встреча. Часть 2.

Эдвард отпустил мою руку, и я с трудом отвела взгляд от его лица. Кажется, никто не заметил того, что сейчас произошло и перевернуло всю мою дальнейшую жизнь. Не стоит показывать всем, что теперь я — защитник Эдварда и буду оберегать его даже ценой собственной жизни. Они не поймут, что теперь это стало смыслом моего существования. Посчитают странным. Я собираюсь охранять и защищать суперсильного бессмертного вампира, которому даже до плеча не достаю. Но ничего не изменить. Уж не знаю, что это такое — но это точно у меня в крови. словно из моего сердца протянулась невидимая, но невероятно прочная нить, связавшая меня с ним, и если эта нить разорвётся — то разорвётся и моё сердце. Так, спокойно. Эдвард никуда от меня сбегать не собирается, поэтому можно расслабиться и не следить за каждым его движением, готовясь защитить от неведомой опасности. Здесь ему ничего не угрожает. Надо скрывать ото всех этот непонятно откуда взявшийся инстинкт защитника, пока меня не сочли сумасшедшей. Я заставила себя расслабиться и улыбнуться своей новой семье. Всё будет хорошо.

После того, как я познакомилась со всеми членам семьи, все вновь уселись: Карлайл — за компьютер, Джаспер и Эдвард — в кресла напротив дивана, где сидели мы четверо. Эммет выключил телевизор, всё это время негромко тархтевший в углу и повернулся к отцу.

— Кажется, перед самым выходом Энжи, у тебя появилась какая-то теория по поводу её появления?

— Да, но эта теория рассыпалась с её приходом. Видишь ли, Энжи, — Карлайл повернулся ко мне. Глаза у него были печальными. Наверное, известие не из приятных. Я теснее прижалась к Элис. Догадавшись о моём состоянии, она взяла меня за руку и пожалала её. Стало легче, и я выжидающе взглянула на Карлайла.

— В новостях передали, что в нескольких десятках километров от того места, где мы тебя нашли, в небе взорвался самолёт. Никто из пассажиров не выжил — это было бы невозможно. Взрыв был очень силён, самолёт буквально разнесло на мелкие куски, что уж говорить о людях. Этот самолёт пролетал над тем местом, где мы тебя нашли, примерно в то же самое время, и мы предположили, что ты могла находиться на нём. Возможно, тебя застрелили и выбросили из него. В Интернете я нашёл список пассажиров — там была одна девочка одиннадцати лет. Я подумал, что ею можешь быть ты. Твой миниатюрный рост ввёл меня в заблуждение. Но теперь я понимаю, что ошибся. Тебе никак не меньше четырнадцати лет, возможно, даже пятнадцать, так что ты никак не можешь быть этой несчастной малышкой.

— Может, там была другая девочка, постарше? — подал голос Джаспер.

— Нет, — покачал головой Карлайл, — Следующей было семнадцать, Энжи явно моложе. Так что, либо она летела зайцем и по каким-то причинам не прошла регистрацию, — и тогда нам не узнать её имени, — либо её там просто не было. В любом случае, эта версия никуда не ведёт. Это тупик.

Я вздохнула и поняла, что снова не дышала. А я ведь этого даже не заметила и не испытала никакого дискомфорта. Интересно, заметил ли это кто-нибудь ещё. Я обвела Калленов глазами, но никто, кроме Эдварда, на меня не смотрел. А он смотрел, но не удивлённо, как мог бы, заметь он ещё одну мою способность, а с сочувствием и чуть печально.

— Пожалуй, стоит поискать среди пропавших без вести? — вновь голос Джаспера. Я отвела глаза от Эдварда. Лучше не смотреть на него так часто и пристально, как бы мне этого ни хотелось.

— Я это уже сделал. Но либо сведения ещё не успели подать, либо её никто не ищет. Но я в любом случае продолжу поиски.

— А может, дать объявление? — Это уже высказался Эммет. — А что? Сфотографируем Энжи и выложим фотографию в интернет. Её родные смогут увидеть её и найдутся.

— Ни в коем случае, — вступил в разговор Эдвард. Голос его звучал почти сердито. — Ты хоть понимаешь, что её могут искать не только родные. Пули в голове сами не появляются. Если кто-то охотится за ней и хочет её убить... Что стоит этим людям притвориться любящими родственниками? И забрать её у нас на расправу?

— Ну, мы же не будем отдавать малышку кому попало. Потребуем доказательства — документы, фотографии.

— И вряд ли у них возникнут сложности в изготовлении фальшивок, — снова Джаспер. Я молча слушала, переводя взгляд с одного на другого. — Сейчас можно подделать всё, что угодно — и мы тому живое доказательство.

О чём это он? Я вопросительно взглянула на Элис. Почувствовав мой взгляд, она одними губами шепнула: «Потом».

— Нельзя, чтобы Энжи нашли, пока она ничего не помнит и беспомощна перед своими врагами. — Эдвард впервые назвал моё имя, прозвучавшее для меня музыкой. Несмотря на серьёзность момента, я в полной мере насладились этим маленьким счастьем — слышать своё имя из уст любимого, пусть даже и обращается он не ко мне. И мне было очень приятно, что он твёрдо встал на мою защиту. Конечно, защитницей была я, но он-то этого не знал. — До тех пор, пока она сама всё не вспомнит, мы должны прятать её и защищать. Нельзя позволить повториться тому, что с ней уже случилось.

— Ты прав, — вздохнул Карлайл. — Похоже, только оставаясь в тени, Энжи будет в безопасности. Мы не знаем, с какой стороны ей грозит опасность, кто и за что пытался её убить. Мы будем осторожно искать какие-либо сведения о ней, но до тех пор, пока она сама не вспомнит, кто её враги, нельзя никому рассказывать о её существовании. Это опасно для неё.

— Я не такая уж беспомощная, — подала я голос. Конечно, приятно, что все так обо мне беспокоятся, но хотелось бы тоже принять участие в решении своей судьбы. — И я ведь выжила.

— В этот раз — да. Тебе оказались не страшны ни пули в голове, ни падение с огромной высоты. Но кто знает, что твои враги изобретут в следующий раз. Убить можно всех, даже нас, если знать — как.

Я вздрогнула. Их можно убить. Эдварда можно убить! Я не должна допустить этого! Никогда!

— Ладно. Я думаю, что мы пришли к единственно возможному выводу. Энжи остаётся у нас! — Элис, похоже, была от этого в восторге.

— Но не смогу же я просто сидеть в доме, не показываясь никому на глаза. Я с ума сойду.

— Думаю, что прятать тебя в подвале точно не придётся — улыбнулся Карлайл. — А вот какое-то время не появляться на людях, пожалуй, стоит. Мы живём уединённо, так что лес в твоём полном распоряжении. Только постарайся не наткнуться на туристов. И с тобой

всегда будет кто-то из нас — по крайней мере, поначалу.

— Будем нянчить ребятёнка? — недовольным голосом пробормотала Розали. Она впервые подала голос с момента моего появления в гостиной. Кажется, прибавление в семье в моём лице не сильно её порадовало. Надо позже расспросить Элис, в чём тут дело. Не хотелось бы участвовать в конфликте, смысла которого я даже не понимаю.

— Да ладно тебе! — Эммет слегка пихнул её плечом. — Лично я совсем не против. У нас с Кнопкой ещё одно дельце незавершённое осталось. — И он подмигнул мне, поиграв бицепсами. Я расплылась в улыбке. Пожалуй, я тоже не против помериться силами. Но не раньше, чем он меня покатает!

— Стоп-стоп-стоп! Насчёт «не появляться на людях» я не согласна. Конечно, в Форксе ей пока соваться не следует — здесь все новички как на ладони, но съездить в Сиэтл нужно. Ей просто необходим полный гардероб — должна же она в чём-то ходить!

— Элис, мы понимаем, что мысль о шопинге приводит тебя в восторг, но это может быть опасно, — попытался увещевать её Джаспер.

— Ничего подобного! Карлайл же сказал — её никто не ищет. Тёмные очки, волосы под бейсболку — никто её и не запомнит, там каждый день толпы народа. Даже и не спорьте! Это действительно важно, хотя вам, мужчинам и не понять, насколько.

— Я не считаю, что это хорошая мысль, но Энжи нужна одежда. — Карлайл задумался на мгновение, потом кивнул. — Пожалуй, пока не появились её фотографии — это действительно не так уж и опасно. И даже если кто-то её и запомнит — мы живём достаточно далеко от Сиэтла. Хорошо, вы можете съездить. Но возьмите с собой кого-нибудь из ребят.

— Я поеду с ними. — Джаспер опередил Эдварда всего на миг.

— Отлично! Поедем вчетвером! — Элис была в восторге, что вышло так, как она хотела. Мне оставалось лишь молча наблюдать, как она манипулирует мужчинами, настаивая на своём. И им пришлось-таки с ней согласиться. Надо будет поучиться у неё этому. У меня мелькнула мысль предложить ей съездить одной, но представив, что она мне может закупить, я тут же передумала. К тому же Эдвард поедет с нами. Это радовало. Совместная поездка давала больше возможностей для сближения и позволяла держать его в поле зрения. Я не позволю никому причинить ему вред. Никому и ничему. — Так, сегодня уже поздно, а завтра с утра — едем. Будьте готовы к девяти утра.

— Ты хоть понимаешь, во что ввязался? — негромко сказал Джаспер Эдварду. — Это может занять целый день. Элис только пусти в магазины одежды....

— Догадываюсь — улыбнулся Эдвард.

— Ну, ребятки, я вам не завидую! — Эммет ткнул Эдварда кулаком в плечо. — Будьте осторожны, а то Элис и вас нарядит. В рюшечки и бантики. — Он рассмеялся собственной шутке, и они с Розали вышли из гостиной. Я с улыбкой наблюдала за ними. До чего же чудесные отношения в этой семье. И как же мне повезло, что я в неё попала.

В это время к дому подъехала машина — это вернулась Эсми. Зайдя в дом и увидев отмытую меня, она удивилась, так же, как прежде Карлайл, и, похоже, немного расстроилась. Её первые же слова всё объяснили.

— А я тебе куклу купила! А ты оказывается уже совсем большая.

— Кукла! Чудесно! Я очень рада и с удовольствием буду с ней играть! — интересно, мой наигранный энтузиазм смог хоть кого-нибудь обмануть? Вряд ли. Ну да ладно, мне вполне по силам минут пятнадцать в день понянчить эту несчастную куклу у всех на глазах.

С меня не убудет, а Эсми будет приятно.

Все вместе мы быстро, почти мгновенно, разгрузили машину — похоже, что Эсми скупил половину продуктового магазина. Разместив продукты по кухонным шкафчикам и холодильнику, она поинтересовалась, не голодна ли я? Да, есть мне уже хотелось, и довольно таки сильно. Я быстренько смолотила ещё тёплую пиццу и закусила её большим пакетом фруктов. Я съела довольно много, но это не шло ни в какое сравнение с тем огромным куском мяса, съеденным мной на поляне. Да и сам голод был совершенно другим. Сейчас у меня всего лишь сосало под ложечкой, а днем, очнувшись, я испытывала просто дикий голод. Он разрывал мои внутренности, занимал все мысли и настойчиво требовал немедленного насыщения. Интересно, если бы Карлайл не догадался добыть огонь, смогла бы я съесть сырое мясо? В тот момент отвращение оказалось сильнее даже этого безумного голода, но кто знает, на что я пошла бы, если бы не смогла утолить его достаточно быстро. Так почему же сейчас я ем вполне нормально, и голод мой тоже совсем не безумный? Я поделилась своими сомнениями с Карлайлом, и он высказал предположение, что в тот раз, восстановившись после тяжелейших травм, мой организм требовал возмещения затраченной на это энергии. Это казалось вполне логичным, и я успокоилась. Выходит я всё же не такая дикая обжора, какой могла оказаться. Это хорошо. Не так уж трудно будет меня прокормить.

Остаток вечера прошёл спокойно. Меня разморило от сытного ужина, и я сидела на диване вместе с Элис, которая, похоже, окончательно заявила на меня свои права, и в четыре руки с ней плела очередное невообразимое нечто на голове Барби, купленной для меня Эсми, что, кстати, оказалось довольно занятно, и слушала, как Эдвард негромко наигрывает на рояле красивую лирическую мелодию. Остальные Каллены разбрелись, кто куда, по своим делам, кроме Карлайла, прочёсывающего интернет в поисках хоть каких-нибудь сведений обо мне. Судя по всему — пока безрезультатно. В какой-то момент я прислонилась головой к плечу Элис и закрыла глаза. Музыка убаюкивала, и я почувствовала, что куда-то уплываю.

— Уснула, — шёпот Элис. — А спальню-то мы ей ещё не приготовили...

— Сегодня она может поспать в моей комнате. Там вполне удобная кушетка. Мне-то она, в отличие от всех вас, без надобности, — в негромком голосе Эдварда явно слышалась усмешка.

— Я отнесу её, — снова Элис.

— Я сам.

Музыка стихла, и я почувствовала, как сильные руки осторожно подхватили меня, подняв с дивана. Я заворочалась, устраиваясь поудобнее, и уткнулась носом ему в плечо. От Эдварда исходил невероятно приятный запах, не сравнимый ни с чем, что я до этого чувствовала. Ну, по крайней мере, я так думаю. Мне хотелось вечно лежать в его объятиях — а для меня это были наши первые объятия, хотя он об этом и не подозревал. Но уже спустя мгновение — так мне показалось — меня уже опустили на довольно мягкую поверхность. Расстроенная, что всё так быстро закончилось, я свернулась калачиком и уткнулась носом в подушку, которую Элис, вошедшая следом за нами, ловко подсунула мне под голову. Ещё какое-то время она суетилась вокруг меня, разувая и накрывая лёгким покрывалом, но вскоре меня оставили одну.

Я лежала в полудрёме, думая о том, как же мне повезло попасть в такую чудесную семью. У меня появился полный комплект родственников: добрый, мудрый, сострадательный отец, любящая, заботливая мама, старшая сестра, которая всерьёз взяла не

себя роль няньки, и другая старшая сестра, считающая общение с «малявкой» ниже своего достоинства. Старший брат, который будет меня баловать и станет достойным партнёром по всяким шалостям, и другой старший брат, перед которым я буду благоговеть и преклоняться. И Эдвард. Самое главное — теперь у меня был Эдвард, и моя жизнь обрела смысл. Счастливо улыбнувшись от этой мысли, я окончательно уснула.

Глава 3. Безумный шопинг. Часть 1.

«Где ты! Где же ты! Отзовись...»

Я снова слышу эти голоса. Они звучат так печально, так безнадежно. Я знаю, что они зовут меня. Я хочу отозваться, но не могу. Я не могу говорить. Я словно отделена непробиваемой стеной, позволяющей мне слышать эти голоса, но не дающей возможности им ответить.

«Отзовись. Отзовись...»

Но я не могу! Я стараюсь, правда, стараюсь! Но что делать, если они меня не слышат?

«Отзовись! Где ты?...»

Я плачу. Моё сердце готово разорваться. От жалости к ним. От жалости к себе. Слезы текут по моим щекам, и я машинально пытаюсь вытереть их. Рукой нащупываю свой рот. Он же у меня есть! Так почему я не могу ответить?

— Я здесь, — шепчу я голосам и всхлипываю. — Я же здесь. Почему вы меня не слышите?

— Всё хорошо, — шепчет мне на ухо тихий голос. — Успокойся. Не плач. Всё хорошо...

Большая ладонь ласково гладит меня по голове. Этот голос и эта рука кажутся мне якорем, удерживающим меня здесь, где я есть, где я существую и могу говорить. Голос кажется мне самым прекрасным на свете. Он заставляет пустоту отступить, а голоса стихнуть. Он смутно знаком мне, но находясь между наполненными голосами небытием и этим миром, где есть этот чудесный голос, я не узнаю его. Но я не хочу назад, в пустоту, в темноту, к голосам. Пытаясь удержаться здесь, я обеими руками хватаюсь за эту ладонь, как утопающий за соломинку, и подкладываю её себе под щеку. Теперь мне не страшны кошмары. Я в безопасности. С этой мыслью я проваливаюсь в сон.

И сны мне снились самые чудесные...

Я открыла глаза и улынулась. Наступило утро, и я прекрасно выспалась. Осталось ощущение чего-то радостного, хотя я и не помнила, что именно мне снилось, но явно что-то хорошее. Постепенно выплывая из дрёмы, я начала ощущать окружающее меня пространство. И почувствовала, что подушка, на которой мне так сладко спалось, очень странная и довольно жёсткая. Потёршись об неё щекой, я поняла, что лежу на чьей-то ладони. И явно не на своей. Во-первых, эта ладонь была очень большой, раза в два больше моей, а во-вторых, я чувствовала обе свои руки, которые в данный момент крепко во что-то вцепились и находились вовсе не под моей головой. Я подняла взгляд по чьей-то руке, в которую я и вцепилась, и заглянула в самые прекрасные на свете глаза.

Эдвард! Это он был рядом со мной. Это он утешал меня этой ночью! Это на его руке я спала...

— Ты просидел здесь всю ночь?! — Я резко села и в ужасе уставилась на него.

— Ну, не всю, — он улыбнулся. Похоже, его позабавил мой испуг. — Я зашёл около двух часов ночи, взять книгу, и услышал, что ты плачешь. Плохой сон?

— Скорее грустный, — я вспомнила голоса, зовущие меня, и безнадежное отчаяние,

звучащее в них. — Но ты напрасно провёл здесь всю ночь. Ну, ладно, половину ночи. Надо было уйти, когда я успокоилась.

— Я пытался пару раз. Но как только я забирал свою руку — ты снова начинала плакать. — И видя, как мне стало не по себе от смущения, он погладил меня по голове, как тогда, ночью. — Всё в порядке. Не нужно стыдиться того, что тебе приснился кошмар. На тебя столько навалилось сразу. Это, в общем-то, нормальная реакция. И я рад, что оказался рядом и помог тебе.

— Спасибо — это всё, что я смогла выдать из себя. Похоже, у меня проблема. Судя по всему, Эдвард видит во мне лишь ребёнка. Конечно, он очень добр и заботлив по отношению ко мне, но мне-то от него нужно совсем не это. С другой стороны, если я выгляжу подростком, а ему уже... Интересно, сколько?

— Эдвард, а сколько тебе лет?

Похоже, вопрос его удивил, но он ответил не задумываясь.

— Ровно сто. Весной исполнилось. А что?

— Да так, просто любопытно. Я б тебе больше восьмидесяти трёх не дала.

Он расхохотался. Я слушала его смех как самую прекрасную на свете музыку. Слегка успокоившись, он покачал головой.

— Физически мне семнадцать. Именно в этом возрасте я стал вампиром и застыл навсегда. Но тебя, похоже, это не удивляет и не пугает?

— Почему это должно меня пугать? Кто знает, сколько на самом деле лет мне самой? Вдруг я даже старше тебя?

— Ну, это вряд ли. Мы застываем в возрасте обращения и с тех пор не меняемся. Мы не живые. Каменные. Застывшие. А вот ты — живая. Из плоти и крови. Ты меняешься. И если ты выглядишь на пятнадцать лет, то видимо, именно столько тебе на самом деле и есть.

Что ж. Попытка — не пытка. В этот раз не вышло, ну так что ж. Ничего страшного. Пятнадцать — это не пять. Ещё пару лет — и мы станем ровесниками. А поскольку моя жизнь теперь неразрывно связана с жизнью Эдварда, и расставаться с ним в обозримом будущем я не планирую, то могу и подождать. Если, по его мнению, я расту — то, в конце концов, я вырасту. И тогда он уже не сможет видеть во мне только ребёнка.

В этот момент в комнату впорхнула Элис с охапкой одежды в руках.

— Проснулась? Тогда давай собираться, — она свалила вещи мне на ноги и повернулась к Эдварду, всё ещё сидящему на корточках возле изголовья. — А ты — марш отсюда.

— Вообще-то, это моя комната — беззлобно проворчал он, но послушно встал, осторожно вытянув рукав своей рубашки из моих пальцев, — а я и не заметила, что всё это время сидела, вцепившись в него, — и вышел из спальни.

— Давай быстренько в душ. Эсми уже готовит тебе завтрак. Мы выезжаем через полчаса, поспеши. Кстати, я перенесла в ванную Эдварда всё необходимое, так что вперёд. Жду тебя внизу. — С этими словами она унеслась из комнаты.

Я сидела на кровати и хлопала глазами ей вслед. Но время поджимало, и я рванула в ванную. Там уже ждали меня всякие нужные и ненужные мне женские причиндалы, заняв почти всю свободную площадь и сильно потеснив немногочисленные вещи Эдварда. Похоже, Элис решила окончательно поселить меня здесь. Я-то, по вполне понятным причинам, не возражала, но как Эдвард отнесётся к тому, что я узурпирую его комнату? Ладно, подумаю об этом позже, когда вернёмся.

Завершив утренний туалет и набросив розовый банный халатик, висевший на крючке, я

вышла из ванной и покопалась в сваленной на кушетке одежде. Потом решительно направилась уже знакомой дорогой в комнату Элис и Джаспера. Раз уж она готова разделить со мной свой гардероб, то, думаю, не станет возражать, если я в нём немного похозяйничаю. А те милые тряпочки, что выбрала для меня, пусть сама и носит. Управилась я быстро и вскоре уже спускалась вниз, одетая в джинсы, кроссовки и клетчатую фланелевую рубашку Джаспера, которую я, не застёгивая, накинула на лёгкий топик с открытой спиной — почему-то именно в такой одежде я чувствовала себя очень комфортно, словно ходила так всегда. Рукава рубашки я завернула по локоть, полы доходили мне почти до колен, но так мне было удобно и уютно, а остальное меня мало волновало. Волосы я собрала в хвостик на затылке, и он задорно прыгал из стороны в сторону, когда я сбежала вниз, ведомая чудесными запахами, несущимися из кухни.

На плите стояла сковорода, в которой шкварчал поджаренный бекон. Эсми как раз вылиwała туда из миски десяток яиц. Её изящный носик слегка морщился, словно это благоухающее вкуснейшими ароматами блюдо пахло для неё весьма неприятно. Вероятно, так оно и было. И наверное поэтому в кухне не было никого, кроме Эсми, которая решила принести себя в жертву, но накормить меня сытным завтраком. Поздоровавшись, я предложила самостоятельно закончить готовку, чтобы ей не пришлось больше мучиться. Благодарно улыбнувшись, Эсми исчезла, а я, дождавшись, когда яичница слегка поджарится, уселась за стол и принялась есть прямо со сковородки. Возможно, это было совсем не по правилам этикета, но, во-первых, я здорово проголодалась, во-вторых — хотела скорее уничтожить пищу, чтоб запах не отравлял жизнь моим домочадцам. Ну, и в-третьих — мне казалось, что так вкуснее. Расправившись с содержимым сковородки и запив всё апельсиновым соком, найденным среди кучи продуктов в холодильнике, я быстро вымыла посуду и открыла окно, чтобы запах поскорее выветрился. Думаю, стоит перейти на бутерброды — они всё же не так сильно пахнут, а я вовсе не хотела доставлять моей семье лишнее неудобство.

Гостиная, куда я вышла, оказалась пустой. Я прислушалась — в доме вообще никого не было. Судя по голосам, все вышли на улицу. Точно, перехожу на бутерброды. Я вышла из дома. Элис, Джаспер и Эммет стояли возле красивой серебристой машины, за рулём которой сидел Эдвард. Остальных видно не было. Увидев меня, Элис разочарованно вздохнула и покачала головой. Потом достала из кармана купюру и протянула Эммету. Сунув выигрыш в карман, он направился в дом, на ходу надев мне на голову свою бейсболку.

— Спасибо, Кнопка! Я, кажется, впервые выиграл у Элис. Как здорово, что она не может видеть твоё будущее.

— И чем тебе на этот раз не угодил мой выбор? — поинтересовалась Элис, когда я подошла к машине и уселась на переднее сиденье. Раз Эдвард за рулём — я решила быть рядом и была готова отвоёвывать это место у остальных. Но никто на него не претендовал, Элис с Джаспером спокойно уселись сзади. Я решила всё же ответить.

— Понимаешь, я как-то не могу представить себя во всех этих нарядах. Конечно, кто-то был бы в восторге, но мне удобнее так, — я потерела пальцами полу рубашки. Элис снова вздохнула.

— Я ведь приготовила тебе тёмные очки в расчете, что ты наденешь то, что я для тебя принесла. — И она продемонстрировала мне солнечные очки. Розовые. Со стразами. Ну, конечно.... — И что мы теперь будем делать? Они же совершенно не сочетаются с твоей одеждой! — В это время Эдвард, уже выехавший с просёлочной дороги, ведущей от дома

Калленов на трассу, вынул из бардачка простые мужские тёмные очки и с улыбкой нацепил мне на нос. Поправляя их, я заглянула в зеркало. Идеально. Теперь меня никто не узнает и не запомнит.

— Спасибо. — Я тоже улыбнулась Эдварду, а потом откинулась на спинку сиденья, наслаждаясь быстрой ездой. Мы неслись по практически пустой дороге со скоростью больше ста миль в час, судя по спидометру, но мне это не казалось особо быстрым. На спине у Карлайла было быстрее.

— А может, проще было бы добежать? Вы же вполне можете и без машины обойтись?

— А тебя оставить дома? — ухмыльнулся Эдвард, поскольку мой вопрос скорее предназначался ему, чем сидящим сзади. — Элис бы этого не пережила.

Я проигнорировала раздавшееся сзади недовольное фырканье и сдавленный смешок — Джаспера, похоже, это предположение позабавило, чего нельзя было сказать про Элис.

— Когда меня нашли, Карлайл довёз меня до машины на спине, — я искоса взглянула на Эдварда, и с намёком добавила: — Мне понравилось.

На этот раз рассмеялись все трое.

— Конечно, мы могли бы добежать сами и даже довести тебя, но нам нужна машина, чтобы класть в неё покупки. — Элис потрепала меня по плечу. — Не думаешь же ты, что мы ограничимся парой вещей? Тебе нужен полный гардероб, и он у тебя будет уже сегодня, обещаю.

— Боюсь, багажника может и не хватить, раз уж Элис всерьёз взялась за покупки, — хмыкнул Джаспер. — Это будет долгий и насыщенный день, так что готовься!

— И в другой раз, когда нам не нужно будет ехать куда-то на машине, ты обязательно прокатишься, раз тебе это так понравилось. Я сам тебя покатаю. Обещаю! — улыбка Эдварда, обращённая ко мне, была улыбкой взрослого, обещающего ребёнку подарок или развлечение. Ладно. Пока пусть так. Но постепенно он поймёт, что я совсем не ребёнок, и тогда станет относиться ко мне иначе. А пока мне достаточно того, что он просто будет рядом.

Ехали мы довольно долго, но я совершенно не скучала. Я засыпала Калленов вопросами, на которые они подробно мне отвечали. Так я узнала, как они стали вампирами, и какими путями оказались в этой семье. Я расспрашивала Джаспера о Гражданской войне, в которой ему довелось поучаствовать, когда машина въехала в город. Дальше меня закружил водоворот магазинов, вещей, примерочных кабинок и покупок. Элис целенаправленно прочёсывала торговые центры, избегая небольших магазинчиков, где трудно было затеряться в толпе. Конечно, в пасмурный день, да ещё в помещении, мои солнечные очки, а точнее, очки Эдварда, смотрелись странно. Но Элис заявила, что у меня слишком приметные глаза, и их обязательно надо прятать. Сама она тоже нацепила свои гламурные очки, приготовленные для меня, так что рядом с ней я не сильно выделялась. Скорее наоборот. И потом, мало ли у меня было причин носить тёмные очки? Может, у меня глаза болят! Или косоглазие! В конце концов, у меня элементарно мог быть синяк под глазом, который я хотела скрыть!

Через несколько часов я уже еле соображала, что происходит вокруг, и на автомате таскалась за неутомимой Элис. Конечно, физически я не устала абсолютно, и чувствовала себя такой же бодрой, как и сразу по приезду, но морально... Вся эта бесконечная одежда просто уже рябила перед глазами, я готова была согласиться на что угодно, лишь бы уйти из очередного магазина. И если поначалу я ещё как-то сдерживала пыл Элис и всё же

регулировала процесс выбора, то под конец ейтаки удалось заставить меня мерить всякие вечерние платья и прочие вещи, которые сама я бы в жизни не согласилась надеть. И мой гардероб, поначалу весьма практичный и удобный, начал пополняться всякими совершенно мне не нужными вещами. Элис аргументировала это тем, что вдруг мне придётся оказаться на каком-нибудь приёме или вечеринке. Ага, самое подходящее занятие для меня, по необходимости превратившейся в подпольщицу. Но спорить с Элис было бесполезно, у неё находилась масса аргументов и контраргументов на любое моё возражение, поэтому я смирилась.

Если покупка платьев доставляет ей такое удовольствие — ладно, пусть потешится. Это вовсе не означает, что я буду их носить. По моему мнению, хватило бы двух-трёх на всякий случай, а не тех двух дюжин, обладательницей которых я в итоге стала. Ну и ладно, у нас с Элис размер примерно одинаковый, так что половину я вполне могу запрятать в её безразмерный гардероб — может, наткнувшись на эти платья в будущем, она уже и не вспомнит, что купила их для меня? К тому же, если я действительно всё ещё расту, то вскоре я из всех этих нарядов попросту вырасту, тогда Элис всё равно придётся носить их самой — не пропадать же добру.

Когда же я заикнулась о напрасной трате денег, причём немаленьких, все рассмеялись, а потом объяснили, что денег у Калленов немеряно, и, при желании, они могут просто купить парочку магазинов одежды со всем содержимым и даже не заметят, что потратились. А когда, поняв, что Элис заходит далеко не в самые дешёвые магазины, я попыталась сбавить её пыл и предложила купить мне что-нибудь подешевле — не всё ли равно, в чём дома сидеть или по лесу бродить, — то она заявила мне, что дешёвого они принципиально не покупают. К тому же, как оказалось, перед тем, как выбросить, Элис рассмотрела лохмотья, в которые превратилась моя одежда, и теперь утверждала, что на мне были очень дорогие, брендовые вещи, хотя внешне и не броские. Так что снижать планку она не собирается, поскольку, похоже, я, как и все Каллены, привыкла к качественным вещам. Это сообщение меня слегка заинтересовало, но не слишком. Сейчас на уме у меня было другое — поскорее завершить этот марафон.

Кстати, сцена из моего видения тоже промелькнула — но с небольшими изменениями. Я узнала этот отдел ещё до того, как мы к нему подошли, и затормозила заранее. Мне вновь удалось совершенно спокойно остановить Элис, а потом утянуть подальше от этого кошмарного места. Интересно... Мне уже самой не терпелось посоревноваться с Эмметом — любопытно было узнать, насколько и в чём я сильнее, а в чём уступаю?

Глава 3. Безумный шопинг. Часть 2.

Поначалу Эдвард и Джаспер сопровождали нас вдвоём, но эта круговерть надоела им ещё быстрее, чем мне. В итоге, они решили мучиться по очереди — вряд ли мне могла грозить реальная опасность, такая, с которой бы не справились два сопровождавших меня вампира. К тому же, при малейшей необходимости, третий мог оказаться рядом в доли секунды. Да и сама я была далеко не беззащитна. Поэтому какое-то время один из ребят таскался за нами, нося пакеты с покупками, а второй в это время сидел в машине — читал, слушал музыку или занимался чем-то ещё, не знаю. А потом они менялись — как правило, когда мы подходили, чтобы загрузить в машину очередную порцию покупок или переезжали к другому торговому центру. Иногда мне хотелось самой остаться в машине — а они пусть ходят и покупают одежду себе, но я понимала, что об этом бесполезно даже заикаться.

В какой-то момент блуждания я поняла, что дико хочу есть. Я озвучила своё желание, и Эдвард, сидящий в тот момент за рулём, собрался притормозить у ресторана, мимо которого мы как раз проезжали, но я покачала головой и указала на вывеску Макдоналдса, видневшуюся в конце улицы. Своим обострившимся от голода, да и так не слабым чутьём, я даже отсюда чувствовала доносившиеся оттуда заманчивые запахи. В итоге мы отправились туда втроём — была очередь Джаспера оставаться в машине. Эдвард взял для каждого из нас по бигмаку, большой картошке, коле и молочному коктейлю. Конечно, всё съела я одна — и мне этого едва хватило, чтоб насытиться. Похоже, ела я раза в три-четыре больше, чем обычный человек. Наверное, у меня какой-то особый обмен веществ, ведь если бы я ела так постоянно, меня давно должно было бы разнести до размеров небольшого бегемотика. А я была очень тонкая и изящная. Ещё одно подтверждение тому, что я не человек — если конечно оно было бы мне нужно.

Никто из окружающих даже не заметил, что я одна съела все три порции. Мои спутники ловко имитировали процесс поедания пищи, и стоило мне съесть часть порции, стоящей передо мной, как она тут же молниеносно заменялась на другую. Создавалась полная иллюзия того, что мы дружно расправляемся каждый со своей едой.

После Макдональдса Эдвард предложил зайти в расположенное неподалёку кафе-мороженое. Я с подозрением взглянула на него. Это что, он решил ребёнка лакомством угостить? Или у меня уже паранойя — в любом его действии я вижу скрытый смысл, а на самом деле он вовсе и не пытается лишней раз подчеркнуть мой чересчур юный, по его мнению, возраст? А просто хочет сделать мне приятное? Я решила, умерить свою буйную фантазию. Это просто мороженое, а не какой-то там намёк. Поэтому я согласилась и с удовольствием съела три порции мороженого уже испытанным способом. Выскабливая последнюю вазочку и едва удерживаясь, чтобы не облизать её, я вздохнула:

— Надо было и Джаспера сюда взять...

Элис и Эдвард расхохотались, и через минуту на столе передо мной стояли ещё три порции мороженого.

Я надеялась, что после обеда мы отправимся домой, но не тут-то было! Конечно, одежды мне мы купили огромное количество, но, по мнению Элис, гардероб не считается полным без подходящих аксессуаров. Я смирилась с тем, что Элис купила мне огромное количество белья, а так же подходящую обувь к каждому платью и комплекту одежды, но покупать к ним ещё и сумочки, ремешки и всякую бижутерию было на мой взгляд явным перебором. Но её было не унять. В какой-то момент я взбунтовалась и заявила, что если ей так уж хочется покупать всякую ерунду — то мешать ей в этом я не стану, но моё присутствие при покупке сумочек не требуется совершенно, так что пусть наслаждается этим без меня. Эдвард и Джаспер дружно поддержали меня, и мы приятно провели следующую пару часов сидя втроём в машине.

Я постепенно перестала сторониться Джаспера — за этот день он открылся с совершенно другой стороны, и вовсе не был таким неприступным, каким показался мне при первой встрече. Надо было больше доверять своему видению — в итоге мы прекрасно ладили. По моей просьбе Джаспер продолжил свой рассказ о том, как он вступил в армию конфедератов, а Элис в это время носилась по окрестным магазинам, периодически подбегая к машине, чтобы сгрузить очередную добычу. Наконец, она удовлетворённо заявила, что вроде бы всё необходимое на первое время у меня есть. Я, конечно, понимаю, что у вампиров несколько иное представление о времени, но судя по огромному количеству

вещей, обладательницей которых я стала, это самое «первое время» продлится лет двадцать, не меньше.

Назад мы поехали, когда уже стемнело. Впрочем, как оказалось, это не было проблемой не только для Калленов, но и для меня. Как и они, я прекрасно видела в темноте. Интересно, в чём ещё мы похожи?

Поскольку время было уже позднее, то было решено не задерживаться для того, чтобы накормить меня ужином. Мы просто притормозили возле уличного продавца хот-догов и закупили у него этих самых хот-догов в невероятном количестве. Якобы на четверых. А пока продавец разбирался с нашим заказом, Эдвард сбегал в ближайший супермаркет и вернулся с пакетом, полным газировки, шоколадок, чипсов и всяких прочих вредных но вкусных вещей. Это был настоящий праздник для моего желудка. Глядя, как я одну за другой поглощаю булочки с сосисками, Элис вдруг задумчиво произнесла:

— А знаешь, это здорово, что ты так много можешь съесть! В школьной столовой ты сможешь съесть то, что мы берём для себя, и нам не придётся всё выкидывать, как мы обычно делаем.

Я застыла с недожёванным куском за щекой, потом быстро проглотила его, чуть не подавившись, и повернулась к Элис.

— В школьной столовой? Ты считаешь, что я смогу ходить в школу вместе с вами?

— А это не опасно? — Эдвард, не снижая скорости, обернулся к ней. — Её ведь могут узнать!

В зеркало я видела, что и Джаспер вопросительно и немного недоверчиво смотрит на Элис. Но её наше сомнение ничуть не смутило.

— До начала занятий ещё больше месяца. Если за это время Энжи ничего о себе не вспомнит, или она не будет объявлена в розыск, или не найдутся её настоящие родные, способные обеспечить её безопасность, или не проявят себя те, кто пытался её убить... В общем, если к этому времени Энжи всё ещё будет жить у нас, то почему бы ей не ходить с нами в школу?

— Жаль, что ты не можешь видеть её будущее, — вздохнул Джаспер. — Всё было бы намного проще.

— Да, не могу. И от этого чувствую себя такой беспомощной. Хотя... Знаете, а у меня есть одна идея. Сейчас проверю.

Мне стало интересно, что же она собралась проверять? Я оторвалась от шоколадки, которую как раз разворачивала, и подняла глаза на зеркало заднего вида. Элис пристально смотрела на меня, и в тот момент, когда наши взгляды пересеклись, на меня нахлынуло очередное видение.

Я сижу за столом, уставленным подносами со всякой снедью, и с аппетитом поглощаю кусок пиццы, запивая её колой прямо из бутылки. За столом кроме меня сидят пятеро младших Калленов. Перед каждым стоит поднос с едой, но жую только я одна. Неудивительно, им-то эта еда — словно отравы. Стол, за которым мы сидим, находится в просторном гулком помещении, заполненном подростками, сидящими за такими же столами, болтающими и поглощающими пищу. Школьная столовая. Такое не спутаешь ни с чем.

Сидящая слева от меня Элис ловко меняет стоящую передо мной тарелку с одним куском пиццы, на свою, с двумя. Полупустую бутылку с колой на полную меняет сидящий справа Эдвард. Всё это происходит настолько быстро, что человеческий взгляд этого

заметить не в состоянии, но я прекрасно вижу все эти манипуляции.

— Яблочка хочешь? — слышу я голос Эммета, и с противоположного конца стола в меня летит большое бордовое яблоко. Я машинально ловлю его и с хрустом надкусив, слушаю, как Розали шипит на Эммета — выговаривает за выходку, которая могла привлечь нежелательное внимание к моей ловкости.

— Да ладно тебе! — бормочет он в ответ. — Кнопка практически такая же быстрая, как и мы. Никто ничего не заметил.

Я оглядываю зал. На нас действительно никто не смотрит. И всё же это было довольно неосторожно, поэтому лучше бы ему больше так не экспериментировать. Но раз всё обошлось, то не стоит заострять на этом внимание. Эммета не переделаешь. И я, успокоившись, продолжаю жевать.

Видение прекратилось. Я снова сидела в машине, держа в руках полуразвёрнутую шоколадку.

— Ну и? Ты что-нибудь видела? Говори же, не томи!!! — Элис буквально подпрыгивала от нетерпения.

— Да, видела, — я нарочно остановилась, откусила шоколадку и стала не торопясь жевать, чтобы немного подразнить её, с ехидной улыбкой наблюдая, как моя сестричка аж трясётся от нетерпения. Ребята тоже с интересом поглядывали на меня, но проявить любопытство так же явно, как она, им мешало чувство собственного достоинства. Мужчины, ха! Я решила больше их не томить и расплылась в широкой улыбке:

— Я буду учиться с вами в школе. И обедать в школьной столовой.

— Я это знала! Знала! — Элис кинулась обнимать меня, так, что я от неожиданности выронила шоколадку, которую, впрочем, Эдвард ловко поймал, не дав упасть на пол. — Я так рада! Ты теперь останешься у нас навсегда! — энтузиазм, с которым она обнимала меня, был несколько излишним. Я почувствовала дискомфорт, но не стала этого показывать — она ведь так искренне радовалась. Закинув назад руку, я, как могла, тоже обняла её. Невозможно оставаться равнодушной, когда тебе настолько рады.

— Элис, успокойся, ты её задушишь! — вмешался Джаспер.

— Ой, извини! — Элис тут же выпустила меня. — Ты в порядке? Я тебя не раздавила?

— В порядке, не волнуйся, — немного придя в себя, поспешила я её успокоить. — Нужно что-то помощнее, чтобы меня раздавить. К тому же, я регенерирую, так что не страшно, если бы и раздавила. Можешь обнимать меня в любой момент, когда захочешь, я совсем не против.

Последние слова предназначались не только Элис. Я искоса взглянула на Эдварда — он смотрел на меня удивлённо и немного восхищённо. Да, теперь ты знаешь, что я вполне способна пережить объятия вампира. Жаль только, что пока это знание не имеет практического значения. Ну, ничего, я терпеливая.

Мне пришло в голову, что совершенно не обязательно было заглядывать в будущее, чтобы убедиться в том, что я останусь с Калленами. Я-то точно знала, что расставаться с Эдвардом я не намерена, не зависимо от того, найдутся мои настоящие родные или нет. Наши судьбы неразрывно связаны, хотя он этого пока и не знает.

Дальше мы ехали молча. Из динамиков неслась негромкая классическая музыка, мелодичная и напевная. Откинувшись на спинку сидения, я лениво сосала леденец и наблюдала за Эдвардом. Этой картиной я могла любоваться бесконечно. Сильные руки небрежно сжимали руль, легко и непринуждённо управляя машиной, взгляд золотистых, как

у всех Калленов, глаз был устремлён вперёд. Ветерок, влетающий в раскрытое окно, ерошил его светло-каштановые, отливающие бронзой кудри. Ах, как же я завидовала этому ветерку, как мне хотелось самой запустить пальцы в эти роскошные волосы. Вздохнув, я перевела взгляд на зеркало. Элис и Джаспер сидели, прижавшись друг к другу, его рука обнимала её за плечи, её головка лежала у него на плече. Как я хотела бы сейчас сидеть вот так же, доверчиво прижавшись к дорогому мне человеку. Жаль, что пока это невозможно.

Я закрыла глаза и вспомнила сегодняшний день. Похоже, мой первый «выход в свет» прошёл удачно, и я ничем не привлекла к себе внимание. Правда, по большей части я молчала, отделяясь словами «да» или «нет» на вопросы продавщиц, да и то редко — говорила за нас двоих одна Элис. За её щебетанием трудно было заметить мою немногословность. Поэтому ляпнуть что-нибудь и этим выдать себя, как это произошло при первой встрече с Карлайлом и Эсми, я не могла. К тому же ещё одной возможной проблемы мне удалось избежать. Элис рассказывала, что им постоянно приходится прилагать усилия, сдерживать и контролировать себя, чтобы не начать двигаться слишком быстро, как это свойственно вампирам. Поэтому, даже дома, где никто посторонний их не видит, они вели себя как обычные люди, чтобы не отвыкнуть. Это для них что-то вроде постоянной тренировки. Я же двигалась абсолютно естественно. Как обычный человек. Лишь пару раз я проявила сверхскорость — когда ловила брошенную мне Элис упаковку с трусиками и кулак Эммета. Нет, наверное, всё же три раза — ещё было яблоко в видении. Видимо, мои способности проявляются лишь тогда, когда мне это нужно, а не присутствуют постоянно. А это гораздо удобнее. В остальное время я совсем обычная. Хотя мне вспомнились слова Эммета из моего видения: «Кнопка практически такая же быстрая, как и мы». Это показатель. Интересно, насколько же я быстрая? Надеюсь, завтра я это выясню.

Мои мысли начали путаться. Ровное гудение мотора, плавные покачивания машины, тихая музыка — всё это постепенно убаюкало меня, и я уснула.

Кто отнёс меня в кровать на этот раз, я так и не узнала.

Глава 4. Медосмотр. Часть 1.

«Где ты? Отзовись».

Снова эти голоса. На этот раз я уже знаю, что не смогу им ответить. Я знаю, что не надо даже пытаться, но всё равно пытаюсь. Но не могу. Не могу вырваться из кокона, сковавшего меня. Не могу вырваться из темноты и немоты. Не могу не слышать их.

«Отзовись. Отзовись. Отзовись...»

Они звали и звали. Не умолкая. Не останавливаясь.

«Где ты? Где же ты?..»

Я не могу больше их слушать. Не могу страдать вместе с ними. Я ощущаю их боль, как свою. И не в моих силах её прекратить. Я плачу. Снова плачу. Захлёбываюсь рыданиями. Ну почему? Почему я могу плакать, но не в состоянии им ответить, откликнуться, успокоить их? Почему, почему?

Сильные руки обнимают меня и прижимают к широкой, надёжной груди. Они баюкают меня, даря покой и прогоняя темноту, наполненную голосами. Ласковый голос шепчет мне:

— Всё хорошо, всё хорошо, не плач. Это сон, всего лишь сон. Успокойся, я здесь, с тобой. Всё хорошо.

На этот раз я узнаю этот голос, эти руки, этот запах. Эдвард! Это он, здесь, со мной, обнимает и утешает меня. Он рядом и прогнал темноту и голоса. Я крепко обнимаю его и

утыкаюсь лицом ему в плечо. Не отпущу! Буду держать его всю ночь, и наслаждаться его близостью, его объятиями. Не засну больше ни на секунду!

Эта было моей последней связной мыслью. Через секунду я уже провалилась в глубокий, крепкий сон.

Когда я проснулась, уже наступило утро. Я чувствовала лучи солнца сквозь закрытые веки. Не открывая глаз, я исследовала окружающее пространство. Я лежу в постели, накрытая лёгким покрывалом. Моя щека прижимается к твёрдой прохладной подушке, которая слегка вздымается и опадает подо мной. Руки обхватывают эту странную «подушку», крепко вцепившись в «наволочку». И тут я всё поняла. Это же грудь Эдварда! И я лежу на ней! Он не ушёл. Не бросил меня. Остался. Счастье разливается внутри меня, как тёплый солнечный свет. Неважно, по какой причине он остался. Он — со мной. И это самое главное!

Все эти мысли пронеслись у меня в голове за долю секунды. Тут я сообразила, что разбудил меня звук открываемой двери. Раздались лёгкие шаги — кто-то вошёл. И этот кто-то — конечно же, Элис. Я убедилась в этом, услышав её возмущённый сдавленный шёпот.

— Ты соображаешь, что делаешь?

— Тише, разбудишь! — шёпот Эдварда в ответ. Его лицо так близко, что я ощущаю его дыхание на своих волосах. Если они поймут, что я уже проснулась — придётся вставать и лишиться этого удовольствия. Я стараюсь дышать как можно ровнее и вся обращаюсь в слух. Образно, конечно. Я прекрасно слышу всё, что происходит в доме и вокруг него, но сейчас меня интересует только разговор, идущий в этой комнате.

— Ты понимаешь, что она ещё ребёнок?

Мне захотелось недовольно фыркнуть. Ребёнок!!! Ну почему?! Почему они в этом так уверены? Я не чувствую себя ребёнком, совсем наоборот. Они судят обо мне по внешности, но ведь сами-то внешне вовсе не соответствуют своему реальному возрасту. Так почему же со мной всё должно быть по-другому? Только потому, что у меня есть кровь? Потому, что я — не вампир? Это просто дискриминация какая-то! Я ведь в любом случае — не человек. А они, похоже, всё время об этом забывают...

— Да, понимаю. И этот ребёнок рыдает по ночам. Я не могу спокойно это слушать. Она успокаивается только когда я рядом. Что мне оставалось делать?

— Позвать меня, например! Я тоже могла бы её точно так же обнимать.

Ну, нет, это будет не так! Совсем-совсем не так. Извини, Элис...

— В тот момент ты была немножко занята. Не хотелось тебя отрывать от твоего увлекательного занятия. Да и Джаспер мне спасибо не сказал бы, — в голосе Эдварда явно слышался сдерживаемая улыбка.

— Ну-у-у, пожалуй, ты прав, — кажется, Элис немного смутилась, но тут же вновь кинулась в атаку. — Ну а потом? Ты же всю ночь здесь провёл.

— Как только я пытался уйти, она вновь начинала хныкать. Знаешь, может сердце у меня и каменное, но оно просто разрывалось от её слёз. Я не могу представить, что ей снится, но не хочу, что бы она страдала и дальше. И сделаю всё, чтобы это больше не повторилось. В конце концов, мне, в отличие от всех вас, всё равно по ночам заниматься нечем. И раз я могу ей помочь — я буду делать это и дальше.

Ура!!! Ура!!! Спасибо, вам, голоса и кошмары! Он намерен и впредь быть со мной, пусть даже только для того, чтобы не давать мне плакать. Я согласна и на эту малость. Кто бы мог подумать, что мои ночные страдания станут причиной такой удачи для меня? Вот уж

действительно, не было бы счастья, да несчастье помогло...

— Ну, смотри, Эдвард. Я надеюсь, ты понимаешь, что делаешь? Ладно, я пойду. Когда малышка проснётся, скажи, что Карлайл хочет с ней поговорить. — Лёгкие шаги, негромкий стук двери — и вот мы снова одни.

«Малышка». Ну почему им обязательно подчёркивать то, что я якобы ещё ребёнок. Ладно ещё, когда Эммет называет меня Кнопкой. Против этого я не возражаю. Он, скорее всего, имеет в виду мой рост — рядом с таким гигантом, как он, я действительно кажусь крохой. Но в устах Элис это указывает на мой возраст, без вариантов! Она сама такая же крохотная, как и я, может на пару сантиметров выше, но и только.

С другой стороны, они ведь все уже не просто взрослые, а, по человеческим меркам, старые, и даже древние. Даже Эммет и Розали, самые молодые в семье, вполне годятся человеку моего возраста — точнее, возраста, на который я выгляжу, — в прадедушки и в прабабушки, что уж говорить об остальных. И даже будь мне лет пятьдесят — для них я всё равно буду малышкой. Так, стоп, похоже, для меня мысль о возрасте уже превратилась в навязчивую идею. Надо успокоиться и не реагировать так остро на небрежно брошенное, возможно без всякого подтекста, слово. Решено, больше не буду на этом заикливаться. Пусть называют, как хотят. Всё, Энжи, или как меня там, возьми себя в руки и докажи самой себе, что ты действительно взрослая, а не гормонально неустойчивый подросток, готовый всюду и во всём видеть личную обиду. Не хватало ещё на деле подтвердить мнение Калленов обо мне, как о подростке, переживающем все прелести переходного возраста. Успокойся, иначе это внутреннее недовольство начнёт выплёскиваться на окружающих.

Тут мне пришло в голову, что мне было бы наплевать на то, кем меня считают, если бы ребёнком меня не считал именно Эдвард. Для всех остальных я согласна быть кем угодно, хоть младенцем в памперсе, но для него я хотела быть уже взрослой. И на слова Элис я так отреагировала только потому, что она так сказала именно при нём. Лишний раз подчеркнула, что пока между нами если и не пропасть, то всё равно довольно значительное препятствие.

Мои размышления прервал голос Эдварда:

— Поскольку Элис уже ушла, можешь больше не притворяться и открыть глаза.

Попалась! Я открыла глаза. Эдвард лежал на спине, а я наполовину заползла на него, обхватив обеими руками. Опаньки! Не самая невинная поза, хотя моей вины в этом нет — я действовала инстинктивно, практически во сне. А Эдвард тут и вовсе не причём — зря Элис на него шипела. Расцепив руки, я приподнялась и встретила с ним взглядом.

— Как ты догадался, что я уже не сплю?

— Всё очень просто. Твоё дыхание изменилось. Я ведь слушал его две ночи. Ладно, полторы, — поправился он, видя, что я уже открыла рот, намереваясь возразить. — Этого времени вполне хватило, чтобы легко заметить разницу.

— А почему ты не сказал Элис, что я уже не сплю?

— Ну, раз ты сама не стала ей говорить, я решил, что у тебя есть для этого свои причины.

О, да. Они у меня есть, но тебе я их открыть не могу, иначе ты убежишь от меня, как от огня. Пока ты считаешь, что я вижу в тебе только заботливого брата или даже дядюшку — ты продолжишь обо мне заботиться. Господи, как же мне вылезти из этого заколдованного круга? Ладно. Об этом подумаю потом, а пока нужно выкручиваться.

— Ну, понимаешь, Элис конечно очень славная, и я её люблю, но....

— Иногда её энтузиазм слишком подавляет?

— В общем, да. Я хотела получить небольшую передышку. А то она снова начнёт наряжать меня, или ещё что-нибудь придумает. А я ещё после вчерашнего в себя не до конца пришла.

— Похоже, в этот раз Элис придётся уступить тебя, хотя бы на время. Ты же слышала, что Карлайл хочет с тобой поговорить? А раз он послал за тобой Элис, то видимо, это что-то важное.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, о чём он хочет со мной поговорить? Ни за что не поверю. Ты же мысли читаешь!

— Конечно, знаю. Но пусть он сам тебе всё расскажет. Не пугайся, ничего страшного он тебе не скажет. Но всё же лучше сходи к нему до того, как поешь.

Это меня немного насторожило. Что же это за разговор такой, который нужно вести на пустой желудок? А желудок мой явно был пустой и недвусмысленно мне об этом напоминал. Ладно, чем быстрее я поговорю с Карлайлом, тем быстрее поем. Поэтому придётся вставать. Хотя я готова была остаться в таком положении хоть весь день, наплевав на голод, но это выглядело бы более чем странно. К тому же, вряд ли и Эдвард весь день оставался бы в моей постели. Ну, ладно, в своей постели. Итак, встаём!

Я села и удивлённо захлопала глазами. Вчера я проснулась на небольшой кушетке — впрочем, на ней хватало места, чтобы я с комфортом выпалась. Да и много ли места мне нужно — Эммет ведь не зря прозвал меня Кнопкой. Сегодня же я лежала на просторной кровати, двуспальной, с пологом. Может, это какая-то другая комната? Но беглый взгляд по сторонам подтвердил мою догадку — я всё ещё в комнате Эдварда, просто мебель немного переставлена, а кушетка заменена кроватью.

— Похоже, я тебя совсем из собственной спальни выселила, — смущённо произнесла я.

— Разве я жалуюсь? — ответил Эдвард. — Никуда ты меня не выселяла. Я, как видишь, всё ещё здесь. И потом, я, в общем-то, использую эту комнату больше для хранения своих вещей, но редко сам в ней нахожусь. Спальни ведь предназначены, чтобы спать, а это мне, как ты знаешь, совсем не нужно. Да за последние двое суток я провёл здесь больше времени, чем за весь предыдущий месяц. Поэтому прекращай заниматься самоедством и собирайся. Карлайл ждёт.

— Но когда же... — я не смогла сформулировать свою мысль, настолько была поражена произошедшими переменами, лишь обвела рукой комнату и кровать, на которой мы всё ещё находились, Эдвард — лёжа, я — сидя, надеясь, что он поймёт. Он понял.

— Видишь ли, Эсми так же любит заниматься дизайном и оформлением, как Элис — шопингом. Пока мы были в Сиэтле, они с Карлайлом съездили в Порт-Анжелес — это город, расположенный неподалёку, и купили эту кровать. У Карлайла на этой неделе как раз ночные дежурства, так что днём он свободен. Заодно сделали здесь небольшую перестановку. Для нас это не является большой проблемой, как ты понимаешь. Раз уж ты — единственный член семьи, которому требуется сон, то пусть этот сон проходит в комфортных условиях.

Тут до меня дошло, что я ощущаю коленками покрывало, которым была накрыта. Голыми коленками. Только тогда до меня дошло, что я лежу в постели практически раздетая — в топики и трусиках. Я покраснела и натянула покрывало повыше. Вчера я проснулась в том же, в чём была вечером. А сегодня — почти в одном белье.

Заметив моё смущение и верно его истолковав, Эдвард поспешил меня успокоить.

— Укладывала тебя Элис. Я зашёл позже, услышав твой плач. Не волнуйся, ты была укрыта и всё это время прилично выглядела. — Воспользовавшись тем, что я окончательно сползла с него, он встал и, подхватив с пола ботинки — он-то был одет полностью, только разулся, — вышел из комнаты, обернувшись в дверях и напомним: — Карлайл ждёт.

Как только Эдвард вышел, я помчалась в ванную. Сначала я разделалась с самой насущной проблемой, но передо мной тут же встала другая. Где находилась сейчас моя новая одежда, я не имела представления. Гулять по дому в одном несвежем белье тоже как-то не хотелось. Даже розовый халатик остался в комнате Элис, где я переодевалась вчера утром. Но нерешаемых проблем не бывает, есть мало желания их решить. К счастью, я вспомнила, что оснащая для меня ванную вчера утром, Элис не забыла принести сюда ту самую упаковку с трусиками-неделькой. Я нашла их там же, где и оставила, а точнее — спрятала: в углу за ванной. А проявив немного фантазии, я обеспечила себя и одеждой.

Спустя десять минут, наскоро закончив утренний туалет, я уже отправилась на поиски Карлайла. На мне была футболка Эдварда, доходившая мне до середины бедер и подпоясанная его же ремнём, превратившим эту футболку в мини-платье. Красоты в этом конечно было мало, но выглядела я вполне прилично, пройтись по дому — вполне сойдёт.

Глава 4. Медосмотр. Часть 2.

Как оказалось, ничего особо страшного сообщать мне Карлайл не собирался — зря я себя накручивала. Он всего лишь хотел провести медицинское обследование, чтобы побольше узнать обо мне, и попросил на это моё согласие. Поскольку мне самой было жутко интересно, что же я за существо, то я согласилась не раздумывая. А так как многие анализы лучше делать натощак — Эдвард и посоветовал мне пойти к Карлайлу до завтрака.

У нас сразу же возникли проблемы с забором крови — а ведь именно её доктор больше всего хотел исследовать. Для начала жгут не желал стягивать мою руку, чтобы проявились вены. Точнее, мои вены не желали проявляться, поскольку жгут не справлялся со своей задачей — моя кожа оказалась для него слишком крепкой. А когда его затянули потуже — он просто порвался. Тогда Карлайл попытался взять кровь без жгута — вены всё же были видны. Проблема номер два — иголки гнулись. Проколоть ими мою кожу ему так и не удалось. Тогда я предложила слегка прорезать её — скальпель ведь гораздо крепче иглолок. Проблема номер три — кровь не желала из меня течь. Стоило Карлайлу сделать на моей коже небольшой прокол — не без усилий, кстати, — как он тут же затягивался, не давая возможности доктору взять нужное для анализа количество крови. Наконец, мне надоели осторожные попытки Карлайла — он старался причинить мне как можно меньше боли, — я забрала у него скальпель и с размаху всадила себе в сгиб локтя. Кровь брызнула фонтаном. С криком: «Ты же себе артерию проткнула!», Карлайл попытался зажать рану. Но я помотала головой и велела ему брать скорее кровь, пока ещё можно. Через несколько секунд кровотечение прекратилось, но этого времени вполне хватило. Итак, кровь на анализ я сдала.

А вот сдать желудочный сок у меня так и не удалось. Нет, я честно проглотила зонд — что было довольно противно, — но сок не пошел. Помучившись какое-то время, Карлайл предположил, что, возможно, зонд где-то в моём организме пережался, поэтому попытался его извлечь. Мы с удивлением рассматривали то, что оказалось у него в руках — нижняя часть трубки отсутствовала. Мой желудок её просто переварил! Какое-то время мы ошарашено молчали, а потом дружно расхохотались. Карлайл сказал, что нет необходимости

в дополнительном исследовании — он и так может предположить, насколько же я отличаюсь от остальных людей в плане пищеварения.

После того, как все анализы, которые желательно сдавать натощак были взяты — точнее, те, которые взять было возможно, — Карлайл отпустил меня позавтракать, поскольку мой желудок начал очень громко требовать еды. Видимо, куска зонда ему показалось недостаточно. В кухне я застала Эми, которая уже выкладывала из холодильника продукты, намереваясь снова для меня готовить. Я убедила её, что вполне наемся бутербродами, а уже закупленные продукты, требующие готовки, я смогу использовать самостоятельно, когда никого не будет дома — зачем всем лишний раз нюхать то, что вызывает отвращение? На том и порешили.

Пока я расправлялась с горой бутербродов, которые Эми мне нарезала, — я говорила, что справлюсь сама, но она утверждала, что ей это доставляет удовольствие, — меня отыскала Элис. Она буквально потеряла дар речи, увидев, во что я одета. Пришлось объяснить, что ничего другого я просто не нашла. Дождавшись, пока я доем, Элис отвела меня в комнату Эдварда и показала дверь в гардеробную, которую я прежде не заметила, приняв за стенную панель. Оказалось, что такие же гардеробные примыкают к каждой спальне, просто Эдвард предпочитает пользоваться небольшим количеством одежды, держа её под рукой в шкафу, откуда я и позаимствовала свой наряд, а в саму гардеробную заходит редко. Тем не менее, Элис заполнила её вещами для него на все случаи жизни и продолжала регулярно пополнять. Там же она разместила и мою новую одежду, благо свободного места оставалось ещё много — гардеробные при спальнях были рассчитаны на супружеские пары, а, как известно, львиную их долю заполняет именно женская одежда. Итак, я уже делила с Эдвардом гардеробную, ванную, спальню и кровать — осталось только разделить с ним жизнь. Но этого не произойдёт, пока я в его глазах ребёнок и не докажу ему обратное. Возможно, что-нибудь в анализах укажет на мой истинный возраст — на тот, на который я себя ощущала, а не выглядела. Мало ли, вдруг есть какие-то медицинские способы точного определения возраста. Надо будет уточнить у Карлайла.

Быстренько переодевшись в новую одежду, которая мало чем отличалась от вчерашней, — ну, удобно мне так, что ж теперь делать, — я вернулась к Карлайлу. На этот раз он хотел сделать мне рентген, УЗИ и МРТ. Для этого нам пришлось поехать в Форкс, в больницу, где он работал. Чтобы мне не засветиться там раньше времени, был разработан план, который прекрасно сработал. Когда мы подъезжали к городу, я легла на сиденье — сидела я сзади, — поэтому меня никто не заметил. Припарковавшись у задней двери больницы, Карлайл сгрёб меня в охапку и пулей пронёсся по коридорам — на такой скорости нас никто из людей просто не смог бы разглядеть. Закрыв меня в своём кабинете, он с такой же скоростью вернулся назад в машину, откуда не торопясь вышел и снова прошёл в свой кабинет, обычным человеческим шагом, со всеми здороваясь. Якобы ему нужно было поработать в своём кабинете с документами. Его никто не беспокоил, поскольку это была не его смена, а ничего экстренного в больнице не происходило. Таким же способом Карлайл перемещал меня из кабинета в кабинет, когда там точно никого не было, а потом, когда все нужные исследования были сделаны, — обратно в машину.

Но Карлайл хотел исследовать не только моё физическое, но и интеллектуальное и психическое состояние. Поэтому по возвращению, пока он корпел над моими анализами, я прошла целую уйму тестов. Мы расположились в кабинете Карлайла — оказывается, у него там во встроенном шкафу была целая лаборатория. Он признался, что очень любопытен и

часто проводит разные исследования, поэтому предпочитает иметь под рукой нужное оборудование. Я сидела за его письменным столом и разделялась с разными тестами — там, где надо было что-то решать или отвечать на вопросы. Иногда в дверь заглядывал кто-нибудь из младших Калленов, которым было очень любопытно, что у нас там происходит. Но Карлайл попросил их не отвлекать меня — это могло повлиять на результаты. Однажды тихонько вошла Эми, молча поставила передо мной тарелку с бутербродами и большой стакан яблочного сока и так же неслышно вышла. Только тогда я почувствовала, что проголодалась. Не отрываясь от решаемой в тот момент задачи, я быстро заглотнула принесённую еду и мысленно поблагодарила её. Только настоящая мама знает, что в данный момент нужно её детям, иногда даже лучше, чем они сами.

Когда Карлайл закончил колдовать над моими анализами — над теми, которые смог сделать в домашних условиях, например, сделать анализ ДНК сам он не мог, а отсылать мою кровь в лабораторию было небезопасно, — то провёл кое-какие физические замеры. Опять же, какие удалось. Например, при измерении объёма лёгких, я так дунула в приборчик, что пузырь, который был к нему прицеплен — или как он там правильно называется? — просто лопнул. И ещё я раздавила «Силомер». А не нужно было говорить мне: «Сожми его в ладони изо всей силы!» Ну, я и сжала. Но Карлайл не расстроился от потери прибора, сказал только, что и это тоже результат.

Уже наступил вечер, когда мы вышли к остальной семье, собравшейся в гостиной, с любопытством дожидаясь результатов исследований. Карлайл заранее спросил, не возражаю ли я, если он сразу расскажет всё мне в присутствии остальных, чтобы потом не повторять. Я была не против, наоборот, мне хотелось, чтобы рядом кто-то был, когда я буду выслушивать его вердикт.

Итак, я уселась на диван между Элис и Эми. Розали сидела в кресле, Эммет рядом с ней на подлокотнике, Джас и Эдвард стояли у нас за спиной. Мы все ждали, что же такого интересного сообщит нам Карлайл. И он нас не разочаровал. Первое же его сообщение повергло всех в шок. Всех, кроме меня.

— Энжи, у тебя двадцать пять пар хромосом!

Все ахнули. Что их так удивило? Да, это больше, чем у людей, но я-то не человек.

— А это плохо?

— Это поразительно! Дело в том, что и у нас тоже двадцать пять пар. Невероятно, что у тебя столько же. Видимо, ты гораздо больше похожа на нас, чем можно было бы предположить.

Элис порывисто обняла меня и чмокнула в щёку.

— Я так и знала, что ты не зря попала именно к нам! Мы явно принадлежим к одному миру, хотя у тебя есть кровь, а у нас нет. Но зато твоя кровь не вызывает у нас аппетита.

— Даже наоборот, — вступил в разговор Джаспер. — Как это ни странно, но запах твоей крови снижает его, убирает нашу жажду. Уж я-то это точно почувствовал.

— Джаспер очень долго питался человеческой кровью, и ему сложнее, чем всем нам соблюдать нашу диету, — пояснила мне Элис.

— Но рядом с тобой моя жажда исчезает. Я заметил это, когда мы ездили в город. Раньше мне было трудно находиться в толпе людей, но в этот раз я практически не обращал на них внимание. Потрясающе!

— Пожалуй, когда Энжи будет ходить с нами в школу, тебе станет легче там находиться, хотя бы на переменах и в столовой, — это уже голос Эдварда. Он стоял прямо

позади меня, положив руки на спинку дивана, Джаспер так же стоял позади Элис. Я откинулась назад, чтобы быть к Эдварду поближе и наслаждаться его чудесным запахом. — Жаль только, что на уроках вы будете далеко друг от друга.

— Я могу налить свою кровь в пузырьрёк. Пусть носит с собой, — предложила я, и в то же время услышала недовольный голос Розали:

— Она что, проживёт у нас настолько долго, что станет ходить с нами в школу?

Ну почему она относится ко мне с такой явной неприязнью? Я ей вроде ничего плохого не сделала? Надо обязательно расспросить об этом Элис. Хотя, пожалуй, лучше Эдварда — он же читает мысли и должен лучше знать, что происходит у Розали в голове. Заодно и лишний повод с ним пообщаться. Ладно, как только Карлайл нам расскажет всё обо мне, я спрошу его подробно. Кстати, кажется, разговор ушёл в сторону от первоначального. Что ещё Карлайл хотел нам сообщить? Видимо не только мне пришла в голову эта мысль. Все вдруг перестали переговариваться и вновь выжидающе уставились на Карлайла. Он улыбнулся и продолжил, обращаясь ко мне.

— Хотя температура у тебя всего семьдесят семь градусов (*по Фаренгейту. 25 по Цельсию), ты — существо теплокровное. Твоя температура остаётся неизменной вне зависимости от окружающей среды. Этим ты от нас отличаешься. Наша температура...

— Комнатная, — пробормотала я себе под нос, но меня услышали. Эммет расхохотался, но быстро умолк, получив шлепок от Розали.

— Да, ты права, именно комнатная, — улыбнулся Карлайл. — Она меняется в зависимости от внешней температуры, поэтому мы и кажемся такими холодными. А вот в тропиках мы не отличались бы в этом плане от обычных людей. Теперь, что касается твоего внутреннего строения. За небольшим исключением, ты ничем не отличаешься от человека. По крайней мере, все внутренние органы у тебя как у людей. На вид. А вот в строении скелета я заметил некоторые отличия. Первое и самое главное — плечевой пояс. У тебя есть несколько небольших дополнительных костей, соединяющих позвоночник, ключицы и лопатки. Для чего они предназначены, я понять не смог. Никакой функциональной нагрузки они не несут. И ещё кое-какие мелочи — кости верхних фаланг на пальцах рук и ног — несколько толще нормы, но это заметно только на рентгеновском снимке. Так же корни у клыков гораздо длиннее, чем у обычных людей — но и это со стороны незаметно. В остальном же ты абсолютно нормальна и здорова. Все органы в норме, никаких патологий. Мозг так же не пострадал. Никаких следов черепно-мозговой травмы я не обнаружил. Как и следов сросшихся переломов. Ни шрамов, ничего. Но, это меня, в общем-то, и не удивляет. А то, что твой желудок может переварить даже пластмассу, причём за минуты, ты уже и сама знаешь. И силу твою мы уже заметили.

— Бедный «Силомер», — захихикал Эммет.

— Бедный Эммет, — в тон ему подхватила Элис.

— Уже знаете, да? — я смущённо прикусила губу.

— Ещё бы, — продолжал веселиться Эммет. — Все слышали предсмертный треск несчастного прибора!

— Надеюсь, ты окажешься покрепче, — парировала Элис. — Ещё посмотрим, что Энжи сделает с тобой!

— Посмотрим! — Эммет никак не мог успокоиться.

— Перестаньте, — вмешалась Эсми. — Кажется, это не всё, что Карлайл хотел нам рассказать.

Все притихли.

— Спасибо. Я продолжу, — и Карлайл вновь обратился ко мне. — Пройденные тобой тесты показали невероятные результаты. Такого высокого IQ у людей просто не существует. Я встречал такое только у вампиров, да и то не у всех. Судя по всему, травма головы никак не повлияла на твой интеллект. И на психическое состояние. Таким образом, поскольку физически мозг тоже не пострадал, могу предположить лишь одно — твоя амнезия имеет психологический характер. Проще говоря, твой мозг сам заблокировал твою память. Почему это произошло, я не знаю. Возможно, это защита от чего-то страшного, чего твой мозг вынести не смог и выбрал такой способ самозащиты. Могу лишь сказать, что медицине известны такие случаи, и память к тебе может вернуться в любой момент. Или не вернётся никогда.

Я молча кивнула. Поскольку я знала и помнила многие вещи, часть из которых обязательно забыла бы, будь моя амнезия следствием травмы, я уже начала сама это подозревать. Слишком уж избирательна была моя память. Не помня своего имени и прошлого, я свободно ориентировалась в окружающем мире, не потеряв ни одного полезного навыка. Так что предположение Карлайла сюрпризом для меня не стало.

— И последнее, о чём я хотел бы рассказать. Кое-что, что привело меня в полное замешательство. Итак, самое необычное я обнаружил у Энжи в крови.

— Что-то ещё более необычное, чем двадцать пять пар хромосом? — недоверчиво проговорил Джаспер.

— Да, более. Дело в том, что в её крови кроме известных составляющих, я обнаружил совершенно неизвестные. Я изучил практически все живые организмы на Земле и могу с уверенностью заявить — таких ни у кого больше я не встречал. Никогда.

— Ты хочешь сказать, что Кнопка — инопланетянка? — Эммет, похоже, высказал общую мысль. Мою — точно. Я в шоке хлопала глазами, глядя на Карлайла, и судорожно пытаюсь собрать мысли в кучку. Я что, даже не с Земли? А откуда тогда? Меня что, выкинули из летающей тарелки?

Меня начало трясти мелкой дрожью. Да что ж это такое? Я же только успокоилась, только решила, что я не монстр, просто, возможно, наделена некими способностями и всё. Я смирилась с мыслью, что я не человек. А теперь оказывается, что я вообще не с Земли?

Я почувствовала, как меня накрывает чёрной волной. Так же, как в первый день, когда я подумала, что у меня куча разных способностей, и пришла от этого в ужас. Ещё немного — и я забьюсь в истерику или потеряю сознание.

В этот момент Эдвард метнулся вокруг дивана, подхватил меня, и, усевшись на моё место, усадил к себе на колени. Крепко обняв и прижав к груди, он начал покачивать меня, приговаривая что-то успокаивающее. Я вцепилась в него, как в единственный якорь, удерживающий меня от падения в бездну.

— Он вовсе не это имел в виду, успокойся! — И уже не мне: — Карлайл, объясни ей, видишь же — она напугана.

На мою голову легла рука, и надо мной раздался негромкий голос — видимо, Карлайл тоже подошёл успокоить меня.

— Прости, Энжи, я не думал, что ты так это воспримешь. И, конечно, я вовсе не считаю, что ты — инопланетянка. Твоё отличие от людей не настолько велико, чтобы такое предположить. У меня была другая теория: возможно, изменения в твоём организме — следствие мутации. Или, что так же возможно, результат некоего эксперимента. Но я ни на

минуту не усомнился в твоём земном происхождении — слишком многое связывает тебя с земными существами.

— Вечно ты, Эммет, говоришь, не подумав! Смотри, как ты её напугал, — я чувствовала, как маленькая ладошка Элис гладит моё плечо, в то время как она выговаривает брату.

— Прости, Кнопка, не хотел тебя напугать!

Я подняла голову с плеча Эдварда и обернулась. Неправильно, что Эммета ругают за то, в чём он не виноват.

— Ты тут ни при чём. Просто озвучил мои мысли. Не переживай, я уже в порядке.

Ох, ну зачем я сказала, что в порядке?! Теперь, раз Эдварду уже не нужно удерживать меня от истерики, мне придётся встать с его колен, ведь так? Господи, до чего ж не хочется! И тут произошло нечто, вогнавшее меня в краску. Мой желудок выбрал именно этот момент, чтобы громко напомнить о том, что уже много часов в него не попадало даже маковой росинки. Все разом зашевелились, Эсми кинулась на кухню и уже хлопала дверцей холодильника. Ну вот, опять я заставила всех волноваться.

Вздыхнув, я неохотно выпустила из рук рубашку Эдварда, в которую вцепилась, и встала с его колен. Шепнув: «Спасибо», я сделала вид, что пытаюсь разгладить смятую мною ткань, мимоходом погладив его грудь. Главное, чтобы это выглядело естественно, и никто ни о чём не догадался — Эдвард ведь тут же прочтёт их мысли, и прости-прощай непринуждённость нашего общения. Поэтому, как мне ни хотелось остаться рядом с ним — я развернулась и направилась в сторону кухни.

Надеюсь, что кошмары и сегодня меня посетят. Если результатом их появления является сближение с Эдвардом — я готова с радостью их терпеть.

Уже укладываясь в постель, — впервые за несколько дней я делала это самостоятельно, — я вспомнила, что о том, определил ли Карлайл мой истинный возраст, я у него так и не спросила.

Глава 5. Соревнование. Часть 1.

«Где ты! Где ты! Отзовись...»

С каждым разом голоса звучали всё более отчаянно и безнадежно. Их боль разрывала мне сердце, словно это я страдаю.

«Отзовись. Отзовись...»

Я чувствовала их отчаяние и горечь, как свои. Это было слишком тяжело. За что мне снова такие мучения? Снова и снова. Бесконечно.

«Где ты? Где же ты...»

Я уже и не пыталась откликнуться. Я знала, что это бесполезно. Но невозможно было привыкнуть к этому страданию, к этой боли, звучащей в каждом их слове и разрывающей мне сердце.

«Отзовись. Где ты...»

Пусть они уйдут! Прогоните их! Прогоните! Я не могу их больше слышать!

— Тихе, тихе, не плачь! Всё хорошо, я рядом! — нежный голос шепчет мне в ухо успокаивающие слова, маленькая ладошка гладит по волосам. Я жду, что голоса уйдут, но они продолжают звать меня. Этот голос слишком тихий, руки слишком слабые, они не могут защитить меня, не могут прогнать голоса.

— Эдвард, она продолжает плакать! Я не могу успокоить её. Ну, сделай же что-нибудь!

Сильные руки подхватывают меня и обнимают, закрывая и защищая от всех бед. Самый

прекрасный голос на Земле нашёптывает мне на ухо какую-то успокаивающую чепуху. Голоса начинают стихать и удаляться. Я изо всех сил вцепляюсь в него, утыкаюсь носом в надёжное крепкое плечо и, прерывисто всхлипнув пару раз напоследок, затихаю. Голоса ушли.

— Ничего не понимаю! Видимо, только ты можешь успокоить её, но почему? — в тихом голосе звучит недоумение пополам с недовольством. — Ну, что ж, в таком случае, оставайся. Раз уж так вышло.

Лёгкие удаляющиеся шаги, вздох: «Не понимаю!», звук закрывающейся двери. Сильные руки, обнявшие меня, слегка покачивают, словно баюкая, тихий голос едва слышно мурлычет мне в ухо какую-то мелодию, шевеля дыханием мои волосы. Я счастливо улыбаюсь, устраиваюсь поудобнее на широкой, надёжной груди и окончательно засыпаю.

И больше кошмаров я не видела.

Проснувшись утром, я ещё какое-то время лежала, просто наслаждаясь его объятиями. Эдвард не ушёл, он снова остался до утра. Я прекрасно помнила, что произошло ночью. Элис не смогла прогнать голоса. Видимо, больше никому, кроме Эдварда, это не под силу. Наверно, сказывается связь, которую я ощутила с первого мгновения, как взглянула в его прекрасные глаза. Я не знаю, что в тот момент произошло, но это действительно случилось. И ночное происшествие только лишний раз это подтвердило.

Я открыла глаза и улыбнулась.

— Доброе утро!

— Доброе, — он улыбнулся мне в ответ, и моё сердце забилось сильнее. Какой же он всё-таки красавец! И, конечно же, он заметил моё волнение. Нужно срочно отвлечь его, заговорить о чём-нибудь нейтральном. Тут мне, очень кстати, пришёл в голову один вопрос, который уже несколько дней не давал мне покоя.

— Эдвард, вот ты читаешь мысли у всех, верно?

— Не у всех!

— Ну, ладно, у всех, кроме меня. А ты можешь мне сказать, за что меня так невзлюбила Розали? Я вроде ничего плохого ей не сделала.

— Ну, это просто, — он улыбнулся, продолжая расслабленно лежать, опираясь на подушку и закинув руки за голову, а я приподнялась с его груди, которая последнюю пару ночей заменяла мне подушку, упёрлась в неё локтями, а подбородком — в ладошки, и приготовилась внимательно его слушать.

— Сначала, когда тебя только привезли, она просто была недовольна тем, что кто-то посторонний узнал нашу тайну. Розали очень болезненно восприняла твоё «вторжение» в семью — ведь ты не вампир, значит, для неё — чужак.

— Но я для всех чужак! Куда же мне деваться-то?

— Теперь ты уже стала членом семьи. И ты больше нам не чужая. С этим-то она уже смирилась.

— Ты сказал — «сначала»? Значит, есть что-то ещё?

— Да, есть. Розали просто-напросто ревнует.

— Что? — я буквально подпрыгнула, резко выпрямившись и недоверчиво глядя на Эдварда. — Не может быть! Да я никогда! Да с чего она взяла? У меня даже в мыслях не было!.. Я же к нему как к брату... И всё!..

— Успокойся, успокойся, я совсем не это имел в виду. Дело вовсе не в Эммете.

— А в чём же тогда? — немного успокоившись, я снова устроилась на кровати, на этот

раз усевшись, скрестив ноги по-турецки. Голубая фланелевая пижамка с овечками и облачками, купленная Элис в шутку, но очень уютная и удобная, поэтому сразу ставшая моей любимой, вполне позволяла мне принять такую позу.

— Ты, наверное, уже обратила внимание, что все мы, вампиры, довольно красивы?

— Да, что-то такое я вроде бы заметила, — улыбнулась я. — Надо быть совсем слепым, чтобы такое — и не заметить. Вы же все — просто совершенство!

— Ну, не то что бы совершенство, — похоже Эдвард даже немного смутился, — но мы, действительно, выделяемся среди людей. Хотя до того, как стать вампирами, мы все имели довольно обычную внешность. — И, видя мой недоверчивый взгляд, уточнил. — Ладно, не совсем уж обычную. Мы были довольно симпатичными. Но не более того. Красота пришла к нам в момент перерождения. А вот Розали была признанной красавицей ещё будучи человеком. И перерождение эту красоту только усилило. Поэтому даже среди нас, вампиров, она славится своей непревзойдённой красотой.

— Это понятно. Хотя я лично какой-то особой её не вижу. И Элис, и Эсми, и Розали — для меня как-то все одинаково прекрасны. Так, а ревность-то тут причём. Тем более ко мне?

— Розали очень тщеславна. Была такой ещё человеком, такой и осталась. Она очень гордится тем, что нет никого, кто превосходил бы её по красоте. И тут появляешься ты.

— А что — я? Да, я симпатичная, в принципе, на вашем фоне я не выделяюсь и дурнушкой не кажусь. Но и только.

Эдвард тяжело вздохнул, а потом взял меня за руку.

— Энжи, ты что, действительно не понимаешь, насколько ты обворожительна?

Наши глаза встретились. В его взгляде я увидела нечто, что заставило моё сердце биться с удвоенной скоростью. Неужели он тоже испытывает ко мне влечение? Неужели мои чувства не безнадежны? Его рука медленно поднялась и тыльной стороной ладони осторожно погладила меня по щеке. Мы продолжали зачарованно смотреть друг другу в глаза, потом взгляд Эдварда переместился на мои губы. Я почувствовала, как они пересохли и быстро облизнулась. Его взгляд загорелся диким огнём, рука с моей щеки скользнула на шею и стала медленно наклонять меня, притягивая к его лицу. Моё дыхание прервалось, я, не отрываясь, глядела на его губы, предвкушая первый в своей сознательной жизни поцелуй. И вдруг... В гостиной кто-то на полную громкость включил бейсбольный матч по телевизору. Громкие крики болельщиков заставили нас вздрогнуть, выведя из транса. Взгляд Эдварда резко изменился, на какую-то минуту в нём мелькнуло что-то типа ужаса, а потом он стал абсолютно спокойным и в какой-то степени безразличным. Словно ставни захлопнулись. А его рука, только что лежащая на моей шее, уже небрежно гладила меня по голове. Словно ничего и не произошло.

— А представляешь, малышка, какой красавицей ты станешь, когда вырастешь? Розали-то это прекрасно представляет, поэтому и ревнует.

Вот теперь я знаю, что испытывает воздушный шарик, когда его ткнули булавкой. Я сдулась точно так же, как этот самый несчастный шарик. Господи, он считает меня ребёнком! А я-то себе напридумывала. Неужели Эдвард заметил, что я чуть было его не поцеловала? Судя по его последним словам — вряд ли. Я отвернулась, чтобы он не увидел слёзы, навернувшиеся мне на глаза. Пожалуйста, пожалуйста, пусть он ничего не заметит. Такого позора я не переживу! Чуть не кинулась ему на шею, кошмар какой. Так, надо срочно взять себя в руки. И удирать подальше.

Я прыгнула с кровати и, бормоча: «Как уже поздно, я просто умираю с голоду»,

ретировалась в ванную. Там, включив на полную мощность воду и вцепившись зубами в полотенце, я несколько минут выла от безысходности и боли. Вся эта ситуация действовала на меня угнетающе. Как, как мне разорвать этот порочный круг? Он считает меня всего лишь ребёнком. И мне не доказать ему обратное, если только...

В следующую секунду я забросила изодранное в клочья полотенце далеко под ванную — потом выброшу, чтобы никто ни о чём не догадался, — и, быстро избавившись от пижамы, нырнула под душ. Побив все рекорды скорости, я уже через пару минут мчалась по дому, разыскивая Карлайла. К счастью, когда я выходила из ванной, Эдварда в комнате уже не было.

Вдруг мне в голову пришла мысль, что как только кто-нибудь увидит мою зарёванную физиономию, то могут последовать расспросы, дойдёт до Эдварда — даже если никто ему специально не расскажет, что помешает ему прочесть мысли, пусть даже невольно? — и он может заинтересоваться, с чего это мне реветь после нашего «ничего не было» на кровати? Эта мысль заставила меня притормозить и возблагодарить мою удачу за то, что я до сих пор никого не встретила. Но взгляд в зеркало, так удачно висящее на моём пути, убедил меня, что все мои опасения абсолютно беспочвенны. Лицо моё в данный момент, как и всё остальное время, светилось здоровьем и, чего уж греха таить, красотой. Откуда взяться покрасневшим глазам и распухшему носу при моей-то способности к регенерации? Могла бы и сама догадаться. И, успокоенная этим открытием, я помчалась дальше.

Карлайла я нашла в его кабинете. По запаху. За эти дни я прекрасно научилась различать запахи моих новых родственников и, как оказалось, могла неплохо брать след. Во всяком случае, никакой проблемы с поиском Карлайла у меня не возникло. Улыбнувшись этому новому открытию, я постучала и, дождавшись приглашения, вошла.

Доктор Каллен сидел за своим «лабораторным» столом и что-то там делал. Я предположила, что он колдует над моими анализами, пытаюсь вытащить из них ещё что-нибудь интересненькое. Услышав, что я вошла, он поднял голову от окуляров микроскопа и улыбнулся. Его такая добрая, располагающая к себе улыбка, сразу успокоила меня, внушив уверенность, что всё будет хорошо.

— Доброе утро, Энжи. Ты хотела о чём-то меня спросить?

— Да! Хотела! И доброе утро. — Не такое уж оно в результате оказалось доброе, но знать об этом всем остальным не обязательно. — Скажите, а есть какие-нибудь медицинские методы определения возраста?

— Да, конечно, и их довольно много. Рост, вес, зубы, кости, кожа, волосы — всё говорит о возрасте своего хозяина, надо просто суметь их услышать. Но тебя ведь это интересует не просто так, верно?

— Да, верно. Вот все почему-то уверены, что я ещё подросток. А не может так оказаться, что я просто невысокого роста, но уже взрослая?

— Извини, дитя моё, но порадовать тебя мне нечем. По всем параметрам тебе не больше пятнадцати лет. И дело не только во внешности. Я изучил, насколько сформировались твои будущие зубы мудрости, насколько затвердели кости и суставы. Не буду утомлять тебя подробностями, но всё указывает на то, что твоя внешность совпадает с биологическим возрастом.

Так, и здесь облом. Карлайл с его точностью и скрупулёзностью не стал бы делать голословных заявлений. Скорее всего, он много раз всё проверил и перепроверил. Но я продолжала цепляться за соломинку.

— Карлайл, а сколько вам лет?

— Мне пошёл триста шестьдесят второй год.

Почему-то меня это не удивило. Зрелость и мудрость не по годам, светились в его глазах, независимо от того, насколько молодо он при этом выглядел. Удивительнее было другое — моя реакция. Точнее — её полное отсутствие. Вот передо мной стоит человек, ну, не человек, а вампир, но внешне выглядящий как обычный человек, проживший несколько сотен лет, но меня это абсолютно не удивляет, не пугает, не ошарашивает. Мне это кажется совершенно нормальным. Теоретически я понимала, что вампиры бессмертны, но столкнуться с этим на практике... Я, конечно, знала, что Эдварду уже сто лет, но до ста лет люди всё же живут. Редко, но всё-таки доживают. Это было не настолько шокирующее. Но возраст Карлайла должен бы вызвать у меня хоть какую-то реакцию, не так ли? Но я воспринимала его слова так же спокойно, как если бы он сообщил, что знает пять иностранных языков, например. Да, много, ну и что? Помню, что я так же отреагировала при первой встрече на само существование вампиров. Да, не люди, ну и что? Я просто знала, что они есть, и что мне бояться их не стоит. Просто знала... Где же я жила раньше, с кем, и что было для меня нормальным в моей прежней, скрытой от меня сейчас жизни, раз отголоски из прошлого раз за разом заставляют поражаться и меня, и окружающих? Может, я когда-нибудь это узнаю...

Кстати, а сколько Карлайл знает языков? Спрошу при случае. Сейчас меня волнует другое.

— А что зубы мудрости говорят о вашем возрасте?

— Я понимаю, о чём ты, — улыбнулся Карлайл. — Но здесь совсем другое дело. Мы не меняемся. Вообще. А ты — меняешься. В твоём теле идут процессы, кровь и кожа обновляется. Твоё развитие не стоит на месте. Если бы ты остановилась в физическом развитии — всё было бы по-другому.

— Значит, я ещё расту? И, в конце концов, вырасту. А потом состарюсь. И умру... Ладно, спасибо за то, что честно ответили на мои вопросы.

Я развернулась и направилась к двери, но слова Карлайла заставили меня замереть с дверной ручкой в руке.

— Вырастешь — да. Состаришься — вряд ли. Умрёшь? Очень в этом сомневаюсь.

— В смысле? — других слов у меня не нашлось. Я стояла, вцепившись в дверную ручку, и хлопала глазами. Сюрпризы когда-нибудь закончатся?

— Я в том смысле, что твоя способность к регенерации просто не даст тебе состариться. В каком-то смысле ведь старость — это тоже болезнь. А ты на клеточном уровне побеждаешь любую болезнь, будь то травма, инфекция или старение. А поскольку твоё тело будет постоянно обновляться... В общем, всё живое, как правило, умирает от трёх причин: болезни, травмы, не совместимые с жизнью, или старение. Поскольку ничего из вышеперечисленного тебе не страшно, так от чего же тебе умирать?

— Стоп, подождите, дайте в себя прийти. Значит, я не только регенерирую, не старею, так ещё и не болею, так выходит?

— Всё верно. Я всю ночь изучал твою кровь, провёл несчётное количество тестов и могу утверждать совершенно определённо — никакие из известных болезней тебе не страшны. Твой иммунитет просто запредельный. Никогда не сталкивался ни с чем подобным. И, что не менее удивительно, капля твоей крови, введённая в заражённую человеческую кровь, моментально убивает инфекцию и очищает кровь. Она действует лучше любого лекарства и

при этом никакого конфликта с клетками человеческой крови не возникает. Это что-то совершенно поразительное.

Моя голова немного кружилась от обилия новой информации, пытаюсь всё осмыслить и выделить самое важное. Да, вот оно!

— Но если я не могу состариться, может, именно это со мной сейчас и происходит? Я просто не старею! Но я уже взрослая!

— Энжи, между взрослением и старением — большая разница. И взрослению твоя регенерация совершенно не препятствует. А вот когда ты вырастешь окончательно, и в твоём организме начнутся перемены в худшую сторону — вот тогда твоя особенность и проявит себя. А пока, извини, но ты — ребёнок. Но не расстраивайся. Как говорится, молодость — это недостаток, который с годами проходит. Так и у тебя. Потерпи немного, и ты станешь взрослой. Знаешь, не спеши взрослеть. Поверь, детство — это чудесная пора. И оно не возвращается, как бы нам этого ни хотелось.

— Хорошо, постараюсь радоваться тому, что имею.

Я повернула-таки дверную ручку и вышла из кабинета. На ручке остались следы от моих пальцев. Я вздохнула. Надо учиться контролировать свои эмоции, а то я так все вещи перепорчу.

Меня уже поджидали. Напротив двери, прислонившись к стене и скрестив на груди руки, стоял Эммет.

— Ну что, Кнопка, готова?

Глава 5. Соревнование. Часть 2

— Ну что, Кнопка, готова?

— К чему? — тупо уточнила я. В настоящий момент соображала я немного медленно, не смотря на мой хваленый запредельный IQ.

— Как к чему — к соревнованиям, конечно! Элис который день твердит, что ты меня сделаешь! Ну как, готова её разочаровать? Я буду остороженько, совсем-то не убью.

— Ты и так меня не убьёшь. Меня, похоже, нельзя убить. Но я, в принципе не против соревнования.

— Слушай, а как насчёт небольшого пари? Без ставок — какое же это состязание.

— Эммет, ты в своём репертуаре! — возмущённый голос Элис. Оказалось, что она, Джаспер и даже Розали стояли неподалёку, наблюдая за нашим диалогом. — Тебе мало того, что ты поспорил со мной?

— Я не против пари, только у меня денег нет, — я пожалала плечами.

— Сейчас будут, — это уже Джаспер. Он полез в карман, но его остановили слова Эммета.

— С детьми на деньги не играю. Как насчёт желания?

— Сначала скажи — какое желание? На kota в мешке я не соглашусь!

— Ничего особенного! Просто, если проиграешь, то в течение месяца, каждое утро будешь по пять раз громко кричать с балкона: «Эммет — самый сильный на свете!».

Что ж, вполне разумное желание. Но соглашаться просто так мне не хотелось.

— Неделя!

— Хорошо, три недели.

— Неделя!

— Ладно, две.

— Неделя!

— Десять дней. Это моё последнее слово.

— Неделя, или соревнуйся сам с собой!

— Ну, ты и шантажистка! Договорились, неделя.

Элис и Джаспер, всё это время тихонько хихикавшие над тем, как мы торговались, расхохотались в голос. Даже Розали улыбнулась. Неужели она начала потихоньку оттаивать?

— Ладно, а твоё желание каким будет?

— Ну... — я подняла глаза к потолку, притворяясь, что раздумываю. — Если выиграю я, то ты меня будешь катать.

Новый взрыв хохота. У наших свидетелей скоро истерика начнётся! А интересно, у вампиров бывает истерика?

— В смысле — «катать»? На машине?

— Нет, на спине! Десять кругов вокруг дома. Каждое утро. В течение месяца.

— Месяца? А не слишком ли много? Думаю, недели хватит.

— Месяц!

— Десять дней.

— О, по второму кругу пошли! Эммет, лучше сразу соглашайся! — похоже, Элис в моей победе не сомневается.

— Месяц! Или...

— Или я могу соревноваться сам с собой. Договорились, месяц. Тем более что тебе всё равно не выиграть.

— А она уже выиграла. Дважды. А ты даже не заметил. Элис права — Энжи сделает тебя на раз. — И Джаспер подмигнул мне. Что ж, по крайней мере, уже двое верят в мою победу. Может, пора поверить и мне?

Я ускакала, чтобы переодеться во что-нибудь более спортивное, потом забежала на кухню и наскоро заглотнула там кое-что из продуктов. Даже не стала сооружать бутерброды, а просто съела их составляющие, откусывая поочерёдно от батона, кусков сыра и ветчины, и запивая всё это соком прямо из пакета. Зато мой завтрак занял минуты три, не больше. Всё это время я обдумывала предстоящее «сражение». Сильно сомневаюсь, что действительно смогу противостоять Эммету, но кто знает, какие ещё сюрпризы во мне таятся? Не попробую — не узнаю. Не думаю, что Эммет сильно мне навредит, по крайней мере, сознательно, и в любом случае, исцелюсь я моментально. Итак, вперёд!

Спустя какое-то время мы все собрались на лужайке, которую я условно называла «задний двор», поскольку она находилась позади дома, между ним и рекой. Трое «судей» с удобствами устроились на перилах веранды, Карлайл и Эсми вышли на балкон. Только Эдварда не было видно.

— Он уехал в Сиэтл. Ещё утром. Сказал, что у него срочные дела, — правильно истолковав мой шарящий по окрестностям взгляд, сообщила мне Элис.

Обидно. С другой стороны, если мне здорово достанется, то я не хотела бы, чтобы он это видел. У меня ещё сохранились небольшие остатки гордости. Ещё не хватало, чтобы Эдвард попытался вмешаться и запретить Эммету «обижать ребёночка»!

— Жаль, что он пропустит такое шоу. Но ничего, Джас установил видеокамеру, и, вернувшись, он сможет всё увидеть. Конечно, он сможет увидеть это и в наших мыслях, но всю полноту картины лучше передаст всё же камера. — Кажется, Элис подумала обо всём.

Для чистоты эксперимента было решено, что мы с Эмметом будем меряться силами в

разных, так сказать, «видах спорта». А по результатам выяснится победитель. Эммет настоял, что сначала будет схватка — ему не терпелось доказать Элис, что он справится со мной одной левой. Договорились, что проиграет тот, кто первым окажется на земле.

Я смотрела на огромного, как медведь, Эммета, неторопливо приближающегося ко мне, с явным намерением сгрести в охапку и бросить на землю. Понимая, что если попаду в его «ласковые» объятия, то могу быть просто раздавлена в лепёшку, я решила попытаться избежать этого любой ценой. Поэтому в тот момент, когда он был уже в шаге от меня, я поднырнула под его широко раскинутые руки, благо рост позволял сделать это, почти не нагибаясь, и оказалась у него за спиной. Услышав удивлённые возгласы со стороны дома, я поняла, что произошло. Я переместилась мгновенно, просто оказалась там, где хотела быть, не затратив на это ни секунды времени. Тут мне снова вспомнились слова Эммета из моего видения: «Кнопка почти такая же быстрая, как и мы». Теперь я получила этому наглядное подтверждение. Если я почти, но всё же не совсем, равна ему по скорости, значит, это надо компенсировать чем-то иным. Ну что, Эммет, потанцуем?

Следующие несколько минут мы носились по поляне, как молнии. Эммет пытался меня схватить, я же вертелась вокруг него, обходила, перепрыгивала, подныривала, в общем, делала все, чтобы не позволить ему ко мне прикоснуться. Наконец, в какой-то момент, когда Эммет пролетел мимо меня, поскольку я отпрыгнула в сторону, я схватила его за ногу и изо всех сил дёрнула. Я надеялась его слегка сбить с курса, дезориентировать, но того, что вышло, я не ожидала. Эммет продолжил по инерции лететь вперёд, параллельно земле, потом, пролетев несколько метров, рухнул плашмя, и ещё немного проехал на животе, вспахивая полянку. Пару секунд он продолжал лежать, приходя в себя от неожиданности, и этого времени мне вполне хватило, чтобы запрыгнуть к нему на спину, сплясать несколько па победного дикарского танца и удрать на веранду к зрителям, встретившим меня аплодисментами. Даже Розали улыбалась, глядя на ошарашенного Эммета, не спеша встающего, отряхивающегося и выплёвывающего землю.

— Реванш! Немедленно!

— Ладно, — я ни капельки не устала и была готова к новым свершениям. — Что теперь?

Ни говоря не слова, Эммет развернулся и помчался к лежащему на берегу реки большому каменному валуну, размером с кухонный стол. Обхватив его руками, он приподнял его практически без усилий, потом крутанулся на месте и швырнул его. Валун пролетел метров пятьдесят вдоль реки и, упав, проехался по полянке, вспахивая землю и оставляя после себя глубокий след. Я вспомнила, как пару минут назад Эммет сам точно так же вспахивал землю и тихонько рассмеялась. А он, скрестив руки на груди, гордо смотрел на меня.

— Попробуй хотя бы приподнять, Кнопка!

Я подошла к валуну и обошла его кругом, примериваясь, с какой стороны за него легче ухватиться. Сомневаюсь, что мне удастся кинуть его, так, как это сделал Эммет, но попытаться-то я могу? Всё же я смогла перетянуть Элис там, в магазине, а ведь она, несмотря на свои небольшие габариты, тоже сверхсильный вампир. Правда, тогда особо и не сопротивлялась, но всё же. Ладно, не стоит оттягивать, а то вон Эммет уже хихикать начал, глядя на мой «хоровод» вокруг валуна.

Я присела, подсунула ладони поглубже под камень, — обхватить его я не смогла бы при всём желании, — и, напрягая все силы, выпрямилась. И чуть не свалилась с ног от

собственного рывка. Зря я приложила столько усилий, — я подняла валун легко, словно он практически ничего не весил. Только держать его на вытянутых руках было неудобно, — центр тяжести перевешивал, — поэтому я подняла его над головой. Потом, чуть присев и согнув локти, резко выпрямилась и швырнула его обратно, как баскетбольный мяч. Просвистев над головой ошеломлённого Эммета, валун с гулом рухнул метрах в тридцати от своего первоначального местоположения. С веранды раздались вопли и улюлюканья, словно с трибуны стадиона. Я запрокинула голову и расхохоталась от распиравшего меня счастья! Я сильная! Я суперсильная! Я справилась!!!

Не говоря ни слова, Эммет вновь подлетел к валуну и, размахнувшись, саданул по нему ребром ладони. Валун загудел, и от него откололся довольно большой кусок. Так же молча, он повернулся ко мне и мотнул головой на дело своих рук, предлагая присоединиться. Вдохновлённая своей предыдущей победой и ощущая себя суперменом в юбке — хотя была в шортах, — я без раздумий подлетела к валуну, мельком отметив, что бежала я не быстрее, чем обычный человек, но решив обдумать это позже, и, со всей дури, шибанула по камню кулаком. Камень негромко загудел и слегка треснул, а я взвыла гораздо громче, поскольку треснула намного сильнее. В ужасе я рассматривала нечто, секунду назад бывшее моей правой рукой. Сила моего же собственного удара была такова, что рука сломалась в нескольких местах, а кулак вообще превратился в лепёшку.

В следующее мгновение нас окружили Каллены. Кто-то обнимал меня, кто-то орал на Эммета — хотя он-то здесь причём, у меня своя голова на плечах имеется. А Карлайл попытался заняться моей рукой — инстинкт врача сработал даже там, где в этом не было необходимости. Но я помотала головой, — говорить я пока не могла, поскольку, чтобы не орать, прикусила губу до крови, — и отстранила его здоровой рукой. Сообразив, что помощь мне не нужна, он ограничился лишь тем, что слегка сжал моё плечо, выражая сочувствие. Элис и Эсми обнимали и гладили меня с двух сторон, Эммет бормотал какое-то извинение, все говорили разом.

Но постепенно гул голосов у меня над головой стих. Я подняла глаза, заинтересовавшись, что заставило их замолчать, и поняла, что все дружно смотрят на мою руку. К этому времени я уже почти не чувствовала боли и сама стала с интересом наблюдать, как моя рука прямо на глазах выпрямляется, принимает нормальный вид, цвет с синюшно-багрового меняется на обычный, здоровый. Не прошло и минуты, как моя рука была абсолютно цела. Я несколько раз разжали и вновь сжала кулак, затем повертела рукой, демонстрируя её остальным. Потом выпустила из зубов прокушенную губу, а когда в следующий момент слизнула с неё выступившую кровь, то мой язык скользнул уже по абсолютно гладкой, целой поверхности. И хотя я слышала рассказ Карлайла о своей регенерации и даже видела, как затягивались небольшие ранки, когда мы пытались взять у меня кровь на анализ, но увидеть воочию восстановление после такой травмы было некоторым шоком. Видимо, для большинства моих зрителей — тоже.

— Ничего себе! Я такое только в кино раньше видел. Но там — спецэффекты.

— Мы тоже исцеляемся, но не так.

— Уж ты! Фантастика!

— Тебе что, уже не больно? Совсем?

Все заговорили разом. Мою руку осматривали и ощупывали, не веря своим глазам. Наконец строгий голос Эсми положил этому конец.

— Оставьте её руку в покое, пока снова не поломали. Эммет, как тебе такое только в

голову пришло?

— Я как-то не подумал. Я бы не причинил ей вреда, правда! Я же не знал, что так выйдет.

— Больше никаких соревнований. Это слишком опасно!

— Да, конечно. Кнопка, ты выиграла. Признаю.

Все направились к дому, негромко переговариваясь, обсуждая произошедшее, а я осталась стоять на месте. Ну уж нет, это не должно так закончиться. И сколько ещё Эммету будет напрасно влетать по моей вине? Я не могла этого допустить.

— Нет! — громко и чётко произнесла я. А дождавшись, когда все остановились и обернулись ко мне, продолжила. — Нет! Соревнования продолжаются. Мы ещё не закончили.

— Но, Энжи! Ты же поранилась, — всполошилась Эсми. — А вдруг это снова произойдёт?

— Да, я поранилась. По своей собственной глупости и самонадеянности. И это моя вина, а не Эммета. Я сама должна была думать, стоит ли мне пытаться повторить то, что сделал он. И я за это поплатилась. Но теперь я в порядке. И хочу продолжить. Мне самой это нужно. А если со мной снова случится нечто подобное — переживу.

— Молодец. Уважаю, — это Джаспер.

— Ты уверена? Может, всё же не надо? — Элис, как всегда волнуется за меня.

— Ну, раз уж Энжи сама так решила.... — а это Карлайл. Уверен, что каждый имеет право сделать собственный выбор.

— Да, я решила!

— Тогда продолжим! — Эммет потирал руки от предвкушения. Потом кивнул на тропинку, огибающую дом. — Пробежимся?

И мы помчались вокруг дома. На этот раз я бежала совсем не как обычный человек. Видимо, моя скорость включалась только тогда, когда я этого сама хотела. Калленам приходилось прилагать усилия, чтобы двигаться медленно, а мне — чтобы быстро. Ладно, об этом я подумаю потом, а теперь я должна была поднажать — Эммет медленно, но верно уходил в отрыв. Но даже приложив все усилия, я не смогла его догнать и к финишу отстала где-то на четверть круга. Итак, теперь я точно знаю, что означает слово «почти» в его сравнении наших скоростей. Причём Эммет ещё не самый быстрый в семье. Элис много чего порассказала мне о Калленах, пока мы полдня бродили по магазинам, упомянула и это тоже. Эммет — самый сильный, а вот самый быстрый в семье — Эдвард. От него я, наверное, вообще на полкруга бы отстала. Но даже мчаться лишь в половину вампирской скорости — по-моему, очень даже неплохой результат.

Последнее состязание было по прыжкам. Никого не удивило то, что я прыгнула и дальше, и выше Эммета. Ведь силы, как показало бросание камня, у меня было больше, а вес, который мне пришлось поднимать, — то есть самую себя, — гораздо меньше.

В итоге наше соревнование закончилось со счётом три-два в мою пользу. Эммет пытался придумать ещё хоть что-нибудь, чтобы взять реванш, но соревнование по армрестлингу Карлайл решительно запретил, а остальные дружно его поддержали. Действительно, хотя у меня был реальный шанс победить, но это могло закончиться очередной травмой — в пылу борьбы Эммет, забывшись, мог так сжать мою ладонь, что раздавил бы её. В итоге он согласился признать поражение и отдал Элис свой проигрыш. Та тут же передала его мне, заявив, что у меня должны быть карманные деньги. Вот только на

что я смогу их потратить сидя дома — так и не смогла объяснить. А Эммет заявил, что всё равно найдёт что-нибудь, в чём сможет превзойти меня — уж очень ему хотелось свести результат к ничьей. Ну что ж, я была не против. Для меня выигрыш не был главной целью, просто соревнование помогло мне раскрыть в себе какие-то новые способности, о которых я и не догадывалась. А выигрыш — это уже вторично. Хотя, не скрою, очень приятно.

А потом Эммет, на глазах у смеющихся зрителей, катал меня вокруг дома — исполнял условие нашего пари. Похоже, ему это понравилось ничуть не меньше чем мне — этот огромный, восьмидесятипятилетний мальчишка весело ржал, подпрыгивал и «бил копытами», — словом всячески изображал лошадку. И хотя теперь я знала, что и сама могла двигаться с ненамного меньшей скоростью, кататься мне от этого понравилось ничуть не меньше.

Глава 5. Соревнование. Часть 3.

Оставшийся день прошёл спокойно. Эммет с Розали куда-то уехали. Эсми хлопотала по дому, отклонив предложенную мной помощь. Элис объяснила мне, что Эсми обожает заниматься домом, создавать уют для домочадцев, но поскольку со своей вампирской скоростью справляется с любой работой молниеносно, то ей никто не помогает, чтобы не лишать радости что-то делать для остальных. Я прикинула, что если навалиться скопом, то на генеральную уборку всего дома уйдёт минут пятнадцать, не больше. Правда, только в том случае, если не пользоваться бытовой техникой, например пылесосом. В этом случае времени уйдёт гораздо больше.

Карлайл закрылся в своём кабинете и продолжил изучать мою кровь. Не представляю, что ещё он надеялся выяснить, ну да мне не жалко, надо будет — ещё сдам. Джаспер колдовал над фильмом. Как оказалось, он установил сразу несколько камер в разных местах и теперь монтировал из них нечто удобоваримое, чтобы продемонстрировать Эдварду. Я надеюсь, что моя покалеченная рука в кадр не попала, — в конце концов, меня в тот момент обступили плотным кольцом, а то мне совсем не хотелось, чтобы он увидел меня, так сказать, не в полной комплектации. Для Эдварда мне хотелось быть красивой. Имела же я право на эту маленькую женскую слабость? А висящая плетью, багрово-синяя, исковерканная рука красоты мне явно не добавляла.

Элис на это время предъявила права на меня, и мы уселись смотреть по телевизору какую-то лирическую комедию. Эсми принесла мне целую гору бутербродов, и я умяла их в мгновение ока. Уж не знаю, что в этот раз так повлияло на мой аппетит — физические упражнения на свежем воздухе или затраты энергии на восстановление руки, но съела я в этот раз гораздо больше обычного. Эсми, видя с какой жадностью я глотаю еду и, сделав те же выводы, ещё дважды приносила мне добавки. Наконец, утолив основной голод, я принесла чипсы, оставшиеся после нашей поездки в город, и предложила Элис жвачку — из тех же запасов, но она вежливо отказалась от моего щедрого подношения. Я не запомнила, что мы смотрели, потому что мои мысли были далеко отсюда. Где Эдвард? Почему его нет так долго? Он же уехал совсем один. А вдруг он попал в беду, а меня нет рядом, чтобы его спасти. Я чувствовала, что моё нервное напряжение растёт. Умом-то я понимала, что на свете нет практически ничего, что предоставляло бы для него опасность, но это умом. А вот где-то на уровне инстинкта всё во мне рвалось оказаться рядом, убереечь, защитить. Я усилием воли заставляла себя не сорваться с места и не кинуться на поиски. Я сидела, уставившись в телевизор, машинально глотая чипсы и кивая и мыча в ответ на комментарии

Элис, надеюсь в нужных местах.

Потом фильм закончился, и Элис куда-то ушла с Джаспером. Я не стала интересоваться — куда, а просто вышла на балкон, с которого была видна подъездная дорога, уселась на перила и стала ждать. Я сидела, обхватив колени руками и не сводя глаз с подъездной дорожки.

Спустя пару часов, к дому подъехал серебристый Вольво. Даже не знай я, что это машина Эдварда, я бы поняла это по тому облегчению, которое испытала. Эдвард здесь, жив и здоров, в безопасности. Теперь можно расслабиться.

Оттолкнувшись от перил, я легко спрыгнула вниз и мягко приземлилась недалеко от машины. Подумаешь, всего-навсего второй этаж. Соревнуйся с Эмметом в прыжках, я взлетала и на большую высоту.

Эдвард вышел из машины и окинул меня удивлённым взглядом. Потом обвёл взглядом дом, словно прислушиваясь. Потом улыбнулся мне. Ласково. Невероятно доброй, прямо-таки отеческой улыбкой.

— Итак, соревнование всё же было?

— Да. И ты пропустил много интересного.

— Я знал, что Эммет жаждет помериться с тобой силами, но не думал, что это произойдёт прямо сегодня.

— А где ты был? — надеюсь, мне удалось вложить в эти слова достаточно равнодушия с оттенком лёгкого любопытства. Эдвард не должен догадаться, что я тут с ума без него сходила.

— Да так, было одно незавершённое дельце в городе. Утром вспомнил. Ничего особо важного, но это требовало моего присутствия. Кстати, я кое-что тебе привёз.

С этими словами он полез в багажник и вытащил два больших пакета. Эдвард привёз мне подарки! Он помнил обо мне, выбирал что-то именно для меня. Я тут же сунула нос в ближайший пакет.

Шоколадки. Конфеты. Яркие упаковки со всевозможными пряниками и печеньем всех сортов. Чупа-чупсы. Жвачка. Внизу пакета я разглядела упаковку вафельного торта. Похоже, Эдвард собрал все возможные вкусности, какие только нашлись в магазине. Ну и как я должна на это реагировать? Всё это, конечно, очень вкусно, и я с удовольствием всё это съем. А тем более — купленное Эдвардом специально для меня. Будет вкуснее вдвойне. Но некий червячок сомнения начал покусывать меня изнутри. И хотя я запретила себе видеть в любых словах и действиях окружающих намёк на то, что я ещё слишком юная, этот подарок, состоящий из одних сладостей... Он же просто вопил: «Предназначено для ребёнка!» Но, возможно, я преувеличиваю? И все эти сладости — просто дополнение к другому, нормальному подарку? Пакетов же два. Сейчас же радостно улыбнись, покажи, как ты счастлива заполучить такой чудесный вкусный подарок и узнай, наконец, что находится во втором пакете!

В то время, пока я едва ли не с головой залезла в этот мешок Санта-Клауса, Эдвард достал главный подарок из другого пакета. Я взглянула, и мне захотелось расплакаться. Это был роскошный подарок. Чудесный подарок. Восхитительный подарок. Для девочки семи лет.

Большой розовый медвежонок. Очень пушистый. С большим розовым бантом. С совершенно очаровательной мордочкой. Предназначавшийся для совсем маленькой девочки.

Итак, Эдвард решил поиграть в доброго, заботливого дядюшку? Но явно переиграл.

Подарок был слишком нарочитый. Хуже могла бы быть только погремушка. Даже когда Эми считала, что мне не больше двенадцати лет, и то она подобрала подарок в соответствии с этим возрастом. Кстати, не забыть бы поиграть с куклой сегодня вечером. Что б ей не было обидно. Но Эдвард своим подарком просто выдал себя с головой. Он пытается убедить и меня и себя, что я ещё совсем малышка. Но для чего ему это нужно?

Крошечный огонёк надежды начал загораться у меня внутри. Возможно то, что произошло сегодня утром, мне не почудилось? Возможно, его влечёт ко мне не меньше, просто он запрещает себе эти чувства по отношению к малолетке, вот и старается воздвигнуть между нами стену, нарочито подчёркивая разницу в нашем возрасте. Вот только считает он неправильно. Если ему — семнадцать лет, то мои пятнадцать — не так уж по сравнению с ним и мало. А если ему сто лет, то при разнице в восемьдесят с лишним, плюс-минус пара лет вообще никакой роли не играет. Но скорее всего, его смущает то, что я — несовершеннолетняя? Но я же не прошу прямо сегодня же вести меня под венец или затаскивать в постель. Честно говоря, я не чувствовала себя готовой ни к тому, ни к другому, хотя и знала, что наши жизни связаны навек. Пока не готова. Но у нас впереди вечность, если верить Карлайлу, так что мы всё это ещё успеем. Но и так демонстративно отстраняться от меня совсем не обязательно. Ласковые прикосновения, и не только для того, чтобы утешить, поцелуи — против всего этого я вовсе не возражала, а даже наоборот, желала. Как же мне преодолеть эту невидимую, но прочную стену, разделяющую нас?

Все эти мысли пронеслись в моей голове в одно мгновение, в то время как я разглядывала этого чудесного во всех отношениях медвежонка. Что ж, играть, так играть. Ты хотел маленькую племянницу — ты её получишь! А как маленькие девочки благодарят обожаемых дядюшек за такой восхитительный подарок? Ну, Эдвард, держись!

Расплывшись в сладкой улыбке, я схватила медвежонка в охапку, крутанулась разок вокруг своей оси, а потом неожиданно запрыгнула на Эдварда, обхватив его ногами за талию, я руками за шею — медвежонок висел в моей правой руке, совершенно не мешая этому объятию. Он машинально обхватил меня, чего, собственно, я и добивалась. Прижавшись щекой к его щеке, я радостно забормотала ему в ухо:

— Спасибо, спасибо! Он такой чудесный!

После чего расцеловала его в обе щеки, а потом, слегка отстранившись, заглянула ему в глаза, чтобы увидеть реакцию на эту детскую непосредственность.

Глаза Эдварда вспыхнули уже знакомым мне огнём. Его руки крепче прижали меня к себе. Какое-то время мы, затаив дыхание, смотрели друг другу в глаза, но вдруг он моргнул и отвёл их, глядя куда-то в сторону леса. Потом, взяв меня за талию, аккуратно ссадил на землю.

— Не за что, малышка. Я рад, что тебе понравилось.

Сработало! Не знаю, понял ли он, что я играю, или принял мой порыв за чистую монету, но отреагировал он на мою близость несомненно. Итак, я оказалась права. Его ко мне тоже тянет, но он запрещает себе относиться ко мне как к объекту «взрослой» любви. Зато мне этого никто запретить не может. И теперь я знаю, какую тактику мне выбрать. Эдвард, сам того не ведая, дал мне в руки отличное оружие — детскую непосредственность. Ребёнку прощается многое, и я буду пользоваться этим без зазрения совести. А там — посмотрим. Капля камень долбит.

В этот момент я поняла, что отвлекло Эдварда. Со стороны леса явно кто-то приближался. Причём не один.

— Двое. Судя по скорости — вампиры. Поскольку Эммет с Розали уехали на машине, а Карлайл с Эсми дома, то это либо Элис с Джаспером, либо к вам заявили гости. Мне идти прятаться?

— Не стоит, — улыбнулся Эдвард, вновь становясь самим собой. Ага, «дядюшкино» выражение лица отправлено в запас, надеюсь, надолго. — Это Элис и Джаспер. Но они ещё довольно далеко. Неужели ты их уже услышала?

— Но ты слышал их ещё раньше! Так что же в этом особенного?

— Нет, я слышал их мысли, а вот шаги — только что, одновременно с тобой. Сколько же ещё сюрпризов ты нам приготовила, малышка?

В этот раз я почему-то совсем не обиделась на «малышку». Мне даже это стало немного нравиться. Теперь, когда я догадалась, что на самом деле ребёнка он во мне не видит, всё стало намного проще. Пусть зовёт, мне не жалко, в конце концов, не обижаюсь же я на «Кнопку» Эммета.

— О, ты и половины не знаешь. Сегодня вообще день сюрпризов и открытий. Но Джаспер снял всё на видео, так что и ты сможешь сам всё увидеть. Поэтому ничего тебе заранее рассказывать я не буду — не хочу портить сюрприз.

К этому времени Джаспер и Элис уже появились на опушке и через пару секунд подбежали к нам.

— Ой, Эдвард, что сегодня было! Ты такого точно ещё не видел. Идём скорее, Джаспер всё смонтировал, тебя ждали, чтобы всем показать. Идём, идём скорее! — Элис едва не подпрыгивала от нетерпения.

— А Розали и Эммет как же? Может, дождёмся их? — мне казалось несправедливым, что один из главных действующих лиц фильма не посмотрит его первым.

— Они вернутся сегодня поздно. И Джаспер уже переслал им видеофайл, как только всё смонтировал, так что, возможно, они уже всё посмотрели. Ну, идём же. — И схватив меня за руку — в другой я всё ещё держала медвежонка, — потащила в дом. Я не стала сопротивляться, только оглянулась на оставшийся возле машины пакет со сладостями, но увидела, как Эдвард подхватил его и понёс вслед за нами.

Мы все разместились у телевизора. Я, не глядя, выгребла себе на колени горсть вкусностей из пакета и посадила рядом с собой медведя. Не важно, для каких целей Эдвард мне его дарил — это всё равно подарок от него, он искал, выбирал, нашёл для меня такую красоту. Рядом со мной устроилась Элис, а рядом с медведем — Эсми. Мужчины предпочли стоять.

Начался фильм. Было интересно со стороны наблюдать за происходящим. Во время первого состязания, когда я уклонялась от Эммета, я действовала инстинктивно и мало что запомнила. Перемещалась — и всё. Но со стороны это выглядело впечатляюще. Человеческий глаз вообще ничего бы не разглядел, но для меня всё было четко и понятно. Возможно, я и уступала Эммету в скорости, зато брала проворством. После того, как он пропахал носом газон, Джаспер поставил фильм на паузу и обратился ко мне.

— Я заметил это ещё во время вашего поединка, а монтируя фильм, убедился окончательно. Энжи, ты понимала, что именно ты делала в тот момент?

— Честно говоря — не очень. Я просто знала, что не должна позволить Эммету меня схватить и уворачивалась, как могла.

— Ты не просто уворачивалась. Твои движения отточены до профессионализма. Тебе явно не впервой участвовать в спарринге. Тут видны следы долгих тренировок, твои

движения отработаны до автоматизма. Я говорю это как специалист, — долгие годы я учил новорожденных вампиров сражаться. И поверь, ни один из них не смог бы с тобой справиться. Возможно, даже я бы не смог, хотя это не факт, всё же двигаешься ты медленнее нас.

Я не знала, что на это ответить. Сегодня был очередной день открытий. И если верить Джасперу, — а у меня не было причины сомневаться в его словах, — то у меня не просто сверхспособности, их кто-то сознательно развивал, тренируя меня. Что же за жизнь я вела до того, как попала сюда?

— У бедняги Эммета не было никаких шансов, — несмотря на эти слова, чувствовалось, что Элис Эммета совсем не жалко.

— Да, никаких. Он полагается только на свою силу, но он не боец в прямом смысле этого слова. Ему просто негде было этому научиться. Он постоянно пытается подбить нас с Эдвардом на соревнование, но даже если мы и соглашаемся, что бывает крайне редко, то всё равно побеждаем. Я — благодаря своему опыту, а Эдвард...

— А Эдвард читает мысли и предугадывает все его действия, верно?

— Верно. А вот твои мысли он читать не может. Хммм, интересно....

— Я не стану с ней сражаться, — вступил в разговор молчавший до этого Эдвард. — Никогда. Это слишком опасно. Лучше давайте смотреть дальше.

В следующей части я наблюдала за собой, поднимающей огромный валун, словно он весил не больше баскетбольного мяча. Со стороны это выглядело впечатляюще и совершенно нереально — я казалась такой крошечной рядом с этой каменной громадой, казалось, что камень в любой момент может раздавить меня, как муху. Мне эта часть очень понравилась — в отличие от следующей. Камера бесстрастно запечатлела мой глупый поступок — предыдущий триумф вскружил мне голову, заставив почувствовать себя всесильной. Но мне тут же был преподан урок — довольно жестокий и болезненный, но, безусловно, полезный. В тот момент, когда на экране я разбивала свою руку об камень практически вдребезги, я услышала за спиной, как Эдвард со свистом втянул в себя воздух. Потом перегнулся через спинку дивана и, схватив мою правую руку, принялся внимательно её разглядывать, поворачивая из стороны в сторону.

— Да я в порядке. Всё зажило уже, — постаралась я успокоить его. Он ещё раз внимательно исследовал и ощупал мою руку.

— Было очень больно?

— Не так чтобы очень. Но вначале — да, было больно. Но быстро прошло, не волнуйся.

— Я встречал в своей практике травмы, гораздо менее тяжёлые, чем у Энжи в тот момент, и взрослые мужчины теряли сознание от болевого шока. А она лишь вскрикнула в самом начале и всё. Видимо, у неё очень высок болевой порог. Тебе повезло, дитя моё, — и Карлайл ободряюще похлопал меня по плечу.

— Вы пропустите самое интересное. Вот, посмотри, Эдвард, такого ты ещё не видел! — и Джаспер перемотал фильм немного назад, чтобы снова продемонстрировать пропущенный Эдвардом — да и мной, тоже — эпизод. Зря я надеялась, что моя раненая рука не попадёт в кадр. Да, установленные камеры её заснять не могли, зато с этим отлично справился мобильный телефон, подозреваю, что принадлежащий Джасперу. На экране было прекрасно видно, как за считанные секунды моя рука из чего-то невообразимого и почти бесформенного, вновь превращается в нормальную конечность. Все, затаив дыхание, наблюдали за этим чудом, потом попросили Джаспера вновь прокрутить этот эпизод, потом

ещё и ещё. Наконец мне это надоело, и я попросила продолжить. Сколько можно? Ну, зажило и зажило, и ладно. Мне уже это не казалось чем-то особенным. В каком-то смысле, я уже привыкла.

Дальше никаких сюрпризов не было. Всё прошло так, как я и запомнила. Особенно мне понравились выражение наших с Эмметом лиц, когда мы носились вокруг дома, изображая наездника и лошадку. Думаю, проигрыш пари уже не казался ему чем-то ужасным.

Когда фильм закончился, и мы дружно разбирали увиденное по косточкам, раздался звук приближающейся машины. Я заметила, что все слегка насторожились в тот же момент, что и я. Значит, мы услышали это одновременно, и прошлый раз с Эдвардом не был исключением. В этом мы оказались равны. Ещё кое-что общее. Ну почему, почему же мы настолько похожи, при всех основных различиях? Я словно была неким промежуточным звеном между людьми и вампирами, слишком многое у меня было и от тех и от других. Я словно зависла где-то между мирами: физически скорее человек, я имела практически все сверхспособности вампиров, в чём-то слегка отставая, а в чём-то и превосходя. И при этом, не стоит забывать, я могла блокировать и даже приобретать их личные способности — такая нестандартная форма защиты не могла возникнуть просто так. Мы явно были как-то связаны между собой, узнать бы еще — как?

Пока я размышляла, машина остановилась возле дома, и через секунду Эммет влетел в гостиную, где мы расположились.

— Я знаю, в чём тебе не победить, Кнопка! Уж в этом-то ты точно проиграешь! Так что можешь сразу сдаваться! — он чуть не приплясывал, безумно довольный собой.

— Идиотская идея! — Эдвард вырос перед ним, словно загораживая меня. — Тебе что, мало того, что она поранилась? Эти твои соревнования ни к чему хорошему не приведут.

— Да ладно тебе, Эдвард. Никакого соревнования на этот раз просто не будет. Она сразу признает поражение и всё.

— Послушайте, нам ведь тоже интересно, о чём это вы говорите! — возмущённо вмешалась Элис. — Не все могут читать мысли, как ты, Эдвард. Может, объясните, о чём речь?

— Это точно не опасно? — Эсми, как всегда, первым делом заботится о моей безопасности.

— Слушай, Кнопка, я вызываю тебя на соревнование. Победит тот, кто дольше сможет не дышать! — Эммет обратился ко мне со всей торжественностью, на какую был способен. Но тут же не выдержал тона и захихикал. — Лучше сразу сдавайся! Имей в виду — мы-то можем не дышать довольно долго.

— Я тоже, — мой спокойный, негромкий ответ поверг всех в шок. В очередной раз. Я пожалала плечами. — Случайно обнаружила.

Впрочем, на этот раз я блефовала. Дыхание я задерживала всего на несколько минут, и хотя начинала снова дышать только потому, что вспоминала об этом, а не из-за нехватки кислорода, но я уже знала, что вампиры вообще не нуждаются в кислороде: нет крови — нечего и насыщать. А дышат они по привычке, чтобы чувствовать запахи, а еще.... Хммм, а ведь на этом вполне можно сыграть. Главное, правильно разыграть свою партию, и у меня появится неплохой шанс на победу. Конечно, это не совсем честно, но на войне все средства хороши.

— Знаешь, Эммет, сдаваться я не стану, потому что точно знаю, что это соревнование тебе не выиграть.

У Эммета отвалилась челюсть. Да и все, кто нас слушал, тоже были ошарашены. Тут вмешался Карлайл.

— Прости, Энжи, но вряд ли. Мы можем не дышать месяцами. А вот для тебя такое просто невозможно. Твой мозг не выдержит кислородного голодания. Даже если ты и попытаешься... Инстинкт самосохранения тебе этого просто не позволит сделать.

— Скажите, Карлайл, если вы не нуждаетесь в кислороде, тогда зачем же дышите?

— Для этого есть очень много причин. Во-первых, все мы были людьми и дышали, поэтому сейчас делаем это просто по привычке. Во-вторых — не хотим выделяться. Мы слишком часто бываем на виду, кто-нибудь может обратить на это внимание. И, к тому же, если мы не будем дышать, мы не сможем чувствовать запахи, а это важная составляющая нашей жизни.

— И всё?

— А ещё дыхание нужно нам, чтобы разговаривать, — подал голос Эдвард. — Чтобы мы издавали звуки, воздух должен проходить через голосовые связки.

Именно это я и хотела услышать. Эдвард так удачно мне подыграл, словно мы сговорились заранее.

— Видишь, Эммет, как всё сложно. Не думаю, что ты долго сможешь обойтись без воздуха.

— Ты что, считаешь, что я не смогу какое-то время обходиться без запахов? Или не разговаривать? Да легко!

— Не разговаривать — возможно. Но сможешь ли ты долго обходиться без смеха? Для этого ведь тоже воздух нужен.

— Запросто. Сама сейчас убедишься!

Так, он уже завёлся. Теперь надо закрепить достигнутое.

— Очень сомневаюсь. Я за эти дни достаточно хорошо тебя изучила. Тебе для смеха и особого повода-то не нужно. Достаточно просто показать тебе палец — и ты уже расхохочешься. Можешь попытаться доказать мне обратное, но я-то знаю — ничего у тебя не выйдет.

— Так, всё, соревнуемся прямо здесь и сейчас. Кто первый сделает вдох — тот и проиграл!

Остальные Каллены, всё это время молча наблюдавшие за нашим диалогом, зашевелились и быстро организовали нам «поле боя». А точнее — поставили два кресла друг напротив друга. Я посмотрела на Эдварда. Он искоса поглядывал то на меня, то на Эммета и тихонько, как бы про себя, улыбался. Неужели догадался? А что остальные? Все наблюдали за мной с любопытством и некоторым недоумением. Ага, они ни о чём не догадываются! Элис поглядывала на Эммета с явным вызовом — надеюсь, она не начнёт сама его смешить? Ладно, если даже она и задумала нечто подобное, то пусть хотя бы не спешит — иначе моя победа окажется неполной.

Мы уселись друг напротив друга, окружённые кольцом заинтересованных зрителей и судей, демонстративно глубоко вздохнули и задержали дыхание. Я даже надула щёки для пушшего эффекта. Время пошло.

Секунд тридцать спустя, я решила, что пора действовать. Дольше ждать не имело смысла — Эммет может заскучать, и вся моя подготовительная работа пойдёт насмарку.

Я сжала руку в кулак, медленно подняла его, и поднесла почти к самому носу Эммета. Он, недоумённо смотрел на мой кулак, также как и все, кто нас окружал. Тогда, так же

неторопливо, я отогнула средний палец и повертела им у него перед глазами, демонстрируя со всех сторон. Всё! Я это сделала — Эммет рухнул на пол и, держась за живот, стал кататься по полу с громким хохотом, едва не сбив кресло, в котором я сидела, — я очень вовремя поджала ноги. Его смеху вторили все остальные Каллены. Выждав пару секунд для верности, я громко выдохнула и невинно поинтересовалась в пространство:

— Ну, что, я выиграла?

Ещё не отойдя от смеха, Эммет признал мою победу и поклялся больше со мной не соревноваться. Мы ещё долго сидели все вместе, обсуждая события сегодняшнего дня. Было так здорово сидеть в кругу большой, дружной и любящей семьи и чувствовать себя её частью. Под разговор я охотничья часть содержимого пакета, привезённого Эдвардом, поэтому про ужин даже и не вспомнила. К счастью, я могла позволить себе это излишество — ни ожирение, ни диабет, ни гастрит, ни даже кариес от бесконтрольного поглощения этой, не самой полезной для здоровья, пищи, мне не грозил.

Через какое-то время я начала зевать и поняла, что уже почти полночь — в хорошей компании время пролетело незаметно. Карлайл и Эсми ушли какое-то время назад, но молодёжь продолжала веселиться. Жаль было прерывать такое чудесное общение, но мне не хотелось снова уснуть на диване. Поэтому, забрав плюшевого медвежонка — интересно, будет очень глупо придумать ему имя? — я поплелась в спальню. Закончив вечерний туалет, я улеглась в постель в обнимку с медведем. Ну, по крайней мере, я была не одна. И хотя я была абсолютно уверена, что старше, чем выгляжу, но ведь и взрослым надо хоть иногда кого-то обнимать, пускай даже игрушку. А если хорошенько принюхаться, то можно уловить едва заметный запах Эдварда, идущий от медведя. Или всё же от подушки? К сожалению, постельное бельё Эсми опять поменяла, как делала ежедневно. Но, возможно, сама подушка всё же пахнет Эдвардом. Или медвежонок. А может всё-таки подушка.... Мои мысли начали путаться, куда-то уплывать....

Я практически уже спала, когда дверь в спальню открылась и вновь закрылась. Кровать слегка прогнулась, я почувствовала, как кто-то прилёг на неё у меня за спиной. Кто-то? Да я узнала этот запах, едва он открыл дверь. Эдвард пришёл охранять меня от кошмаров. Сегодня он решил не дожидаться моих слёз, а действовать на опережение. Выпустив из объятий ставшего в эту минуту ненужным своего пушистого компаньона, я развернулась, уже привычно вцепилась в рубашку Эдварда и примостилась головой на его груди. Но какая-то мелочь мешала мне окончательно расслабиться. Я не сразу поняла, в чём дело, но слегка поёрзав щекой по своей импровизированной подушке, догадалась. Пуговицы на его рубашке. Именно они мне и мешали. Ни секунды не колеблясь, я расстегнула две пуговицы, раздвинула полы рубашки и пристроила щёку на его гладкой прохладной груди. Идеально! Грудь под моей щекой на какое-то время замерла, но вскоре продолжила своё мерное движение, убаюкивая меня. Уже засыпая, я почувствовала, как моих волос едва заметно коснулись его губы, и тихий голос прошептал:

— Спи малышка, я никому не позволю тебя обидеть.

И слово своё он сдержал.

Глава 6. Защитница. Часть 1.

На другое утро Эдвард удрал, едва я проснулась. И на следующее тоже. И всю последующую неделю. И почти весь оставшийся месяц тоже.

Ему даже не нужно было дожидаться, пока я открою глаза. По моему изменившемуся

дыханию он понимал, что я уже не сплю, желал мне доброго утра, аккуратно вытаскивал из моих пальцев свою футболку — рубашки на пуговицах он больше на ночь не надевал, — и выскальзывал из постели. Ничего не объясняя, он подхватывал свою обувь и босиком удирал из спальни. В следующий раз мы встречались уже в присутствии кого-нибудь из членов семьи. Он вообще избегал оставаться со мной наедине.

Но если рядом кто-то был, он преобладался. Общался со мной совершенно спокойно и даже, кажется, с удовольствием. Он мог вступить в общий разговор, или поговорить только со мной, на любую тему, его интересовало моё мнение, он выслушивал любые мои рассуждения не перебивая, отвечал на любые мои вопросы. По моей просьбе часто играл для меня на рояле. Словом, у меня были все основания предполагать, что моё общество доставляет ему удовольствие.

Но стоило нам остаться наедине — всё менялось. Эдвард тут же, скомкав любой разговор, удирал — иначе и не назовёшь. У него сразу находилось какое-нибудь важное дело. Создавалось впечатление, что он заранее заготавливал пути отступления, ведь, несмотря на внезапность, все его отговорки были очень продуманы и логичны. Интересно, он опасался, что если мы останемся наедине, то я снова запрыгну на него с поцелуями? Или боялся наброситься на меня сам?

Тем не менее, Эдвард продолжал приходить ко мне вечером, но лишь тогда, когда я уже засыпала. Мне никогда не удавалось дожидаться его прихода — потому что он сам дожидался того момента, когда я засну. Но иногда мне везло — я просыпалась, когда он ложился, или ночью, когда уже лежал рядом со мной. Тогда он гладил меня по головке, как маленькую, и намурлыкивал какую-то протяжную мелодию, моментально меня усыпляющую. В любом случае, спала я в момент его появления или нет, я всё равно переползала с подушки ему на грудь, обхватывала его руками и вцеплялась ему в одежду. Я знала это абсолютно точно, потому что именно в такой позе просыпалась теперь по утрам. И только для того, чтобы увидеть, как он тут же исчезает.

Я понемногу переставала быть сенсацией, становясь просто членом семьи. Немного удивляла лёгкость, с которой я влилась в клан Калленов, но может, дело в том, что я не знала своей настоящей семьи? Мне не с чем было сравнивать, не о ком скучать. Я начала жизнь с чистого листа, правда, имея за спиной богатый опыт знаний и умений, время от времени выныривавших на свет божий и регулярно удивлявших и меня, и мою новую семью. Впрочем, постепенно все привыкли и ничему уже особо не удивлялись, принимая мою одарённость как факт. Может, дело было в том, что и сами они были весьма нестандартной семейкой, обладающей не только способностями, которые повергли бы в шок любого человека, хотя для вампиров это было обычным делом, но и многими невероятными и уникальными талантами, такими, как телепатия или ясновидение. Так что я вполне легко вписалась в эту сверходарённую семейку.

Первые дни меня старались не оставлять одну. Кто-нибудь всегда был рядом, конечно не обязательно в одной со мной комнате, но хотя бы просто в доме. Чаще всего это была Эсми, она вообще была домоседка, покидала жилище Калленов только чтобы съездить в магазин или на охоту. В этом случае со мной оставалась Элис, и Джаспер, конечно. Я вообще не заметила, чтобы они куда-то уходили или уезжали по очереди. Большую часть времени они были неразлучны, как впрочем, и остальные пары — работа Карлайла не в счёт. Я всегда с удовольствием наблюдала, как они все ведут себя в присутствии своей половины. Эти взгляды, эти случайные прикосновения, жесты, поза — всё говорило об истинном

чувстве, когда ты счастлив только тогда, когда тот, кого ты любишь — рядом. Как же мне хотелось, чтобы и Эдвард мог вот так же, совершенно свободно, сев рядом, взять меня за руку, или приобнять, или просто прикоснуться, проходя мимо. Это же так естественно! Но, к сожалению, в ближайшее время я этого вряд ли дожусь. Мне оставалось довольствоваться редкими ночными минутами, а скорее секундами близости, и я запоминала, а позже прокручивала в голове и смаковала каждую.

Окончательно не прийти в отчаяние мне помогли только взгляды Эдварда, которые я иногда ловила на себе. Не напрямую, о нет! Для этого он был слишком осторожен. Но, при желании, в доме легко найти отражающую поверхность, в которую можно видеть то, что скрыто от прямого взгляда. И это лишний раз убеждало меня, что наше влечение взаимно, но он не позволяет себе не только поддаться ему, но и вообще, хоть как-то его проявить. Что ж, мы хотя бы общались, и подолгу. При этом я могла смотреть в его прекрасные глаза, чаще янтарные, но постепенно меняющие цвет на чёрный, слушать его завораживающий голос, чувствовать его ни с чем не сравнимый запах, и ждать, ждать, ждать. Вырасту же я когда-нибудь, в конце-то концов!

Мои способности выныривали случайно, когда никто этого не ждал. Например, спустя пару дней после соревнования, я зашла в кабинет Карлайла, чтобы взять какую-нибудь книгу почитать. Он уже давно предложил мне свободно пользоваться его библиотекой, а в этот момент все разошлись по своим делам кто куда, и я хотела заполнить свободное время. Мой взгляд зацепился за собрание сочинений Дюма в красивых старинных обложках. Скользя взглядом по корешкам, я понимала, что знаю содержание этих книг. И знаю, чем они закончатся. Как правило — ничем хорошим. Но тут мой взгляд зацепился за одно из названий. «Асканио». О, а вот здесь конец счастливый! У Дюма это такая редкость. Мне захотелось перечитать эту книгу. Осторожно вынув томик с полки, я вышла в гостиную и, устроившись в кресле у окна, погрузилась в чтение. В гостиной находилась Эсми, что-то рисовавшая в большом альбоме, и Джаспер, сидящий за компьютером. Мы тихо занимались каждый своим делом, совершенно не мешая друг другу.

Спустя какое-то время, в комнату вошёл Карлайл. Внимательно посмотрев на меня, он поинтересовался, нравится ли мне книга? Я ответила, что да, и мы обменялись мнениями о сюжете. И тут Эсми, всё это время недоумённо следившая за нашей беседой, спросила:

— Карлайл, почему ты заговорил с Энжи по-французски?

— Потому, что она читает Дюма в подлиннике.

Я опустила глаза на страницу. Действительно, теперь, когда Карлайл об этом сказал, я видела это совершенно ясно. Но насколько же хорошо я знаю французский язык, если не только не заметила, что читаю на нём, но и машинально отвечала Карлайлу на этом же языке?

— Ты что, действительно этого даже не заметила? — это уже вступил в разговор Джаспер, так же наблюдавший за нами всё это время.

— Нет, пока Карлайл не сказал, вообще не обращала внимание.

— И когда брала книгу — тоже? — продолжал он допытываться.

— Тоже. Просто вошла, увидела знакомого автора и взяла ту книгу, где никто не умирает в конце, вот и всё. На язык даже внимания не обратила.

— Джаспер, прекрати! Энжи не подопытный кролик, чтобы над ней эксперименты проводить! — почему-то возмутилась Эсми. Я не совсем поняла, за что она рассердилась на Джаспера? Он же спокойно пожал плечами.

— Зато теперь мы выяснили, что и испанским языком она владеет так же свободно. По крайней мере, говорит на нём без акцента.

Опаньки! Я что, снова не заметила, что говорю на иностранном языке? Просто отреагировала на обращённый ко мне вопрос и ответила на том же языке, на котором он был задан? Впрочем, ничего особенного в этом нет. Возможно, я выучила эти языки в детстве, и они стали для меня равноценными родному. Да мало ли, кто знает несколько языков? Наоборот, было бы странно, если бы я, с моим-то невероятным, по утверждению Карлайла интеллектом, не выучила бы в совершенстве парочку.

— По крайней мере, по испанскому её подтягивать к школе точно не придётся, — усмехнулся Джаспер.

Кстати, о школе. Хотя моё видение о том, что я всё же пойду в школу вместе с младшими Калленами, никто не подверг сомнению, но мне объяснили, что видения Элис — а значит, и мои, раз уж я дублирую её дар, — субъективны, и могут меняться в зависимости от обстоятельств и принятых решений. И если на тот момент были все предпосылки к тому, что я задержусь в этой семье надолго, то всё в любой момент может измениться, стоит моим родственникам найтись и забрать меня домой. Я не стала никому объяснять, что вне зависимости от того, кто и куда попытается меня забрать, этот дом, а точнее Эдварда, я не покину никогда. Даже если они сами меня выгонят — буду жить в лесу, в шалаше, ловить себе оленей на ужин, пить воду из реки, но не оставлю Эдварда одного. Быть рядом с ним, беречь и защищать его от любых бед и опасностей — теперь моя судьба. И ничто на свете этого не изменит!

Но шло время, а меня так никто и не искал. Каллены регулярно прочёсывали интернет в поисках хоть каких-то моих следов. Но ни на одном поисковом сайте, ни в одном полицейском отчёте — а они могли и туда заглянуть, — не разыскивался никто, хоть отдалённо похожий на меня. Вывод напрашивался сам собой, точнее два вывода: либо меня никто не ищет вообще, либо ищет, но используя такие каналы поиска, которые никак не отражаются в сети. И неизвестно, что было хуже. Но, по крайней мере, если я появлюсь в Форксе, опознать меня никто не сможет. Не было ничего, по чему меня можно было бы опознавать — ни портретов по телевидению или в газетах, ни полицейских ориентировок, даже на молочных пакетах, на которых печатают фотографии пропавших детей, моей фотографии не было. Поэтому было решено дожидаться конца месяца и, если до тех пор меня никто не попытается разыскать, придумать легенду моего появления в этой семье, выправить мне документы — для Калленов это было рутинной процедурой, — и отправить меня в школу вместе с остальными «детьми». А пока меня продолжали ото всех скрывать.

Правда, Элис заявила, что я, в конце концов, не арестант, и вполне можно осторожно «выводить меня в люди». Под этим подразумевалась пара поездок в Порт-Анжелес в кино и одна — в Сиэтл, смотреть фейерверки. Уж не знаю, чему был посвящён этот праздник с народными гуляниями и фейерверком, но мне понравилась и сама поездка, и красочное «небесное шоу», и вкусная еда, заказанная на вынос в ближайшем Макдональдсе, и вообще, вся атмосфера праздника, когда мы бродили по освещённому разноцветными фонарями парку, среди толпы весёлых, нарядных людей. Еду мы взяли на четверых, — Джаспер и Эдвард неизменно сопровождали нас во время этих вылазок «в люди», — так что наелась я вволю. И это не считая мороженого и сладкой ваты, съеденных мною в невероятных количествах. Джаспер наслаждался поездкой не меньше меня. Он признался, что уже давно не был среди такого количества людей, поскольку ему до сих пор было слишком тяжело

соблюдать «вегетарианскую диету». Но мой запах каким-то образом влиял на его жажду — собственно, на жажду всех вампиров, — сводя её на нет. Надо будет всё же провести эксперимент с моей кровью — вдруг даже в моё отсутствие она сможет притуплять жажду Джаспера, и ему не придётся больше так страдать. Не могу же я постоянно быть рядом с ним в школе — по возрасту мы, в любом случае, попадём в разные классы.

Но самое лучшее, что запомнилось мне в этой поездке — это, конечно, Эдвард. В какой-то момент, когда мы оказались среди довольно густой толпы народа, Джаспер обняв Элис за плечи, притянул её к себе, словно защищая. Вообще-то, в защите она уж точно не нуждалась, но об этом знали только мы четверо, а со стороны это смотрелось очень мило и логично: он — такой большой и сильный, защищает от толпы её — такую маленькую и хрупкую. Так вот, в этот момент Эдвард точно так же приобнял и притянул к себе меня. Уж не знаю, может, у него сработал инстинкт защитника, не поддающийся логике, — я ведь тоже было далеко не беззащитна, — а может, он сделал это, чтобы не выделяться из толпы: в этой толчее многие мужчины точно так же оберегали своих женщин. Я не знаю. Но он это сделал, и я наслаждалась каждым проведённым рядом с ним мгновением. К тому же, даже выбравшись из толпы, мы и дальше пошли так же — две обнявшиеся парочки. Элис обняла Джаспера за талию, и я тут же скопировала её жест. Кстати, выше мы всё равно не доставали.

В Порт-Анжелесе Элис таскала нас на романтические комедии. Я наслаждалась фильмом, попкорном, мороженым и близостью сидящего рядом Эдварда, Эдвард мужественно терпел происходящее на экране и моё непрерывное жевание, а сама Элис почти весь сеанс целовалась с Джаспером. Благо, сидели мы на заднем ряду и никому не мешали. Зачем ей нужно было для этого тащиться в кино, было выше моего понимания. Хотя, может, так им казалось романтичнее — ведь до этого вдвоём сходить в кино им не удавалось. Впрочем, она могла устраивать эти культпоходы действительно только ради меня. Ну, а интимная обстановка тёмного кинозала располагала к романтике, вот они и пользовались случаем. Жаль, что мне о таком оставалось только мечтать. Как говорится: «Близок Эдвард, да не поцелуешь».

Кстати, во время второго похода в кино мы проходили мимо какой-то лавочки, торгующей игрушками и всякими мелочами, и я в освещённой витрине заметила кое-что знакомое. Ну, конечно, моё второе видение! Попросив ребят минутку подождать, — я не хотела, чтобы кто-то видел мои покупки раньше времени, — я нырнула в магазинчик и уже через пару минут выскочила обратно. В кармане ветровки я надёжно спрятала ото всех заколку с розовым бантом и блестящую наклейку с феечкой. Очень кстати пригодились деньги, которые Элис выиграла, с моей помощью, у Эммета, а потом отдала мне в качестве карманных.

На следующий день я воспроизвела сцену из своего видения. Эммет проходил феечкой несколько часов, пока не решил переодеть футболку. Никто ему ничего не сказал, даже, к моему удивлению, Розали. Все хихикали втихаря, но над чем, ему не говорили. Ух, как же он за мной гонялся! Мы около часа носились по дому и вокруг него, и Эммет грозил мне всякими страшными карами, если догонит. Не догнал! Он, может, и быстрее, зато я — проворнее и сильнее. И эта сила помогала мне сигать с земли сразу же на балкон третьего этажа. А Эммет выше второго подпрыгнуть не мог. Да и куча всяких лестниц, переходов и террас давали мне большой простор для манёвра. И потом, гонки гонками, но повредить в процессе погони мебель Эсми ни один из нас не рискнул бы. Поэтому Эммету приходилось притормаживать, чтобы не нанести вещам, да и стенам, непоправимый ущерб, что давало

мне заметное преимущество. Вся семья с интересом наблюдала за нашей бегом. Вот мы всех развлекли-то, прямо и цирк не нужен, с такими-то родственничками. А потом по телевизору начался бейсбольный матч, Эммет плюнул и сказал, что меня ловить бесполезно, но месть его будет страшна. Не сильно-то я испугалась. Что-то особо нехорошее, вроде зелёных волос, ему надо мной проделать не позволят, а хорошей шутке я буду только рада.

Между прочим, в отличие от моего видения, Эммет не произнёс фразу: «Ну, всё, Кнопка, теперь тебе придётся спать вполглаза». Видимо потому, что смысла в этом уже не было. Я могла спать сколь угодно крепко — меня охраняли целых два неспящих глаза. Видения действительно были субъективными — обстоятельства изменились, и видение стало неточным. А могло и не сбыться вообще. Зная, что именно произойдёт, я могла влиять на события. Не дала Элис завести меня в магазин для «Барби». Могла не проделывать трюк с наклейкой. Но помешать Эммету бросить мне яблоко, как произошло в третьем видении, я не в силах, если только заранее не предупреджу его об этом. Ведь только от него зависит — бросит он это яблоко, или нет. Кажется, я начала лучше понимать суть дара Элис. Очень удобный дар, не спорю, но я бы такого себе не пожелала.

Ещё один мой талант вынырнул на поверхность примерно через неделю после первого. В тот день младшие Каллены отправились на охоту. Я осталась дома с родителями, которые вернулись с охоты днём раньше. Предполагалась, что молодёжь будет отсутствовать дня два-три, но Эдвард обещал далеко не ездить и вернуться к тому времени, как я буду ложиться спать. Ему совсем не хотелось, чтобы мои кошмары вновь вернулись, ведь никто, кроме него, отогнать их от меня не мог.

Весь день после его отъезда я не находила себе места. Ну, почему он отказался взять меня с собой? Теперь некому его защитить, если вдруг что-то случится. Я ещё помнила слова Карлайла, что их можно убить. Хотя, озвучь я свои страхи, меня бы подняли на смех, но это чувство не поддавалось логике. Я даже готова была вновь пережить свои кошмары, чтобы Эдварду не пришлось, для скорейшего возвращения, охотиться и возвращаться в одиночестве. Но этого я никому объяснить бы не смогла, поэтому, мне оставалось только молча ждать. И я ждала.

Стараясь не показывать своего волнения, я тупо смотрела по телевизору какие-то передачи, даже над чем-то смеялась, когда с экрана раздавался смех, хотя даже не поняла, ситком это был, или ток-шоу. Потом, взяв в библиотеке какую-то книгу, удрала в нашу с Эдвардом спальню. Читать я, конечно, тоже не смогла, и слонялась по комнате, рассматривая вещи Эдварда, сувениры, накопленные им за долгие годы. Пролистала старые журналы, переставила диски на полках по алфавиту, потом — по музыкальным стилям, потом — по годам выхода, и, наконец, вернула всё как было. Память, как оказалось, у меня была фотографическая, я это давно заметила, но не обращала внимания — в моей семье все были такие. Потом перенюхала всю одежду Эдварда, благо могла чувствовать его запах даже после стирки. Мне кажется, я унюхала бы его и за километр. Кстати, об этой моей особенности в семье ещё не знали — приберегу этот сюрприз на потом.

Затем я ещё пару часов просидела на перилах веранды, с книгой на коленях, глядя вдаль. Но дождалась только приехавшего с работы Карлайла. Посидев ещё какое-то время, я придумала, как ещё я смогу почувствовать себя ближе к Эдварду. Пройдя в пустую гостиную, я села за его рояль, подняла крышку и положила пальцы на клавиши. Казалось, что они всё ещё хранят на себе его прикосновение. Во всяком случае, на них остался более ясный запах, чем на выстиранной одежде. Вдыхая его, я закрыла глаза и представила, как Эдвард сидит за

роялем и играет для меня свои любимые произведения. Мелодия зазвучала у меня в голове, и я вся отдалась ей, видя его внутренним взором. Прекрасная мелодия окружала и ласкала меня, проникая в душу, давая почувствовать его незримое присутствие рядом с собой. Не знаю, сколько я так просидела, наслаждаясь разными мелодиями, которые Эдвард играл в моём присутствии — они сливались в попури, плавно перетекая друг в друга, но вдруг какой-то посторонний звук заставил меня открыть глаза. В дверях стояли Эсми и Карлайл, в изумлении глядя на меня, точнее на мои руки. Ну, да, я положила их на клавиши, чтобы почувствовать близость к Эдварду, но со стороны это, наверное, смотрелось странно. Я опустила глаза на свои руки и тоже замерла в удивлении. Точнее, замерла почти вся я. Вся, кроме рук. Мои пальцы бегали по клавишам, извлекая из них те самые мелодии, которые, как я считала, звучали только в моей голове. Осознав это, я запнулась, мои пальцы застыли, музыка оборвалась.

Оказывается, я умела играть! Я попробовала сделать это уже сознательно, и мои пальцы запорхали по клавишам, словно сами по себе. Мне достаточно было представить мелодию, которую я хочу услышать — и я тут же извлекала её из инструмента, сама не понимая, как это делаю. Просто делаю, и всё! Как и все остальные мои «необычности», это происходило само собой в тот момент, когда было мне нужно.

Карлайл и Эсми были восхищены моим новоявленным талантом. Они утверждали, что играю я просто виртуозно. Думаю, что особой моей заслугой в этом не было — ведь я могла двигаться с невероятной скоростью, и любой, самый сложный пассаж, не мог быть для меня чем-то особо трудным. Но мне всё равно было очень приятно слышать о том, что я играю практически так же хорошо, как Эдвард. И хотя умение играть на рояле не было чем-то сверхъестественным, как, например, суперсила или умение блокировать и отражать вампирские способности, но это ещё больше сближало меня с Эдвардом. Так что я была счастлива, что у меня обнаружился именно этот талант.

Но самый интересный сюрприз ожидал и меня, и всех Калленов спустя три недели после моего появления в их семье.

Глава 6. Защитница. Часть 2.

В тот день, а точнее — вечер, мы собрались в гостиной. Каждый занимался своим делом, лишь иногда обмениваясь репликами. Эдвард, как и практически каждый вечер, сидел за роялем, что-то негромко наигрывая. Мы с Элис устроились на диване и возились с моей Барби, которая к этому времени обзавелась гардеробом едва ли не большим, чем у меня. И всё благодаря неугомонной Элис и Эдварду, который продолжал время от времени «включать дядюшку», как я это называла. Иногда, когда Эдварду вдруг казалось, что в какой-то момент мы сблизились чуть больше, чем он себе позволял, он снова резко отстранялся и начинал обращаться со мной как с ребёнком. В таком случае я обычно получала очередной мешок сладостей, мой медвежонок — приятеля, а кукла — новый наряд, мебель или машину. После нашей поездки в Сиэтл, я обзавелась огромным белым кроликом, с очаровательной мордашкой и висящими ушками, а моя Барби — аж целым особняком. А я даже включить «детскую непосредственность» в ответ не могла — дарение обычно проходило на глазах у кого-нибудь из членов семьи. Так что, лёгкий чмок в щёчку, словно настоящего дядюшку, то есть совсем не интересно, — это всё, что я могла себе позволить.

Итак, мы с Элис игрались с куклой, точнее, Элис наряжала её, а я сидела рядом и подавала ей время от времени всякие куклины причиндалы. И тут я вдруг услышала в голове

голос Эдварда: «Странно, я почему-то её не слышу. Не может же она вообще не думать?». Я немного удивилась — с того первого дня Эдвард ни разу не пытался прочесть мои мысли. Так почему теперь вдруг решил это сделать?

— Эдвард, даже не пытайся! Ты прекрасно знаешь, что мои мысли тебе не прочесть.

— Но Энжи, я это прекрасно знаю. И в данный момент я пытался услышать Элис.

— Меня? — Элис подняла голову от куклы и, выглянув из-за моей спины, удивлённо уставилась на Эдварда. — Ты хочешь сказать, что перестал слышать мои мысли? Это уже интересно.

— Знаешь, наверное, мне показалось. Я прекрасно тебя слышу, — он пожал плечами и вновь вернулся к пьесе, играть которую прекратил после моих слов.

Элис тоже пожалала плечами и вновь склонилась к кукле. По-моему, она увлеклась игрой гораздо больше, чем я.

«Опять её мысли куда-то исчезли. Не понимаю...»

— Эдвард, если ты хочешь услышать мысли Элис, так и слушай её. А ты всё время на меня промахиваешься.

— Да я и пытаюсь услышать Элис. Её мысли снова исчезли.

— Что значит «снова исчезли»? — Элис опять вынырнула из-за меня. — К твоему сведению, я продолжаю думать, как и всегда. Если бы я действительно умела отключать мысли, мне бы не приходилось каждый раз мысленно болтать всякую чепуху, когда я хотела что-то от тебя скрыть.

— Ну вот, я снова тебя слышу. Такое чувство, словно появляется какая-то помеха в эфире. Это странно. Очень странно. Такого со мной ещё не было.

— А я, кажется, понял, что это за помеха, — вмешался Джаспер. — А ну-ка, Элис, спрячься-ка снова за Энжи.

— Не думаешь же ты?..

— А вот сейчас и проверим.

Элис послушно нырнула за мою спину. В голове у меня тут же зазвучал удивлённый голос Эдварда. Он снова ничего не слышал.

— Ну, как? — нетерпеливо спросил Эммет. Все Каллены, побросав свои дела, столпились вокруг нас.

— Он не слышит её. А вот я его слышу, — просветила я окружающих, поскольку Эдвард, похоже, был слишком ошеломлён, чтобы ответить.

— Круто! — восторженно взвыл Эммет, подхватил меня сзади под мышки, выдернул с дивана через спинку и, держа на весу, развернул лицом к Эдварду. — А мои мысли попробуй-ка услышать!

— Эммет, немедленно положи Энжи на место! — возмутилась Эсми.

— Да ладно, пускай, — успокоила я её. — Мне и самой интересно. И, кстати, Эммет, он тебя не слышит.

В следующие полчаса Эммет таскал меня по комнате, как тряпичную куклу, загоразивался мною от Эдварда, Элис или Джаспера, проверяя, насколько мне удаётся блокировать их дар. Заставлял остальных вставать в ряд или в колонну, друг за другом. Ставил меня на стул на линии между Эдвардом и Джаспером — в этом случае я блокировала их воздействие друг на друга. Поначалу это меня даже забавляло, но в какой-то момент мне стало скучно, и я попросила Эдварда мысленно петь песню, что ли, поскольку мне надоело слушать его непрерывное: «Не слышу, не слышу». После этих моих слов Эдвард отобрал

меня у Эммета: прямо так, подошёл, взял за талию и выдернул у него из рук. Потом загородил собой ото всех и заявил:

— Довольно. Ты её замучил. Хватит экспериментировать. Давайте подведём итог.

Я тут же воспользовалась ситуацией и, обхватив его руками за талию, высунулась у него из-под руки и показала Эммету язык. Эдвард вздрогнул и напрягся, но вырваться на глазах у всей семьи не стал — это выглядело бы странно, ведь со стороны мой жест был совершенно невинным и непосредственным. И только я знала, что совсем не по-детски прижалась к нему всем телом и потёрлась щекой о его грудь. Достаточно он от меня шархался. Пусть терпит и привыкает. Я не требую от него страстных поцелуев и немедленных признаний в любви, но и отстраняться от себя больше не позволю.

Если суммировать всё, что было выяснено в ходе эксперимента, проведённого Эмметом, то узнали мы следующее: моё тело само по себе было защитным барьером. И не только для меня самой. Я физически, своим телом, защищала всех, кто находился позади меня, от воздействия чьего-либо дара. И неважно, сколько человек находилось за мной. Точнее, вампиров, но это неважно, ведь и людей я, наверняка, защитила бы точно так же. Главное — я должна находиться точно на линии между обладателем дара и головой того, на кого этот дар направлен. Если остальные части его тела оставались открыты, то никакой роли это не играло. Главное — загородить голову.

Если я находилась между двумя обладателями дара, то блокировала их воздействие друг на друга. Когда Эдвард, Элис и Джаспер встали друг за другом, то ни один из них не смог воздействовать на Эммета, державшего меня перед собой, как щит. Правда, именно во время этого испытания мне пришлось тяжелее всего. Мысли Эдварда, смена настроений Джаспера, обрывки видений — всё это навалилось на меня одновременно. Бедняги, каково же им жить с этим постоянно! И никакой возможности отгородиться. Хотя...

К этому времени все уже обсудили со всех сторон эту новую особенность моего дара. И пришли к выводу, что дар этот полезен для чьей-то защиты, но тяжеловат для меня самой. Хорошо ещё, что практически применить его мне не придётся. Вот здесь согласиться со всеми я не могла.

Когда все вновь вернулись к своим делам, я отцепилась, наконец, от Эдварда. Всё это время я так и стояла, обняв его за талию и прижавшись к его боку, и ему невольно пришлось приобнять меня за плечи — не держать же руку на весу. Заглянув ему в глаза, я спросила:

— Я хотела бы провести ещё один небольшой эксперимент. Но мне понадобится твоя помощь. Ты не возражаешь?

— Конечно, нет, — улыбнулся он мне.

Ну, конечно, нет. Истинный джентльмен! Разве он может отказать даме в небольшой просьбе? Я подошла к опустевшему дивану — Элис уже успела убрать оттуда все куклины наряды и уйти сама, — и передвинула его так, чтобы он стоял спинкой ко всей остальной комнате. Эдвард кинулся было мне помогать, но встретив мой ироничный взгляд, отступил, вытянув руки ладонями вперёд, как бы показывая, что не будет вмешиваться. Устроив диван напротив телевизора, я уселась с краю, предварительно прихватив с собой пульт. Потом хлопнула по дивану рядом с собой, предлагая Эдварду сесть. Пожав плечами, он выполнил мою просьбу.

— Скажи, Эдвард, наверное, тяжело постоянно слышать чужие мысли?

— Я привык.

— А всё-таки?

— Да, довольно тяжело. Это ведь происходит постоянно. Люди могут не разговаривать, но думают непрерывно. И это невозможно выключить.

— И тебе приходится всё время слушать и слышать? Никакой передышки?

— В общем, да. Я научился не вслушиваться в слова, если сам этого не хочу, но всё равно, этот постоянный гул... Только на охоте, далеко ото всех, я могу отдохнуть. Но я редко охочусь один. — Он вздохнул и покачал головой. — К чему эти вопросы? Ты ведь и так всё это знаешь.

— Просто хочу кое-что попробовать, — я оглянулась, прикинув расположение остальных Калленов в гостиной. Идеальная дислокация. — А теперь ложись на диван и положи голову мне на колени.

Он посмотрел на меня слегка обалдевшими глазами.

— Лечь к тебе на колени?

— Для эксперимента. И ты обещал! — я наиграно нахмурилась и обвиняюще наставила на него указательный палец.

— Да, обещал.

Он вздохнул, а потом растянулся на диване, осторожно пристроив свою голову на самом краешке моих коленей. Я фыркнула, после чего передвинула её, прижав к своему животу. Эдвард дёрнулся, пытаясь встать, но, видимо, забыл, что я сильнее. Положив ладонь ему на лоб, я легко удержала его на месте. Встать он теперь смог бы только применив силу, а я знала, что он ни за что не станет этого делать, боясь нечаянно причинить мне боль. И он тоже знал, что мне это известно. На какое-то время мы напряжённо застыли, сердито глядя друг другу в глаза, потом он сдался и расслабился. Победно улыбнувшись, я убрала ладонь с его лба.

— А теперь скажи, слышишь ли ты сейчас чьи-нибудь мысли?

Он на секунду растерялся, потом ошеломлённо взглянул на меня.

— Нет. Вообще не слышу. Потрясающе!

— Наслаждайся. — Я включила телевизор, нашла какую-то комедию, и сделала вид, что смотрю. На самом деле я сама наслаждалась близостью Эдварда. Пару раз он порывался встать, но я его не отпускала. Признав своё поражение, он продолжал лежать, но смотрел не в телевизор, а на меня — я просто чувствовала его взгляд, скользящий по моему лицу. В какой-то момент я опустила руку и стала, как бы машинально, перебирать его волосы. Взгляд мой при этом не отрывался от телевизора, — под определённым углом можно было увидеть наши отражения. На этот раз Эдвард попытался уйти уже всерьёз. Мне пришлось удерживать его обеими руками. Наклонившись к нему, я прошептала так тихо, что даже вампиры, собравшиеся в другой части гостиной нас бы не услышали.

— Расслабься. И не дёргайся. Просто подаришь мне завтра очередную игрушку, например жёлтого слона, вот и всё.

Наши глаза встретились. Мы поняли друг друга без слов. Теперь он знает: мне прекрасно известно, что именно стоит за его подарками и попытками свести на нет любой физический контакт между нами, кроме самого необходимого. И он понял, что я решила больше не идти у него на поводу. И остался лежать у меня на коленях, позволив перебирать его волосы сколько мне угодно.

Хватит! Почти месяц я подыгрывала ему. Почти месяц скрывала свои чувства. Но пора что-то менять. Я сделала первый ход. Теперь посмотрим, что предпримет Эдвард.

Видимо, он принял такое же решение. Этим вечером, когда я легла спать, Эдвард не

стал дожидаться, пока я усну, а пришёл ко мне раньше. И ничего страшного не произошло. Мы всего лишь недолго поболтали о сегодняшнем дне, о новой стороне моего дара. У меня мелькнула мысль, что не зря я почувствовала себя его защитницей. Ведь именно эта моя особенность проявила себя сегодня. Защищать. Это было у меня в крови. Я была рождена для этого. Теперь я это поняла.

И хотя мне хотелось бы лежать так, прижавшись к груди Эдварда, бесконечно, но знакомое размеренное покачивание очень быстро усыпило меня. Да и спать я уходила обычно в тот момент, когда уже едва держала глаза открытыми. Так что, не прошло и десяти минут, как я отключилась. Последнее, что я запомнила — лёгкий поцелуй в макушку и тихий шёпот: «Спи, моя малышка. Сладких снов». Я заснула с улыбкой на губах. И сны мне снились самые чудесные.

А на следующий день я получила в подарок жёлтого плюшевого слона.

Глава 7. Перемены. Часть 1.

Проснувшись на следующее утро, я не сразу сообразила, что изменилось? Но, почувствовав под щекой мерно вздымающуюся грудь Эдварда, поняла: он не сбежал, едва я вынырнула из дрёмы, а продолжал лежать рядом со мной. Ну и частично подо мной, так как проснулась я всё в той же позе — используя его грудь в качестве подушки. Кому-то его каменная грудь могла показаться слишком жёсткой, но для меня вступил в силу принцип: «Удобно не там, где мягко, а там, где удобно». А для меня Эдвард был самой чудесной и удобной подушкой на свете.

Какое-то время я лежала, наслаждаясь моментом и ожидая, что в любую секунду он опомнится, подхватится и исчезнет, как делал все последние дни. Но время шло, а ничего не менялось. И тогда я решила рискнуть, подняла голову и взглянула в золотистые глаза Эдварда. Он спокойно наблюдал за мной, и было не похоже, что он собирается вскочить и убежать в ближайшую секунду.

— Сегодня у тебя не нашлось ни одного суперважного и неотложного дела?

— Нет, — усмехнулся он.

— И ты, наконец, понял, что прикасаться ко мне, когда я не сплю, совсем не опасно?

— О, это всё ещё очень опасно. Но я решил больше не бегать от опасности, а встретиться с ней лицом к лицу.

— Ну и правильно. Потому, что я больше не собираюсь с этим мириться. Знаешь, нам нужно, наконец, поговорить, как двум адекватным взрослым людям.

— Взрослым? Энжи, тебе всего пятнадцать, а я столетний старик! — буквально простонал Эдвард.

— Поправочка! Я выгляжу на пятнадцать. А сколько мне на самом деле — не знает никто. Возможно, я старше тебя. А поскольку сам ты выглядишь на семнадцать, то, извини, я не согласна считать, что разница между нами так уж велика. И, может, всё же объяснишь, к чему все эти шараханья?

Эдвард, ничего не ответив, откинулся на подушку и, прикусив губу, уставился в потолок. Ах, так? Значит, отвечать мы не желаем? Ну, уж нет! Дудки! Разговор состоится, даже если мне придётся продержат его в постели весь день! И к чёрту голод! И удрать ему я точно в этот раз не позволю. Если нужно — применю силу!

Решив не дать Эдварду ни одного шанса на побег, я мигом уселась ему на живот, упёрлась ладонями в плечи и, низко склонившись над ним, так, что наши носы почти

соприкоснулись, заглянула в глаза.

— Тебе придётся отвечать. Ты уже достаточно отмалчивался!

— Энжи, пожалуйста, слезь.... — избегая моего взгляда, выдавил он сквозь зубы.

Странно. Вроде я не сильно его сдавила. Или всё же перестаралась? Я ослабила нажим на плечи, и упёрлась коленями в матрас, чтобы уменьшить давление на живот.

— Я сделала тебе больно?

— Господи, да не в этом дело!

— А в чём?

— Энжи, пожалуйста! — Эдвард практически стонал. Его глаза были крепко зажмурены, лицо искажено. — Я, может, и старик, но всё ещё мужчина!

Ой! Я кубарем скатилась с него, а заодно, не рассчитав, и с кровати. Мне стало ужасно стыдно. Заявляю, что уже взрослая, а что творю?! Сжавшись в клубочек, я уткнулась лицом в колени и глухо пробормотала.

— Извини.

В следующую секунду Эдвард уже был рядом со мной. Осторожно прикоснулся к плечу, словно боясь сделать больно.

— Ты не ушиблась?

Я замотала головой, не отрывая лба от коленей. И как теперь прикажете смотреть ему в глаза?

— Нет. Мне просто стыдно. Прости, я не подумала....

— Вот в этом-то всё и дело. Ты не подумала. А я вот думаю. Постоянно. С самого первого дня, как увидел тебя, такую маленькую, перепуганную, но такую смелую. И всё это время я понимал, что ты — ещё ребёнок. Но всё равно думал. Ты понимаешь, о чём я?

Я рискнула взглянуть на него одним глазком сквозь волосы.

— Правда? И ты тоже?

— Тоже? То есть ты хочешь сказать, что.... Так, малышка, а вот с этого места поподробнее.

Что?! Я должна ему всё рассказать? Прямо вот взять и рассказать, что он моя половинка, что наши судьбы связаны навек, и что я буду защищать его даже ценой своей бессмертной жизни? О, нет! Нет-нет-нет!!! Я просто не смогу. И он мне не поверит. Так не бывает!

Я снова глянула на Эдварда. Он присел на пол рядом со мной, привалившись спиной к кровати и обхватив колени руками. Его глаза задумчиво, но очень внимательно смотрели на меня. Он ждал. Интересно, каким образом мы поменялись местами — ведь это я начала «допрос», а теперь самой приходится давать ответы. Ладно, всю правду говорить нельзя. Рано. Буду дозировать.

— Я тоже думаю о тебе. И тоже постоянно. Когда ты рядом — я счастлива. Когда ты далеко — мне плохо. Но хуже всего, когда ты рядом, но при этом очень далеко. — Я вновь выглянула из-под завесы волос и успела заметить, как Эдвард потянулся ко мне, словно намереваясь погладить по голове, но отдёргнул руку, так ко мне и не прикоснувшись. — Да, вот именно это я и имею в виду. Ты ставишь между нами преграду. Невидимую, но непроницаемую. Ты боишься даже дотронуться до меня. Ты отгораживаешься от меня. Почему? Я не могу понять. С одной стороны, тебе нравится общаться со мной, значит, я тебе не противна. А с другой, — ты шарахаешься от меня, как от прокажённой. Пожалуйста, объясни мне, в чём дело? Я должна это знать!

Да! Вот так! Пусть скажет мне. Сам. Вслух. Я должна это от него услышать. Я должна точно знать, что мне не показалось, не почудилось, не придумалось. Пусть сам мне всё объяснит!

Он молчал. Закрыв глаза, откинулся назад, упершись затылком в матрац. Я протянула руку и коснулась его щеки.

— Пожалуйста, — еле слышно прошептала я. — Пожалуйста, не мучай меня больше. Скажи!

Не открывая глаз, он перехватил мою руку. В какой-то момент я испугалась, что он оттолкнёт её, но нет, он прижал ладонь к своей щеке, да так и застыл. Какое-то время мы так и сидели, а потом Эдвард, тяжело вздохнул, поцеловал мою ладонь и отодвинул её от своего лица. Но из руки не выпустил, наоборот, взял её обеими руками.

— Девочка моя, постарайся понять. То, что я чувствую к тебе... Это неправильно. Ты ещё ребёнок. Я не должен видеть в тебе никого, кроме младшей сестрёнки. Но я вижу. И не могу заставить себя чувствовать иначе. Вот почему я отстраняюсь. Вот почему стараюсь не прикасаться к тебе без особой необходимости. Но иногда всё же забываюсь. И тогда...

— И тогда появляются игрушки и лакомства. Словно мне лет пять, не больше. Ты стараешься напомнить себе, что я — ребёнок?

— Да. Пожалуй, я немного перебарщиваю. Но я стараюсь защитить тебя.

— Но ведь даже если мне действительно пятнадцать, хотя я чувствую себя старше, но допустим, всё же, что это так — я ведь всё равно уже не ребёнок.

— Но и не взрослая! А мне уже...

— Да знаю я, сколько тебе лет! — это его самоедство когда-нибудь закончится? — Так, а ну-ка, пошли! Быстро!

Я резко вскочила, схватила его за руку и дёрнула на себя. Похоже, немного перестаралась. Эдвард чуть не упал на меня, но я вовремя его поймала. Опаньки, а вот и очередное объятие! Но я не виновата, это случайность. Сделав вид, что ничего не произошло, я быстро отстранилась, чтобы он не успел подумать, что я опять издеваюсь, и, держа Эдварда за руку, потащила по коридору в комнату Розали и Эммета. Я знала, что сейчас там никого нет, поэтому смело вошла без стука и остановилась перед зеркалом. Это было самое большое зеркало в доме, и мы отразились в нём оба в полный рост. Эдвард, всё ещё ничего не понимал, но покорно следовал за мной, не задавая вопросов.

— А теперь скажи, кого ты тут видишь! — я ткнула в зеркало пальцем.

Видок у нас, конечно, был не самый презентабельный. Босые, растрёпанные, он — в мятых брюках и футболке, я — в розовой пижамке с котятками — Элис оторвалась на моих пижамах по-полной, — мы смотрелись рядом просто восхитительно!

— Я вижу прекрасную и совсем юную девушку и.... — он запнулся.

— И? — нетерпеливо переспросила я. От досады мне очень хотелось затопать ногами, но это было бы слишком уж по-детски. — Вот только попробуй сказать, что ты видишь здесь кого-то старше семнадцати. Только посмей!

Лёгкая улыбка, словно лучик солнца, озарила его чересчур уж серьёзное лицо.

— Да, ты права. Никого, старше семнадцати, я здесь не вижу.

— Так что мы практически ровесники. Ты согласен? — продолжала я допытываться.

— Да, — усмехнулся он. — Ровесники. Практически.

— Так что я больше не желаю слышать эти твои: «Ты ребёнок, я старик!» Примем как аксиому, что мы оба ещё школьники. Так что вполне можем так и общаться. Ведь можем?

— Можем. Конечно, можем, — он положил руки мне на плечи, медленно наклонился к моему лицу. Я затрепетала в предвкушении. Вот сейчас, сейчас это произойдёт! Наш первый поцелуй! Я закрыла глаза, потянулась к нему и ощутила лёгкое прикосновение его губ....

К моему лбу!

Я ахнула и, распахнув глаза, с недоумением и обидой уставилась на Эдварда. А он, хитро улыбаясь, чмокнул меня в нос и отстранился.

— Всё будет. Но пока ещё рано.

Я надулась. Мне-то казалось, что мы обо всём договорились. И тут такой облом!

Эдвард ласково провёл большим пальцем по моей выпяченной нижней губе, потом погладил мою щёку.

— Прости, малышка, но ты все равно слишком юна. Мы должны подождать.

— И долго? — я потёрлась щекой о его ладонь и с улыбкой заглянула ему в глаза. Ну, не могла я на него сердиться!

— До восемнадцати лет.

— Что! — буквально взвилась я. — Это же... Это же чудовищно долго!

— Не так уж и чудовищно. И, потом, всё это время мы всё равно будем рядом. Просто я не могу по-другому. Я так воспитан.

— Понимаю, — вздохнула я. Потом повернула голову и поцеловала его ладонь, как он сделал десятью минутами ранее. Эдвард не отстранился, не отдернул руку. Он смотрел на меня с невероятной нежностью. — Ладно, я готова подождать. Но ты ведь не будешь больше от меня отстраняться, правда?

Это был риторический вопрос. Ответ я уже знала. Отстраняться больше он не станет, но и особых вольностей ждать не приходится. С этим я могла смириться. Пока. А там — кто знает. Я подожду. Теперь ждать будет намного легче.

— А теперь, беги, одевайся и завтракать! Думаешь, я не слышу, как бурчит у тебя в животе.

— А как же ты? Я же тебя практически выселила из ванной.

— Это же не единственная ванная комната в доме. Так что, не переживай за меня. Встретимся внизу.

Получив очередной чмок в макушку, я ускакала в нашу спальню. Зов природы не позволял задержаться и ещё поспорить.

Когда я сушила волосы после душа, в воздухе вдруг разлился дивный, ни с чем не сравнимый аромат жарящегося мяса. Отбросив фен, я, как замороженная, прямо в халате поплыла на запах. Ну, поплыла — это я мягко выразилась. На кухне я очутилась уже через секунду. У плиты стоял Эдвард и помешивал в большой сковороде нечто, источающее этот дивный аромат. Я практически залезла к нему подмышку, чтобы рассмотреть, что там такое. Небеса явились мне в виде сочных кусков свинины, шкворчащих на сковороде.

В этот момент Эдвард уткнулся носом в мои волосы и сделал глубокий вдох.

— Вот так и стой! Ты пахнешь гораздо лучше, чем это, — он ткнул лопаточкой в содержимое сковороды.

— Ах, да, для вас же это пахнет совсем не вкусно.

— Это ещё слабо сказано. Запах просто омерзительный.

— Тогда зачем тебе мучиться? И мучить остальных? Им ведь тоже неприятно!

— Ничего, потерпят. Надо же хоть разок тебя накормить чем-то вкусеньким. А запах можно и потерпеть. В конце концов, в школе мы каждый день бываем в столовой. Так что, в

принципе, привыкли. Пусть тренируются, а то расслабились за каникулы.

— Бедные, как же вам тяжело. Мало того, что вокруг вкусные запахи человеческой крови, которую нельзя пить, так ещё и отвратительные запахи человеческой еды, которую есть можно, но совершенно невозможно! — я рассмеялась.

— Ты права, это довольно сложно. Но мы справляемся. Джасперу, бедняге, тяжелее всех.

— Может, моё присутствие рядом хоть немного облегчит ваше существование?

— Ещё как облегчит! — он снова вдохнул запах моих волос.

Я обхватила Эдварда за талию, он приобнял меня за плечи. Вот так мы и стояли, склонившись над плитой, наблюдая за жарящимся мясом и вдыхая вкусные ароматы — каждый свой. И меня совсем не смущало то, что на мне банный халат, мои волосы непричёсаны и недосушены после душа. Я просто наслаждалась ситуацией: Эдвард рядом, он не отстраняется от меня, а на сковороде готовится для меня вкусняшка. В общем, я была абсолютно счастлива.

В какой-то момент я не выдержала и ухватила со сковороды кусочек мяса, который показался мне уже достаточно прожаренным, и сунула его в рот. Мммм.... Райское наслаждение. Эдвард хмыкнул, глядя на мою блаженную физиономию, потом выложил часть мяса на тарелку. Усевшись за стол, я принялась за еду, любуясь Эдвардом, продолжавшим помешивать жаркое.

Я постепенно расправилась со всей сковородкой, и, пока Эдвард остался наводить порядок на кухне, я умчалась приводить в порядок себя. Когда я закончила, Эдвард уже поджидал меня в коридоре возле спальни. Мы вместе вышли в гостиную. Нас уже ждали. Карлайл собрался обсудить со всеми нами мою дальнейшую судьбу. Через десять дней начиналась учёба в школе, и нужно было решать всё сейчас, чтобы успеть выправить мне документы. Мы с Эдвардом уселись на диван бок о бок. Элис немного удивлённо взглянула на нас, но оставила свои мысли при себе. Остальные, похоже, не обратили на это внимания. Или же были просто тактичны — сомневаюсь, что кто-то в доме не знал, что Эдвард провёл всё утро наедине со мной, хотя обычно избегал этого. Конечно, они вполне могли слышать наше утреннее объяснение, но в этом доме было не принято подслушивать чужие разговоры. Как правило, даже слыша, никто не вслушивался в слова, как бывает, когда в комнате включен телевизор, который никто не смотрит. Ну, шумит и шумит, на смысл слов всё равно никто не обращает внимания. Карлайл вышел в центр комнаты и обратился ко мне.

— Энжи, поскольку за всё прошедшее время мы не нашли нигде даже упоминания о тебе, то можно предположить, что тебя действительно никто не ищет. Так что нет смысла держать тебя и дальше вдали от всех. Ты уже вполне адаптировалась и, в отличие от нас, если специально не «включаешь» свои способности, то ведёшь себя как обычный человек. Конечно, твоя сила всегда при тебе, но ты её прекрасно контролируешь. Ничего не ломаешь, не разбиваешь, не давишь. А мы все этим поначалу грешили.

Я вспомнила ручку двери в кабинете Карлайла с вмятинами от моих пальцев. Вряд ли он не заметил. Видимо, это нанесением вреда не считается. Но ведь я действительно несколько раз выходила «в люди» и ничем себя не выдала.

— Сейчас перед нами стоит задача: выдумать достаточно правдоподобную легенду появления Энжи в нашей семье. У кого есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— А чего заморачиваться-то? Уж в нашей семье новый приёмш никого не удивит. Будет ещё одна Каллен, вот и всё, — это высказался Эммет.

Как у него всё просто! Я, конечно, не прочь носить фамилию Эдварда, и даже надеюсь в будущем это делать, но уж никак не в качестве его сестры, пусть и приёмной. Прежде чем я открыла рот, чтобы возразить, хотя ещё не придумала — как, ведь не говорить же истинную причину, Эдвард сделал это за меня.

— Не самая хорошая идея. Энжи слишком взрослая, чтобы усыновлять её. И она не выглядит ни как воспитанница приюта, ни как недавно осиротевшая. Нужно придумать что-то иное.

— Ты прав. К тому же, вдруг её родные всё же найдутся и заберут её от нас. Это будет странно выглядеть со стороны. Надо всё предусмотреть.

Карлайл говорил вроде бы правильные вещи, поэтому я не стала сообщать ему, что теперь от меня избавиться им при всём желании не удастся. Пусть у меня найдётся куча самой распрекрасной родни, жить вдали от Эдварда я физически не смогу. Так что в этой семье я надолго. Но зато такие рассуждения ведут к тому, что я буду жить в семье Калленов, не становясь сестрой Эдварда, что вполне соответствовало моим планам. Не зря же и остальные пары не стали делать родственниками, пусть и просто по документам. Мы с Эдвардом оказались в точно такой же ситуации, пусть остальные Каллены об этом пока не догадываются. То есть, я так думаю. Элис уже несколько раз внимательно посмотрела на руку Эдварда, лежащую на моём плече. Получив возможность беспрепятственно меня касаться, он, похоже, уже не мог не делать этого, чему я была несказанно рада. Я положила ладонь на пальцы Эдварда на моём плече и, когда в очередной раз поймала на себе взгляд Элис, незаметно от остальных показала ей язык. То есть, я подумала, что незаметно, но Эдвард наклонился к моему уху и еле слышно прошептал: «А-я-яй, как не стыдно!» При этом он слегка потёрся носом о мои волосы и вновь вдохнул их запах. Элис сделала большие глаза, но ничем другим своё удивление не выдала. А мне было всё равно, я наконец-то могла заявить права на своего мужчину, и я это сделала!

— Думаю, что Энжи могла бы, по легенде, жить у нас временно. Как бы в гостях, — предложил Джаспер. — Только надо придумать для этого убедительную причину.

— Да, обычно в гостях не живут столько, чтобы ходить в школу, — это вступила в разговор Розали. Обычно она игнорировала всё, связанное со мной, и меня немного удивило её высказывание.

— А что, если её родители уехали надолго и не смогли взять её с собой? Например, командировка за границу? — снова Джаспер.

— Да куда же можно уехать, чтобы ребёнка с собой нельзя было взять? — это уже Элис.

— Военные! В горячую точку поехали! — Эммет, как всегда, ляпнул, не подумав.

— Оба сразу? Очень сомнительно, — покачал головой Эдвард. — Да и откуда у нас друзья-военные, причём настолько близкие, что мы их ребёнка жить к себе берём?

Я решила, что пора вмешаться. Потому, что сама часто об этом задумывалась, и у меня появилась неплохая идея. Хотя, посмотрим, что скажут остальные.

— Врачи. Уехали в Африку. Куда-нибудь в глушь. Типа «Врачи без границ». А меня оставили в Америке, мне же учиться надо.

Все затихли и уставились на меня. В кое-чьих глазах я прочла нечто, похожее на восхищение. Ну, да, я тоже умею думать и придумывать. Иногда.

— Идеально! Это именно то, что нам надо, — Карлайл первым отреагировал на моё предложение. — Предположим, я работал раньше с твоими родителями, и мы дружили семьями. Тогда выбор нас в качестве опекунов очевиден!

— Особенно если учесть, что в воспитании детей опыта у вас с Эсми много. А где пятеро, там и шестой, — с этими словами Розали улыбнулась мне.

Я вытаращила глаза, как недавно Элис. Розали улыбнулась? Мне?! Что происходит? Я что-то пропустила?

— Итак, легенда появления у нас Энжи готова. Осталось придумать ей фамилию, раз уж Каллен не подходит.

Очень даже подходит. Но не в этом случае. Ничего, рано или поздно, но я её заполучу!

— Может, совместно мы что-нибудь придумаем? Сам я не решусь, после фиаско с именем, — продолжил Карлайл. — Какие будут предложения? Может, Энжи сама что-нибудь себе выберет?

— Пожалуй, выберу, — я встала и взяла с журнального столика телефонный справочник, потом снова плюхнулась под бочок к Эдварду. Перевернув примерно четверть страниц, я повела пальцем по строчкам, выбирая что-нибудь не банальное, но и не слишком редкое. Вдруг мой взгляд зацепился за одну из фамилий. Я вздрогнула. Почему-то именно эта фамилия показалось мне правильной. Она будто позвала меня. Так же я когда-то отреагировала на имя Энжи.

— Дэниелс, — твёрдо произнесла я. — Пусть моя фамилия будет Дэниелс.

— Ты что-то вспомнила? — конечно, от Карлайла не ускользнула моя реакция. Да и ото всех остальных — тоже. От вампиров вообще трудно что-то скрыть. Впрочем, я и не собиралась.

— Нет, не вспомнила. Но эта фамилия показалась мне правильной. Не знаю, почему.

— Что ж, довольно неплохой выбор, — одобрил Джаспер. — Дэниелсов очень много, ни у кого не возникнет никаких ассоциаций. И всё же это не Джонс или Смит. Думаю, подойдёт. Я сделаю для Энжи подходящие документы. Кстати, для свидетельства о рождении нужны имена родителей. Энжи, твои предложения?

— А чьи имена стоят в твоём свидетельстве о рождении? Твоих родителей или Розали? — я же помню, что они считаются близнецами.

— Розали.

— Тогда вставь имена своих, — я пожала плечами. — Мне всё равно.

Он кивнул.

— Хорошо. А как насчёт второго имени? Также своё вставить?

— Не стоит, — я улыбнулась шутке, а потом повернулась к Эдварду. — Как звали твою родную маму?

— Элизабет.

— Красивое имя, — я постаралась проигнорировать сдавленное хихиканье, раздавшееся со стороны Карлайла и Эсми, и вновь повернулась к Джасперу. — Пусть будет Элизабет.

— А что с датой рождения? Что там писать?

— Да тоже не особо важно, — я пожала плечами. — Напиши, что хочешь.

— Думаю, надо написать день, когда мы тебя нашли, — вмешалась молчавшая всё это время Эсми. — В каком-то смысле, ты в этот день заново родилась.

— Я согласна. Значит, пусть будет двадцать пятое июля. Думаю, что день рождения летом — это здорово!

— Итак, двадцать пятое июля, пятнадцать лет назад? — продолжал уточнять Джаспер.

— Стойте, стойте! — вдруг воскликнула Элис. — Нельзя писать Энжи пятнадцать лет. Чтобы она училась вместе с нами в старшей школе, она должна ходить как минимум в

десятый класс. А это шестнадцать лет.

— Я согласна! — тут же подхватила я. — Раз уж мне можно написать любой возраст, то пусть лучше будет шестнадцать.

Может, если эта цифра будет официально вписана в мои документы, то меня уже не будут считать совсем уж юной. Конечно, я имела в виду именно Эдварда, остальные пусть считают что угодно.

— Тогда заодно сделаю ей и водительские права — подвёл итог Джаспер.

— А я научу Кнопку водить машину.

— Не торопись, Эммет. С чего ты взял, что она не умеет? — возразил Эдвард. — Возможно, Энжи в очередной раз всех нас удивит.

— Очень даже возможно. Ладно, поеду. Не стоит терять время, нужно будет ещё успеть записать её в школу, когда документы будут готовы.

С этими словами Джаспер исчез. То есть, я, конечно, видела, что он умчался наверх, в свою комнату, но человеческий глаз этого бы не разглядел.

Глава 7. Перемены. Часть 2.

— А ты разве не поедешь с ним? — я заметила, что Элис не проявляет никаких признаков скорого отъезда. А ведь обычно они никуда по отдельности не уезжали. По крайней мере, за то время, что я здесь жила, такого ни разу не случилось.

Элис пожала плечами.

— За документами Джас обычно ездит один. Он не хочет, чтобы там видели кого-то из нашей семьи, кроме него. Он даже фотографии клеивает сам. Бережёт семью от любопытства посторонних.

— Кстати, хорошо, что напомнила, — обратился Эдвард к Элис. — Энжи нужны фотографии на документы. Мы съездим в Сиэтл, там народу побольше, легче затеряться, и сделаем их. Кстати, как там с погодой? Солнца не будет?

— Я же не могу видеть будущее Энжи!

— Так посмотри моё. Или ты и это уже не можешь?

— Прекрати насмехаться! Сейчас узнаю, — Элис на секунду задумалась, глядя куда-то вдаль, потом её лицо расплылось в насмешливой улыбке. — Луна-парк, значит? Качельки-карусельки? А не староват ли ты для подобных развлечений?

— Вообще-то, это должен был быть сюрприз. Спасибо тебе, Элис, огромное.

— Да пожалуйста! Развлекитесь, как следует.

С этими словами Элис подхватила с кресла, чмокнула нас обоих в щёку и удрала наверх. Наверное, попрощаться с Джаспером. Во время этого диалога я сидела молча, переводя взгляд с одного на другую. Мы с Эдвардом едем в город вдвоём? Он поведёт меня в Луна-парк?! Блаженная улыбка на моём лице расплывалась всё шире. До чего же сегодня счастливый день! И ведь он ещё только начинается.

Мы встали и направились к выходу. В дверях я притормозила и оглянулась.

— Кстати, Эммет, если сегодня мне некогда на тебе кататься, это ещё не значит, что я забыла о твоём проигрыше. Просто завтра удвоим количество кругов, вот и всё!

С этими словами я сделала расхохотавшемуся Эммету ручкой и выбежала из дома вслед за Эдвардом.

Когда мы выехали с частной дороги на пустынное шоссе, Эдвард остановил машину.

— Не хочешь сесть за руль? Проверим, прав ли я в своём предположении.

— Ты готов рискнуть своей машиной? Не боишься, что я её разобью? Может, потренируемся на чём-нибудь, чего не так жалко?

— На кабриолете Розали?

— Ты прав, ляпнула, не подумав. У вас любую машину жалко.

— Да не переживай ты так. Я в любом случае, буду держать всё под контролем и успею предотвратить аварию, если понадобится. Но что-то мне подсказывает, что всё будет в порядке. Итак, готова к подвигам? Или, может, ты боишься? — судя по смешинкам в уголках глаз, Эдвард шутил, но я взвилась, словно он всерьёз усомнился в моей храбрости.

— Я? Боюсь? Да никогда! Ну-ка, пусти меня за руль.

Я уселась за руль, Эдвард — на переднее пассажирское сидение. Он что-то где-то подкрутил и отрегулировал кресло под мой рост — всё же я была сантиметров на сорок ниже него. Я осмотрела приборную доску, всякие переключатели и циферблаты — они абсолютно ни о чём мне не говорили. Моя уверенность начала таять. Но тут я вспомнила случай с роялем Эдварда. Может, это сработает и с машиной? Я расслабилась, положила руки на руль, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Я хочу завести эту машину. Я хочу на ней ехать. Мне это нужно!

Словно бы сами по себе, мои руки и ноги начали совершать какие-то действия. Я услышала ровное гудение мотора и открыла глаза. Потом плавно тронула машину с места. Я не задумывалась над тем, что я делаю, как не задумывалась, как именно нужно передвигать ноги при ходьбе. Я просто это делала, и всё.

Я прибавила скорость. Машина подчинялась мне, словно стала частью меня, была послушна и готова к новым свершениям. Я разгонялась всё быстрее, пока стрелка спидометра не начала приближаться к отметке в сто пятьдесят миль в час. Тогда я расхохоталась от восторга и своей власти над дорогой и этой мощной машиной. Эдвард расхохотался вместе со мной.

— Я должен был догадаться, что ты тоже любишь скорость. Достаточно вспомнить твои поездки на Эммете. Как только Джаспер состряпает тебе права, надо будет купить тебе машину. Какую ты бы хотела?

— Розовую, — пошутила я. Эдвард вновь рассмеялся. — А вообще-то мне всё равно, просто что-нибудь быстрое. И уж ни в коем случае не розовое.

— Обещаю — ничего розового! Может, тогда и медведя забрать?

— Не вздумай! Дани мой, навсегда!

— Ты дала имя плюшевому медведю?

— Да, а почему бы и нет?

— Действительно. Почему бы и нет? Но тебе не кажется, что это всё-таки девочка? Ни один уважающий себя мужчина не захочет быть таким розовеньким.

— Пожалуй, ты прав. Ну и что, Дани может быть и женским именем. В любом случае мне это имя нравится, а медвежонку, я думаю, без разницы.

Эдвард, со смехом, согласился со мной.

Так мы и ехали, болтая ни о чём и постоянно смеясь не столько над не такими уж смешными шутками, а просто от прекрасного настроения. Когда вдали показался город, Эдвард выгнал меня с водительского места, пообещав вновь пустить за руль на обратном пути. Всё же прав у меня пока ещё не было.

В огромном торговом центре мы нашли небольшую фотостудию, где мне моментально сделали все нужные фотографии. Я заметила на стене образцы фотопортретов, на которых

были люди в исторических костюмах. Мы поинтересовались у фотографа, можно ли и нам сделать такой. В наше распоряжение тут же была предоставлена целая гардеробная с костюмами разных эпох, сделавшими бы честь небольшому театру. Как мы выяснили позже, их действительно приобрели на распродаже реквизита в одном разорившемся театре. Я стала азартно рыться в костюмах и уже присмотрела для Эдварда парадный наряд вельможи времён Людовика XIV, но тут заметила, как он с какой-то непонятной мне грустью и даже тоской, смотрит на военную форму начала XX века. Поймав мой удивлённый взгляд, Эдвард объяснил свой интерес.

— Знаешь, в юности я мечтал стать военным. Просто дни считал до того момента, когда мне исполнится восемнадцать лет, и я смогу вступить в армию и отправиться воевать. Но из-за болезни, — тут он бросил насторожённый взгляд на занавеску, отделяющую гардероб от фотостудии, — и всего, что потом случилось, надеть военную форму мне так и не удалось. Сейчас я понимаю, что был всего лишь восторженным мальчишкой, готовым лезть под пули ради призрачной славы, но я всё ещё помню, как мечтал облачиться в военную форму. Я считал, что в ней я буду выглядеть бравым воякой, и все соседские девушки будут вздыхать по мне.

Он усмехнулся. Это была печальная усмешка. Он словно смеялся над наивностью того мальчика, каким был когда-то. Мне захотелось поцелуем стереть эту печаль из его глаз, но на это я пока не имела права. Не хотела нарушать наш уговор в день его заключения. Нарушу немного попозже. А сейчас я решила поднять ему настроение другим способом. По крайней мере, попытаться.

В итоге Эдвард позировал для портрета в этой самой офицерской форме, которая невероятно ему шла и практически подошла по размеру. Чтобы соответствовать его образу, я нацепила костюм сестры милосердия того же времени. Это был практически мешок, на несколько размеров больше, чем нужно и гораздо длиннее. А полагавшаяся к нему косынка закрывала, и волосы и шею, и щёки. Короче, в нём я выглядела тем ещё чучелом. Но фотограф усадил меня в кресло, с профессиональной ловкостью задрапировал лишнюю материю, и это уже не выглядело так ужасно, как поначалу.

Сделав несколько снимков, фотограф пообещал в течение часа сделать портрет и вставить его в рамку. Этот час мы провели, бродя по торговому центру и закупая всякие нужные для школы канцтовары. Для меня мы также приобрели сумку для тетрадей и учебников. Сначала Эдвард хотел купить мне рюкзак, но, перемерив их целую кучу, я отказалась от этой идеи. В рюкзаке я чувствовала себя неудобно, он мне мешал.

Я вообще не любила, когда что-то закрывало мне спину. Понять причину этой странности я не могла, но факт оставался фактом — закрытая спина вызывала у меня нечто вроде клаустрофобии. Даже топики, которые я носила как нижнее бельё, я предпочитала с открытой спиной. На волне покупательского бума Элис, я подсунула множество таких в общую кучу покупок. А те, у которых спина была закрыта, я перешила. Либо углубила уже имеющийся вырез, либо, если уж спина была закрыта по самую шею, просто вырезала большую дыру в районе лопаток. Благо, у Эми была куча швейных принадлежностей, и я обработала обрезанные края на швейной машинке, когда она с Карлайлом в очередной раз уехала на охоту. А поскольку я всегда надевала какую-нибудь рубашку или кофточку поверх топа, то о моей странности никто из Калленов не знал. Мне было неудобно за эту свою маленькую сумасшедшинку, но поскольку это было вполне безобидная странность, я решила на этот счёт не заморачиваться. По большому счёту, у меня хватало других, гораздо больших

странностей, так что на эту можно было не обращать внимания. Аукалось это очень редко, как, например, сегодня, в случае с рюкзаком. Но, в конце концов, я же не в поход собираюсь идти, а сумочка, которую мы в итоге выбрали, была очень даже симпатичная.

Спустя час мы забрали портрет. Я была потрясена, насколько здорово мы на нём получились. При этом для портрета фотограф из множества сделанных кадров выбрал именно тот, на котором Эдвард посмотрел на меня. Я этого не видела, поскольку он стоял позади меня, положив руку мне на плечо, как обычно люди позируют на старых фотографиях. Видимо, фотограф был настоящим мастером своего дела — он сумел поймать этот исполненный невероятной нежности взгляд и запечатлеть его на плёнке. Я сглотнула внезапно образовавшийся в горле комок. Это было перенесённое на фотобумагу признание в любви. И пусть слова ещё не произнесены, теперь у меня не осталось больше никаких сомнений в его чувствах.

После торгового центра мы направились в Луна-парк. И хотя, «благодаря» Элис, сюрприза у Эдварда не вышло, но удовольствие я получила не меньшее. Может даже и большее, поскольку предвкушала это событие в течение нескольких часов. Мы бродили по парку почти до самого закрытия. Перекатались на всех возможных качелях и каруселях, посмотрели выступления разных клоунов, жонглёров и фокусников, перепробовали все возможные лакомства. Собственно, пробовала я, точнее, ела. И, как всегда, в невероятных количествах. Но, для конспирации, Эдвард всё покупал в двойном экземпляре, а потом ходил с полусъеденным мороженым или хот-догом в руках, время от времени поднося его ко рту, а потом заменяя на мой, более съеденный, и так до тех пор, пока я не съедала обе порции. После чего он покупал нам новые.

И лишь одно он отказывался покупать и для себя тоже — сахарную вату. Эдвард наотрез отказывался даже держать в руках эти огромные, ядовито-розовые пушистые комки, а тем более делать вид, что ест их. Видимо, считал, что это несколько умаляет его мужественность, хотя, по-моему, такое в принципе было невозможно. И хотя я указала ему на нескольких мужчин, евших эту несчастную вату, переубедить его я не смогла. Для меня он был готов купить хоть всю вату, имеющуюся в парке, но для себя — отказывался напрочь. Похоже, у него тоже был какой-то крошечный пунктик. Я вспомнила свои топики с дырами на спине и больше не настаивала.

Незадолго до закрытия, когда мы уже просто бродили между аттракционами, с наступлением темноты ставшими ещё ярче и завлекательнее благодаря разноцветным огонькам, а я, наконец-то наелась, Эдвард вдруг, словно что-то увидев, стал целенаправленно пробираться сквозь толпу, ловко маневрируя между людьми и таща меня на буксире. Мне оставалось только следовать за ним неизвестно куда, поскольку кроме его спины я ничего не видела.

Когда Эдвард, наконец, остановился, я вынырнула из-за его спины и увидела перед собой некое подобие тира. В нём надо было сбивать жестяные банки из-под колы бейсбольными мячами. За большое количество попаданий полагался приз — мягкая игрушка. Этими призами были увешаны все боковые стены импровизированного тира. Суперприз — огромная плюшевая панда — висел на самом виду. Эдвард купил у продавца двадцать бросков — именно такое количество попаданий требовалось, чтобы получить эту панду. Расстояние до «мишеней» было значительное. Но я ни капли не сомневалась, что Эдвард легко выбьет все жестянки. Я оценила размеры чёрно-белой зверюшки и начала прикидывать, куда именно я смогу её пристроить в спальне, чтобы и нам с Эдвардом

осталось место.

Эдвард начал швырять мячи. Я спокойно ждала его триумфа, но вдруг, после трёх попаданий, он промазал. У меня отпала челюсть. Эдвард промазал?! Такого просто не могло быть! Он мог легко сбить все эти мишени даже стоя к ним спиной! Что случилось?

А Эдвард продолжал кидать мячи, тщательно прицеливаясь, радостно улыбаясь попаданию и издавая расстроенный стон при очередном промахе. Поняв, что он что-то задумал, я начала ему подыгрывать: подбадривать, радоваться попаданиям и утешать после промахов. В итоге он сбил только четырнадцать банок из двадцати. За такой результат тоже полагался приз, хотя и небольшой. Запустив Эдварда за импровизированный прилавок, продавец махнул рукой в сторону стены, сплошь завешенной небольшими — не крупнее котёнка — мягкими игрушками, предлагая выбрать среди них себе приз. Эдвард, ни секунды не раздумывая, целенаправленно прошёл в дальний угол и снял что-то со стены, после чего торжественно преподнёс мне свою добычу. Разглядев у него в руках маленького жёлтого слона и вспомнив наш вчерашний разговор, я расхохоталась. Да уж, чувство юмора у него развито прекрасно, с этим не поспоришь.

Когда мы уходили от палатки, я оглянулась на панду. Мне вдруг показалось, что, несмотря на игрушечную широкую улыбку, взгляд у неё грустный. Я вдруг представила, каково ей висеть тут изо дня в день, наблюдая, как её младших товарищей радостные люди забирают с собой, а она вряд ли когда-нибудь обретёт семью. Ведь выиграть её мог разве что какой-нибудь чемпион по бейсболу, привыкший кидать мячи точно в цель. Только таких в нашу глушь не заносит. Мне вдруг стало так жалко эту глупую игрушку, что я резко затормозила, нашарила в кармане остатки денег, которые дала мне Элис, прикинула сумму и поняла — мне хватит. Занимать на это деньги у Эдварда мне почему-то не хотелось.

Резко развернувшись, я высыпала монеты на прилавок и потребовала двадцать мячей, которые были мне немедленно выданы. Эдвард, вернувшийся вслед за мной, видимо, собирался меня отговорить, но разглядев что-то в моих глазах, сделал некие выводы и не стал вмешиваться. Посадив слонёнка на прилавок, я методично и целенаправленно сбивала все банки. Обалдевший продавец молча вручил мне панду, которую я тут же презентовала Эдварду. Я забрала слонёнка, и мы вчетвером направились прочь. Отойдя на несколько шагов, Эдвард обернулся и сказал продавцу, который продолжал с отвисшей челюстью смотреть нам вслед.

— Она в бейсбол играет. Профессионально. Юношеская лига.

После его слов продавец подобрал-таки упавшую челюсть и стал смотреть нам вслед уже не с удивлением (а точнее — обалдением), а с тоской, которая была направлена на уносимую Эдвардом панду. Народ, видевший моё представление, тоже закивал головами и начал расходиться. Эдвард ловко пресёк на корню всякие возможные сомнения в моей обычности и нормальности.

Когда мы отошли на приличное расстояние, Эдвард с лёгкой укоризной покачал головой.

— Это было опасно. Ты могла привлечь к себе излишнее внимание.

— Я понимаю. Извини. Но мне стало так её жалко....

— Да, я догадался. Ладно, всё обошлось. Я понимаю, что тебе всё же сложнее, чем нам — мы десятилетиями скрываем от людей любые проявления своих способностей. А ты этому только учишься. К счастью, ничего особо сверхъестественного ты не сделала. Человек тоже способен на такое. Далеко не каждый, но всё же способен. Но на будущее —

постарайся сдерживать свои порывы.

— Хорошо, обещаю. Впредь постараюсь сначала думать, а потом действовать.

— Ну, вот и умница, — слегка наклонившись, Эдвард чмокнул меня в макушку. На это я ответила произвольным широким зевком. Эдвард расхохотался.

— Да, это был длинный день. Пора домой. Я совершенно забыл о времени.

— Я тоже. Это был чудесный день. Самый лучший в моей жизни. Спасибо тебе.

— Мне это было только в радость. А теперь, пойдём-ка к машине, пока ты не заснула прямо здесь, на газоне.

К тому моменту, как мы добрались до стоянки с припаркованным «Вольво» Эдварда, прошло порядочно времени — мы ведь должны были передвигаться с обычной человеческой скоростью. К этому времени я уже зевала почти непрерывно, но всё же сделала безнадёжную попытку усесться за руль. Эдвард усадил панду на переднее сиденье, тщательно пристегнул её, а потом изгнал меня с водительского сидения на заднее. Я для вида поупиралась и слегка надулась, за что была поцелована в нос, но на заднее сиденье всё же отправилась почти добровольно. Там я тут же улеглась, свернувшись калачиком и уткнувшись носом в слонёнка. Эдвард включил какую-то еле слышную медленную инструментальную мелодию, и спустя пару минут я уже крепко спала. И не проснулась уже до самого утра.

Глава 8. Очередной сюрприз. Часть 1.

Проснувшись на следующее утро, я какое-то время лежала, наслаждаясь близостью Эдварда и его почти объятиями. Почти — потому, что его лежащую у меня на спине ладонь принять за объятие мог только человек с очень развитой фантазией. Ну, или с большим желанием, чтобы так оно и было. Я прислушивалась к ровному дыханию под своим ухом, как обычно по утрам прижатому к груди Эдварда, но вдруг уловила в комнате ещё одно дыхание, не считая нашего. Насторожившись, я принялась и поняла, кто ещё находится в спальне.

— Доброе утро, Элис, — пробормотала я, не поворачивая головы и даже не открывая глаз.

— Доброе, — в её голосе слышалось некоторое удивление, но больше — недовольство. — Может, объяснишь мне, что всё это значит?

О чём это она? Мы с Эдвардом почти месяц спим в одной постели, и об этом знают все в доме. Точнее, сплю только я, но не в этом суть. Ничем предосудительным мы уж точно не занимаемся — это просто физически невозможно в доме, где шесть пар ушей слышат каждый наш вдох, не говоря уж о словах. Не двигаясь, я приоткрыла глаза и вопросительно взглянула на Эдварда. Перехватив мой взгляд, он глазами указал на что-то за моей спиной, предположительно на Элис, предлагая взглянуть самой. Ужасно не хотелось от него отстраняться, но пришлось.

Я села и повернувшись, взглянула на Элис. Она стояла возле стеллажа с дисками, в данный момент завешанного чем-то пёстрым, на что я не обратила внимания, потому, что мой взгляд моментально прилип к тому, что Элис демонстративно держала в руках. Это был мой вчерашний топик, как назло — один из тех, над которыми я поработала с ножницами в руках. И прямо на спине красовалась огромная дыра. Я более внимательно взглянула на стеллаж. Так и есть, там были развешаны все остальные, пострадавшие от моего вандализма, тряпочки.

Попалась.... А ведь только вчера я считала, что об этой моей маленькой странности никто не узнает. Угораздило же меня заснуть в машине. Нетрудно было догадаться, что меня

отнесут в постель — с этим-то Эдвард вполне мог справиться самостоятельно, — но вот переодеть меня он уж точно не станет. Джентльмен же, табу и всё такое! Ну, снял бы с меня кроссовки, и дело с концом. Но нет, Элис не могла допустить, чтобы я спала в одежде — так же неудобно! А то, что заснув, я спала как убитая, не зависимо от того, где и в чём уснула — это не в счёт. Ладно, это я, конечно, зря так возмущаюсь, мне только добра хотели, просто во мне говорит досада из-за того, что теперь все узнают мою очередную ненормальность. Итак, придётся всё объяснять. А как это сделать, если я и сама ничего не понимаю?

Я оглянулась на Эдварда — он тоже с интересом смотрел на меня, явно ожидая ответа. Элис начала слегка притопывать ногой от нетерпения. Надо что-то говорить, но что?

— Что именно тебя интересует, Элис? — мой голос звучал достаточно спокойно и в меру равнодушно. Вроде ничего такого и не произошло. Элис аж подпрыгнула.

— Что именно? Я хотела бы знать, зачем ты испортила хорошие вещи, да ещё и продолжаешь их в таком виде носить?

— Я не испортила, а усовершенствовала. Мне так больше нравится.

— Да что в этих дырах может нравиться? К тому же, если ты пыталась соответствовать каким-то модным тенденциям, о которых я, кстати, впервые слышу, так это бессмысленно. Этим твоим художеств всё равно никто не видит.

— Ну, кто-то всё же увидел, — пробормотала я себе под нос, впрочем, меня, конечно же, услышали. Эдвард хмыкнул у меня за спиной, а Элис, тяжело вздохнула.

— Ты просто объясни — зачем? Мне действительно непонятно.

— Мне тоже! Я не знаю, почему это сделала! — я поняла, что пора выключать дурочку и говорить откровенно. — Просто я не могу, когда у меня закрыта спина. Не могу и всё. Мне неуютно. Я чесаться начинаю. Ну, не физически, но вы меня поняли, да?

— Так вот почему ты не захотела покупать рюкзак? — сделал вывод молчавший до этого Эдвард.

— Да, именно поэтому. Это помеха. Я не знаю, помеха для чего, но она существует. Насколько мне известно, большинство живых существ наоборот, инстинктивно стараются прикрыть, защитить спину. А вот у меня всё наоборот. Вот такая я странная.

Я уткнулась лбом в колени. Не хочу видеть разочарование на их лицах.

— Почему же ты сразу не сказала? Я бы купила тебе то, что нужно, и не пришлось бы ничего переделывать.

Не поднимая головы, я пожала плечами.

— Не хотела, чтобы меня считали странной и ненормальной.

Реакцией на мои слова был дружный смех. Если слух меня не подводит, а он меня ещё ни разу не подводил, в гостиной расхохотался ещё и Эммет. Прекрасно! Теперь о моём унижении известно всему дому. Эсми шикнула на него, и Эммет заткнулся, но легче мне от этого не стало. Я сжалась в плотный жалкий комочек. Захотелось провалиться сквозь землю, куда-нибудь поглубже, а лучше насквозь. Заметив моё состояние, Эдвард прекратил смеяться, и, обхватив меня, перетащил к себе на колени, крепко обнял и поцеловал в затылок — единственное, что было ему доступно. Не удержался и фыркнул мне в волосы, потом снова тихонько захихикал. Элис присела рядом и погладила меня по спине.

— Энжи, Энжи, ну какая же ты глупенькая! Где ты в нашей семье видела хоть что-то НЕ странное и нормальное?

А ведь действительно! Я живу в семье вампиров. Причём ещё и нестандартных

вампиров. Взять хотя бы их диету — уже одно это странно и ненормально. Уж не говоря об их сверхспособностях. Так чего же я заморачиваюсь из-за какой-то ерунды? Действительно, если подумать, то так я ещё лучше вписываюсь в эту удивительную семейку.

Я расслабилась и подняла голову с колен. А поскольку в этот момент я сидела в кольце рук Эдварда, то уткнулась носом прямо ему в щёку. Эх, жаль, что мы не одни, уж я бы не упустила такой славной возможности. Но поскольку даже лёгкий поцелуй в щёчку при Элис был неприемлем, я просто застыла в этой случайно получившейся позе, наслаждаясь прикосновением наших лиц и чудесным запахом его кожи. За спиной я услышала резкий вдох, практически аханье.

— Элис, а вот это не твоё дело, — негромко произнёс Эдвард, явно отвечая на её невысказанные мысли. — И да, я помню, сколько ей лет.

Кажется, Элис всё-таки всё поняла. Ну, раз так, то зачем отказывать себе в удовольствии. Я коснулась губами гладкой щеки Эдварда, как и хотела сделать, а потом с удобствами уселась на его коленях, прижалась головой к его плечу и с вызовом глянула на Элис. Какое-то время мы играли в гляделки, потом она вздохнула и вопросительно взглянула на Эдварда. Тот кивнул.

— Да, всё верно. Но не волнуйся, мы решили подождать до восемнадцати лет.

Я аж подпрыгнула. МЫ решили?

— Ничего мы ещё не решили. Лично я ни на что ещё не согласилась. Это я про восемнадцать лет, если кому непонятно. Считаю эту цифру запредельной. Буду жёстко торговаться.

— Угомонись, малышка, должен же я как-то успокоить Элис, пока она не набросилась на меня с кулаками, защищая твою честь.

— Моя честь защищена даже слишком надёжно. Похоже, это тебя надо защищать. От меня.

Элис вдруг звонко рассмеялась и кинулась нас обнимать.

— Ой, знаете, а я ведь давно нечто подобное предполагала. Меня только возраст Энжи смущал. Но если вы будете благоразумны... Ой, ну как же я за вас рада! Кстати, Эдвард, я видела, как она торгуется, так что тебе придётся сложно, уж поверь мне!

Она снова пылко расцеловала нас и выпорхнула из комнаты, попутно сгребя в охапку мои дырявые одёжки и унеся их с собой.

Оставшись одни, мы какое-то время молча смотрели в глаза друг другу, потом Эдвард чмокнул меня в нос.

— Восемнадцать! Без возражений и вариантов.

— Что, и поцелуй тоже? Тебе не кажется, что это уже перебор?

— Ладно, целоваться, пожалуй, можно и раньше, — он уткнулся лбом мне в лоб, так, что наши носы едва не соприкоснулись. Потом тихонько рассмеялся. — Знаешь, малышка, у тебя очень весомые доводы. Хорошо, согласен на семнадцать.

— Тебе уже есть семнадцать, значит, ты уже можешь меня целовать! А я, так уж и быть, могу и подождать. А когда семнадцать исполнится мне, тогда я тоже буду тебя целовать. Это же логично! — я была очень довольна своими рассуждениями.

Эдвард расхохотался.

— Ну уж, нет! Подождём твоих семнадцати.

— Тогда я не согласна. Предлагаю шестнадцать. Как тебе? По-моему, в шестнадцать я уже не буду считаться ребёнком?

Эдвард тяжело вздохнул.

— Ты думаешь, для меня это так просто — отказываться от того, чего я страстно желаю? Но нужно соблюдать хоть какие-то правила. Ладно, согласен, шестнадцать лет — вполне достаточный возраст для поцелуев. Договорились. Как только тебе исполнится шестнадцать. Но ни днём раньше! Для меня это дело чести.

Я довольно улыбнулась. Надеюсь, к этому нашему разговору никто особо не прислушивался? Хотя, с другой стороны, если что — у меня куча свидетелей. Эдвард даже не понял, что попал в ловко расставленную мной ловушку. Он-то думает, что у него есть ещё почти год, но не учёл того, что скоро у меня на руках появятся документы, где чёрным по белому будет написан возраст! Спасибо Элис за совет сделать меня годом старше. Она и не подозревает, как меня выручила этим.

И как всегда, в самый неподходящий момент, мой ненасытный желудок дал о себе знать, запев победную утреннюю песню. Вся романтика насмарку. Эдвард отправился готовить мне завтрак, заявив, что отныне — никаких бутербродов, не зря же он полночи изучал поваренную книгу. А я отправилась совершать утренний туалет и переодеваться во что-то более подходящее, чем очередная фланелевая пижамка, на этот раз сиреневая, с Микки-Маусом, очень мягкая и уютная, но лучше бы мне всё же позволили спать в том, в чём я вчера уснула. Ладно, проехали. Нужно просто постараться больше не засыпать вне постели. Хотя, если учесть мою способность выключаться почти моментально, в любом более-менее подходящем месте, то лучше уж не зарекаться.

Когда я спустилась в кухню, уже прилично и привычно одетая — к счастью, часть топиков и без переделки вполне удовлетворяли моим потребностям, поэтому не были конфискованы Элис, — там меня уже встречали вкуснейшим запахом оладьи и омлет с беконом. На столе выстроились в ряд баночки с разными джемами, мёдом и кленовым сиропом — всем этим мне предлагалось мазать оладьи. Эдвард стоял у плиты и перекладывал со сковороды на тарелку очередную порцию. Постанывая от блаженного предвкушения, я устроилась за столом и предалась чревоугодию. Заглотив примерно половину того, что стояло передо мной, я заморила червяка и могла уже есть не торопясь, любуясь ловкими движениями Эдварда. Решив, что приготовил достаточно даже для такого прожорливого существа, как я, он уселся за стол напротив, с тёплой улыбкой наблюдая, за моей довольной физиономией. Глядя в его, уже начавшие чернеть, глаза, я поинтересовалась, а сам-то он когда собирается перекусить? Оказалось, что завтра Эдвард с братьями и сёстрами отправляется на охоту, дома со мной опять остаются только родители. Нахождение со мной в одном доме сильно притупляло жажду, точнее — сводило её на нет, но питаться им всё же было необходимо для поддержания жизненных сил.

Я задумалась о странном воздействии моей крови на жажду вампиров. Уж если только запах её так на них влияет, то что будет, если кто-нибудь эту кровь выпьет?

— Послушай, вы не пьёте только кровь людей, верно?

— Верно, — похоже, Эдварда несколько удивил мой вопрос — ведь эту тему мы уже обсуждали и не раз. Тем более, я это знала даже до того, как услышала подтверждение, просто на каком-то подсознательном уровне.

— Эдвард, а ведь я — не человек.

— И что? — он уже смотрел на меня несколько насторожённо.

— А что будет, если ты выпьешь мою кровь?

— Ты сошла с ума? Я никогда этого не сделаю!

— Успокойся, я не это имела в виду! Нетак сформулировала. Я просто думаю, а как твой организм отреагирует, если ты попьёшь моей крови. Просто попробуешь?

Эдвард продолжал смотреть на меня как на сумасшедшую.

— Энжи, я никогда и ни за что не причиню тебе боль. Сама мысль об этом для меня невозможна. Неужели ты этого ещё не поняла?

— Ну, я в теории. И совсем не обязательно меня кусать — я от этого чешусь. Но я могу нацедить немного крови в стаканчик.

— Нет! Ни за что! И закроем эту тему.

— Я же только помочь хочу! А вдруг моя кровь сможет перебить вашу жажду даже когда меня не будет рядом? Ведь в школе я буду учиться классом младше. А бедняга Джаспер так мучается, да и вам всем приходится несладко. Мы могли бы провести эксперимент. Вдруг получится?

— Энжи, я сказал — нет. Ты — член семьи, а не обед. И не лекарство.

— Но даже люди бывают донорами друг для друга! Так в чём же разница?

— В том, что там — необходимость, спасение жизни. А здесь никакой жизненной необходимости нет.

— Ладно, проехали, — я демонстративно надулась и принялась жевать очередной оладышек. Пусть думает, что убедил меня. Когда он уедет на охоту, я подойду с этим к Карлайлу. Он по натуре исследователь и будет не против провести эксперимент. Но Эдварду об этом знать не обязательно. Всё-таки хорошо, что он не может читать мои мысли.

После того, как я поела, мы вышли в гостиную, где вся семья уже собралась, явно дожидаясь нас. Если вспомнить наш разговор с Элис, то из него явно следовало заявление Эдварда о намерениях. Не в открытую, но он объявил нас парой, и мимо семьи такое пройти не могло. Очутившись под перекрёстным взглядом шести пар внимательных глаз, я почувствовала себя несколько неуютно, но потом гордо вскинула подбородок. С чего это я должна так себя чувствовать? В том, что я люблю Эдварда, нет ничего постыдного, по моему мнению, любая девушка, увидев это совершенство и пообщавшись с ним хоть немного, не смогла бы остаться равнодушной. Про то, что меня саму накрыло нечто большее, чем просто любовь, никому знать не обязательно. Может, когда-нибудь я и расскажу об этом Эдварду, но уж точно не сейчас, когда всё ещё так зыбко и непрочно.

И в том, что Эдвард полюбил меня — хотя до сих пор и не сказал мне этого вслух, но ведь и я пока молчу, не хочу давить и форсировать, — тоже ничего особо странного нет. И совсем не обязательно так недоверчиво поднимать бровь, дорогой Эммет! В конце концов, я не косяя, не рябая, не лысая, и из носа у меня не течёт! И это удивление даже немного обидно.

Первым нарушил молчание Карлайл.

— Что ж, к этому всё и шло. Я давно уже за вами наблюдаю и заметил, как вы друг к другу относитесь. Конечно, лучше бы Энжи была постарше.... Но в нашем случае возраст — это всего лишь число. И подождать пару лет не будет для вас очень уж сложно. То есть, я надеюсь на это.

— Не волнуйся, отец, я всё прекрасно понимаю. Всё будет, как положено. Обещаю.

Следом подошла Эсми и обняла нас.

— Я так рада за вас! Сынок, ты так долго был один.

— И тебе спасибо, мама, — Эдвард обнял меня за плечи и притянул к себе. — Это ведь была твоя идея — привезти сюда Энжи. Иначе мы могли бы никогда не встретиться.

Я чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Эдвард наконец-то не скрывает своих чувств ко мне, семья рада за нас, отныне мы с ним — официальная пара, и я вижу одобрение этому в глазах окружающих нас родных. Ничего не могло омрачить для меня этого радостного мига. Ну, я так считала.

— Что, братец, на детишек потянуло? Не староват ли ты для Кнопки?

Я почувствовала, как напрягся Эдвард — ведь я была прижата к его боку и не могла этого не заметить. Во мне разыгралась ярость. Что этот Эммет творит? Да мне почти месяц понадобился, чтобы внушить Эдварду, что я не ребёнок, он только-только решился проявить свои чувства, а Эммет собирается всё испортить, сломать это моё достижение, ещё такое хрупкое! Ну уж, нет! За своё счастье я буду бороться до конца!

В следующее мгновение я уже висела на Эммете, цепляясь за его плечи и упираясь носами кроссовок в его колени. Наши лица оказались на одном уровне и, глядя прямо ему в глаза, я прошипела, едва сдерживаясь, чтобы не заорать и не врезать ему.

— Не смей больше шутить на эту тему! Это не твоего ума дело. Ты же ведь не захочешь расстроить Розали, не так ли?

— Меня? — раздался сбоку недоумевающий голос. — И чем же это он меня расстроит?

Эммет ничего не сказал, только ухмыльнулся и вопросительно приподнял левую бровь. Стряхнуть меня он даже не пытался, просто стоял, уперев руки в бока и позволяя мне висеть на нём, как обезьяне на дереве. Не поворачивая головы и не теряя с ним зрительного контакта, я процедила сквозь зубы:

— Я думаю, Розали, что тебя всё же несколько расстроит перспектива провести остаток вечности с мужем, у которого откушен нос.

И, чтобы подчеркнуть серьёзность своих слов, я оскалила зубы и зарычала. Звук, который я при этом издала, напугал меня, поскольку я не ожидала, что смогу зарычать по-настоящему. А я зарычала. Как дикий зверь. Утробный животный рык вырвался откуда-то из глубины моего тела, заставив вибрировать все мои мышцы. Но ещё сильнее меня напугал взгляд Эммета, который с ужасом глядел на мой рот. Я почувствовала, как что-то постороннее касается моей нижней губы, и машинально попыталась нащупать это нечто языком. Господи, это же мои собственные зубы! Точнее — клыки, которые увеличились в размере раза в три!

Глава 8. Очередной сюрприз. Часть 2.

Я рухнула на пол, так как машинально закрыла рот обеими руками, отцепившись при этом от Эммета. Но даже не заметила этого, продолжая в шоке ощупывать свои зубы. В следующую секунду я уже сидела на коленях Эдварда, подхватившего меня с пола и вместе со мной усевшегося на диван. Карлайл оказался рядом.

— Энжи, покажи, что случилось.

Я замотала головой, ещё крепче зажав рот.

— Пожалуйста, я просто хочу поглядеть. Я ничего тебе не сделаю, просто посмотрю и всё, обещаю.

Голос Карлайла звучал тихо и успокаивающе. Он словно разговаривал с маленьким ребёнком или испуганным животным. Я взглянула на него внимательно. Пожалуй, он не испугается того, что я ему покажу, за свои годы он каких только ужасов не повидал. Но я не хотела, чтобы это увидел Эдвард. Для него мне хотелось быть красавицей, а не персонажем из фильма ужасов. Пусть он и вампир, но при этом — самое прекрасное создание на свете. И

мне хотелось бы хоть немного ему соответствовать.

Я повернулась к Эдварду затылком и, убрав руки, слегка открыла рот. Краем глаза заметила реакцию остальных Калленов. Мальчики машинально встали так, чтобы загородить собой женщин, но не выглядели особо испуганными или насторожёнными, скорее сделали это просто по привычке. Элис выглядывала из-за спины Джаспера с явным любопытством, при этом широко мне улыбалась. Вот уж кого я точно не пугала. Видя это, я немного расслабилась.

Карлайл деловито осмотрел и ощупал мои зубы и дёсны. Достал из кармана носовой платок, потёр кончики клыков, аккуратно свернул его и убрал обратно. Лицо его было сосредоточено, в глазах плескалось любопытство и азарт исследователя. Ни страха, ни отвращения я не заметила. Может, всё не так уж ужасно, как мне показалось?

Закончив осмотр, он потрепал меня по подбородку.

— Ничего страшного. Видимо, твои клыки могут выдвигаться и втягиваться, как когти у кошек. Наверное, ты раньше умела ими управлять, но, забыв об этой своей особенности, потеряла и сам навык. Возможно, душевное волнение, а точнее — ярость, на которую тебя спровоцировали, — тут он с лёгким осуждением взглянул на Эммета, которому хватило совести выглядеть слегка пристыжённым, — послужило катализатором. Зато теперь понятно, почему у твоих клыков на рентгеновском снимке были такие длинные корни. Может, вскоре мы узнаем и о том, зачем же тебе эти дополнительные кости в плечевом поясе.

Я содрогнулась. Кажется, ничего хорошего мы точно не узнаем. Надеюсь, больше я в ярость впадать не буду, а то ещё неизвестно, что из меня вылезет в следующий раз.

Я осторожно закрыла рот. Клыки мягко скользнули между нижней губой и зубами и разместились там, ничему не мешая и ни за что не цепляясь, словно вернулись домой. Для моего тела это явно не было в новинку, сюрпризом это стало лишь для моего растерянного разума. И как я теперь должна с этим существовать? Осторожно приоткрыв рот и стараясь не двигать челюстью, я зашепелявила.

— И фто зэ мне тепей деять? Они зэ не истезают!

Фырканье со стороны младших Калленов не добавило мне уверенности. Я сверкнула глазами в сторону весельчака. Эммет тут же обеими руками закрыл нос и сделал испуганные глаза. Ладно, пусть веселится, говорю я действительно смешно, а ему только повод дай. Но как же я с такими зубами? Во-первых, я, наверное, не смогу нормально есть и разговаривать, во-вторых — как я пойду в школу, мне же придётся отвечать на уроках? И последнее — но не по значимости — а как же мои планы относительно поцелуев с Эдвардом? Я-то так надеялась, что получив документы, в которых будет написано, что мне уже шестнадцать, я смогу уговорить его на первый поцелуй. И на последующие тоже. А теперь все мои мечты пошли прахом.

— А мозет, их стотить? Или воопссе, выдейнуть?

Новое фырканье. На этот раз я его проигнорировала.

— Не стоит предпринимать такие радикальные меры. Возможно, ты научишься ими управлять. К тому же, не уверен, что какой-нибудь инструмент сможет сточить твои зубы. Если судить по всему твоему организму, они должны быть крепче стали. А вырвать? Если даже и получится — не факт, что они не вырастут снова. А если всё же не вырастут — представь, как это будет выглядеть?

Карлайл говорил правильные вещи, я это понимала, но продолжала нервничать. Мне

хотелось как можно скорее избавиться от этого ужаса у меня во рту.

Эдвард, всё это время молча держащий меня в объятиях, наклонился к самому моему уху и тихонько прошептал, обдавая меня своим ароматным дыханием.

— Не переживай, Энжи! С клыками, с зубами или даже без зубов — ты всё равно останешься моей любимой малышкой. И ничему этого уже не изменить.

Мне показалось, что, хотя был обычный для этой местности пасмурный день, в окна полыхнуло яркое солнце. Всё вокруг засияло, переливаясь всеми цветами радуги и разбрасывая искры. Эдвард назвал меня своей любимой малышкой! Любимой! Это слово прозвучало впервые, и пусть это ещё не было настоящим признанием в любви, но я-то знала, что так оно и есть!

Забыв про торчащие у меня во рту жуткие клыки, которые я так не хотела ему показывать, я резко обернулась к Эдварду.

— Это правда?

— Ну, конечно, правда! Неужели ты сомневалась? — Эдвард нежно провёл большим пальцем по моей нижней губе, потом слегка отогнул её вниз. — Ну и где же они? Я ничего особенного не вижу.

Он их не видит? Не может быть! Я провела языком по зубам — клыков не было. Точнее, они были, но совершенно обыкновенные, не больше, чем у любого человека, точно такие, как и были у меня всё это время. Видимо, в какой-то момент они просто втянулись, как когти у кошки — Карлайл нашёл очень точное сравнение. А я даже ничего не почувствовала.

Интересно, а что же произошло? Кажется, я начала понимать. Они появились, когда я была в ярости, и оставались всё то время, когда я была в шоке и растерянности, а как только я расслабилась — они исчезли.

Наверное, это работает так же, как и остальные мои способности. Когда они мне нужны — появляются, как только нужда в них отпадает — исчезают. В данный момент у меня появилось то, что могло пригодиться мне для нападения или защиты, а когда я оказалась в безопасности — оно исчезло. Всё просто и логично. Я довольно улыбнулась и уткнулась лбом в шею Эдварда.

— Я испугалась.

— Это нормально. Любой бы испугался, — его рука ласково гладила меня по волосам, даря успокоение. Я могла бы сидеть так ещё долго, но в комнате мы были не одни.

— Ну, надо же! По стандартным стереотипам, это у нас должны вырастать клыки. А они растут у единственного невампира в нашей семье. — Элис просто лучилась от восторга. Похоже, эта ситуация её даже порадовала. — Ты уверена, что не вампир? Ну, настоящий, из легенд?

Я подняла голову. Мне бы её неистощимый оптимизм. А то на меня иной раз накатывает.

— Я не знаю, Элис. Всё может быть. Я вообще загадка природы. Может, мутант какой, может жертва генной инженерии. Не знаю.

— Ой, извини, Энжи. Я не хотела тебя огорчить.

— Ничего, я и сама понимаю, что слишком необычна даже для вашей семьи. Пора бы уж мне привыкнуть. Но все эти сюрпризы всё равно меня иногда пугают.

— Не только тебя. Выглядела ты в тот момент реально жутко! Глаза горят, клыки торчат! Просто ужас! — и Эммет картинно задрожал.

— Знаешь, а ведь я в тот момент говорила абсолютно серьёзно. Хочешь лишиться носа

— можешь продолжать свои подколки на наш счёт. Хочешь и дальше оставаться красавчиком, на радость Розали — попридержи язык. Отныне эта тема для тебя — табу. Можешь насмеяться над чем угодно, но не смей касаться наших отношений с Эдвардом! Конечно, дело твоё, и нос тоже твой, так что, тебе решать, сильно ли он тебе дорог?

Эммет резко посерьёзnel.

— Извини, Кнопка, я всё понял. Обещаю, что этого больше не повторится.

— Хорошо, я рада, что ты принял правильное решение. И, кстати, если ты снова доведёшь меня настолько, что у меня вылезут клыки — я на тебе и испробую, насколько они острые.

— Понял, понял, не дурак!

Эммет вдруг резко вспомнил о каких-то важных делах, и через минуту они с Розали уже отъезжали от дома. Карлайл скрылся в направлении своего кабинета, Эсми ушла следом, ласково улыbnувшись мне на прощанье. Эдвард тихонько засмеялся, а потом поцеловал меня в ушко и прошептал.

— Моя бесстрашная малышка. Укротительница гризли.

— Ну, ты даёшь, Энжи. Окоротить Эммета — это нечто запредельное! Я такого и не помню. Если уж он выбирал тему для насмешек — его уже не остановить, остаётся только терпеть. А ты это сделала!

Я пожала плечами.

— С мальчишками — только так. Им надо сразу дать понять, кто здесь главный. Слабости выказывать нельзя — иначе они сядут на шею.

— Похоже, у тебя в этом деле большой опыт, — раздался голос Джаспера. Он так тихо стоял в сторонке, что я и забыла о нём.

— Опыт виден невооружённым глазом. Уж слишком ловко она разобралась с Эмметом. Причём, не в первый раз. Но вряд ли это поможет нам с выяснением её личности — ответила ему Элис.

— Да уж, это нам точно не поможет. А Эммет удрал, так меня и не покатав. Второй день пропускает. Впору уже пенни за просрочку назначать.

— Вчера ты сама уехала, он был не причём, — рассмеялась Элис. — Но идея штрафа мне по душе. Представляю выражение его лица, когда ты предъявишь ему счёт. Обязательно предупреди меня, я ни за что на свете не хотела бы пропустить такое зрелище.

— Если хочешь, то я сам могу тебя покатавать, — предложил Эдвард.

Я просияла и закивала головой. Он ещё спрашивает!? Да я готова на что угодно и куда угодно, лишь бы с Эдвардом.

Когда мы уже направлялись к дверям, я заметила что-то яркое на тумбочке.

— Как же всё-таки здорово жить в семье вампиров! — радостно воскликнула я. Три пары глаз с недоумением уставились на меня.

— Несколько странное заявление, — озвучил общее мнение Джаспер. — Может, объяснишь, на чём оно основано?

— На мои вкусняшки никто не претендует! Можно оставить шоколадку на виду и через несколько дней найти её на том же самом месте, — с этими словами я подняла с тумбочки шоколадный батончик, продемонстрировала его окружающим, после чего надорвала обёртку и откусила почти половину. Быстро прожевав и проглотив лакомство, я добавила. — И ни с кем не надо делиться!

После чего под дружный смех выбежала на крыльцо. Уже сбегая по ступенькам, и

доедая батончик, я услышала голос Элис.

— Интересно, кто же таскал её шоколадки?

— Не знаю — кто, но ему явно не поздоровилось. Наша Энжи никому спуска не даст.

Кажется, мне не послышалась некоторая гордость в его голосе? Да, я действительно стала членом этой семьи и заслужила любовь и уважение всех домочадцев. И меня очень это радовало. Я тоже обожала свою семью, даже Эммета, который порой доводил меня до белого каления, за любого из них я встану горой и не пожалею своей жизни. Хотя, лучше бы мне не пришлось это делать. Ведь в моей жизни появилась любовь, с которой я собиралась провести остаток вечности. И я порву любого, кто попытается эту вечность сократить хоть на миг.

Эдвард, выбежавший из дома вслед за мной, сунул мне ещё пригоршню конфет — забежал за ними на кухню. Иногда меня просто поражало, до чего же он внимательный и предусмотрительный. Посадив меня на закорки, он рванул прочь от дома. Обычно Эммет катал меня по большому кругу вокруг особняка, вдоль опушки леса и по берегу реки. Но Эдвард легко перескочил через реку и понёсся по лесу, ловко маневрируя среди деревьев. Мы долго носились по лесу, потом сидели на красивой цветущей поляне — любимом месте Эдварда, — и разговаривали обо всём и ни о чём. Он часто касался меня — то поправит волосы, упавшие мне на лицо, то проведёт костяшками пальцев по щеке, то возьмёт за руку. В целом это были совсем невинные прикосновения, но они выражали такую нежность, что у меня перехватывало горло. Иногда мы подолгу молчали, просто глядя друг другу в глаза, и это молчание вовсе не было тягостным. Благодаря конфетам, я постепенно морила червячка и продержалась довольно долго, не выказывая признаков подступающего голода. Уж очень мне не хотелось прерывать нашу идиллию.

Но наконец, когда уже стало смеркаться, мой желудок запел скорбную песню. Ну почему я такая обжора? Вон, вампиры, вообще едят раз в неделю, а то и реже. Хотя, может, в моей ненасытности тоже есть какой-то смысл? Любой человек, посаженный на мой рацион, уже давно бы растолстел поперёк себя шире. А во мне — ни грамма лишнего жира, Карлайл и эти тесты проводил. Только мышцы. И куда только всё девается? Правда, иногда я трачу энергии в десятки раз больше, чем обычные люди, но это бывает очень редко. Ладно, примем это как данность. Хотя привычка помногу есть и мешает временами, но это — часть меня, а от себя никуда не денешься.

Услышав плачь моего голодного желудка, Эдвард рассмеялся и предложил возвращаться домой. На этот раз я решила попробовать пробежаться самой. И мы понеслись по лесу, держась за руки. Конечно, я бежала гораздо медленнее, но наши скорости были вполне соизмеримы, Эдвард лишь слегка сдерживался, подстраиваясь под меня. А мне совсем не хотелось возвращаться. Хотелось бесконечно бежать рядом с ним, рука в руке, любясь его грациозными движениями. Я непроизвольно замедляла свой бег, Эдвард тормозил вслед за мной, и в итоге к дому мы подошли неспешным шагом.

Машина Эммета уже была на месте. Ну, если он снова попытается что-то ляпнуть!!! Не когда мы вошли в гостиную, там никого не было. На журнальном столике стояла огромная корзина с большим зелёным бантом, доверху наполненная всевозможными конфетами. Я вытащила открытку, торчащую из этой кучи. «Это намного вкуснее, чем мой нос». Я протянула открытку Эдварду.

— Кажется, Эммет попросил прощение?! Потрясающе. За всё время, что я его знаю, такое происходит впервые. Нет, ну бывало, что он буркнет что-то типа: «Ну, извините», но

это так, для отмазки. Но чтобы действительно попытался загладить свой промах?! Малышка, у тебя несомненный талант.

— Спасибо, Эммет! — я лишь слегка повысила голос, прекрасно зная, что он меня услышит. Потом оценила элегантную корзину, красивый бант, открытку с розочками и добавила. — Розали, и тебе спасибо!

— Не за что! — раздался дуэт с третьего этажа, а потом дружный смех — видимо, от синхронности сказанного. Обрадовавшись, что у всех теперь хорошее настроение, я набрала полные руки конфет и, вместе с Эдвардом направилась на кухню. Эти конфеты и помогли мне продержаться, пока Эдвард жарил мне стейки. Он уже заметил, что любой пище я предпочитаю мясо, поэтому старался кормить меня именно им. К счастью, ни о каком холестерине мне можно было не беспокоиться, поэтому я поглощала жирное, жареное и от этого невероятно вкусное мясо в огромных количествах. Хорошо, что Каллены богаты, и им вполне по силам меня прокормить. Иначе пришлось бы тоже охотиться на оленей. Кстати, а это мысль!

— Эдвард, а ты не мог бы и меня брать на охоту?

— Зачем? — казалось, что его поразила сама мысль об этом.

— Я тут подумала — вы же только кровь пьёте, а тела просто бросаете? Это сколько же мяса зря пропадает. А я могла бы его есть.

— А чем тебе стейки не угодили?

— Ничем. Но ведь можно же сэкономить....

— Энжи, малышка моя, не нужно пытаться экономить на еде.

— Дело не только в этом....

— А в чём же?

— Если бы мы отправились на охоту вместе, то мне не пришлось бы оставаться дома одной. Без тебя.

Эдвард отложил лопаточку и, подойдя ко мне, прижал мою голову к себе. Поскольку я сидела, то уткнулась ему в живот. Потом он присел на корточки, положил руки мне на плечи и заглянул в глаза.

— Пойми, малышка, во время охоты я превращаюсь в дикого зверя. И мне совсем не хочется, чтобы ты видела меня таким.

Я наклонилась и, обняв его, уткнулась носом в его шею. Потом со вздохом проговорила:

— Я понимаю....

— Правда? — недоверчиво переспросил Эдвард. Я закивала, насколько могла, будучи прижата к нему, а потом подняла голову.

— Я ведь тоже не хотела, чтобы ты увидел мои клыки.

— Напрасно ты этого стыдишься. Это — часть тебя, и ничего особо страшного я тут не вижу. Знаешь, если они снова появятся — я их поцелую, обещаю.

И он рассмеялся. Я смеяться не стала, задумчиво глядя на него и прикидывая открывающиеся передо мной перспективы.

— Я могу позвать Эммета и попросить разозлить меня.

— Всегда к вашим услугам, — раздалось сверху. — Но при условии, что мой нос останется при мне.

— Нет, это не в счёт. Только если это произойдёт случайно! А пока — используй те, что имеешь. Кажется, стейки уже готовы.

Вечер прошёл в тихой семейной обстановке. Все мирно занимались своими делами. Мы

с Эдвардом и Элис посмотрели лёгкую лирическую комедию. Джаспер смотреть её отказался, но сидел неподалёку, наблюдая за Элис. Остальные тоже разбились на парочки. Что они делали, мне было не видно, да и не интересно. Я снова уложила голову Эдварда к себе на колени, для надёжности ещё и обхватила ладонями, и он опять не мог слышать ничьи мысли. Пусть немного отдохнёт и насладится фильмом. Уж не знаю, много ли он увидел на экране, поскольку каждый раз опуская на него глаза, я ловила его взгляд, но я от всего этого получила огромное удовольствие.

После того, как фильм закончился, я отправились в спальню. На кровати лежала стопка ярких тряпочек. Это оказались новые топики, и все, как один — с открытой спиной.

— Элис, я тебя люблю! — пробормотала я, едва сдерживая слёзы.

— Я тебя тоже, Энжи! — донеслось снизу.

Выйдя из ванной, я обнаружила Эдварда уже лежащим на постели. Уютно свернувшись у него на груди, я почувствовала, как его сильные руки нежно обнимают меня. И последнее, что я пробормотала, практически моментально проваливаясь в глубокий сон:

— Привези мне с охоты оленью ножку...

Глава 9. Новый друг. Часть 1.

На следующее утро я проснулась от того, что Эдвард осторожно выбрался из-под меня и взамен сунул в мои объятия панду. Потом нежно поцеловал в щёку, прошептал: «До вечера, малышка!» и исчез. Я поворочалась, попыталась устроиться на панде, но она была слишком мягкой, слишком пушистой, слишком... не Эдвардом. Мне нужна была моя гладкая, твёрдая и прохладная подушка, чтобы спокойно спать. Поняв, что больше поспать не удастся, я поднялась, хотя за окном ещё было темно. Но я чувствовала себя вполне отдохнувшей и готовой к новому дню, обещавшему быть очень долгим и тоскливым.

Поскольку темнота за окнами для меня была лишь образным выражением, означавшим, что ночь ещё не кончилась, я решила немного прогуляться. Видела я и в темноте прекрасно, хотя небо, по обыкновению было плотно затянуто облаками, и ни луна, ни звёзды не освещали землю. Решив никого не беспокоить, я оделась и спустилась в кухню. Готовить не было никакого желания, а мой любимый повар был уже очень далеко. Я настрогала бутербродов, разложила их по пакетам, добавила десяток шоколадных батончиков и бутылочку газировки. В принципе, напиться, как и вчера, я могла и из ручья, а газировку взяла просто потому, что это вкусно. Оглядев получившуюся кучку, я ненадолго задумалась, но выход из положения был быстро найден. И вскоре я уже выбегала из дома, предварительно оставив на видном месте записку о том, что пошла погулять по лесу. Поверх привычного топики и рубашки на мне была ветровка Эммета с отстёгивающимися рукавами, которые я оставила дома, и с кучей карманов, по которым я рассовала все свои припасы. Не думаю, что он стал бы возражать — одежды у всех Калленов было в избытке.

У меня мелькнула мимолётная мысль, что я как-то уж слишком легко пользуюсь вещами братьев и спокойно их ношу, в то время как взять что-то у сестёр мне не приходит в голову. Да и не испытываю я нужды в девчачьих вещах, своими-то практически не пользуюсь. И это при том, что я фактически тонула в одежде ребят, имевших поистине богатырские габариты. Это наводило на размышления. Видимо версия о том, что я росла с мальчиками, возможно с братьями, верна. Но это не вызвало во мне никакого отклика, так же, как раньше — мысль о том, что у меня могут быть где-то родители. Моя семья была здесь, потребности в другой я не испытывала, так что, отбросив эту мысль, я сбежала по

ступенькам и помчалась по нашим вчерашним следам в сторону той красивой поляны, где мы с Эдвардом провели полдня. Я ни на секунду не затруднилась с поисками дороги — наш запах вёл меня так, словно нужное направление было отмечено ярко-алой краской.

До поляны я добралась довольно быстро, но делать там мне было абсолютно нечего. Я немного посидела на том месте, где мы сидели вчера, и где ещё сохранился наш с Эдвардом запах. Походила по поляне кругами. Сплела себе венок. И со вздохом поняла, что без Эдварда эта поляна ничем для меня особо не привлекательна. Тогда я отправилась просто бродить по лесу. Иногда я бегала на своей сверхскорости, а иногда просто гуляла, как обычный человек, любуясь природой и перекусывая на ходу. Как ни странно, животные меня не боялись совершенно, продолжали заниматься своими делами, в отличие от вчерашнего дня, когда они стремились спрятаться подальше и поглубже, инстинктивно чувствуя в Эдварде хищника. Я легко забиралась на самые высокие сосны, ловко прыгая с ветки на ветку и используя ногти, чтобы цепляться за кору. Сверху открывался невообразимо прекрасный пейзаж первозданной, практически не затронутой человеком природы. Оттуда же я смогла рассмотреть дом Калленов. Таким образом, я в любой момент могла найти короткую дорогу до дома, так что мне не пришлось бы совершать весь путь по своим следам, хотя и это не представило бы для меня сложности.

В какой-то момент я вышла к реке. Уж не знаю, та ли это была река, что протекала возле нашего дома, её приток, или какая-то совершенно другая? Для меня это было абсолютно неважно. Возвращаться домой не хотелось, и я решила отправиться дальше. Вода в реке была чистейшая, поэтому я напилась и наполнила водой уже опустевшую к этому времени бутылочку.

Перепрыгнув через реку, я какое-то время бродила по новой территории, но она ничем не отличалась от старой. Я уже развернулась, чтобы вернуться назад, как вдруг услышала громкий звериный визг, а потом вой, переходящий в поскуливание. Причём, издавало эти звуки явно какое-то крупное животное. Мне стало любопытно, и я рванула к месту, откуда раздавались эти звуки. Вскоре я обнаружила большую рыже-коричневую собаку, одна лапа которой попала в огромный ржавый капкан. Поскуливая, бедный пёс разглядывал ловушку, видимо, не зная, что теперь делать. На собаке не было ошейника, и я предположила, что хозяева её выгнали. Мне стало жалко бедное животное, которое могло погибнуть, и я решила помочь. Конечно, страдающая от боли собака могла быть агрессивной, но, во-первых, меня не так-то легко укусить, а во-вторых, в случае чего я быстро исцелюсь. Приняв решение, я вышла из-за деревьев и стала медленно подходить к собаке, держа перед собой руки открытыми ладонями вперёд.

Заметив меня, пёс насторожился, перестал обнюхивать капкан и стал наблюдать за моим приближением, хотя явной агрессии не выказывал. Ободренная этим, я вытащила из кармана один из оставшихся сэндвичей с ветчиной и на вытянутой руке протянула собаке. Животное втянуло воздух и, как мне показалось, взглянуло на меня более заинтересовано.

— Смотри, что у меня есть, — тихим, успокаивающим голосом забормотала я. — Хочешь?

Пёс наклонил голову на бок, переводя взгляд с моего лица на руку и обратно. Ободренная, я подошла ближе, и огромный язык слизнул бутерброд с моей ладони. Быстро проглотив его, пёс снова наклонил голову и начал лизать зажатую лапу. Итак, меня опасной он не считает, значит, можно приступать ко второму пункту спасательной операции. Я присела на корточки и протянула руки к капкану. Пес прижал уши.

— Тише, малыш, не бойся. Я тебе помогу.

Мне показалось, или он действительно посмотрел на меня скептически? Но всё же позволил взяться за капкан. Разогнув его, я дождалась, пока пёс вынет окровавленную лапу, после чего оторвала капкан от такой же ржавой цепи и внимательно осмотрела. Капкан был огромным, явно на медведя или динозавра, и выглядел так, будто пролежал тут со времён Гражданской войны. И пах он уже не металлом, а землёй и прелыми листьями — видимо, поэтому пёс его и не учуял. А поскольку медведей здесь давно не водилось, потребовался вес этой большущей собаки, чтобы он, наконец, сработал. А собачка-то действительно огромная! Когда она встала в полный рост, то оказалась выше меня. Это, конечно, не показатель, все, кого я знала в своей новой жизни, были выше меня, но всё же для собаки размеры были несколько великоваты. Пёс не убежал, продолжая стоять рядом на трёх лапах. Сняв капкан и зашвырнув его подальше в кусты, я решила попробовать обработать его лапу. Всё же капкан был ржавый, надо попытаться хотя бы промыть рану. Достав из кармана последний бутерброд, я сказала:

— Ты получишь и его, если будешь хорошим мальчиком и позволишь мне промыть твою рану.

Говорила я скорее для себя, надеясь лишь, что пёс отреагирует на успокаивающий тон. Но он вдруг плюхнулся задом на землю и протянул мне пострадавшую лапу. Я аж вздрогнула. Он что, человеческую речь понимает?! Невероятно! Ну, как бы то ни было, это очень мне помогло. Я отправила бутерброд в огромную пасть, потом скинула ветровку Эммета и оторвала от подола рубашки несколько полос ткани. Достав бутылочку с водой, я промыла рану, выглядевшую не настолько страшно, как могло бы быть при подобной травме, и перевязала её, как могла.

— Ничего страшного. Перелома, похоже, нет. А рана быстро заживёт. Походишь с повязкой пару дней, чтобы грязь не попала, а потом стащишь её зубами, хорошо?

Я что, сказала это собаке? Но моя челюсть просто отпала, когда она мне кивнула, словно всё поняла! А может, и поняла, кто знает? Это явно была не обычная собака, судя по габаритам, возможно, какой-то мутант, как и я. Так почему бы и ей не иметь повышенный интеллект?

— Ты меня понимаешь? — пёс снова кивнул. — Потрясающе! А погладить тебя можно?

Огромная голова наклонилась и ткнулась лбом мне в ладонь. Я погладила широкий лоб, ощущая мягкую, приятную на ощупь шерсть, почесала за ушами. Пёс зажмурился от удовольствия и тихонько заурчал.

— Какой же ты славный, Рыжик. Как жаль, что я не могу взять тебя домой. Видишь ли, члены моей семьи... Они... У них аллергия на животных.

Честное слово, он посмотрел на меня с иронией! Ну, не объяснять же ему, что для моей семьи он — еда. К тому же собака — это хищник, а Эдвард объяснял мне, что кровь хищников более напоминает кровь людей, поэтому вкуснее, чем кровь травоядных. Хотя чаще всего приходится питаться именно ею.

Я снова надела ветровку и вытащила из карманов оставшиеся батончики. Я и дома смогу поесть, а бездомному псу они нужнее. Конечно, это не мясо, но всё же какие-никакие калории. Быстро справившись с угощением, Рыжик благодарно лизнул меня огромным мокрым языком в щёку. Фууу!... Непередаваемое ощущение. Вытершись рукавом, я наставила палец на его нос.

— Никогда так больше не делай!

Вы когда-нибудь слышали, как хихикают собаки? А вот я слышала. Рассмеявшись, я обняла его за шею.

— До чего же ты чудесная собака, Рыжик. Какие же дураки твои хозяева, что выгнали тебя! Ты, наверное, слишком много ел, раз вымахал в такого телёнка? Или всех вокруг облизывал? До чего же жалко, что я не могу забрать тебя к себе! Ты бы стал моим лучшим другом.

Пёс покорно позволял мне все эти телячьи нежности. В это время где-то далеко раздался вой. Рыжик вздрогнул и, подняв морду, коротко взвыл, словно бы ответил. Потом аккуратно высвободился из моих объятий и сделал несколько шагов в том направлении, откуда раздался вой.

— Похоже, тебя зовут, Рыжик. У вас там своя компания, верно?

Пёс кивнул. Теперь это меня уже не удивляло. Сама являясь частью волшебного мира, я перестала воспринимать невероятный интеллект собаки как что-то небывалое.

— Приходи сюда завтра. Я принесу тебе что-нибудь поесть, — я задумалась. Вряд ли я смогу ждать его весь день — ведь завтра дома будет Эдвард, а я не хотела бы надолго расставаться с ним, если могу быть рядом. Я огляделась и, заметив дупло в стволе старого дерева, указала на него. — Если тебя здесь не будет, то я положу всё сюда, договорились?

Пёс снова кивнул. Далёкий вой повторился. Совершенно явственно вздохнув, он развернулся и исчез среди деревьев. Я тоже вздохнула. Жаль, что мой новый друг так быстро ушёл, он помог бы мне скоротать этот длинный, одинокий день.

В несколько прыжков я забралась на самое высокое дерево поблизости и огляделась. В той стороне, куда помчался Рыжик, простирался лес, но, спустя несколько километров, он заканчивался огромной водной гладью. Море или океан. Нужно будет глянуть на карте, а то живу тут уже месяц, побывала в нескольких городах, расположенных относительно далеко, а что находится под самым носом — не знаю. С другой стороны виден был небольшой городок — видимо, это и есть Форкс, в котором я ещё ни разу не бывала, но куда вскоре отправлюсь, чтобы посещать школу. Дом Калленов располагался ближе и левее. Местность была неровная, со всех сторон подступали невысокие горы, покрытые лесом. Что ж, думаю, что вскоре обследую их все — должна же я хоть как-то отвлекаться, пока Эдвард на охоте! Кстати, на сегодня у меня запланировано ещё одно дело. Я посмотрела на светлое пятно, сквозь затянувшие небо облака обозначающее место, где находилось солнце. Судя по всему, полдень ещё не наступил, так что я вполне успею поговорить с Карлайлом — ему на дежурство только вечером. Зафиксировав нужное направление, я рванула к дому напрямик.

Карлайла я нашла в его любимом месте обитания — кабинете. Изложила ему свои рассуждения по поводу предполагаемых возможностей моей крови в качестве утолителя вампирской жажды. Как я и думала, его это очень заинтересовало и заинтриговало. Решили провести эксперимент. Встал вопрос о подопытном. Свою кандидатуру Карлайл отверг, так как за долгие века подавления своей жажды, что было необходимо при его работе, практически перестал реагировать на запах человеческой крови, поэтому разницы мог и не заметить. И мы решили привлечь Эми — она как раз собиралась в город за продуктами для меня.

В этот раз мы были готовы к трудностям, поэтому всё прошло намного быстрее — мы просто проткнули мне вену скальпелем и сразу вставили иглу, пока ранка не закрылась. Нацедив пару пробирок, чтобы у Карлайла был материал для новых исследований, мы позвали Эми и объяснили её задачу. Сначала она, как и Эдвард, была против того, чтобы

использовать меня в качестве донора или лекарства, но мы вдвоём сумели её переубедить. Выпив кровь из пробирки, Эсми сообщила нам, что по вкусу она не похожа ни на что из того, что ей доводилось пить ранее. И хотя она не была неприятной на вкус, но и особого желания получить добавки не вызывала. Вспомнив свою человеческую жизнь, Эсми смогла сравнить её с тёплой водой — никаких ощущений от того, что выпьешь эту жидкость, ни положительных, ни отрицательных. В любом случае, организм Эсми мою кровь принял, не отверг, как человеческую еду — спасибо и на этом. А результаты мы узнаем после возвращения Эсми домой.

Потом я рассказала, что встретила в лесу бездомную собаку. Очень славную, умную и добрую. И хотела бы её немного подкормить, поскольку прекрасно понимала, что привести её домой я не смогу. Эсми, как я и предполагала, тут же прониклась жалостью к несчастному существу и пообещала, что делая закупки, она будет иметь в виду дополнительный рот. Всё равно ей, для маскировки, приходилось закупать продукты на всю семью, где живут пятеро подростков, которые, по идее, должны быть весьма прожорливы. Раньше она, не заезжая домой, отвозила эти продукты в соседний городок в благотворительную столовую. Но с моим появлением надобность в этом отпала. Так что, наличие ещё одного едока только приветствовалось.

Когда я уже собиралась покинуть кабинет, Карлайл меня остановил.

— Я как раз собирался тебе кое-что рассказать. Только что закончил все тесты и анализы.

Я слегка напряглась. Заметив это, он поспешил меня успокоить.

— Всё в порядке. Известия хорошие. Наверное. Помнишь, когда у тебя появились клыки, я протёр их кончики носовым платком. Я сделал это, чтобы провести анализы, и теперь совершенно определённо могу сказать — ты не ядовита. По крайней мере — не ядовит твой укус. И ты не можешь создавать себе подобных тем же способом, что и мы.

— Знать бы еще, кто они — эти «мне подобные»?

— Я думаю, что постепенно мы всё узнаем. Твои особенности проявляются не сразу. Но, в конце концов, всё станет ясно.

— Честно говоря, я этого боюсь. А вдруг это что-то такое ужасное, что вы и знать меня не захотите? Ведь меня не просто так пытались убить.

— Энжи, всё, что мы видели в тебе до сих пор, даёт некоторое представление о тебе и твоём характере. Я не думаю, что даже как-то изменившись внешне — что вполне возможно, хотя и не обязательно, — ты кардинально изменишься внутренне. Впрочем, может этого никогда и не произойдёт. В любом случае, я хочу, чтобы ты знала: кем бы ты ни оказалась, ты — член нашей семьи, и мы любим тебя. Так что, успокойся и больше не переживай по этому поводу.

Слегка всхлипнув, я обняла своего отца, уткнувшись лбом в его надёжную грудь, в которой не билось сердце. Но я-то знала, что оно там — большое, доброе, любящее. Так какая разница, бьётся ли оно? Крепкие, прохладные руки обняли меня, и какое-то время мы простояли так, слегка покачиваясь — Карлайл словно бы убаюкивал меня.

Потом, вытерев слёзы, я с облегчением улыбнулась. Мне стало намного легче, словно некий камень, лежащий где-то у меня в груди, выпал оттуда. Улыбнувшись мне в ответ, Карлайл приподнял пальцами мой подбородок и заглянул мне в глаза.

— Всё будет хорошо.

Я кивнула и с чувством облегчения покинула кабинет. А ведь я и не догадывалась,

насколько это меня мучило, загоняла страх внутрь. Ну, что ж, что будет — то и будет. Доживём — узнаем.

Глава 9. Новый друг. Часть 2

Остаток дня прошёл под знаком: «Ну, когда же вернётся Эдвард?» Чтобы как-то убить время, Карлайл предложил мне освежить школьные знания — ведь меня собирались отдать в десятый класс, и никто не знал, прошла ли я программу девятого, ведь мой настоящий возраст так и оставался загадкой. Найдя нужные учебники — спасибо интернету, — я проштудировала их и поняла, что с учёбой проблем не будет. Всё мне было уже знакомо. Хотела проделать то же и с учебниками за десятый класс, но Карлайл отсоветовал — тогда мне будет совсем скучно на уроках. В этом была беда всех молодых Калленов — приходилось снова и снова ходить на одни и те же уроки и слушать одни и те же лекции.

К этому времени вернулась Эсми. Результаты эксперимента превзошли наши самые смелые ожидания. По её словам, она не испытывала никакой жажды крови вообще, даже находясь в толпе людей. Итак, теперь у меня появилось средство облегчить жизнь членам моей семьи, и я была этому несказанно рада. Наконец-то я смогу отплатить им за всё то добро, что они проявили ко мне, взяв в семью и относясь как к родной.

День почти закончился, начало темнеть. Моё нетерпение достигло предела. В это время Карлайл сообщил, что ребята уже едут обратно и вернутся где-то через пару часов — позвонили по телефону. И тут меня осенило. Зачем ждать? Вооружившись картой и расспросив, по какой дороге они обычно возвращаются, я рванула навстречу. И через несколько минут уже сидела «в засаде» возле шоссе.

Через некоторое время я увидела две несущиеся по дороге машины: «Вольво» Эдварда и красный «БМВ» Розали. Заметив, что стёкла в машинах опущены, я рванула наперерез и рыбкой нырнула в окно передней пассажирской дверцы, рассчитывая оказаться на пассажирском сидении. Немного не рассчитала и оказалась лежащей на коленях Эдварда, упираясь головой в водительскую дверцу. При этом мои ноги остались торчать из противоположного окна. С заднего сиденья раздался дружный смех Джаспера и Элис, у Эммета, едущего в другой машине, похоже, началась истерика. Даже Розали хихикнула. Не смеялся только Эдвард. Я почувствовала, как его рука ощупывает мою голову в поисках возможных повреждений.

— Ты не ушиблась? Не поранилась?

Я раком сползла с его колен и уселась на сидение.

— Пострадало только моё чувство собственного достоинства, — я поправила растрепавшуюся одежду, пригладила, как могла, волосы. — Нужно нечто потвёрже, чтобы я действительно пострадала. Кстати, я тебя не ушибла?

Теперь уже расхохотались все пятеро.

— И какая же была необходимость в таком экстремальном появлении? — поинтересовался Джаспер. Я пожала плечами.

— Соскучилась...

— Это понятно. А в окно, на ходу, зачем прыгать-то? Можно было просто помахать рукой, мы бы остановились.

— Сюрприз-и-из!!! — я сделала руками жест клоуна, говорящего: «А вот и я!». Потом вздохнула и пожала плечами. — Решила выпендриться. Ну, сглупила. В следующий раз так делать не буду. Просто запрыгну на крышу, и всё.

— Нет уж. В следующий раз просто выйди на обочину. Уверяю тебя, что мимо мы не проедем.

— Ладно. Так и сделаю, — я улыбнулась Эдварду, отметив, какими ярко-золотистыми стали его глаза после охоты. — Ну, что новенького, как прошла охота?

— Всё прошло отлично. Кстати, как ты и заказывала, везём тебе оленью ногу. Точнее — две. Больше в багажник Вольво не поместилось, а пачкать свою машину Розали категорически отказалась.

— Ну и ладно. Две — это тоже замечательно. Думаю, Рыжику понравится оленина.

— Рыжику? — несколько голосов сплелись в удивлённый хор.

— Ты что, зверушку себе завела, пока нас не было? — высказала всеобщее недоумение Элис.

— Не то, чтобы завела. По крайней мере, домой не привела. Просто собираюсь подкармливать одну бездомную собаку. Сегодня в лесу встретила. Похоже, хозяева выгнали беднягу. Как так можно — приручить кого-то, а потом вышвырнуть!

— Собака, значит, — Эдвард слегка нагнулся ко мне и принюхался. — Теперь понятно, откуда этот запах. Вы с этой собачкой, похоже, обнимались.

Я тоже обнюхала себя — где дотянулась. Да, запахок остался. Хотя я и переоделась после того, как вернулась домой из леса, и руки за день вымыла несколько раз.

— Ну, да, обнимались. Но он такой славный. И такой умный. И, в конце концов, он же бездомный. Его с шампунем не купают. Хорошо, если дождём намочит, или в реку свалится. Так что же теперь, если он не пахнет розами — так его и кормить не надо?

— Да корми на здоровье, кто ж тебе не даёт! Вот только запах у этой собаки какой-то странный. Не совсем собачий. И у меня такое чувство, что я похожий запах когда-то уже встречал, только не помню — где и когда. Вам такой раньше не встречался?

Два носа тщательно обнюхали мой затылок и плечи.

— Да уж, запахок не из приятных, — констатировала Элис. — Но я раньше такого не встречала.

— Я тоже. Но ты прав, Эдвард, собаку напоминает весьма отдалённо.

— Ладно, нюхливые вы мои, я могу отправиться домой, и к вашему приезду буду благоухать цветами, — я скрестила руки на груди и нахохлилась.

Руки Элис тут же обняли меня сзади, её щека прижалась к моей. Ладонь Эдварда легла на мой локоть. Три голоса дружно стали уверять, что совсем не хотели меня обидеть и обсуждали запах собаки, а вовсе не мой. Мне даже стало неловко за свою детскую обиду, я чмокнула Элис в щёку и улыбнулась парням. Мир был восстановлен.

— Кстати, у меня для вас есть приятный сюрприз. Теперь вам не придётся больше мучиться от жажды, находясь среди людей, когда меня не будет рядом!

Как я и предполагала, до Эдварда дошло моментально.

— Ты это всё же сделала! Как ты могла!? Мы же договорились.

— Вовсе нет. Я просто прекратила наш спор, вот и всё. Но я ничего не обещала. И всё вышло так, как я и предполагала.

— Всё равно. Я твою кровь пить не буду.

— Почему? — от обиды слёзы выступили у меня на глазах. Я же от всей души, от чистого сердца, а он.... — Ты что, брезгуешь?

— Господи, да с чего ты взяла?

— Потому, что я — непонятно кто. Я не только не человек, я даже не животное. Ну,

конечно, кому понравится пить кровь какого-то чудовищного мутанта!

Мой расчёт полностью оправдался. Эдвард остановил машину, бросил Джасперу «меняемся», вышел, выдернул меня с переднего сидения, на которое тут же уселась Элис, и, со мной на коленях, уселся на заднее. Это был уже дополнительный бонус, и я не преминула им воспользоваться, прижавшись к Эдварду покрепче и уткнувшись носом ему в шею. О, господи, до чего же чудесно он пахнет! Наверное, я никогда к этому не привыкну. Но недолго продлилось это удовольствие. Эдвард мягко отстранил меня, чтобы заглянуть в глаза, которые оказались практически на одном уровне с его глазами.

— Никогда так больше не говори. Ты — не мутант. И уж тем более — не чудовище. Ты самое чудесное создание, которое я встретил в этом мире, — прижав меня к себе, он уткнулся в мои волосы и зашептал. — Самое-самое чудесное.

Какое-то время мы ехали в тишине, потом из машины Розали, обогнавшей нас во время остановки и теперь идущей впереди колонны, раздался недовольный голос Эммета.

— Может, всё же просветите и нас, что там за сюрприз Кнопка нам приготовила?

— Эммет, сюрприз потому так и называется, что его не открывают раньше времени.

— Но Роузи, Эдвард-то всё уже знает. Так не честно, я тоже хочу.

— Всё в порядке, я расскажу — очень не хотелось отрываться от Эдварда, но не нужно быть эгоисткой. У меня ещё весь вечер впереди, нанюхаюсь. — Дело в том, что сегодня мы проверили мою теорию о том, что моя кровь притупляет вашу жажду.

— Я считал, что это делает твой запах, — Джаспер тоже вступил в разговор. Конечно, для него эта новость актуальна намного больше, чем для остальных.

— Да, запах. Запах моей крови. Я давно задумывалась, как сохранить этот эффект, когда меня не будет рядом. И сегодня предложила Карлайлу провести эксперимент.

— Вчера она предлагала это мне. Вот почему я сразу догадался.

— Да, и отказался! А Карлайл — нет! Он учёный, исследователь, я знала, что он согласится.

— Я не хотел превращать тебя в продукт питания. Ты — не еда!

— Моя кровь не еда, а лекарство. Именно так её и воспринимай. И потом, я сама этого хочу.

— Может, уже перестанете пререкаться и объясните, наконец, в чём дело? — Эммет не выдержал раньше остальных.

— Похоже, нам предстоит пить кровь Энжи, — Джаспер догадался первым. Хотя, после нашей с Эдвардом перепалки, не догадаться мог разве что Эммет.

— Какой ужас! — пробормотала Элис. — Мы же отказались от человеческой крови.

— Да ничего ужасного здесь нет! Во-первых, напоминаю, что я — не человек, у моей крови вообще вкуса нет. Уверяю вас, что крышу вам от неё точно не снесёт. А во-вторых, я же не предлагаю вам меня кусать. Хотя для меня это вообще не страшно, почешусь немного и всё. Но мы живём в XXI веке. Всё будет цивилизовано, из пробирочки.

— И ты считаешь, что это поможет? — Джаспер всё никак не мог поверить в такую возможность. И это при том, что испробовал действие моего запаха на себе.

— Не просто считаю, а точно знаю. Мы провели эксперимент на Эсми. Всего пять миллилитров моей крови — и она провела полдня среди людей, совершенно не ощущая жажды. Так что, вам с лихвой хватит времени на весь учебный день. А если кого-то оставят после уроков за плохое поведение, я могу нагубить учителю, получить наказание и просидеть это время рядом.

Все дружно рассмеялись.

— Нас не оставляют после уроков. В школе мы просто паиньки.

— Что, и Эммет тоже? Ни за что не поверю.

— Да, и я тоже, Кнопка. Мы не привлекаем к себе внимание. К тому же, всегда можно так нашалить, чтобы не попасться.

— А вот в это я верю. Потому что, если вам приходится постоянно сидеть на одних и тех же уроках, то со скуки можно всякого натворить. Я бы, наверное, не выдержала!

— Придется потерпеть, малышка. К тому же, кто знает, вдруг тебе станет интересно учиться? Всё может быть.

— Я буду очень стараться, — я повернулась и посмотрела Эдварду в глаза. — Я вас не подведу, обещаю!

Остаток пути прошёл в молчании. Я так и осталась сидеть у Эдварда на коленях — он не стал меня ссаживать, а уж сама я тем более не стала отстраняться. Остальные не обращали внимания, или делали вид, что так и надо.

Когда мы вернулись, Карлайл ещё раз рассказал ребятам о сегодняшнем эксперименте, а Эсми поделилась впечатлениями. Я видела, как все были рады найденному «лекарству», особенно Джаспер и Элис, она больше за него, чем за себя. И только Эдвард был явно не доволен. Но я шепнула ему: «Смирись, ты в меньшинстве», и он наконец-то улыбнулся мне, правда, предварительно тяжело вздохнув. Ничего, привыкнет.

На ужин у меня была жареная оленина. Эдвард зажарил на гриле одну ногу, кусками, конечно, но я осилила только четверть, хотя на поляне, где меня нашли, охомячила всю, целиком. Ничего, на подольше хватит. Да и про Рыжика забывать не стоит. Видимо, он всё-таки приучен к домашней еде. Так что обрадуется жареному мясу.

Вечер прошёл тихо-мирно-спокойно. Все занимались своими делами, а мы с Эдвардом играли на рояле. Сначала по очереди, а потом — в четыре руки. И у нас это получалось настолько слаженно, словно мы год репетировали. Мы словно чувствовали друг друга, то подстраиваясь друг под друга, то ведя за собой. И это снова навело меня на мысль, что не зря мы встретились, он — моя половинка, предназначенная мне судьбой. Хотя я и раньше ни капельки в этом не сомневалась, но с каждым днём получала этому всё больше подтверждений.

Вскоре я начала украдкой зевать, но старалась этого не показывать — не хотелось прерывать такой чудесный вечер. Хотя, если вспомнить, как рано я встала, в этом не было ничего удивительного. Но разве от Эдварда что-нибудь скроешь? И вскоре я уже была отправлена готовиться ко сну. Я постаралась отдраиться получше, чтобы Эдварду не мешал запах Рыжика, возможно, ещё оставшийся на мне. Завтра мне предстояла новая встреча с ним. Наверное. Если он всё же придёт на условленное место. Всё-таки интересно, насколько хорошо он понимает человеческую речь? При случае надо будет проверить.

Когда я укладывалась в постель и устраивалась поудобнее на моей любимой подушке, она забормотала недовольным голосом:

— Имей в виду, мне всё это совершенно не нравится.

— Что именно? — вся в мыслях о Рыжике, я не сразу поняла, о чём это он?

— Эта твоя авантюра с кровью. Мне становится плохо при мысли, что мы будем пить твою кровь. Словно ничем не отличаемся от обычных вампиров.

Я приподнялась на локтях и возмущённо уставилась в его золотистые глаза.

— Ты опять? Мы ведь всё уже обсудили и решили. Смирись!

— Да я смирился. И понимаю, что это действительно выход, и принесёт нам всем огромную пользу. Практически спасение. Но это не значит, что всё это доставляет мне удовольствие. Как представлю, что тебе придётся испытывать боль, терять кровь.... — он содрогнулся.

Я чмокнула Эдварда в нос — у него же научилась, — и снова устроилась на его груди.

— Боли я практически не чувствую, а сдавать кровь даже полезно — она от этого обновляется и улучшается. В интернете почитай, там всё это описано. Всё будет хорошо. Я сама этого хочу. Сама, понимаешь?

Его большая ладонь погладила меня по спине, губы прижались к волосам.

— Я всё понимаю. Спи, моя малышка. Сладких тебе снов.

И уже практически провалившись в сон, я продолжала шептать:

— Всё будет хорошо...

Глава 10. Если друг оказался вдруг... Часть 1.

На следующее утро, позавтракав, я решила первым делом накормить Рыжика. Эдвард вызвался сопровождать меня, но, как бы мне ни хотелось постоянно находиться с ним рядом, я отказалась.

Не стоило забывать, что Эдвард — вампир, питающийся кровью животных. И животные каким-то образом прекрасно это понимали и прятались. Я боялась, что учуяв его, Рыжик просто не выйдет ко мне. Я объяснила всё это Эдварду, смягчив, как могла, ситуацию, и он согласился с моими доводами. Но полдороги он всё же пробежал вместе со мной, а потом остался ждать меня на нашей поляне.

Предосторожность оказалась бесполезной — Рыжика не было. Что же, было наивно полагать, что он будет сидеть на месте нашей предыдущей встречи и дожидаться меня. Разочарованно повздыхав, я застелила дупло листьями папоротника, решив в следующий раз прихватить какой-нибудь небольшой тазик, который мог бы сойти за собачью миску, выложила из пакета куски жареной оленины, десяток сосисок и несколько шоколадных батончиков, предварительно сняв с них обёртку.

Насколько я знала из рассказов Калленов, крупных хищников в близлежащих лесах не было, так что есть шанс, что мой подарок дождётся Рыжика. А если нет — то здесь уж будет не моя вина, я сделала всё, что могла. Пожав плечами, я развернулась и помчалась назад. Меня ждал Эдвард и ещё один чудесный день рядом с ним, первый из оставшейся вечности.

Приближаясь к поляне, я невольно ускоряла бег. Даже лишняя минута вдали от любимого была для меня невыносимой. Когда я на сверхзвуковой скорости вылетела на поляну, Эдвард среагировал моментально и, подхватив, закружил меня. Похоже, моё быстрое возвращение его тоже порадовало.

— Не пришёл? — какой ещё могла быть причина моего столь быстрого возвращения?

— Не пришёл, — вздохнула я.

— Завтра снова пойдёшь, — это был не вопрос, но я ответила.

— Пойду.

— Что ж, меня это не удивляет. Но что, если этот твой Рыжик больше не появится? Может, он просто пробежал мимо по своим делам, и сейчас уже далеко?

Я пожала плечами:

— Если он больше не появится, значит, так тому и быть. Но пока я не буду абсолютно в этом убеждена — я продолжу его кормить. Я обещала.

Эдвард опустил на траву, и я тут же пристроилась рядом, свернувшись калачиком у него под боком — это была моя любимая позиция рядом с ним, исключая, конечно, случаи, когда он усаживал меня на колени. Но, если проанализировать, то такое обычно случалось, только если Эдвард хотел меня успокоить. А вот так, прижавшись друг к другу и обнявшись, мы частенько сидели просто так, без всякого повода, лишь потому, что нам обоим это доставляло удовольствие.

Приобняв меня и машинально перебирая мои волосы, он посмотрел в ту сторону, откуда я появилась.

— Скажи, а место вашего с Рыжиком рандеву находится далеко отсюда?

— Я точно не знаю. Сложно определить расстояние, несясь по лесу на огромной скорости. Но это практически сразу за рекой, которая там течёт.

— Ты перебиралась через реку? — Эдвард слегка нахмурился.

— Да. Но она не широкая, я легко её перепрыгнула. Не волнуйся, никакой опасности для меня не было. Ты же знаешь, что мне вообще сложно причинить какой-то вред.

— Вред ты и сама себе прекрасно можешь причинить, без чьей-то помощи. — Ага, это он про мою разбитую об валун руку. Никак не забудет! Я недовольно скривилась, но так, чтобы он не заметил. А Эдвард в это время продолжил. — Но меня беспокоит не сама река, а то, что за ней находится.

— А что за ней находится? Я больших отличий не заметила. Лес как лес, что с одной стороны реки, что с другой.

— Это уже не просто лес, это территория резервации квилетов. Граница как раз проходит по реке. С этой стороны — наша земля, куплена много лет назад вместе с домом, а с другой — их земля, и мы туда не ходим.

— Почему? Нет, я вообще-то не думаю, что это представляет собой какую-то проблему, это получается как два двора по-соседству, и в чужой двор без приглашения не ходят, но ты так это сказал, словно здесь нечто большее, чем просто частная территория.

— Ты права. Квилеты ничего не имеют против, если к ним приезжают люди — в конце концов, у них там прекрасный пляж, и люди часто приезжают туда на пикники.

— Ты произнёс слово «люди» таким тоном, да ещё и дважды, словно хочешь сказать, что....

— Да, ты всё верно поняла. На территорию квилетов заказан путь только нам. Калленам. Вампирам.

— Они что, знают?! Но как? Вы же ото всех скрываете, кто вы такие!

— Знают, и уже давно. У квилетов давняя вражда с вампирами, и когда сюда в прошлый раз приехала наша семья, а случилось это более шестидесяти лет тому назад, то они сразу поняли, кто мы такие. Но Карлайл сумел убедить квилетов, что мы не опасны для людей, и мы заключили перемирие. Но находиться на их территории нам запрещено.

— Значит, мне тоже? Мне нельзя будет больше кормить Рыжика?

— Даже и не знаю. Хоть ты теперь и член нашей семьи, но ты всё же не вампир. Твоё сердце бьётся, у тебя на щеках румянец, в жилах течёт кровь. Ты даже пахнешь не так, как мы. Так что не думаю, что они стали бы возражать, если ты слегка нарушишь границу, чтобы накормить эту свою собаку. Хотя лучше бы она всё же находилась на нашей территории.

— Может, она потому и держится той стороны, что там нет следов вашего присутствия? Вы же для неё — хищники, а там она в безопасности?

— Может быть. Вряд ли мы узнаем, чем руководствуется собака, выбирая место

проживания. Но постарайся не задерживаться надолго на той стороне и не заходи далеко. Договорились?

— Договорились! Всё будет хорошо, обещаю.

Какое-то время мы просто сидели молча, прижавшись друг к другу. И это молчание было таким гармоничным, что совершенно не напрягало. И тут случилось то, что в своей новой жизни я ещё ни разу не видела. Облака, постоянно затягивающие небо плотным покровом, слегка разошлись и выпустили на свободу луч солнца, упавший прямо на поляну, на которой мы сидели. Сначала я просто любовалась тем, как солнце играет и переливается на лепестках цветов, какими яркими красками сияет окружающий нас мир. А потом взглянула на Эдварда и просто задохнулась от неожиданности и восхищения. Эдвард сиял! Его кожа под солнечными лучами переливалась и отбрасывала лучи, словно была покрыта крохотными драгоценными камнями. Заинтересовавшись открывшимся чудом, я начала внимательно разглядывать кожу Эдварда. Никакой бриллиантовой пыли я, конечно, не увидела, да я и так знала, что на вид его кожа самая обыкновенная, разве что слишком гладкая и безупречная, как и у остальных членов семьи — никаких угрей, прыщей или веснушек. Впрочем, ничего подобного не было и у меня, но я-то ведь не сияла и не переливалась, как он.

— Ты сияешь, Эдвард! — зачарованно пробормотала я.

— Да, я знаю — он слегка улыбнулся моему восхищению. — Мы все такие. Поэтому и избегаем солнца. Поэтому и выбрали Форкс — самое дождливое и пасмурное место в США. Здесь нам практически не приходится прятаться, мы можем находиться днём на улице почти в любое время.

— Вы все такие? И Эммет тоже? Вот здорово!

— Ну и чем же так здорово именно то, что и Эммет тоже сияет?

— Так я же теперь смогу его этим дразнить! Ну, что не зря я на него наклейку с феечкой нацепила. Угадала, мол, его истинную сущность.

Эдвард откинулся на траву и расхохотался. Плюхнувшись рядом на живот и подперев ладонью подбородок, я любовалась им, радуясь, что смогла рассмешить. Видимо, с такой стороны он блестящего Эммета не рассматривал. Немного отдышавшись, Эдвард поинтересовался:

— Ты и меня этим будешь дразнить?

Я отчаянно замотала головой.

— Ни за что. Ты так прекрасен!

Не в силах сдержать исследовательский зуд, я принялась рассматривать под лучами солнца все открытые части тела Эдварда, ползая вокруг него на четвереньках, даже покопалась у него в волосах, разделяя их на пробор — кожа светилась даже под волосами. Через какое-то время я так увлеклась вознёй с его роскошной шевелюрой, которую мне всегда нравилось перебирать, что забыла, для чего начала это делать. Опомнилась, только услышав его хихиканье.

— Может, хватит, маленькая обезьянка? Уверяю тебя, блошек ты там не найдёшь!

Немного растерявшись, я взглянула на лицо Эдварда. Он лежал, жмурясь от удовольствия, и, похоже, несмотря на свои слова, вовсе не возражал против моих действий. Хмыкнув, я переключилась на остальные части его тела, скрытые одеждой. Расстегнула манжет и закатала рукав рубашки, потом стащила ботинок и носок с левой ноги и повертела ею, ловя солнечные лучи. Господи, у него сияла даже пятка! Эдвард терпеливо позволял мне

продельывать с ним все эти манипуляции, но когда я попыталась вытащить полы его рубашки из брюк — поймал мою руку, прижав её к своему животу, и резко сел.

— Достаточно, малышка! Я всё же не железный.

— Но мне интересно!

— Уверяю тебя — я сверкаю весь. И везде одинаково. Ничего нового ты не увидишь.

— Как сказать, — буркнула я себе под нос, но он, конечно же, услышал. Ладонь Эдварда ласково погладила меня по щеке.

— Мы же с тобой договорились — всё будет, но позже. Ты должна немного подрасти.

— Ладно. Подожду. Я всё понимаю. Но всё равно хотелось бы увидеть, как ты светишься весь! — Тут до меня дошло, что именно я сказала. — Ой!

— Вот именно, что «Ой!». Мне ведь тоже не просто. Так что очень тебя прошу — постарайся без провокаций.

— Прости, прости! — я обхватила его за шею и чмокнула в щёку, потом резко отпрянула, сжавшись в комочек. — Я опять, да? Снова тебя провоцирую?

Тяжело вздохнув, Эдвард взял меня в охапку и затащил к себе на колени. Ну, просто «дежа-вю»! Я скоро превращусь в истеричку, только чтобы он сажал меня к себе на колени и утешал! Крепко обняв меня, он потёрся щекой о мои волосы.

— Я совсем тебя запутал, верно? Я и сам уже запутался. Я хочу, чтобы всё было... правильно. Как положено. Но я сам в растерянности. Раньше таких проблем у меня не возникало. И поэтому мне тоже сложно. С одной стороны — я безумно хочу тебя. С другой — ты совсем ещё ребёнок. И не спорь! — видя, как я вскинула голову, готовая возразить ему, он легонько прижал палец к моим губам. — Я прекрасно знаю все твои возражения. Но пока не будет доказано обратное — для меня ты ещё маленькая девочка!

Я снова взвилась, и он тут же исправился.

— Ладно-ладно, юная девушка. Но «юная» здесь — ключевое слово. И для меня очень важно сберечь тебя. Понимаешь?

— Всё это так старомодно. Я видела в кино — девушки моего возраста уже всюю целуются! Чем я хуже?

— Ты ничем не хуже. Ты лучше! Но мы снова начали старый спор. Я не думаю, что он приведёт нас к чему-то новому.

— Но объясни мне, что такого страшного в простом поцелуе?

— Уверяю тебя, наш поцелуй простым не будет. Энжи, малышка моя дорогая, пойми же меня, наконец! Тебе всего пятнадцать, и если я сейчас поцелую тебя, то буду считать себя самым настоящим педофилом!

— Господи, какие жуткие тараканы бродят в твоей голове! Где ты этого набрался вообще? Поцелуй семнадцатилетнего парня и пятнадцатилетней девушки никакого отношения к этому ужасу не имеет. Никаким боком! Да-да, я знаю, сколько тебе лет, мы это уже обсуждали и не раз!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я остановилась, закрыла глаза, и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и не перейти на крик. Это ж надо, какие мысли засели ему в голову! Так вот что сдерживало его всё это время! Насмотрелся криминальной хроники. Но если для него это настолько серьёзно, то, пожалуй, не стоит больше наседавать. Раз для него это такая больная тема... Я сделала ещё один глубокий вдох и, открыв глаза, взглянула на Эдварда. Печаль в его глазах резанула меня по сердцу. Зачем я с ним так? Ведь всё было так замечательно, нам было

весело, зачем же я снова ввязалась в спор, который причиняет нам обоим только боль? Какая же я эгоистка!

— Прости! Больше я на эту тему не заговорю. Обещаю. На этот раз — на самом деле Больше я не стану тебя мучить. Я подожду. Или год, или, если мы вдруг узнаем мой настоящий возраст, и он окажется больше того, на который я выгляжу, тогда меньше. Ты согласен?

Теперь придётся отказаться от плана использовать фальшивый возраст в фальшивых документах, когда они у меня появятся. А жаль, план был совсем неплох. Но я только что дала Эдварду слово, и, что важнее, дала его самой себе. Больше никаких попыток сжульничать.

После моих слов, Эдвард расслабился и даже слегка улыбнулся. У меня словно камень с души упал.

— Ты забыла про третий возможный вариант.

— Какой? — я что, действительно упустила какую-то возможность? Не может быть! Я же столько планов строила, не могла ж я чего-то не заметить.

— Если у тебя снова вырастут клыки. Я ведь обещал поцеловать их, помнишь?

— Я думала, что ты это просто так сказал, не всерьёз, просто, чтобы меня утешить. Кому захочется целовать этот ужас.

— Мне. И я говорю это абсолютно серьёзно. Даю тебе обещание.

— А если они вылезут прямо сейчас? — я оскалилась и зарычала.

Эдвард рассмеялся над моими потугами и потрепал меня по голове.

— Маленький котёнок, и то рычит страшнее. Так что даже и не пытайся. Видимо, тебе для этого надо конкретно разозлиться, а просто так не получится.

— Ну, нет, я рычу точно громче котёнка!

— Вряд ли. Но громче мышонка — да, согласен.

Теперь мы рассмеялись вместе.

— Эдвард, а ты рычать умеешь?

— Конечно, я же всё-таки хищник.

— А покажи, пожалуйста!

— Зачем тебе это?

— Мне любопытно. Или ты тоже не можешь просто так, пока не разозлишься?

Вместо ответа, Эдвард оскалился и издал громкий утробный рык, который, кстати, не так уж меня и впечатлил. Наверное, потому, что я его ждала и была готова услышать. Поэтому, покивав, я с преувеличенным вниманием разглядела его зубы и с наигранным разочарованием спросила:

— А где клыки? Что, клыков нету? Нет, это не интересно!

— Ты прекрасно знаешь, что их нет, — улыбнулся Эдвард.

— И мне кажется, что я в прошлый раз рычала страшнее!

— Конечно! Так страшно, что сама себя испугала до обморока.

— Не было у меня никакого обморока! И тебе это прекрасно известно. Это я от неожиданности шлёпнулась, а не от испуга.

— Что ж, я рад, что ничего особо страшного в тот раз не произошло, и ты сама это признала.

Я подозрительно прищурилась.

— Ты это нарочно, да? Чтобы я больше не думала о том, что в тот раз случилось, как о

чём-то страшном?

— А ты так думаешь?

— Иногда. И дело не в самих клыках и не в рычании. Я боюсь, что это может оказаться лишь верхушка айсберга. Боюсь того, во что могу превратиться. Боюсь неизвестности. Знаешь, я бы предпочла знать всю правду, какой бы она не была, чем ждать того, что может никогда и не произойти.

— А может, не стоит так из-за этого переживать? Пока все твои сюрпризы совсем не страшны и даже наоборот, весьма полезны. Вспомни сама.

— А клыки.

— Ой, дались тебе эти клыки! Тоже, в каком-то смысле, вещь полезная. Эммета пугать.

— А ведь и правда! Под таким углом я их не рассматривала. Пожалуй, ты прав. Больше я не буду переживать, а стану воспринимать все бывшие и будущие сюрпризы как что-то очень полезное. Спасибо, это действительно давило на меня. А ты снова прогнал все мои страхи.

Я прижалась к Эдварду, и мы ещё какое-то время сидели обнявшись. Солнце вновь скрылось за тучами, и Эдвард больше уже не светился, к моему огромному разочарованию. Немного помолчав, словно что-то обдумывая, Эдвард вдруг спросил.

— Кстати, вот ты собираешься дразнить Эммета. А что насчёт Джаспера? Его тоже будешь поддразнивать нашим свечением?

— Вряд ли.

— Но почему?

— Видишь ли, тут причин несколько. Во-первых, он на мои подначки просто не ведётся, в отличие от Эммета, так какой смысл его дразнить? А во-вторых, Джаспер весь из себя такой величественный, что это его сияние вроде бы даже к месту. Так что нет, его я точно не буду этим дразнить.

Эдвард усмехнулся и задумчиво посмотрел на меня.

— Я заметил, что и Эммета и Джаспера ты считаешь братьями, но относишься к ним по-разному. Я прав?

— Всё верно. Но как же иначе, они же сами очень разные. Джаспер — как бы старший брат, очень сильно старший. Таких братьев обожают, но как бы снизу вверх. — Я повертела пальцами, не в силах подобрать слова для описания своих чувств и пытаюсь изобразить их жестами. К моему удивлению, Эдвард понимающе кивнул. Обрадованная этим, я продолжила. — А вот в Эммете я вижу брата-ровесника, приятеля по совместным шалостям, с ним можно не церемониться. Это идеальный кандидат не только для игр и проказ плечом к плечу, но и как объект для разных дружеских шуток и подначек. От него я жду того же. И, между прочим, получаю.

— Элис была права — ты действительно росла с братьями, — задумчиво пробормотал Эдвард. — Кстати, Эммет старше тебя лет на семьдесят, то есть, годится тебе не просто в дедушки, а в прадедушки. Тебя это не смущает?

— Абсолютно. Говорят, женщине столько лет, на сколько она выглядит. Для вас всех это тоже справедливо, но с одним дополнением — Эммету столько лет, на сколько он не только выглядит, но и ведёт себя. А он ведёт себя порой просто как мальчишка. Остальных это тоже касается. Так что почаще заглядывай в зеркало, благо, вы все прекрасно в нём отражаетесь, а так же прекращай вести себя, как старик, бери пример с брата, иногда это полезно.

— Хорошо, я постараюсь — серьёзно, даже несколько торжественно, пообещал Эдвард,

но тут же захихикал. — Как старик, значит, да?

— Да-да, такой старенький, вредненький, всегда всем недовольный старичок!

— Это неправда! Я таким никогда не бываю, — он помолчал, а потом обеспокоенно взглянул на меня. — Или всё же бываю?

— Я пошутила, — поспешила я успокоить его, — Но немного оптимизма подзанять у Эммета тебе не помешало бы. Смотри на жизнь проще. А в остальном — ты самый-самый лучший, и прекрасно это знаешь.

Эдвард крепче прижал меня к себе и, уткнувшись мне в волосы, тихонько прошептал.

— И ты самая-самая. Как же я раньше жил без тебя, моя малышка?

Потом мы вернулись домой, где я выставила Эммету счёт за пропущенные дни и потребовала компенсации. Мы немного поспорили насчёт процента за просрочку, и я отспорила десять лишних кругов. Элис пыталась настаивать на двадцати, но я решила не жадничать. И я с удовольствием носилась на своей лошадке вокруг дома аж пятьдесят кругов. Хорошо, что голова у меня не кружится в принципе! Конечно, с удовольствием кататься на Эдварде это и близко не стояло, но я честно выиграла у Эммета, ну, почти честно, и собиралась насладиться своим выигрышем в полной мере, тем более что не так уж много осталось до окончания проспоренного им месяца.

И жизнь пошла дальше...

Глава 10. Если друг оказался вдруг... Часть 2.

В ближайшие три дня ничего существенного не происходило. По утрам я относила еду Рыжику — и она исчезала. Так что, предположительно, он мои дары всё же получал. Потом каталась на Эммете. А всё остальное время мы с Эдвардом были неразлучны. Мы часто проводили время наедине, но я стойко следовала данной себе клятве — никаких хитростей, никаких провокаций. Наше общение стало более лёгким, исчезла та небольшая напряжённость, которая всё же присутствовала до этого. Единственное, что я себе позволяла — это, во время визитов за реку, где никто меня не видел, предпринимала неоднократные попытки выпустить клыки. К сожалению, пока безрезультатно, но надежды я не теряла. Это был мой единственный шанс получить столь вожеленный поцелуй до истечения следующего года. Даже не знаю, почему я так на этом зациклилась — может, запретный плод сладок? Но я продолжала мечтать об этом постоянно, хотя и не подавала вида.

На четвёртый день меня ждал сюрприз. Когда я примчалась на условленное место, собираясь, как обычно, выложить еду и мчаться обратно — Рыжик уже поджидал меня. Я так обрадовалась, что с ходу кинулась его обнимать, и, кажется, слегка смутила. Отпустив могучую шею, я слегка отступила — похоже, я так никогда и не научусь сдерживать свои порывы.

— Извини, извини, я просто очень обрадовалась, увидев тебя здесь. Я волновалась за тебя, но вижу — ты в порядке. Дай-ка я посмотрю на твою рану.

Я присела на корточки, протянула руку, и Рыжик вложил мне в ладонь свою лапу. Причём — нужную лапу, что в очередной раз подтвердило то, что я и так знала — он меня понимает. Внимательно осмотрев поданную мне конечность, я с удивлением не обнаружила на ней и следа от ран. Поворошила в нужных местах шерсть, но не нашла даже шрамов. Может, он мне не ту лапу подал, а я просто перепутала? И хотя я твёрдо знала, что это не так — с моей-то фотографической памятью, — но на всякий случай осмотрела и вторую лапу. Результат был таким же. Пожав плечами, я резюмировала.

— Итак, я нахожу только два объяснения тому, что видят мои глаза. Либо у тебя есть близнец, и это он попал в капкан, — услышав эту версию, Рыжик замотал головой, давая понять, что я ошибаюсь. Да, я и сама в это не верила, поэтому продолжила. — Либо ты регенерируешь гораздо быстрее, чем обычные собаки. Наверно, почти так же быстро, как и я.

Рыжик вопросительно слегка наклонил морду. Честное слово — я его прекрасно понимала. У него была потрясающая для животного мимика. Это лишний раз доказывало его необычность — и заставляло меня испытывать к нему какое-то родственное чувство. Я ведь тоже была необычным существом.

— Да, я регенерирую. Я, как и ты, мутант. Интересно, может, нас вообще создали в одной лаборатории? Хотя это так, глупая теория. Ладно, не стоит о грустном. Я тебе кое-что принесла. Хочешь посмотреть?

Я вернулась за пакетом, который выронила в тот момент, когда увидела Рыжика и кинулась с ним обниматься. Он не отставал от меня ни на шаг, с любопытством поглядывая на пакет. Первым делом я скормила ему сосиски и жареное мясо.

— Сегодня — говядина. Извини, но оленина закончилась. Подожди несколько дней, пока мои братья съездят на охоту, — с этими словами я складывала в огромную пасть куски мяса. Рыжик, похоже, не возражал и против говядины. Отправив туда же шоколадные батончики, я, наконец, вытащила из пакета главный подарок. Увидев его, пёс удивлённо заморгал и недоверчиво взглянул на меня.

— Нравится? Я сама его сделала. Я подумала, что собака без ошейника — это не очень хорошо. Вдруг тебя кто-то из охотников примет за дикое животное и подстрелит. Они ж не знают, что ты совсем ручной.

Рыжик насмешливо фыркнул.

— Да-да, я это точно знаю. Но многие люди судят о других по внешности, и могут испугаться твоего огромного роста. А если на тебе будет ошейник — то они подумают, что ты домашний, и стрелять не будут. Конечно, купить на тебя ошейник практически невозможно, но я нашла выход. Я взяла ремень у Эммета — он самый крупный из моих братьев, и у него самые большие ремни, а потом наклеила на него камушки. Я ободрала их с заколок. Элис, это моя сестра, и она обожает шопинг, накупила мне целый мешок всяких заколок, мне их и за три жизни не сносить, так что я решила пожертвовать десятком с разноцветными стразиками. Вот, посмотри, здесь написано «Рыжик». И любой, кто увидит тебя в этом ошейнике, поймёт, что ты славный и хороший!

Я болтала без умолку, демонстрируя ему ошейник со всех сторон. Потом попыталась его надеть. Рыжик явно был этим недоволен. Отстранившись, он обнюхал ошейник, и шерсть у него на загривке встала дыбом. Я тоже из любопытства понюхала ошейник повнимательнее. Пахло старой кожей, суперклеем и Эмметом. Наверное, ему не понравился запах клея, мне он точно не нравился. В остальном ошейник пах довольно приятно. Но взглянув на приподнявшуюся верхнюю губу Рыжика и его обнажившиеся клыки, я усомнилась в своих выводах. На запах клея он так бы не отреагировал. И тут до меня дошло. Ну, конечно же! Запах Эммета! Это для меня вампиры пахли приятно, а для животных это был запах хищника, опасности. Нда-а, об этом я как-то не подумала. Что же теперь делать?

— Похоже, запах моего подарка тебе не нравится?

Рыжик помотал головой. Я задумалась. Конечно, в идеале нужно было выкинуть его, и соорудить другой из нового, ненюшеного ремня. Но мне жалко было потраченного времени и труда, к тому же неизвестно, как скоро я вновь смогу увидеть Рыжика. А вдруг за это время

его подстрелят?

— Так, у меня идея. Мой-то запах тебе вроде не противен?

Рыжик сделал вид, что задумался. Потом начал очень внимательно меня обнюхивать. Сел, ещё подумал. Пожал плечами. И, наконец, утвердительно кивнул. Я расхохоталась над его пантомимой. Вот ведь артист! Пес тоже захихикал. Ну, это было нечто среднее между негромким рычанием и пыхтением, но я-то прекрасно поняла — он смеётся вместе со мной.

— Тогда пошли! — я развернулась и решительно зашагала в сторону реки. Позади меня раздавались мягкие шлепки огромных лап о землю — Рыжик следовал за мной. Выйдя на берег, я начала мыть ремень в воде — спасибо суперклею, камушки сидели как влитые. Для верности я ещё и потёрла изнаночную сторону мокрым песком. В итоге всех манипуляций вампирский запах стал еле уловимым. После этого я куснула себя за палец. Я уже давно заметила, что хотя кожа у меня очень плотная, но зубы острее и крепче — несколько прокушенных вилок это подтверждали. Рыжик испуганно взвизгнул. Не обращая внимания на его взволнованное топтание вокруг меня, я нанесла несколько капелек крови, выдавленных из пальца, на изнанку ремня и размазала по мокрой коже. После чего слизнула кровь и продемонстрировала Рыжику абсолютно целый палец. Он недоверчиво его исследовал.

— Вот именно об этом я тебе и говорила. Я почти такая же, как и ты. А теперь-то ты согласен надеть ошейник? Имей в виду, я на него несколько часов потратила, — слегка приврала я.

Тяжело вздохнув, Рыжик покорно наклонил голову. Я едва смогла застегнуть ошейник на его могучей шее. Смотрелся он великолепно. Стразики, образующие геометрический узор, переливались под неярким светом очередного пасмурного дня. Выложенное зелёными камушками слово «Рыжик» ясно читалось на фоне светло-коричневой кожи бывшего ремня. Я залюбовалась на дело своих рук, но тут мой мохнатый друг напрягся, прижал уши и зарычал. Удивлённая, я проследила за его взглядом и увидела на другом берегу Эдварда. Видимо, устав ждать, он отправился по моим следам. Я радостно улыбнулась, собираясь представить ему моего друга, но тут заметила выражение лица Эдварда.

На его застывшем лице глаза просто горели самой настоящей ненавистью. И направлена она была на безобидного, хотя и огромного пса, стоящего рядом со мной. Всё тело было напряжено, словно он огромным усилием воли удерживал себя от прыжка и нападения. Реакция Рыжика, зеркально отражавшая реакцию Эдварда, была мне понятна — он видел, а точнее, чувствовал, как любое животное, что перед ним — опаснейший хищник. Но почему так реагирует Эдвард — понять я не могла.

Негромко рыча, Рыжик начал отступать к деревьям. Эдвард, не шевелясь, пристально следил за его передвижениями. Достигнув кромки леса, пёс рыкнул напоследок, потом развернулся и большими прыжками исчез среди деревьев. Расстроено проводив его взглядом, я развернулась и прыгнула через реку, к Эдварду. На этой стороне делать мне было больше нечего.

Эдвард поймал меня на лету и, схватив в охапку, кинулся бежать. Я попыталась спросить, в чём дело, но он лишь крепче притиснул меня к себе и продолжил бег на той же скорости. Казалось, что он пытается унести меня от какой-то страшной опасности, только я не могла понять — от какой? Решив, что он потом всё равно объяснит в чём дело, я просто обняла его за шею и решила наслаждаться поездкой. Тем более что сегодня как раз истёк срок проигрыша Эммета, и пока я снова у него не выиграю — с утренними катаниями

покончено.

Мы добежали до «нашей» поляны. Эдвард остановился, опустил мои ноги на землю, но из объятий не выпустил, так и стоял какое-то время, прижимая меня к себе, словно старался успокоиться. Наконец, глубоко вздохнув, он немного отстранился и внимательно осмотрел меня с ног до головы, словно ища на мне какие-нибудь повреждения. Ничего не обнаружив, Эдвард заметно расслабился. После чего опустился на траву, а меня усадил к себе на колени. Странно, обычно он делал так, когда хотел меня успокоить, но сейчас-то я спокойна. То есть, я взволнована его не совсем логичным поведением, но и только. Не в силах дольше терпеть, я спросила.

— Может, ты, наконец, объяснишь мне, что случилось? И почему мы ударили, словно за нами гналось какое-то чудовище?

— В некотором смысле, так оно и было. Ты хоть понимаешь, кто он такой, этот твой «Рыжик»? — последнее слово Эдвард произнёс с такой иронией, что я удивилась. Кличка как кличка, тем более что он рыже-коричневый, она сама на язык просилась.

— Честно говоря, не совсем. Он явно не обычная собака — слишком большой, слишком умный. К тому же регенерирует намного быстрее, чем остальные животные, — задумчиво перечисляла я все странности Рыжика. На что бы Эдвард ни намекал, для меня это всё равно Рыжик. — Знаешь, у меня даже мелькнула мысль, что, может, он мутант, такой же, как я? Ну, жертва эксперимента? Кстати, а я тебе говорила, что он понимает человеческую речь?

— Ещё бы! Конечно, понимает. Ведь он всё-таки человек. По крайней мере — иногда.

— Что? — я аж подпрыгнула. — Но как же так. Как он может быть человеком?

— Всё просто: твой так называемый «Рыжик» — оборотень. — И, видя мои выпучившиеся глаза и отпавшую челюсть, сам, без расспросов, продолжил рассказ.

Он рассказал про то, как приехав в этот дом в прошлый раз, много десятилетий назад, они встретили квилетских оборотней-волков. Эти волки много веков охраняли племя от вампиров, но Карлайл сумел с ними договориться и заключить перемирие.

— И вот теперь ты умудрилась познакомиться с одним из оборотней. Просто невероятно! Как же тебя угораздило?

— Волки, — ошеломлённая рассказом, я покачала головой. — Но он же рыжий. Разве волки бывают рыжими?

— Это же не просто волки, не забывай. Они могут быть любого цвета. Теперь я понимаю, почему мне показался знакомым исходивший от тебя запах. Я должен был догадаться. Но прошло столько лет, запах был еле уловим, да к тому же мне и в голову не пришло, что громадного оборотня ты назовёшь просто «большой собакой».

— О, господи! — я вспоминала всё, что наговорила Рыжику — ну, не могу я его по другому называть, привыкла уже, — как вела себя с ним, как предположила, что хозяева выгнали его за то, что он всех облизывал. — Так вот почему он так не хотел надевать ошейник!

Я почувствовала, как мои щёки заливают краска. Эдвард же, напротив, взглянул на меня изумлёнными глазами, а потом вдруг повалился на спину, громко хохоча. Поскольку я в это время сидела у него на коленях, то рухнула ему на грудь. А Эдвард, крепко обхватив меня руками, продолжал смеяться, с трудом выдавливая из себя между приступами хохота:

— Ты.... Надела.... Ошейник.... На.... Оборотня!...

Оценив комизм ситуации, я тоже рассмеялась, уткнувшись в грудь Эдварда. Да уж, это действительно смешно. А ведь ошейник был ещё и украшен стразиками! От нового взрыва

смеха я точно свалилась бы с груди Эдварда, если бы он не держал меня обеими руками. Смех Эдварда постепенно стих, он уткнулся лицом мне в волосы и, с отчаянием в голосе, прошептал.

— Как же я за тебя испугался! Когда увидел тебя, такую крошечную, рядом с огромным оборотнем... Если бы моё сердце ещё билось — у меня случился бы инфаркт. Если бы я потерял тебя, то не смог бы дальше жить.

— Ты не потеряешь меня! — я высвободилась из его рук, немного, так, чтобы приподняться и заглянуть ему в глаза. — Я клянусь тебе! Я буду рядом. Всегда. Вечно!

Эдвард резко, практически со всхлипом, втянул воздух и вновь крепко притиснул меня к себе.

— Никогда меня так больше не пугай! Пожалуйста! Ты — моя жизнь, помни это.

И тогда я решилась.

— Ты тоже моя жизнь. Я люблю тебя, Эдвард.

Я почувствовала, как тело Эдварда напряглось подо мной, а потом расслабилось. Заглянув ему в лицо, я увидела такую чудесную улыбку, такую нежность во взгляде, что поняла — мои слова доставили ему самое настоящее счастье.

— Я тоже люблю тебя, малышка. Люблю с первой же минуты, как увидел. Но ты ведь это знаешь, не так ли?

— Я догадывалась. Но всё равно, я рада это услышать — я слегка смутилась. Всё же я сказала это первой. — Я всё ждала и ждала, а ты не говорил...

— Я думал — ты ещё не готова услышать от меня это. Думал, что ты...

— Ещё маленькая? Так?

— Да. Извини, ты ведь понимаешь, почему я так себя вёл. Но то, что я испытал сегодня, — он содрогнулся. — Когда вдруг понял, что мог тебя потерять, так и не сказав о своих чувствах... В общем, я решил больше ничего от тебя не скрывать, и свои чувства — тоже.

— Но я была в безопасности! Рыж... Оборотень не причинил бы мне вреда. Он был ласков со мной, позволял себя гладить и кормить шоколадками. Даже лизнул в знак признательности.

Эдвард, с улыбкой слушавший мои рассуждения, слегка нахмурился. Не сразу поняв, в чём дело, я прокрутила в голове свои слова и, кажется, догадалась, в чём дело.

— А вот ревновать не нужно! — он посмотрел на меня чуть виновато — значит, я угадала. — Сам подумай — кого я в нём видела? Кого кормила? Кого жалела? Бездомную собаку, не более того.

— Да, конечно. Просто странно, неужели он не понял, что ты — из нашей семьи? Да, ты другая и пахнешь по-другому, но неужели он не понял?

— Не знаю. Конечно, от меня пахнет вами, но не думаю, что он когда-нибудь нюхал вампиров. Ты говорил, что встречался с оборотнями раньше — он был среди них?

Эдвард задумался.

— Нет, насколько я помню, в стае тогда было всего три волка, но такого я среди них не видел. Да и тем волкам сейчас было бы лет по девяносто, если бы они всё ещё были живы.

— Ну, нет, он скорее вёл себя как подросток. И в то же время — он знает, как вы пахнете. От запаха ремня Эммета у него шерсть встала дыбом. И он точно знал, кто ты такой. Может быть....

— Что? О чём ты подумала?

— Мне тут пришло в голову, что Рыжик общался со мной в надежде побольше разузнать о вас, — говорить об этом было больно, но другого объяснения я не находила. — Я ведь болтала с ним, как с животным. Может, он надеялся, что я лишнего чего сболтну — собака ведь никому ничего рассказать не сможет. А значит, с ним можно не опасаться и говорить всё, что не сказал бы человеку.

— И много ему удалось узнать?

— Не так чтоб очень, — я задумалась, вспоминая свои монологи. — Я упомянула, что Эммет самый крупный, и поэтому я взяла у него ремень для ошейника, что Элис любит шопинг, и что я не могу взять его к себе домой потому что, — тут я насмешливо взглянула на Эдварда, — у моих родственников аллергия на животных. Вроде всё. Остальное было совсем безобидно.

— Видишь, ты не сказала ничего, что они не знали бы и сами. Кроме аллергии. Для меня самого это новость, — тут он усмехнулся, давая понять, что оценил шутку. — Видишь, что получается — даже считая, что беседуешь с животным, ты совершенно автоматически продолжала хранить нашу тайну. А значит, ты никогда, ни случайно, ни специально, не выдашь нас. Тайна просто впиталась в твою кровь, и поступить иначе ты просто не могла. Хотя, вообще-то, я и так в тебе не сомневался.

Мы ещё какое-то время провели на поляне, переживая сегодняшние события. А потом вернулись домой. Нужно было рассказать семье о том, что прикормленная мной «бездомная собачка» оказалась квилетским оборотнем. Все порадовались, что вмешательство Эдварда помешало возможному нападению волка на меня, хотя я и пыталась всех убедить, что никакой опасности для меня не было. Я была слегка обижена на «Рыжика», так меня разыгравшего, но видеть в нём врага не могла — лично мне он ничего плохого не сделал. Хотя с кормлениями придётся завязать — думаю, он и без меня прекрасно прокормится. Эммет расстроился — получалось, что он подарил оборотню свой ремень, пускай старый и уже ненужный. Я его успокоила — скорее всего, «ошейник» будет выброшен под ближайшим кустом, но искать и возвращать ремень прежнему хозяину я не собиралась, даже если бы мне и позволили это сделать.

В процессе разговора выяснилось, почему Джаспер и Элис не узнали запах оборотня на мне, нюхая меня в машине — они присоединились к Калленам уже после того, как те уехали в прошлый раз из этого дома, и никогда раньше не сталкивались с оборотнями. Теперь они тщательно обнюхали меня, чтоб запомнить этот запах, а точнее — вонь, как «корректно» выразился Эммет. Бедняга Эдвард, а он так долго держал меня в объятиях, такую пахучую, и даже ни разу не поморщился. Дав всем как следует «насладиться» своим запахом, чтобы освежить воспоминания, я отправилась мыться, и делала это долго и тщательно. Мне пришло в голову, что в отличие от прошлого раза, теперь я попала бы в объятия Эдварда прямо из «объятий» волка, и не догадаться, с кем я общаюсь, он уже просто не смог бы, даже если бы и не увидел моего «друга» своими глазами. В любом случае — сегодня я бы его потеряла.

Остаток дня прошёл спокойно. Какое-то время ещё периодически возникали разговоры об оборотнях, но постепенно и они сошли на нет. Я больше не собиралась нарушать границ, поэтому столкнуться с ними в будущем у меня не было шансов. Джаспер пообещал завтра привезти мои новые документы, тогда Карлайл сможет записать меня в школу. Скоро я выйду из своей изоляции и смогу знакомиться и общаться с людьми. Это меня немного пугало, но вместе с тем и радовало.

Ложась вечером в постель и привычно устраиваясь на груди Эдварда, я подумала, что за одно я точно могу быть благодарна «Рыжику» — испугавшись за меня, Эдвард всё-таки признался мне в любви. И хотя первой эти слова произнесла всё же я, но то, что Эдвард сказал перед этим ничем иным, как признанием, назвать было нельзя. Чувствуя, как его крепкие руки ласково обнимают меня, как его губы прижимаются к моим волосам, я счастливо улыбнулась.

«Спасибо, Рыжик!» — это была моя последняя мысль, перед тем, как я провалилась в сон.

Глава 11. Школа. Часть 1.

На следующий день Джаспер привёз мои новые документы. Свидетельство о рождении, права, паспорт и табель об окончании девятого класса. С одними «А». Хммм, а я оказывается — отличница! Придётся соответствовать. Не думаю, что это будет сложно, скорее — наоборот, как бы мне не прослыть ботанкой. Я мысленно пожала плечами. Даже если и так, мне это без разницы, даже лучше, если меня будут сторониться — заводить близких друзей мне противопоказано. Слишком велик риск разоблачения. Достаточно меня просто потрогать... Да уж, подводных камней меня в школе ждёт немеряно. К счастью, я там буду не одна, меня есть, кому подстраховать, и это радует.

Я полистала остальные документы. Вроде никаких сюрпризов, всё, как мы обговорили. И тут мне в глаза бросилось имя. Якобы моё имя! Что? Как меня назвал Джаспер?!

— Анжелика? Ты записал меня как Анжелику?!? — кажется, в моём голосе проскользнули визгливые нотки. Стоп, истерить не стоит, меня не поймут. Но почему это имя вызвало во мне такой негативный отклик?

— Да, а что? Нормальное имя. А как я должен был тебя записать? — конечно, Джаспер не понял мою реакцию. Я сама её не поняла, но догадывалась, что это — неспроста. Какой-то смысл в этом был, понять бы ещё — какой? Всё, что я могла ответить удивлённо глядящим на меня родственникам — это недовольно пробурчать:

— Я не ангелочек, понятно! Я просто Энжи!

— Где-то я это уже слышал? — Карлайл переглянулся с Эсми, они понимающе улыбнулись. Да-да, нечто подобное я сказала им при первой встрече на поляне. И тогда, и теперь я несколько странно отреагировала на это имя. Как всегда. Я печально вздохнула. Эти непонятные «приветы из прошлого» начинают меня раздражать.

— Я не мог записать тебя просто Энжи, это было бы странно. Требовалось полное имя, вот я и решил, что это подходит. Имя как имя. — Джаспер пожал плечами. Я вздохнула.

— Да, конечно, нужно было полное имя. Но теперь меня так все в школе будут звать! — меня передёрнуло.

— Не обязательно. Достаточно пару раз уточнить, какое имя ты предпочитаешь. Да и мы будем так к тебе обращаться, а остальные подхватят. — Эдвард приобнял меня за плечи, я тут же расслабилась и прижалась к нему. — Проблема решена.

На следующий день Карлайл записал меня в школу города Форкс, в которой уже учились все остальные «младшие» Каллены. Ему удалось устроить так, чтобы пару предметов я проходила по программе одиннадцатого класса. Таким образом, я смогу находиться в одном классе с Элис на уроках испанского, и с Эдвардом — на математике. За оставшиеся пару дней мне предстояло срочно пройти программу по математике за десятый класс, а, возможно, всего лишь восстановить в памяти уже пройденное.

Так же Карлайл состряпал справку о том, что я недавно перенесла перелом голени, поэтому на ближайшие несколько месяцев освобождаюсь от физкультуры — было решено, что целесообразнее для меня избегать ситуаций, в которых могут спонтанно проявиться мои суперсила и суперскорость. На сами занятия ходить я буду, но только для проформы — никаким спортом заниматься меня не заставят. Не хватало ещё, чтоб я мячом стену спортзала пробила, или ещё что похуже.

Вечером, накануне моего первого школьного дня, я долго не могла уснуть. Начиналась новая страница моей жизни. Я должна была «выйти в люди», не просто сходяв в кино или по магазинам — мне предстояло влиться в устоявшийся коллектив, завести новые знакомства. Возможно, это меня бы даже порадовало, если бы я была простым человеком и жила в обычной семье. Но мне всеми силами нужно было скрывать нашу общую тайну, а это не самое простое дело. Требовалась постоянная сосредоточенность и концентрация. Надеюсь, я всё же справлюсь. Каллены же как-то справляются!

Перед тем, как отправиться в спальню, я пришла в кабинет к Карлайлу, чтобы сдать кровь. Эдвард, несмотря на мои уговоры, отправился вместе со мной, всю дорогу ворча, что это всё неправильно. Он стоял рядом во время процедуры, держа меня за другую руку, и мучился гораздо сильнее меня. Я-то вообще не мучилась — мой болевой порог был слишком высок для этого. Да, когда Карлайл вскрыл мне ланцетом вену, чтобы вставить специальную толстую иглу, — это было слегка неприятно, но не более того, а Эдвард сделал такое лицо, словно на его глазах мне ампутируют руку без наркоза. Мне кажется, что будь он человеком — упал бы в обморок. И страдальческое выражение не сходило с его лица всё время, пока моя кровь наполняла специальный пластиковый пакет, а потом и второй. Мы решили взять за раз побольше крови, чтобы пореже проходить эту процедуру.

Того, что я сдала за один раз, должно было хватить всем Калленам-школьникам на пару недель — ведь ежедневная доза была совсем маленькой. Пяти миллилитров Эсми хватило на несколько часов, но на всякий случай было решено увеличить дозу до десяти. Так что сданный мной литр надолго избавит моих родных от страданий, и при этом такая «кровопотеря», весьма значительная для обычного человека, для меня прошла вообще незаметно. Слегка усилился аппетит, но это и всё. Я больше страдала, глядя на страдания Эдварда. Нет уж, следующий раз я подгадаю так, чтоб Эдвард был на охоте — не хочу, чтобы он снова мучился из-за меня!

Я долго вертелась, не в силах успокоиться и расслабиться. В конце концов, Эдвард начал тихонько напевать мне колыбельную — и, убаюканная звуками родного голоса, я, наконец-то, заснула.

Утро прошло в беготне. Мне пришлось впервые за всё прошедшее время вставать «по будильнику», а не когда сама проснусь. В роли будильника выступил Эммет, посланный обеспокоенной моими сборами Элис и, забарабанивший в дверь нашей спальни, очень довольный тем, что может мне слегка насолить. Эдвард зарычал на него — он собирался дать мне поспать ещё минут десять, после чего, смирившись, чмокнул меня в макушку и отправил в ванную.

Выйдя оттуда, я обнаружила в спальне Элис, а на кровати — разложенную одежду, которую, по её мнению, мне следовало надеть в школу. Я скривилась, увидев среди вещей юбку. Я в любой ситуации предпочитала джинсы или шорты, согласна была даже просто на брюки — Элис приобрела для меня пару костюмчиков, — но она была непреклонна: в первый день в школе я должна быть в юбке! Первое впечатление — самое важное, а я

должна «выглядеть как девушка, а не бесполой подросток». В итоге Элис пошла на откровенный подкуп: я сегодня иду в школу в юбке, а Джаспер неделю катает меня вокруг дома. Прикинув плюсы и минусы, я выторговала ещё три дня и согласилась. С первого этажа раздался хохот Эммета — он подтрунивал над Джаспером, который умудрился попасть в лошадки, хотя ничего не проиграл и даже не спорил. Но Джаспер отнёсся к этому спокойно — ради Элис он был готов на всё. Не получив желаемого отклика, Эммет на время успокоился.

Я облачилась в одежду, приготовленную для меня Элис — джинсовую юбку и простую блузочку голубого цвета. Надо отдать ей должное — ничего вычурного и чересчур женственного. Элис прекрасно понимала, на что меня возможно уговорить, а на что невозможно подбить даже подкупом. Хотя, к моему огорчению, пришлось отказаться от привычных кроссовок в пользу туфель, но, хотя бы на низком каблуке, и то слава богу.

Даже когда я завтракала, Элис продолжала суетиться вокруг меня. На этот раз — с расчёсками. Она не позволила мне сделать привычную косичку или хвостик, заставив оставить волосы распущенными, и колдовала над ними, укладывая на висках, чтобы не лезли в глаза, закалывая по всякому, и тут же отвергая своё творение, всё переделывая. Наконец Эдвард просто взял её под мышки и вынес из кухни, чтобы я смогла поесть спокойно. Надо будет достать заброшенную в последнее время Барби — пусть играет, а меня оставит в покое.

Когда я выходила из кухни, Элис вновь направилась ко мне, с расчёсками и заколками наперевес, но, к моему удивлению, её опередила Розали. Два взмаха рукой — и мои волосы в полном порядке. Причём, заглянув в зеркало, я заметила, что она пожертвовала свои собственные заколки.

— Вот и всё! — Розали повернулась к Элис. — В другой раз поиграешься. А сегодня нам нельзя опаздывать. Нужно ещё перед началом занятий зайти в учебную часть за расписанием. Хватит того, что Энжи новенькая, да ещё из нашей семьи. Не хватало ей ещё и опоздать в первый день. Зачем ей лишнее внимание, его и так хватит.

Перед выходом из дома мы все собрались в кабинете Карлайла. Собственно, мне там появляться необходимости не было, но я всё же зашла за компанию. И правильно сделала. Когда Карлайл раздал всем заранее приготовленные пробирки с кровью, которые достал из холодильника, все, кроме Эдварда, дружно проглотили «лекарство». Лица у них действительно выражали всё, что угодно, но никак не удовольствие. Больше всех кривлялся Эммет.

— Господи, Кнопка, я знал, конечно, что ты неаппетитная, но я и не думал, что ты настолько невкусная.

— Лекарство вкусным не бывает! — с пафосом заявила я и выжидающе взглянула на Эдварда. Он расстроено глядел на зажатую в пальцах пробирку. Я просто видела, как в его голове шевелятся шестерёнки, усиленно изобретая повод отказаться и не пить мою кровь. Так я и знала! Но я не позволю ему и дальше испытывать мучения, если могу его от них избавить. Я подошла и легонько коснулась ладонью щеки Эдварда. Он вздрогнул — настолько глубоко был погружён в невесёлые мысли, — и перевёл на меня взгляд своих прекрасных глаз, в данный момент ярко-золотистых после позавчерашней охоты.

— Пожалуйста! — прошептала я. — Ради меня.

Не разрывая зрительного контакта, Эдвард поднёс пробирку ко рту и быстро проглотил. Потом зажмурился и сморщился, словно от боли. Я погладила его по щеке.

— Ну, вот и молодец! И совсем не страшно, верно? Просто невкусно, но ведь терпимо же?

За моей спиной раздалось фырканье Эммета. Остальные деликатно молчали и тихонько отходили к двери. Розали тянула Эммета за рукав — я видела отражение в стеклянной дверце шкафчика для лекарств. Эдвард, вдруг, порывисто прижал меня в себе, просто закутав в свои объятия и положив подбородок мне на макушку. Я была так крепко прижата лицом к его груди, что совершенно не могла дышать. Но, поскольку это никак мне не мешало — я ведь могла довольно долго не испытывать потребности в кислороде, — то я просто стояла, тоже обхватив Эдварда руками за талию и наслаждаясь его близостью.

— А ты попробуй откусить кусочек Розали, — раздался над моей головой тихий голос Эдварда, обращавшегося к брату. Наверное, это был ответ на невысказанные мысли Эммета. — Возможно, тогда ты поймёшь, каково мне сейчас, и тебе уже не будет так смешно.

Мы постояли, обнявшись, ещё пару минут в опустевшем кабинете, пока во дворе не раздался автомобильный сигнал. Нас ждали. Тогда мы, молча, вышли из дома, прихватив по дороге свои сумки с учебниками, лежащие в холле. По молчаливому согласию, больше эту тему мы не поднимали.

Моя сумка показалась мне несколько тяжелее, чем десять минут назад, когда я оставила её на кушетке в прихожей. Усевшись на переднее сиденье Вольво, я заглянула в неё. Кроме уже лежащих там книг, тетрадей и всяких письменных принадлежностей, которые я сама сложила вчера вечером, в ней оказался пакет с сэндвичами, бутылочка с колой и десяток шоколадных батончиков. Я улыбнулась. Моя семья прекрасно знает, какая я обжора, и опасается, что не доживу до большой перемены, во время которой мы пойдём в столовую. Моё настроение сразу подскочило вверх. Приятно, когда о тебе заботятся, вот так, потихоньку делая что-то приятное. Счастливо вздохнув, я обняла сумку и приготовилась открыть ещё одну страничку в своей новой жизни.

Мы разместились по двум машинам — Розали и Эммет в её Мерседесе, а остальные — в Вольво Эдварда. Дорога не заняла много времени — Эдвард, как всегда, вёл быстро и уверенно, хотя при въезде в город сбавил скорость. Я вертела головой по сторонам, разглядывая небольшие двухэтажные домики, выступающие к дороге, казалось, прямо из леса. Но вот машина свернула с дороги на парковку и я, наконец, увидела невысокое красное здание, точнее — несколько однотипных, стоящих рядом зданий. Это и была школа, в которой мне предстояло теперь учиться.

Мы припарковались и вышли. Я осмотрелась, и заметила, что многие школьники исподтишка посматривают на нас, но заметив мой взгляд, отводят глаза. Интересно, их заинтересовала я, как новенькая, или это нормальная реакция на Калленов?

Эдвард взял меня за руку, и мы пошли за Розали и Эмметом в сторону одного из корпусов. Элис и Джаспер замыкали шествие. Интересно, они уже заметили действие «лекарства», или то, что я нахожусь рядом, смазывает картину? Точно станет понятно только после первого урока, когда я буду достаточно далеко, чтобы не мешать чистоте эксперимента.

В канцелярии мы получили листки с расписанием, а мне так же сообщили номер выделенного для меня шкафчика. После этого мы с Эдвардом расстались с остальными Калленами, отправившимися на свои уроки. Элис тоже порывалась меня проводить, но Эдвард посчитал это излишним. Он сам провёл меня по школе, указал, где находятся

столовая, спортзал и туалеты, объяснил принцип расположения и нумерации кабинетов. Конечно, мне вряд ли доведётся ходить по коридорам одной, хотя бы в первые дни, но лучше всё же знать окружающую обстановку. Потом мы нашли мой шкафчик, я положила в него лишние учебники и еду, оставив в сумке только пару шоколадок. И Эдвард отвёл меня к кабинету истории, которая была у меня по расписанию первой. Жаль, что это не математика и не испанский — я была бы не одна. Но мне всё равно когда-нибудь пришлось бы остаться на уроках одной, так что лучше уж сразу пройти этот нелёгкий момент, чем пытаться его оттянуть.

Перед дверью в класс, Эдвард ободряюще поцеловал меня в лоб, не заботясь о том, кто это увидит и что подумает, потом завёл меня в кабинет и представил мистеру Гордону. После чего развернулся и вышел. Я с тоской смотрела ему в след.

— Проходите и садитесь, мисс Дэниелс, — вернул меня к реальности голос учителя. Я слегка вздрогнула. Было непривычно слышать мою новую фамилию, но скоро я к ней привыкну. Надеюсь. «Каллен» мне нравилось больше. Но это потом. В перспективе. А пока — буду Дэниелс, раз уж сама себе выбрала эту фамилию.

Я обвела глазами парты. Оставалось единственное свободное место на предпоследней парте в ряду, расположенном ближе к двери. Я подошла и, положив сумку на свободную часть стола, села. С другого стула на меня настороженно смотрела полная девочка в очках с толстыми линзами. Разделённые на прямой пробор кудрявые волосы до плеч обрамляли широкое лицо с большим, приплюснутым носом. Да уж, не повезло девочке с внешностью, а неудачная причёска только её подчёркивала. Я доброжелательно улыбнулась ей.

— Привет. Я — Энжи.

Глаза, казавшиеся крохотными за искажающими линзами очков, удивлённо распахнулись.

— Я — Мэгги, — еле слышно пробормотала она и уткнулась в раскрытый учебник.

Мысленно пожав плечами, я сделала то же самое. Интересно, чему она так удивилась?

Мистер Гордон начал рассказывать о Гражданской войне, и я поняла, что уже знаю всё, о чём он говорит, и могу закончить за него любую фразу. Более того — я знала даже больше, ведь сведения учителя были почерпнуты из учебника, а я беседовала с самим участником этих событий. Следующий час обещал быть долгим и скучным.

Интересно, а каково самому Джасперу слушать о том, чему он лично был свидетелем, и не иметь возможности поправить, если была допущена неточность, что неизбежно, через полтора-то века! И каково им всем постоянно, раз за разом слушать одно и то же? Бедняги! Я начала на своей шкуре почувствовать то, что раньше просто знала, но до конца понять не могла. Застыв в возрасте семнадцати-девятнадцати лет, они не имели другой возможности долго оставаться на одном месте, кроме, как только притворяясь подростками — школьниками, потом студентами. И учиться, учиться и учиться постоянно! Впервые я понадеялась, что действительно подрасту и повзрелею — не хотелось бы тоже быть вечной школьницей. С другой стороны — тогда я буду выглядеть старше Эдварда. Да уж, проблема. Неизвестно, что хуже. Ладно, выбора-то всё равно нет, так зачем страдать по тому, чего не можешь изменить? Это просто глупо, что будет, то и будет, от меня ничего не зависит. Так что надо отбросить все сомнения и жить сегодняшним днём. И для начала — пережить этот урок.

От скуки я начала слушать, о чём перешёптываются ученики. Я слышала их так, словно они стояли рядом и громко говорили вслух. Как я и предполагала — основной темой для

разговоров была я. Всё правильно, этого следовало ожидать. Я — новенькая, к тому же живу не где-нибудь, а в самой загадочной семье Форкса. Скорее всего, Карлайл, записывая меня в школу, озвучил директору нашу версию моего появления в своём доме, но за прошедшие несколько дней эта новость не успела со всеми подробностями облететь весь городок. И сейчас те, кто хоть что-то знал или слышал краем уха, делились с теми, кто не знал ничего. А так же строились всякие предположения на мой счёт. Некоторые довольно злые. Ха, похоже, меня посчитали хорошенькой, но, скорее всего, глупенькой. Распространённый стереотип.

Две длинноволосые блондинки, сидевшие на второй парте у окна — кстати, одна явно крашенная, — ярко и броско разодетые и чересчур покрашенные, обсуждали мой наряд. Он им показался скромненьким, практически бедненьким. Я мысленно улыбнулась. Наивные глупышки. Они даже не догадываются, что одна моя простенькая на вид и совсем не броская блузочка без рукавов, всё украшение которой составляют небольшие вышитые вензелёчки в тон, в уголках воротничка, да отстрочка планки, стоит дороже, чем вся одежда их обеих, включая обувь и бельё. А уж заколки в волосах тянули дороже одежды всех моих одноклассников плюс стоимость парт и стульев в придачу. Хотя вряд ли кто догадался, что камушки в них — настоящие сапфиры, а не цветные стразики. Бижутерию Розали не признавала.

Кстати, заколки странным образом идеально сочетались с моим медальоном. Золотые, ажурные, с сапфирами, все три вещи словно составляли комплект. Мы так и не поняли, что представлял собой мой медальон. В сплетениях ажурных линий неясно угадывалась некая крылатая фигура с сапфирами на месте глаз. Эммет, смеясь, заявил, что это Бэтмен. Смех смехом, но более удачного сравнения мы так и не придумали. Ладно, пускай будет Бэтмен, я не против, тоже, в каком-то смысле, супергерой. И это не бросается в глаза, на первый взгляд — просто круг со странным, но симпатичным переплетением тонких витых проволочек. И с двумя синими камушками, под цвет моих глаз, не более того. В интернете ничего похожего мы не нашли, поэтому решили не пытаться снять его, или как-то спрятать под одеждой. Милая девичья безделушка, так подумает любой, глядя на него. Пускай так и думают.

В это время мистер Гордон закончил рассказ и начал опрос. Кто-то из учеников отвечал с ходу, кто-то ответа не знал. Обычный, нормальный учебный процесс, в который я не вслушивалась, занятая своими мыслями. Вдруг я почувствовала, как по моей ноге слегка стукнула чья-то чужая нога. Точнее, не чья-то, а нога Мэгги. Я удивлённо взглянула на неё, краем сознания отметив, что в классе воцарилась тишина. Мэгги, молча, указала мне глазами на учителя. И тут до меня дошло. Я не услышала обращённого ко мне вопроса! Ну, надо же! Так опозориться на первом же уроке! Я почувствовала, как краска заливает мне щёки. Все взгляды были устремлены на меня, и в них я ясно читала: «Ну, конечно же! Глупенькая блондинка, не более того! Так мы и думали!» Поймав мой растерянный взгляд, мистер Гордон вздохнул и повторил вопрос.

— Мисс Дэниелс! — так вот почему я не отреагировала! Я не поняла, что обращаются именно ко мне. Не привыкла пока к новой фамилии. — Не назовёте ли вы нам год и месяц, в который происходила битва при Чаттануге? — Скептически посмотрев на меня, он добавил. — Хотя бы год укажите.

Кто-то захихикал.

И в тот же миг, как был произнесён вопрос, перед моим мысленным взором возник

открытый учебник. В верхней части левой страницы пульсировала и увеличивалась в размере небольшая фраза, становясь при этом ярко-красной.

— С двадцать четвёртое по двадцать шестое ноября тысяча восемьсот шестьдесят третьего года, — озвучила я эту надпись.

— Правильно, — слегка удивлённо кивнул мистер Гордон и, отвернувшись от меня, задал какой-то вопрос кому-то другому.

Я выдохнула и уставилась на свои руки, лежащие на парте. Лёгкое хихиканье, начавшееся в классе, после снисходительного предложения учителя, переросло в удивлённое перешёптывание. Правильного ответа от меня, похоже, не ожидали. А мне было ужасно стыдно. На первом же уроке так опозориться из-за собственной невнимательности. Хорошо ещё, что Мэгги выручила.

— Спасибо! — еле слышно прошептала я в её сторону. Она слегка кивнула, показав, что слышит меня, но головы ко мне не повернула.

Я мысленно пожала плечами и стала обдумывать, что же именно со мной произошло. И откуда взялась эта подсказка? Если бы я вспомнила рассказ Джаспера, например, или лекцию учителя — было бы понятно. Если бы я читала это в учебнике раньше — тоже вполне объяснимо, с моей-то фотографической памятью. Но я впервые открыла его на первой странице лишь в начале урока, а материалы за девятый класс просматривала на компьютере. Передо мной же возникла именно книга с бумажными страницами. Нужно будет обсудить всё это с Карлайлом, но пока мне в голову пришло только одно объяснение: я читала этот учебник раньше, в моей прошлой жизни. И мои способности снова сработали по уже известной схеме — знания, умения или сверхспособности появлялись у меня именно в тот момент, когда мне это было нужно.

Жаль только, что за всё время, что я хотела вспомнить своё прошлое, или хотя бы настоящее имя, перед моим мысленным взором так ни разу и не возникло моё свидетельство о рождении. Видимо, здесь мои способности бессильны.

Ладно, не стоит грустить над тем, чего не в силах изменить. Я взглянула на часы — до конца урока оставалось ещё восемнадцать минут. Лучше думать о том, что через восемнадцать минут я снова увижу Эдварда, и мы вместе пойдём на тригонометрию. Я подпёрла щёку рукой и сосредоточилась на том, что говорит учитель. Второй раз за урок опростоволоситься мне совсем не хотелось.

Глава 11. Школа. Часть 2.

Наконец, прозвенел звонок. Ученики загалдели и завопили, многие встали со своих мест. Я сложила вещи в сумку и хотела встать, но возле моего стула, мешая выходу, стояли те самые блондинки со второй парты.

— Привет, я Сюзан — защебетала одна из них, с прямыми светло-русыми волосами. — А это — Линда.

У Линды кудри были вытравлены перекисью, но чёрные корни волос, а так же смуглая кожа и тёмно-карие глаза выдавали в ней жгучую брюнетку. Впрочем, это было её право — уродовать себя. Делая вид, что не слышала их нелюбезных перешёптываний, я изобразила дружелюбие.

— Привет, а я — Энжи.

— Ты живёшь у Калленов? — видимо, любопытство было единственной причиной, по которой эти местные красотки заговорили со мной. Судя по тому, что я слышала,

дружелюбием ко мне здесь и не пахло. Но не могу же я их просто послать, верно? Я же не могла бы их услышать, будь я обычным человеком? Значит, нужно себя вести как обычный человек.

— Да, я живу у Калленов, — «простодушно» подтвердила я.

— Ты что, очередной приёмыш? — это снова Сьюзен. Меня покорила эта формулировка. Ещё бы сказали — подкидыш! И тут ирония ситуации дошла до меня. Я ведь действительно очередной приёмыш. И, в каком-то смысле — и подкидыш тоже.

— Пока мои родители в Зимбабве, да, я — очередной приёмыш Калленов.

Они удивлённо переглянулись и хором переспросили:

— В Зимбабве?

Интересно, они вообще раньше слышали это название? Кстати, пожалуй, пора уже «пускать в народ» нашу версию моего появления у Калленов. Видимо, директор школы не сплетник, раз обо мне до сих пор мало кто знает. Кажется, передо мной две самые главные школьные сплетницы, или я совсем не разбираюсь в людях. Так, девочки, откройте шире ротки и приготовьтесь кушать лапшу, которую я буду вешать на ваши уши. Кстати, у Сьюзан они довольно оттопыренные, удобнее будет развешивать.

— Да, в Зимбабве. Это такая страна на юге Африки. Мои родители организуют там больницу для местных жителей. «Врачи без границ», слышали о такой организации?

Сомневаюсь, что слышали, но обе усиленно закивали. Надеюсь, пересказывая мои слова остальным, они не перевернут название.

— А почему ты осталась здесь, а не уехала с родителями?

— А почему ты теперь живёшь у Калленов? — вопросы прозвучали одновременно.

— Мне же нужно продолжать учёбу, а там нет школ. По крайней мере — с нужной программой, — ответив на вопрос Сьюзан, я повернулась к Линде. — А доктор Каллен был коллегой и другом моего отца, когда его семья жила на Аляске. И, когда встал вопрос, с кем меня оставить, доктор и его жена предложили мне пожить у них. Я хорошо знаю эту семью, и мне всегда нравилось общаться с их детьми, поэтому я сразу же согласилась.

Девушки переглянулись.

— Ой, но Каллены же такие странные! Ни с кем не общаются, всегда только вместе.

Господи, как дети малые! Что на уме — то и на языке. Эти глупышки вообще понимают, перед кем они критикуют Калленов? С чего вдруг такие откровенности?

— Да они нормальные. Просто новичкам проще держаться вместе, вот и всё. — А что я должна была ответить? «Радуйтесь, что Каллены вас сторонятся»? Когда же они отстанут? Всё, что хотела, я им уже сказала, так что никакого желания продолжать этот разговор у меня не было. Тем более что Эдвард уже ждал меня в коридоре. Я сразу почувствовала его приближение, даже несколько десятков школьников не могли перебить его прекрасный запах. А перемена становилась всё короче.

В этот момент Линда была довольно бесцеремонно отодвинута в сторону, и на её месте возник плечистый темноволосый парень. Его можно было бы счесть даже симпатичным, если бы не близко посаженные глаза и выражение высокомерия на лице.

— Привет, красотка! Я — Питер. Приходи сегодня на тренировку — посмотришь, как я бросаю мячи!

Господи, вот только самовлюблённого спортсмена с интеллектом устрицы мне в поклонники и не хватало! От Сьюзен и Линды в мою сторону сразу же потянуло арктическим холодом. О, да тут самые настоящие страсти кипят. Успокойтесь, девочки и не

изобретайте для меня казни египетские — на ваше «добро» я покушаться не собираюсь.

— Извини, Питер, но у меня на сегодня другие планы. — А так же на завтра, послезавтра, и вообще, на всю оставшуюся вечность!

— Питер, а мы обязательно придём посмотреть на тебя.

— Да-да, обязательно! — перебивая друг друга, зашебетали блондинки.

Дверь открылась, и в практически опустевший класс вошел Эдвард. Подойдя к моей парте с той стороны, где до этого сидела Мэгги, он молча взял со стола мою сумку, забросил на плечо рядом со своей и протянул мне свободную руку.

— Энжи, мы опаздываем на тригонометрию. Прошу нас извинить, — последняя фраза предназначалась стоящей возле меня троице. Больше в классе уже никого не осталось.

Ухватившись за его руку, как за спасательный круг, я выбралась из-за парты, стараясь как можно более неуклюже протиснуться мимо стула Мэгги. Когда я оказалась рядом с ним, Эдвард демонстративно приобнял меня за плечи, бросив на Питера взгляд, который иначе как «Моя! Руки прочь!» истолковать было невозможно. Мачо местного разлива тут же сдулся, сразу поняв, что с этим соперником он находится в разных весовых категориях, и пытаться соревноваться бессмысленно. Блондинки просто молча хлопали нам вслед глазами — кажется, они были шокированы. Их проблемы. Когда мы вышли в коридор, я тихонько шепнула Эдварду:

— Мой спаситель!

Он лишь улыбнулся своей прекрасной мягкой улыбкой.

— Ну, как прошёл первый урок?

— Кошмарно — вздохнула я. — Я чуть не опозорилась.

— Но ведь не опозорилась же. Наоборот, ты дала даже более точный ответ, чем ожидал учитель.

— Ага, — воспряла я духом. — Народ был поражён. Только записали меня в стереотипные блондинки, а я раз, и... Подожди! А откуда ты всё это знаешь? Ты же не можешь читать мои мысли.

— Да, но мысли твоих одноклассников для меня — открытая книга. Я наблюдал за тобой их глазами.

— Ух, ты! Здорово придумано! — почему-то мне было очень приятно, что Эдвард как бы был рядом со мной всё это время. И я понимала: случись что угодно — он моментально пришёл бы мне на помощь. Возможно кому-то эта «слежка» была бы неприятна, но уж точно не мне. — Ты следил за мной весь урок?

— Да, с того момента, как оставил тебя там одну. Просто не мог иначе.

Достав из сумки шоколадный батончик, я принялась жевать. Не знаю, почему, но я чувствовала себя голодной. Хотя, возможно, просто перенервничала.

— Но если ты всё время наблюдал за мной, значит, не слушал учителя. И мог бы оказаться в точно такой же ситуации, что и я. Поэтому тебе не стоило совсем уж пренебрегать уроком.

— Я бы не оказался в подобной ситуации по нескольким причинам. Во-первых, даже задумавшись, я всё равно автоматическиотреагирую на фамилию, которую ношу уже более восьмидесяти лет.

— А я свою — лишь несколько дней, и только час назад начала ею действительно пользоваться, — вздохнула я. — Из-за этого чуть не вляпалась. Спасибо Мэгги — выручила.

— Да, Мэгги очень добрая девочка, вот только несколько забитая. В классе к ней плохо

относятся из-за её внешности и робкого характера. И, похоже, она единственная в классе, кто не думал о твоей связи с «загадочными Калленами» с нездоровым любопытством.

— Поэтому она так удивилась, что я с ней заговорила?

— Да, обычно её в лучшем случае игнорируют, а в худшем....

— Бедняга. Надо будет быть с ней подобрее. Она же не виновата, что непривлекательная. — Я покачала головой. — Дети бывают очень злыми.

Эдвард легонько поцеловал меня в макушку. Как раз в тот момент, когда я разворачивала вторую шоколадку. Одно из преимуществ моей «хладнокровности» — шоколад в моих руках не таял. Не очень получилось романтично, но, в отличие от шоколадки, я чуть не растаяла.

— Ты сказал: «во-первых», — вернулась я к предыдущей теме. — А что «во-вторых»?

— Во-вторых, если бы я даже не отреагировал на свою фамилию, то это сделал бы Эммет. Мы сидели за одной партой, и он бы дал мне знать, что меня спрашивают. Например, наступил бы мне на ногу. Причём — с удовольствием.

— Но ты уже прозевал бы вопрос! Мистер Гордон его повторил, а мог бы этого и не делать. Тогда я точно опозорилась бы.

— А вот в этом случае я мог бы спокойно прочесть этот вопрос в мыслях учителя. И даже правильный ответ. Ведь задав вопрос, человек, как правило, о нём в этот момент и думает.

— А если нет? А вдруг это как раз тот случай, когда учитель вдруг бросает случайный взгляд в окно и видит, как какая-то собачка грызёт колесо его машины — по одной ей известной причине. И он тут же отвлекается на колесо, собаку и что угодно ещё. И в его мыслях уже не будет ни вопроса, ни ответа на него! Что ты стал бы делать тогда? — я была очень довольна своими рассуждениями.

— А вот здесь в игру снова вступает Эммет. Он подсказал бы мне правильный ответ так, что никто, кроме меня этого бы не услышал.

— Всё, сдаюсь, — рассмеялась я.

Мы, не торопясь, направлялись к кабинету тригонометрии. Мне очень хотелось узнать у Эдварда, помогло ли ему моё «лекарство», но я решила не поднимать болезненную для него тему. В конце концов, я могу и потерпеть пару часов — четвёртым уроком у меня испанский, на котором я буду сидеть вместе с Элис, у неё-то всё и узнаю. Не то чтобы я сомневалась в эффективности своего «изобретения», мы ведь уже проверили его на Эсми, но всё же хотелось услышать подтверждение и от остальных.

Следующий урок прошёл гораздо приятнее первого. Единственное, что мне не понравилось — это то, что мистер Варнер, учитель тригонометрии, заставил меня рассказать о себе перед всем классом. Как позже сообщил мне Эдвард — он заставляет проходить через это всех новичков, которых, впрочем, в школе почти не бывает. Но все Каллены прошли в своё время через это «представление». Я выдала заготовленную ранее версию своего появления в городе, в семье Калленов и в этой школе, после чего была с миром отпущена и уселась рядом с Эдвардом — место с ним как раз пустовало.

После этого мне уже не пришлось скучать, как на предыдущем уроке. Я легко решала задачки — не зря же Эдвард два дня натаскивал меня по программе десятого класса. Ничего сложного в этом для меня не было, поэтому быстренько решив очередную задачу, остальное время мы просто болтали. И никто нас не слышал — мы говорили слишком тихо, человеческий слух этого уловить не мог. Меня позабавило то, что хотя читать мои мысли

Эдвард не мог, но всё равно мог общаться со мной втайне ото всех остальных, ну, не считая других вампиров. Это напоминало общение двух телепатов из какого-то фантастического фильма — никто из окружающих не догадывался об их тайном разговоре, и это давало им огромное преимущество над остальными.

Урок пролетел незаметно, и Эдвард отвёл меня в кабинет английской литературы. Никто из учеников одиннадцатого класса даже не попытался со мной пообщаться. Если у кого-то и возникло такое желание, то присутствие рядом Эдварда отбило его напрочь. Впрочем, не думаю, что желающих было много — на фоне семнадцатилетних подростков я выглядела совсем малышкой, а старшеклассники редко обращают внимание на «мелюзгу», даже если она учится с ними в одном классе. Я была этому даже рада. Было у меня уже сегодня несколько знакомств, назвать которые приятными язык не поворачивался. А впереди ждало ещё пять уроков, и в большинстве случаев я на них буду одна.

На литературе я вновь, к всеобщему удивлению, села рядом с Мэгги, хотя в этот раз в классе было три свободных места. Часть учеников была та же, что и на уроке истории, остальных я ранее не видела. К счастью, ни Сьюзан с Линдой, ни Питера в классе не было. Вот и славно.

Далее день покатился, словно по рельсам. Я скучала на уроках, на переменах Эдвард отводил меня в следующий класс, и это были те самые несколько минут, которые я ожидала целый час. Разнообразие внёс только урок испанского — на него меня вела Элис, с ней мы и сидели за одной партой. Она пол-урока щебетала на тему, как же здорово я придумала, и то, что никто из них совершенно не испытывает жажду, и какая я молодец, а Джаспер впервые улыбался, сидя на уроке, и как она за него рада. Её восторженная болтовня скрасила урок, а я получила огромное удовлетворение, понимая, что помогла своим близким избавиться от страданий, не отпуская их долгие десятилетия.

Наконец, аж после пятого урока, началась большая перемена, и мы, встретившись на полпути между своими классами, всей толпой вошли в столовую. На нас снова все поглядывали исподтишка и отводили глаза. Мы набрали полные подносы еды, к моей великой радости. К этому времени от бутербродов, заботливо приготовленных Эсми, остались только воспоминания. Методом, уже отработанным ранее во время многочисленных поездок в город, я уничтожила пищу, лежащую на всех шести подносах, а никто из людей ничего не заметил. Остальные изображали процесс питания, двигая челюстями и периодически поднося ко рту надкусанные мною куски. Наконец, на тарелках почти ничего не осталось, и я отвалилась от стола как сытая пиявка.

Теперь, когда мой рот был свободен, меня забросали вопросами о впечатлениях о первом школьном дне. Я рассказала о знакомстве и беседе на первой перемене, и о том, что после вмешательства Эдварда ко мне больше никто не подходил и не пытался заговорить. Поскольку рядом постоянно был кто-то из Калленов, меня стали сторониться так же, как и их. И это было хорошо. Меньше шансов, что кто-то заметит мою необычность. Конечно, это не бросалось в глаза, я не была, например, такой же бледной, как остальные, но я тоже была холодной и достаточно твёрдой. Поэтому лучше было ни с кем не сближаться.

Мне повезло в том плане, что я была новенькой и, приходя в очередной класс, вынуждена была садиться на оставшееся свободное место. А оно, как правило, было возле местных изгоев, вроде Мэгги или Стива — худенького «ботаника», с которым я сидела на политологии. За весь урок мы не обменялись с ним и двумя словами. На моё «привет» он ответил кивком, даже не повернув в мою сторону голову, и на этом наше общение

закончилось. Я и не пыталась его разговорить.

Кстати, насколько мне известно, несмотря на неземную красоту Калленов, люди сторонились их, инстинктивно чувствуя в них хищников, ощущая исходящую от них опасность, хотя и не понимая этого. Интересно, а от меня держатся на расстоянии, чувствуя чужака, «нечеловека», или это просто из-за моей близости к Калленам? Скорее всего, я этого никогда не узнаю. Что ж, я всегда понимала, что не являюсь человеком, поэтому и не ждала, что люди примут меня с распростёртыми объятиями. Не страшно, показного дружелюбия мне будет достаточно, а для объятий у меня есть моя семья.

Я попросила Элис, чтобы при Эдварде никто не упоминал про действие «лекарства», совершенно забыв о том, что он читает их мысли. Поэтому, когда мы вышли из столовой и в какой-то момент оказались в пустынном отрезке коридора, он, улыбнувшись, кивнул остальным.

— Можете не стесняться.

Я не успела спросить, что он имеет в виду, как тут же попала в медвежьи объятия Эммета, который, подхватив меня подмышки, покрутил и пару раз подбросил в воздух. От него я перешла в объятия Элис, потом — Розали. Последним меня обнял Джаспер. Обычно державшийся хоть и дружелюбно, но всё же слегка отстранённо, на этот раз он крепко прижал меня к себе, потом приподнял — наша разница в росте была почти полметра, — и расцеловал в обе щеки.

Всё это длилось секунд десять, а потом из-за угла вышла группа школьников, а Каллены разошлись в разные стороны по своим классам, оставив нас вдвоём с Эдвардом. Похлопав глазами, я слегка ошарашено пробормотала:

— А что это сейчас было?

Приобняв меня за плечи, Эдвард развернул и повёл меня по коридору в сторону очередного кабинета. На этот раз — философия. Беее....

— Они благодарили тебя за то, что избавила их от жажды. Я знаю, что ты просила Элис не упоминать это при мне. Но не думать-то они не могли, и все их мысли сегодня крутятся только вокруг этого.

— Джаспер меня поцеловал... — Это казалось мне самым невероятным. Джаспер всегда держался чуть в стороне, делая исключение лишь для Элис. И вдруг — такое проявление эмоций.

— Ему приходилось тяжелее всех. И теперь он безмерно благодарен тебе. Думаю, они сами тебе всё скажут по дороге домой. А сейчас просто воспользовались безопасной минуткой, пока никто не видит, чтобы выразить свои чувства. Кстати, — он склонился чуть ниже ко мне. — Не думай, что я тебе не благодарен. Это просто невероятно — находиться в толпе людей и вообще не чувствовать жажды. Конечно, нечто подобное я уже испытывал, когда мы ездили в город, но ты была рядом, я чувствовал твой запах, и он заглушал для меня все остальные аппетитные ароматы. А здесь ни тебя, ни твоего запаха рядом не было. А эффект остался. Спасибо.

— Я рада. Правда, я передать не могу, как я этому рада. Теперь так будет всегда!

Лёгкая морщинка искадила идеально гладкий лоб Эдварда. Он печально вздохнул.

— Если б этого можно было достичь не такой ценой.

— Перестань себя изводить. Другого пути нет. Просто смирись и прими как данность. Позволяя мне помочь тебе таким образом, ты доставляешь мне огромную радость. Я чувствую себя ещё ближе к тебе. Пожалуйста, не отвергай это.

— Я не думал об этом в таком ключе. Но я понимаю, о чём ты. Хорошо, больше я не буду переживать из-за этого. Обещаю.

«По крайней мере, вслух». Он не будет больше говорить об этом, но я понимала, что переживать он не прекратит. Что ж, остаётся надеяться, что со временем Эдвард просто привыкнет.

На философии я безумно скучала и отсчитывала секунды до конца урока, краем уха слушая, как Сьюзен с Линдой продолжают обсуждать то, что открылось им на первой перемене, и что они пережёвывали все прошедшие после этого уроки: несравненный и недоступный Эдвард Каллен заинтересовался этой мелкой новенькой. Да, я довольно симпатичная, этого они не отрицали, но ведь они-то гораздо, гораздо красивее! И ярче, и одеваются лучше! А какие у них фигуры — роскошные, длинноногие! А он даже ни разу не взглянул в их сторону, хотя они специально старались лишней раз продефилировать мимо в коридоре на переменах. И что он нашёл во мне такого, чего нет у них? Да я же даже краситься не умею! Разве я не знаю, что блондинка не должна красить ресницы чёрной тушью — это выглядит неестественно! Но, это, наверное, потому, что я не настоящая блондинка — брови-то у меня чёрные!

В этом месте я едва сдержала улыбку. Вот бы они удивились, узнав, что я вообще не крашусь. И эти чёрные брови и ресницы при светлых волосах — мои собственные. И это — самая незначительная из всех моих странностей. Но пусть думают, что хотят, меня это совершенно не задевает. Главное — что Эдвард меня любит, а уж без восхищения и одобрения этих двух самовлюблённых красоток я как-нибудь выживу.

В этот момент их шёпот достиг по громкости критической отметки, и миссис Гофф сделала им замечание. Парочка на время притихла, а жаль — хоть какое-то развлечение. Я просканировала соседние классы на предмет чего-нибудь интересного, но там было ещё скучнее, и я снова стала слушать учительницу. Скорей бы перемена.

Последним уроком была физкультура. Одетая в форму, как и все остальные ученики, я сидела на «скамейке запасных» и наблюдала за тем, как школьники играют в теннис. В мою обязанность входило подбирать далеко улетевшие мячи и складывать их в корзинку. Хоть какое-то занятие. Я бы предпочла немного размяться и поиграть, но понимала, что это слишком опасно. Поэтому я развлекалась тем, что время от времени лазила между скамеек, выковыривая оттуда беглые мячи, которые пару раз сама же незаметно туда и отпихнула.

Один раз, наклонившись над корзиной, в которую складывала собранные мячи, я заметила, как в мою сторону летит не пойманный кем-то мяч. Для меня было бы элементарно поймать его или просто увернуться, но, будь я человеком, сделать этого я бы не успела. Поэтому я позволила ударить себя в плечо и даже вполне правдоподобно сморщилась и потёрла «пострадавшее» место. Вообще-то, я всё же незаметно увернулась, поскольку мяч летел мне в голову. Я рассудила, что хотя никакого вреда нанесено мне не будет, но это-то как раз и может показаться всем странным. А удар по плечу вполне безопасен, никто не забеспокоится, что я могла получить сотрясение мозга, да и наличие синяка никто проверять не станет. В итоге неловкий парнишка по имени Кейн получил нагоняй от тренера — на мой взгляд, совершенно напрасно, — пробормотал извинение и получил от меня заверение, что мне совсем-совсем не больно. Хотя так в действительности и было, я постаралась вложить в свои слова заметную нотку неискренности — вроде как на самом-то деле мне, конечно, больно, но я гордо не желаю этого показывать. Спектакль удался. Тренер посоветовал мне дома натереть больное место мазью, «хотя, ты же в семье

доктора живёшь, он знает, что делать», и вернулся к своему прерванному занятию. Я была довольна тем, как здорово я в этот раз сыграла человека. Надеюсь, если Эдвард всё ещё наблюдает за мной — он это оценит.

Спортивную раздевалку я покинула раньше остальных: во-первых, на этом занятии я не делала никаких физических упражнений, поэтому душ мне был не нужен даже для конспирации. Ну а во-вторых, Эдвард уже ждал меня под дверью спортзала, поэтому я быстро переделалась, повернувшись так, чтобы никто не мог даже мельком заметить моё «пострадавшее» плечо без каких-либо признаков «страдания», и выбежала в коридор, прямо в объятия Эдварда.

Домой ехали в приподнятом настроении. Я получила кучу благодарностей от ребят за моё «изобретение», даже неудобно стало, так меня захвалили. Дома родители вручили мне новенький ноутбук — чтобы у меня был свой личный компьютер, на котором я смогу делать домашние задания. Потом меня ждал праздничный обед с тортом — в честь моего первого школьного дня. Поскольку своё предыдущее посещение школы я забыла, этот день можно было, действительно, по праву считать первым. Потом я быстренько сделала уроки, остальные — тоже. Расправившись со школьными делами максимум за полчаса, мы провели оставшийся вечер все вместе в гостиной.

Шёл общий разговор на школьную тему, каждый вспоминал свою первую школу — было очень интересно слушать рассказы про прошлый, позапрошлый и даже семнадцатый век. Только мы с Элис не помнила свои первые школьные годы — жизнь Элис началась с чистого листа в тот момент, как она стала вампиром. Позже она выяснила, кем была, и что с ней произошло, но воспоминаний это не вернуло. Затем у неё появились новые воспоминания, связанные с Джаспером, а позже и с Калленами. Теперь воспоминаниями стала обзаводиться и я.

Наконец, я начала зевать, стараясь делать это незаметно. Но разве от вампиров можно что-то скрыть? Меня отправили спать, да я и не возражала — день был долгим, полным впечатлений и утомительным. А завтра вновь предстоял ранний подъём. Умачиваясь поудобнее на груди Эдварда, я с иронией подумала, что каникулы окончены и начались «трудовые будни».

Глава 12. Ужасная правда. Часть 1.

И потянулись «трудовые будни». Это было очень-очень скучно. Учителя рассказывали то, что я и так знала, но отвлекаться было нежелательно — я опасалась пропустить обращённый к себе вопрос. Небольшое разнообразие вносили всякие лабораторные работы, а пару раз на уроке литературы нам показывали кино. Моё представление о том, что школа откроет для меня новые горизонты общения, оказались химерой. На уроках я молчала — ни с Мэгги, ни со Стивом у меня не завязались достаточно близкие отношения для болтовни. Дело ограничивалось приветствием да вежливыми улыбками. Пару раз я подсказала Мэгги правильный ответ — но это и всё. Перешёптывания школьников тоже меня уже не развлекали. Через какое-то время я перестала быть новостью, всё, что можно было обсудить на мой счёт — уже обсудили, поводов для новых сплетен я не давала. Поэтому мне приходилось довольствоваться в качестве развлечения лишь редкими разговорами самых безответственных учеников — обсуждением спортивных соревнований мальчиками и новых нарядов — девочками, поскольку большинство школьников на уроках всё же молчали.

Исключение составляли уроки тригонометрии и испанского. Только они скрашивали

для меня школьные дни. На них мне не приходилось скучать. Болтовня Элис, практически ни о чём, всегда поднимала мне настроение, а с Эдвардом мне достаточно было просто находиться рядом. И даже когда мы молчали — это молчание никогда не было тягостным. Мне хватало его присутствия рядом, его чудесного запаха, случайного прикосновения. Рядом с Эдвардом я была счастлива, независимо от того, где мы находились и что делали. Только находясь рядом с ним, я чувствовала себя цельной.

Перемены я тоже проводила с Калленами, и это сделало меня такой же парией, как и они. Но по несколько иной причине. Как объяснил мне Эдвард, читающий мысли окружающих, самих Калленов люди избегали инстинктивно, подсознательно чувствуя в них опасность. А вот ко мне людей тянуло. Многие парни считали меня очень привлекательной и, при других обстоятельствах, попытались бы за мной поухаживать, как это неуклюже сделал Питер на первой перемене. Но то, что я не просто живу с Калленами, а явно встречаюсь с одним из них, — а Эдвард однозначно продемонстрировал это всем окружающим, — делало общение со мной чем-то вроде табу.

Меня позабавило выражение, с которым Эдвард рассказывал мне о реакции парней на меня — это была смесь ревности и гордости. Он мной гордился, даже ревнуя. И ревновал, не имея к этому никаких оснований. Что бы там ни думали обо мне остальные мужчины на планете, это не меняло того факта, что для меня никого другого, кроме Эдварда, не существует.

Через пару недель школьной жизни, я готова была лезть на стену от скуки. Образно говоря, поскольку лезть на стену было для меня обыденным занятием, как для людей — подниматься по ступенькам лестницы. Но я не знаю, как ещё описать моё состояние. Казалось, что я вся чешусь от нетерпения поскорее покинуть здание школы, которое Эдвард очень метко окрестил «чистилищем». Как только Каллены всё это терпят десятилетиями? Стало немного легче, когда Эдвард подарил мне маленький приёмник на батарейках. Я включала его на минимальную громкость, которую человеческое ухо уловить практически не могло, клала в сумку и слушала на уроках. Музыка разгоняла скуку и не мешала следить за учителем, который в любой момент мог обратиться ко мне с вопросом. Жаль, что я не могла воспользоваться МПЗ-плеером, тоже презентом Эдварда — с «детских» подарков он переключился на «взрослые», — ведь он закачал туда все наши с ним любимые мелодии. Но сидеть на уроке в наушниках было бы слишком вызывающе, я на такое не решалась, в отличие от некоторых других учеников.

А самым любимым временем в школе для меня была большая перемена, на которой мы всей толпой ходили в столовую. Отдых от уроков, долгожданная и обильная еда, а так же общение с братьями и сёстрами, делали это время самым лучшим в первой половине дня. Как я узнала из их рассказов, раньше Каллены просто молча сидели за своим столом в самом дальнем углу столовой, лишь слегка изображая процесс поглощения пищи, а порой не заморачиваясь и этим. Я удивилась, как же никто раньше не заметил, что они совсем не едят? В конце концов, можно было потихоньку убирать часть еды в карманы, например, а потом выбрасывать, когда никто не видит. Но Эдвард объяснил, что школьники практически никогда не наблюдают за Калленами достаточно пристально, чтобы заметить эту странность. Люди бросали на них взгляды, слишком короткие, чтобы заметить что-то ещё, кроме неземной красоты, и сразу же отводили глаза, не понимая, почему сторонятся Калленов, но, тем не менее, делая это. Ладно, с моим появлением проблема еды была решена. Мой нечеловеческий аппетит служил для всех прекрасной маскировкой. Да и само

моё присутствие за столом вносило нотку оживления. Сами собой возникали разговоры, на случай, если кто-то нас услышит — вполне безобидные. Но молчания за столом почти не было.

К новой фамилии я привыкла довольно быстро, тем более что старалась больше не отвлекаться. На уроках я всегда отвечала правильно, все домашние задания выполняла качественно и в срок, с лабораторными тоже справлялась легко — в общем, быстро заслужила репутацию ботаника. Впрочем, это никого особо не удивило. В школе давно привыкли, что дети Калленов знают и умеют едва ли не больше учителей. Среди преподавателей бытовало мнение, что родители усиленно занимаются с детьми, а теперь и со мной, на дому, поэтому мы все такие умные. Что ж, неплохая версия, пусть и дальше так думают.

Вечера мы проводили с Эдвардом. Или всей семьёй, но всё равно мы были рядом. Мы вообще были практически неразлучны, обычно не расставаясь больше чем на несколько минут. Было только два исключения: уроки и охота. И если с первым я ничего поделаться не могла, то второе я попыталась изменить. Я вновь попробовала осторожно уговорить Эдварда брать меня с собой, тем более что с наступлением учебного года дальние походы прекратились. Каллены в основном довольствовались тем, что могли поймать неподалёку, в радиусе нескольких десятков километров, таким образом, вся охота занимала не более пары часов. Правда, приходилось довольствоваться оленями и лосями, а они были, по словам вампиров, совсем невкусными, в отличие от хищников, зато всегда под рукой и в большом количестве. Но даже на такую короткую охоту Эдвард отказывался меня брать. Всё ещё не хотел, чтобы я увидела его таким, каким он бывает, когда нападает на животных. Хищником. Чудовищем. Монстром. Мне так и не удалось его переубедить, что для меня он всегда самый лучший. В конце концов, я оставила эти попытки — понимала, что это его больное место. Но даже короткие часы разлуки давались мне очень тяжело.

В целом дни шли спокойно и размеренно. Лишь однажды монотонное течение жизни было нарушено. Первой заволновалась Элис, с первой же нашей встречи взявшая на себя обязанности моей няньки, и с тех пор тщательно следившая, чтобы у меня было под рукой всё необходимое. И именно она обратила внимание на то, что прокладки, лежавшие всё это время в моём шкафчике с разными туалетными принадлежностями, так мне ни разу и не понадобились, хотя я прожила у Калленов уже почти два месяца. И что бы это понять, ей даже не пришлось заглядывать в шкафчик, — такое «событие» не пропустил бы ни один вампир.

Она обсудила это с Карлайлом, а потом они вдвоём поговорили со мной. Сначала у них возникло предположение о моей возможной беременности — никто же не знал, что за жизнь у меня была до того, как я свалилась Калленам на голову. Исследование моей крови ничего не показало, так же, как и стандартные аптечные тесты на беременность, за которыми Элис сгоняла в Порт-Анжелес, чтобы не светиться с такими покупками в аптеке Форкса. Но отрицательный результат ничего не значил — в конце концов, все эти тесты рассчитаны на людей, а я человеком не была, хотя им и выглядела. Тогда Карлайл отвёз меня в клинику, где работал, и провёл более тщательное исследование. Компьютерная томография показала следующее: во-первых, я абсолютно точно не была беременна, во-вторых, я вообще всё ещё оставалась девственницей. В-третьих, все мои внутренние органы были совершенно здоровыми, практически идеальными — что сюрпризом ни для кого не стало. Ну а в-четвёртых — все мои органы были полностью сформировавшимися,

«взрослыми», так что списать всё на «позднее развитие» так же не получалось. Единственный вывод, который можно было из всего этого сделать — я, как и вампиры, тоже была бесплодной.

Как ни странно, меня эта мысль совсем не огорчила. Все мне сочувствовали, а я мысленно пожимала плечами. Какая разница, могу я иметь детей или нет, если этого не может Эдвард? Я люблю вампира, я связана с ним навеки, и если детей не будет у него, то их не будет и у меня, независимо от того, могу ли я их иметь или нет. В каком-то смысле это даже облегчало ситуацию. Это избавляло Эдварда от возможных мучений от того, что связь с ним лишит меня этого важного аспекта в жизни любой женщины — материнства. Видя, как страдает Розали от невозможности иметь ребёнка, он мог бы усомниться в правильности того, что подарила нам судьба: нашей встречи, нашей любви. Теперь все эти сомненья, будущие или уже существующие, хотя и тщательно скрываемые, отпадут сами собой.

И жизнь продолжала катиться по наезженным рельсам. Я с тоской думала, что в ближайшие годы всё будет таким же однообразным. Если бы я только знала, что вскоре об этом беззаботном однообразии, буду с тоской вспоминать как о чём-то недостижимом и желанном.

Стояло тихое воскресное утро. Не нужно было вставать в школу, и я, проснувшись, нежилась в объятиях Эдварда. Остальные Каллены занимались кто чем, стараясь не шуметь и дать мне поспать подольше. Судя по запаху, Эсми готовила мне что-то вкусненькое. Короче — полная идиллия, которая внезапно оборвалась.

Снизу вдруг раздался тихий вскрик Элис:

— Они идут!

В ту же секунду Эдвард отшвырнул одеяло, сгрёб меня в охапку, а в следующую уже стоял внизу, в гостиной, рядом с другими Калленами, окружившими расстроенную Элис, которую нежно обнимал Джаспер. Лица у всех были напряжёнными, встревоженными, мужчины прижимали к себе женщин, словно старались укрыть их от неведомой мне опасности. Эдвард продолжал держать меня на руках, крепко и даже в каком-то отчаянии прижимая к себе. Точно так же он вёл себя в тот раз, когда уносил меня от Рыжика, когда действительно испугался за мою жизнь. Теперь уже я заволновалась всерьёз.

— Ты говоришь, что они идут. Но куда? — задал вопрос Карлайл.

— Сюда, к нам. Они идут убивать нас.

— Но почему? Зачем им это нужно? Мы слишком далеко от Сиэтла для того, чтобы мешать им. Как они вообще о нас узнали? — все заговорили одновременно. Не отрывая лба от груди Джаспера, Элис пробормотала:

— Это всё из-за меня.

— Это Виктория, — объяснил всем Эдвард. Конечно, он же видел то же самое, что и Элис, одновременно с ней. — Это она создала армию новорожденных.

— Это из-за меня, — снова забормотала Элис. — Уж лучше бы Джеймс меня убил. А теперь вы все из-за меня можете погибнуть!

Я вертела головой, пытаюсь понять, о чём все говорят. Единственное, что мне было ясно — семья в опасности, на нас кто-то собирается напасть. Но что значит «армия новорожденных»? Причём тут младенцы?

— Это мы ещё посмотрим, кто погибнет, а кто — нет! Спорим, мы надерём им задницы. — Эммет заиграл мускулами. Ну, конечно, для него любая возможность подраться в радость. Но остальные не разделяли его оптимизма.

— Может, мне кто-нибудь наконец-то объяснит, что происходит? Похоже, одна я не в курсе?

Все притихли и повернулись к нам с Эдвардом. Задумчиво посмотрев на меня, Карлайл перевёл взгляд на сына.

— Они ведь не знают о ней, верно? Виктории неизвестно, что нас стало больше?

— Неизвестно, — кивнул Эдвард.

— Это хорошо. У Энжи есть шанс спастись. Если отправить её прямо сейчас....

— Стоп-стоп-стоп! — я спрыгнула с рук Эдварда и подняла руку ладонью вперёд, призывая выслушать меня. Не хватало ещё, чтобы за меня что-то решали. — Не нужно говорить обо мне так, словно меня здесь нет. Я не знаю, что происходит, и что вы от меня скрываете, но мне понятно одно — кто-то собирается на нас напасть. И неужели вы на полном серьёзе считаете, что я вас покину? Оставлю в трудную минуту? Плохого же вы обо мне мнения.

— Энжи, маленькая моя, ну пойми, — Эдвард прижал меня к себе и поцеловал в макушку. — Их больше. Они сильнее. Шансов нет. Если ты останешься с нами, то ничем не сможешь помочь, только зря погибнешь. Нам уже не спастись, а у тебя шанс есть.

— Нет! — я вывернулась из объятий Эдварда, чтобы видеть его лицо. И пусть он видит моё. Пусть поймёт, что я говорю абсолютно серьёзно. — Я не собираюсь жить дальше без тебя! Мы вместе погибнем или вместе спасёмся. Третьего пути нет. И вы не сможете отправить меня куда-то силой — я вернусь, даже если вы пошлёте меня в космос. Просто выпрыгну из ракеты — мне не впервой падать с большой высоты, выживу. И не возражай! — я прижала палец к его уже приоткрывшимся губам. — Тема закрыта. Лучше объясните мне, наконец, кто может вам угрожать? Я считала, что у вас нет врагов.

— Мы тоже так думали, но ошибались, — вздохнул Карлайл. — Элис, сколько у нас времени?

— Несколько часов. Они уже вышли из Сизтла и будут здесь сегодня, уже к полудню, судя по положению солнца. Я вижу нас на поляне с большим валуном, той, что к юго-западу от дома, вижу, как они мчатся на нас. И всё. Дальше — пустота. Я не вижу ничего после этого. — Она закрыла лицо руками и вновь уткнулась в грудь Джасперу.

— Но Энжи нет с нами на поляне! Элис её там не видит, — продолжал упрямиться Эдвард.

— Она меня никогда не видит. Так что, это ничего не значит. Я там буду! Элис, попробуй заглянуть в моё будущее, пожалуйста.

Элис отняла ладони от лица, пристально посмотрела на меня. Наши глаза встретились, и в тот же миг я была уже не здесь.

Я на большой, с футбольное поле, поляне. Справа от меня, крепко держа меня за руку, стоит Эдвард. Слева — Джаспер, который так же держит за руку Элис и даже пытается слегка задвинуть её себе за спину. С другой стороны от Эдварда, расположились остальные Каллены. Мы стоим в ряд, спиной к огромному валуну, неведь как оказавшемся на этой поляне. Лица у всех сосредоточены, мышцы напряжены, но мы стоим неподвижно. Напротив нас, из леса, слышно нарастающее рычание, которое очень быстро приближается, становясь всё громче. Мы продолжаем стоять неподвижно. Рычание всё ближе и громче. Эдвард слегка пожимает мне руку и шепчет: «Я люблю тебя, малышка», и в этот момент я их вижу. На невероятной скорости новорожденные выбегают из-за деревьев и мчатся прямо к нам. Их около двух десятков. Я очень чётко вижу их всех.

Мужчины и женщины, молодые и средних лет, белые, азиаты, один афроамериканец. Их одежда грязная и потрёпанная, а лица.... Лица выражают одну только чистую ненависть. В их красных глазах горит одно желание — убить!

И когда я вижу эти красные, горящие ненавистью глаза, во мне словно что-то щёлкает. Если до этого у меня была только одна мысль — защитить семью, защитить Эдварда, то теперь к ней добавилась новая — убить! Убить врага! Убить того, кто покусился на самое дорогое, что у меня есть! Раньше я понимала умом, что мне придётся убивать, хотя если бы удалось каким-то чудом избежать кровопролития — я была бы только рада этому. Теперь — нет. Теперь я хотела битвы. Хотела убивать. Те, кто угрожает моей семье, должны быть убиты, уничтожены, разорваны на куски. Они не должны больше существовать. И это чувство у меня не в голове, не разум руководит сейчас мной, а инстинкт. Животный инстинкт, идущий откуда-то из глубины всего моего существа. Я чувствую, как из моего горла вырывается дикий рык, который уже не пугает меня. Я оскаливаю зубы, обнажая клыки, которые вновь стали длинными. Где-то на задворках сознания мелькает мысль, что если мы выживем, то от поцелуя Эдварду уже не отвертеться. Так что мы просто обязаны выжить, я не собираюсь умирать, так и не получив своего первого настоящего поцелуя. С этой мыслью я выдёргиваю руку из руки Эдварда и бросаюсь вперёд, навстречу врагам, и...

И я снова стою в гостиной дома Калленов, в объятиях Эдварда, глядя в глаза Элис. Она продолжает сосредоточенно смотреть на меня, но виденье уже оборвалось.

— Я буду там с вами, это абсолютно точно. И теперь я поняла, кто такие эти новорожденные — видела своими глазами. К тому же там я это просто знала. А вот почему они на нас напали — так и не поняла.

— Я всё тебе объясню, пока ты будешь есть. — Эдвард взял меня за руку и повёл на кухню. — Чувствую, что силы нам ещё понадобятся.

Когда я проходила мимо Эсми, она ласково погладила меня по щеке. В её глазах стояла щемящая грусть и отчаяние. Практически то же самое выражение я видела в глазах всех остальных, пожалуй, кроме Эммета. Но я не хотела верить в нашу гибель, я не должна поддаваться панике. Нужно всё понять и как следует обдумать.

— Встретимся на поляне, — с этими словами Карлайл подхватил Эсми за руку и скрылся вслед за выбежавшими из дома детьми. Сквозь стеклянную стену я видела, как они исчезают среди деревьев.

— Куда они? — удивилась я.

— На охоту, — Эдвард носился по кухне, спасая едва не подгоревшие оладьи, разбивая на вторую сковородку яйца, одновременно умудряясь сервировать стол. — Мы не очень голодны, но лучше набраться побольше сил для предстоящей битвы. Шансов у нас практически нет, но мы не собираемся сдаваться без боя. Заберём с собой столько, сколько сможем.

— Тогда почему ты не пошёл вместе с ними? Тебе тоже не помешает подкрепиться.

— Я не хочу оставлять тебя одну. Нам и так недолго осталось быть вместе.

— Эдвард, не будь пессимистом! Ничего ещё не известно. И шанс есть всегда. Не нужно терять надежду.

Эдвард тяжело вздохнул, усадил меня за накрытый стол, поцеловал в макушку и уселся напротив, печально глядя на меня своими прекрасными глазами, которые уже начали слегка темнеть. Я посмотрела на стоящие передо мной тарелки, полные аппетитной еды, сглотнула

слюну и, игнорируя бурчание в животе, спрятала руки за спину и вызывающе посмотрела на Эдварда.

— Я буду есть только в том случае, если после этого ты тоже поохотишься. Выбирай. Или мы вместе идём на охоту, или оба отправляемся на поле боя голодными!

Услышав это, мой желудок издал вопль отчаяния, который, наверное, был слышен даже охотящимся Калленам. Но я стойко терпела, надувшись и исподлобья глядя на Эдварда. На этот раз отступить я не собиралась.

— Мне предстоит увидеть тебя в бою. Так стоит ли бояться того, что я увижу, как ты охотишься?

— Хорошо. — Эдвард снова тяжело вздохнул. Он понял, что переубедить меня не удастся. — Пожалуйста, поешь, а потом мы вместе отправимся на охоту. Я обещаю.

Не успел он договорить, как мой рот уж был набит едой. Усиленно работая челюстями, я пробормотала:

— Ашкаживай!

— Начну, пожалуй, издалека. Ты ведь уже поняла, кто такие эти «новорожденные»?

Я закивала головой, с усилием проглотила непрожёванный оладушек и выпалила:

— Вампиры-новички. Новообращённые.

— Это был риторический вопрос, — улыбнулся Эдвард. — Ты ешь, не отвлекайся, а я буду рассказывать.

Я снова принялась за еду, стараясь поскорее закончить завтрак, чтобы у Эдварда осталось побольше времени на охоту.

— Джаспер рассказывал тебе про Гражданскую войну, в которой он участвовал, ещё будучи человеком. Но ему пришлось повоевать ещё на одной, очень долгой и кровавой войне. Войне между вампирами за лучшие места для кормления, как ни цинично это звучит. Как мы выбираем места, которые кишат животными, так и обычные вампиры предпочитают большие города, где легко охотиться на людей, оставаясь незамеченными. И за территории с наибольшими людскими ресурсами шли, да и сейчас возможно где-то идут, настоящие битвы. А солдатами в них служат вампиры-новички. Первые месяцы после обращения мы гораздо сильнее более взрослых вампиров, потом сила идёт на спад и примерно через год становится обычной и уже не меняется. Конечно, и среди нас встречаются силачи, как например Эммет, или слабаки, но это индивидуальная особенность. Но абсолютно все новорожденные сильнее нас. Это грубая сила, они, как правило, необучены и нападают прямо в лоб.

— Как ношоог...

— Да, как носорог. Хорошее сравнение, — усмехнулся Эдвард. — Поэтому, несмотря на преимущество в силе, их можно победить, если использовать хитрость, манёвренность. Именно этому Джаспер в оставшееся после охоты время постарается обучить остальных. У меня есть преимущество — я читаю их мысли, могу предугадать их действия. Эммет силён почти так же, как и они. Джаспер прекрасно знает, как с ними обращаться, он тренированный боец. Элис тоже предвидит любое их движение и сможет увернуться, уйти от удара. Ну, а ты, похоже, тренирована не хуже Джаспера.

— Я ещё и сильная!

— Да, конечно, и это тоже. Так что, в целом мы совсем неплохая команда, и вполне могли бы противостоять новорожденным, будь их меньше. Беда в том, что их слишком много, да и Эсми с Розали — совсем не бойцы. Не знаю, чему Джаспер успеет их обучить за

оставшуюся пару часов. Я вообще не уверен, что нам удастся продержаться хоть сколько-то времени. Элис не видит нашего будущего. А это значит...

Он не договорил, но я и так поняла, что он имел в виду. Тут мне в голову пришла ещё одна мысль, и я поспешила её озвучить.

— Я хотела бы кое-что уточнить. На каком именно месте обрывается видение Элис?

— Как новорожденные нападают на нас. Ты ведь сама всё это видела. И у тебя видение тоже оборвалось, верно?

— Да, оборвалось, но несколько раньше. В моём видении они только бежали к нам, были на полпути между нами и лесом. А что у Элис? Ты видел, как новорожденные приблизились к нам? Ты видел само нападение?

Эдвард слегка нахмурился, вспоминая подробности.

— Да, пожалуй, я этого не видел. Просто всё происходило очень быстро. И они действительно не успели до нас добежать. Но что это меняет? Им и секунды не потребуется, чтобы преодолеть оставшееся расстояние.

— Но они его не преодолели. Мы обе это видели: и я, и Элис. Её видение оборвалось раньше. Не потому, что её убили. Не потому, что убили всех вас. Нет! Это случилось раньше. Что-то произошло. Я не знаю, что это было, и почему оно заблокировало способности Элис, зато я знаю другое. А конкретно — нельзя на основе прервавшегося виденья делать однозначный вывод о том, что наши жизни тоже оборвутся. Нет. У нас есть шанс. Да, они сильны, и их больше. Но мы мудрее и опытнее, мы семья, мы сплочённая команда, и мы будем биться друг за друга, плечо к плечу, прикрывая и защищая друг друга. А они? Разобщённая банда. Тупое стадо. Они не придут на выручку друг другу, не объединятся против общего врага. Я видела их, Эдвард, и я знаю, о чём говорю. Поэтому, долой это упадническое настроение. Я верю, что мы выстоим. Я верю, что у нас впереди долгая и счастливая жизнь. И, кстати, после боя с тебя причитается поцелуй, потому что клыки у меня в этот раз точно появятся.

Я даже не заметила, как во время своей тирады встала из-за стола, обошла его, и теперь стояла возле Эдварда, размахивая руками и тыча его пальцем в грудь. Он зачарованно смотрел на это представление и, кажется, потихоньку начал заражаться моим энтузиазмом. По крайней мере, в его глазах уже не было такого безнадежного отчаяния, в них мелькнула надежда. Крохотная, но всё-таки надежда. Эдвард притянул меня на колени и крепко обнял, положив подбородок мне на голову.

— И как такое маленькое создание может быть таким мудрым? Ты права — отчаиваться рано.

Он ласково поцеловал меня в макушку, а потом аккуратно пересадил на мой стул.

— Доедай. Силы тебе сегодня понадобятся.

Глава 12. Ужасная правда. Часть 2.

— Так, с тем, кто такие новорожденные, и для чего их создают, мы более-менее разобрались. — Я вновь взяла вилку и подцепила большой кусок омлета. — А почему эта, как её... Виктория, верно? Почему она так на вас взъелась? И почему Элис уверена, что всё это из-за неё?

— Чтобы было понятнее, начну с Элис. Как ты сама знаешь, у Элис, как и у тебя, амнезия, своего прошлого она не помнит. И, до недавнего времени не знала, что же с ней было до того, как она очнулась новорожденным вампиром. Мы узнали об этом лишь

недавно, да и то, многие моменты нам непонятны или неизвестны, но я расскажу тебе, что смогу.

Как выяснилось позже, видения у Элис начались ещё в детстве, когда она была человеком. Конечно, не такие чёткие и ясные, как сейчас — перерождение обостряет и усиливает наши врождённые способности, — но этого, видимо, было достаточно, чтобы её родители, дабы избежать «позора», упекли её в психушку. И объявили её мёртвой, следовательно, забирать оттуда не собирались. Элис потом даже могилу свою нашла — там датой смерти указан день её помещения в лечебницу.

— Какие милые люди! — пробормотала я, прежде чем отправить в рот очередной кусок.

— Да уж, просто расчудесные. Но не о них речь. Элис провела долгие годы в больнице, где её «одержимость» лечили электрошоком. В то время это считалось весьма действенным методом лечения — буйнопомешанные превращались практически в овощи. Как бедная Элис там выжила и что перенесла — страшно представить, а ведь она была тогда совсем ребёнком. А спустя несколько лет в психушку проник один из вампиров-бродяг на предмет подкормиться. Это и был Джеймс. О нём чуть позже, а пока — небольшое отступление. Знаешь, для нас все люди пахнут невероятно вкусно и привлекательно, но бывают редчайшие случаи, когда кровь какого-то конкретного человека действует на одного из нас просто с невероятной силой. Устоять перед этим зовом крови невозможно. Эммету такое встречалось дважды, и оба раза он срывался. Просто не мог устоять, это было сильнее его. Я мог чувствовать то, что чувствовал в тот момент он, и поверь мне — никакая сила не удержала бы его от того, чтобы отведать этой крови. Так вот, на свою беду, Элис пахла для Джеймса так же притягательно. Но один из немногих наших законов — не выдавать людям своего существования. Нарушители караются смертью. Джеймс это знал и не рискнул напасть на Элис среди дня, на глазах у множества людей. Он решил вернуться позже, ночью, чтобы выпить её кровь, не засветившись.

— Как же она спаслась? Или это Джеймс её обратил?

— Нет, конечно, нет. Он бы не упустил ни капли её крови, выпил бы Элис досуха. Но, на её счастье, в той больнице работал один старый вампир — там же и кормился потихоньку. В то время сумасшедшие часто умирали, и никому не было дела до того, своей ли смертью они умерли, от лечения или от зубов вампира. Но к маленькой Элис он благоволил. И, случайно узнав о планах Джеймса, выкрал Элис из больницы и обратил её — это был единственный способ её спасти, человеком ей было не укрыться от ищейки-Джеймса, но её нового запаха он не знал.

— Ищейки?

— Да. Это талант Джеймса. У него был супернюх, он мог найти кого угодно, чей запах почувствовал хоть раз. А вот с Элис у него не вышло. Старый вампир обратил её, и её запах потерял для Джеймса всякую привлекательность. Почему создатель оставил Элис одну, а не остался с ней, не объяснил ей, что произошло, не научил жить в нашем мире — этого мы не узнаем уже, наверное, никогда. Видимо, у него были на то свои причины, нам неизвестные. Но факт остаётся фактом — Джеймс упустил желанную добычу.

— Ты сказал «был супернюх». А куда он делся?

— Его больше нет.

— Супернюха?

— Нет, Джеймса. Я как раз подхожу к самому главному. Около года назад сюда случайно забрела пара вампиров-бродяг. Это были Джеймс и его подружка Виктория.

Джеймс сразу узнал Элис. Собственно, почти всё, рассказанное мной ранее о её прошлом, я прочёл именно в его мыслях. И оказалось, что все эти годы и десятилетия он помнил её и копил в себе ненависть к ускользнувшей добыче. Это превратилось для него в идею-фикс. Он уже не мог выпить её крови, но своим извращённым сознанием он решил, что если убьёт её, то этим отомстит за свой провал. Он начал строить планы, не подозревая, что я могу их читать так же ясно, словно он произносил всё это вслух. Конечно, я предупредил родных о том, кто он, и что задумал. В тот раз Карлайл удержал Джаспера от убийства, поскольку, несмотря на планы, Джеймс не предпринял никаких попыток напасть на Элис. Он велел Джеймсу убираться, и тот ушёл. Но планов своих не оставил. Он был очень хитёр и коварен, а мы расслабились, считая, что такой большой семье, как наша, он не соперник. Мы ошибались. После нескольких неудачных попыток, ему всё же удалось каким-то образом обмануть наш с Элис дар, и он напал на неё, когда мы все были на охоте, и в погоне за добычей разделились. Конечно, мы сразу примчались на помощь, но он успел сильно её покалечить, не убил только чудом — хотел насладиться её мучениями и заигрался, забыл об осторожности.

— Бедная Элис. Представляю реакцию Джаспера, — я сочувственно покачала головой, зная, как сильно и беззаветно он любит свою Элис.

— О, мы думали, что Джаспер рехнётся, увидев Элис, точнее то, что от неё в тот момент осталось. Карлайл быстро вылечил её, но тогда она испытывала страшную боль. И, конечно же, судьба Джеймса была решена в то же мгновение. Мы уничтожили его. Разорвали на части и сожгли.

— Вас можно сжечь? Вот в чём-в чём, а в горячности я вас точно заподозрить не могла.

— Да, мы можем гореть. Мы же ведь на самом деле совсем не каменные, хотя и кажемся такими, поскольку очень твёрдые по сравнению с остальными живыми организмами. Но мы не каменные. Карлайл так и не смог окончательно определить состав нашей плоти, слишком несовершенны современные исследовательские возможности. Вероятно, в будущем, появившиеся новые технологии помогут узнать точнее. Но это однозначно органика. Ведь будь мы из камня — рассыпались бы при первом же движении. А мы двигаемся. И наши тела вполне гибкие. Это всё равно что сравнивать тело человека и, например, медузы. По сравнению с медузой, тело человека просто супертвёрдое. То же самое и с нами.

— Я никогда не считала вас каменными. Просто неуязвимыми. А оказалось, что это не так. Что ж, по крайней мере, я теперь знаю, что нужно делать с нашими врагами — разрывать и сжигать. Думаю, что у меня получится. Я гораздо сильнее даже Эммета, так что с ними буду на равных. А учитывая мою боевую подготовку, о которой я, правда, сама не помню, но помнит моё тело.... Короче — хана новорожденным. Порву, как Тузик грелку!

— Но ты уязвима, — вздохнул Эдвард. Потом слегка улыбнулся. — И знаешь ещё и русский язык.

— Ерунда, у меня моментальная регенерация. И пусть сначала поймают! — я воодушевлялась всё больше. — И что, я опять заговорила на другом языке? Ладно, вполне возможно, что я говорю и на языке племени Мумба-Юмба, только сейчас это не важно. Так, я всё съела, теперь твоя очередь. Куда пойдём на охоту?

— Ты собираешься идти на охоту прямо в этом? Ведь оттуда мы сразу же отправимся на поляну, где и будем ждать новорожденных.

Только тут я обратила внимание, что на мне надето. Моя любимая пижамка.

Фланелевая. Голубая. С белыми ягнятами и облачками. Очень мягкая и уютная. Но совершенно не подходящая ни для охоты, ни для битвы. Ну, конечно, Эдвард же вытащил меня прямо из постели, а потом мне и в голову не пришло переодеться — не тем эта самая голова была занята.

— А что? Одета я вроде бы прилично, — оттянув штанины наподобие галифе, словно на мне юбочка, я крутанулась вокруг своей оси и изобразила нечто, напоминающее книксен. — Зато противника дезорганизирую. Таких «доспехов» они явно не ожидают.

Эдвард расхохотался. По-настоящему, громко и весело, запрокинув голову. Отсмеявшись, он вытянулся во фрунт, щёлкнул воображаемыми каблуками — мы оба были босиком, — и отвесил мне поклон.

— О, несравненная мисс, ваш прекрасный наряд послужит украшением этого бала. — Потом развернул меня и слегка подтолкнул в сторону двери. — Увы, мы собрались не на бал. Так что беги и переоденься.

Я помчалась в нашу спальню, постаравшись закончить утренний туалет как можно быстрее. Но когда через пару минут я выскочила в коридор, Эдвард уже поджидал меня, полностью одетый. Судя по влажным волосам, он успел принять душ. А я в это утро решила волосы не мочить, чтобы не тратить лишние минуты на их сушку, поэтому впервые принимала душ в купальной шапочке, которая, конечно же, тоже присутствовала в моей полностью укомплектованной ванной. Пару секунд я позволила себе полюбоваться Эдвардом — он зачесал назад мокрые волосы, которые от влаги свернулись кольцами, но несколько непослушных завитков всё же упали ему на лоб. В очередной раз подивившись неземной красоте Эдварда, которой я готова была любоваться постоянно, я взяла протянутую мне руку, и мы выбежали из дома.

Когда мы спускались по ступенькам, у меня на мгновение сжалось сердце. Мне вдруг показалось, что я уже никогда больше не вернусь сюда. Но я отогнала эту мысль. Нужно верить в лучшее, тогда оно обязательно произойдёт. Всё будет хорошо. Мы победим, и через несколько часов я вновь переступлю порог этого дома, за последние месяцы ставшего мне родным.

Мы побежали по лесу, и я предложила Эдварду продолжить рассказ. Несмотря на то, что неслись мы на огромной скорости, это совершенно не мешало нам разговаривать.

— Итак, мы расправились с Джеймсом и решили, что всё кончено. Мы, конечно, знали, что у него есть подруга, Виктория, но и представить себе не могли, что она попытается отомстить. Она же понимала, насколько мы сильны, видела, как легко мы расправились с Джеймсом. Её в тот момент рядом не было — поэтому разыскивать её нам и в голову не пришло. Её талант — чувствовать опасность и вовремя уносить ноги. Кстати, последней мыслью Джеймса было: «Виктория была права».

Она уговаривала Джеймса не связываться с нами, поэтому мы и считали, что она для нас не представляет никакой угрозы. Наша вторая ошибка. Мы не учли того, что теперь она уже будет мстить за него. Но она очень хитра и осторожна. Понимая, что своими руками нас не одолеет, она создала армию новорожденных вампиров. И каким-то образом ей удавалось скрывать это от Элис. Мы чувствовали, что в Сиэтле творится что-то странное и страшное. Там в последнее время участились убийства и исчезновения. И один вампир натворить такого не мог. Но мы и представить не могли, что эта армия готовится для нападения на нас. Виктория тщательно скрывала свои планы, пряталась за чьими-то спинами, до последнего не принимала никаких решений. И пока то, что происходило в Сиэтле, не касалось

непосредственно нас — Элис этого и не видела. И только сегодня, когда Виктория натравила новорожденных на нас, Элис всё это увидела.

— А как выглядит эта Виктория? Я хотела бы знать, вдруг доведётся столкнуться в бою. Уж я постараюсь её не упустить?

— Среднего роста, на вид лет двадцать пять, красива, как любой из нас. Но её самая примечательная черта — длинные ярко-рыжие кудри. Их ни с чем не спутаешь.

Я задумалась, припоминая видение Элис. Рыжих я там не заметила.

— Её ведь не было на поляне во время атаки, верно?

— Да, я её там не видел. Наверное, натравив на нас новорожденных, она сама будет держаться в стороне. Но я уверен, что она спрячется где-нибудь неподалёку — надо же ей насладиться своей мстостью.

— А как ей удалось их на вас натравить? И зачем новорожденным с вами воевать? Что им за дело до убитого Джеймса?

— О, нет, Виктория очень хитра. Она сказала им, что Сиэтл — это наша территория, мы придём и убьём их. Поэтому лучше нас опередить и напасть внезапно, в нашем «логове». А если новорожденному сказать, что кто-то покушается на его жизнь или кормушку — другой мотивации для нападения ему уже не нужно. Если б мы только узнали о планах Виктории раньше!

— А что бы вы сделали?

— Да много чего. Могли бы уничтожить новорожденных, пока их было ещё мало, могли выследить саму Викторю. Могли просто переехать — и она бы нас не нашла. Но теперь всё это невозможно. Даже бежать бесполезно — за несколько часов наш запах не выветрится настолько, чтоб любой вампир не мог бы взять след. Странно, что не вмешались Вольгури. Уж они-то не могли не заметить того, что практически в открытую творится в Сиэтле. Виктория создавала новорожденных, но ничему их не учила. В армии, в которой сражался Джаспер, всё было иначе. Создавать новых вампиров не запрещено, но вот ничему их не учить, позволять бесконтрольно убивать — это уже прямое нарушение закона. Вольгури такого обычно не пропускают и не прощают.

— Вольгури? Это у них жил Карлайл какое-то время? Они считают себя кем-то вроде ваших королей, я правильно поняла?

— В общих чертах — да. Не то чтобы королями, но главными среди вампиров они себя точно считают. В чём-то это даже хорошо — они взяли на себя роль карательного органа, и тех, кто нарушил закон, они уничтожают. И этим поддерживают некое подобие порядка.

— Они настолько сильны?

— Да. Во-первых, их много, а во-вторых, среди них есть те, кто наделён даром, очень для них полезным. Есть там одна парочка, Алек и Джейн, близнецы. С их появлением в клане несколько веков назад, для Вольгури больше не страшны никакие армии.

— А в чём их сила?

— Джейн может одним только взглядом причинить дикую, просто ужасающую боль. Любой, по её желанию, будет корчиться и кричать, не в состоянии оказать хоть какое-то сопротивление. Но она может одномоментно вывести из строя только одного противника. Алек ещё страшнее. Нет, больно он не делает, но он может целую армию одновременно лишить всех органов чувств — слуха, зрения, осязания и так далее. И его жертвам остаётся только замереть на месте в ожидании казни, или тыкаться вслепую, безуспешно пытаться спастись. Так что, выпустив на врагов эту парочку, Вольгури могут брать их голыми руками.

— Не хотела бы я с ними встретиться. Впрочем, мне-то их бояться как раз и не нужно. Это они пусть меня бояться! — я кровожадно ухмыльнулась.

— Надеюсь, нам никогда не придётся иметь с ними дело. А уж о тебе им знать вообще не нужно. Ничего хорошего от них ждать не стоит. Аро — он у них главный, — давно мечтает заполучить к себе меня и Элис. В основном, конечно, Элис — никого с таким даром в его клане нет. Но мы останемся со своей семьёй и никогда не променяем родных на сомнительную честь носить чёрный плащ Вольтури.

— У них и униформа есть?

— Что-то в этом роде.

— Забавно. Такое чувство, что они в детстве в солдатиков не наигрались, как Элис в куклы. И теперь понятно, почему она не наигралась — детство у неё отняли. Кстати, ты сказал, что у Вольтури нет таких, как Элис. А такие, как ты, есть?

— Не совсем такие. Аро тоже может читать мысли, но немного не так, как я. Я могу слышать, о чём думают все, кто меня окружает, ну, за одним исключением, а Аро для этого требуется прикосновение. Так что он может прочесть только одного человека, зато не только сиюминутные мысли, а всё сразу. Фактически, он одним прикосновением узнаёт о человеке всё. Или о вампире.

— А если у кого-то амнезия? Может ли он прочесть о ком-то такое, что этот человек и сам о себе не знает?

— Это мне не известно. Я как-то никогда об этом не задумывался. Понимаю, почему тебя это заинтересовало, но, во-первых, Аро вряд ли тебя прочтёт, а во-вторых — лучше будет, если Вольтури вообще не узнают о твоём существовании. Это может быть опасным для тебя.

— Я понимаю. Просто подумалось. Ничего, мне и так неплохо, просто иногда одолевает любопытство. Но это неважно, — пожала я плечами. Интересно, наша болтовня действительно отвлекла Эдварда настолько, что он перестал переживать по поводу сегодняшней битвы, или он просто тщательно это от меня скрывает. Я ведь тоже прячу от него своё волнение, задавая всё больше вопросов и уводя разговор всё дальше от того, чем сегодня заняты все наши мысли. Ладно, надеюсь, что мне удалось как первое, так и второе. Если нет, ничего не поделаешь, я сделала всё, что могла.

В этот момент Эдвард замедлил бег и постепенно остановился. Он осмотрелся и принюхался.

— Пожалуй, здесь подходящее место. Полно оленей. Знаешь, лучше бы тебе забраться на дерево — оттуда будет удобнее наблюдать за всем происходящим.

Угу, и я буду в большей безопасности. Ладно, не стану возражать. Если Эдварду от этого будет спокойнее — могу и на дереве посидеть.

Я быстро вскарабкалась на ближайшую сосну и осмотрелась. Невдалеке паслось небольшое стадо оленей. Нас они пока не заметили — ветер дул от них в нашу сторону. Я сконцентрировала внимание на Эдварде. Он пригнулся и стал бесшумно красться в сторону оленей. Его движения были плавными и выверенными, словно у какого-нибудь хищника семейства кошачьих. Я с удовольствием наблюдала за этим невероятно красивым зрелищем. Вот, приблизившись на нужное расстояние, Эдвард замер, а потом прыгнул. Миг — и он уже ловко повалил самого крупного самца и припал к его шее. Остальное стадо в испуге ломанулось врассыпную.

Через минуту Эдвард отбросил переставшую дёргаться тушу и обернулся, ища меня

глазами на том дереве, где видел в последний раз. Не найдя, взволнованно принялся, задрал голову и обнаружил меня, висящую на ветке прямо над его головой. Я и сама не заметила, как, наблюдая за ним, перемещалась по деревьям, пока не застыла, зачарованная прекрасным зрелищем, повиснув вниз головой на ветке ближайшей сосны. Наши лица оказались в каком-то полуметре друг от друга. Мне показалось, что Эдвард взглянул на меня насторожённо, даже с некоторой опаской, но видя в моих глазах только восхищение и восторг, заметно расслабился. Он стоял, такой прекрасный, ни капельки не растрепавшийся и не испачкавшийся, и улыбался мне. Потом молча вытянул руки, и я, отцепившись от ветки, упала в его объятия.

— Похоже, я напрасно волновался. Ты ничуть не испугалась.

— Ни капельки! Это было здорово! — я вытерла пальцем крошечное пятнышко крови, оставшееся в уголке его губ — единственное, что указывало на только что произошедшее здесь событие. — И ты совсем не испачкался!

— Долгие годы тренировок. И, потом, олени — это даже слишком просто, они вообще не сопротивляются. Но видела бы ты Эммета после охоты на гризли! Ему приходится брать с собой запасную одежду, чтоб не возвращаться домой в лохмотьях.

— Играет с едой? — я иронично приподняла бровь. — Никаких манер!

— Эммет, видимо, пытается найти себе хоть какого-нибудь спарринг-партнёра, раз уж нас подбить на схватку не удаётся. Похоже, он единственный, кто даже рад сегодняшней битве. — Эдвард сокрушённо покачал головой. — Так мечтает померяться силами хоть с кем-нибудь, что не осознаёт, в какой опасности мы все находимся. Он уверен, что мы победим.

— Он не один такой. Я тоже в этом уверена. Я чувствую это вот здесь, — я расцепила руки, которыми обнимала Эдварда за шею и приложила одну из них к груди. — Умом я понимаю, что шансов у нас почти нет, но вот сердце уверяет меня, что всё будет хорошо.

Я снова обняла Эдварда и уткнулась ему в шею.

— Это не может вот так закончиться. Нет, только не сейчас, когда мы нашли друг друга. Не сейчас. Не сейчас... — Тонкая скорлупка моего самообладания дала трещину, и подавляемая растерянность и ужас начали прорываться наружу. Я почувствовала, что меня начинает трясти.

— Тшшш... — Эдвард, не выпуская меня из объятий, присел на поваленный ствол дерева и начал меня покачивать, легонько целуя в волосы, в лоб, в нос. — Ну, вот, только убедил меня, что вместе мы непобедимы, а теперь вдруг сама расклеилась. Всё будет хорошо. Мы вместе. Мы никогда не расстанемся, что бы ни случилось. Даже если...

Он замолчал и тяжело сглотнул. Какое-то время мы сидели молча, замерев, крепко прижавшись друг к другу. Словно стали единым целым.

Через некоторое время я взяла себя в руки и отлипла от Эдварда, хотя мне безумно не хотелось этого делать. Но нельзя тратить то немногое отпущенное нам время на собственное удовольствие. Нужно думать о более важных вещах.

— Ты наелся? Одного оленя достаточно? — меня волновало, не останется ли Эдвард полуголодным.

— Обычно этого бывает вполне достаточно, особенно если я не очень голоден, как, например, сейчас, но кровь не только утоляет голод, в нашем случае — жажду, но и даёт нам силы. Чем больше я выпью крови сейчас, тем сильнее стану на поле боя. Так что, пожалуй, выпью ещё одного-двух оленей, хотя они не очень вкусные.

— Зато полезные! — назидательно проговорила я, решив разрядить обстановку. Не знаю, права ли я или нет, но пусть лучше подкрепится, как следует.

Вспугнутое Эдвардом стадо за это время отбежало на значительное расстояние, но, не чувствуя погони, животные расслабились и остановились. Эдвард попросил меня снова забраться на дерево. Пусть моя кровь не вызывала у вампиров никакого аппетита, но она у меня всё же была. Моё сердце билось, а Эдвард не хотел, чтобы в тот момент, когда им движет исключительно охотничий инстинкт, я была бы слишком близко. Он боялся подвергнуть меня даже самому минимальному риску. И хотя я была абсолютно уверена, что рядом с Эдвардом буду в полной безопасности, но понимала, что так ему будет спокойнее. Ну что ж, он меня любит, поэтому и волнуется за меня, иногда даже слишком. Так почему бы не подыграть ему?

Глава 12. Ужасная правда. Часть 3.

На этот раз я забралась на самую макушку сосны. Олени находились в паре километров от меня, но это совершенно не мешало мне наблюдать за охотой Эдварда. Но, в тот момент, когда он уже был готов прыгнуть на выбранную добычу, порыв ветра донёс до меня посторонний запах. Такого раньше ощущать мне не приходилось. Я развернулась на сто восемьдесят градусов и вдали увидела изящный силуэт огромной кошки, большими прыжками уносящейся прочь. Пума! Как она попала сюда, так далеко от привычных для неё мест обитания? Что привело её в эти края? Этого мне никогда не узнать, да это и не важно. А важно другое — любимое лакомство Эдварда стремительно исчезает на горизонте. Я едва видела её, а моё зрение было таким же острым, как у вампира. Ещё немного — и она исчезнет из поля зрения. Я оглянулась на Эдварда — он как раз припал к шее оленя. Пройдёт ещё пара минут, пока он его выпьет, и этих минут пуме хватит, чтобы скрыться.

Решение было принято мною мгновенно. Ветер, принёсший мне запах пумы, практически сразу сменил направление, так что ориентироваться я могла лишь визуально. Если спущусь на землю — упущу добычу из виду. И я рванула вперёд, прыгая по верхушкам деревьев. Довольно скоро я догнала пуму и теперь мчалась по веткам прямо над ней.

Теперь передо мной встала другая проблема. Я знала, что гораздо сильнее пумы, но я всё же была уязвима. Вдруг она меня оцарапает или укусит? Конечно, исцелюсь я моментально, но если на мне будет хотя бы крошечная царапина — Эдвард страшно расстроится! Его не проведёшь — пусть рана сразу затянется, но кровь успеет появиться, а такое от вампира не скроешь. А уж если пума порвёт мою новенькую, в первый раз надетую чёрную кожаную курточку от какого-то знаменитого дизайнера, купленную за огромные деньги — у Элис будет истерика. Нет, тут нужно действовать хитрее. Я примерилась, рассчитала траекторию пумы и, пролетая над ней, схватила её за основание хвоста и заднюю лапу и, завершив прыжок, со всей силы ударила её головой о ствол дерева. Пума обмякла. Я знала, что она жива, слышала, как бьётся её сердце, но она была в глубокой отключке.

Взяв бесчувственную тушу за шкуру, я потащила её в ту сторону, откуда прибежала. Она была не тяжёлая, но большая, неудобная и волочилась по земле. Поэтому я шла не торопясь — боялась, что если побегу, то просто размажу свою добычу по земле. Тем более что Эдвард уже мчался мне навстречу. Я так и предполагала — не обнаружив меня там, где оставил, он быстро отыскал меня по запаху. Несколько минут — и вот он уже стоит напротив меня. Смесь испуга, недовольства и облегчения ясно читалась на его лице.

С довольной улыбкой я протянула вперёд руку, в которой была зажата холка пумы. В

глазах Эдварда отразился шок.

— Что это?

— Ну, не всё ж тебе для меня готовить. Вот и я на что-то сгодились. Угощайся!

— Это что, для меня? Ты поймала её для меня? — похоже, Эдвард не мог поверить своим глазам.

— А для кого же? Кушай, ты же это любишь. — Я не понимала, почему он медлит.

Эдвард медленно, не сводя с меня испуганных и слегка обалдевших глаз, приблизился ко мне, взял пуму за шкуру и аккуратно положил на землю. Потом буквально рухнул на колени и принялся тщательно осматривать и ощупывать меня с головы до ног. И лишь поняв, что я абсолютно невредима, он, наконец, облегчённо выдохнул и заключил меня в объятия.

— Как же ты меня напугала! — глухо пробормотал он, уткнувшись мне в плечо. Мы словно поменялись местами, и теперь уже я утешающе обнимала его и целовала в макушку.

— Я в порядке. В полном порядке. И это было не сложнее, чем поймать мышонка. Ты же знаешь, какая я сильная.

— Да, знаю. Но всё равно она могла тебя поранить.

— Ха! Я ещё и быстрая! И ловкая! — К чему сейчас лишняя скромность? — У неё не было ни одного шанса.

— Но зачем ты это сделала?

— Как зачем? Ты же говорил, что любишь пум. А она в любой момент могла удрать. Не могла же я упустить такую возможность?

Эдвард внимательно посмотрел в мои недоумевающие глаза, а потом грустно улыбнулся.

— Да, пожалуй, не могла.

В это время пума у наших ног начала шевелиться, постепенно приходя в себя.

— Так ты будешь есть? А то сейчас удерёт.

— Не удерёт. Разве могу я не отвесть такого замечательного блюда, которое ты приготовила для меня своими руками? — кажется, Эдвард действительно пришёл в себя, раз уже мог шутить.

Потом он подхватил с земли слабо сопротивляющуюся пуму и припал к её шее. А я стояла рядом и любовалась. Возможно, я должна была бы испытывать хоть какое-то отвращение или хотя бы неприятие, но нет. Мне очень нравилось смотреть на изящные и ловкие движения Эдварда, нравилось видеть, с каким аппетитом он ест мой подарок. До этого всё было наоборот — он готовил мне, или покупал разные лакомства, но теперь впервые я смогла угостить его. И получала от этого огромное удовольствие.

Вскоре обескровленный труп пумы был отброшен в сторону. Эдвард улыбнулся мне, а потом взглянул на часы.

— Пора. Судя по всему, ждать новорожденных осталось недолго. Нужно отправляться на поляну, к остальным.

Его глаза стали ярко-золотистого цвета. Эдвард был сыт, а значит, полон сил. И, взявшись за руки, мы побежали туда, где наша семья готовилась сражаться за свою жизнь.

Когда мы примчались на поляну, знакомую мне по видению, остальные Каллены уже были там в полном составе. Карлайл и Эммет кружили друг против друга в тренировочном бою. То один, то другой оказывался на земле. Джаспер давал им советы и комментировал действия, на их примере объясняя тактику схватки с новорожденными. В принципе, то же самое уже рассказал мне Эдвард — не нападать в лоб, хитрить, сбивать с толку, запутывать.

И не позволять им применить своё преимущество в силе.

При нашем появлении тренировка прекратилась. Все собрались вокруг нас. Я обвела глазами свою семью. Было видно, что все, кроме Эммета, заранее смирились с поражением и не верят в то, что мы победим или хотя бы просто выживем. Эсми ласково прижала меня к груди и постояла так немного, чуть покачивая меня, словно баюкая. У меня появилось чёткое ощущение, что это было прощание. Потом она подошла к Эдварду и тоже обняла его, а я перешла в объятия Элис. Я заметила, что глаза у всех стали гораздо светлее — что ж, по крайней мере, все сыты. Видимо, наши с Эсми мысли сошлись, потому что, заглянув Эдварду в глаза, она сказала:

— Я вижу, что ты успел подкрепиться. Это хорошо.

— Да, мы как раз пришли сюда сразу после охоты.

— «Мы»? — казалось, она была в шоке. — Ты брал Энжи с собой на охоту? Но это же опасно!

— Он не виноват, я его заставила. Шантажом. И ничуть это не опасно, — я дёрнула плечом, показав полное пренебрежение к этим страхам. — С Эдвардом я была в полной безопасности!

— И тебе не было страшно? Или противно? — вступил в разговор Карлайл.

— Нет. А должно было?

— Энжи поймала для меня пуму.

Это заявление Эдварда ввергло окружающих в шок. Я такой их реакции не понимала. Они же знают, какая я быстрая и сильная, сильнее любого из них. Но почему-то, меня продолжают считать кем-то, требующим особой заботы и постоянной опеки. Интересно, это из-за того, что я считаюсь младшей в семье, или всё дело в крови, текущей в моих жилах? Наверное, и то, и другое в равной степени.

— О, боже, ты же могла пораниться! — Эсми, конечно же, тут же кинулась осматривать меня на предмет возможных травм.

— Ну, Кнопка, ты даёшь! — восхитился Эммет.

— Разве ты сам не мог поймать эту пуму? — удивился Карлайл.

— Энжи заметила её первой. И сама приняла решение.

— Ну, не всё же Эдварду для меня готовить! Теперь я всё время буду ходить с ним на охоту, — уверенно заявила я, даже не подумав согласовать это с тем, кого это непосредственно касалось. Теперь-то уж Эдварду не отвертеться. Все его возможные возражения после сегодняшней охоты отпали сами собой.

Реакция на эти мои слова меня несколько обескуражила. Я ожидала возражений, уверений в опасности этой затеи, и так далее. Но я не рассчитывала, что после моих слов установится прямо-таки мёртвая тишина. Все молча отводили глаза, усиленно разглядывая нечто очень занимательное на земле или по сторонам.

— Что я такого сказала?

— Энжи, — осторожно начал Карлайл. — Боюсь, «всего времени» у нас уже не будет.

— Ничего подобного! Мы не знаем, что нас ждёт в будущем. И если Элис ничего не видит, то вовсе не потому, что мы все обязательно должны погибнуть.

— Но, Энжи, такого раньше со мной ещё не было. Чтобы я вообще ничего не видела.

— Никаких «но»! Не забывай, я тоже могла лицезреть твоё видение, причём в подробностях. И Эдвард тоже. Я уже говорила ему и повторю всем остальным — нашей гибели ты не видела. А значит, ничего определённого знать не можешь.

— Вот и я уверен, что мы надерём этим новорожденным задницы! — Эммет кровожадно ухмыльнулся и заиграл мускулами. — Хотя кто-то со мной согласен.

— Я тоже согласен с Энжи. — Эдвард мягко забрал меня из объятий Элис и прижал к себе. — Ничего ещё не определено. Мы можем погибнуть, но можем и победить. Сделаем всё, что в наших силах. И, похоже, нам уже недолго осталось быть в неизвестности. Они идут. Я слышу их мысли.

Все на секунду замерли, а потом резко засуетились. Каллены прощались друг с другом, я переходила из одних объятий в другие, пока в итоге вновь не оказалась в объятиях Эдварда. Остальные тоже разбились на пары. В какой-то момент я обнаружила, что мы выстроились в ряд, спиной к огромному валуну, размером с пару слонов, не меньше, невесть как оказавшемуся на этой поляне, возможно занесённому сюда ещё в последний ледниковый период. Логично, какая-никакая, а защита спины. И тут я поняла, что передо мной та же картина, что и в утреннем видении. Всё повторяется с точностью до мельчайших деталей.

Эдвард крепко держит меня за руку. Слева от меня — Джаспер и Элис, с другой стороны от Эдварда расположились остальные Каллены. Лица у всех сосредоточены, мышцы напряжены, но мы стоим неподвижно. Напротив нас, из леса, слышно нарастающее рычание, которое очень быстро приближается, становясь всё громче. Мы продолжаем стоять неподвижно. Рычание всё ближе и громче. Эдвард слегка пожимает мне руку и шепчет: «Я люблю тебя, малышка», и в этот момент я их вижу. На невероятной скорости новорожденные выбегают из-за деревьев и мчатся прямо к нам. Их около двух десятков. Я очень чётко вижу их всех. Мужчины и женщины, молодые и средних лет, белые, азиаты, один афроамериканец. Их одежда грязная и потрёпанная, а лица... Лица выражают одну только чистую ненависть. В их красных глазах горит одно желание — убить!

И, когда я вижу эти красные, горящие ненавистью глаза, во мне словно что-то щёлкает. Если до этого у меня была только одна мысль — защитить семью, защитить Эдварда, то теперь к ней добавилась новая — убить! Убить врага! Убить того, кто покусился на самое дорогое, что у меня есть! Раньше я понимала умом, что мне придётся убивать, хотя если бы удалось каким-то чудом избежать кровопролития — я была бы только рада этому. Теперь — нет. Теперь я хотела битвы. Хотела убивать. Те, кто угрожает моей семье, должны быть убиты, уничтожены, разорваны на куски. Они не должны больше существовать. И это чувство у меня не в голове, не разум руководит сейчас мной, а инстинкт. Животный инстинкт, идущий откуда-то из глубины всего моего существа. Я чувствую, как из моего горла вырывается дикий рык, который уже не пугает меня. Я оскаливаю зубы, обнажая клыки, которые вновь стали длинными. Где-то на задворках сознания мелькает мысль, что если мы выживем, то от поцелуя Эдварду уже не отвертеться. Так что мы просто обязаны выжить, я не собираюсь умирать, так и не получив своего первого настоящего поцелуя. С этой мыслью я выдёргиваю руку из руки Эдварда и бросаюсь вперёд, навстречу врагам, и...

И в этот момент что-то происходит. Что-то меняется вокруг меня. Я чувствую, как бешеная энергия, словно накопленная мною за долгое время и скрытая до поры, до времени, волной проходит сквозь меня и вырывается наружу. Но она не исчезает, не покидает меня. Наоборот, она словно бы окутывает меня снаружи, ведёт меня, поддерживает.

Новорожденные, бегущие навстречу, вдруг замедляют бег. Не сразу до меня доходит, что они вовсе не останавливаются, они продолжают двигаться с той же скоростью, вот только я двигаюсь гораздо быстрее. Мне некогда обдумывать, почему это происходит, ведь я вообще-то намного медленнее любого вампира, даже когда «включаются» мои сверхспособности. Я

просто принимаю это как данность, отталкиваюсь от земли и в длинном прыжке лечу навстречу врагам. Спикировав сверху на того, кто бежит впереди, я хватаю его руками за голову, а ногами — за руки. Потом резко дёргаю — и разрываю мерзкое существо на части. Отшвырнув дёргающиеся конечности в сторону, я разворачиваюсь, и направляюсь к другому противнику. Причём, делаю это, не касаясь земли, мой прыжок переходит в полёт, я совершаю вираж и пикирую на нового врага. Мне некогда обдумывать, как у меня это получается, я просто делаю это, и всё.

В голове — только одна мысль, точнее — приказ: «Убей вампира! Защити семью!» Эта фраза кружится в голове, эхом отдаётся во всём теле. Это то, чему я не могу сопротивляться. Это то, для чего я была создана, для чего я живу на этом свете. «Защити семью! Убей вампира!» И я убиваю вампиров. Ношусь над ними, выдёргиваю одного за другим в воздух и рву на части. «Убей вампира!» Это совсем не сложно, один рывок — и всё, очередная угроза моей семье устранена.

«Защити семью!» Я должна их защитить, не подпустить к ним врагов. Кстати, как там они? Отшвырнув очередные части тела, я оборачиваюсь. Часть новорожденных всё же обошла меня с флангов и напала на Калленов. Их немного, и несколько тел уже валяются на земле. Мои родные пока невредимы, но они разошлись слишком далеко друг от друга, а это опасно. Так их сложнее защитить.

Я вижу, как один из вампиров собрался сзади напасть на Эсми. Она не видит угрозу, а Карлайл слишком далеко, чтобы успеть помочь, хотя и бросается к ней. Миг — и я уже рядом. И я, и новорожденный одновременно бросаемся на неё с двух сторон. Но я, конечно, успеваю первой, на лету подхватываю Эсми подмышки, взмываю вверх и, пролетая над врагом, пытавшемся схватить её, ногами отрываю ему голову. Ободряюще улыбаюсь Эсми, но в её глазах вижу только ужас. Этот гад напугал мою маму! Да как он посмел!? Как все они посмели!? Мне казалось, что сильнее разозлить меня уже невозможно, но я ошибалась. Аккуратно опустив Эсми на валун, я с диким рыком, от которого, казалось, содрогнулись деревья, повернулась к остальным сражающимся. В течение пары секунд я выдернула из свалки сначала Элис и Розали, а потом и мужчин, и перенесла их всех на валун, опустив рядом с Эсми. Рыкнув «сидите здесь», я врезалась в оставшуюся толпу.

«Убей вампира!» И я убиваю! Я ношусь по поляне и рву их на части. Эти глупцы продолжают рваться к валуну, к моей семье. «Защити семью!» И я защищаю. Краем глаза поглядываю на Калленов. Они не пытаются сойти с валуна, сбились в кучу и наблюдают за происходящим. Никому не позволю причинить им вред, всех порву! Проходит всего несколько секунд — и на поляне остаётся только горстка недобитых новорожденных. Наконец осознав, что их ждёт, они разворачиваются и пытаются бежать. Не выйдет! Вы упустили свой шанс, теперь вам не уйти! Догоняю и рву их на части. «Убей вампира!» Способ всё тот же, опробованный на моей первой жертве — пикирую сверху, хватаю руками за голову, а ногами за руки возле плеч. Один рывок — и новая кучка дёргающихся останков. Я не задумываюсь о своих действиях, я делаю всё инстинктивно. И это прекрасно работает.

На поляне больше нет ни одного новорожденного. Но я вижу что-то, похожее на пламя, мелькнувшее вдали между деревьями. Очень похоже на рыжие волосы. Виктория! Ну, держись, мерзавка! Поднимаюсь выше и сверху высматриваю удаляющуюся фигурку с ярко-рыжими волосами, развевающимися за её спиной, подобно плащу. Ну уж нет, удрать я ей не позволю. Она хотела смерти моим близким — она умрёт за это! «Защити семью!» Больше у неё не будет возможности навредить моей семье. Никогда!

Я лечу над лесом и быстро настигаю Викторину, потом, ловко лавируя между деревьями, пикирую вниз и разрываю злодейку на части. «Убей вампира!» Я сделала это! Я устранила угрозу, я убила вампиров, я защитила семью. Призывный гул в голове, постоянным рефреном повторявший эти две фразы, затихает. Всё кончено. Мы победили. Не выпуская дёргающихся конечностей, я смотрю на тело, которое корчится на земле. Никакой жалости я не испытываю. Она сама выбрала себе участь. Но оставлять её здесь нельзя, части тела нужно сжечь, иначе они сползутся, сростутся, и Виктория может ожить. Нет уж, этого допустить нельзя. Схватив свободной рукой босую ногу, я вновь поднимаюсь выше крон деревьев, и оглядываюсь по сторонам.

Слева от меня находится поляна, на которой только что закончилась битва, и куда я собираюсь возвращаться. Но какой-то инстинкт заставляет меня посмотреть направо. Там находится небольшая гора, скорее холм, но он возвышается над лесом, и с него можно увидеть всё поле боя как на ладони. И там, на холме, я увидела три фигуры в тёмных плащах с капюшонами, закрывающими головы. Несмотря на расстояние, я ясно разглядела ярко-красные вампирские глаза, сверкавшие из-под капюшонов. Но эти вампиры не принимали участия в нападении, поэтому у меня не было повода их убивать. Поняв, что замечены, фигуры развернулись и исчезли на другой стороне холма. Я пожалала плечами и полетела назад, к своим близким, гордо неся им свой трофей.

Когда я подлетела к поляне, Каллены уже спустились с валуна, но продолжали стоять возле него, сбившись в кучу так, словно опасность никуда не делась. Мужчины заслоняли собой женщин и смотрели настороженно и напряженно, словно готовились вновь вступить в битву. Но с кем? Может, они ещё не поняли, что больше им ничего не угрожает, что все враги уничтожены?

Я бросила в общую кучу останки Викторины, кроме головы, которую продолжала держать за волосы. Пусть видят, что их главный враг повержен и больше никогда не посмеет им навредить. А потом, впервые с того момента, как выпустила руку Эдварда и ринулась в бой, я опустилась на землю. Стоять было как-то странно, непривычно, я как-то по-другому ощущала землю под ногами. Но в последние несколько минут со мной произошло столько странного и непонятного, что я даже не обратила на такую мелочь внимания. Я сделала пару шагов к Калленам и протянула им голову Викторины. А они от меня отшатнулись...

Я ничего не понимала. Да, я расправилась с новорожденными довольно жестоко, но если бы я этого не сделала, они точно так же разделались бы с нами. И я летала. Но и это не повод от меня отшатываться. В своё время даже мои клыки никого особо не напугали. Так в чём же дело?

Я внимательнее посмотрела на лица родных, и увиденное заставило меня в растерянности выронить голову Викторины. На меня смотрели с ужасом. Меня боялись! Но почему? Я же не сделала им ничего плохого. Я их защищала! Так почему же они смотрят на меня так, словно я явилась из преисподней за их душами? В этот момент Карлайл потрясённо прошептал всего одно слово, и моя вселенная рухнула.

— Гаргулья!

Так вот кто я! Вот кто я такая... Неудивительно, что на меня смотрят, как на дьявола. Я хуже. Я страшнее. Я — ночной кошмар вампиров, легендарное чудовище, единственное существо, которого вампиры действительно боялись. Однажды Карлайл рассказал нам старую легенду, услышанную им в то время, когда он жил с Вольгури. Когда-то на земле водились страшные крылатые монстры, которые уничтожали вампиров. Потом они исчезли в

одновременно. С тех пор прошло более тысячи лет, но память о них жива до сих пор.

Неужели я и есть этот самый «крылатый монстр»? Я подняла руку, чтобы пощупать своё лицо, но остановилась, с ужасом её разглядывая. Рука была бледная, как у вампира, с огромными длинными чёрными когтями. Я содрогнулась. Чувствуя, как странно мне стоять, не неудобно, а именно странно, непривычно, я взглянула на свои ноги. Мне захотелось взвыть. Ног не было. Точнее, сами-то ноги были на месте, но вместо ступней было нечто странное, с длинными пальцами, как на руках, и ещё более длинными когтями. Большой палец противопоставлялся остальным. Теперь стало понятно, как я умудрялась хватать врагов ногами — это была практически вторая пара рук. На щиколотках болтались остатки кроссовок, точнее — их верх, подошвы были оторваны начисто.

И тут я вспомнила о самом странном. Я летала. До этого я считала, что эта некая новая моя особенность сродни полётам Супермена. Но вспомнив о «крылатых монстрах», я оглянулась. За моей спиной простирались огромные чёрные кожаные крылья, очень напоминающие крылья летучей мыши. Это стало последней каплей. Я даже не хотела знать, как изменилось моё лицо. Можно было вспомнить чудовищ из фильмов ужасов — и наверняка я окажусь ещё ужаснее. Легенды не зря называли гаргулий монстрами. И не зря именно гаргульями люди называли каменные страшилища, «украшающие» их крыши.

Неудивительно, что Каллены смотрят на меня с таким ужасом. Для вампиров пригреть гаргулью то же самое, что для людей — обнаружить, что их приёмный — вампир. Я не могла винить их за такую реакцию. Я только что продемонстрировала себя с самой ужасной стороны. И неважно, что я защищала их, что защищала свою семью. Это неважно. Я монстр. Я — чудовище. И моя семья меня боится.

Я медленно обвела глазами дорогие мне лица. Карлайл и Эсми — самые замечательные родители на свете. Розали — в последнее время она стала относиться ко мне как настоящая сестра, особенно поняв, что я тоже не могу иметь детей. Джаспер — старший брат, всегда готовый поддержать и помочь. Эммет — брат и соратник по проказам. Элис я не увидела — Джаспер задвинул её за свою спину полностью. Моя семья. Самые дорогие для меня существа на свете. Те, ради которых я отдам всё, пожертвую жизнью, если понадобится. И все те, кто ещё совсем недавно смотрел на меня с любовью, теперь смотрят с ужасом. И винить их за это я не могу.

На Эдварда я не смотрела. Не могла. Если ужас в глазах остальных близких причинял мне сильнейшую боль, то если так на меня посмотрит Эдвард — я просто умру. Нет, я не хочу этого видеть. И я не хочу пугать мою семью. И я не стану больше этого делать!

Медленно и осторожно, стараясь не напугать никого ещё сильнее, я отступила к краю поляны. А потом поднялась в воздух и полетела прочь. Не знаю, куда. Просто подальше от тех, кого я люблю. Больше для меня нет места среди них.

Прощай, Эдвард. Прощай...

Глава 13. Одна... Часть 1.

Я летела, куда глаза глядят, прочь от своей прежней жизни. Вот только эта самая прежняя жизнь совсем не хотела меня отпускать. Пролетев совсем недолго, я вдруг поняла, что покинуть свою семью, а точнее — Эдварда, я не могу физически. Словно наши сердца были связаны невидимым эластичным жгутом, который при разлуке натягивался и сдавливал моё сердце. Оно ныло и тогда, когда Эдвард уезжал на охоту или ещё по каким-то своим делам, когда он отдалялся от меня прежде. Но расстаться с ним совсем для меня было

подобно смерти.

Я замедлила свой стремительный полёт и зависла в воздухе. Потом опустилась на ветку ближайшего же дерева и задумалась. Итак, я монстр, я — чудовище. Я — гаргулья. По-видимому, моя семья никогда больше не захочет меня видеть. Скорее всего, они не смогут считать членом своей семьи того, в ком видят угрозу. Но мои-то чувства не изменились! Я всем сердцем люблю свою семью, я люблю Эдварда. И пусть я не могу больше быть рядом с ними, но и уйти от них я тоже не могу. А вдруг им понадобится помощь? Вдруг появится очередная угроза? А я могу их защитить, теперь-то я это точно знала.

И Эдвард. Как же Эдвард? Я не смогу быть вдали от него. Я должна видеть его хотя бы изредка, хотя бы издалека. Видеть, что он в безопасности, что с ним всё в порядке. Не зря при первой же встрече я почувствовала потребность не только любить, но и защищать его.

Легенды говорят о том, что я — чудовище, убивающее вампиров, а я считала себя защитницей. Нелогично. Я уселась на ветке поудобнее, прислонилась спиной к стволу, закуталась в крылья как в плащ — холода я не чувствовала, но так было уютнее, — и стала рассуждать. Мне нужно было думать о чём-нибудь, занять мозги, чтобы не сойти с ума, вспоминая ужас в глазах близких. Нужно было отвлечься.

Итак, что мне известно? Карлайл лишь однажды упомянул старую легенду о гаргульях. Её можно было бы счесть сказкой, если бы, по его словам, самые старые Вольтури лично не сталкивались с этими существами. Гаргульи выслеживали и уничтожали вампиров в странах Европы: Англии, Шотландии, Франции и ещё нескольких. Именно из-за них Вольтури переехали в Италию. Именно из-за них вампиры стали вести скрытный образ жизни. Не от людей они прятались — что им были люди? Так, подножный корм. А вот «крылатые монстры» — это была реальная угроза. Несколько тысячелетий назад вампиры, появившиеся неизвестно откуда — их история этого не сохранила, — начали бесконтрольно создавать себе подобных, да так, что продолжайся такое и дальше — от человеческой популяции, в то время ещё очень малочисленной, вскоре вообще бы ничего не осталось.

И тогда появились гаргульи. Они буквально смели и уничтожили стаи вампиров, а потом начали выслеживать и убивать тех, кто успел удрать. Выжили единицы, те, что ушли в подполье. Те, кто смог обуздать инстинкт бесконтрольного убийства. Последующие тысячелетия гаргульи властвовали в Европе. Их было немного, но они смогли навести свой порядок, и вампиры с трудом выживали, скрываясь и охотясь только на тех людей, пропажи которых никто бы не заметил. Они привыкли к такому образу жизни, он стал для них нормой выживания, а потом и основным законом. И Вольтури, один из самых древних кланов, старейшины которого чудом выжили в той страшной резне, стали сами следить за исполнением этого закона. Выдать себя, убить на глазах у людей — значит, накликать на себя беду, привлечь гаргулий. А уж те убьют любого вампира, которого разыщут — неважно, нарушил ли он закон, открыто убивая людей, или тихо скрывался в тени, потихоньку питаясь и не привлекая к себе внимание. Гаргульи придут и убьют любого, имеющего красные глаза — другого доказательства вины им не нужно. Красные глаза — и ты уже обвинён, осуждён и казнён.

Я резко выпрямилась. Ну, конечно же! Глаза! У вампиров, питающихся человеческой кровью, глаза красные. А у Калленов, которые людей не трогают — золотисто-карие. Практически такие же, как и у людей. Вот она, разгадка! Гаргульи действительно были защитниками. А защищали они людей. От вампиров. Точнее — от красноглазых вампиров. И если я — гаргулья, то красноглазые вампиры для меня — враги, которых нужно уничтожить.

А кто же для меня Каллены, с их золотистыми «человеческими» глазами? Правильно, люди. Те, кого я должна защищать. Вот почему я знала, что они вампиры, встретив впервые на той поляне. И вот почему я не считала их опасными. Вот почему почувствовала себя защитницей Эдварда при первой же встрече. Генетическая память сильнее любой амнезии.

И что же теперь мне делать? Куда податься? Я не могла вернуться домой, но и покинуть это место была не в силах. Остаётся только одно — остаться здесь и издалека наблюдать за Калленами, охраняя их от всех возможных опасностей. Только где это — «здесь»? Я впервые внимательно огляделась по сторонам, забравшись для этого на самую верхушку сосны. Крылья сами аккуратно и компактно сложились у меня за спиной, напоминая длинный плащ и совершенно не мешая моим передвижениям.

Я осмотрелась, отметив знакомые пейзажи — лес, реку, холмы, город вдалеке, море на горизонте. В той стороне, откуда я прилетела, поднимался столб густого чёрного дыма. Скорее всего, это Каллены жгли останки новорожденных. Не так уж и далеко я улетела. Присмотревшись повнимательнее к изгибам реки, я поняла, что узнаю это место. Я находилась на территории резервации Квилетов, совсем недалеко от того места, где не так давно встречалась с Рыжиком. Вон тот самый берег, где я отмывала от вампирского запаха самодельный ошейник, а вон дерево, в дупле которого я складывала подношения для своего мохнатого друга-оборотня, когда ещё не знала, что он не просто большая бездомная собака. Что ж, не самое плохое место. И Каллены на меня случайно не наткнутся, и у оборотней вряд ли возникнут ко мне претензии, даже если они и обнаружат меня здесь.

Я решила остаться здесь и начать обустриваться. Мне нужно было что-то делать, чем-то себя занять, чтобы не начать в отчаянии кататься по земле, выть и рыдать, раздирая на себе одежду. Кстати, об одежде. Я, наконец, заметила, что моя куртка как-то странно отвисает спереди, когда я наклоняюсь. А ведь совсем недавно она сидела как влитая, красиво облекая фигуру. Решив разобраться, в чём дело, я очень быстро обнаружила, что куртка просто разорвана на спине от шеи до самого низа, и держится на рукавах и чудом уцелевшем воротнике. Сняв её, я поняла, что то же самое произошло и с рубашкой. И лишь надетый под неё топик остался в целостности и сохранности — мои крылья, разорвавшие при своём появлении ту одежду, что закрывала спину целиком, спокойно прошли в отверстие на спине топика, не повредив его. Вот и объяснение очередной моей странности. Вот почему я не хотела, чтобы моя спина была закрыта. А теперь, благодаря этой своей идее-фикс, я не осталась голой по пояс. Хотя я и не собиралась попадаться кому-либо на глаза, да и не мёрзла вообще, но и гольшом разгуливать по лесу я тоже не хотела бы.

Потом я сбросила остатки кроссовок, всё ещё болтающихся на щиколотках. Ничего, похожу босиком, тем более что вместо ног у меня теперь — вторая пара рук, зачем заковывать её в обувь? Остальное тело вроде бы особо не изменилось. Я решила для начала произвести ревизию своего тела. Ну, когти на руках и ногах, длиной около пяти сантиметров, я уже заметила. Такое сложно не заметить. Я провела когтем по стволу сосны и оставила на коре глубокий след без всякого усилия, словно провела ножом по сливочному маслу, час назад вынутому из холодильника. Что ж, ничего удивительного, я этими когтями вампирам головы отрывала, что им какое-то дерево?

Но вот моя кожа меня заинтересовала. Она стала такой же бледной, как у вампиров. Вены под кожей совершенно не просматривались, совсем как у Эдварда. Я попробовала нащупать пульс — и не смогла его найти. Тут до меня дошло, что всё это время я не слышала своего сердцебиения. Раньше я всегда его слышала, но так привыкла к этому равномерному

стуку, что перестала замечать. А сейчас моё сердце больше не билось. Я отмела мелькнувшую было мысль, что у меня просто стал слабее слух — я прекрасно слышала мышку, которая копошилась в своей норке под корнями сосны. Слышала, как какие-то букашки грызут древесину, забравшись под кору. Так что слух у меня даже обострился, хотя и до этого был очень чутким. Единственный возможный вывод — моё сердце перестало биться. Для полной уверенности я куснула себя за палец. Мой клык с трудом, но всё же прокусил кожу. Никакой крови. Просто ямка, того же цвета, что и кожа. Прямо на моих глазах она стала уменьшаться и вскоре исчезла без следа. Это меня не удивило — такое случалось со мной и раньше, а вот отсутствие крови привело в некоторую растерянность.

Не то чтобы я была шокирована — у меня перед глазами были примеры существ, у которых не билось сердце, и не текла кровь, но при этом они были живыми. Но я-то не была вампиром, так почему вдруг стала настолько похожей на них? Не внешне, конечно, разве что цветом кожи, а тем, что постороннему глазу не заметно. Очередная странность. Я уже устала удивляться, на меня напала какая-то апатия. Все свои «нововведения» я воспринимала как данность, просто констатировала изменения, но довольно спокойно. Ничего похожего на тот ужас, что я испытала, когда у меня впервые появились клыки, или ту растерянность и шок, когда впервые «проявились» мои «экстрасенсорные способности», а я ещё не знала, что всего лишь временно перенимаю чей-то дар. Просто констатация факта: да, у меня когти и крылья, исчезла кровь, и остановилось сердце. Ну, так что же теперь делать? Вот такая я необычная, и что? Не вешаться же теперь из-за этого? Тем более что у меня и не получится.

Я всегда подсознательно понимала, что во мне заложено нечто необычное и странное, а возможно, и страшное, то, что рано или поздно прорвётся наружу. И слишком долго боялась своего второго я, слишком много ужасного себе нафантазировала, так что когда это, наконец, произошло, после первоначального шока я испытала что-то, похожее на облегчение. Верно говорят — лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Теперь я знаю, кто я и что я такое, и как бы страшно это ни было — хуже уже не станет. А с тем, что я в итоге получила, вполне можно существовать. К тому же, моя другая ипостась, несмотря на свой ужасный облик, всё же помогла мне спасти моих близких от гибели. Как бы я ни бодрилась утром перед Эдвардом, как бы ни убеждала его, да и себя, что всё будет хорошо, но в глубине души понимала, что шансов у нас практически нет, и спасти нас сможет только чудо. Что ж, это чудо произошло. И мы все живы, целы и невредимы. Так что разлука с семьёй — не самая большая цена за их жизнь. Пускай я не смогу быть с ними рядом, но зато я буду знать, что они в безопасности. И не обратись я в «крылатого монстра», мы все уже были бы мертвы. И в любом случае, я была бы разлучена с Эдвардом, поскольку в загробную жизнь совершенно не верю.

Кстати, об обращении. Это слово натолкнуло меня на мысль, что у меня есть кое-что общее не только с вампирами, но и с оборотнями. Как и у них, у меня два облика, две ипостаси. Вот только оборотни, в отличие от меня, прекрасно умеют управлять своими превращениями, в то время как я представления не имела, как мне вернуть мой привычный облик. Жаль, что я не могу расспросить их об этом, может, им известен какой-то секрет?

Так, с когтями разобрались, с клыками тоже. Теперь — ноги. В целом стопы остались прежними, подъём, пятка и подошва имели обычный вид. Вот только пальцы изменились до неузнаваемости. Я пошевелила ими, сжала «в кулак» — они прекрасно меня слушались. Усевшись поудобнее и прислонившись спиной к стволу для упора, я схватилась ногой за небольшую веточку и отломила её, потом пальцами другой ноги общипала с неё все иголки.

Немного мешали когти, с непривычки они сталкивались между собой, но постепенно я приспособилась и к этому. Это было так забавно, что, несмотря на обстоятельства, совершенно не располагающие к веселью, я захихикала. Постепенно смех перешёл в хохот, а потом во всхлипывания. У меня явно начиналась истерика. Хотелось разрыдаться, но у меня не получалось. Сдавленное горло издавало нечто похожее на всхлипы, но глаза при этом оставались абсолютно сухими. Теперь я поняла, как плачут вампиры. Ещё кое-что общее. Просто невероятно, что именно теперь, когда стёрлись последние различия между нами, я не могла быть рядом со своей семьёй. В отчаянии, я сжалась в комочек, обхватив голову руками, переживая, когда же закончится этот сухой плач.

Постепенно успокоившись, я обнаружила под ладонями нечто непривычное. Пощупав более тщательно, я поняла, что это мои собственные уши. Вот только раза в два больше, чем обычно, оттопыренные и заострённые сверху, как у эльфа. Эти сюрпризы когда-нибудь закончатся? В отчаянии, я несколько раз ударилась затылком о ствол сосны, к которой прижималась спиной. И сломала её. С громким треском макушка отломилась и рухнула вниз, но до земли не долетела, запутавшись в нижних ветвях. Прекрасно! Просто великолепно! Крушу единственный дом, который у меня остался. Решено — лицо своё я трогать не стану. Неизвестно, какой там окажется сюрприз, и как я на негоотреагирую, а мне в этом лесу ещё жить.

Итак, с изменениями в теле я разобралась. Изменения в лице знать не хочу. Осталось одно, но самое важное. Не просто изменение, а скорее уж дополнение, поскольку ничего похожего у меня раньше просто не было. Это мои крылья, в данный момент сложенные за спиной и окутывающие меня чёрным мягким плащом. Впрочем, мне всё сейчас казалось мягким, в том числе и толстая ветка, покрытая бугристой корой, на которой я в данный момент сидела. Я встала в полный рост — теперь мне ничего не мешало это сделать, макушки-то у сосны больше не было. А потом попыталась расправить крылья. Они слушались меня, словно ещё одни руки. Мне не пришлось прилагать каких-то усилий, чтобы ими управлять — это было не сложнее, чем поднять руку или моргнуть. Размер крыльев впечатлял, он был не менее четырёх метров. Слегка взмахнув ими, я поднялась в воздух и, перелетев на соседнее, пока ещё целое дерево, ловко скользнула в крону. Надо же, мне даже не приходилось задумываться, какие совершать движения — всё происходило само собой, инстинктивно. Я вспомнила, как на поле боя, даже ещё не зная о появлении крыльев, а лишь поняв, что могу летать, я перемещалась по своему желанию куда хотела, совершала виражи и кульбиты, ускорялась и замедлялась, поднималась ввысь и опускалась к земле. Точно так же, впервые очнувшись на поляне, я просто встала и пошла, не думая о том, как нужно передвигать ноги, как их ставить, под каким углом сгибать. То же самое происходило и с крыльями — я просто умела летать, вот и всё. И приняла бы это умение с восторгом, если бы оно не стало символом моей второй ипостаси, приведшей, в итоге, к разлуке с дорогими мне людьми.

Чтобы как-то себя занять, я стала обустриваться на новом дереве. Выбрала в кроне местечко погуще, и стала сооружать что-то вроде гнезда. Для этого мне очень пригодилась сломанная мною ранее макушка сосны. Обломав с неё ветки, я стала плести из них нечто вроде доньшка корзины, соединив более толстые как спицы у колеса и проплетая их по кругу более тонкими и гибкими. Получившуюся конструкцию я закрепила в выбранном месте, вплетя в получившуюся площадку ветви дерева. Наконец, убедившись, что конструкция не рухнет и спокойно выдержит мой вес, я устала получившееся гнёздышко

лапником. Возможно, для обычного человека было бы жёстко и колко, но меня это вполне устраивало. Хотя бояться мне было некого, но я всё же не хотела спать на земле. А так — хоть какое-то ощущение дома, хоть гнездо, да моё.

Мне ужасно хотелось увидеть Калленов, узнать, как у них дела, но пока был день, я не решалась покинуть своё убежище и подняться в воздух. Конечно, для вампиров ночь не помеха, но меня могли увидеть и люди, а это было весьма и весьма нежелательно. Не хватало ещё, чтобы какие-нибудь случайные туристы приняли меня за последнего выжившего птеродактиля, сделали бы фотографии и разместили их в интернете. И в Форкс хлынули бы охотники за чудовищами со всего света. А Калленам пришлось бы сниматься с насиженного места, чтобы не быть разоблачёнными. Ведь придут профессиональные охотники за непознанным, а они не просто подмечают любые, даже самые мелкие странности, они ещё и выводы из них делают. Нет, подвергнуть семью такому риску я не могу. Придётся дожидаться темноты.

Я, конечно, могла бы и пешком добежать, но почему-то не хотела оставлять следы. Не хотела, чтобы Каллены поняли, что я где-то здесь, неподалёку. По крайней мере, до тех пор, пока они не поймут, что я никогда не причиню им зла.

Тут я вспомнила о договоре с квилетами и слегка воспряла духом. Возможно, у меня ещё есть шанс наладить контакт с Калленами. Есть шанс вновь увидеться с Эдвардом. Возможно, когда-нибудь, мы сможем сосуществовать по-соседству. Смогли же они заключить перемирие с оборотнями. Но оборотни хотя и являются врагами вампиров, но всё же в целом особой опасности не представляют. Любой вампир легко расправится с оборотнем один на один. А вот я — это нечто другое. Я гораздо страшнее и сильнее даже десятка оборотней. И прежде чем пытаться наладить какой-то контакт с Калленами, я должна буду убедить их в том, что меня бояться не нужно. А это может потребовать времени. Придётся ждать.

И я стала ждать. Это было скучно. Когда я сидела на уроках, то могла, по крайней мере, слушать учителя. Когда я ждала возвращения Эдварда с охоты, в моём распоряжении были книги, телевизор, интернет. Я даже не понимала, насколько нескучной была моя прежняя жизнь. А теперь я сидела одна, в лесу, из развлечений — только возможность пересчитывать иголки на ветках. Я занимала себя, как могла. Сделала что-то вроде навеса над своим гнездом. Выстлала своё ложе листьями папоротника. Используя когти в качестве инструментов, счистила кору с небольшого участка ствола, отполировала его до блеска и выцарапала на ровной поверхности наши с Эдвардом имена, заключив их в сердечко. Украсила это «панно» рамочкой из завитушек. Опять же с помощью когтей, вырезала из куска деревяшки нечто, отдалённо напоминающее кошку. Пока вырезала ей хвост, случайно его отломала. Решила, что пусть тогда это будет медведь, только очень тощий и с плоской мордой. В конце концов, запустила своё творение в ближайшее дерево, об которое оно благополучно разбилось вдребезги.

Судя по положению солнца, день уже клонился к вечеру, когда я, наконец, осознала, что очень проголодалась. Что ж, здесь, в практически диком и безлюдном лесу, у меня есть все шансы не умереть с голоду. Я решила подойти к этому делу серьёзно. Поймать добычу — не проблема, проблема её приготовить. Я вспомнила, как с этим мастерски справился Карлайл при нашей первой встрече. Поскольку в этом месте мне придётся жить ещё долго, я решила всё сделать как надо. На относительно открытом пространстве начертила круг метра три в диаметре, а потом тщательно очистила его от веток и сухой хвои, пока не осталась только

чистая земля. В центре круга выкопала неглубокую ямку. Сбегала к реке, набрала небольших камней, используя для их транспортировки часть крыла, на которое положила камни, как на поднос, и обложила ими место под будущий костёр. Сложила в ямку немного сухой хвои, наломала мелких веток, настругала тонких щепочек. Трением быстро добыла огонь, и вскоре в импровизированном очаге полыхал небольшой костерок. Ещё пара палок-рогулек, воткнутых по бокам и ровная, очищенная от коры ветка в качестве вертела. Вот теперь всё готово, осталось поймать какое-нибудь животное.

Я замерла, закрыла глаза, принялась и прислушалась. И сразу поняла, что это место просто кишит кроликами. Вот и хорошо. Я, конечно, могла бы поймать и оленя, но за один раз мне его не съесть, даже с моим огромным аппетитом, а убивать целого оленя ради половины его ноги я считала неправильным. Сохранить-то мясо я не смогу, оно просто зря пропадёт. А вот кролик как раз подходит. Если не хватит одного — поймаю второго, это для меня не проблема. Учитывая то, как быстро я способна двигаться, мне достаточно будет просто подойти к кролику и взять его, он даже понять ничего не успеет.

Так я и сделала. Подошла к затаившемуся в папоротнике кролику и взяла его за уши. Зверёк даже не сразу попытался вырваться, настолько быстро это произошло. Я держала на вытянутой руке трепыхающуюся зверюшку и думала, как быстрее и безболезненнее её умертвить. Я слышала, как испуганно колотится его сердечко, разгоняя по венам кровь, видела, даже сквозь густую шерсть, биение пульса у него на шее. Этот звук просто завораживал меня. И манил. В следующее мгновение, поудобнее схватив кролика обеими руками, я припала к его горлу ртом, ловко прокусила клыками шерсть и шкуру, и мне в рот хлынула густая, тёплая жидкость. Мммм, как вкусно! Я жадно глотала кровь, текущую мне в горло, чувствуя, как она попадает в мой желудок и успокаивает его голодные спазмы. Через несколько секунд я вытащила зубы из обескровленной, переставшей трепыхаться тушки. И тут до меня дошло, что я только что сделала. Выронив кролика, я буквально рухнула на колени — ноги меня не держали.

Я сидела на земле, глядела на мёртвого кролика и пыталась осмыслить то, что сейчас произошло. Я пила кровь. Высасывала её из живого существа. Я знала, что так делают вампиры, но я-то не вампир! Или всё-таки... Нет, по всем параметрам я — гаргулья. Я полностью соответствую описанию этих существ, ставших легендой. А как их там, собственно, описывают? Страшные, крылатые, сильные. Способные с лёгкостью убивать вампиров. Всё это так, всё совпадает. Но ни в каких легендах не сказано, чем питаются гаргульи. Бьётся ли у них сердце, есть ли кровь? Какого цвета их кожа? Могут ли плакать? Ходят ли они в туалет, в конце-то концов? Потому что с того момента, как мы покинули дом Калленов, я этого ни разу не делала. И не хотела.

Ни на один из этих вопросов легенды ответа не давали. Это были рассказы вампиров, которые сумели удрать во время бойни, лишь издали разглядев своих врагов и палачей. Откуда им могли быть известны все эти подробности? Только внешность, и то без подробностей. А если подумать? Если сравнить? Если проанализировать всё, что я сегодня о себе узнала? В этом случае получается, что гаргульи — это те же вампиры, только уродливые и с крыльями. Все остальные параметры совпадали. Тут я вспомнила кое-что ещё. То, что объединяло меня с вампирами ещё тогда, когда я не была гаргульей. Хромосомы. Двадцать пять пар. Это уже тогда должно было меня насторожить. Но не насторожило. А зря. Похоже, и вампиры, и гаргульи имели общего предка, а потом, возможно в процессе эволюции, и появились все эти различия.

А как быть с тем, что ещё сегодня утром была практически человеком? Вампиры не меняются. А я изменилась, да ещё как! Но всё равно, сходство не могло быть случайным. Вот только всё, что я могу — это принять как данность то, что я не просто гаргулья, а ещё и крылатый вампир. Но вот объяснить это сходство я никак не смогу — не хватает исходных данных. Возможно, когда-нибудь... Но не сейчас.

Глава 13. Одна... Часть 2.

Тут мне в голову пришла мысль, заставившая сначала захихикать от своей абсурдности, а потом глубоко задуматься. Каллены так легко влились в человеческое сообщество потому, что совсем не напоминали тех вампиров, о которых люди рассказывают легенды. Если отбросить святую воду, чеснок, кресты и солнечный свет — то, что якобы может убить вампира, а на самом деле служит лишь для успокоения людей, — то с чем мы останемся? Страшные существа с большими клыками и длинными когтями, порой летающие, как летучая мышь. И при этом пьющие кровь. Но ведь это же практически мой портрет! Так выходит, что в своих легендах люди описывали не тех вампиров, какими были Каллены, а таких, к которым принадлежала я. Вспомнилась фраза, сказанная Элис в тот раз, когда у меня впервые появились клыки: «По стандартным стереотипам это у нас должны вырастать клыки. А они растут у единственного невампира в нашей семье. Ты уверена, что не вампир? Ну, настоящий, из легенд?» До чего же прозорливо. Но тогда мы не придали этому значения. А ведь, если вдуматься, то я действительно оказалась тем самым «вампиром из легенд».

Но ведь по всему выходило, что гаргульи были защитниками людей. Как быть с этим? Или ужасная внешность перевешивала любые добрые дела, и тёмные, суеверные люди наделяли страшное внешне создание страшным же поведением без всяких на то оснований? Снова я могу только предполагать, узнать, что произошло на самом деле, совершенно невозможно. Мне казалось, что моя голова просто распухает от всех этих открытий, рассуждений и предположений.

Ладно, примем как данность, что теперь я могу питаться кровью, причём, похоже, с большим удовольствием. А вот и моё отличие от «обычных» вампиров. Насколько мне известно, своё чувство голода они называют жаждой и описывают как сильное жжение в горле. Я же чувствовала самый обычный, «человеческий» голод. Чувствовала желудком, а не горлом. И кровь кролика показалась мне очень вкусной и сытной, а ведь для Калленов это была самая невкусная еда, даже хуже оленин. Кровь животных давала им силы, но только человеческая кровь могла бы по-настоящему утолить их жажду или доставить удовольствие. Ну, ещё, пожалуй, моя. Удовольствия от неё не было никакого, зато другой плюс был неоспорим. Как всё же странно, что именно моя кровь и мой запах нейтрализовали то самое жжение в горле, которое и отличало их голод от моего.

Это напомнило мне о том, что в холодильнике Карлайла осталось совсем мало пробирок с моей кровью, хватит лишь на неделю, не более. А потом Калленам вновь придётся испытывать мучения, находясь рядом с людьми. А я теперь ничем помочь им не смогу — у меня этой крови больше нет, и неизвестно, появится ли снова? А вдруг моё изменение совсем не такое обратимое, как у оборотней, вдруг я останусь такой навсегда, как бабочка, выбравшаяся из кокона, уже никогда вновь не станет гусеницей? Что я тогда буду делать?

Да ничего. Жить дальше. Налаживать контакт с Калленами и продолжать охранять их. Наверное, им придётся сообщить в школе, что мне пришлось внезапно уехать. Что ж, в таком

виде мне туда точно путь заказан.

Я встала с земли, взяла тушку кролика и направилась к костру. Подтащив поближе оставшуюся без веток макушку сосны, которую раньше отломала, я уселась на неё и стала размышлять, что мне делать со своей добычей. Конечно, я легко могла бы освежевать его с помощью когтей, а потом зажарить, только вот мне этого совсем не хотелось. Мысли о жареном мясе совсем не вызывали у меня аппетита. Я стала представлять себе яичницу с беконом, шкворчащую на сковороде, гамбургеры, пиццу, шоколадные батончики, мороженое, сладкую вату — словом всё то, что раньше я просто обожала и поглощала в огромных количествах. Мне ничего этого не хотелось. Совсем. И дело даже не в том, что я уже насытилась кровью — как бы сыта я ни была прежде, для лакомств у меня всегда находилось и желание, и местечко в желудке. Я просто ничего из этого больше не считала съедобным. Печально. Лишиться одного из главных удовольствий моей прежней жизни — есть от чего грустить. С другой стороны — возможно, в этом есть и свои плюсы. Я ведь не могла всего этого раздобыть здесь, в лесу. И мой рацион ограничился бы жареным мясом и, возможно, рыбой. А привыкнув к разнообразному меню, мне было бы сложновато сидеть на такой диете. Но теперь это уже неважно. Теперь я могу и хочу питаться только кровью, значит, так тому и быть. У меня уже не осталось моральных сил переживать ещё и из-за этого. К тому же, не факт, что даже захоти я поесть мяса, смогла бы жевать его, с моими-то клыками. Пока мне не приходилось разговаривать или есть — они мне не мешали. Значит, всё оправдано — не могу есть, но зато могу пить, всё правильно и логично.

Тут я вспомнила фразу, брошенную мною Калленам в пылу битвы: «Сидите здесь». Сейчас, вспоминая тот случай, я вдруг отчётливо поняла, что говорить мне клыки совершенно не мешали. А как же случай с их первым появлением? С каким трудом я тогда выдавливала из себя фразы, вызывая бурное веселье у Эммета. В чём же разница? Может, в том, что тогда я обратилась не полностью, и клыки совсем не соответствовали моему «человеческому» облику? А может, на поле боя я просто не задумывалась о том, помешают ли мне клыки разговаривать или нет, а просто произнесла фразу, и у меня всё получилось. Или оба предположения верны. Надеюсь, что так, ведь если я так и останусь гаргулей — мне придётся именно в этом виде общаться с Калленами, и не хотелось бы делать это жестами.

Отведя глаза от почти потухшего костра, я поняла, что уже практически ночь. Для меня всё было видно, как днём, но на небе уже появились звёзды. Пора. Закидав землёй тлеющие угли, я, прихватив кролика, вышла на открытое пространство на берегу реки, расправила крылья и взлетела. Пролетев около километра, я выбросила тушку. Возможно, она станет ужином для какой-нибудь лисицы или совы, а если нет — то просто не будет вонять возле моего нового «дома».

Приближаясь к дому Калленов, я спустилась ниже и полетела практически вровень с кронами деревьев так, что мой силуэт невозможно было увидеть со стороны. Когда дом был уже хорошо виден, и я, своим обострившимся зрением могла свободно видеть фигурки людей в помещении, я опустила на ветку высокой сосны, и уселась, прислонившись спиной к стволу. Ногами я отломала несколько небольших веток, загораживающих мне обзор. Саму же меня вряд ли разглядели бы даже зоркие вампирские глаза, если, конечно, не знать, куда именно нужно смотреть. Но откуда им знать? Очень удобно, что задняя стена дома целиком стеклянная. Со своего наблюдательного пункта я хорошо могла видеть, что происходит внутри.

А происходило там... ничего. Во всём доме находились только Карлайл и Эсми. Оба сидели на диване в гостиной, молча глядя на стол. На таком расстоянии я не могла разглядеть, что именно привлекло их внимание. Я подтянула к себе ноги, положила подбородок на колени, вцепилась когтями ног в кору дерева для устойчивости и приготовилась ждать. Как ни странно, спать мне совсем не хотелось. Хотя день был весьма насыщен событиями и утомителен, и я очень устала морально, но мой организм был бодр, словно я только что проснулась после ночи полноценного и крепкого сна. Что ж, это даже хорошо. Отоспаться я смогу и днём, а пока я буду наблюдать.

Довольно долго ничего не происходило. Потом раздался еле слышный телефонный звонок. Карлайл быстро взял со стола трубку и поднёс к уху. Так вот на чём они были так сосредоточены — ждали звонка. Молча выслушав короткое сообщение, Карлайл положил трубку, потом тяжело вздохнув, отрицательно покачал головой. Эсми уткнулась в его плечо, было ясно, что она чем-то сильно расстроена, а Карлайл ласково гладил её по волосам и что-то негромко говорил, видимо успокаивал. Сам он тоже выглядел печальным. На таком расстоянии я не могла расслышать его слов, поэтому не могла узнать, что именно так их расстроило. Жаль, что я не могу подобраться ближе — меня могут обнаружить.

Так прошла практически вся ночь. Большую часть времени Карлайл и Эсми сидели, глядя на телефон. Иногда кто-нибудь из них начинал в нетерпении расхаживать по комнате или вставал у окна, вглядываясь вдаль — в этом случае я старалась не двигаться и даже не дышать, хотя это уж точно было лишним. Время от времени звонил телефон, но известия каждый раз были неутешительными, судя по тому, как расстраивалась Эсми. Я догадывалась, что звонят «младшие» Каллены, но где они сейчас находятся и чем занимаются, узнать не могла.

Наконец ночь пошла на убыль. Звёзды практически совсем померкли, на востоке небо стало алеть, претворяя рассвет. Пора улетать. Но я не могла сделать этого, не узнав, где же Эдвард, поэтому оттягивала свой уход до последнего. В конце концов, смогу и пешком уйти, если надо, не обязательно же лететь. И вот, когда я уже практически отчаялась, к дому подъехала машина Розали. Она и Эммет не успели войти в дом, как Эсми уже выбежала им навстречу. Я бы многое отдала, чтобы узнать, о чём они говорили, но увы. Я была слишком далеко. Вновь прибывшие тоже явно были чем-то подавлены, они вошли в дом и уже вчетвером стали ждать известий. Эммет расхаживал вдоль стеклянной стены, остальные вновь уселись на диван. Через какое-то время на «мерседесе» Карлайла вернулись Элис и Джаспер. Всё повторилось. Теперь не хватало только Эдварда. Телефон больше не звонил, но все продолжали сидеть возле него. Или расхаживать по комнате, но тоже рядом. И наконец, когда окончательно рассвело, на подъездной дороге появился серебристый «вольво».

Эдвард! Он вернулся! Я воспрянула духом и едва не кинулась к нему навстречу, но вовремя опомнилась. Нет, не в этом виде. Не сейчас, пока память о моей расправе над новорожденными ещё слишком свежа. Не таким чудовищем. Я вцепилась когтями в сосну. Нет! Нельзя!!! Мне хотелось завывать от того, что я не могу просто подойти к Эдварду, как раньше, заговорить, обнять. Это было больно, очень больно.

Эдвард вышел из машины. Он казался ещё более подавленным, чем остальные, если это возможно. Эсми, так же выбежавшая к нему навстречу, ни о чём его не спрашивала, просто молча обняла. Некоторое время они простояли, обнявшись, потом зашли в дом. После этого уже никто не сидел возле телефона — ждать звонка было больше не от кого. Все

разбрелись по своим комнатам приводить себя в порядок. Я заметила, что на всех была та же одежда, что и на поле боя, значит, с тех пор никто не переодевался. Через некоторое время, переодевшись, все вышли из дома. У младших в руках были сумки с учебниками. Значит, едут в школу. Карлайл о чём-то поговорил с Эдвардом, потом сел в свою машину и уехал. Я вспомнила, что на этой неделе он работает в дневную смену. Остальные загрузились в «вольво» Эдварда и тоже уехали. Теперь, когда меня не было, им уже не нужно было брать две машины, они помещались в одной. Когда машина ушла в точку на горизонте, я поняла, что пора уходить. Больше ждать было нечего.

И я направилась к своему «новому дому», оставив за спиной старый. Поскольку утро давно наступило, и всюду светило солнце, я летела ниже вершук деревьев, что бы ни один случайный наблюдатель не смог меня заметить. Как оказалось, я могу и это — маневрировать в ограниченном пространстве между деревьями, иногда проскальзывая практически в щели, разворачиваясь так, что мои крылья располагались вертикально или на мгновение складывая их за спиной. И всё это не снижая скорости. Восторг от полёта несколько притушил моё отчаяние, но совсем немного. Нескоро ещё я смогу по-настоящему веселиться. Возможно, уже больше никогда.

Вернувшись к «своему» дереву, я решила перекусить перед сном, всё же с момента последней трапезы прошло около двенадцати часов. Поймав пару кроликов, я ловко выпила их кровь, не испытывая при этом никаких отрицательных эмоций. Останься я прежней — всё равно бы съела их, предварительно заживив. Так какая разница, что именно из составляющих частей кролика я употребляю в пищу? Когда первый шок прошёл, я перестала видеть в этом что-то неправильная. Я такая, какая есть, и питаюсь тем, чем могу. И незачем переживать по этому поводу. Тушки кроликов я похоронила в неглубокой ямке, которую легко вырыла в неутоптанной лесной земле. И не из-за каких-то там сентиментальных соображений, а просто чтобы не воняли. Потом взлетела в своё гнездо и улеглась спать.

Я устроилась поудобнее, подложив под голову разорванную рубашку, в которую завернула большой сноп папоротника. Получилась неплохая подушка. Одно крыло я подстелила под себя, другим укуталась, как одеялом — так создавалось некое подобие уюта. Практически всю мою жизнь, которую я помнила, я спала на груди Эдварда, и теперь мне ужасно не хватало его ласковых объятий. Повертевшись немного, устраиваясь поудобнее, я закрыла глаза и расслабилась.

Я честно пролежала с закрытыми глазами около часа, пока, наконец, не признала очевидное — спать я теперь тоже не могу. Просто невероятно, насколько же я теперь походила на Калленов. Открыв глаза, я перевернулась на спину, подложила руки под голову и стала рассматривать узор, образованный ветвями сосны, из которых я соорудила навес над гнездом. Какие ещё особенности были у вампиров? Первое, что я вспомнила — им не нужно дышать. Я затаила дыхание и стала считать секунды. Прошло пять минут, потом пятнадцать, потом тридцать — мой предыдущий рекорд. В тот раз я с величайшим трудом вытерпела эти минуты, просто хотела дотянуть до ровного числа. А потом ещё долго хватала ртом воздух, слушая, как перепуганный Эдвард выговаривает мне за подобное ребячество. По сравнению с самым долгим человеческим рекордом это было великолепно, по сравнению с возможностями вампиров — всего лишь миг. Но теперь, даже спустя полчаса, я не испытывала никакой необходимости наполнить лёгкие воздухом, насытить кровь кислородом. Потому что крови у меня больше не было, насыщать было нечего. Через час мне надоело лежать, не чувствуя запахов, поэтому я плюнула на эксперимент и снова стала

дышать. Так привычнее и приятнее. Теперь я сама, на своей шкуре, испытала то, о чём раньше только слышала от Карлайла.

Итак, поспать не получится. И чем же мне занять день до того времени, когда я вновь смогу увидеть Эдварда? Я решила лучше исследовать окрестности. Гуляла, залезала на деревья, прыгала по веткам. Соорудив из остатков куртки нечто вроде набедренной повязки, выстирала в реке джинсы и трусики. Потом, натянув мокрые трусики, искупалась сама — всё же охота, бой и почти сутки в лесу не сделали меня чище. Хотя на несколько километров вокруг не было ни одного разумного создания — я не могла плавать гольшом. Топик пришлось стирать прямо на себе — как его снять, не разорвав, я не имела ни малейшего представления. И что я буду делать, если он порвётся — тоже. Ладно, буду решать проблемы по мере их поступления.

Я довольно долго плескалась в воде, ловила рыбок и отпускала их на волю, искала на дне красивые камушки. Иногда способность не дышать бывает очень полезна. Может, когда-нибудь позже, я даже поплаваю в океане. Но не сейчас. Я не совсем освоилась со своей новой жизнью и местом в мире. Не стоит делать слишком резких движений, хватит мне пока и реки. Потом я сидела на берегу, обсыхая, ждала, когда высохнут джинсы и волосы. Расчёски у меня не было, пришлось воспользоваться когтями. Я заплела косичку и завязала шнурком от кроссовок — так волосы меньше путались.

Пару раз я ловила кроликов и перекусывала. В этом я увидела ещё одно отличие от Калленов: они могли охотиться раз в неделю, но при этом выпивали огромное количество крови, убив двух-трёх оленей, например, или огромного гризли. Я вполне насыщалась кроликом, вот только есть мне приходилось по несколько раз в день. Возможно, это просто моя человеческая привычка, а может — особенность физиологии, не знаю. В любом случае, мне повезло, что вокруг столько кроликов, иначе у меня могли возникнуть проблемы.

День неторопливо двигался к вечеру. Я сидела на берегу реки и кидала в воду камушки, наблюдая за расходящимися кругами. И хотя моё тело было бодро и полно сил, я устала. Очень устала. Морально вымоталась совершенно. Столько изменений произошло в моей жизни за последние сутки, столько переживаний обрушилось на мою несчастную уродливую головушку. И не было возможности хоть ненадолго уйти от действительности, забывшись сном. А так хотелось.

Лица своего я так и не увидела. Стирая и купаясь, я прилагала все усилия, чтобы случайно не увидеть своего отражения, специально баламутя воду. И я не трогала своё лицо, даже умываясь. Просто взяла край крыла, намочила и повозила им по лицу. Нашупать при этом я ничего не могла, да и не хотела. Пусть я теперь уродлива и безобразна, но мне совершенно не хотелось в этом убеждаться. Достаточно было вспомнить морды гаргулий на карнизах старинных домов. Нет, такой правды о себе я знать точно не хотела.

На этот раз я не стала ждать наступления ночи. Как только начало слегка смеркаться, я вновь отправилась к дому Калленов. Ведь теперь я знала, что могу скрытно летать по лесу, никем не замеченная. Лишь на подлёте к своему наблюдательному пункту я опустилась на землю и оставшиеся несколько десятков метров прошла пешком. Потом залезла на дерево, уже привычно устроилась на ветке и стала ждать.

Ночь настала и прошла точно так же, как и предыдущая. Снова Карлайл и Эсми сидели дома, ожидая звонка от отсутствующих детей, снова получали какие-то неутешительные известия, снова младшие Каллены вернулись домой лишь под утро, только чтобы переодеться и отправиться в школу. Я терялась в догадках, куда они ездят и чем так

расстроены? Мне так хотелось быть рядом с ними, поддерживать, утешать, подбодрить их, как я делала перед битвой. Если бы ещё быть абсолютно уверенной, что это не какая-то новая, грозящая им беда. Что-то происходит, но я не могу понять — что именно. Что ж, значит, буду наблюдать. И охранять. От любой грозящей им опасности, от любых врагов.

Времени у меня было много, поэтому я принялась размышлять — что или кто может заставить Калленов волноваться? Ну, кроме меня. Надеюсь, они всё же поняли, что никакой опасности для них я не представляю. А кто ещё? Возможно, Вольтури. Эдвард упоминал, что они мечтают заполучить его и Элис, но они не променяют семью на статусные плащи. Плащи!!! Так вот кто были те наблюдатели на холме. И как я сразу об этом не подумала. Хотя, в последнее время мне и так хватало поводов для дум, не до плащей было. Получается, что Вольтури всё же заинтересовались новорожденными. Но почему же тогда не вмешались? Не уничтожили их? Просто стояли и наблюдали, как будут гибнуть Каллены. Зря я их тогда не пришлёпнула.

И тут меня пронзила новая мысль. Вольтури теперь знают всё. Они должны были догадаться, кто я такая, ведь не слышать легенды о гаргульях они не могли. А вот хорошо это или плохо — большой вопрос. С одной стороны, им теперь известно, что Калленов есть, кому защитить. Но с другой — по словам Эдварда, Вольтури только и ждут любого повода расправиться с моей семьёй. А общение со злейшим врагом — чем не повод? Значит, теперь мне нужно быть вдвойне внимательнее.

Я дождалась возвращения младших Калленов и их отъезда в школу. Потом вернулась «домой», чтобы снова прилететь сюда ближе к вечеру. Следующие два дня прошли точно так же, как и предыдущие — ничего не менялось. Я, чем могла, занимала себя днём, а ночи проводила на своём наблюдательном пункте. Для чего я соорудила себе спальное место — непонятно. Ну, я же не знала, что поспать мне теперь не удастся. Но я использовала его для хранения всяких «сувениров» — красивых шишек, кособоких браслетиков из травы, фигурок, грубо вырезанных из дерева, в общем, всего того, чем я пыталась занять свои руки в минуты ожидания.

Шла четвёртая ночь моих наблюдений. В этот раз кое-что, к моей радости, изменилось. Ребята вернулись домой гораздо раньше и какое-то время сидели и общались в гостиной, а потом, когда самым последним вернулся Эдвард, постепенно разошлись по своим комнатам. Эдвард остался. Какое-то время он сидел, спрятав лицо в ладонях. Конечно, я была слишком далеко, и не могла видеть выражение лица Эдварда, даже не будь оно закрыто, но его поза было весьма красноречива. Вся его сторбленная фигура излучала такое отчаяние, что у меня сдавило горло. Если бы я всё ещё могла плакать — точно разревелась бы. Мне безумно хотелось подойти, обнять его, утешить, но я не имела на это права. Я только его напугаю, и ничем не помогу. Поэтому я просто сидела и любовалась им. Мне так хотелось, чтобы остаток этой ночи длился бесконечно, чтобы я могла ещё долго смотреть на Эдварда. В последнее время мне это удавалось слишком редко.

Но тут Эдвард встал. Я расстроилась, думая, что теперь он соберётся и уйдёт в школу. И я снова долго его не увижу. Но Эдварда подошёл к роялю. Сначала он какое-то время просто сидел, положив пальцы на клавиши, а потом заиграл. Мелодия была совсем тихой, и я её не слышала. От обиды мне захотелось взвыть, но тут музыка стала громче. Это была очень печальная мелодия, но при этом очень, очень красивая. Я вся обратилась в слух, наслаждаясь едва слышными звуками. Даже закрыла глаза, чтобы ничего не отвлекало. Чудесная мелодия словно обнимала и баюкала меня, такая прекрасная. Я печально улыбнулась и поплыла на

волнах восхитительных звуков. А потом я услышала голос Эдварда:

— Потанцуй со мной, Энжи.

Я открыла глаза и увидела его, такого прекрасного, стоящего на соседней ветке. Он улыбался и протягивал мне руку. Я даже не заметила, как он оказался так близко.

— Потанцуй со мной, Энжи. Я давно об этом мечтал.

Я тоже об этом мечтала. О том, как Эдвард заключит меня в объятия, и мы закружимся в вальсе. И вот теперь моя мечта сбылась. Не раздумывая, я шагнула к нему и...

И очнулась от сильной боли. Не сразу я поняла, что лежу на земле рядом с сосной, которая последние четыре дня была моим наблюдательным пунктом. Из рваной раны на предплечье льётся кровь, нога сильно болит и вывернута под странным углом. И никакого Эдварда рядом.

Поскуливая больше от разочарования, чем от боли, я осторожно села и целой рукой выправила сломанную ногу. А потом сидела, наблюдая, как сначала исчезают ссадины и мелкие царапины, покрывающие почти всё моё тело, а потом закрывается большая рана на руке и срывается кость ноги. Спустя полминуты я, уже абсолютно целая, правда, перемазанная кровью, встала и огляделась. Потом задрала голову и, наконец, поняла, что случилось. Я свалилась с дерева. Падая, я своим телом сломала несколько больших веток, об одну из которых и разодрала руку. Да уж, всё же хорошо, что я не человек — иначе такое падение стало бы для меня летальным. Но почему я упала? И где же Эдварда?

И тут до меня дошло. Кровь. У меня снова есть кровь! И я снова уязвима. Я поднесла руки к лицу — никаких когтей. Нормальные человеческие руки. И ноги тоже. Уже понимая, что произошло, я ощупала спину. Конечно же, никаких крыльев. Я снова стала собой. Ну, прежней собой. И с дерева я упала, потому что заснула! Значит, Эдвард мне просто приснился.

Но как это произошло? Почему я сумела вновь вернуть свой прежний облик? И, главное, как я это сделала? Ответов пока не было. Я слегка покачнулась и упёрлась рукой в ствол дерева. Перед глазами всё расплывалось. Что со мной? И тут я зевнула. Широко, от души. Ну, конечно же! Я просто хочу спать. Раз я — это снова я, то и привычки у меня прежние. И одна из моих «вредных привычек» — спать по ночам. А сейчас уже практически утро — не удивительно, что меня просто сбивает с ног. А если учесть, что я не спала почти четверо суток — странно, что я вообще могу держать глаза открытыми.

Так, ладно, все вопросы потом. Завтра я всё обдумаю. Точнее, уже сегодня. А теперь — спать!

Через несколько минут я залезла в своё гнездышко, — как всё же славно, что я его сделала, — свернулась калачиком, и в следующую секунду уже крепко спала.

Глава 14. Договор. Часть 1.

«Где ты? Отзовись!»

Мой кошмар вернулся. Я вновь окружена голосами, которые непрерывно зовут меня, и снова не могу им ответить. Но на этот раз голоса звучат по-другому. В них больше нет отчаяния, они полны радости, даже ликования.

«Ты жива! Жива! Но почему не отзываешься? Где ты? Где же ты?»

Я словно за непроницаемой стеной, которая окружает меня со всех сторон. Я слышу голоса, они зовут меня вновь и вновь, но сама я словно скована по рукам и ногам. Я не могу пошевелиться, чтобы сломать эту стену. Не могу закричать, чтобы меня услышали. И нет

никого рядом, кто обнял бы меня и прогнал этот сон.

«Ответь же! Ответь. Пожалуйста!»

«Где ты? Где же ты?!»

От голосов нет спасения. Они окружают меня, и зовут, зовут. Я готова на что угодно, только чтобы они оставили меня в покое. Готова сказать, где я, готова откликнуться. Но не могу. Не могу!!! Что-то мешает мне, удерживает. Я чувствую себя ужасно беспомощной, и от этого мне становится страшно. Голоса не пугают меня, просто мешают, шумят, зовут, требуют, но не пугают. А вот моя беспомощность приводит в ужас. И пока голоса зовут меня, это чувство не исчезнет.

«Отзовись. Отзовись. Отзовись!!!»

На этот раз я не плачу. Я злюсь. Хватит меня мучить. Я не могу вам ответить. Отстаньте, наконец, от меня! Оставьте меня в покое!

— Хватит! — кричу я, что было сил. Мне удалось это крикнуть. Одновременно с этим я резко рвусь из своих невидимых пут. И понимаю, что мне и это тоже удалось. Я вырвалась! И, как оказалось, не только из оков кошмара, но и просто из объятий сна. Я сижу в своём гнездышке, тяжело дыша и зажимая ладонями уши.

Уже давно наступило утро. Но, судя по всему, до обеда ещё далеко. Не так уж и много я проспала, ведь я бодрствовала почти до рассвета, пока не задремала под музыку Эдварда.

Кстати, а как мне это удалось? Точнее, как мне вообще удалось вернуть свой прежний облик? Неужели достаточно было просто расслабиться и впервые за четверо суток перестать переживать из-за своей новой сущности? Ведь что бы я ни делала, о чём бы ни думала, эта мысль: «Я — чудовище!» не отпускала меня ни на мгновение. Неважно, чем я занималась. Я пила кровь кролика — потому, что я чудовище, кровопийца. Я плескалась в реке и ловила рыбок — мне это легко удавалось, потому, что я могу не дышать под водой, ведь чудовища не дышат! Даже наблюдая за своей семьёй, я понимала, что я не рядом с ними потому... и так далее. Постоянно и непрерывно, эта мысль рефреном билась в моей голове, отходя на задний план, но не исчезая ни на миг. И лишь однажды я перестала об этом думать. Я просто расслабилась под музыку Эдварда и наслаждалась ею без всяких задних мыслей. И этого хватило. Я — это снова я. Вот так просто. Как жаль, что я не знала этого раньше.

А вдруг это не так? Вдруг я выдаю желаемое за действительное? А если я вообще не могу это контролировать, и превращения происходят сами по себе? Как у оборотней? Не квилетских, а тех, других, из легенд? Вдруг вчера была какая-нибудь необходимая фаза луны, или нужная температура воздуха, или звёзды сложились по-особому? Как узнать? Как проверить?

Я не знаю. Сейчас я — в образе человека, но долго ли это продлится? Как скоро на волю снова вырвется гаргулья? В прошлый раз я продержалась более двух месяцев, если не считать инцидента с клыками. Может, и в этот раз смогу столько продержаться? Посмотрим. А пока я с наслаждением слушала стук своего сердца. Как же мне не хватало его последние дни!

В животе громко заурчало. Перед глазами возник образ жарящегося над костром кролика. Жареное мясо, сочное, ароматное, роняющее в костёр капли жира, которые с шипением испаряются, падая на угли. Мммм... Я сглотнула слюну и облизнулась. Мясо! Я не ела его четыре дня, но теперь, наконец-то, моя вынужденная диета закончится.

Я быстро развела костёр — ведь даже в своей «человеческой» ипостаси я была лишь немного медленнее вампира, и добыть огонь трением для меня проблемы не составило. Потом отправилась на охоту. Через полминуты я уже возвращалась к костру, неся очередного

кролика. Держа его за уши, я уселась на землю и стала обдумывать, с чего начать. Пожалуй, для начала, нужно будет свернуть ему шею, чтоб не мучился, а потом содрать с него шкурку и выпотрошить. Вот только чем? Ногти у меня вновь стали прежними, короткими. Хотя они и очень крепкие, но в качестве ножей не годятся совершенно. Зубы? Они, конечно, очень острые, но впиваться в сырое мясо? Бррр... Вот ведь невезенье! Когда у меня под рукой были прекрасные разделочные инструменты в виде когтей, мне совершенно не нужно было кого-то разделять. А теперь, когда они мне так нужны — их нет. Эх, а как было бы здорово, если бы я могла по желанию выпускать их и убирать. Раз — и я гаргулья, разделяю своими когтями кролика, два — и я вновь человек, наслаждаюсь жареным мясом. Но я же не могу просто сказать: «Хочу стать гаргульей!»...

В этот момент мои рассуждения прервал мой же дикий, перепуганный взвизг, а кролик вырвался из ослабевшей руки и удрал в заросли. Я даже не дёрнулась в его сторону. Даже не заметила его бегства. Я в шоке смотрела на свою руку. Бледную, с длинными чёрными когтями. Теми самыми, о которых я мечтала секунду назад.

Так, успокойся, успокойся, Энжи. Это ещё не конец света. Кончай истерить и подумай — почему это произошло? Внутренний голос орал на меня, свернувшуюся клубочком и скулящую от жестокой насмешки судьбы. Ну, вот, пожелала на свою голову. Накаркала!!!

Стоп! Пожелала?! Я мгновенно перестала выть и подняла голову, задумавшись. А что, если именно в этом всё дело? Я захотела стать гаргульей, как в своё время захотела вести машину, играть на рояле или говорить на французском. Мои забытые навыки возвращались, когда были мне нужны. А что, если и здесь действует тот же принцип?

Я несколько раз глубоко вздохнула, с шумом выпустив воздух через рот. Это вроде бы помогает расслабиться. Теперь я должна захотеть вновь стать человеком. Я закрыла глаза и представила, как мои крылья, клыки и когти втягиваются и исчезают, как на моих щеках снова появляется румянец, как начинает стучать моё сердце. Я ничего не почувствовала, никаких изменений, но я кое-что услышала. Очень знакомый звук, которому я безумно обрадовалась. Ровный, негромкий, ритмичный стук. Моё сердце! Я распахнула глаза и поднесла к лицу руку с короткими ногтями. Получилось! У меня получилось!!! Всё оказалось совсем просто. Расслабиться, захотеть и представить — вот и вся премудрость. Я рухнула на землю, и стала кататься по ней, хохоча и дрыгая ногами, давая выход своему восторгу.

Немного успокоившись, я решила закрепить успех. С внутренним содроганием, я всё же решилась на эксперимент, причём на этот раз с открытыми глазами. И с любопытством наблюдала, как за доли секунды моя рука побледнела, а ногти превратились в когти. Человеческому взгляду сам процесс было бы не разглядеть, но я всё прекрасно видела. Это было изумительно, лучше любого киношного спецэффекта. Потом я меняла свою ипостась, наблюдая за ногами. Прикольно! Там росли не только когти, но и пальцы, а потом, по моей мысленной команде, снова уменьшались. Жаль, что я не могу наблюдать, что происходит у меня за спиной. Было бы на небе солнце — я хотя бы на тень свою могла смотреть. Но я всё же понаблюдала за увеличением и уменьшением одного из крыльев, глядя через плечо. Самого их зарождения без зеркала было не разглядеть.

Я игралась до тех пор, пока желудок не напомнил мне, что он уже давно терпеливо дожидается обещанного завтрака. Теперь, имея в своём распоряжении оба своих облика, я спокойно приступила к приготовлению завтрака. Причём в этот раз я использовала кролика на двести процентов — сначала выпила его кровь, а потом зажарила и съела мясо.

Пользуясь тем, что крылья мне теперь не мешали, я решила, наконец-то, выстирать свой

топик. Конечно, начисто отстирать засохшие кровавые пятна я не могла, да и не решалась особо сильно тереть ткань, боясь порвать, но он хотя бы больше не был заскорузлым. А пятна? Да кто меня здесь видит-то? Но обнаружить несколько дыр, появившихся вчера, во время падения с дерева, было очень неприятным сюрпризом. На джинсах тоже была пара разрывов, но там они смотрелись вполне органично, вроде бы так и было задумано. Но вот топик.... Если он окончательно разорвётся — в чём я буду ходить? Может, зря я закапывала кроличьи тушки вместе со шкурками? И пора начать заготовку шкур для своей будущей одежды?

Ну и мысли у меня. Я пока ещё не пещерный человек. Но факт остаётся фактом — из всей моей одежды целыми оставались пока только трусики. Но сколько стирок они выдержат, прежде чем тоже порвутся? А голышом ходить я не смогу — не то у меня воспитание.

Ладно, буду решать проблемы по мере их поступления. Пока что, моя одежда, пусть и дырявая, вполне сносно на мне держится и прикрывает все стратегически важные места. Так что хватит переживать из-за ерунды, у меня есть проблемы и посерьёзнее.

После завтрака и купания меня потянуло в сон — спала-то я совсем немного. Очень не хотелось повторения кошмара, но я уже поняла, что при желании и сама могу из него выкарабкаться. Поэтому я снова улеглась в гнездышке, стараясь не думать, во что превратятся мои непросохшие волосы, и уснула. Спала я недолго, и кошмары меня в этот раз не мучили. Может, дневной сон был более чутким и беспокойным, может, проспала я слишком мало, но на этот раз мне повезло.

Послонявшись немного без дела, я решила снова перекусить и отправляться на «ночное дежурство». Я решила поесть побольше, чтобы подольше провести на своём наблюдательном пункте. Чтобы зря не мучиться и не глотать слюни в ожидании, я жарила мясо в обличье гаргульи. Но когда оба кролика уже дожаривались, я услышала приближение какого-то большого животного. Хотя почему «какого-то»? Мой нюх меня пока не подводил. Не дожидаясь, пока он меня увидит, я быстро обратилась в человека.

— Привет, Рыжик, или как там тебя зовут на самом деле, — не поворачивая головы, обратилась я к тому, кто замер за деревом метрах в десяти у меня за спиной. — Извини, но шоколадных батончиков сегодня не будет. Кролика хочешь?

Громкое биение огромного сердца за моей спиной стало удаляться. Потом замерло на месте. Я почувствовала странную, еле ощутимую вибрацию в воздухе. А потом шаги снова стали приближаться. Правда, были они несколько легче, да и запах изменился. Я слегка улыбнулась. Похоже, мысли у нас сошлись. Мы оба приняли свою человеческую форму.

— От кролика не откажусь. И, кстати, меня Джейком зовут.

Я задрала голову, чтобы взглянуть на стоящего рядом со мной парня. Потом слегка подвинулась на бревне, точнее, куске ствола рухнувшего дерева, которое пару дней назад подтащила к кострищу, и похлопала рядом с собой ладонью.

— Присаживайся, Джейк. Я Энжи.

— Очень приятно! — присев рядом, он протянул мне огромную ладонь, и мы торжественно пожали друг другу руки.

Моя рука просто утонула в его ручище. Я прикинула, что ростом он будет, пожалуй, с Джаспера, а то и выше. Из всей одежды на нём были только обрезанные спортивные штаны, смуглый обнажённый торс бугрился мускулами. И от него шёл сильный жар. Выглядел парень совсем взрослым, лет на двадцать пять, но что-то в его лице, возможно, в глазах,

подсказывало мне, что он гораздо моложе, может быть даже мой ровесник. Наши босые ноги, стоящие рядом, заставили меня улыбнуться. Тяжела ты, доля оборотня, обувь долго не живёт.

Я сняла с вертела одного из кроликов и протянула гостю. Сама принялась за второго. Какое-то время мы молча ели, видимо, Джейк, как и я, не знал, с чего начать разговор. Я разглядывала Джейка. Довольно симпатичный парнишка. Девушки за ним, наверное, табуном бегают. Он тоже поглядывал на меня с явным любопытством и, в конце концов, не выдержал.

— Ты что, из дома сбежала?

— Можно и так сказать, — усмехнулась я. — Сбежала — это если ищут. А я просто ушла.

— Но почему? Они вроде неплохо к тебе относились. А тот, с каштановыми волосами... Я думал, что он испепелит меня взглядом, когда увидел рядом с тобой.

— Эдвард. — Я с трудом произнесла это имя. Пришлось даже прокашляться. — Он испугался за меня. Боялся, что ты меня съешь. — Я печально улыбнулась иронии ситуации. В связи с вновь открывшимися фактами, это оборотню следовало меня бояться. Это я способна сожрать его.

— Так в чем же дело? — он осмотрел кострище и гнездо с навесом. — Ты явно устроилась здесь надолго. Если к тебе там хорошо относились, так зачем было уходить? Собственно, меня это только радует, но просто любопытно.

— Это сложно объяснить.

— А ты попробуй! Я понятливый. Или, — тут его, видимо, осенило, — ты наконец-то поняла, кто ж они такие на самом деле, эти твои Каллены? — последнее слово он выдал с явным отвращением. Я пожала плечами.

— Да я всегда это знала. В отличие от кое-кого, здесь присутствующего, — тут я с намёком взглянула на Джейка, — они никогда не морочили мне голову и не вводили в заблуждение.

Ему хватило совести слегка смутиться. Или, по крайней мере, изобразить смущённый вид.

— Извини, но я не мог иначе. Так было надо.

— Понимаю. Верность стае, разведка и всё такое. Появился шанс разузнать о врагах изнутри, так сказать? Но, знаешь, мне было обидно, когда я поняла, что ты меня просто использовал.

Я отвернулась и стала ворошить угли палочкой, в чём вообще-то не было никакой особой необходимости.

— Так получилось. Извини. Мне тоже пришлось несладко. Знаешь, как ребята меня дразнили за ошейник? Да ещё и с блестяшками всякими. Они меня до сих пор Рыжиком дразнят!

Вспомнив, как Эдвард, хохоча, валялся по траве, узнав о надетом мною на оборотня ошейнике, я злорадно усмехнулась. Я была отомщена. Почти...

— Ладно, будем считать, что у нас ничья. А зачем ты вообще рассказал своим об ошейнике? А тем более — показал его? Когда я узнала, кто ты на самом деле, то решила, что ты выбросишь его под ближайшим же кустом.

— А смысл? Они и сами всё видели.

— То есть как это — видели? Их не было рядом. Уж я бы знала! Поблизости вообще

никого крупнее кролика не было, по крайней мере, в пределах видимости.

Джейк сидел, прикусив губу и глядя куда-то в сторону. Было такое чувство, что он сболтнул что-то лишнее и теперь жалеет об этом. А дело-то становится всё интереснее. Что же такое он скрывает?

— Колись! — сурово потребовала я. — Сказал «А», говори «Б». Как твои друзья могли нас увидеть? И, кстати, сейчас они нас тоже видят?

Я огляделась и прислушалась. Нет, ни людей, ни волков поблизости не было.

— Нет, сейчас не могут. Только когда я... — Джейк резко прервался и стиснул челюсти. — Прости, но я не имею права тебе говорить. Это не только моя тайна.

Мое любопытство достигло небывалых размеров. Узнать правду стало для меня делом чести и жизненной необходимостью.

— Если ты объяснишь мне, в чём дело, я расскажу, почему ушла от Калленов.

В принципе, а почему бы и нет? Обратни тоже легендарные, а потому «тайные» существа. Вряд ли они начнут трубить о моем существовании на каждом углу. К тому же, мне и самой не помешает заключить с ними нечто вроде договора — я всё же расположилась на их земле. И моё признание будет чем-то вроде жеста доброй воли. В разумных пределах, конечно.

Джейк с сомнением смотрел на меня, явно ведя борьбу с самим собой. Потом вздохнул и встал.

— Извини, мне нужно отлучиться ненадолго.

С этими словами он скрылся в лесу за моей спиной. Пожав плечами, я не стала оборачиваться и вглядываться в ту сторону, куда он побежал, но зато задействовала слух и обоняние. Ага, он снова обратился в волка! Интересно, зачем? Делая вид, что все это меня не касается, я занялась уборкой, а точнее — собрала кости и другие объедки, кинула их в ямку, куда до этого сложила кроличьи шкурки и внутренности, и все это закопала. Когда я притаптывала землю над «могилкой», то вновь почувствовала, как Джейк обратился. Я даже не понимала, каким именно органом чувств я это улавливала, но я это просто знала. Были ли это колебания воздуха или изменения электрического напряжения в атмосфере — не знаю, но я это просто чувствовала, и всё. Как многое в своей жизни.

— Договорились! — Джейк плюхнулся рядом со мной на бревно. — Я тебе нашу тайну, ты мне — свою.

— Посоветовался с начальством? — подколола я в шутку. Но, похоже, попала в точку.

— Да вроде того. Сэм дал добро.

— Сэм — это?..

— Наш вожак. Альфа нашей стаи. Ему очень интересно, что же тебя заставило так резко порвать с семьёй, которую ты явно считала родной. Я ведь помню: «Моя сестра — то, мой брат — это», — фальцетом попытался передразнить меня Джейк. Я прыснула. Потом он посерьезнел. — О чужих так не говорят. Так что же произошло?

— Ты первый! А я уж потом.

— Ну, ладно. В общем-то, всё довольно просто. Когда мы в своем зверином облике, то можем слышать мысли друг друга и видеть глазами друг друга. Поэтому, когда я изображал «Рыжика», те мои братья, что в тот момент были в дозоре, могли всё видеть. И ошейник в блестяшках — тоже.

— В дозоре?

— Да. Мы патрулируем нашу территорию, чтобы быть уверенными, что договор не

нарушен. Нужно всегда быть настороже, когда рядом враги.

— Зря ты так. Каллены не враги вам, и вовсе не собираются заходить на вашу территорию. Они хорошие!

— Да ладно тебе! Они — вампиры, и этим всё сказано. Они — монстры, кровопийцы. Чудовища из легенд, которыми родители пугают непослушных детей.

Я сердито сузила глаза.

— Знаешь, то же самое я слышала и про оборотней. Так что не надо зря наговаривать на тех, с кем ты даже не знаком. Не буду отрицать — вампиры бывают разные, и в большинстве своём они плохие и опасные, но не все. Каллены — хорошие! Раз уж даже я... — В этом месте я резко оборвала свою тираду. Не стоит распространяться о том, что вместо того, чтобы уничтожить, я их защищала. Это важный показатель, но не стоит выкладывать с ходу все свои секреты.

— Даже ты — что?

— Не важно. Слушай, а ты мысли стаи слышишь непрерывно или по желанию? Можешь «выключаться»? — мне вспомнилось, каково было Эдварду. Постоянный гул голосов в голове, особенно когда он находился в толпе, например, в школе. Дар удобный, полезный, но весьма утомительный.

— Постоянно, — вздохнул Джейк. — Вообще-то это удобно. Как нам иначе общаться? Говорить-то мы не можем. Да и дальность «полета мысли» гораздо дальше, чем у голоса. Но иногда это жутко неудобно. — Он вздохнул. — Ты весь словно голый. Все твои потаенные мысли, чувства, всё, что ты хотел бы оставить при себе — как на ладони. Это бывает тяжело.

Я ободряюще похлопала его по руке.

— Не унывай. Я думаю, что пользы от этого гораздо больше, чем неудобства.

— Да я понимаю. Но, всё равно, иногда это здорово напрягает, а порой и ставит в неловкое положение.

— Например, когда на тебя надевают ошейник со стразиками? — хитро усмехнулась я.

— Вот-вот. А ведь за это могут и задразнить. Пришлось кое-кому даже в глаз дать, чтоб поменьше зубоскалил.

Мы похихикали над курьёзным воспоминанием, а потом Джейк вновь посерьёзnel.

— Итак, я ответил на твои вопросы. Теперь твоя очередь рассказывать.

Глава 14. Договор. Часть 2.

— Даже и не знаю, с чего начать.

— Начни сначала, — усмехнулся он.

— Начало я и сама не знаю. От этого и все мои проблемы. Ты ведь уже понял, что я, как и ты — не человек. Ну, не вполне человек.

— Да уж догадался, не тупой. Ты холодная и очень сильная. Я помню, как ты расправилась с капканом. А ведь я тебя так до сих пор и не поблагодарил за спасение. Но лучше поздно, чем никогда. Спасибо.

— Да ладно уж, «за спасение». Уверена, что ты и сам бы прекрасно справился.

— В общем-то, да. Просто я вначале немного растерялся, а потом... Не мог же я обернуться при тебе.

— Не хотел раскрывать свою тайну?

— Да, конечно! — поспешно ответил Джейк. На мой взгляд — чересчур поспешно. И этот румянец, проступивший на смуглых щеках... Я вдруг поняла, чего он не договаривает, и

рассмеялась.

— А еще ты не хотел оказаться передо мной голым, верно?

— Так, мы, вроде бы, не обо мне сейчас говорим. Может, продолжишь?

— Ладно-ладно! Ни слова больше о твоей наготе. — Получив очередной недовольный взгляд, я примирительно улыбнулась. — Итак, на чём я остановилась?

— На том, что ты — не человек.

— Да, верно. Короче, я и сама толком не знала, кто я такая. Амнезия, видишь ли. И когда Каллены меня нашли, они сразу поняли, что я, во-первых, в беде, а во-вторых — людям меня отдавать нельзя. Вот и взяли к себе, сделали членом семьи. А я...

— А что ты?

— А я оказалась... В общем, оборотнем.

— Ничего себе! — Джейк явно был ошарашен. — Погоди-погоди, я думал, что оборотни бывают только среди нас, квилетов. И лишь некоторые из нас наследуют этот ген от первого оборотня, нашего общего дальнего предка. Но я готов поклясться, что в тебе нет ни капли индейской крови. И потом, ты холодная, а наша температура даже выше человеческой. Нет, я не могу в это поверить. Ты не можешь быть оборотнем. Я бы скорее предположил, что ты вампир, если бы сам не видел, что ты питаешься совсем не кровью.

Я мысленно скрестила пальцы. Я, конечно, не лгала, Джейк сам сделал свои выводы, но и поправлять его я не стала. А скрыть правду — это ведь то же самое, что солгать, верно? Ладно, это потом, не буду его пока хотя бы этим грузить.

— Всё сказал? А теперь успокойся и послушай. Я вовсе не утверждаю, что я такая же, как ты. А «оборотень» означает, что кроме человеческого облика у меня есть еще один. И совсем не значит, что я, как и ты, становлюсь большой собакой.

— Вообще-то, я в волка превращаюсь, — оскорблённо заявил Джейк.

Я это прекрасно знала, но решила немного подразнить его. Маленькая месть за его спектакль при наших предыдущих встречах. Он же знал, что я его приняла за собаку, но не отрицал этого. Вот пусть и расхлёбывает. Теперь моя очередь «включать дурочку».

— В волка? Правда? Никогда бы не подумала. И разве волки бывают рыжими?

— Такие, как я — бывают. Мы вообще все разного цвета. И я не рыжий, я — коричневый.

— Договорились, ты — коричневый, — засмеялась я. — Так вот, вы, квилеты, превращаетесь в волков. А я — в чудовище.

— В смысле? Что значит «чудовище»? Как в ужастиках? Покажи!

— Господи, Джейк! Ты считаешь, что это так здорово? Я в чудовище превращаюсь, моя жизнь под откос пошла, я потеряла единственную семью, которую имела, а твоя реакция — «покажи»? А если я не хочу, чтобы кто-то видел меня такой? Поверь, это действительно отвратительное зрелище.

— Я, вообще-то, не из трусливых. И хочу увидеть это не из праздного любопытства. В конце концов, а вдруг ты просто морочишь мне голову и всё выдумываешь?

Я задумалась. Пожалуй, Джейк прав. Кто знает, как бы я сама отреагировала? Да скорее всего, так же. Это для меня превращение в гаргулью — большая тема, а для кого-то постороннего — просто любопытное зрелище. Я вспомнила, с каким восторгом рассматривала блестящую кожу Эдварда, которой он, похоже, стеснялся, считая наглядным подтверждением своей вампирской сущности. А как я хотела увидеть Эдварда на охоте. В этом зрелище я тоже ничего отвратительного не нашла, несмотря на его опасения. Теперь,

кстати, понятно — почему. Может и Джейк, для которого смена облика — обыденность, отреагирует совсем не так, как я в свое время? Что ж, не проверю — не узнаю.

— Ладно, я покажу тебе. Но только со спины. Лица моего ты не увидишь. У меня ещё осталась некоторая гордость.

Я встала и отошла шагов на десять. Потом, стоя спиной к Джейку, обратилась. Он резко втянул в себя воздух и ошеломлённо пробормотал:

— Ну, ничего себе...

Я подняла вверх руки с растопыренными пальцами, чтоб ему хорошо были видны мои когти, потом согнула ногу в колене, демонстрируя ступню. Пару раз сжав и разжав пальцы на ноге для пушшего эффекта, я заправила волосы за свои большие уши, привлекая к ним внимание. Сзади раздались приближающиеся шаги, но к тому моменту, как Джейк обошёл меня, я уже снова была в человеческом облики.

— Я же сказала — только со спины.

— Обалдеть! — не слыша моего упрёка, Джейк, как зачарованный, стал ходить вокруг меня, особенно внимательно рассматривая мою спину. Даже пальцем потыкал.

— Крылья! У тебя выросли крылья!

— А у тебя — хвост. Но я же не щупаю тебя за... — Я выразительно посмотрела на его зад.

— Но крылья! — казалось, это единственное, что он заметил. И стоило перед ним выплясывать? — А летать ты умеешь?

— Умею, умею. Иначе — зачем они нужны?

— Покажи!

— Нет уж. Я и так показала больше чем достаточно. Убедился теперь, что я не вру?

— Да уж, убедился. Слушай, крылья — это реально круто. Ребята обалдеют!

— Ты всё же помни, что я не цирковой уродец. Это моя беда, не стоит делать из этого развлечение.

— Извини-извини, больше не буду. — Но я прекрасно слышала, как он продолжает периодически бормотать себе под нос: «Крылья! Подумать только. Настоящие крылья!»

Мы снова уселись на бревно. Я молча ждала, когда Джейк переварит увиденное. Наконец он перестал ошеломлённо качать головой и бормотать.

— Ладно, с этим разобрались. Ты оборотень с крыльями. Но я всё равно не понимаю. Неужели стоило из-за этого из дома уходить и бросать семью? Я вот, например, когда стал оборотнем, не ушёл же из дома.

— Ты опасен для людей?

— Нет, конечно, мы же защитники. Много веков мы защищаем своё племя от вампиров.

— А люди это знают?

— Не все. О нас мало кто знает, в основном старейшины, а кое у кого — родственники. Но те, кому это известно — те в курсе, что мы для людей никакой угрозы не представляем. Ну, сознательно. Мы можем поранить только случайно, поэтому держимся обособленно, стараемся сторониться людей.

— Понятно. А теперь представь, что вы не такие вот особенные оборотни, а те, про которых рассказывают в легендах. Которые обращаются только при полной луне и могут убить самых близких людей, потому что ничего не осознают и не помнят. Представил?

— Мы не такие! Мы всё помним и никому не угрожаем!

— Да знаю я. Но если бы были такими — разве захотели бы подвергнуть опасности

близких, оставаясь среди них? Хотели бы видеть ужас в их глазах?

— Разумеется, нет. Но мы не такие. — Тут до него, похоже, стало доходить. — А ты что, такая?

— Можешь не отодвигаться — я для тебя не опасна. Точнее — физически я намного сильнее и легко могу тебя убить, как ты — обычного человека, но это совсем не означает, что я стану это делать. Просто вид, к которому я принадлежу, исторически истребляет вампиров. Как и вы. Вот только мне это сделать намного проще, уж поверь. Это совсем недавно выяснилось. Случайно. На нас напали плохие вампиры, они пришли убивать. Вот тут-то моя вторая сущность и выскочила, как чёртик из табакерки.

— И ты расправилась с кровососами?

— Покрошила, как капусту. Я была рождена для этого. Но ты бы видел глаза Калленов. Как они смотрели на меня. Моя семья меня боялась.

Я уткнулась лбом в колени. Перед моими глазами вновь встала та кошмарная картина — ужас в глазах моих близких. Ужас, вызванный мной.

Большая ладонь легла на мою голову и стала неловко гладить по волосам. И тут меня прорвало. Впервые с того страшного момента я разрыдалась. Вся накопившаяся боль, что я держала в себе, сначала просто физически не способная на плач, а потом сознательно запрещавшая себе выпускать эмоции на волю, выходила бурным потоком слёз. Джейк, явно растерянный, как и любой мужчина, столкнувшийся с женскими слезами, продолжал гладить меня по голове, бормоча что-то бессвязно-успокаивающее. Наконец мои рыдания стали стихать, постепенно переходя во всхлипы.

— Извини, — шмыгая носом и вытирая ладонью глаза, пробормотала я. — Теперь мне уже легче. Просто мне, видимо, нужно было выговориться. И выплакаться.

— Да нормально всё. Я ж понимаю. На твоём месте я бы тоже, наверное, разревелся, — улыбнулся Джейк.

Просто удивительно, насколько легко мне было рядом с ним. Конечно, мне нужно было хоть кому-нибудь рассказать о своих переживаниях, но с Джейком это было так просто, словно он был моим родным братишкой. Было в нём что-то располагающее. Не знаю, окажись на его месте кто-то другой, стала бы я так откровенничать? Чего здесь было больше — личного обаяния Джейка или моей потребности открыться хоть кому-то, а не держать всё в себе? Не знаю. Но факт остаётся фактом — я рассказала ему практически всё о себе, за небольшим исключением. Про то, что я гаргулья, да к тому же ещё и кровопийца, оборотням, пожалуй, знать не стоит. Неизвестно, как они на это отреагируют. А пока — мне нужно получить разрешение на проживание здесь, в этом месте.

— Ну вот, теперь ты в курсе. После того, как я перепугала своих близких, оставаться с ними я уже не могла.

— Неужели всё настолько плохо? Насколько я понял, ты их спасла.

— А ты представь, что вы взяли в семью приёмьша, полюбили его, а вскоре узнали бы, что он — вампир. Как бы вы отреагировали?

Джейк задумался.

— Да уж, задачка. Оставить в племени вампира нельзя — слишком опасно, но и убить его мы вряд ли смогли бы, если перед этим считали членом семьи. Я не знаю. Это просто так не решить, тут важны обстоятельства.

— А представь, что вы вообще не были бы оборотнями? И при всём желании не смогли бы его убить? Что бы вы чувствовали?

— Ты настолько их сильнее? Что они не смогли бы тебя убить, даже если бы захотели? Даже все вместе?

— Да, настолько. Вот почему я избавила их от выбора. И поэтому ушла сама. Как я могу жить в семье, зная, что меня там боятся?

— В голове не укладывается. Я считал, что на свете нет никого сильнее вампиров. Мы можем противостоять им, но не один на один. Потрясающе.

— В мире много непознанного и нам неизвестного. Для кого-то оборотни и вампиры — это лишь легенды-страшилки, а для вас моё существование стало сюрпризом. Кто знает, может быть есть кто-то сильнее меня? Мне этого неизвестно. Но я обещаю, что не причиню никакого вреда ни вам, ни людям. Я не злодей. Мой жуткий облик не означает, что и душа моя такая же страшная. И никому, кроме кроликов, бояться меня не нужно. Скажи, вы разрешите мне остаться здесь? Много места я не займу.

— Я не принимаю решений. Но, думаю, что Сэм не будет против, если я ему всё объясню. Ладно, пойду я, а то ребята заждались отчёта. Спасибо за обед.

— Приходи ещё. Мне будет приятно. У меня редко бывают гости. Собственно, ты первый.

— Обязательно. Ну, я побежал! — и он удалился в ту сторону, где вдали, за лесом, находилась резервация.

А я осталась сидеть, глядя на догорающий костёр. Что-то мне подсказывало, что уходить пока не стоит. Вожак оборотней не может не заинтересоваться мной — не каждый день встречаешь подобное существо на своей земле. Возможно даже — не каждое тысячелетие. Я решила подождать до темноты. А там будет видно. Я захихикала. Мне-то точно будет видно, независимо от того, светло вокруг или темно, но именно тогда я и приму решение — отправиться на очередное дежурство или остаться и дожидаться вердикта оборотней.

Как я и предполагала — долго ждать не пришлось. Думаю, что и получаса не прошло с ухода Джейка, как я вновь почувствовала приближение оборотней. На этот раз их было двое. Джейка я узнала сразу, запах другого был мне незнаком. Они остановились на некотором расстоянии и обратились. А потом вышли к моему костру.

Рядом с Джейком шёл высокий парень в обрезанных до колен джинсах. Другой одежды на нем не было, равно как и на Джейке, что меня не удивило. Он выглядел старше и солиднее Джейка, и хотя явно тоже был ещё совсем молод, подростком не являлся. Он был немного выше и мускулистее Джейка, с непроницаемым выражением лица. В отличие от него, Джейк ободряюще мне улыбался и держался чуть сзади. Я догадалась, что передо мной тот самый Сэм и встала им навстречу. Сейчас я услышу вердикт альфы.

Некоторое время Сэм внимательно рассматривал меня. Потом вдруг задал неожиданный вопрос.

— Чья на тебе кровь?

Я взглянула на неотстиранные пятна на боку. Надо же. Сразу к делу.

— Моя. Руку об сучок рассадил. Случайно.

— Ты действительно сильнее вампиров?

— Да. И намного.

— И ты действительно истребительница вампиров?

Меня несколько покорило такое определение, но так ведь и было на самом деле.

— Да, — пожалала я плечами, — так уж вышло.

Он ещё какое-то время помолчал. Потом шагнул ко мне и протянул руку.

— Сэм.

— Энжи.

— Что ж, Энжи, ты можешь оставаться на нашей территории, если поклянешься, что не станешь причинять вреда ни нам, ни людям.

— Клянусь. У меня нет никакого желания никому причинять хоть какой-то вред или неудобство. Мне просто нужно местечко, где я смогу пожить какое-то время, пока разберусь в своей жизни. Спасибо, что позволили остаться.

Сэм молча кивнул, развернулся и ушёл. Джейк остался.

— Я знал, что он согласится. Видишь, всё уладилось.

— Да уж, Альфа ваш весьма немногословен.

— Есть немного. Но ты не переживай. В принципе, я и не сомневался, что он разрешит тебе остаться. Враг моего врага — мой друг, верно?

— Джейк, ну когда же ты поймёшь, что Каллены вам не враги. И уж точно они не враги мне. То, что я не могу быть рядом с ними, вовсе не означает, что я перестала их любить.

— Да я так, в целом. Каллены же не единственные вампиры на свете. Мало ли, кто сюда забредёт.

— Если сюда сунется хотя бы один красноглазый — ему не поздоровится, это я тебе обещаю.

— Вот это я и имел в виду. Ну, ладно, я пойду. Мне ещё в дозор ночью идти. Хочу перед этим хоть немного поспать. Но как-нибудь ещё забегу. Поболтаем.

— Обязательно забегай. Я буду очень рада.

Джейк помахал мне рукой и убежал вслед за Сэмом. Дождавшись, пока он отойдёт так далеко, что я не смогу его услышать и унюхать, а, соответственно, и он меня, я обратилась и полетела в сторону дома Калленов. Опустившись на привычное место, я, на этот раз сверху, оценила разрушения, произведённые моим падающим телом. Да уж, человеческое тело такие крупные ветки, падая, не ломает. Надеюсь, никто сюда специально не забредёт и не увидит всё это безобразие.

Чтобы в будущем избежать подобного инцидента, я сплела на ветке нечто вроде мини-гнезда, эдакое кресло-гамак. Конечно, выпасть можно и из него, но всё же сделать это будет намного сложнее, чем просто сидя на ветке. Даже случайно уснув, я была бы практически застрахована от падения.

В это время в доме Калленов как обычно ничего не происходили. Карлайл и Эсми опять были одни и сидели возле телефона, ожидая звонка. Но я знала, что рано или поздно вернутся остальные, в том числе и Эдвард, и я снова смогу его увидеть. Надеюсь, что это мне удастся всё же раньше, чем позже. Я с удобствами устроилась на своём наблюдательном пункте и приготовилась к долгому ожиданию.

Глава 15. Дом, милый дом! Часть 1.

Ночь прошла как обычно. Младшие Каллены вернулись под утро, судя по их лицам, точнее — позам и движениям, снова разочарованные своей миссией. Меня очень интересовало столь несвойственное им поведение — при мне ничего подобного не происходило, да и не упоминалось никогда. Ладно, может быть, когда-нибудь я это узнаю, а пока, дождавшись, наконец, возвращения Эдварда, я вся обратилась в слух и зрение. Увы, сегодня он вернулся гораздо позже остальных и даже не сел за свой любимый инструмент.

Печально. А я уже настроилась послушать его игру. Но нет, почти сразу Эдвард скрылся в тепер уже снова только своей спальне, и сидел там, не включая света. Может, и не сидел, но даже моё суперзрение не могло на таком расстоянии рассмотреть, что происходит в его неосвещённой комнате. А подобраться поближе я не решалась — знала, на каком именно расстоянии это становится небезопасным.

Меня выручало лишь то, что в образе гаргульи я превосходила вампиров во всём, в том числе и в способностях органов чувств. Я выбрала идеальное в этом отношении расстояние. Чуть ближе — и я могу быть обнаружена, а пугать я никого не хотела. Чуть дальше — и сама ничего толком рассмотреть не смогу. Поэтому и сидела на своём наблюдательном пункте, как бы порой меня ни тянуло приблизиться к дому. Нет, пока там кто-то есть, этого делать нельзя.

Наконец наступило утро. Я снова смогла полюбоваться Эдвардом, выходящим из дома и садящимся за руль своего «вольво» вместе с братьями и сёстрами. Карлайл покинул дом немного раньше — видимо, какой-то срочный вызов в больницу. Какое-то время я смотрела туда, где скрылась машина Эдварда, а потом, вздохнув, собралась возвращаться «домой». Но в этот момент из дома вышла Эсми и прошла в гараж. Это меня заинтересовало, и я слегка притормозила, дожидаясь, что же будет дальше. Предчувствие меня не обмануло — через несколько минут её фургончик выехал из автоматически поднявшихся ворот гаража и направился в сторону города. Теперь дом был пуст.

Мои мысли заметались. Что делать? Теперь я могу войти в дом, никого не напугав. Мне очень нужны некоторые вещи, особенно одежда, и я не думаю, что Каллены стали бы возражать, если я что-то возьму. Собственно, если бы не обострённый вампирский нюх, они могли бы и не заметить пропажи пары моих тряпочек. Но с другой стороны — поняв, что я побывала в доме, они могут испугаться. Поймут, что я где-то рядом.

Я вздохнула и поковыряла пальцем дыру на топике. Сколько он ещё продержится? Но как представлю Эсми, вернувшуюся домой, и понявшую, что в её доме побывала гаргулья... Она будет в ужасе, как тогда, на поле боя. Как же мне поступить? Что важнее?

И тут мне пришла в голову мысль, быстро развеявшая все мои сомнения. Я сорвалась с места и рванула к дому. Нужно спешить. Уж не знаю, зачем Эсми уехала и куда именно, но если в Форкс и обратно, то у меня может быть не более получаса. Опустившись на один из балконов, я вошла в дом. Он был просто наполнен родными запахами. Постояв несколько секунд, приняв себя и осматриваясь, я вспомнила, что времени терять нельзя, и направилась к кабинету Карлайла.

Заглянув в холодильник, я увидела там пробирки со своей кровью. Странно. По моим подсчётам, кровь должна была закончиться ещё вчера. Неужели Каллены предпочли мучиться от жажды, но не пить кровь гаргульи? Неужели побрезговали? Это было больно, очень больно. Но, немного успокоившись, я поняла, что пробирок всё же меньше, чем в таком случае должно было бы остаться. Да и не желай Каллены употреблять мою кровь — не стали бы её хранить, просто выкинули бы, не так ли? Немного подумав, я, как мне кажется, нашла всему этому логическое объяснение. Скорее всего, более «закалённые вегетарианцы» отказались от своей дозы «лекарства» в пользу Джаспера, которому тяжелее всего давался отказ от человеческой крови. Это, несомненно, благородно, так обычно и поступают в дружных семьях, но это же означало то, что мои близкие вновь испытывают мучения, от которых несколько отвыкли за прошедший месяц. Нет уж, больше страдать я им не позволю!

Я быстро отыскала всё, что мне будет нужно — запомнила с прошлого раза, где что лежит. К счастью, пакетов для сбора крови было достаточно — неизвестно, когда мне в следующий раз представится возможность пополнить её запасы. Прежде чем приступить к процедуре, я задумалась — как только я приму свой «человеческий» облик, то буду очень сильно хотеть есть и спать. Чувство голода я испытывала уже сейчас, а после сдачи крови оно усилится. Так что, я решила наудачу наведаться на кухню.

Как ни странно, даже в моё отсутствие холодильник был забит продуктами. Может, просто забыли выбросить? Как бы то ни было — мне повезло. Набрав полные руки того, что не требовало никакого приготовления — сыр, колбасу, яблоки и, конечно же, шоколадные батончики, так же всё ещё лежавшие на полке в настенном шкафчике, я вернулась в кабинет Карлайла. Решив получить от посещения дома максимально возможное удовольствие, а заодно и помешать себе уснуть, я включила телевизор и выложила еду на табуретку, которую придвинула к креслу, на котором и расположилась, предварительно обратившись.

И сразу же начала клевать носом, а желудок скрутили голодные спазмы. Откусив большой кусок сыра, я усиленно заработала челюстями, судорожно переключая каналы, пока не наткнулась на мультик про дятла Вуди. То, что надо. Идиотский смех этого маленького хулигана уж точно не позволит мне уснуть. После этого я с помощью скальпеля вскрыла вену и ввела в неё иголку. Было немного неудобно управляться одной рукой, но я справилась. Моя семья не должна страдать, поэтому пришлось пустить в ход губы — зубы были слишком острые и могли что-нибудь ненароком прокусить, — а так же помогать себе подбородком. Когда кровь, наконец, потекла в пакет, я удовлетворённо вздохнула и устала в телевизор. Засыпать было никак нельзя.

Спустя примерно полчаса все пакеты были полны. Будь я простым человеком — понадобилось бы гораздо больше времени, но моя кровь текла сильным потоком и моментально наполняла предназначенные для неё ёмкости. Впрочем, будь я человеком — давно бы умерла от подобной кровопотери. А так, просто умяла всё, что принесла с собой — по объёму примерно пару моих обычных обедов, — но всё равно, всё ещё была голодна. Вытащив иголку и положив последний пакет к остальным в холодильник, я рванула на кухню.

Быстро подкрепившись, я снова обратилась в гаргуюлю, чтобы не уснуть прямо на кухонном полу. Потом поднялась обратно в кабинет и навела там порядок. С тоской посмотрев на шкафы с книгами — как бы они скрасили мне мои тоскливые одинокие дни, — я вздохнула и отмела эту мысль. Просто взяла несколько уже явно прочитанных газет — всё же лучше, чем шишки на деревьях пересчитывать.

А потом я поднялась туда, куда меня безумно тянуло последние полчаса. И последние несколько суток. В спальню Эдварда. В нашу с ним бывшую спальню. Как ни странно, здесь ничего не изменилось с того времени, как Эдвард унёс меня отсюда тем страшным утром. Кровать так и стояла неубранной, и даже бельё на ней не сменили. На подушке лежала моя пижамка с ягнятами. Хммм... Я её вроде бы в ванной оставляла? Ну, не важно, может и бросила на кровать машинально, не помню, голова была другим занята. Может, Эдвард вообще сюда не заходил, вот и не заметил беспорядка? Хотя нет, он же переодевался. Да и бельё обычно меняет Эсми. Так, ладно, я теряю время на предположения. Нужно спешить, Эсми может вернуться с минуты на минуту.

Достав из-под стола свою сумку, я вынула из неё учебники, на их место сунула несколько топиков, пару джинсов, упаковку трусиков, фланелевую рубашку и футболку

Эдварда, вытасченную из корзины с грязным бельём. Обувь решила не брать — не видела в этом смысла. В боковой кармашек отправилась расчёска, зубная щётка, мыло и начатый рулон туалетной бумаги — пока мне всего однажды пришлось воспользоваться папоротником, и замена показалась мне не самой удачной. Вихрем промчавшись по гостиной, я собрала всякие газеты и журналы, лежавшие по углам и тумбочкам, потом не удержалась и прихватила несколько шоколадных батончиков. С трудом застегнув сумку, я выбежала на балкон и уже собралась улетать, но в последний момент притормозила и снова кинулась в комнату Эдварда.

Плюшевые игрушки, надаренные мне, сидели рядком на полке. Пробежав по ним взглядом, я схватила маленького жёлтого слонёнка. Этот малыш был мне особо дорог, поскольку именно его Эдвард приобрёл не для того, чтобы подчеркнуть мой юный возраст, а просто чтобы сделать мне приятно. Слонёнок напоминал мне о том чудесном дне, когда наши отношения наконец-то прояснились. Именно тогда Эдвард открыл, наконец, свои чувства ко мне, именно в тот день мы стали парой. На секунду прижав игрушку к щеке, я перебросила ремень сумки через голову и вылетела прямо из окна комнаты Эдварда.

Стремительно промчавшись между деревьями, я притормозила возле своего наблюдательного пункта, чтобы в последний раз бросить взгляд на дом. И в этот же момент на дороге, ведущей к дому, показалась машина Эми. Как же вовремя я исчезла, ещё бы чуть-чуть и всё... Вздохнув, я полетела в своё гнездо. Спать! Мелькнула мысль, что я постепенно превращаюсь в ночное животное, но она не сильно меня зацепила. В последние дни я в кого только не превращалась — в гаргулью, в вампира, в оборотня, так какая разница, если из жаворонка я превращусь в сову?

Вернувшись «домой», я встала перед выбором — искупаться и переодеться в чистое или лечь спать в том, что на мне надето. Чтобы переодеться — нужно обратиться, и меня просто вырубят, какое уж тут купание? Да и подстилка из хвои и папоротников — не самая чистая постелька, перемажу вещи не успев поносить. Ладно, пойдём на компромисс — я умоюсь сейчас, не оборачиваясь, а всё остальное — потом, когда посплю.

Это была плохая идея. Теперь у меня снова не было зубной щётки. Точнее — была пластмассовая ручка, на которой практически не осталось щетины. Просто я не подумала, что раньше зубы у меня не были настолько острыми, поэтому и щётки жили гораздо дольше одной чистки, хотя изнашивались довольно быстро. Ладно, проживу и без щётки. В конце концов, особой необходимости в чистке зубов у меня никогда и не было, делала я это машинально, видимо, по когда-то давно укоренившейся привычке. Дыхание у меня и так всегда свежее — никаким бактериям не выжить у меня во рту, при моём-то иммунитете. И кариеса мне тоже бояться не стоит. Повертев бывшую щётку в руках, я решила, что смогу как-то использовать её в своих «поделках от скуки», поэтому не стала выбрасывать, а снова сунула её в карман сумки.

Взобравшись в своё гнездо, я обломилась небольшую ветку так, чтобы получился крючок, на который я и повесила сумку. Достав из неё футболку Эдварда, я прижала её к лицу и глубоко вдохнула. От чудесного и такого родного запаха у меня закружилась голова. Нахлынула сильная тоска. Я бы всё на свете отдала, чтобы быть сейчас рядом с ним. Как жаль, что пока это невозможно. Да и станет ли когда-нибудь возможным? Я не знаю. Сейчас я жила одним днём, стараясь построить что-то новое на пепелище, в которое превратилась моя прошлая жизнь.

Тяжело вздохнув, я обратилась и свернулась калачиком на своём ложе, прижавшись

щеккой к футболке Эварда и прижав к груди слонёнка. И через несколько секунд провалилась в сон.

«Где ты? Отзовись!»

Опять тот же сон. Ну, сколько можно? Я что, теперь всю оставшуюся вечность буду слышать эти голоса?

«Отзовись. Отзовись! Отзовись!!!»

Я пытаюсь вырваться из невидимых, но прочных пут. Может, если мне это удастся, и я отвечу, голоса, наконец, уймутся? Но мне не удаётся. Не получается.

«Где ты? Где ты? Где ты?!»

Они не унимаются. Я пытаюсь ответить, пытаюсь! Почему они меня не слышат? Я-то их прекрасно слышу, даже слишком. Сколько мне ещё мучиться, бессильно слушая их? Хорошо хоть, что теперь в них нет той невероятной тоски, что раньше заставляла меня рыдать. Но я устала. Не хочу их больше слышать. Хватит. Хватит!

— Хватит!!!

Я просыпаюсь от собственного крика. Мне удалось вырваться из своего кошмара. Уже второй раз. Я определённо делаю успехи! Немного поворочавшись и позевав, я решила поспать ещё. Я чувствовала упадок сил. Не знаю, с чем это было связано — с волнением и нервным перенапряжением последних дней, с постоянным недосыпом или с большой кровопотерей? В любом случае, попробовать ещё поспать не помешает — заняться-то всё равно особо нечем. А прогонять голоса мне удаётся всё легче. Уткнувшись лицом в скомканную футболку, я вновь уснула.

Больше в тот день я голосов не слышала, и когда вновь проснулась, солнце уже клонило к закату. Кажется, я проспала весь день и наконец-то, действительно выспалась. Вот и хорошо. Быстрее смогу вновь увидеть Калленов. Интересно, как они отреагировали на моё появление в доме? Надеюсь, что не слишком сильно испугались. Оставленный мной подарок должен был ясно показать им мои мирные намерения. Ладно, скоро узнаю. А пока — купаться и есть!

Спустя какое-то время, я сидела у костра, на котором жарились очередные кролики. Давно я не испытывала такого блаженства. Я только что искупалась и вымыла волосы с мылом, чего не могла себе позволить уже несколько дней. На мне была чистая, а главное — целая одежда. Выпитая кровь кроликов умиротворила голодный желудок, а жарящееся над костром мясо дразнило обоняние, обещая новое удовольствие. Я жевала шоколадный батончик и расчёсывала волосы настоящей расчёской, а не пятернёй, досушивая их над костром. Словом, картина была идиллической.

Тишину нарушили шаги тяжёлых лап, а потом ног. Я улыбнулась. У меня гость! Это здорово. Как всё же я стосковалась по общению.

— Привет, Джейк. Ты как раз к ужину. Только нужно немного подождать.

— Привет, Энжи, — на бревно рядом со мной плюхнулась высокая фигура. — Что новенького? Смотрю, ты в обновлениях.

Надо же. Сразу заметил.

— Да вот, раздобыла кое-какие вещи, — я не стала уточнять, где именно.

— Домой летала?

Я аж вздрогнула. Вот это пронизательность. Я неопределённо пожала плечом и искоса взглянула на Джейка. Он смотрел на меня очень серьёзно и внимательно.

— Скажи, Энжи, а ты бы хотела вернуться домой?

— Я не могу, — прошептала я, уткнувшись взглядом в колени. — Мне теперь нет там места.

— Я не о том спросил. Ответь, если бы ты могла вернуться домой, вернулась бы? Представь, что у тебя был бы выбор.

— У меня нет выбора, — я не могла понять его настойчивости.

— А если бы всё же был. Скажи, ты бы вернулась? Если бы вдруг произошло чудо, и ты снова могла бы быть со своей семьёй, ты бы обрадовалась?

— Ах, Джейк! Да я всё бы отдала за возможность хотя бы просто увидеться со своими близкими. Просто поговорить. А уж вернуться... О таком я и мечтать не могу. Но отвечая на твой вопрос — да, я бы этого хотела. Очень-очень, — мой голос прервался, и я отвернулась, чтобы Джейк не заметил слёзы, навернувшиеся мне на глаза.

Он вдруг резко вскочил и протянул мне руку.

— Тогда пошли.

— Куда?

— Пошли-пошли. Сейчас узнаешь. Ну же, или ты боишься? — он меня явно подначивал, но делал это так добродушно и шутливо, что я не удержалась от улыбки. Джейк просто горел энтузиазмом, причина которого была мне непонятна, но я тоже поддавалась его настроению.

Я позволила поднять себя с бревна и повести по лесу. Шли мы совсем недолго, и вскоре я поняла, где мы находимся. Это было то самое место, где прошли две наши первые встречи. Зачем Джейк решил меня сюда привести? Впрочем, наверное, не сюда, так как он не остановился, а продолжал идти дальше.

Вскоре мы вышли на берег реки, где Джейк наконец-то остановился.

— Ну? — нетерпеливо спросила я, пытаясь заглянуть ему в глаза, что было не так-то просто. — И зачем мы сюда пришли?

По лицу Джейка скользнула хитрая улыбка, но он ничего не ответил. Я в недоумении продолжала смотреть на него, но тут почувствовала запах. Такой знакомый, такой родной, такой любимый. Мне показалось, что у меня начались галлюцинации. «Эдвард», — прошептала я практически беззвучно. Джейк продолжал молча смотреть поверх моей головы в сторону реки. Я обернулась, проследила за его взглядом и застыла, не веря своим глазам.

На противоположном берегу, пристально глядя на меня, так же неподвижно стоял тот, кого я и не надеялась больше увидеть. По крайней мере — так близко. Где-то на самых задворках сознания мелькнула мысль: «Как всё-таки хорошо, что я привела себя в порядок». Не хотела бы я, чтобы мой любимый увидел меня такой, какой я была ещё сегодня утром — лохматая, растрёпанная, в грязной, дырявой одежде. Господи, о чём я думаю? Эдвард здесь. Эдвард зачем-то пришёл сюда. Но почему? Почему он смотрит на меня так, словно не знает, кто я такая на самом деле? Словно не чувствует ни страха, ни отвращения. Меня словно магнитом тянуло к нему, но я не решалась сделать даже шаг.

Эдвард перевёл взгляд на Джейка, стоящего рядом со мной.

— Пожалуйста!

Я не поняла, о чём он просит. Зато Джейк явно понял. Посопев и повздыхав, он принял какое-то решение и обошёл меня сзади, чертя босой ногой линию на земле.

— Ни дюйма дальше, кровопийца. Иначе я посчитаю договор нарушенным.

В следующую секунду Эдвард уже стоял рядом со мной. Не сводя с меня глаз, он обратился к Джейку, игнорируя оскорбление.

— Спасибо. Я этого не забуду.

— Я сделал это не ради тебя.

— Я знаю. Поэтому вдвойне тебе за это благодарен.

— Ладно, вы поболтайте пока. А я гляну, не сгорело ли ещё мясо. Не пропадать же добру. — Джейк пожал плечами, развернулся и исчез за деревьями. Я недоумённо посмотрела ему вслед, а потом снова взглянула на Эдварда.

Он смотрел на меня точно так же, как и неделю назад. Я видела в его глазах теплоту, любовь и нежность, но в них не было и следа того, что я страшилась увидеть. Но почему? Он же видел меня на поле боя. Он понимал, что я — чудовище. Так почему он не отшатывается от меня с отвращением и страхом?

Эдвард поднял руку, и я едва не вздрогнула, когда он ласково погладил меня по щеке костяшками пальцев, как делал раньше десятки раз. Неужели ему не противно прикасаться ко мне?

— Что ты здесь делаешь? — сумела я, наконец, выдать из себя. Я не могла этого понять. Не находила этому никакого логического объяснения.

— Я здесь, чтобы выполнить своё обещание.

— Обещание? — мои мысли заметались. Обещание? Какое? Кому? Я вообще ничего не понимала. — Какое обещание?

— Я же пообещал тебе, что если у тебя снова появятся клыки... — он слегка улыбнулся, предлагая мне самой вспомнить то, что он не договорил.

Нет! Этого не может быть! Не мог же он прийти для того чтобы... что? Поцеловать меня? Нет, он тогда сказал, что поцелует мои клыки. Он что, всерьёз готов это сделать? А я... Я же так долго этого ждала. Но ведь сейчас у меня нормальные зубы, и выпускать клыки, оставаясь человеком, я не умею. А предстать перед Эдвардом тем жутким монстром... О, господи, что же мне делать?

— Но... но... — только и смогла выдать я.

Но Эдварда моя реакция совсем не смутила. Рука, гладившая мою щёку, переползла на мой затылок, другая обняла меня за талию. Лицо Эдварда приблизилось вплотную к моему лицу, так, что расплылось у меня перед глазами. Но я до последнего не верила, что он действительно хочет поцеловать меня. Меня — чудовище, уродину, гаргулью. И пусть я сейчас в своей красивой человеческой ипостаси, но ему же прекрасно известно, что на самом деле скрыто под этим камуфляжем. И в этот момент наши губы встретились.

Все мысли тут же вылетели у меня из головы. Глаза закрылись сами собой. Ослабевшие ноги превратились в желе, и если бы не руки Эдварда, удерживающие меня, я стекла бы на землю. Все мои органы чувств сошлись в одной точке — там, где прохладные губы Эдварда нежно и бережно прижимались к моим губам. Это происходит. На самом деле происходит! Наш первый поцелуй.

Мои губы шевельнулись, робко и неумело отвечая на движения его губ. Эдвард вздрогнул и крепче прижал меня к себе. Моё дыхание стало сбивчивым, пульс стучал, как сумасшедший, электрические импульсы, расходясь от точки соприкосновения наших губ, пронзали всё тело. Руки сами собой поднялись и обвили шею Эдварда, потом правая скользнула ему в волосы. Мне хотелось быть ещё ближе, хотелось слиться с Эдвардом, врасти в него, стать единым целым. Повинуясь инстинкту, я скользнула кончиком языка по его гладкой нижней губе.

Ох, зря я это сделала... Вздрогнув, Эдвард резко отстранился, потом вновь прижал меня к себе. Но на этот раз не склонился ко мне, так что моя щека привычно легла ему на грудь,

а его подбородок — на мою макушку. Так, обнявшись, мы простояли ещё какое-то время. Постепенно наше дыхание выровнялось, мой пульс пришёл в норму. Я наслаждалась тем, что считала для себя потерянным навсегда — близостью Эдварда, его объятиями. А он, поцеловав меня в макушку, прошептал мне в волосы:

— Малышка, ну почему, почему ты ушла?!

Глава 15. Дом, милый дом! Часть 2.

Я резко вскинула голову, поражённая этим вопросом. Почему он спрашивает? Всё же и так понятно! Но, заглянув в его чудесные золотистые глаза, и увидев в них недоумение, печаль и, кажется, даже обиду, поняла — нет, он спрашивает совершенно серьёзно. Он действительно хочет узнать причину моего поступка. Неужели мне придётся ещё и объяснять? Вслух признаваться в своей чудовищной сущности... Видимо, придётся.

Как бы мне ни хотелось покинуть объятия Эдварда, я вывернулась и, повернувшись к нему спиной, обхватила себя руками. Смотреть в его прекрасные глаза в этот момент я не могла.

— Ты же знаешь, кто я такая. Ты же видел меня там...

— Да, видел. И что? Разве это повод уходить?

Он что, действительно не понимает?

— Я — гаргуля! Я — чудовище!

— А я вампир. Может, поспорим, кто большее чудовище?

Нет, он просто меня не слышит. Ну как, как ему объяснить?

— Я — гаргуля. Я — убийца вампиров. Вы испугались меня, я же видела. А я не хочу вас пугать. Не хочу, чтобы вы испытывали ужас, глядя на меня. — Я в отчаянии закрыла лицо руками и зажмурилась, но перед моим внутренним взором вновь встала та картина — моя семья смотрит на меня с ужасом. — Не хочу, не хочу!

Ласковая рука обняла меня за плечи, прижав к крепкой груди, другая осторожно отняла мои ладошки от лица.

— Посмотри на меня, Энжи. Посмотри! — подчиняясь настойчивому требованию, я, сквозь пелену слёз, взглянула в любимое лицо. — Ты видишь в моих глазах ужас?

Я помотала головой. От этого движения слезинки сорвались с ресниц и покатались по щекам, но были тут же перехвачены и нежно стёрты прохладными пальцами.

— Я выгляжу перепуганным?

— Нет, — прошептала я. Неужели я ошибалась? Неужели все мои страдания были напрасными?

— Так вот, я хочу, чтобы ты усвоила раз и навсегда — никто из нас не считает тебя чудовищем.

— Но я же видела ваш ужас.

— Энжи, в тот момент шёл бой. Был накал страстей. Твоё перерождение стало для нас полным сюрпризом и, возможно, в первые секунды, кто-то из нас растерялся, возможно, был шокирован. Но по-настоящему мы тебя никогда не боялись. Господи, малышка, ты же нам всем жизнь спасла!

— Но... но я же убивала вампиров. Я раздирала их на клочки у вас на глазах.

— Мы тоже. Кстати, Эммет на тебя обижен. Говорит, что в кои-то веки появилась возможность хоть с кем-то сразиться, а ты всех соперников себе забрала. Ну, почти всех. Четверых мы всё же прикончить успели, а потом ты просто выдернула нас из схватки.

— Я за вас испугалась, — пробормотала я, утыкаясь лбом в грудь Эдварда. — Если бы с вами что-то случилось — я бы не пережила.

— Мы все чувствуем то же самое. Так что представь, что мы почувствовали, потеряв тебя. А представляешь, что пережил я?

— Прости. Я не думала, что вы станете из-за меня переживать. Я думала, что узнав, кто я такая, увидев, какое я чудовище, вы все будете только рады от меня избавиться.

— Энжи, ну как ты не понимаешь — мы все тебя любим. И нам всё равно, кто ты, нам важно — какая ты. И мы это знаем. Ты встала с нами плечом к плечу, когда шансов спастись у нас не было, а у тебя этот шанс был. Но ты предпочла бороться и погибнуть вместе с нами, а не спасти свою жизнь. Это говорит о многом. И, Энжи, как ты могла оставить меня? Ты же знала, что я люблю тебя, я не раз тебе об этом говорил, и думал, что и ты тоже меня любишь. Но ты ушла.

— Это было самое страшное — оставить тебя. Это было так больно. Но я думала, что у меня нет другого выхода, кроме как покинуть вас. Вот только, я так и не смогла этого сделать.

— Да, по нашим меркам, ты остановилась совсем рядом с домом. А мы искали тебя по всему штату.

— Вы искали меня? — моему удивлению не было предела. Одно дело — не хотеть, чтобы я их покидала, и совсем другое — сознательно меня искать. — Так вот куда вы ездили по ночам?

— Конечно, мы искали тебя. Ты — член нашей семьи. Мы знали, что ты где-то там, совсем одна, такая маленькая... — Эдвард судорожно вздохнул и крепче прижал к груди мою голову. — Никогда так больше не делай, слышишь? Не бросай меня.

— Никогда. Больше никогда! Прости, прости, прости, — бормотала я сквозь всхлипы в его рубашку.

Мы ещё какое-то время простояли обнявшись. Потом Эдвард отстранился, чтобы заглянуть мне в глаза, но из рук не выпустил, словно боялся, что я исчезну.

— Пойдём домой, Энжи. Все так тебя ждут. Ты ведь вернешься, правда? — казалось, он не уверен в моем согласии. Глупенький. Ну, куда же я от него денусь? Теперь, когда основное препятствие устранено, точнее — оно и не существовало вообще, ничто не сможет разлучить меня с Эдвардом. Ничто и никто, даже я сама.

— Конечно, пойду! Я тоже скучала, так безумно скучала.

— Тогда пойдём. Скорее! — Эдвард был весь в нетерпении.

— Мне нужно вещи собрать, — остановила его я. Еще вчера такой проблемы бы не возникло, то не сегодня. Кое-что оставлять я не хотела.

— Энжи, да бог с ними, с вещами, новые купим. Пойдем! — кажется, Эдвард просто боится выпустить меня из вида. — Твой приятель-оборотень уже понял, что ты не вернешься, и доедает твой ужин. Ничего, мы тебе сегодня настоящий пир закатим. Пошли!

— Я быстренько! Ты и глазом моргнуть не успеешь! — решив воспользоваться ситуацией, я поднялась на цыпочки и быстро, чтобы он не догадался и не смог отстраниться, чмокнула Эдварда прямо в губы. Но я не ожидала, что он вдруг схватит меня в объятия и коротко, но страстно поцелует в ответ. Ух, ты! Видимо, дело не только в моих клыках, тут явно произошли какие-то другие, но очень приятные изменения. Ладно, выясню все позже, а пока — нужно торопиться. Мне ужасно не терпелось увидеть вновь мою семью, которую я уже считала для себя потерянной навсегда.

— Сейчас вернусь, — с этими словами я рванула к своему «домику» на полной скорости и через пару секунд уже была на месте. Джейк спокойно сидел у костра и доедал второго кролика. Увидев, как я в мгновение ока запрыгнула на сосну, только улыбнулся и продолжил жевать. Сдернув с крючка сумку, в которой лежало все мое имущество, я перекинула её ремень через голову, потом выудила из гнезда жёлтого слонёнка — собственно, за ним-то я и возвращалась, остальное прихватила просто потому, что всё равно была рядом, — и спрыгнула на землю. Джейк слегка присвистнул, оценив мой прыжок.

— Я правильно понял — ты всё же решила вернуться домой?

— Да! Я возвращаюсь! Знаешь, я была такой дурой — сама себе придумала проблему, сама себя наказала ни за что. Но теперь всё будет просто замечательно! Спасибо тебе, огромное! — от избытка чувств, я порывисто обняла Джейка, мне даже наклоняться почти не пришлось, и расцеловала в обе щеки. Он слегка смутился, но был явно доволен. — Ты настоящий друг!

— Да ладно, ничего особенного я не сделал. Я же видел, как тебе плохо и больно. Но теперь-то у тебя всё будет хорошо, верно?

— Да, всё будет замечательно! — мне хотелось плясать от избытка чувств.

— Подумать только, я оказал услугу кровососу! В голове не укладывается. Ох, и влетит же мне от Сэма. А впрочем, всё это ерунда. Покричит и всё. Главное — что ты теперь в порядке. Ну, беги уже домой, я же вижу, как тебе не терпится.

Я рванула было назад, к Эдварду, но притормозила. Потом вернулась к Джейку, недоумённо наблюдавшему за моими метаниями, выгребла из сумки оставшиеся шоколадные батончики, высыпала ему на колени и чмокнула в макушку.

— Пока, Рыжик! — с этими словами, я помчалась к реке, провожаемая заливистым хохотом Джейка. Как всё же хорошо, что у меня такой отличный друг. Надеюсь, мы ещё увидимся. Жизнь — штука непредсказуемая.

Я с размаху влетела в объятия Эдварда, ждавшего меня за проведённой Джейком чертой, он подхватил меня на руки и сиганул через реку даже без разбега. А потом, продолжая держать на руках, помчался по лесу в сторону дома. Крепко прижатая к его груди, я отчётливо почувствовала «дежа-вю». Вот так же в прошлый раз он уносил меня от Рыжика, так же прижимал к себе, словно боялся потерять.

Я решила задать вопрос, который мучил меня с того момента, как я увидела Эдварда, стоящего на другом берегу реки. Джейк, конечно, мой хороший друг, но вряд ли он сам пошёл бы «в логово кровососов». Тут всё явно было сложнее.

— Как ты меня нашёл?

Эдвард бросил на меня быстрый взгляд и тут же отвёл глаза, снова глядя прямо перед собой.

— Все эти дни мы искали тебя. Но искали совсем не там. И только сегодня это поняли, когда позвонила Эсми и сказала, что ты была в доме в её отсутствие. Вряд ли это было совпадение — она отсутствовала совсем недолго. Значит, ты точно знала, что дом будет пуст. Мы поняли, что ты где-то рядом, и наблюдаешь за нами.

Он покачал головой и хмыкнул.

— Потом придётся как-то объясняться с учителями — я сбежал прямо в середине урока. После звонка Эсми у меня едва хватило соображения не выдать себя, рванув домой пешком. А уж когда Карлайл, который тоже вернулся домой, отпросившись с работы после звонка мамы, обнаружил в холодильнике твою кровь...

Голос Эдварда прервался, он с трудом сглотнул.

— Вампиры не плачут, то в тот момент мне показалось, что Эсми всё же разрыдается.

Мы поняли, что ты всё равно нас любишь, что заботишься о нас, не смотря ни на что.

Я смущённо уткнулась Эдварду в шею.

— Я не хотела вас пугать, но ещё сильнее не хотела, чтобы вы мучились. Я же знала, что моя кровь должна была уже закончиться.

— Мы оставили свои порции для Джаспера.

— Да, я догадалась. Но больше вам не придётся этого делать. — Я поудобнее устроилась у Эдварда на руках. — А что было дальше?

— Дальше? Дальше мы стали тебя искать по окрестностям. Твой запах был в доме, но снаружи его не было.

— Я прилетела, — пояснила я.

— Мы так и подумали. Удобное умение, наверное? — он лукаво взглянул на меня, и я, пожав плечом, смущённо улыбнулась. Обсуждать своё перерождение мне сейчас не хотелось.

— Итак, мы не обнаружили возле дома твоего следа, и стали прочёсывать лес. И через какое-то время нам повезло. Мы нашли твой наблюдательный пункт. И твою кровь, — его челюсти сжались, под кожей отчётливо заиграли желваки. Видимо, воспоминание было не из приятных.

— Это я однажды заснула и свалилась с ветки. Ничего страшного, всё быстро зажило. Так что было дальше?

— От дерева шёл чёткий след — не очень свежий, но прекрасно читаемый. Он-то и привёл нас к границе с квилетами.

Я вспомнила тот раз, когда впервые смогла вернуть себе человеческий облик. Именно тогда я и убежала «домой» пешком. Вот что меня выдало. Всё же то падение обернулось для меня двойным благом — вернуло мне не только мой облик, но и мою семью. Ради такого не жалко немного и пострадать.

— Джаспер и Эммет вдвоём едва удержали меня — я готов был наплевать на договор и пересечь границу. Карлайл предложил сначала попытаться сделать всё... цивилизованно, попробовать договориться с квилетами. Когда-то ему это удалось. Я согласился, к тому же Эммет заявил, что если не получится договориться — тогда уж можно будет и границу нарушить, это никогда не поздно сделать.

— Вы были здесь, у реки? Совсем рядом? А я всё проспала...

— Если бы я знал, что ты так близко — я не стал бы соглашаться на предложение Карлайла. Просто перепрыгнул бы реку — и плевать на все договоры и цивилизованные методы на свете. Впрочем, это всё же сработало, хотя не совсем так, как мы рассчитывали.

В этот момент я заметила, что Эдвард давно уже не бежит, а просто идёт обычным, человеческим шагом. Меня это вполне устраивало. Конечно, мне не терпелось поскорее вновь оказаться дома, в кругу семьи, но побыть наедине с Эдвардом мне хотелось ещё больше. Я так по нему соскучилась. По его сильным рукам, золотистым глазам, чудесной улыбке. По нашим разговорам. По тому непередаваемому ощущению счастья и покоя, которые я испытывала, только находясь в его объятиях. Я положила голову Эдварду на плечо и с удовольствием продолжила любоваться им и слушать его рассказ.

— Карлайл раздобыл телефон одного из старейшин племени и попросил о встрече на нейтральной территории. Мы встретились на шоссе — там, где проходит граница

резервации. Вместо старейшин пришли несколько молодых индейцев. Я так понимаю — это были оборотни.

— Скорее всего. Видимо, решили, что старейшин к вам подпускать опасно. Точнее — вас к ним.

— Ты права. Именно такая мысль промелькнула у одного из парней. Переговоры вёл самый старший из них, впрочем, несмотря на внушительные габариты и суровую внешность он, в сущности, лишь недавно вышел из подросткового возраста. А остальные были и того младше — совсем мальчишки.

— Сэм, — пробормотала я. — Он их Альфа.

— Да, я так и понял. Короче, когда Карлайл попросил разрешения пересечь границу для твоего поиска, он решительно нам отказал.

— Правда? Но почему? И потом, он же знал, где меня искать. Пусть он не пустил вас, но мог привести к вам меня. Я не понимаю.

— А вот я понял. Поскольку они не знали о моей способности читать мысли, то и не пытались их скрыть. Сэм был доволен тем, что ты ушла от нас. В его представлении этим ты ослабила нас и усилила оборотней.

— В смысле?

— Он считал, что раз ты ушла от нас и живёшь на их территории, то ты теперь как бы за них. По принципу «враг моего врага»...

— Господи, они, похоже, на этом просто зациклены. Я уже слышала такое от Джейка. Конечно, какой-то смысл в этом есть — я не подпустила бы к ним ни одного красноглазого вампира. Тут они правы — в этом плане я за них. Но вы-то другие! И произойди конфликт между вами и оборотнями — я даже задумываться не стала бы, на чьей я стороне. Неужели Сэм настолько наивен?

— Он не наивен, скорее готов на всё для защиты племени. Раз на его территории поселилась истребительница вампиров... — Тут Эдвард грустно усмехнулся, а меня пробрала дрожь. Мне совсем не нравилось представать перед ним в этом качестве, но из песни слово не выкинешь. — Раз им удалось заполучить такого ценного союзника, отдавать тебя Сэм посчитал нецелесообразным.

— Тогда как?

— Джейк. Тот парнишка, с которым ты подружилась. Это ведь и был Рыжик, верно? — Вопрос был риторический, но я всё же кивнула. — Когда он понял, что Сэм не хочет тебя нам отдавать, он возмутился. Мысленно, конечно, но я-то слышал. В его памяти возник образ тебя, плачущей от того, что ты не можешь вернуться домой, к семье. Мне было больно это видеть, но я понял, что парень хочет, чтобы ты вернулась в семью, по которой так тоскуешь. Он считал, что именно у тебя должно быть право выбора, а не у Сэма. Похоже, он и правда стал твоим другом — твоё счастье он ставил выше интересов стаи.

— И что было потом? — нетерпеливо поинтересовалась я, когда Эдвард замолчал.

— Потом? Всё просто. Высказав своё веское слово, Сэм развернулся и ушёл, остальные оборотни пошли за ним, а Джейк задержался. Когда его товарищи уже не могли его слышать, он еле слышно прошептал: «Приходи туда, где мы виделись в прошлый раз», после чего убежал вслед за остальными. Даже если бы я и не прочёл в его мыслях воспоминание о той нашей встрече, я бы всё равно понял, что он имел в виду. За последние шестьдесят лет, мы были единственными встречавшимися вампиром и оборотнем. До сегодняшнего дня, естественно. Он это знал, поэтому рассчитывал, что я правильно пойму

его слова. После этого я отправился к реке и стал ждать. Дальше ты знаешь.

— Всё-таки хорошо, что Джейк решил тебе помочь. Мне бы не хотелось, чтобы из-за меня был нарушен договор. Я и так столько проблем всем принесла. Мне так жаль.

— Малышка, ну сколько можно?! О каких проблемах ты говоришь? Если бы не ты — никого из нас не было бы в живых. И, ты заметила, что наш разговор пошёл по кругу? Давай определимся раз и навсегда: ты — это просто ты, наша Энжи. И мы любим тебя такой, какая ты есть. Так что, кончай выдумывать проблему, которой нет! Сейчас мы придём домой, и ты увидишь, как все тебе обрадуются.

Я отвела, наконец, взгляд от лица Эдварда и огляделась. Мы, действительно, почти пришли — дом был уже прекрасно виден. И, хотя мне этого совсем не хотелось, я всё же сказала:

— Знаешь, я могу и сама идти.

— Я знаю, — улыбнулся Эдвард. — И идти, и бежать, и лететь. Но это ничего не значит. Я несу тебя не потому, что в этом есть какая-то необходимость, а потому, что мне этого хочется, вот и всё. Мне это нравится.

— Мне тоже нравится — пробормотала я и потёрлась носом о его шею. — Но Эммет будет дразниться. Я его знаю — он такого шанса не упустит. Я бы на его месте точно не упустила.

— Да уж, он это может. Ну, хорошо, — и Эдвард, легонько поцеловав меня в губы, опустил на землю, взял за руку и повёл к дому.

Третий раз! Эдвард сам, САМ, поцеловал меня в третий раз. И если первые два ещё можно было списать на эмоции встречи, волнение, и так далее, то сейчас он абсолютно спокоен, и сделал это совершенно сознательно. Конечно, назвать это полноценным поцелуем сложно, так, мимолётное прикосновение, но всё же! Эдвард явно отменил своё табу. Но почему вдруг? Нет, я, конечно, не против, я только «за», всеми руками, ногами и ушами, просто интересно, с чего он вдруг решил нарушить собственный запрет? Нужно будет попозже расспросить его об этом. Но не сейчас.

Мы уже вышли из леса, и подошли к реке. Из дома высыпали все Каллены и побежали нам навстречу. В ту же секунду, как я приземлилась на другом берегу, на меня налетел маленький черноволосый вихрь, и крепко сжав меня в объятиях, начал скороговоркой распекать за мой побег. Я тоже обняла Элис, с улыбкой слушая её выговор, наслаждаясь самым фактом того, что она рядом, говорит со мной, ругает меня. Пускай ругает, она права, я действительно сглупила.

В следующую секунду нас обеих подхватили и закружили сильные руки Эммета, потом меня отцепили от Элис, а может — её от меня, и передавали с рук на руки, обнимали, целовали, гладили по голове и спине, даже подбрасывали в воздух. И все говорили одновременно, но я прекрасно понимала, о чём. Всё это я уже слышала от Эдварда и была совершенно с этим согласна. Поэтому я, обнимая и целуя свою вновь обретенную семью, кивала и поддакивала. Да, я поступила глупо, да я не должна была уходить. Да, мне нужно было понимать, что меня все любят, независимо от того, кто я и что я. Вокруг меня стоял шум и гам, мелькали лица, а я стояла посреди этого бедлама и была счастлива, невероятно счастлива.

Наконец все немного успокоились и направились в дом. Эсми и Элис обнимали меня с двух сторон, но когда мы вошли в гостиную, Эсми умчалась на кухню, откуда послышался грохот посуды и хлопанье дверок холодильника и шкафчиков. Похоже, Эдвард сказал правду,

для меня готовится настоящий пир.

Я сидела на диване, под боком у Эдварда, который не отпускал меня от себя с того момента, как остальные члены семьи перестали меня обнимать. С другой стороны ко мне прижималась Элис. Остальные расселись кто где. Эдвард рассказывал о том, как Джейк помог ему встретиться со мной, я дополняла его рассказ подробностями своего «нового» знакомства с Рыжиком-Джейком. Потом мне рассказали о том, как меня искали по всему штату, а обнаружили практически под боком. Как волновались за меня, как переживали.

Но я заметила, что все искусно обходили тему моего обращения и второй сущности. Никто не задавал мне вопросов, никто не делился впечатлениями о реакции на моё превращение в гаргулью у всех на глазах. Это было немного странно — неужели их совсем не интересуют подробности? Я вспомнила, что за исключением уверений, что кем бы я ни была, семья меня любить не перестанет, да несколько брошенных вскользь фраз о том, что летать, наверное, здорово, и сам Эдвард больше никак не поднимал в разговоре со мной эту тему. Ну, ещё пересказ мыслей Сэма — и опять же, скорее констатация факта, и никаких расспросов. Странно. Неужели им совсем не интересно? Ведь даже Эммет ни о чём не спросил, а уж от кого-от кого, а от него ждать тактичности не приходилось. Ладно, спрошу у Эдварда, когда останемся наедине.

Потом был пир. Все деликатно остались в гостиной, только Эдвард пошёл вместе со мной на кухню, где уселся напротив и любовался, как я, чуть ли не с урчанием, впивалась зубами в приготовленную Эсми еду. Время от времени он пододвигал ко мне очередное блюдо, на которое я набрасывалась с не меньшим аппетитом. Почти неделя на диете из крови и плохо прожаренных несолёных кроликов — перекус во время короткого «тайного» визита не в счёт, — оказалась для меня, любительницы вкусно поесть, довольно тяжёлым испытанием, но осознала я это только теперь.

Наконец, я отвалилась от стола, сыто и сонно глядя на Эдварда. Хотя я проснулась не так уж и давно, но в целом, в последнее время я спала мало, урывками и беспокойно. А теперь, сытая, счастливая и умиротворённая, я поняла, что сейчас усну прямо на стуле. Кажется, Эдвард прекрасно это понял, потому что тихонько рассмеялся и ласково погладил меня по голове.

— А теперь купаться и спать. На сегодня достаточно с тебя впечатлений.

Купаться! В настоящей ванне, с тёплой водой, с шампунем, с душистым мылом! Настоящая мочалка вместо пучка папоротника, и, уж извините, унитаз и туалетная бумага вместо выкопанной ямки и всё того же папоротника. Господи, как же я соскучилась по цивилизации!!! И как же я хочу вновь почувствовать себя по-настоящему чистой.

Я поднялась и, слегка пошатываясь, вышла из кухни. Шесть пар глаз с интересом встретили моё появление. Рука Эдварда обняла меня за плечи, поддерживая и направляя.

— Мы — спать. Энжи просто с ног валится.

Я обвела всех осоловелым взглядом и извиняюще улыбнулась.

— Спокойной ночи.

После чего повернулась и, отчаянно зевая, побрела к лестнице, провожаемая разноголосыми пожеланиями сладких снов. Через пару шагов Эдвард подхватил меня на руки, а в следующую секунду уже ставил меня на коврик в ванной и забирал из моей ослабшей руки жёлтого слонёнка. Всё это время я так и таскала его с собой, выпустив из руки только во время еды, и то, пристроив у себя на коленях, а потом снова машинально сжав в кулаке. После ухода Эдварда я с вождением посмотрела на ванну, но побоялась в

ней заснуть. Мелькнула мысль, не обратиться ли мне на время, но тогда я не почувствую настоящего удовольствия от ванны — слишком нечувствительной была моя кожа в облике гаргульи. Так какой смысл? Поэтому я направилась под душ. Спустя недолгое время, отдраившись до скрипа и ещё сильнее разомлев от тёплой воды, я вышла в спальню. Эдвард уже ждал меня в нашей кровати. С блаженной улыбкой устраиваясь в его объятия, я вспомнила своё недавнее недоумение.

— Эдвард, а тебе, похоже, не очень-то и хочется говорить о том, кто я такая на самом деле?

— С чего ты взяла?

— Ты мне вообще никаких вопросов не задал. Ну, кроме того, что летать, видимо, здорово. И остальные тоже молчат. А может, вам просто не хочется говорить об этом, не хочется вспоминать, кем же я оказалась на самом деле?

Губы Эдварда были практически прижаты к моим волосам, поэтому я не только услышала, но и ощутила его хихиканье.

— Энжи, какая же ты глупышка! Да у нас уйма вопросов, и мы просто изнываем от любопытства. Но Карлайл решил, что это именно для тебя может быть больной темой, поэтому категорически запретил нам касаться её, пока ты не дашь понять, что готова к разговору. Ты просто не представляешь, чего нам стоило сегодняшнее молчание. Особенно Эммету. Бедняга сидел как на иголках, но он тоже любит тебя, как и все мы, поэтому и молчал, не хотел наступать на возможную больную мозоль. Кстати, знаешь, о чём он больше всего хотел тебя спросить?

— О чём?

— Покатаешь ли ты его? Ему безумно хочется полетать, и он теперь знает, что тебе это вполне по силам. Так что...

— Покатаю. Я вас всех покатаю. И отвечу на все вопросы. Вот только, — широкий зевок, — не сегодня, ладно.

— Ну конечно, не сегодня. Спи моя малышка. Сладких тебе снов.

Последнее, что я почувствовала, прежде чем провалилась в сон, было лёгкое прикосновение прохладных гладких губ к моим губам. А ведь я же хотела его спросить...

Додумать эту мысль я уже не успела.

Глава 16. Снятый мораторий. Часть 1.

Я проснулась с улыбкой на губах. Едва вынырнув из сна и почувствовав под ухом мерное колыхание своей любимой подушки, прохладной и твёрдой, но самой удобной на свете, я сразу всё вспомнила. Я дома, Эдвард рядом, моя семья меня любит. И главное — Эдвард снял табу на поцелуи! Я так долго этого добивалась, а когда смирилась и опустила руки — он вдруг «сменил гнев на милость». Я совсем не против, но всё же интересно, почему? Нужно обязательно выяснить. Но не сейчас. Позже. Пока же я просто нежилась у него на груди, едва не мурлыча от счастья.

Солнечный зайчик скользнул по моей щеке. Я сморщила нос и попыталась увернуться, уткнувшись носом в грудь Эдварда, которая тут же начала вибрировать от беззвучного смеха. Тут до меня дошло, что раньше, когда я просыпалась, солнце, точнее тот его свет, что мог пробиться сквозь пелену облаков, никогда не доходил до нашей кровати. А значит, сейчас если и утро, то очень позднее. Поняв это, я резко села.

— Школа! Мы опоздали!

Эдвард продолжал лежать, с ласковой усмешкой глядя на меня.

— Успокойся, малышка. Сегодня суббота. И потом — какая школа в такой день? Когда светит солнце — мы в школу не ходим.

— А, да. Конечно. Вы же можете «засветиться». В прямом и переносном смысле. — Я снова улеглась ему на грудь. Господи, как же я соскучилась. Так бы и лежала весь день. Только не получится. Потому, что снизу послышался весёлый голос нашего бестактного брата.

— О, похоже, спящая красавица наконец-то проснулась! А я-то уж начал подумывать, не в летаргию ли она впала. Проспать шестнадцать часов подряд — пожалуй, это перебор даже для такой сони, как ты, Кнопка.

Я улыбнулась. Вот уж кто совершенно не изменился, так это Эммет.

— Зависть — грех! — крикнула я в ответ.

Пора было вставать. Я быстро закончила свой утренний туалет, и мы с Эдвардом спустились в гостиную, где собралась вся семья.

— Давай, Кнопка, рассказывай!

Я недоуменно захлопала глазами.

— О чём?

— Нам всем очень хотелось бы побольше о тебе узнать. О том, кем ты стала. Эдвард сказал, что ты не против, если мы тебя обо всём спросим, — вступил в разговор Карлайл.

— Нет, не против, — я уселась на диван, с двух сторон от меня вновь устроились Эдвард и Элис. Остальные расположились напротив, на стульях и креслах. Я заметила, что все смотрят на меня лишь с доброжелательным любопытством. Как и вчера — никакой отчуждённости или насторожённости. Это радовало.

— Может, всё же сначала поешь? — конечно же, Эдвард в первую очередь заботился обо мне.

— Ничего, я пока не сильно проголодалась. Видимо, вчерашний супер-ужин ещё не переварился, — успокаивающе похлопав его по руке, я повернулась к Карлайлу. — Что именно вы хотите узнать?

— Знаешь, старейшины у Вольгури видели... гаргулий... прости, Энжи... — Карлайл явно боялся меня обидеть.

— Да ладно, не переживайте. Я уже смирилась. Давайте называть вещи своими именами. Я — гаргулья, и всем нам теперь это известно. Не скажу, что подобное открытие привело меня в восторг, но всё же, это хоть какая-то определённости. Я долго размышляла, — больше-то заняться мне было нечем, — и пришла к выводу, что неважно, кто я, важно — какая я. А я всё та же, что и была, уверяю вас.

— Мы это знаем. Ты мудра не по годам, дитя моё.

Не зная, что на это ответить, я только пожалала плечами. А может быть, именно «по годам»?

— Так что там про Вольгури? — поинтересовался Эдвард.

— Так вот, насчёт Вольгури. Сам-то я слышал только легенды, которые и рассказывал вам, но Аро, самый главный и самый старый из них, видел гаргулий своими глазами, и не раз.

— Но ведь они же все исчезли тысячу лет назад. Почти все, — Эммет ухмыльнулся, глядя на меня. В ответ я показала ему язык. — Насколько же стар этот Аро?

— Точно никто, кроме него, не знает. А может, и сам он тоже — в те времена к летоисчислению относились несколько иначе, большинство людей и считать-то не умели, не говоря уж о календаре. Но не меньше трёх тысяч лет.

— Можно сделать радиоуглеродный анализ, — пробормотала я себе под нос. Но меня услышали и рассмеялись.

— Интересная идея. Но вряд ли выполнимая. Но я продолжу. Так вот, Аро никогда не упоминал, что гаргульи могут принимать человеческий облик. Да и женщин среди них никогда не наблюдалось. К тому же, их всегда описывали как гигантов, а ты, Энжи, уж извини...

Карлайл вновь запнулся, но ему на помощь пришёл неугомонный Эммет, констатируя очевидное:

— Кнопка!

— Она ещё подрастёт! — тут же встала на мою защиту Элис. Тут в разговор вступила Розали:

— Думаю то, что Аро не видел гаргулий-женщин, ещё ни о чём не говорит. Битвы всегда были прерогативой мужчин, и тогда, и сейчас.

— И свою человеческую ипостась они могли ото всех скрывать, выходя на битву облачившись в боевые доспехи, так сказать, — рассудительно заметил Джаспер. — Так же, как и Энжи. На поле боя она надела «доспехи», а потом их сняла.

— Нет, не сняла, — печально пробормотала я. Все недоумённо уставились на меня. Я поправилась. — Не сразу сняла. Собственно, я лишь позавчера утром смогла вернуть свой человеческий облик. Когда с дерева свалилась.

— Надо же. Это что, особый метод обращения — с дерева падать?

Ну, конечно же, Эммет не мог упустить возможности позубоскалить. Эдвард же стиснул зубы и крепче прижал меня к себе. Кажется, я поняла, что именно он в данный момент вспомнил — мою кровь на обломанных ветках сосны. Я успокаивающе погладила обнимающую меня руку.

— Не совсем. Я упала потому, что уснула, а уснула потому, что обратилась, — я начала загибать пальцы, — а обратилась потому, что расслабилась, а расслабилась я потому, что слышала игру Эдварда. — Я подняла голову, чтобы заглянуть ему в глаза. — До этого я не могла расслабиться. Всё время думала о том, кем я стала, переживала, волновалась. Напряжение не отпускало меня ни на секунду, даже когда я думала о чём-то другом, даже когда я вроде бы смирилась со своим положением. И только когда я слышала, как ты играешь.... Я просто слушала музыку и всё. Ты помог мне вернуть себя, Эдвард. Спасибо тебе.

Эдвард обнял меня и второй рукой, и прижался губами к моим волосам. Я тоже обхватила его руками, наслаждаясь нашей близостью. Так мы и сидели какое-то время, пока не раздалось насмешливое покашливание Эммета.

— Может, нам уйти?

— Ой! — я вдруг вспомнила, что мы не одни. Эдвард с явной неохотой выпустил меня из объятий, хотя и продолжал одной рукой обнимать за плечи.

— Ты говоришь, что не могла расслабиться ни на минуту. Что, даже во сне? — Карлайл продолжал собирать информацию.

— А я вообще в эти дни не спала. Не могла. Как и вы.

— Невероятно! Что, даже не хотела? Вообще?

— Вообще. Я вам больше скажу — у меня перестало биться сердце. И крови не было. А еще мне не нужно было дышать. — Я задумалась, стоит ли сообщать такие подробности, но потом мысленно пожала плечами и добавила. — И в туалет я тоже не ходила.

Какое-то время все потрясенно молчали, переваривая услышанное. Первой опомнилась Элис и кинулась меня обнимать.

— Я всегда знала, что ты похожа на нас больше, чем на людей. Теперь я в этом убедилась!

Ах, Элис, ты еще не все знаешь. Главную «бомбу» я приберегла напоследок.

Остальные Каллены отходили от потрясения несколько дольше, чем Элис.

— Это что-то невероятное. Ты же стала практически такой же, как и мы! — было видно, что слова довались Эдварду с трудом, он все еще переваривал мои откровения. — Если бы ты пила кровь, тебя вообще можно было бы принять за вампира.

А вот сейчас я взорву бомбу.

— А я пила кровь, — застенчиво пробормотала я.

Эффект от моих слов был сногсшибательным. Интересно, у вампиров бывает шок?

— Энжи, да кто же ты такая? — наконец выдавил из себя Карлайл.

— Но... Но ты же ела кроликов! Я это видел! В мыслях Джейка, но все же видел.

— Всё верно. Я ела кроликов на глазах у Джейка. Такая я — ела, ну, такая я, как сейчас. А когда я была в облике гаргульи — я обычную пищу есть не могла. Просто не хотела. Я хотела крови. Вот и пила ее.

— Ты испытывала жажду? — для Джаспера это был не праздный интерес.

— Нет, голод. Обычный голод. Ничего похожего на жжение в горле, которое вы описывали.

— Но чью же кровь ты пила.

— Кроликов. Их там полно. Первого я поймала, собираясь зажарить. А в итоге впила ему зубами в горло. Точнее — клыками. — Я пожала плечами. — В первый момент это слегка меня шокировало, но лишь слегка. К тому времени я просто устала чему-то удивляться — на меня столько всего свалилось.

— Бедная девочка, — вступила в разговор молчавшая до этого момента Эсми. — Сколько же тебе пришлось пережить? Одной. Как же ты все это вынесла?

— Не знаю. Я просто жила. У меня не было выбора.

Губы Эдварда прижались к моим волосам, тихий голос шепнул на ухо:

— Больше ты не останешься одна. Никогда!

— Кролики! — лирический момент был нарушен фырканьем Эммета. — Неужели ты пила кровь кроликов? Не могла раздобыть что-нибудь повкуснее? Для Эдварда, вон, пуму поймала, а сама питалась всякой гадостью.

— Для тебя это может быть гадость, но меня кролики вполне устраивали. Сытные, вполне вкусные и всегда под рукой. Я не могла питаться по вашему графику, ела часто и понемногу. И кролики в этом плане очень удобны. Не убивать же целого оленя ради стакана крови?

— Не обращай внимания на Эммета, — Элис успокаивающе похлопала меня по руке и сердито глянула на брата, — Ты имеешь право есть то, что хочешь. И если тебе нравятся кролики — так почему бы не их?

— Ну, собственно, я ничего другого и не пробовала. Просто не было необходимости. Вот когда поеду с Эдвардом в следующий раз на охоту — попробую что-нибудь ещё. Вдруг

понравится?

— Кстати, Энжи, — вновь вступил в разговор Карлайл, — раз уж ты не ядовита, и пьёшь за раз так мало крови, тебе вообще не обязательно убивать животных. Это у нас нет выбора — если мы укусили кого-то, то вынуждены его умертвить, иначе животное тоже может стать вампиром, а это очень опасно.

— Наверное, так и буду делать. Или Эдвард со мной поделится. Но знаете, вообще-то человеческая еда мне нравится больше.

— Кнопка, а когда ты нам снова покажешь свои крылья? Я вчера слышал, что ты обещала меня покатасть. Думаю, это будет только справедливо, учитывая, сколько я сам тебя катал.

Я растерялась. Да, вчера, практически засыпая, я была готова, на радостях, покатасть кого угодно, но теперь, в здравом уме и трезвой памяти, я вспомнила о том, в кого же я превращаюсь. В чудовище. В монстра. В страшилище. Каллены же видели меня, обращённую. Неужели им не противно будет смотреть на меня, такую, какой я стану? Видя мою растерянность и смущение, Эдвард истолковал его иначе.

— Энжи, если тебе сложно перевоплощаться, то и не нужно. Эммет переживёт.

— Нет, дело не в этом. Перевоплощаться оказалось очень просто, когда я поняла, как это делать...

— А как это делать? — тут же встрял неугомонный Эммет. Впрочем, он явно озвучил вопрос, мучавший большинство Калленов. Джаспера же в моих словах заинтересовало другое.

— А как же ты превратилась до того, как это поняла? Там, на поле?

— Оказалось, что мне достаточно просто этого захотеть. И всё. Так просто, но дошла я до этого далеко не сразу. — Я решила сначала ответить на вопрос Эммета, а потом повернулась к Джасперу. — Я и сама не знаю, как это произошло. Я не могла в тот момент захотеть перевоплотиться, потому что просто не знала, что умею это. Но, анализируя произошедшее, думаю, что тут сработали инстинкты. Мне нужно было уничтожить врагов, поэтому наружу «выпрыгнула» именно та моя... ммм... особенность, которая могла мне помочь. Как до этого проявлялись все остальные мои способности. Но, я думаю, что основным катализатором послужили их красные глаза.

— Да, я помню, что ты именно наши глаза упомянула при первой встрече. Ты не помнила собственного имени, но то, что мы вампиры, причём «вегетарианцы», ты знала прекрасно. «Просто знала, и всё», — улыбнулся Карлайл.

— Генетическая память, — пожала я плечами.

— Но если это так легко, то почему же ты не хочешь обратиться прямо сейчас? — Эммет не отставал. Кстати, остальные тоже явно недоумевали. А мне так не хотелось предстать перед Эдвардом уродиной. Хотя, он же всё равно меня уже видел... Но не спросить я не могла. Уставившись на свои руки, лежащие на коленях, и от волнения сжавшиеся в кулаки, я с трудом выдавила из себя:

— А я очень уродлива, когда обращаюсь?

Пауза. Устав ждать ответа, я подняла глаза и увидела недоумение на лицах Калленов.

— А с чего ты взяла, что уродлива? — осторожно спросил Карлайл. — Разве ты не видела своего отражения? В реке, например, или здесь, когда приходила вчера?

— Нет. Я не смотрелась ни во что отражающее. Не хотела себя видеть. Но я же знаю, как выглядят гаргульи. Видела фотографии статуй. На ровном месте такое уродство вряд ли

станут делать.

Снова пауза. Я заметила, как Эдвард переглянулся с Элис и кивнул головой в ответ на её мысли. После чего Элис решительно встала с дивана и взяла меня за руку.

— Пошли!

Я покорно побрела за ней. Робкая надежда закралась в мою душу. А вдруг я вовсе не так безобразна, как считала? Может, просто некрасива, но не до ужаса? Хотя, я же точно знаю, что у меня появляются клыки. И я сама щупала свои огромные уши. Так почему бы не измениться и всему остальному? Пока я размышляла, Элис привела меня в комнату Розали и поставила перед огромным зеркалом. Когда-то я и сама приводила сюда Эдварда, чтобы наглядно ему продемонстрировать, насколько малы различия между нами. И теперь уже меня привели сюда, чтобы что-то мне показать.

— Вот, перед тобой зеркало. Я уйду, и оставлю вас с ним один на один. А ты полюбуйся собой, раз уж при нас обращаться стесняешься. И когда будешь готова — спускайся, мы подождём.

В следующую секунду я осталась одна. Из зеркала на меня смотрела юная и, к чему ложная скромность, прекрасная девушка. Одетая я, правда, была как мальчишка, но это меня совсем не портило. Неужели сейчас я увижу, как эти черты исказятся, как моё лицо станет уродливой маской гаргульи. Хорошо, пусть не уродливой, но всё же маской. Оно ведь не может не измениться.

Так, ладно, хватит оттягивать неизбежное. Я должна, наконец, это увидеть! Чтобы вновь не испортить одежду, я сняла рубашку, оставшись в топике с открытой спиной, и разулась. Потом сняла резинку, собиравшую мои волосы в конский хвост, и позволила им свободно рассыпаться по плечам. Может, так мои уши хоть немного будут скрыты? Потом я зажмурилась, несколько раз глубоко вздохнула и обратилась.

Какое-то время я продолжала стоять с закрытыми глазами, но потом, обозвав себя трусихой, приоткрыла один глаз, сквозь ресницы взглянув на себя в зеркало. Потом широко распахнула глаза и расхохоталась. Теперь мне была понятна недоумённая реакция Калленов на мой вопрос.

Из зеркала на меня смотрела настоящая красавица. Черты лица остались прежними, но стали более тонкими, точёными, более взрослыми, что ли. И если до этого я была прекрасна, то теперь — просто ослепительна! Кожа стала бледной, как у вампиров, исчез румянец — но это для меня как раз сюрпризом не было. Клыки никак не выделялись и не деформировали рисунок губ. А остренькие, как у эльфа, уши, очень мило выглядывали из-под волос, придавая мне невероятное сходство с этим мифическим существом.

Подумать только, я почти неделю считала себя уродиной, а достаточно было просто посмотреть на себя, или хотя бы ощупать своё лицо. Но как же те ужасные создания, что украшают крыши старинных домов? Уж они-то по-настоящему уродливы. Почему же я не такая, раз тоже являюсь гаргульей? Впрочем, о чём это я? Какая, в принципе, разница, кто там сидит на крышах, если в зеркало я вижу ту, кто может составить достойную пару Эдварду? Ту, которая оказалась красавицей, а не чудовищем? Я взглянула на свои когтистые руки, потом на странные ноги. Пожалуй, немножечко всё же чудовищем. Ну и ладно, подумаешь! Могло быть гораздо хуже.

— Энжи, ты там снова не уснула?

Ну, конечно же, у Эммета раньше всех закончилось терпение.

— Она выйдет тогда, когда будет готова это сделать, — осадил его Эдвард. — Можешь

не торопиться, Энжи, мы подождём.

— Уже иду! — крикнула я, а в следующую секунду поняла, что сказать это, имея во рту пару длинных клыков ничуть не сложнее, чем без них. Значит, я была права: клыки — это часть меня, поэтому они мне совершенно не мешают. Быстро обратившись обратно, я подхватила свою рубашку и кроссовки с вложенными в них носками и спустилась в гостиную. Проходя мимо Эммета, я поманила его за собой.

— Пойдём! Не здесь же тебя катать.

Оставив на перилах веранды рубашку, а на полу — обувь, я спустилась на залитую солнцем подъездную дорожку. Каллены высыпали на веранду, и расположились на ней, готовясь наблюдать шоу. Эммет, немного растерянно, застыл на ступеньках. Ну, сейчас я рассчитаюсь с тобой за «Спящую красавицу».

— Ну же, Эммет! Всего кружочек вокруг дома. Ты ведь так хотел полетать. Или ты боишься?

Реакция была предсказуема — Эммет подлетел ко мне в мгновение ока. Этого-то я и ждала.

— Ой, да ты же сияешь! — захлопала я удивлёнными глазами. Мой расчёт был прост — откуда Эммету было знать, что я уже видела сияющего Эдварда? Тот лучик, упавший на поляну, был таким случайным и недолгим. — Значит, я не ошиблась — ты действительно фея! Не удивительно, что тебе так хочется полетать.

Надеюсь, он не очень внимательно слушал наш утренний разговор про боязнь «засветиться»? Видимо — нет, поскольку принял мои слова за чистую монету и возмущённо и обиженно завопил.

— Да мы все такие! Мы все на солнце светимся!

— Конечно-конечно! Но в данный момент я вижу светящимся только тебя! — и я мстительно добавила: — Феечка!

Как я и рассчитывала, Эммет кинулся на меня, широко раскинув руки, чтобы поймать и отомстить! Как именно — он вряд ли представлял, но я не дала ему шанса это выяснить. Поднырнув ему под локоть, я оказалась у него за спиной. Быстро обратившись, я подхватила его под мышки и взлетела. В первый момент Эммет задёргался, машинально пытаюсь вырваться, но я держала его крепко, стараясь не поранить когтями. Через какое-то время он успокоился, а потом начал получать явное удовольствие от полёта — раскинул руки и загудел, изображая самолёт.

— Вообще-то, ты на дельтаплане летишь, а он бесшумный. Лучше представь, что ты — Супермен.

Эммет представил. С хохотом выставил вперёд один кулак — именно в такой позе Супермен летал в фильмах. И мы нарезали круги вокруг дома и над лесом, я то поднималась ввысь, то неслась над самой землёй, делая петли и виражи.

— Энжи, осторожнее, пожалуйста! Не урони его. Он мне, в некоторой степени, дорог.

— Не волнуйся, Розали, верну в целости и сохранности. Мне, как ни странно, он тоже не безразличен. Слегка.

— Да что мне сделается? Даже если и уронит — оно того стоит!

И мы ещё какое-то время носились в воздухе, под ободряющие возгласы остальных членов семьи. Я очень надеялась, что страшная картина, виденная ими на поле боя — я, поднимающая вампиров в воздух и разрывающая их на куски, — перекроется в сознании Калленов другой: хохочущий Эммет в моих руках, в полной безопасности, кружит над их

головами.

Глава 16. Снятый мораторий. Часть 2.

Когда я, наконец, поставила Эммета на землю, ко мне подлетела Элис.

— И меня, и меня тоже! — едва не подпрыгивая от нетерпения, умоляла она. И, конечно же, я покатала и её — только не стала брать подмышки, а просто взяла на руки. И снова носилась над домом и вокруг него.

После того, как я опустила Элис на землю, а больше никто желания покататься не изъявил, я осталась стоять на месте, чтобы дать всем возможность как следует себя рассмотреть. Мои былые комплексы исчезли без следа, теперь я точно знала, что не являюсь чудовищем, как внешне, так и внутренне. Я чувствовала невероятное умиротворение. Всё прошедшее время, чем бы я ни занималась, как бы счастлива я не была, одна мысль всегда была где-то рядом, не позволяя до конца расслабиться. Сначала это был вопрос: «Кто же я? А вдруг я — чудовище?» Потом, когда это наконец-то выяснилось, вопрос сменился уверенностью: «Я — чудовище». И только теперь, когда отпало последнее сомнение, когда выяснилось, что все мои страхи были напрасными, я наконец-то смогла расслабиться и жить в мире с собой.

Каллены окружили меня, рассматривая с удивлением и, кажется, с восхищением. Особый восторг вызвали мои крылья. Я, по просьбе, раскрывала их на полную ширину, или складывала за спиной, как плащ. Карлайла больше всего поражало то, как ловко и непринуждённо я управляюсь с лишней парой конечностей, Эдварда восхитило то, что теперь я стала с ним одной температуры. Меня, кстати, тоже — его рука уже не казалась мне твёрдой и прохладной, как раньше — моя температура тоже стала «комнатной», как у вампиров, а не фиксированной. А Эммет, стоящий за моей спиной, вдруг захихикал.

— Теперь-то ты видишь, что мы ВСЕ тут светимся? И даже ты!

Я ахнула. Остальные — тоже, кто громче, кто тише. В тот момент я стояла спиной к солнцу, а лицом к сияющим — в прямом и переносном смысле, — Калленам. Эдвард, держащий мою ладонь в своей, поднял наши соединённые руки вверх, где их уже не закрывала моя тень. Я с удивлением наблюдала, что от моей руки тоже исходит свечение. Не такое яркое и заметное, как от руки Эдварда, но не увидеть этого было просто невозможно.

— Феечка! — мстительно и ехидно протянул Эммет. Я обернулась и продемонстрировала ему клыки, впрочем, совершенно его не напугав. Но меня отвлекла рука Эдварда, ласково погладившая мою щёку.

— Знаешь, а ведь он в чём-то прав. Ты летаешь, ты светишься, ты вся такая крохотная. И эти твои ушки! — пальцы Эдварда ласково заправили мои волосы за уши, выставив их напоказ. — Они такие милые и забавные. Может, ты и правда фея?

Печально усмехнувшись, я продемонстрировала ему свою когтистую лапку.

— Вряд ли.

— Знаешь, Энжи, чем больше я узнаю о тебе, тем больше недоумеваю, — вновь вступил в разговор Карлайл. — Ты и похожа на нас, и не похожа. Слишком много различий, но и все совпадения нельзя сбросить со счетов. Я в полной растерянности. В тебе есть многое и от человека, и от вампира, и даже от оборотня...

— А так же от летучей мышки! — снова встрял Эммет, неосторожно подойдя ко мне сзади практически вплотную. Эдвард недовольно нахмурился, раздражённый этими постоянными подколками, но я успокаивающе хлопала его по руке. А потом незаметно

отвела одну ногу назад, благо в этом облике она у меня хватательная, цапнула Эммета за щиколотку и резко дёрнула. А потом, с удовольствием наблюдала, как он сидит на земле, недоумённо хлопая глазами.

— Что, Эммет, доприкалывался? — захихикала Элис. Остальные тоже не скрывали своего веселья. — Не забывай, Энжи самая сильная в доме, и всегда такой была!

— Не бойся, Эммет, — и я погладила его, всё ещё сидящего на земле, по голове. — Солдат ребёнка не обидит.

Эммет быстро вскочил и хотел что-то сказать, но Розали утянула его за рукав подальше от меня.

— Хватит, Эммет, сколько можно!

— Но не зря же у неё на шее Бэтмен висит!

Услышав это, я потеревила свой кулончик.

— Скорее всего, это гаргулья. Но теперь я понимаю, что это не просто украшение, он имеет свой смысл. И, в общем-то, был подсказкой, только воспользоваться ею мы не смогли.

— Знаешь, Энжи, что удивительно? — подал голос Джаспер, всё это время спокойно и чуть отстраненно наблюдавший за всеми нашими чудачествами. — Сейчас ты пахнешь несколько иначе, но твое присутствие по-прежнему сводит на нет нашу жажду. Я это точно знаю, поскольку сегодня в школу мы не собирались, и поэтому не принимали твое «лекарство».

— Видимо, всё это не случайно — то, насколько я становлюсь похожей на вас, и как именно на вас влияю. Жаль, что никто из вас не имеет на меня такого же влияния, — я потеряла живот и жалобно улыбнулась.

— Так я и знал, что ты голодная. Нужно было сразу тебя покормить, а уж потом расспрашивать. — Эдвард приобнял меня за плечи. — Ну, что, пойдём ловить кроликов или предпочитаешь обычную еду?

— Сейчас, пожалуй, обычную. А ты возьмешь меня в следующий раз на охоту?

— Конечно, возьму. А сейчас — пойдём, я что-нибудь тебе приготовлю.

И мы направились в дом. Проходя веранду, я сдернула с перил свою рубашку, а потом, прямо на ходу, обратилась. Эдвард едва не споткнулся от неожиданности, а потом окинул меня восхищенным взглядом.

— Ловко же у тебя это получается!

И уже зайдя в дом, я услышала за спиной негромкий голос Элис:

— Зато я теперь знаю, для чего ей нужны были топы с открытой спиной.

После того, как Эдвард снова вкусно и сытно меня накормил, — я говорила, что смогла бы и сама себе что-нибудь приготовить, но он утверждал, что это доставляет ему удовольствие, — я решила-таки задать интересующий меня вопрос. Но не здесь, где вокруг нас было шесть пар суперчутких ушей. Поэтому, когда Эдвард предложил прогуляться, я с радостью согласилась. И, конечно же, мы отправились на любимую поляну Эдварда. Пока мы бежали, я любовалась тем, как тонкие лучи солнца, пробиваясь сквозь густую крону деревьев, время от времени падают на кожу Эдварда и рассыпаются искрами. Всё же забавно, что и я, оказываясь, тоже могу сверкать, правда, не так красиво.

Всю дорогу мы бежали молча, и Эдвард ни на секунду не отпускал мою руку. Наконец мы оказались на поляне и опустили на траву. Какое-то время мы просто смотрели друг на друга, Эдвард молчал, а я не знала, как именно свернуть на нужную мне тему. Не спрашивать же в лоб: «Почему ты снял мораторий на поцелуи?» Но тут мне пришла в голову забавная

идея. Быстро скинув обувь, я обратилась. Эдвард смотрел на меня с некоторым недоумением, и я поспешила объяснить свой поступок.

— Ты мне кое-что обещал.

И, видя недоумение в его глазах, приподняла верхнюю губу, обнажая клыки, и молча указала на них пальцем. Удивление Эдварда сменилось пониманием, потом улыбкой. Он бережно взял моё лицо в ладони, наклонился и нежно коснулся моих губ своими. Это был совсем лёгкий поцелуй, губы Эдварда едва касались моих, потом они шевельнулись, стали смелее. Мои раскрылись в ответ и стали немного неумело, но старательно повторять их движения. Губы Эдварда были такими нежными, тёплыми — ведь теперь у нас была одна температура тела. Его руки обхватили меня, теперь я практически лежала на нём. Поцелуй стал глубже, язык Эдварда скользнул по моим зубам, и это заставило меня очнуться. Мои клыки! В ту же секунду я обратилась. Губы Эдварда, внезапно ставшие прохладными, застыли, а потом отстранились. Нет, я же не этого хотела! Открыв глаза — и когда я только успела их закрыть? — я недоумённо взглянула на него. В ответ получила такой же недоумевающий взгляд.

— Почему ты обратилась?

Ах, вот в чём дело! Он просто не понял, потому и остановился. Значит, придётся объяснить.

— Мои клыки...

— А что твои клыки?

— Ну, я же не знаю, насколько они опасны. Я, конечно, не ядовита, да и яд на вас не подействовал бы, но я всё же не хотела бы тебя поранить. Они острые. Очень.

Эдвард прижался лбом к моему лбу и тихонько рассмеялся. Потом отстранился и заглянул мне в глаза.

— Но и мои зубы острые. И теперь я могу тебя поранить. И что же нам в таком случае делать?

— Может, попробуем ещё разок? Выясним в процессе, — надеюсь, что Эдварду не придёт в голову вновь отказаться от поцелуев? Если он сделает это с моей подачи — я не переживу!

— Что ж, давай выясним, — улыбнулся Эдвард и снова приник к моим губам. Ура! Он не передумал! Но мысли вновь убежали прочь, остались только губы Эдварда на моих губах, его руки на моём теле, его крепкие мышцы под моими пальцами. Какое-то время мы целовались, забыв обо всём. Но когда моя рука попыталась вытащить футболку Эдварда из брюк, — мне безумно хотелось прикоснуться к его коже не через одежду, — он поймал мою руку на полпути.

— Нет, Энжи, нет. Я и так уже нарушил кучу правил, не нужно усугублять. Пожалуйста.

— Извини. Просто не удержалась. Но теперь ты объяснишь мне, почему ты снял запрет на поцелуи? Я ни в коей мере не возражаю, но я просто не понимаю. Раньше ты был категорически против, хотел подождать, а теперь...

Эдвард отстранился от меня, отвернулся, глядя куда-то вдаль. Его лицо стало мрачным, брови изогнулись в болезненной гримасе. Он явно вспомнил что-то, далеко не приятное. Я видела, как под кожей щёк Эдварда перекачиваются желваки, словно он изо всех сил стискивал зубы. Не выдержав, я погладила его по щеке, пытаюсь снять это напряжение. Эдвард вздрогнул, словно очнувшись, перехватил мою руку и прижался губами к ладони. Потом тяжело вздохнул.

— Ты можешь представить, что я пережил в эти дни, считая, что уже больше никогда тебя не увижу? Думая, что потерял тебя навек? Мы искали тебя, но каковы были бы наши шансы, если бы ты не захотела быть найденной? Если бы не осталась?

— Но я осталась! Я не могла быть вдали от тебя. Просто не могла и всё! Физически.

— Теперь я понимаю. Но тогда... Каждый раз возвращаясь после безуспешных поисков, я думал только об одном — почему? Почему я откладывал всё на потом, считая, что у нас ещё уйма времени? Что у нас впереди вечность — так что нам стоит подождать какой-то год? К чему были все эти ограничения, ведь мы оба этого хотели? И я решил, что если судьба вернёт мне тебя — я больше не стану противиться. Ты во многом была права — я слишком заиклился на нашей разнице в возрасте. Но если мы оба бессмертны — столь ли она существенна?

— Вообще не существенна. Мне пятнадцать, тебе семнадцать. Вот и всё. Остальное ерунда.

— Верно. Важно лишь то, что сейчас. И я хочу насладиться этим «сейчас» сполна.

И мы снова целовались. Я была абсолютно счастлива и довольна. На большем я пока не настаивала — и не только потому, что для воспитанного в Викторианскую эпоху Эдварда это было бы слишком, но и потому, что сама пока не чувствовала потребности и готовности к большему. Возможно, мне действительно нужно подрасти. Ну и славно. Теперь наши желания и потребности совпадали — ну, я так думаю, — так что в наших отношениях наступила полная гармония, не омрачающаяся моим недовольством и излишними самозапретами Эдварда. Всё было прекрасно, замечательно и великолепно. Я была абсолютно счастлива и о большем пока не мечтала.

Когда мы не спеша возвращались домой, мне пришла в голову ещё одна мысль.

— Карлайл сказал, что таких, как я, никто не видел уже более тысячи лет. Не означает ли это, что я — некий сохранившийся с тех времён реликт, и что мне может быть несколько тысяч лет? Иначе — откуда же я взялась?

— Я думал об этом. Но знаешь, почему-то сомневаюсь, что ты настолько... ммм... взрослая.

— Ты хотел сказать «древняя»? Не стесняйся, ты же знаешь, для меня все эти большие цифры возрастов — пустой звук.

— Нет, древней тебя не назовёт никто. Впрочем, я всё равно не считаю, что ты из тех времён, разве что перенеслась сюда на машине времени. Но ты слишком хорошо ориентируешься в настоящем — водишь машину, например, пользуешься компьютером и другой техникой, да и речь у тебя современная, уж я бы почувствовал разницу. Так что, откуда бы ты ни взялась — ты из нашей эпохи, однозначно.

— Ну и ладно. Возможно, мы никогда этого не узнаем, но, по большому счёту, для меня это не столь важно. Я есть, и я такая, какая есть. Конечно, немного жутковато, что я оказалась вашим историческим врагом, но что мне за дело до истории? И, в каком-то смысле, я даже рада, что у меня есть та, другая, сущность. Мои «боевые доспехи».

— Даже так? Знаешь, а мне это тоже нравится. Ты становишься практически такой же, как и мы. Только с крыльями. Мой маленький ангелочек.

— Нет! Я не ангелочек! — Господи, да почему же я так сильно реагирую на это слово? И уже не в первый раз. Так, Энжи, продышись, успокойся. Это был комплимент, а не оскорбление. — Извини, что-то я слишком бурно реагирую на это слово. Сама не знаю, почему.

— Да, я заметил. Хорошо, больше не буду так тебя называть, раз уж тебе от этого не по себе. А вот на феечку ты вроде бы не обиделась. И на летучую мышку.

— Глупо обижаться на Эммета. Лучше потом ему потихоньку напакостить.

Эдвард расхохотался, я подхватила его смех, и мы пошли дальше. Солнце уже клонилось к закату, и пора было ужинать.

— Когда вы собираетесь на охоту?

— Завтра. Теперь, когда мы нашли тебя, можно расслабиться и съездить на охоту куда-нибудь подальше.

— Туда, где водятся пумы?

— И они в том числе.

— А ты возьмёшь меня с собой?

— Конечно. Теперь мне не придётся оставлять тебя дома. Пусть не одну, но без меня. Я волновался.

— А я ведь тоже волновалась. Знаешь, это одна из причин, почему я рада, что оказалась гаргулей. Теперь я смогу не расставаться с тобой даже на охоте.

— Одна из причин? А какая ещё? То, что ты теперь можешь летать?

— И это тоже. Летать здорово. Зря ты не захотел попробовать. Но дело даже не в этом. Теперь я могу тебе всё рассказать. Раньше это казалось слишком странным, но теперь всё встало на свои места.

— О чём ты?

— О том, что я почувствовала при нашей первой встрече. Точнее — что ещё почувствовала. То, что я влюбилась в тебя с первого взгляда, ты уже знаешь.

— Правда? Уже тогда? Нет, этого я не знал.

— Не может быть? Неужели я тебе не говорила? Ну, хорошо, теперь ты это знаешь.

— И очень этому рад. Подумать только, у нас это произошло одновременно! Но ты хотела рассказать о чём-то другом, чего я не знаю. О чём же?

— В общем, в тот момент я вдруг поняла, что отныне являюсь твоей защитницей. Странно, правда? Мне самой было сложно это понять и осознать, ведь я явно была гораздо уязвимее вас, физически уступала во всём. То, что я сильнее, я тогда не знала. Так вот, каким бы нелепым не казалось это чувство, я поняла, что всё это не просто так, что смысл в этом всё же есть, пусть я и не понимаю — какой. Ты не представляешь, каково мне было в то время, когда тебя не было рядом! Как я волновалась, не находя себе места от того, что не в состоянии быть рядом и защищать тебя. Разумом я понимала, что причинить тебе вред практически невозможно, но инстинкты сильнее разума. Вот почему я донимала тебя просьбами брать меня на охоту.

— Да, нелегко тебе пришлось.

— Это точно. Но теперь всё встало на свои места. Оказалось, что я достаточно сильна, чтобы разделаться с любым, кто станет угрожать и тебе, и всей нашей семье. Я — защитница, а вы теперь под моей защитой. И я не позволю никому причинить вам вред. Никому и никогда, — это прозвучало как клятва. И я знала, что сдержу эту клятву.

Дома всё было как обычно. Все занимались своими делами, и мы с Эдвардом влились в уютный семейный вечер. О том, что за последние дни произошли немалые изменения, напоминали разве что редкие шпильки Эммета в мой адрес. Но это было нормально, меня бы удивило, если бы он наоборот, молчал. Впрочем, я в долгу не оставалась — уж что-что, а пикировки с Эмметом у меня вошли в привычку, без этого было бы скучно. К тому же ему

порой доставалось от родителей за то, что он ко мне пристаёт, а мне — нет. Хорошо всё же быть младшенькой в большой семье — многое сходит с рук.

Когда мы, наконец, отправились в спальню, я вспомнила то, что меня удивило во время моего «тайного» визита.

— Эдвард, мне один момент покоя не даёт. На память я не жалуясь, и помню, что по утрам всегда оставляю пижаму в ванной, в корзине с грязным бельём. Но когда я приходила сюда во время вашего отсутствия, то видела, что она лежит здесь, на кровати. Неужели у меня начались провалы в памяти?

— Нет, малышка, с памятью у тебя полный порядок. И ты действительно оставила свою пижамку в корзине. А я её оттуда достал.

Похоже, он слегка смутился. Зря. Я-то ведь сделала то же самое и явно по той же причине.

— Она пахла тобой. Я мог закрыть глаза и представить, что ты здесь, со мной. Поэтому и постель поменять не разрешил. Мама сменила её, когда ты уже была дома, а до этого...

— Я понимаю. Я ведь тоже утащила твою футболку.

— Правда? Просто поразительно. У нас снова сошлись мысли.

— Мне тоже стало немного легче, когда я смогла почувствовать твой запах. Ой, я забыла твою футболку в лесу, в своём «гнездышке».

— Ничего страшного. Бог с ней, с футболкой, у меня их много, спасибо Элис.

Уже укладываясь в постель и прижимаясь покрепче к Эдварду, я, зевая, сонно пробормотала.

— Зачем мне футболка, если рядом есть ты. У тебя запах лучше. И футболка всё равно не смогла прогнать голоса.

— Тебе снова снились кошмары? — сразу же заволновался Эдвард.

— Всего пару раз, — поспешила я его успокоить. — Я же не спала почти всё время. И это уже не столько кошмары, сколько просто навязчивые сны. Они изменились.

— Вот как? И в чём же разница?

— Раньше голоса, которые звали меня, были невероятно тоскливыми и безнадежными, и их отчаяние передавалось мне, заставляя плакать. Теперь их настрой изменился. Они продолжали звать меня, но уже с оптимизмом. И я не плакала, я злилась на то, что они зовут и зовут, а я словно скованная по рукам и ногам, и не могу им ответить. Но в этот раз мне удавалось прервать сон, — я приподнялась на локтях, с энтузиазмом описывая свои достижения Эдварду. — У меня это получалось! А раньше я не могла вырваться сама, голоса мог прогнать только ты. И я рада, что ты продолжаешь это делать — вчера они не появлялись. Это чувство беспомощности очень угнетает.

— Я рад, что рядом со мной они тебя не преследуют. А теперь спи, малышка. Я буду рядом, и не позволю никаким голосам расстраивать тебя.

Я расслабилась, чувствуя привычную защиту его объятий. И уже проваливаясь в сон, услышала тихий шёпот.

— Сладких тебе снов, моя малышка. Мой маленький ангел.

Глава 17. Новая угроза. Часть 1.

На следующее утро мы отправились на охоту. Завтрак в этот день у меня был очень лёгкий, для меня, конечно, хотя для обычного человека сошёл бы за плотный обед. Но, поскольку глупо было бы отправляться «за едой» слишком сытой, я немного перекусила,

только чтобы хватило на дорогу. Сегодня я собиралась попробовать кровь других животных, а не только кроликов. Вообще-то, я предпочла бы человеческую еду, она была очень вкусной и разнообразной, но раз уж я теперь везде и всюду буду рядом с Эдвардом, в том числе и на охоте, значит, нужно соответствовать ему во всём. Впрочем, мои рассуждения о более вкусной человеческой пище были несколько пристрастны, поскольку в данный момент я была в человеческой же оболочке, и находить вкусной кровь в этом состоянии было бы странно. Ладно, вот обращусь — тогда и посмотрим. А в данный момент я сидела рядом с Эдвардом на заднем сидении джипа Эммета и ныла, что тоже хочу за руль.

Мы ехали втроем. Розали решила в этот раз отправиться на охоту вместе с родителями, поскольку Эдвард и Эммет направлялись в какие-то скалы возле какой-то горы Ренье. Название мне ни о чём не говорило, но по их словам в этом месте особенно расплодились пумы и медведи гризли — их любимые «блюда». Что ж, мне было абсолютно всё равно, на кого они собираются охотиться, хоть на лягушек, для меня главным было не расставаться с Эдвардом.

Немного повыспрашивав руль у Эммета, я успокоилась и свернулась калачиком в объятиях Эдварда, решив с пользой провести время, которое придется потратить на дорогу, а именно — поспать, поскольку вставать сегодня пришлось гораздо раньше, чем обычно. Но, как только я начала дремать, вредина-Эммет тут же предложил мне повести машину. Видимо, рассчитывал, что я откажусь. Как бы ни так! До сих пор мне не доводилось водить этот «танк», только Вольво по идеально ровному шоссе. А теперь я мчалась на мощной машине по бездорожью, не сбавляя скорости и визжа от восторга. Если бы не ремни безопасности, в которые меня буквально упаковал Эдвард, я пробила бы головой крышу — так меня подбрасывало. Но меня это не останавливало, я наслаждалась этой безумной поездкой, каждой её секундой. Ребята хихикали, глядя на меня, но мне было всё равно.

Возможно, со стороны это смотрелось забавно, если учесть, что пешком я могла бы добраться до места во много раз быстрее, обойдя мчащийся джип как стоящий. Я уж молчу про свой полёт, который проходил вообще на запредельной скорости. Кстати, я даже предложила донести ребят до места по воздуху. У Эммета явно загорелись глаза, но Карлайл, слышавший этот разговор, тут же нас охладил. Он напомнил, насколько это может быть опасно — попасться кому-то на глаза. Одно дело — применять свои способности в глухих безлюдных лесах, и совсем другое — лететь через достаточно открытое, населённое людьми пространство. Именно поэтому на дальнюю охоту Каллены уезжали на машинах, бегая только в ближайший лес. Понимая, что предложила глупость, я пообещала впредь быть более внимательной и не совершать ошибок.

Последний отрезок пути Эммет проехал сам, петляя между деревьями и углубляясь в лес. Видимо, опасался за сохранность своего железного коня. И это с моей-то реакцией? Ладно, надеюсь, на обратном пути удастся снова сесть за руль.

Наконец, спустя несколько часов после отъезда из дома, джип остановился рядом с высокой скалой. Очень вовремя, я уже довольно сильно проголодалась. Оставив в машине лишнюю одежду и оставшись только в топике и шортах, я босиком вышла вслед за ребятами и обратилась. Какое-то время мы стояли, принюхиваясь. Вдали я почувствовала запах, который стал мне знакомым после нашей с Эдвардом предыдущей охоты.

— Там! — воскликнула я, тыча пальцем в нужном направлении.

— Что-то я ничего там не чувствую, кроме обычных мелких зверюшек, — засомневался Эммет.

— Сейчас мое чутье гораздо сильнее твоего? И потом, я это сказала Эдварду, а не тебе, там пума. Запаха гризли я пока не знаю. Эдвард, мне поймать её для тебя, или ты сам?

— Сам, — улыбнулся Эдвард. Конечно, для него охота — это не только добывание еды. Ему нравится сам процесс погони и победы над зверем. И, конечно же, я не стану ему мешать.

— Побежали! — воскликнула я. — Удачной охоты, Эммет.

И мы помчались по лесу. Сейчас я легко могла бы обогнать Эдварда, но не стала этого делать. Просто держалась чуть впереди, указывая направление, а когда поняла, что и он уже чувствует добычу, слегка отстала, всего на шаг, но теперь ведущим был он. Пусть мой мужчина насладится охотой. Когда пума была уже в пределах видимости, я поднялась в воздух, чтобы сверху наблюдать за прекрасным действием, разворачивающимся подо мной. Эдвард был великолепен, впрочем, как и всегда. Он ловко схватил пуму и выпил её, даже не испачкавшись. И одежда осталась целой и непомятой. Когда он отбросил обескровленный труп, я опустилась рядом. Увидев меня, Эдвард вдруг бросил явно расстроенный взгляд на пуму, потом снова на меня.

— В чем дело? — удивлённая такой реакцией спросила я.

— Я же собирался с тобой поделиться...

— Ой, да не заморачивайся! Это была не последняя пума в лесу, успею ещё попробовать. Кстати, — я хитро прищурилась, — показать тебе следующую, или сам найдешь?

Эдвард расхохотался, а потом, посерьёзнев, принялся. Я знала, что эта пума несколько ближе, так что Эдварду вовсе не требовалась моя подсказка. Мы вновь мчались на запах, и когда уже были совсем близко, Эдвард предложил:

— Может, эту сама поймаешь? Заодно и попьёшь.

Что ж, меня это только позабавит. Конечно, у меня еще нет навыков «аккуратной еды», как у него, зато я знаю один проверенный метод как избежать потерь в одежде. Теперь мне уже не нужно было скакать по деревьям, чтобы прыгнуть сверху, я просто подлетела к пуме сзади, и, спикировав на неё, как и в прошлый раз схватила ее за заднюю ногу и хвост, а потом ударила головой о дерево. Пума обмякла. Блюдо готово, можно спокойно приступить к трапезе. Мои клыки ловко прокусили и шерсть, и шкуру, а потом в мой рот хлынула горячая соленая кровь. Я сделала несколько больших глотков, после чего протянула неподвижное животное Эдварду.

— Допивай. Я уже всё.

— Неужели уже наелась? Да ты же выпила всего ничего! — недоумевал Эдвард.

— Я же говорила, что пью немного крови за один раз. И потом, хочу ещё кровь гризли попробовать. Да ты пей, пей!

Эдвард быстро допил и эту пуму, после чего решил, что уже сыт. И мы пошли назад. Просто пошли, никуда не торопясь, чтобы дать Эммету время. Эдвард рассказал, что обычно на охоту уходит намного больше времени. В этот раз, если бы не моя подсказка, то первую пуму ему бы пришлось ещё поискать. К тому же, он обычно заканчивает раньше Эммета, который любит сначала подразнить зверя, побороться с ним.

— Интересно, кровь гризли сильно отличается от крови пумы?

— Рассчитываешь, что Эммет поделится с тобой? — улыбнулся Эдвард.

— Да кто его спрашивать-то будет? Не забывай, что я сильнее!

Конечно, я вовсе не собиралась отбирать еду у Эммета, но подразнить его вполне могла

бы. Кстати, не думаю, что мне понравится кровь медведя. Кровь пумы, например, меня разочаровала. По рассказам Эдварда, я ожидала чего-то очень вкусного, гораздо вкуснее крови кроликов. Но, попробовав её сегодня, решила, что кролики всё же предпочтительнее.

В этот момент Эдвард остановился, принялся, после чего указал мне направление.

— Гризли — там.

Я тоже принялась. Да, такой запах не забудешь ни с чем не спутаешь. Что-то мне не сильно хочется ЭТО кусать. Но эксперимент провести всё же нужно.

— Эммета рядом нет. Видимо, он ещё не нашёл этого гризли. Думаю, что должна ему помочь.

Я злорадно захихикала, мысленно потирая руки в предвкушении того, как расстроится Эммет, если я помешаю его охоте. Ничего, переживёт. Это идеальный повод закамуфлировать издевательство под заботу, и я буду не я, если им не воспользуюсь. Кажется, Эдвард всё понял и осуждающе покачал головой, но губы его подёргивались от сдерживаемой улыбки. Я рванула на запах. Вскоре я его увидела — громадного медведя, бредущего между деревьев. Он был раза в три крупнее пумы. Хммм.... Если ударить его о дерево, оно, чего доброго, переломится. Ладно, попробую по-другому. В конце концов, медведи намного более неуклюжие, чем пумы. Эдвард притормозил рядом со мной, смерил взглядом медведя, потом меня. Надеюсь, в нём не разыграются чувства защитника, и он не попытается оградить и уберечь «малышку» от большого и страшного медведя? Но я недооценила Эдварда — он улыбнулся и кивнул мне, давая «добро».

Я взлетела, а потом спикировала медведю на загривок, усевшись на него верхом, как на лошадь. Не сразу поняв, что произошло, медведь через секунду возмущённо взревел и встал на задние лапы. Но я слегка хлопнула его ладонью по макушке. Для меня «слегка», но медведю этого хватило. Здоровенная зверюга рухнула, как подкошенная, уткнувшись мордой в хвою, усыпавшую землю. Готов! Гризли был жив — что за радость пить из трупа? — но, как и пума, был в глубокой отключке.

Примерившись, я впиалась клыками в шею гризли, безошибочно проткнув артерию. Как я и предполагала, его кровь оказалась еще менее вкусной, чем у пумы. Ладно, для эксперимента я выпила достаточно.

— Хочешь допить? Ты ведь предпочитаешь хищников, верно? А медведь считается хищником?

— Конечно, считается. И будь я голоден — с удовольствием выпил бы его. Но двух пум мне более чем достаточно, спасибо.

— Тогда отдам его Эммету, не пропадать же добру, верно? — и я захихикала, предвкушая его реакцию.

Подхватив гризли за шкуру, я легко поднялась в воздух, потом растерянно опустилась обратно.

— А куда теперь? Где сейчас Эммет? Если я поднимусь выше уровня деревьев — это не опасно?

— Думаю, что нет. Мы всё же среди скал, людей поблизости нет, а если кто и заметит тебя издалека — примет за птицу или обман зрения.

— Тогда рискну.

Бросив гризли, я поднялась повыше и окинула лес и скалы зорким взглядом. И сразу поняла, где Эммет. Хотя самого его видно не было, но небольшие деревья в том месте тряслись и ломались — там явно шла нешуточная битва кого-то очень сильного с кем-то

тоже весьма неслабым. Вновь подхватив добычу, я полетела в нужном направлении, Эдвард помчался следом.

К тому моменту, как я подлетела, Эммет уже расправился со своим медведем и допил его. Я опустила свою ношу рядом, и щедро махнула на нее рукой.

— Угощайся!

При этом с удовлетворением заметила, что мой-то гризли гораздо крупнее. Братец недоуменно хлопнул глазами на мое щедрое подношение, а Эдвард, появившийся рядом, добавил.

— Ешь-ешь! Энжи сегодня добрая. Всех угощает.

Подойдя к медведю, Эммет потыкал его носком ботинка, но тот никак не отреагировал.

— Нет, ну это не интересно! Нельзя разве было просто меня позвать, чтобы я сам его поймал?

— Я как то даже и не подумала об этом, — невинно хлопнула я глазами. — Просто увидела твою любимую зверушку, дай, думаю, порадую братика. Тебе разве не нравится?

Эммет подозрительно взглянул на меня, но я состроила честную, в меру огорчённую рожу: брату не понравился мой подарок, а ведь я так старалась его порадовать, — и он купился.

— Ну что ты, Кнопка, большое тебе спасибо, — и, приподнимая тушу, чтобы удобнее было вонзить зубы, пробормотал. — Половина удовольствия именно в охоте. Ты уж в следующий раз лучше меня позови, ладно?

— Обязательно так и сделаю. Просто не догадалась.

Я глянула на Эдварда. Он отвернулся и изо всех сил старался спрятать улыбку. Он-то прекрасно понимал, что я над Эмметом просто подшучиваю, но, конечно, выдавать меня не стал.

Доев, Эммет нерешительно посмотрел на меня. Было заметно, что он хочет о чём-то попросить, но почему-то молчит. Я перевела вопросительный взгляд на Эдварда.

— Покатай его, Энжи. Ему очень хочется снова полетать.

— Да без проблем. Но не бесплатно.

— Ну, ещё бы, — пробормотал Эммет. — И чего же ты хочешь?

— Чур, на обратной дороге я за рулём.

— Договорились! — Эммет явно испытал облегчение. А что, по его мнению, я могла бы затребовать? Его бессмертную душу, что ли?

После того, как я вдоволь налеталась с Эмметом, испытывая не меньший восторг, чем он, а Эдвард полетать почему-то отказался, мы направились в обратный путь. Возле джипа я притормозила и задумалась. Дорога предстояла довольно долгая, а крови я выпила совсем мало. Но эта проблема была вполне решаема. Попросив ребят немного подождать, я нырнула в подлесок и через несколько секунд появилась вновь с двумя кроликами в руках. Под удивлёнными взглядами парней я с удовольствием выпила их, а потом забросила обескровленные тушки в багажник.

— Дома пожарю. Не пропадать же добру.

— Энжи, ты же пуму пила, да и гризли тоже, зачем тебе эти невкусные кролики? Говорил же я тебе — пей больше. Так и знал, что не наешься. Но мы могли бы вернуться и поймать кого-нибудь ещё, повкуснее.

— Кролики вкусные, Эдвард. Мне их кровь нравится больше.

— Но они же... Они же... Бррр! — Эммет даже слов не находил, чтобы выразить своё

отношение к моим кулинарным предпочтениям. — Они хуже оленей. Это уже вообще нужно с голоду умирать, чтобы их пить!

— Вкусы у всех разные. И у меня несколько иные пристрастия, как оказалось. Это можно сравнить с разными видами мяса. Кому-то нравится говядина, а кому-то курочка. Вот и мне нравятся кролики — их кровь более нежная, что ли.

— Кажется, я понял, что ты имеешь в виду. Эммет, не забывай, что Энжи не испытывает жажды и тяги к человеческой крови. Нам нравятся хищники именно потому, что из всех животных только у них кровь больше всего напоминает человеческую. Сходство весьма отдалённое, но всё же присутствует, в отличие от травоядных и тем более грызунов. А у Энжи нет потребности в похожести крови, которую она пьёт, на человеческую. Поэтому она выбирает то, что вкуснее для неё, хотя нам это кажется странным.

— Всё верно, Эдвард. Ты очень правильно всё объяснил, я и сама не сказала бы лучше. И это должно радовать тебя, Эммет. Я не стану соперничать с тобой за гризли, как и ты со мной — за шоколадные батончики.

— Это верно. Что ж, хорошо, что в этом мы не соперники. Ну, что, поехали домой?

Я обратилась, надела кроссовки, уселась за руль и помчалась по лесу, ловко маневрируя между деревьями и огибая скалы. Наши следы легко читались на земле, поэтому подсказки мне были не нужны. Но когда мы, наконец, выехали на ровное, гладкое шоссе, мне стало скучно, и я вновь перебралась на заднее сиденье к Эдварду. Тот покопался в кармане своей куртки, лежащей рядом с ним на сиденье, и протянул мне шоколадный батончик. Надо же, он заранее приберёг его, а я и не догадалась. Ласковые объятия Эдварда и шоколадка скрасили мне обратную дорогу.

К дому мы подъехали уже в сумерках, я всю зевала — все же встала я очень рано, и день был весьма насыщенным. Плотно поужинав, в том числе и собственноручно добытыми кроликами, я решила, что кровь хороша лишь для поддержания сил, когда я в облике гаргульи, но до человеческой еды ей очень далеко. Но на охоту вместе с Эдвардом я всё равно буду ездить регулярно, просто ради того, чтобы не разлучаться с ним.

Назавтра начались учебные будни. Оказалось, что Карлайл ещё в прошлый понедельник сообщил директору о моей «болезни», поэтому никто особо моим исчезновением не озаботился. Такая предусмотрительность лишней раз показала мне, что меня надеялись найти и вернуть. Я, конечно, уже не сомневалась в чувствах моей семьи ко мне, но получить лишнее тому подтверждение было очень приятно.

Мегги негромко поздравила меня с выздоровлением — вот и вся реакция окружающих на моё недельное отсутствие. Да, и ещё мистер Варнер велел мне задержаться после уроков, чтобы написать тест, который я пропустила. Я разделалась с ним минут за десять, так что Эдварду даже не пришлось особо меня дожидаться. А в остальном всё было по старому — те же уроки, на которых я и так уже всё знал. Та же большая перемена, на которой я отдала должное обеду на шесть персон. Те же перемены, на которых Эдвард не отходил от меня. Всё было, как и прежде — словно не было этой безумной недели, перевернувшей всё моё мироздание.

Впрочем, если уж брать в целом — что же в принципе изменилось так уж глобально? Я продолжала жить в любящей меня семье, необычной и загадочной. Нас всех по-прежнему сторонились школьники — и правильно делали. Я как была странным созданием, так им и осталась. Кое-что нам открылось, но ясности это почти не добавило, даже наоборот, вопросов стало больше. Так что, моя школьная жизнь, в принципе, и не должна была

измениться. Конечно, после нескольких дней практически полного одиночества, я уже по-другому воспринимала уроки и большое количество людей, окружавших меня, я научилась находить развлечение в любых мелочах, так что высидеть уроки мне стало немного легче.

И всё же жаль, что меня не записали в одиннадцатый класс — тогда я могла бы все уроки проводить с Эдвардом или Элис. Ну, ничего, потерплю ещё немного, а потом попробую сдать экзамены экстерном, перейдя на класс вперёд. Тогда и в колледж мы с Эдвардом сможем пойти вместе. Думаю, вряд ли кто-то станет возражать — в том, что мне это по плечу, наверное, убедились уже все учителя.

Итак, жизнь покатила дальше по накатанной колее. Я всё так же ходила в школу с братьями и сёстрами, ездила с Эдвардом на охоту, проводила вечера с семьёй. Только ещё больше ценила то, что имела, после того как думала, что лишилась этого навсегда. Свои «боевые доспехи», как я, с лёгкой руки Джаспера, стала называть своё состояние гаргульи, я «надевала» очень редко. В основном на охоте, да иногда катала Эммета — не бесплатно, разумеется, — и Элис, просто так. И хотя летала я с удовольствием, но мне не нравилось чувствовать себя слишком отличающейся от остальной семьи. Конечно, во многих физических аспектах я становилась почти вампиром, но слишком уж велики были внешние отличия. А я хотела быть как все.

С Эдвардом мы не разлучались практически никогда. Ну, кроме уроков. Мы всё делали вместе, и нам никогда не надоедало общество друг друга. Рядом с ним я чувствовала себя цельной, без него — неполной, мне постоянно чего-то не хватало, я испытывала самый настоящий дискомфорт, физический. К счастью, Эдвард, похоже, испытывал ко мне те же чувства. Поэтому мы практически превратились в сиамских близнецов, что никого не удивляло — остальные пары испытывали примерно то же самое. Примерно — потому, что мне казалось, что никто никого и никогда не любил так же сильно, как я Эдварда.

Словом, живи, да радуйся. Но некий червячок исподволь подтачивал моё безмятежное счастье. Это было какое-то смутное предчувствие грядущей беды. У меня было ощущение, что я что-то упустила, забыла что-то важное, то, что может в одну секунду всё изменить, испортить, поломать, а я не могу этого предотвратить. Какая-то мелочь ускользала от меня, и чем сильнее я пыталась вспомнить, тем больше ощущала свою беспомощность и никчёмность. Мне всё сложнее становилось расставаться с Эдвардом во время уроков, я всё сильнее переживала за родителей, которые были в тот момент далеко от меня, которые могли подвергнуться опасности в любой момент, а меня не будет рядом, чтобы их защитить. Это стало навязчивой идеей и истрепало мне все нервы. Наконец, я не выдержала и поделилась своими переживаниями с Эдвардом.

Мы сидели на нашей любимой поляне. Сюда мы приходили при каждом удобном случае. Хотя мы очень любили наших близких, но жить среди тех, кто слышит не только каждое твоё слово, но даже дыхание и сердцебиение, причём через стену, иногда бывало сложновато. Как и любым влюблённым, нам порой хотелось уединения. К тому же, здесь Эдвард не слышал ничьих мыслей, если только специально не пытался это сделать. Меня поражала его способность при желании слышать мысли близких ему людей на расстоянии в несколько миль, когда обычные голоса не могло бы уловить даже самое чуткое вампирское ухо. Мне это немного напоминало способ общения обратной — они тоже мысленно общались на гораздо большем расстоянии, чем разговаривая вслух.

И вот здесь, на этой чудесной, покрытой цветами и такой умиротворяющей поляне, я и поделилась с Эдвардом тем, что копилось во мне уже несколько недель, с тех пор, как я

вновь вернулась в семью. Он серьёзно выслушал меня и попытался успокоить. Напомнил, что, если не считать меня, на Земле нет больше никого сильнее, быстрее и неуязвимее, чем вампиры. И поэтому вряд ли найдётся кто-то или что-то, способное причинить им вред. Я напомнила о недавних событиях. Толпа вампиров, превосходящая числом, очень даже сможет этот самый вред причинить, особенно если рядом не будет меня. Я, конечно, очень быстрая, но не всеведущая и не вездесущая.

— Не забывай, малышка, на этот случай у нас есть Элис. И мобильные телефоны. Она успеет увидеть приближение врагов и предупредит нас. Кто бы что против нас ни замыслил, как бы ни пытался обойти дар Элис, как, например, Виктория, всем им всё равно понадобится время, чтобы до нас добраться. И тогда Элис тут же нас предупредит. Мы будем готовы и сможем противостоять любой опасности. — Эдвард посадил меня на колени, как делал всегда, стараясь успокоить, и стал слегка покачивать, словно баюкая.

— Я ведь не просто так беспокоюсь. Понимаешь, я никак не могу вспомнить что-то важное. И от этого мне всё время не по себе. Я так боюсь за вас. Если что-то с вами случится.... Если я потеряю тебя...

— Ты никогда меня не потеряешь. Я клянусь тебе, — он стал покрывать лёгкими поцелуями мои глаза, лоб, щёки. — Никогда я с тобой не расстанусь.

Наши губы встретились и слились в поцелуе, который с каждой секундой становился всё жарче. Моё дыхание прервалось, тепло разлилось по всему телу. Нет, к такому невозможно привыкнуть. Прошло уже три недели, как Эдвард отменил «табу», а для меня каждый наш поцелуй был как первый. Мои пальцы запутались в его шелковистых волосах, сердце стучало, как сумасшедшее. Как хорошо, что я могу долго не дышать — не хотелось ни на секунду прерывать поцелуй даже ради глотка воздуха.

И в этот момент в кармане Эдварда требовательно зазвонил телефон. Поначалу мы не обращали на него внимания, но он трезвонил, не переставая, и волшебство момента постепенно испарилось. Неохотно отстранившись от меня, Эдвард достал телефон и поднёс к уху.

— Да, отец, — сказал он в трубку.

Моё сердце болезненно сжалось. Карлайл не стал бы звонить по пустякам, особенно когда знает, что мы на нашей поляне. Он слишком деликатен, чтобы мешать нам в такой момент. Значит, случилось что-то экстраординарное, если он всё же позвонил. Нечто нехорошее. Неужели моё предчувствие меня не обмануло? Как же я хотела ошибиться в тот момент.

— Немедленно возвращайтесь. Это важно. У Элис было видение. Мы все в опасности, — услышала я из динамика.

Глава 17. Новая угроза. Часть 2.

В следующее мгновение Эдвард вскочил и протянул мне руку. Но я не стала её брать. Нам действительно нужно спешить, поэтому разумнее было использовать самый быстрый из доступных нам способов передвижения. Поэтому я обратилась и, не спрашивая разрешения, подхватила Эдварда на руки и поднялась в воздух. Он не возражал, видимо, тоже понимал, что так будет намного быстрее.

Вскоре мы опустились на полянке перед домом и рванули внутрь. Обратившись, я на ходу содрала с себя обрывки рубашки и кроссовок — снять их до обращения я не сообразила, голова была занята другим. В это время у крыльца с визгом затормозил примчавшийся на

огромной скорости кабриолет Розали. Она и Эммет выскочили из криво припаркованной машины и кинулись в дом следом за нами.

В гостиной, дожидаясь нас, стояли все остальные. Джаспер прижимал к себе Элис. У меня появилось явное чувство «дежа-вю». Вся ситуация очень напоминала то утро, когда мы узнали о предстоящей атаке новорожденных. Но я заметила и отличия — лица окружающих были взволнованы и встревожены, что указывало на серьезность ситуации, но не было того отчаяния и обречённости, как в прошлый раз. Либо опасность была не так страшна, либо не так близка, как тогда. И потом, теперь у них есть я, а это значит, что никаким врагам не удастся причинить реальный вред. Но что же всё-таки случилось?

— Элис, что ты видела? — нетерпеливо воскликнул Эммет.

— Вольтури! Они идут за нами.

— Ну, конечно... — пробормотала я. Ноги у меня подкосились, и я, обхватив голову руками, плюхнулась на ближайшее кресло. Вот оно. Вот то, что занозой сидело в моём подсознании и никак не хотело даваться в руки. Вольтури. Темные плащи. Я словно перенеслась на месяц назад, вновь попав в тот «день битвы». Вот я зависаю высоко над деревьями, держа за ногу обезглавленное тело Виктории, и осматриваю окрестности. И ясно вижу вдаль, на холме, три фигуры в тёмных плащах. Краем сознания отмечаю, что в тот момент они показались мне чёрными, но теперь я понимаю, что они скорее были тёмно-серыми. Красные глаза пристально глядят на меня из-под низко надвинутых капюшонов. В тот момент, даже несмотря на эти глаза, я не стала их преследовать. Они явно не принимали участия в битве, а сбежав, больше не представляли угрозы. Так я тогда решила, спеша вернуться назад, к своей семье, чтобы убедиться, что все мои близкие в полной безопасности. Как же я теперь жалела о том, что не поддалась инстинкту, требующему уничтожить красноглазых. Я послушалась разума, утверждавшего, что не стоит убивать невиновных. И вот расплата. Вольтури видели меня и теперь угрожают моей семье. Но я этого не допущу!

— Энжи, Энжи, что с тобой? — Эдвард подхватил меня на руки и прижал к себе. Уткнувшись лицом в его плечо, я забормотала:

— Это из-за меня, из-за меня. Это я виновата. Нужно было ещё тогда их убить.

— Тише, малышка, тише, успокойся. Ты ни в чём не виновата, — Эдвард покачивал меня на руках, как ребенка, стараясь успокоить.

— Энжи, тебе что-то об этом известно? Кого тебе нужно было убить? — раздался требовательный голос Джаспера. Он привел меня в чувство лучше, чем успокаивающие слова Эдварда. Я подняла голову и обвела глазами стоящих вокруг нас Калленов. Все они напряжённо смотрели на меня, ожидая ответа. И я должна его им дать.

— Вольтури. Они были там в тот день, — я не стала уточнять, в какой, все и так прекрасно поняли. — Я видела их там. А они видели меня.

— И поняли, кто ты такая, — пробормотал Эдвард. — Так вот что ты пыталась вспомнить?

— Да. Теперь я это поняла. Всё сложилось в единую картину. В тот момент я не догадалась, кто они такие, хотя буквально за час до этого ты рассказал мне о них. Но тогда я была увлечена битвой, а позже столько всего навалилось. Потом, в лесу, я в какой-то момент поняла, кто они, а потом снова забыла. Они не участвовали в битве, просто наблюдали издали, поэтому я позволила им уйти. Если бы я в тот момент поняла, что это Вольтури, я бы уничтожила их за одно то, что они спокойно позволили новорожденным напасть на вас,

не исполнив свою прямую обязанность и подставив вас под удар. Но я не поняла. О том, что дав им себя увидеть, я подвергла вас всех опасности, я даже не догадывалась. А теперь они идут к вам. И не в гости на блины. Они идут убивать. И все из-за меня. Я так виновата, так виновата, — забормотала я, снова прижимаясь лицом к плечу Эдварда.

— Нет, Энжи, твоей вины здесь нет. Ты лишь повод. Мы для Вольтури всегда были бельмом на глазу. Наш клан достаточно большой и сплоченный, к тому же мы не такие как все — а для Вольтури это настоящий вызов. И вообще — Аро просто мечтает заполучить Элис, да и Эдварда тоже. Вот они и искали повод расправиться с нами на «законных» основаниях.

Я взглянула на Карлайла. Не особо-то меня его слова успокоили.

— А я дала им этот повод.

— А что Вольтури вообще делали там во время битвы с новорожденными? — спросил Эммет.

— Наблюдали за нашей гибелью, — пожал плечами Джаспер. — Похоже, они так хотели от нас избавиться, что готовы были допустить откровенное нарушение закона — создание неуправляемой армии новорожденных. А потом подчистили бы всё, убив выживших. И опять были бы на коне — они уничтожили отступников другим в назидание, ну а то, что те успели бы перебить нашу семью, то вины Вольтури в этом нет, опоздали вмешаться, с кем не бывает, — в голосе Джаспера звучала убийственная ирония. — Но справедливость в итоге торжествует, виновных покарала, Вольтури вновь выполнили своё предназначение.

— Они даже готовы были отказаться от возможности заполучить Элис или меня, лишь бы стереть нас с лица земли. Как видишь, дело даже не в тебе. Нам вынесли приговор, хотя суда и не было. И его приведут в исполнение рано или поздно.

— Ну уж нет! — я спрыгнула с рук Эдварда на пол. — Это им не удастся. И о чём они только думают? У вас же есть я, и они знают, что я такое. Чтобы добраться до вас, им придется пройти сквозь меня. А это им вряд ли удастся.

— Они собирают армию, — тихо проговорила Элис, печально глядя на меня. — Огромную. Клан Вольтури и так большой, но они привлекают вампиров из других стран. Всем нам известны легенды о гаргульях. Одно упоминание о них повергает кланы в дрожь. А тут вдруг появляется одна. Вольтури призывают остальных объединиться и выступить против общего врага, не дожидаясь, пока ты перебеёшь их по одиночке.

— Но зачем мне их убивать? Пока они не напали — они мне не интересны. Они же сами идут ко мне на убой, а не я к ним, за их жизнями.

— Вольтури бывают очень убедительны, — снова вступил в разговор Карлайл. — Они могли бы понять, что ты не представляешь для остальных угрозу хотя бы потому, что ты дала уйти их разведчикам. Но остальным они этого точно не скажут. Они соберут толпу, накрутят её и пустят на убой, чтобы под шумок уничтожить и нас заодно. Мне тяжело это осознавать, я ведь жил с ними какое-то время, мы были друзьями, но наш образ жизни слишком уж отличался. И я очень не хочу кровопролития.

— Хорошо, — кивнула я. — Если они не тронут вас, то и я тоже не стану их убивать. Хотя и очень хочется. Но как дать им это понять? Как заставить их отказаться от самоубийственного плана?

— Они не собираются совершать самоубийство, о нет. Они надеются выйти сухими из воды, подставив другие кланы. — Джаспер, как опытный стратег, быстро сделал вывод на

основании сказанного Карлайлом и Элис. — Они нацелятся на нас, пока остальные будут заняты Энжи. Точнее — пока она будет занята остальными.

— Значит, нужно дать понять Вольтури, что в первую очередь я расправлюсь с ними. И не оставлю их нападение безнаказанным.

— Вот было бы здорово сказать Аро: «Сидите спокойно в своей Вольтерре, а то у нас есть дрессированная гаргулья, и если сунетесь к нам, то мы скажем ей «фас»!»

— Эммет! — возмущенно воскликнули Эсми и Розали в один голос. Он получил подзатыльник от Элис, уничтожающий взгляд от Эдварда, укоризненный — от Карлайла. Джаспер лишь сокрушённо покачал головой. И только я осталась невозмутимой, поскольку была совершенно с ним согласна. Не с формулировкой, конечно, а с предложением испугать мной Вольтури и попытаться заставить отказаться от их плана

— Ты прав, Эммет.

Услышав это, все удивленно воззрились на меня, а я продолжила.

— Абсолютно прав. Беда в том, что мы вряд ли сможем донести до них эту мысль. Или сможем? — повернулась я к Карлайлу. Тот перевел вопросительный взгляд на Элис:

— Сколько у нас осталось времени?

— Прости, Кнопка, я не имел в виду... — покаянно забормотал Эммет, но я остановила его излияния.

— Проехали! — как и остальные, я сосредоточилась на Элис. От её слов сейчас зависело многое.

— Они придут не позже чем через неделю. Решение было принято сегодня, и сегодня же были разосланы гонцы в другие кланы. Затягивать никто не станет. С современными средствами передвижения и вампирской скоростью это много времени не займёт. Да и убеждать никого долго не придется. К тому же деньги решают многие проблемы, а Вольтури баснословно богаты. Они легко закажут чартерные рейсы для любого количества вампиров из любой точки планеты. Они прибудут в Сиэтл в течение нескольких дней, а когда соберутся все вместе — выступят на нас. День и час я уточню позже, но у нас есть где-то пять-семь дней, не более.

— Письмо дойти не успеет — они выйдут раньше. Если у них и есть телефон, то я его не знаю. Может, мне съездить самому и попытаться поговорить с Аро с глазу на глаз? Я мог бы успеть, — рассуждал Карлайл.

Элис вскрикнула, взгляд ее стал рассеянным.

— Нет! Тебя убьют! Они не станут ничего слушать. Им не нужны никакие объяснения. Они получили повод и готовы им воспользоваться. Они убьют тебя, и всё равно придут за нами.

— Тогда поеду я. И передую этих змей в их же гнезде. Сработаю на опережение. Вы же знаете, мне это по силам.

— Нет! — Эдвард крепко прижал меня к себе. — Я не отпущу тебя. Нет!

— Эдвард, но это единственная возможность предотвратить трагедию. И ты прекрасно знаешь, что для меня это не представляет никакой опасности. Вспомни новорожденных.

Эдвард понимал, что я права, его лицо исказилось от боли и страха за меня, он зажмурился и еще крепче прижал меня к себе, так, что даже стало трудно дышать. Все остальные молчали. И мне было понятно, почему. Я всё ещё оставалась их малышкой, и отпускать меня одну, в логово врага, не хотел никто. Но все понимали, что я права.

— Если другого выхода нет... — пробормотал, наконец, Джаспер, но Элис перебила

его.

— Это тоже не выход. Это ничего не даст. Сейчас в Вольтерре мало кто остался, все разъехались по другим кланам. Допустим, перебьёт Энжи горстку женщин — что это изменит? Только подтвердит слова Вольтури, поможет им уговорить остальных сплотиться против общего врага. Они поедут в Сиэтл, не заезжая домой, так что перехватить их дорогой ты тоже не сможешь. Они всё равно придут за нами. Ничего не изменилось.

Какое-то время мы молчали, обдумывая услышанное, искали решение проблемы и не находили его. Напрашивался лишь один вывод. И Эммет озвучил его.

— Значит, будем сражаться.

— Поправочка. Сражаться буду я, а вы отойдете в сторонку и предоставите это дело профессионалу.

— Эй, Кнопка, так нечестно! Я тоже хочу подраться.

— Я оставлю тебе парочку, не волнуйся.

— Мне всё же хотелось бы избежать кровопролития, — вздохнул Карлайл.

Как всегда, он готов пожалеть даже тех, кто желает ему смерти. В этом весь Карлайл, с его неистребимым состраданием и заботой о ближнем, каким бы дальним этот «ближний» ни был.

Избежать кровопролития, хмм... Все-таки интересный выбор слова. Кровопролития, в прямом смысле, не будет, что бы там ни произошло. Если начнется битва — на поле боя не окажется ни одного существа, имеющего хотя бы каплю крови. Всё же, употребляя устойчивые речевые обороты, мы редко задумываемся об их прямом значении. А иногда это оказывается очень забавно.

Из уважения к Карлайлу я была готова на любую уступку.

— Мы дадим им шанс. Попытаемся убедить. Предложим разойтись миром. Отпустим тех, кто передумает сражаться. Но если это не поможет... Я просто вынуждена буду их уничтожить. Я создана для этого. Я не могу допустить, чтобы вам причинили хоть малейший вред. Я — защитница!

— Жаль, что я не смогу поговорить с Аро с глазу на глаз. Но ничего не поделаешь. Видимо, так и поступим. Я всё же надеюсь, что нам удастся все решить миром. А если нет... — Карлайл тяжело вздохнул, принимая неизбежность.

— В конце концов, если кто-то нападает на нас, то мы имеем право на самооборону. Не стоит так переживать из-за гибели тех, кто сам пришел убивать.

Слова Джаспера просто дублировали мои мысли. Я тоже так считала — не мы же нападаем, так что мучиться угрызениями совести не стоит.

Я с удовлетворением отметила, как изменился наш разговор. Первоначальный ужас за безопасность свою и близких, сменился переживанием Карлайла по поводу бессмысленных жертв. Вот и славно. Я рада, что одно мое присутствие успокоило моих близких. Да, в прошлый раз все было намного серьезнее и страшнее. Теперь всё было иначе. В том, что мне по силам дать отпор агрессорам, уже никто не сомневался. «Дрессированная» гаргуля — совсем неплохое приобретение для вампирского клана. Ха, надеюсь, Аро не положит на меня глаз, как на Элис и Эдварда? Ну, если всё же положит, значит у него этот глаз лишний!

— Предлагаю сесть и всё спокойно обсудить. И Энжи, наверное, уже голодная, — вмешалась в разговор Эсми.

Я мысленно улыбнулась, а встретившись глазами с Эдвардом, заметила у него в глазах смешинку. Мы подумали об одном и том же — Эсми верна себе. Поскольку

непосредственной опасности для нас сейчас не было, то на передний план выходила её всепоглощающая забота о близких. В том числе и о моём ненасытном желудке. Впрочем, я вполне могла и потерпеть — лучше уж всё обсудить пока мы не разошлись кто куда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я потерплю пока. Нам нужно выработать план, и мне не хотелось бы никого задерживать.

Мы все расселись кто где. Хотя, собственно, вампиры могли стоять, не уставая, сутками, но Каллены предпочитали даже дома вести себя по-человечески. И то, что они сели, указывало на некую расслабленность и спокойствие. Хотя нам предстояло обсудить очень неприятное и потенциально опасное событие, но все уже поняли, что особо бояться нечего. Есть проблема — и её нужно решить, вот и всё.

— Где именно произойдёт встреча? Или ты пока этого не знаешь? — обратился Джаспер к Элис.

— На той же самой поляне. Видимо, Вольтури оценили её удобство — она достаточно просторная и при этом очень уединённая. Там-то мы и встретимся.

— Раз уж мы знаем, где их ждать, то будет безопаснее, если я встречу их там одна.

— Для кого безопаснее? — взвился Эдвард. — Даже не думай об этом. Одну я тебя туда точно не отпущу.

Я посмотрела на него внимательно и поняла — не отпустит. Вспомнила, как в прошлый раз он убеждал меня не выходить на заранее проигранную, как нам тогда казалось, битву с новорожденными. И как я настаивала, что никогда и ни за что не оставлю его одного в опасности. Теперь мы поменялись местами. Вздохнув, я улыбнулась Эдварду, показывая, что прекрасно его понимаю и не стану возражать.

— Э, нет, Кнопка, уж я-то не упущу возможности навалить Вольтури, даже и не надейся! — воскликнул Эммет практически одновременно с Эдвардом. Ну, этому лишь бы подраться. Эммет точно не согласится остаться на скамье запасных.

— Энжи, я обязательно должен быть там, чтобы попытаться отговорить Вольтури от сражения. Может, всё-таки удастся избежать битвы? Я сделаю всё возможное для этого.

Карлайл прав. Только у него есть шанс уговорить «вампирских копов» хотя бы просто нас выслушать. Значит, убедить его остаться в безопасности не удастся.

Я перевела взгляд на Джаспера. Он просто покачал головой, а потом перевёл взгляд на Элис, клубочком свернувшуюся у него под боком, точно так же, как я у Эдварда. Тут всё было понятно без слов. Элис нужна Аро, из-за неё он, в принципе, всё и затеял. Возможно, даже дал приказ не убивать её, надеясь впоследствии заполучить в свой клан. И Джаспер никогда не останется в стороне, когда идёт сражение за его любимую. Ради Элис он готов на всё. И я его прекрасно понимаю. У меня и самой есть тот, ради которого я, не задумываясь, отдам жизнь.

Всё же удивительно, как Аро может быть одновременно таким мудрым и хитрым, если судить по рассказам Карлайла и Эдварда, и при этом — таким наивным? Неужели он не понимает, что ни Элис, ни кто-то другой из нашей семьи, никогда не перейдёт на сторону того, кто уничтожил его близких? Хотя это, наверное, не наивность, а самоуверенность. Ну, ничего, скоро я его от этого избавлю.

— Может, хотя бы женщин дома оставим? — протянула я, понимая, всю безнадёжность такого предложения. Раз их мужчины выйдут навстречу врагу, то и сами они не намерены отсиживаться в безопасности. Услышав дружное возражение в три голоса, я оставила

безнадёжную попытку. Что ж, может, так даже лучше. Все будут у меня на глазах, и мне легче будет проследить за их безопасностью.

— Так, думаю, что основную проблему мы обсудили, — с этими словами Карлайл поднялся с кресла. — Если что-то изменится — тогда и будем думать. А сейчас нам остаётся только ждать. И надеяться на лучшее.

— И готовиться к худшему, — пробормотал Джаспер.

— Я готова. Худшее ожидает не нас. — Видя, что все встают и собираются расходиться, я добавила. — Завтра я должна буду съездить в резервацию.

— Зачем? — удивился Эдвард. Остальные притормозили, с недоумением глядя на меня.

— Чтобы поставить квилетов в известность о том, что в наши края намерены нагрязнуть вампиры. Красноглазые вампиры, — уточнила я. — Они имеют право это знать.

— В общем-то, ты права, но мы не можем заходить на территорию резервации. Мы очень давно заключили с квилетами договор и ни разу его не нарушили, — напомнил мне Карлайл.

— Я тот договор не заключала. Зато заключила другой. Сэм позволил мне находиться на их территории, если я поклянусь, что не стану причинять им вреда, — видя поражённые лица Калленов, всех, кроме Эдварда, который был в курсе, я лишь слегка пожалала плечом и продолжила. — Я поклялась. Конечно, он-то рассчитывал, что я останусь у них навсегда, стану их «дрессированной» сторожевой гаргульей. На моё возвращение к вам он не рассчитывал. Но в любом случае, договор между нами заключён, и о его расторжении мне не сообщалось. Поэтому я завтра поеду в резервацию. А может, полечу. Одна. И постараюсь в очередной раз убедить оборотней, что я им не враг.

— Мне не нравится, что ты там будешь одна, — хмуро пробормотал Эдвард.

Умом он понимал, что мне там абсолютно ничего не грозит, как впрочем, и везде, но всё равно за меня беспокоился. Не мог иначе. Я ведь была его половинкой, и сама точно так же за него волновалась. Я ласково прогладила его по щеке.

— Всё будет хорошо. Я постараюсь там не задерживаться дольше, чем необходимо.

И снова мой желудок напомнил о себе в самый неподходящий момент. Мне кажется, у меня был самый «поющий» желудок на свете. Тут же были прекращены все дискуссии, поскольку на первый план вышла более важная задача — накормить меня. Вот ведь как получается — я сильнее их всех, вместе взятых, я собираюсь выйти на бой с кучей вампиров и выиграть битву, и все прекрасно это понимают. Но в быту я остаюсь их малышкой, их ребёнком, который не должен «страдать» от голода и прочих бытовых неудобств. Вздохнув, я пошла за Эдвардом и Эсми на кухню — меня ждал вкусный и сытный ужин.

Позже, укладываясь в постель рядом с Эдвардом, а частично и на нём, я попыталась разглядеть хмурые морщинки у него на лбу, сначала пальцами, а потом поцелуями.

— Да не переживай ты так. Всё будет хорошо, теперь-то мы это знаем. Глупые Вольтури, сами не понимают, во что ввязались.

— Мне не очень нравится твоя идея съездить в резервацию, причём одной, — вздохнул Эдвард. — Может, как и в прошлый раз, назначим им встречу на нейтральной территории?

— К чему все эти сложности? Я быстренько сгоняю туда, предупрежу Сэма и вернусь. А ваше присутствие оборотней будет только раздражать. Меня другое волнует.

— Что именно? — теперь была очередь Эдварда чмокнуть меня в озабоченно нахмуренную переносицу.

— Джейн и Алек. Я как-то позабыла про них. Мне-то они не страшны, но смогу ли я

успешно оградить вас всех от их воздействия? Конечно, крылья увеличивают площадь моего тела раз в десять, но достаточно ли будет этого? Нужно будет завтра попробовать, — я широко зевнула. — Жаль, что не удалось уговорить хотя бы женщин остаться дома.

— Я тоже как-то не подумал об этой парочке. Что ж, будем надеяться, что без команды Аро они не станут нападать на нас. А Карлайл всё ещё надеется решить дело миром.

— Ладно, — я привычно устроилась щекой на груди Эдварда и снова зевнула. — Не думаю, что близнецы станут большой проблемой. А если всё же попытаются причинить вам боль — я просто поотрываю им головы и всё. Не волнуйся, я никому не позволю вас обидеть.

Мой голос становился всё тише и неразборчивей, глаза закрывались сами собой. Последнее, что я почувствовала — это губы Эдварда, целующие мои волосы и его шёпот мне на ушко.

— Спи, моя маленькая защитница. Сладких тебе снов.

И после небольшой паузы, еле слышно:

— А летать мне тоже понравилось.

Глава 18. Предупреждение. Часть 1.

На следующий день я отправилась в резервацию. Я совсем не рвалась вновь увидеться с Сэмом, мне не понравилось то, что он решил за меня, возвращаться ли мне к Калленам или нет. К счастью, вмешался Джейк, иначе я могла бы до сих пор страдать одна на дереве, ничего не зная об опасности, грозящей моей семье. Я уважала его преданность стае и племени, я признавала его право заботиться об их безопасности любыми способами, но не за мой же счёт! Конечно, я и сама бы в первую очередь думала о Калленах, а уж потом о чувствах любых других созданий. Но симпатию к Сэму я испытывать не обязана, достаточно того, что я соблюдаю договор и даже превышаю свой долг перед стаей. Я поклялась не причинять оборотням вред, а не заботиться об их безопасности. Будь я знакома только с Сэмом — мне было бы наплевать на оборотней. Пусть сами о себе заботятся, не маленькие. Но там был Джейк, и это многое меняло. Джейк был моим другом, настоящим другом, многим рискнувшим ради меня. И отмахнуться от него я не могла ни при каких обстоятельствах. Предупредить его — самое меньшее, чем я могу ему отплатить.

Жаль, что я не могу предупредить жителей Форкса. Рядом с городом появится целая когорта вампиров, которые совсем не такие безобидные, как Каллены. Вдруг им взбредёт в голову поохотиться в окрестностях. Меня передёрнуло. Я представила своих одноклассников, гибнущих под клыками вампиров, учителей, просто жителей, которых я ежедневно видела из окна автомобиля по дороге в школу. Я — гаргулья, я — защитница, а мне предстоит подпустить к своему дому красноглазых вампиров. Это было неправильно. Инстинкт и голос крови требовали от меня вылететь навстречу и перебить врагов, не позволяя им даже приблизиться к городу. Конечно, рассеянные по всему свету вампиры всё равно кормились человеческой кровью. Это мне совсем не нравилось, но те люди были далеко, я их не знала, не видела, не разговаривала с ними. А вот жители Форкса — другое дело.

Перед моим мысленным взором появилась картина. Уж не знаю, откуда она взялась, может, я видела нечто подобное в кино, может, прочла, а может, просто навеяла ситуация. Я видела огромный средневековый замок с высокими крепостными стенами, осаждаемый толпой. Это не были воины, я не видела ни доспехов, ни осадных орудий, у нападавших вообще не было никакого вооружения. Да и само их количество было слишком мало, чтобы

взять крепость. Но они мчались к стенам с невероятной скоростью, а подбежав, начали быстро карабкаться вверх, голыми руками цепляясь за камни. Со стен летели стрелы, но не причиняли им никакого вреда, даже попав — отскакивали. И я поняла, что эти нападающие — вампиры. Сейчас они ворвутся в крепость и перережут там всех людей.

Но в этот момент на горизонте появляются три точки, который приближаются с невероятной скоростью. Через долю секунды они уже рядом с крепостью, и я понимаю, что это — гаргульи. Врезавшись в толпу вампиров, они за несколько мгновений расправляются со всей стаей. В воздух летят оторванные конечности и головы, обезглавленные тела сыплются со стен. Ещё немного — и в живых не осталось ни одного вампира. Гаргульи опускаются на землю. Я не вижу их лиц, но судя по фигурам — это мужчины, очень высокие и мускулистые.

Ворота крепости открываются, люди высыпают наружу. Они обступают гаргулий. Им жмут руки, некоторые женщины обнимают их и целуют, дети прыгают вокруг, совершенно не боясь этих крылатых созданий, которые на целую голову выше самого высокого из людей. Потом гаргульи поднимаются в воздух и улетают. Люди машут им вслед, а потом начинают стаскивать в огромный костёр куски вампиров. Одна из женщин поворачивается ко мне от костра и говорит неожиданно низким и таким знакомым голосом:

— Просыпайся, малышка. Мы приехали.

Прохладные губы слегка касаются моих губ лёгким поцелуем. Мне этого мало, я тянусь за ними и недовольно хнычу. Слышу негромкий смешок, потом получаю ещё один поцелуй, уже чуть продолжительней. Мои руки тут же вцепляются в плечи и затылок Эдварда, не желая его отпустить.

— Может, никуда не пойдёшь? Я мог бы найти занятие поинтереснее.

Я резко распахиваю глаза и оглядываюсь. Надо мной склонился Эдвард, а за его спиной — лобовое стекло машины и неширокая дорога, по обеим сторонам от которой стеной стоит лес.

— Я что, уснула? Где это мы?

— Мы на границе резервации. Дальше мне хода нет. Ужасно не хотелось тебя будить, но ты сама не хотела бы упустить время, верно? А, может, всё же не пойдёшь? Мы можем попробовать связаться с оборотнями по телефону.

— Нет, Эдвард, я должна сделать это лично. И не волнуйся за меня — я буду в полной безопасности. Постараюсь не задерживаться. И что это меня сморило среди дня? — бормотала я, выбираясь из Вольво. Мы приехали сюда сразу после школы — я не хотела терять время, заезжая домой. Судя по карте, мне нужно будет пройти по этой дороге около пяти километров, и я попаду в поселение квилетов.

— А как ты собираешься искать там Сэма? У нас же нет его адреса. Это может занять довольно много времени.

— Зачем мне искать его дом? Я обращусь к первому попавшемуся оборотню и попрошу указать мне его, или позвать Сэма.

— А ты уверена, что сможешь узнать, кто из индейцев оборотень? Они ведь выглядят как обычные люди.

— Ах, Эдвард, — сокрушённо покачала я головой, — неужели ты так до сих пор и не понял, что даже в моём «человеческом» состоянии, мой нюх ни капельки не уступает вашему? Я узнаю оборотней по запаху. Я достаточно их нанюхалась и не перепутаю этот запах ни с чем. А кроме того — они очень жаркие, намного горячее людей. Это мне тоже

поможет, но, скорее как дополнительная подсказка.

— Я догадывался. Понимал, что все твои органы чувств превосходят человеческие. Извини, что усомнился в твоих возможностях.

— Да ладно, я сама не заостряла на этом внимание. Всё, я пошла. Не волнуйся, всё будет хорошо.

Эдвард передал мне пакет с бутербродами, который достал из сумки-холодильника, стоящей на заднем сидении. Эсми заранее приготовила их, зная, что на обед я не приеду. Я собиралась перекусить в дороге, но почему-то уснула. Получив на дорожку крепкий, даже несколько отчаянный поцелуй, я забежала в лес и помчалась параллельно дороге, чтобы не попасться на глаза случайному путнику. В несколько укусов расправившись с бутербродами, я прибавила скорость, и вскоре уже была на краю посёлка. Выйдя из леса, я обычным шагом пошла по грунтовке, вьющейся между небольших домиков. Запоздало подумала, что несколько странно выгляжу без машины, но не стала жалеть, что не взяла её. Машина могла стать обузой, без неё я была гораздо быстрее и манёвреннее. И не всем обязательно знать, что я пришла пешком, пусть думают, что меня кто-то привёз.

Улицы были почти пустынные. Редкие прохожие поглядывали на меня с плохо скрытым любопытством, но не подходили и не заговаривали. Решив облегчить себе задачу, я принялась повнимательнее. Из пары домов, мимо которых я проходила, пахло узнаваемым запахом оборотней, но самих обитателей дома не было. Наконец я поймала живой, сильный и очень знакомый запах, и пошла в нужном направлении. Пройдя около полукилометра, я оказалась на окраине, возле небольшого дома. Но запах вел меня дальше, к большому нежилому сооружению, вокруг которого всё заросло бурьяном. Заглянув в незапертые ворота, я увидела старенький красный пикап, разложенные вокруг него инструменты и детали, а так же длинные ноги, торчавшие из-под днища.

— Привет, Рыжик, — с улыбкой произнесла я.

Из-под машины раздался стук и приглушённый вскрик. Забеспокоившись, я подлетела ближе и, подцепив рукой днище пикапа, приподняла его переднюю часть и заглянула под кабину. Джейк, потирая лоб, ошарашенно смотрел то на меня, то на днище, оказавшееся гораздо выше, чем минуту назад, когда он, видимо, треснулся об него лбом от неожиданности.

— Ты как? Не сильно ушибся?

— А, ерунда. Ну, Энжи, ты даешь! Ты что, держишь его одной рукой? — выбираясь наружу и становясь рядом со мной, сказал мой друг-оборотень. Когда он убрал руку со лба, я не увидела и следа от удара: ни шишки, ни ссадины, хотя, судя по звуку, приложился Джейк прилично. Регенерация оборотней в действии. Я опустила машину на место.

— Извини, что напугала, я не хотела, чтобы ты ударился.

— Да всё прошло уже. Я сам виноват — задумался, замечтался. Нужно быть повнимательнее, а я расслабился. Я рад, что ты пришла. Решила меня навестить? А как ты меня нашла?

Я с улыбкой слушала сумбурную речь Джейка.

— Найти тебя было не сложно. Извини, Джейк, но пахнете вы, оборотни, далеко не розами. Я тоже рада, что нам удалось повидаться, но вообще-то, я ищу Сэма. У меня для него важное известие. Нужно срочно поговорить.

Джейк сразу посерьёзnel.

— Что-то случилось?

— Пока нет. Но скоро случится. И вы должны быть в курсе.

— Сэм сейчас в дозоре. Моя смена часа через полтора. Но если дело срочное, я могу его позвать.

— Позови, пожалуйста! — я знала, что Эдвард ждёт меня и переживает. — Мне нужно вернуться поскорее.

Джейк сбросил кроссовки и рубашу и выбежал из сарая, который, видимо, исполнял функции гаража. Я выглянула ему вслед. Джейк скрылся в ближайшей рощице, но уже минут через пять вернулся и махнул мне рукой, предлагая идти за ним.

— Сэм хочет встретиться с тобой на пляже Ла-Пуш. Это не очень далеко.

Я согласно кивнула, и мы помчались сквозь лес, напрямую к океану. Джейк бежал намного быстрее человека, пожалуй, даже быстрее автомобиля, но до моей скорости ему, конечно, было далеко, поэтому я подстраивалась под него. Вскоре мы уже были на берегу. Я впервые увидела океан так близко. В ожидании Сэма, Джейк присел на огромную корягу, выброшенную на берег, а я, тоже разувшись и закатав штанины, стала бродить вдоль линии прибоя, собирая симпатичные камушки. Океан был спокоен. Небольшие волны ласково лизали мои ступни. Мне они казались тёплыми, хотя, скорее всего, обычному человеку показались бы ледяными.

— Тебе сильно попало от Сэма? — задала я давно мучавший меня вопрос.

— Не сильно. Он ведь в глубине души понимал, что я был прав, поэтому особо не злился. Так, поворчал немного и всё.

Я вспомнила своё прошлое общение с Сэмом. Не очень-то он похож на ворчуна. Но раз Джейк так утверждает... Что ж, по крайней мере, я больше не буду мучиться мыслью, что из-за меня Джейку досталось.

— А у тебя как дела? Помирилась с семьёй.

— С семьёй всё более чем замечательно. Мы ведь и не ссорились, просто я сглупила вот и всё. А вы, как я понимаю, продолжаете ходить дозором и ждать подлянку с нашей стороны? Напрасно. Хотя, в свете новых событий, это, пожалуй, даже к лучшему.

— Так что же у вас там произошло? Что настолько важное и срочное, что ты пришла сюда поговорить с Сэмом? Можно же было просто позвонить. Наши номера есть в телефонной книге.

— Нет, я должна была сама с вами побеседовать. И я всё расскажу, только давай дождёмся вашего Альфу. Он, кстати, уже недалеко, и не он один.

— Ага, с ним Пол и Джаред. Они тоже были в дозоре, так что услышали моё сообщение.

— Волчья телепатия? Ты говорил.

— А у тебя неплохое чутьё. Я сам-то только-только их почувствовал.

— Они обратились. Идут к нам уже людьми.

— Ух, ты! Этого даже я определить не могу.

— Просто вы начинаете пахнуть немного по-другому. А я это замечаю, — пожалала я плечами. — Вы свой запах воспринимаете иначе, вот тебе и не заметна разница.

О том, что я чувствую так же энергетику обращения, уточнять я не стала. Хватит пока с Джейка моих «чудес», зачем грузить лишними подробностями?

В это время из окружающего пляж леса вышло трое могучих парней. Сэма я узнала сразу, остальные были немного моложе и ниже, но все равно очень сильно возвышались надо мной. Они держались по бокам от своего Альфы, чуть позади него. Все трое были босиком, из одежды — только обрезанные джинсы или шорты. На щиколотке у каждого я

заметила привязанный кожаный шнурок. Джейк поднялся с коряги им навстречу и встал рядом со мной.

— Здравствуй, Сэм, — вежливо сказала я, когда троица остановилась в паре метров от меня, потом слегка склонила голову, безмолвно здороваясь с его спутниками.

Ответом мне были три молчаливых кивка.

— Джейк сказал, что у тебя есть какое-то важное известие, и поэтому ты пришла сюда. Разве ты не знаешь, что Калленам путь в нашу резервацию заказан? Я мог бы посчитать это нарушением договора.

Ах, так, значит? А я-то пришла как посол доброй воли, об опасности их предупредить. И тут же подверглась нападкам. Может, зря я всё это затеяла?

— Насколько я помню, лично со мной был заключён другой договор. Я не причиняю вам вреда и за это могу находиться на вашей территории. С моей стороны нарушений не было. Так к чему эти упрёки?

— Ты вернулась к этим кровопийцам! Ты теперь тоже наш враг! — зло кинул мне тот, что стоял слева от Сэма.

Снова та же песня! Сколько можно?!

— Успокойся, Пол, — осадил его Сэм. Но явно не оттого, что считал его неправым, просто тот, видимо, нарушил субординацию.

— Может, лучше выслушаете Энжи, прежде чем нападать? — раздался над моим плечом голос Джейка.

— А ты, я смотрю, быстро спелся с этой... с этой... — не желающий уgomониться Пол явно не нашёл подходящего определения для меня, поэтому продолжил. — Может, и сам станешь таким же? Вампирским прихвостнем!

Оскорбленный Джейк рванулся вперед, но был остановлен моей рукой, которую я вытянула в сторону, перегородив ему дорогу. Не хватало ещё драк из-за меня.

— Я сказал — довольно! — рявкнул Сэм.

Поняв, что Джейк взял себя в руки и не станет бросаться на Пола, я успокаивающе похлопала его по руке и вновь повернулась к возмутителю спокойствия

— Я никогда не была вашим врагом и не собираюсь им становиться. Не собиралась, — поправила я. — Лично для тебя я готова сделать исключение, а в качестве врага я тебе очень не понравлюсь. Так что не нарывайся.

Потом вновь повернулась к Сэму.

— Мы можем поговорить спокойно, как взрослые, воспитанные люди? — я нарочно сделала ударение на слове «взрослые». Не собираюсь деликатничать с этим Полом, пусть знает, какого я о нём мнения.

Видимо, Сэм понял, что нормального разговора может не получиться, поэтому отослал Пола продолжать обход, взяв с собой еще двоих оборотней, чьё дежурство, как я поняла, ещё не началось. Я мысленно попросила у парней прощения за то, что сократила их заслуженный отдых.

— Это ему ты подбил глаз? — глядя вслед удаляющемуся Полу, негромко поинтересовалась я у Джейка.

— И не один раз, и не только глаз, — пробормотал тот в ответ. Здесь, видимо, давний конфликт, так что можно избавиться от чувства вины, за то, что внесла раздор между оборотнями. — Не обращай внимания на Пола, он псих.

— Правда? Ни за что бы не догадалась! А выглядит таким спокойным и

уравновешенным.

Джейк прыснул, молчавший до этой минуты Джаред вторил ему. И только Сэм остался серьёзным.

— Может, перейдём, наконец, к причине твоего появления здесь?

— Для этого я сюда и пришла. Присядем? — я мотнула головой в сторону коряги. — А то я уже шею свернула, глядя на вас снизу вверх.

Сэм согласно кивнул, и мы расселись все на той же коряге. Оборотни — в ряд на стволе, а я — в пол-оборота к ним, на одной из толстых веток, торчащей немного вверх, таким образом, я сидела чуть выше, поэтому наши лица были практически на одном уровне. Не очень-то приятно быть такой мелкой рядом с высоченными оборотнями.

— Я пришла предупредить вас о возможной опасности. Через несколько дней в эти края заявится чертова уйма вампиров, так что, будьте настороже.

— Мы всегда настороже. И что еще за вампиры? Вы что, додумались гостей позвать?

— Нет. Гости мы не звали. Они идут убивать. Нас.

Глава 18. Предупреждение. Часть 2.

— *Нет. Гости мы не звали. Они идут убивать. Нас.*

Джейк ахнул. Сэм недоверчиво прищурился. Джаред удивлённо поднял брови.

— С чего это вампиры будут убивать вас? Что, очередные ненормальные, как в прошлый раз? — Сэм дал понять, что в курсе недавнего происшествия.

— Нет. Хуже. Там было глупое дикое стадо. Вампиры-новички, которые не ведали, что творили. А здесь — старые и вроде бы мудрые вампиры. Идейные. И идут они убивать нас обдуманно.

— И с чего они на вас ополчились?

— Да причин-то много. Во-первых, Каллены, как вам известно, несколько нестандартные вампиры. А непохожесть во все века каралась. Отвержением, либо уничтожением. Во-вторых, у Калленов есть нечто такое, чем безумно хочет завладеть кое-кто другой. Тоже исторически сложившаяся причина для нападения, во все века с этого начинались многие войны. Ну и последнее, хотя это скорее повод — Каллены совершили немыслимый в глазах других вампиров грех — приняли в семью заклятого и злейшего врага всего их рода, истребителя вампиров... — я сделала паузу, предлагая им самим сделать вывод.

— Тебя, — выдохнул Джейк.

— Меня, — подтвердила я. — Узнав об этом, Вольтури сразу уцепились за удобный повод расправиться с Калленами. А так же использовали меня, чтобы поднять на «борьбу со злом» остальные кланы.

— Вольтури? — переспросил Джаред, впервые вступив в разговор. Остальные смотрели на меня выжидательно.

— Да есть там один клан, которому больше всех надо. Не заморачивайтесь, — я пренебрежительно махнула рукой, — у них ничего не выйдет.

— Не выйдет? Ты уверена? — взволнованно уточнил Джейк.

— Конечно. Я же... истребительница вампиров, не забывай! — уф, чуть не ляпнула «гаргулья». Нет уж, от таких подробностей я оборотней избавлю. — Для меня уничтожить эту свору — не проблема, к своей семье я их не подпущу, пусть и не мечтают.

— А в чем же тогда проблема? Если ты утверждаешь, что уничтожишь всех вампиров,

тогда к чему нам быть готовыми?

— Я не говорила, что всех их уничтожу, я сказала, что смогу это сделать, если будет нужно. Но дело в том, что Карлайл не приемлет насилия, а для меня его мнение значит очень много. Для него убийство, пусть даже врагов — огромная трагедия. Да, вот такой он удивительный! — ответила я на недоверчивые взгляды парней. — Ведь именно поэтому он и выбрал профессию врача. Он сделал своим призванием спасение жизней, а не убийство.

— А мы тут причём?

— Дело в том, Сэм, что если удастся отговорить их от сражения любым способом — убедить, запугать, или как-то ещё, то я не стану их убивать, как бы мне этого не хотелось. Я обещала это Карлайлу. Тех, кто «сложит оружие» — мы отпустим. Всех, или часть, неважно, но довольно много вампиров окажется в окрестностях Форкса. Красноглазых вампиров, — уточнила я, чтобы донести свою мысль до оборотней.

— И кое-кто может решить подкрепиться на дорожку, — протянул Джейк.

— Да! — воскликнула я. — В этом-то и проблема! Если они прыснут врассыпную — я не смогу контролировать всех. Я очень быстрая, но даже я не могу быть в нескольких местах одновременно.

— Я понял, — кивнул Сэм. — Мы усилим охрану.

— Сосредоточьтесь на подступах к посёлку. Так вы сможете поставить более прочный заслон, чем пытаетесь перекрыть всю границу. Пусть даже кто-то из вампиров забредёт в ваш лес — фиг с ним, он может просто пробежать мимо поселка. В любом случае, мы их потом всех выловим.

— Мы?

— Да, Сэм, мы. Не думаешь же ты, что я позволю хоть одному красноглазому затаиться в лесах, ваших или Калленовских — без разницы? В день Икс я сосредоточусь на Форксе, вы — на своем поселке. А позже, когда основная масса красноглазых либо уберется отсюда, либо будет уничтожена, я прочешу частым гребнем все окрестности, и вычешу всех затаившихся вампиров. Ни один не приблизится к людям, которые находятся под моей защитой.

Произнося свою эмоциональную речь, я соскочила с коряги и, жестикулируя, расхаживала перед сидящими оборотнями. Перед моими глазами встал недавний сон. Я не знала, что это было — навеяло ли легендами Карлайла о гаргульях, или это было некое воспоминание из моей прежней жизни? Это было мне неизвестно. Но одно я знала точно: как и те гаргульи из сна, я приду на помощь людям — а к людям я причисляла и Калленов, и оборотней, — которым угрожают вампиры. И как бы ни хотел Карлайл избежать кровопролития, тот, кто покусится на людей, находящихся под моей защитой — поплатится жизнью.

В глазах Сэма я прочла нечто, похожее на уважение.

— Ты права. Главное — убережь людей. Мы сделаем так, как ты говоришь — стянем все силы к посёлку.

— Надеюсь, что вам не придётся вообще встречаться с вампирами. Я сделаю всё, чтобы это предотвратить. Но готовы вы быть должны.

— Когда это произойдёт? — спросил Джаред.

— Примерно через пять дней. Более точно я узнаю позже, тогда и сообщу вам. В этот день людям лучше не покидать посёлок, в лесу может быть опасно.

— Я поговорю со старейшинами. Они что-нибудь придумают.

— Так, если мы все обговорили, то я пойду. Меня ждут и беспокоятся. Джейк, у тебя есть телефон?

— Только домашний. Но ты можешь звонить по нему. Если трубку возьмёт мой отец — передай всё, что нужно, через него, он в курсе.

Джейк продиктовал мне свой номер, и я моментально его запомнила. На всякий случай свои телефоны мне дали и Сэм с Джаредом — вдруг никого из Блэков, ни Джейка, ни его отца Билли, не окажется дома. Но с ними разговаривать нужно было обязательно лично — их родные не были в курсе происходящего. Тяжело, наверное, жить, скрывая свою сущность от самых близких. В этом плане и мне, и Джейку повезло. Потом я дала им номер Калленов — думаю, что если речь пойдёт о безопасности людей, оборотни переселят своё отвращение и, при необходимости, позвонят даже вампирам. На прощание Сэм пожал мне руку, еще раз поблагодарив за предупреждение. Кажется, его отношение ко мне изменилось. Исчезла настороженность. Конечно, пока ещё мы не стали друзьями, мне, собственно, этого и не нужно было, но союзником я для него уже определенно была.

После ухода Сэма и Джареда, Джейк вызвался меня проводить. Подобрал сброшенные кроссовки, я пошла вслед за ним в лес. Но там, где меня никто уже не мог увидеть, я остановилась и стала снимать ветровку, а следом и рубашку.

— Джейк, извини, но я с тобой не пойду. Рвану короткой дорогой.

— Полетишь, да? Круто!

— Так быстрее. — Я повязала рукава ветровки вокруг талии, сунув в огромный карман сложенную рубашку.

— Тогда — пока. Надеюсь, ещё увидимся.

— Конечно, увидимся. Мы же соседи.

И я обратилась прямо у него на глазах. Теперь я этого уже не стеснялась.

— Ух, ты! — только и смог восхищённо произнести Джейк. — А ты говорила «чудовище». Да ты прямо красавицей стала. То есть, я не хотел сказать, что ты до этого была некрасивая, нет. Ты и раньше тоже красивая была, но сейчас!.. — он неопределенно помахал руками в воздухе, видимо, пытаясь изобразить, насколько я преобразилась.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Ладно, я полетела.

Джейк вдруг посерьёзnel.

— Удачи тебе, Энжи. Всем вам.

— Спасибо, — повторила я, на этот раз уже без улыбки. А потом поднялась в воздух, и полетела, ловко маневрируя между деревьями и слыша восхищённый свист Джейка. Я спешила назад, ведь меня ждал Эдвард.

Подлетев прямо к месту, где остановилась машина, я обратилась и вышла из леса уже «человеком». Как я и предполагала, Эдвард всё это время так и простоял у машины, дожидаясь моего возвращения. Как только я показалась на дороге, он подлетел ко мне, подхватил на руки и впился в мои губы жарким поцелуем. Конечно, губы его, как и всегда, были немного прохладнее моих, но их прикосновение уже привычно разожгло во мне настоящий огонь. Я обхватила шею Эдварда руками, стараясь прижаться крепче, при этом, наверное, перепачкала его рубашку своими пыльными кроссовками, которые так и держала в руке.

Я готова была простоять так хоть до вечера, но Эдвард прервал наш поцелуй, не говоря ни слова, пронёс меня оставшиеся три метра до Вольво и усадил на пассажирское сидение боком, так что мои ноги остались снаружи. После этого достал откуда-то сзади бутылку с

водой, смочил носовой платок и, присев передо мной на корточки, тщательно вытер мои перепачканные ступни. Потом, всё так же молча, надел на них носки и кроссовки, шнурки которых аккуратно и неторопливо завязал красивым двойным бантиком. И хотя сама я вполне могла бы проделать то же самое, причём намного быстрее, я спокойно сидела, позволяя Эдварду о себе заботиться. Я прекрасно понимала, что это нужно ему, что вот так, нянчась со мной, он чувствует, что я здесь, рядом, целая и невредимая.

Недавно Эдвард признался мне, что после прошлой нашей разлуки, которая последовала за битвой с новорожденными, в нём постоянно живёт страх потерять меня. И для него безумно трудно выпускать меня из поля зрения. Обычно ему и не приходилось этого делать — мы были вместе постоянно, всегда и всюду, даже в школе, когда мы сидели в разных классах, он мог видеть меня глазами других учеников. А здесь я исчезла, причём туда, куда он не мог отправиться вслед за мной. Я не знаю, что он испытал за моё отсутствие, не такое уж и долгое, но вряд ли это было что-то приятное. Поэтому, пока Эдвард возился с моими ногами, я спокойно сидела, прихлёбывая воду из бутылки, которую забрала у него — бутерброды-то я сжевала всухомятку, а попросить воды у Джейка не догадалась, мысли были заняты другим. И только теперь я поняла, как сильно хочу пить. Хорошо, что у Эдварда оказалась эта бутылка, иначе мне точно пришлось бы искать ближайший ручей.

Закончив приводить в порядок мои ноги, Эдвард не встал, как я того ожидала, а опустился на колени, обхватил мои ноги и уткнулся лбом мне в колени. И такое отчаяние было в этом жесте, что я почувствовала, как невидимая рука сдавила мне горло, а на глазах выступили слёзы. Видеть высокого, сильного и неуязвимого мужчину таким беспомощным было очень больно. И очень захотелось прогнать то, что так его мучило. Уронив бутылку с остатками воды, я стала гладить голову и спину Эдварда, целовать его в волосы и бессвязно шептать на ухо.

— Я здесь. Я с тобой. Я никогда тебя не покину!

Наконец, всё ещё оставаясь на коленях, Эдвард выпрямился и порывисто прижал меня к себе.

— Я... Я испугался. Я стоял, ждал тебя, и вдруг мне показалось, что ты никогда не вернёшься.

— Ну, что ты, что ты, успокойся. Я вернулась. Всё в порядке. Мне ничего не угрожало. Оборотни мне не враги, и, в любом случае, они не опасны для меня. Я гораздо сильнее их, ты же знаешь!

— Я понимаю. Я всё понимаю. Но ты такая... Такая маленькая! И дело ведь не только в оборотнях.

— Вольтури, да? Ты всё ещё не веришь, что я смогу с ними справиться.

— Верю. Умом верю. Но всё равно боюсь за тебя. Боюсь тебя потерять. Это сильнее меня, это просто пожирает меня изнутри. Этот страх, он со мной постоянно. Когда ты рядом — он отходит в сторону. Но когда тебя нет...

— Я понимаю тебя, правда, понимаю. — Это были не просто слова утешения. Я помнила, как плохо мне было, когда раньше Эдвард уезжал на охоту или по делам один, без меня. Как я не находила себе места от беспокойства всё время, пока он отсутствовал. Как только его появление, целого и невредимого, могло остановить эту внутреннюю агонию. Да, я его понимала.

Спустя несколько минут Эдвард поднялся на ноги, отряхнул брюки и смущённо взглянул на меня.

— Извини. Что-то я совсем раскис.

Я тоже встала и ласково погладила его по щеке.

— Всё в порядке. И не нужно стесняться выражать свои чувства. Все мы имеем право на минуты слабости, нельзя вечно, давить в себе эмоции. Иногда их нужно выплеснуть, и от этого станет гораздо легче. Жаль, что вампиры не могут плакать.

— Мне действительно стало легче. Теперь я могу вернуться домой и снова всем улыбаться, словно и не боюсь того, что нам предстоит. Хотя я боюсь. Того, что кто-то из нас все же пострадает. Не в этот раз, так в другой. Всякое может случиться. Но я не показываю этого никому из близких. Хотя Элис порой догадывается. А теперь вот знаешь и ты...

— Да, теперь знаю. Но это ничего не меняет. Боязнь за своих близких — это нормально. Конечно, тебе, как мужчине, проявление таких чувств может показаться слабостью. Но это не так.

— Ты мудра не по годам, моя малышка! Мой маленький ангел. Ой, извини, вырвалось.

Как ни странно, привычного всплеска раздражения это слово у меня почему-то не вызвало. Может потому, что так меня назвал Эдвард? И, как в свое время слово «малышка» у его уст из надуманного мной обидного намека на возраст превратилось в ласку, так и слово «ангел» тоже потеряло для меня негативную окраску, невесть откуда появившуюся в моем сознании. Теперь мне было даже приятно его слышать. Для Эдварда я готова быть и ангелом, и малышкой, и кем угодно, потому что я его люблю. Но никому больше так себя называть я не позволю!

— Ничего страшного. Если хочешь, можешь так называть меня, я не против.

— Хочу. Ты — мой маленький ангел, и стала такой для меня с самой первой минуты, как я тебя увидел. — Он взглянул на уже довольно темное небо. — Вечер уже. И ты, конечно же, голодная. Поехали домой. Нас там ждут и волнуются.

И мы отправились домой. По дороге я как можно подробнее пересказала Эдварду свой разговор с оборотнями. А потом, уже плотно поужинав, повторила свой рассказ для всей семьи. Все подивились иронии судьбы — ведь благодаря Вольтури между нами и квилетскими волками вместо насторожённого перемирия возникло нечто вроде союза. У меня в голове всплыла детская фраза, возможно, прочитанная в какой-то книге или услышанная в сериале: «Против кого дружим?» Да уж, ничто не объединяет лучше, чем общий враг. Возможно, когда всё закончится, мы еще мысленно поблагодарим Вольтури за улучшение отношений с оборотнями. Я вспомнила Пола и вздохнула. А может быть, всё вновь вернется на круги своя. Нет общего врага — нет и причины для продолжения добрых отношений. Ладно, не буду загадывать, что будет, то и будет, проживем — увидим.

Следующие два дня прошли почти как обычно. Мы по-прежнему ходили в школу, Карлайл на работу, Эми поддерживала уют в доме и окружала всех заботой. Мы практически не упоминали о предстоящем событии. Но всё же изменения были заметны. И одним из изменений стали тренировки, проводимые по ночам Джаспером для остальных членов семьи, кроме Эдварда, который оставался со мной. Я узнала об этом не сразу, от меня скрывали сам факт этих тренировок. Как объяснил Карлайл, когда Эммет всё же случайно проболтался, они боялись моей реакции, ведь я могла посчитать это жестом неверия в то, что я сама смогу разобраться с Вольтури. Но, к удивлению Калленов, я отнеслась к этим тренировкам совершенно спокойно. Никакое умение или знание лишним не бывает. Пусть тренируются, если им так спокойнее, это вовсе не значит, что им обязательно придется применить свои умения на практике. Впрочем, если всё же дойдёт до боя — мне будет

гораздо спокойнее от того, что случайно упущенный мной красноглазый попадёт в умелые руки тренированных бойцов. Тем более что я пообещала Эммету парочку оставить, и собираюсь своё слово сдержать. Но грубая сила — это еще не всё, что нужно для боя, так что пусть лучше потренируется. Не повредит.

На третью ночь я напросилась посмотреть на тренировку. Сама вступать в бой, пусть даже учебный, ненастоящий, я отказалась, знала уже свою силу и боялась кого-нибудь поранить. Конечно, я вроде бы полностью контролирую своего «внутреннего зверя», но неизвестно, как мой организм поведет себя в «условиях, приближенных к боевым»? Вдруг, независимо от моего желания, гаргулья посчитает, что я в опасности, и выпрыгнет наружу? Это может быть опасно для моего спарринг-партнера, я могу нанести вред случайно, сама того не желая. Счастье ещё, что такого не произошло во время нашего прошлого соревнования с Эмметом. Но там действительно было всего лишь соревнование, без желания нанести друг другу какого-либо ущерба, а здесь Джаспер обучал остальных убивать врага быстро и безжалостно. Нет уж, рисковать безопасностью своих близких я не собираюсь, лучше просто посижу, понаблюдаю. К тому же, и Эдвард сможет потренироваться, пока я здесь, и это правильно. Он не должен ни в чём уступать своим братьям, а из-за меня пропускал тренировки.

Поэтому я наблюдала за тренировкой со стороны. Эдвард прихватил для меня спальный мешок, на нём-то, свернутом в несколько раз, я и сидела. Эдвард явно превосходил своих близких — чтение мыслей, а значит, предугадывание любых движений и перемещений соперника, давало ему огромное преимущество. Никакая хитрость с ним не проходила, любой обманный ход противника он знал наперёд. Лишь с Джаспером они были на равных, слишком уж велик был у того «боевой стаж». В итоге, после долгого боя, так никто из них и не победил. Братья согласились на ничью, чтобы дать и остальным возможность потренироваться.

Сойдясь пару раз в схватке с отцом и братьями, и ни разу не проиграв, Эдвард всё остальное время просидел возле меня, вместе со мной наблюдая за тренировкой. Так, привалившись к его плечу, я и уснула. Через некоторое время я проснулась от какого-то дискомфорта и поняла, что лежу на земле, упакованная в спальный мешок, а под головой у меня импровизированная подушка из сосновых лап, завернутых в куртку Эдварда. Сам он сидел рядом со мной, наблюдая за Эмметом и Карлайлом, сошедшимися в поединке. Это меня не устраивало, поэтому, извиваясь, словно гусеница, я подползла к нему еще ближе и устроилась головой на его бедре. Вот теперь идеально! Немного повозившись, я нашла удобное положение, какое-то время понаблюдала за схваткой, чувствуя, как рука Эдварда, ласково перебирает мои волосы, а вскоре вновь уснула.

И проснулась уже утром, в нашей постели.

Глава 19. Быть человеком. Часть 1.

На следующий день у Элис было новое видение. Мы уже вернулись из школы, я обедала, Эдвард сидел вместе со мной на кухне, остальные разбрелись по дому, занимаясь кто чем. Вдруг Эдвард резко выпрямился и застыл, глядя куда-то в пространство. Я тоже застыла с вилкой в поднятой руке и с надкушенной отбивной в зубах.

— О, господи, да их же не меньше сотни! — пробормотал Эдвард, переводя на меня испуганный взгляд. — Ты не справишься. Их слишком много!

Торопливо, не жуя, проглотив кусок мяса, я вскочила со стула.

— Видение, да? У Элис было новое видение?

Прежде она видела только планы Вольтури, сборы в дорогу, гонцов, посланных в другие кланы. Похоже, теперь ее видение обрело законченность, всё встало на свои места.

Мы выбежали в гостиную, где уже собрались остальные члены семьи.

— Энжи, их много, очень много. Больше сотни! Тебе не справиться одной. — Элис смотрела на меня с ужасом.

— Да, Эдвард мне уже сказал. Я справлюсь. Это просто займет больше времени, вот и всё. Меня другое волнует — если они пойдут в обход, рассыпью, то я, возможно, не смогу контролировать всех. И тогда вы окажетесь уязвимы. Может, я всё же пойду одна? Или с Карлайлом, чтобы он всё-таки попытался их отговорить? Я ведь обещала дать им шанс передумать. Если они всё же нападут, то в случае необходимости, я легко смогу поднять его и унести в безопасное место.

Эдвард, стоя рядом со мной, тяжело вздохнул и молча покачал головой. Я это скорее почувствовала, чем увидела.

— Ладно, думаю, что и двоих я вполне в состоянии унести.

— Кнопка, не будь эгоисткой.

— Эммет, я не уверена, что подниму троих! И, честное слово, я оставлю тебе парочку. — Я чувствовала, что мои слова падают в пустоту — никого отговорить от присутствия на поле боя мне не удастся.

— Энжи, не пытайся нас отговорить — не получится. Я ясно вижу нас всех на том поле. Ну, кроме тебя, конечно. Но мы там будем все.

— Эдвард говорил, что твои видения субъективны и зависят от принятых решений. Вот и примите решение не ходить туда, а оставаться в безопасном месте! Я уверена, как только вы на это согласитесь — видение изменится.

— А безопасного места для нас просто нет. Поэтому-то мы и не пытаемся бежать, — печально сказал Карлайл. — Даже если бы у нас не было тебя — и тогда мы не пытались бы скрыться. Не имеет смысла.

— Но вы же говорили, что знай о новорожденных заранее, то попытались бы уехать... Я не понимаю, почему нельзя сделать этого теперь? За пару дней можно оказаться в любой точке земного шара!

— Это бесполезно. Такое сработало бы с новорожденными. Но не с Вольтури. У них есть Деметрий, он найдёт нас где угодно.

— Деметрий? — недоуменно переспросила я.

— Он ищейка.

— Как Джеймс?

— Хуже. Точнее — лучше, зависит от точки зрения. Джеймс выслеживал жертву по запаху, ну и всякие «детективные» методы применял, а для этого дар вообще не нужен, достаточно способностей и острого ума. От него всё же был шанс спастись — современные средства передвижения это позволяют. Но с Деметрием всё иначе. Конечно, запах в его поисках играет не последнюю роль. Но хуже то, что он использует некую другую, не понятную мне связь с жертвой. Он её словно бы пеленгует, и идет к ней по прямой, как бы жертва ни петляла, как бы ни путала следы. Так что, пока он есть у Вольтури — скрыться от них невозможно.

— Это всё меняет. В таком случае я не буду противиться вашему присутствию на поле. Наоборот, я на этом настаиваю! Ещё не хватало, чтобы часть нападающих разыскала вас,

пока я буду разбираться с остальными! Нет уж, отныне самое безопасное для вас место — у меня за спиной. И я с вас глаз не спущу!

— У тебя на спине глаза дополнительные вырастают? А я думал, что только крылья.

Ехидная реплика Эммета несколько сгладила пафос моей речи. Все облегчённо заулыбались, и я в том числе.

— Ох, Эммет, чтобы уследить за тобой, нужны глаза со всех сторон — и на спине, и на боках.

— Да ладно, я хороший!

— Очень хороший, но иногда вредный.

— Ты, Кнопка, временами тоже далеко не ангел.

— Спасибо за комплимент.

Наш «обмен любезностями» прервал Джаспер, обратившийся к Элис.

— А ты уже знаешь, когда они придут?

— Да. Через два дня. Около полудня.

Мы с Эмметом, не сговариваясь, застонали.

— Суббота! — воскликнул он.

— Даже школу законно прогулять не удастся, — развила я его мысль.

— А ведь такой повод замечательный, — резюмировал он, и мы понимающе закивали друг другу.

— Дети, а нельзя ли посерьёзнее? — укорила нас Эсми.

Мы, снова не сговариваясь, помотали головами. Потом я виновато глянула на Эдварда — как он отнёсся к такому моему ребячеству. Но он смотрел на меня с понимающей улыбкой, словно догадался, как хочется в такой напряжённый момент хотя бы небольшой разрядки. Слегка расслабиться, отвлечься, подурачиться. Эдвард всё это понял, а так же, видимо, заметил мою неуверенность в его реакции. Потому что притянул меня к себе, прижался губами к моей макушке и тихонько шепнул:

— Я так люблю, когда ты улыбаешься.

Я прижалась к нему покрепче и торжествующе взглянула на Эммета, которому Розали негромко выговаривала за несерьёзность в такой важный момент.

— А что конкретно ты увидела? — не обращая внимания на наши дурачества, продолжал выведывать у Элис Джаспер.

— Не очень много. Сначала — как мы стоим на той поляне, а они идут. Вольгури впереди, строем, остальные — следом, толпой. Потом останавливаются. Тут словно скачок происходит, и я вижу, что примерно посередине между ними и нами стоят трое Вольгури, а напротив них — Эдвард и Эммет. Один из Вольгури, в чёрном плаще, стоит с протянутой рукой, словно хочет коснуться их, но не касается. Это один из старейшин с картины в кабинете Карлайла. Тут моё видение обрывается. Дальше — пустота. В промежутке между появлением Вольгури и последним видением — мелькание, отдельные слова, фразы. Сложно собрать это в цельную картину, но что-то там определённо происходит, какой-то разговор. Но после той картины в центре поляны — ничего. Совсем ничего.

— С протянутой рукой — это Аро, — уточнил Эдвард, видевший то же, что и Элис. — Он читает мысли через прикосновение. Но почему-то он так и не прикоснулся ни ко мне, ни к Эммету. Очень странно.

Но я уже начала догадываться, что же там произошло. И, чтобы окончательно в этом убедиться, я попросила Элис:

— Загляни в мое будущее, пожалуйста!

И вот я уже не в гостиной дома Калленов, а посередине огромной поляны, которая знакома мне слишком хорошо. По бокам от меня, словно адъютанты, стоят Эдвард и Эммет. Чуть повернув голову, я, боковым зрением, вижу остальных Калленов, стоящих в ряд, спиной всё к тому же валуну. С другой стороны поляны — толпа красноглазых вампиров, их заметно больше сотни, и все внимательно смотрят на меня. Удивленно, недоверчиво, настороженно, испуганно, злобно — целый спектр эмоций, но дружелюбия я ни у кого не наблюдаю. Чего и следовало ожидать. Похоже, план Карлайла провалился, и битве быть. Ну, что ж, я к этому готова.

Потом я обращаю внимание на трех вампиров, стоящих прямо перед нами. Слева — настоящий гигант. Почти на голову выше Эдвада. Пожалуй, в росте он поспорил бы с оборотнями, да и в мускулатуре — тоже. Справа — закутанная в плащ женщина. Из-под темно-серого капюшона на меня смотрят совершенно перепуганным взглядом красные глаза, губы заметно дрожат, да и вся она просто трясётся и старается теснее прижаться к мужчине, стоящему в центре. Зачем её подвели так близко ко мне? Она того гляди в обморок упадёт, или с визгом рванёт прочь, так сильно меня боится. Меня так и подмывает сказать ей "Бу", а потом понаблюдать за ее реакцией. Но не стоит ребячиться в такой серьёзный момент. Я перевожу взгляд на того, у кого женщина словно бы ищет защиты. Так вот ты какой, Аро, глава Вольтури, некоронованный король вампиров. Моё первое впечатление — для вампира, которые просто славятся своей красотой, вид у него какой-то невзрачный. Нет, черты лица правильные и даже изящные, но на всем лежит какой-то сложноопределимый отпечаток, никак не позволяющий назвать его красавцем. Может, именно так вампиры выглядят в старости?

Аро смотрит на меня с удивлением и недоумением. Я вытягиваю свою руку из его ладони — оказывается, он меня за руку держал. Не самое приятное ощущение. Потом я пристально гляжу прямо в эти отвратительные бордовые глаза.

— Я вижу, что вы решили наказать Ирландский и Египетский кланы за то, что они не согласились выступить вместе с вами против Карлайла, как это стадо, — я пренебрежительно киваю в сторону разношёрстной толпы, сгрудившейся за спинами ровного, как на параде, строя фигур, одетых в одинаковые тёмные плащи. Потом добавляю металла в голосе. — Не советую. Очень не советую.

Теперь Аро не просто удивлён, он ошарашен. Ещё немного, и его глаза вылезут на лоб.

— Что, удивлены? Вы не только не смогли прочесть мои мысли — я прочла ваши. Неприятно, когда в голове копаются кто-то посторонний, верно? Ну, когда-то же нужно и самому испытать то, что предлагаете другим. И повторяю — никаких репрессий! Я это обязательно узнаю и воздам сторицей. Мне это вполне по силам. Вы меня поняли?

Аро, медленно кивает и открывает рот, чтобы что-то сказать...

Видение обрывается. Я снова стою в нашей гостиной, в кругу семьи, прижавшись к Эдварду.

— Всё просто. Аро пытался прочесть мои мысли. Это я стояла между Эдвардом и Эмметом, и именно мою руку он держал в своей руке. Результат, думаю, вам известен.

— Так вот почему у него было такое обалдевшее лицо. Наверное, и мы так же выглядели, когда впервые обнаружили эту твою особенность? — улыбнулся Эдвард.

— Ты прочла его мысли? — заинтересовался Карлайл.

— Видимо, да. Сам процесс я не увидела, видение Элис началось уже после этого. Но

кое-что я озвучила. Карлайл, у вас ведь есть друзья в Ирландском и Египетском клане, верно?

— Да, есть. Правда, мы уже давно не виделись.

— Так вот, они отказались пойти с Аро против нас. Пошли на риск. По-видимому, они действительно ваши друзья. Настоящие.

— Надо же. Лиам и Шивон всегда были бунтарями, как, наверное, все ирландцы. Но от Амона я такого не ожидал. Он несколько... осторожен.

— Ты хотел сказать — трусоват? — хмыкнув, уточнил Эммет.

— Он старается уберечь свою семью, я не стал бы его за это осуждать. А теперь подверг её риску, воспротивившись Вольтури. Надеюсь, что ни у него, ни у ирландцев, не будет из-за этого неприятностей. Я не хотел бы подвергать своих друзей опасности, пусть и невольно.

— Это был их выбор. И твоей вины в этом нет, — успокаивающе произнёс Эдвард.

— И, в любом случае, ничего им за это не будет — об этом-то я позабочусь.

— И тебя не смутит то, что у них красные глаза? — удивился Карлайл.

Хмм... А ведь и верно. Но, к моему удивлению, в данном случае это не стало для меня проблемой. Может, потому, что я не видела их глаз? Или то, что они не пошли против моих близких, даже с риском для себя, значило для меня больше, чем их, неприемлемый для меня, образ жизни?

— Как ни странно, не смутит. Пока они не покушаются на людей, находящихся под моей защитой — я не стану карать их за красные глаза. Я не расистка. И живу разумом, а не инстинктами. К тому же, раз они ваши друзья — значит, и мои тоже.

— Людей, находящихся под твоей защитой? — переспросил Джаспер. — И кто же эти люди?

Я пожала плечами. Неужели и так не понятно?

— Жители Форкса. Квилеты. Вы.

Пауза. Долгая. Все смотрят на меня с недоумением. Что я такого сказала? Наконец, Эдвард, со вздохом сказал.

— Энжи, мы вампиры.

— Я знаю.

— Мы не люди.

— В моей классификации живых существ вы занимаете нишу, на которой стоит надпись «Хомо Сапиенс». Человек разумный, — попыталась я пошутить. Судя по окружающим меня серьёзным лицам, шутка не прошла. Как же им объяснить, кем они являются для меня? — Раз я вас защищаю, значит, вы — люди. Для меня — люди.

— Мы — живые мертвецы, — печально произнёс Карлайл.

Большей глупости я ещё не слышала. А ведь они на полном серьёзе верят в эту ерунду! Господи, как я вообще вляпалась в этот разговор?

— Чуть! Бред! Мертвецы не ходят. Мертвецы не разговаривают.

Я заглянула прямо в глаза Карлайлу.

— Мертвецы не спасают чужие жизни.

Я обвела руками комнату.

— Мертвецы не украшают свой дом. У них и дома-то нет.

Я перевела взгляд на Джаспера, который оберегающим жестом прижимал к себе Элис, рядом с ним казавшуюся совсем крошечной.

— Мертвецы не защищают тех, кто им дорог. У них и нет никого, кто был бы им дорог.

Потом подошла к Эммету и с размаху влепила кулак ему в живот. Тот отлетел в ближайшее кресло и вместе с ним врезался в стену.

— Кнопка, ты чего? Больно же! — потирая живот, недоумённо протянул он.

— Мертвецы не чувствуют боли! — прошипела я сквозь стиснутые зубы. Пару пальцев я точно сломала, если не больше. Ничего, срastутся.

— Господи, малышка, ты же поранилась! — подлетев ко мне, Эдвард заботливо рассматривал мою повреждённую руку, которая на глаза приходила в норму.

— Мертвецы не волнуются о тех, кого любят, — прошептала я, глядя в его прекрасные глаза. — Они никого не любят. Потому, что мертвецы не умеют любить. И целоваться они тоже не умеют.

В ту же секунду, как я и рассчитывала, губы Эдварда прижались к моим. Я обхватила его за шею и повисла на нём, подхваченная его руками. И мне было всё равно, что мы целуемся у всех на глазах.

— Но наши сердца не бьются, — растерянно пробормотал Карлайл.

— Не надо! — в притворном ужасе воскликнул Эммет. — Кнопка, чего доброго, начнёт реанимацию проводить. На мне. А я этого точно не переживу!

— Знаете, а ведь в чём-то Энжи права, — задумчиво протянула Розали, впервые вступив в разговор.

— Я во всём права! — на секунду оторвавшись от губ Эдварда, выпалила я.

— Такая крохотная, а такая самоуверенная, — пробормотал Джаспер. — Совсем как ты.

— Должны же мы с ней чем-то компенсировать свой небольшой размер, — засмеялась Элис.

— Слушайте, может, вам в спальню подняться? — с явно наигранной заботливостью проговорил Эммет. — Там вполне удобная кровать.

— Эммет, как тебе не стыдно! Энжи ещё ребёнок!

— Целуется она очень даже по-взрослому!

Эммет ошибался — целовались мы вполне невинно, если можно это так назвать. Никаких глубоких поцелуев, о нет. Максимум, что мы себе позволяли — это скользнуть языком по губам друг друга, не более. Эдвард, хотя и снял мораторий на поцелуи, всё же не забывал про мой возраст и сдерживал себя. А я? А что я? Мне пока и этого хватало. От одного лишь прикосновения губ Эдварда я вспыхивала свечкой, куда уж больше-то. Мы негласно условились, что большее подождёт, мне всё же нужно подрасти. Я смирилась со своим пятнадцатилетием и больше не пыталась убедить всех, что я старше. Это было уже ни к чему. Всё и так в моей жизни было замечательно. Ну, кроме Вольтури, конечно. И без некоторых подколок Эммета я вполне обошлась бы.

— Может, действительно, провести ему реанимацию? — прошептала я в губы Эдварда.

— Пожалуй, не стоит, — шепнул Эдвард мне в ответ, прекрасно зная, что Эммету слышно каждое слово. — Вдруг и правда не переживёт?

— Молчу, молчу, молчу! — примирительно забормотал Эммет.

Продолжая висеть на Эдварде, я почувствовала, что он куда-то меня несёт. Оказалось, что в кухню. Усадив меня на стул, он поставил уже успевшее остыть мясо в микроволновку.

— Ты ведь толком и не поела. А это неправильно, тебе понадобятся силы.

— Вам, наверное, тоже. Хотя очень надеюсь, что нет, — пробормотала я. — Значит, в пятницу на охоту?

— Думаю, что да. Так что вы с Эмметом всё же получите повод прогулять школу. И я

тоже! — и он расплылся в довольной, совершенно мальчишеской улыбке.

— Ну, за пару прогулов нас вряд ли отчислят. Успеваемость-то у нас идеальная, так что нам положены некоторые поблажки. — И я впилась зубами в подогретую отбивную.

Какое-то время в кухне стояла тишина. Я жевала, а Эдвард сидел напротив и, подперев подбородок ладонью, задумчиво меня разглядывал. Мне показалось, что делал он это даже слишком внимательно, пристально глядя на меня, словно пытаюсь прочесть мои мысли. Наконец, не выдержав, я отложила вилку.

— Что?

— Ты и правда нас такими видишь? Людьми?

Глава 19. Быть человеком. Часть 2.

— Ты и правда нас такими видишь? Людьми?

— Эдвард, а что такое — быть людьми? Дело ведь не в одной только физиологии, верно? Да, в этом плане вы от обычных людей отличаетесь, но насколько сильно? После обращения вы все очень изменились — стали сильнее, быстрее, неуязвимее. У вас изменилось питание, но намного ли? Да, вы питаетесь кровью, но и обычные люди иногда употребляют её в пищу. Пусть в варёном или жареном виде, но едят же, я читала про такие рецепты.

— Но они едят и другие продукты.

— А все ли? Многие религии запрещают употреблять определённую пищу. Есть вегетарианцы, которые не едят мясо. Есть люди с непереносимостью молочных или зерновых продуктов. При разных заболеваниях бывают разные диеты, порой весьма строгие. И это не блажь, это способ выжить. А у вас своё заболевание, и своя, особая диета. Кому плохо от того, что вы пьёте кровь животных? Чем это хуже мясоедения? Люди по природе своей хищники, здесь нет ничего плохого. Так что да, для меня вы — люди, с особым заболеванием, незаразным для окружающих. Это заболевание накладывает на вас некие ограничения, вот и всё. Вы никому не причиняете вреда, живёте в мире с окружающими. Так чем вы хуже их? Да ничем!

— Но считается, что у нас, в отличие от людей, нет души. Может, именно в этом наше главное различие?

— Ну вот, опять! Кем это считается? Кто такое выдумал? Может быть те, кто уверены, что вампиры сгорают, попав под лучи солнца или прикоснувшись к кресту? Вы же понимаете, что всё это полная чушь — под солнцем вы бегаєте постоянно, а крест висит на стене в вашем доме.

— В нашем доме.

— Ладно, в нашем. Но ты понял, что я имею в виду. Почему одни выдумки тёмных мракобесов вы воспринимаете как ерунду, каковой они и являются, а в другие верите?! Это выше моего понимания!

— Просто... С солнцем и крестами всё понятно, это проверяемо, а вот как быть с душой? Её же нельзя увидеть или потрогать?

— Ты когда-нибудь видел магнитное поле земли? А мозг свой трогал? А они есть, в этом-то надеюсь, ты не сомневаешься? И вообще, разговор о наличии или отсутствии души снова приведёт нас к вопросу «живое-неживое». Может, мне заново всё объяснить, я могу.

— Не надо! — послышался вопль Эммета с третьего этажа.

— Да ладно, не так уж тебе было и больно. Мне досталось сильнее.

— Не надо, — повторил за Эмметом Эдвард. — Я уже понял, что ты имеешь в виду. И, пожалуй, я признаю твою правоту. Просто я столько десятилетий считал себя проклятым бездушным чудовищем. Сложно сразу переключиться.

Я встала, подошла к сидящему Эдварду, взяла его лицо в ладони и заглянула прямо в его чудесные, всё ещё довольно светлые глаза.

— Ты — не чудовище. И у тебя есть душа! У вас у всех она есть. Да такой чудесной души, как у Карлайла, и среди людей-то днём с огнём не отыщешь! И твою душу я узнала очень хорошо, она прекрасна, поверь. И чтобы я больше не слышала от тебя никогда таких слов. Уж если я больше не считаю себя чудовищем, то и ты не должен этого делать. И никто из вас!

Послышался лёгкий всхлип. Я оглянулась, и увидела в дверях Карлайла и Эсми. Карлайл ласково обнимал жену за плечи, а Эсми смотрела на меня, прижав пальцы к дрожащим губам, и, хотя это было невозможно, мне показалось, что в глазах у неё блещут слёзы.

— Девочка моя, — тихо сказал доктор Каллен. — Ты даже не представляешь, что значит для нас твои слова.

— Но я сказала правду. То, что вижу, то, что чувствую. И мне удивительно, что вы можете так о себе думать. Не нужно! Вы хорошие! Очень хорошие. И у вас самые светлые души, какие я когда-либо встречала.

Мимо Карлайла прошмыгнула Элис и обняла меня. Просто обняла. Молча, что было очень на неё не похоже.

— Ты тоже слышала? — растерянно спросила я. Глупо, ведь я только что переговаривалась с Эмметом через этаж. Но я как-то привыкла, что хотя в этом доме все способны услышать друг друга, где бы ни находились, но обычно «выключают» эту способность, не вслушиваясь в общение остальных, если только не собираются принять участие в разговоре. И я тоже «выключалась», ведь слух у меня был не хуже, чем у остальных.

— Мы все слышали, — раздался из-за спины Карлайла голос Джаспера. Он шагнул в сторону, так чтобы мы смогли видеть друг друга. — Ты действительно считаешь, что мы всего лишь больны?

— Да. У вас некая хромосомная аномалия. Например, при синдроме Дауна есть лишняя хромосома. У вас лишних четыре. И если одна лишняя хромосома накладывает некие ограничения на умственное развитие, то ваши четыре — на ваш способ питания. Это, конечно, печально, но многим приходится гораздо хуже. И, к тому же, появляется много преимуществ, не стану повторяться. Но ваша «болезнь» не делает вас лучше или хуже, такими вы себя делаете сами. Это исключительно ваш собственный выбор. Вы выбрали жизнь без убийств, а те же Вольтури сделали иной выбор. Они чудовища по образу жизни, а не по физиологии. Таково моё мнение.

— Как в такую блондинистую голову приходят столь здравые мысли? — насмешливо проговорил Эммет, вместе с Розали заходя на кухню, где все остальные уже столпились вокруг меня. Но я интуитивно чувствовала, что за привычной насмешливостью он прячет свои истинные чувства. А был он взволнован не меньше остальных, просто не хотел показаться слишком сентиментальным. Видимо, Розали тоже это поняла, не зря же была его половинкой, поэтому пропустила шпильку в адрес блондинок мимо ушей.

— Всё просто. Вспомните, кто я такая. И что я делаю периодически.

— Пьёшь кровь? — первым догадался Джаспер.

— Да. А что ещё у меня не как у «обычных» людей?

— Крылья? — воскликнул Эммет. — Когти? Пальцы на ногах?

— Двадцать пять пар хромосом, — улыбнулся Эдвард. — «Хромосомная аномалия», такая же, как и у нас.

— Верно, — я улыбнулась ему в ответ. — Как видите, я не так уж и отличаюсь от вас в этом плане. И я знаю, о чём говорю, много об этом размышляла в своё время. Поначалу, только обнаружив свою истинную сущность, я тоже считала себя монстром и чудовищем. А потом задумалась, а так ли это? Ведь во мне самой ничего не изменилось, только в моей внешности и образе питания. Но сделало ли меня монстром то, что я пила кровь несчастных кроликов? Стала ли я от этого бездушной? Особенно учитывая, что мясо я ела и раньше, а значит, кролики, свинки или коровки тоже расставались с жизнью во имя того, чтобы я была сыта. И я поняла, что нет, я не чудовище, я не лишилась души, я осталось всё той же Энжи, просто порой я надеваю «боевые доспехи» и сажусь на диету. Так почему у вас всё должно быть по-другому? Только потому, что на диете вы сидите постоянно? Это ваша беда, а не вина. Будучи практически такой же, как и вы, я имею полное право утверждать — вы поддались влиянию стереотипов. А нужно было лишь заглянуть в себя и понять, какие вы на самом деле. А вы — замечательные и совершенно определённо — не бездушные!

Какое-то время на кухне стояла тишина — все обдумывали мои слова. Не так-то просто изменить мнение, с которым жил долгие годы и века.

— Она права, она во всём права, — прошептала Розали.

— Невероятно. Неужели всё настолько просто? — задумчиво произнёс Карлайл. — Ведь, действительно, я сразу принял на веру то, что мы, вампиры — бездушные монстры, и жил с этим, ни разу не усомнившись. Ни разу не задумавшись. Просто верил в это, как верил в бога, без сомнений и раздумий. Ты дала мне много пищи для размышлений, девочка моя. И я благодарен тебе за это.

Мне было немного неловко от этой похвалы, но я считала, что давно нужно было поднять эту тему. Нельзя же, в самом деле, так себя принижать. И я была рада, что высказала своё суждение. Пусть задумаются, как в своё время задумалась я. Может, тогда они поймут мою правоту и перестанут мучиться.

Постепенно все, тихо переговариваясь, вышли из кухни. Им есть, что обдумать, что обсудить. Остались только мы с Эдвардом.

— И снова тебе не удалось поесть нормально.

— Ничего, всё ещё тёплое, сейчас быстренько доем. Мне ещё нужно позвонить квилетам, предупредить о времени появления Вольтури. Хорошо, что у них будет два дня в запасе, старейшины смогут придумать причину для остальных жителей не выходить из посёлка. Жаль, что того же нельзя будет сделать с жителями Форкса. Но тут уж я бессильна. И жаль, что в субботу не будет дождя, а лучше ливня — люди сидели бы по домам.

— Да, дождя точно не будет. Хотя и солнца тоже, — мысли Эдварда переключились на день встречи с Вольтури.

— Думаю, нам нужно будет прийти туда заранее — вдруг они появятся раньше?

— Вряд ли. В видении Элис мы их там поджидали, а не наоборот. Но лучше, действительно, подстраховаться.

— Ладно, это обсудить мы ещё успеем. Так, я всё доела....

— Не прошло и полгода!

— Очень смешно, Эммет. И прекрати подслушивать!

— Да я виноват, что ли, что вы на весь дом кричите?

— Не обращай внимания, малышка. Эммета не переделывать.

— Но попытаться-то можно. Если ему руки и ноги поменять местами, как думаешь, поможет?

— Вряд ли. И, я думаю, что это огорчит Розали. Представляешь, как он её ногами обнимать будет?

Я прыснула.

— Ладно уж, пусть пока живёт. А я пойду, позвоню Джейку.

Мы поднялись в спальню и я, достав мобильник, набрала номер дома Блеков. Через некоторое время трубку сняли, и я услышала голос взрослого мужчины. Видимо это Билли Блэк, один из старейшин.

— Добрый вечер. Позовите, пожалуйста, Джейкоба.

— Его сейчас нет.

— А он скоро вернётся?

— Только утром.

Ясно, бегаёт в дозоре. Мелькнула мысль быстренько слетать к границе и попытаться отыскать его. Я взглянула на Эдварда и отказалась от этой мысли. Зачем причинять ему лишнее беспокойство?

— Мистер Блэк, не могли бы вы передать Джейку или Сэму, что звонила Энжи Каллен. И что срок появления гостей — суббота, около полудня. — Я решила несколько завуалировать сообщение. Вдруг отец Джейка всё же не в курсе. Но у Билли Блэка при этом известии перехватило дыхание — я это прекрасно расслышала, значит, ему всё известно. Конечно, он же старейшина. Поэтому я добавила. — Пожалуйста, постарайтесь найти предлог не выпускать в этот день людей из посёлка.

— Я сделаю всё, что в моих силах. И... — тут его голос, звучавший до этого весьма сухо, слегка смягчился, — спасибо.

Мы вежливо распрощались, и я положила трубку. Жаль, что не удалось поболтать с Джейком. Тут я заметила, что Эдвард смотрит на меня с каким-то непонятным выражением лица. Я вопросительно подняла брови.

— Энжи Каллен? — с улыбкой уточнил он. Ах, вот, что его зацепило. Я дёрнула плечом.

— Сомневаюсь, что мистеру Блэку что-то сказала бы фамилия Дэниелс. Её и Джейк-то не знает.

— Энжи Каллен, — вновь, на этот раз задумчиво, протянул Эдвард, словно пробуя сочетание слов на вкус. — Мне нравится.

«Мне тоже!» Правда, вслух я этого не сказала, но, конечно же, Эдвард меня понял. Он ласково погладил меня по щеке.

— Подрастай скорее, малышка.

И хотя больше в тот раз на эту тему не было сказано ни слова, я всё поняла. Сейчас, пока я подросток, Эдвард считает преждевременным заговаривать о будущем. Так, иногда проскакивают намёки, но и всё. Но, несмотря на это, я всё равно прекрасно знаю, что наши судьбы и жизни неразрывно связаны. Так не всё ли равно, когда именно и как мы будем соединены официально? Но для Эдварда это было важно, поэтому я согласно ждала момента. Вырасту же я когда-нибудь, в конце-то концов!

Следующие два дня пролетели очень быстро. В пятницу мы все вместе отправились на охоту. На этот раз никаких дальних поездок, никаких хищников, все просто напились крови

олений, и я в том числе. В принципе, кровь оленей мне понравилась. Она была гораздо вкуснее крови медведей или пум. Но такое мнение было у меня одной, остальные едва ли не морщились. Но оленей в окрестностях было много, они были достаточно питательны, поэтому охота не отняла много времени. Но школу, к нашей с Эмметом явной радости, мы всё же прогуляли. Уверена, что и остальные школьники были счастливы, просто не показывали этого так открыто.

Ночь на субботу решили провести дома, ночную тренировку проводить в этот раз не стали. После единственного раза я больше не просилась вместе со всеми, и с чистой совестью позволяла Эдварду пропускать тренировки тоже. Для него в них не было особого смысла — он всех побеждал, кроме Джаспера, конечно, с тем у него была вечная ничья.

Когда в последний вечер мы все вместе собрались в гостиной, я подняла вопрос, который обдумывала последние дни, с тех пор, как увидела, сколько вампиров явится на поляну. Всё это время меня неотступно преследовал вопрос — как лучше обезопасить мою семью? Как бы я ни старалась везде успеть, как бы быстро не двигалась, такая толпа могла обойти меня и напасть на Калленов, пусть частично, пусть лишь десятая часть. Но и этого окажется достаточно, чтобы причинить вред кому-то из моих близких, а этого допустить я не могла.

Наконец, мне пришло в голову приемлемое решение. Осталось убедить остальных, что это — самый лучший выход. Все, в общем-то, знали, из-за чего я переживаю в последние дни, так что долгих объяснений не потребовалось.

— Итак, я предлагаю следующее. Если всё же дойдёт до драки, а что-то мне подсказывает, что до неё дойдёт, прости, Карлайл, то вы должны побежать.

— Что? И это твой план, Кнопка? Сбежать? Да ни за что!

— Тише, Эммет. Дай Энжи сказать.

— Спасибо, Джаспер. Думаю, как стратег, ты лучше остальных оценишь мой план. Я не предлагаю вам сбежать. Я предлагаю — побежать. И не куда глаза глядят, а в строго определённом направлении, а именно, в сторону, максимально противоположную как Форксу, так и резервации.

— Значит, на северо-восток? — уточнил Эдвард.

— Лучше всего.

— А что потом? Ну, побежали мы, а дальше? В Канаду бежать, к Денали?

— Эммет, да дай же Энжи сказать! — тут уже не выдержала Элис. Я же сделала вид, что всё нормально, а вопрос Эммета вполне к месту, и ответила ему.

— Нет, так далеко не понадобится. Достаточно, я думаю, десятка километров, может, чуть больше. Ведь если Вольтури и все, кто с ними, соберутся напасть, а вы побежите, то что они сделают обязательно?

— Погонятся за нами, это без вариантов.

— Верно. Они рванут за вами и будут в азарте от преследования убегающей «дичи». Для них не будет существовать ничего, кроме ваших спин, и в пылу погони они не сразу поймут, что происходит рядом с ними. А точнее — над ними.

— А «происходить» будешь ты? — улыбнулся Эдвард, поняв, наконец, мой план. Впрочем, по лицам остальных, я поняла, что и до них тоже дошло. Ну, до всех, кроме Эммета, конечно. Иногда он соображает быстрее всех, но порой так тормозит! И я пояснила персонально для него.

— Я буду летать над ними, выдёргивать одного за другим и уничтожать. Как

новорожденных. Они не смогут бежать всей толпой, а растянутся в ленту, ведь скорость у всех разная. Лес помешает им увидеть, что происходит с их спутниками, а самое главное, они не смогут вас окружить. И мне будет проще, и вам — безопаснее. Как вам план?

— Мне кажется, что ты замечательно всё продумала, — с уважением сказал Джаспер. Я раздулась от гордости. Похвала мудрого и опытного воина дорогого стоит.

— Мне не нравится убежать! — надулся Эммет.

— Это не бегство, и даже не отступление. Это стратегический ход — заманивание противника в ловушку, — попытался объяснить ему Эдвард.

— Ладно, согласен. Но не забывай, Кнопка, ты обещала оставить мне несколько врагов. Я тоже хочу развлечься.

— Эммет, это не развлечение. Будь хоть немного серьёзнее, — укорила его Эсми. Остальные так же согласились, что мой план идеален. Все воспрянули духом, ведь победа была у нас практически в кармане. И только Карлайл сидел печальный.

— Я всё-таки надеюсь решить всё миром. И буду надеяться до последнего.

И вот наступила суббота. Близился полдень. Мы снова находимся на той же поляне, выстроившись в ряд, спиной к валуну. Я стою в центре, выделяясь среди Калленов как белая ворона. Точнее — как пёстрая. Все они одеты практично и удобно для возможной схватки, в тёмное и крепкое: джинсы, кожаные куртки, свитера, кроссовки или ботинки. Для встречи с новорожденными я одевалась примерно так же. А теперь стояла среди них, вся такая яркая и легкомысленная.

На мне были джинсовые шорты с вышитыми на карманах цветами и яркий, красно-жёлтый, полосатый топик без спины. На ногах — пляжные шлёпанцы с легкомысленными цветочками и бусинками на перемычках. Элис отрыла их в глубине своего обувного шкафа и отдала мне на растерзание. Если мне предстоит быстрое обращение — будет не до разувания. А рвать кроссовки было бы жалко. Так что сланцы были в самый раз.

Я, в своей одежде, выделялась издалека, но я и не собиралась прятаться. А такой наряд придавал мне вид беззащитной и неопасной. Нарядя меня утром, Элис преследовала две цели. Либо мой вид успокоит страхи Вольтури, и они благосклоннее отнесутся к попытке Карлайла решить дело миром, в чём лично я очень сомневалась, либо, опять же, внушит Вольтури чувство ложной безопасности, и тогда моя мощь станет для них большим сюрпризом. В любом случае, такой «детский» наряд мог сыграть нам на руку, поэтому-то я и согласилась его надеть.

Правда, от детских хвостиков, с пластиковыми цветочками — снова цветочки! — на резинках, я отказалась самым решительным образом. Это был уже перебор, и Эдвард согласился со мной, хотя наряд мой и одобрил. Так что волосы я оставила распущенными.

Всё утро у меня из головы не выходила одна мысль. В прошлый раз, когда на нас напали новорожденные, видение Элис оборвалось в тот момент, когда я обратилась. В этот раз оно тоже резко обрывалось без видимой причины. Скорее всего, это так же произошло из-за моего внезапного обращения. Но почему? Не было никаких предпосылок, мы довольно спокойно разговаривали. Ну, точнее, говорила я. Ничего угрожающего, ничего опасного. Так с чего бы мне так резко обращаться? И всё же, это произошло неспроста, был какой-то повод. Значит, для чего-то это было нужно. И я решила не противиться видению, а взять его на вооружение. А точнее — обратиться в тот самый момент, когда видение обрывается. Я хорошо его запомнила.

Как только я приняла это решение, Эдвард легонько стиснул мою руку.

— Идут.

Поначалу я не слышала ничего, кроме обычных звуков леса. Но потом появился едва слышный посторонний звук, он стал нарастать, постепенно превращаясь в шум шагов. Мы замерли. Вот оно. Начинается.

Глава 20. Неожиданная развязка. Часть 1.

Они вышли из леса спокойным, «человеческим» шагом, и хотя могли бы за секунду добраться до нас, предпочли маршировать несколько минут, видимо, рассчитывая произвести впечатление. Появившись из леса несколько вразнобой, поскольку деревья мешали прямолинейному передвижению, Вольтури сразу же перестроились в ровные шеренги. Словно солдаты на плацу. Наверное, долго тренировались, чтобы так точно и ровно держать строй. Но единственное впечатление, которое им удалось произвести на меня, выразилось всего одним словом «выпендриваются».

Впереди, по центру, шли три фигуры в чёрных плащах, я сразу узнала старейшин с картины Карлайла, и среди них — Аро из видения Элис. У остальных плащи были разных оттенков серого. Я заметила и того здоровяка, что стоял рядом с Аро напротив нас, и женщину, которая и сейчас к нему жалась.

— А это кто рядом с Аро? Жена? — очень тихо, так, чтобы слышали только свои, спросила я у Карлайла. Разговаривать неслышно для человеческого уха я научилась, болтая с Элис на уроках. Вот и пригодился навык. Даже со своим вампирским суперслухом, Вольтури всё равно не слышали бы нас.

— Нет, это Рената, его телохранитель, — так же негромко ответил мне Карлайл.

Трусливый телохранитель? Очень интересно...

— У неё дар, — заметив моё недоумение, пояснил Эдвард. — Если кто-то идёт к Аро с намерением причинить вред — то забывает, зачем шёл, и уходит. Собственно, это у неё самой такая защита, но она может укрывать своим щитом и кого-то ещё, кто находится рядом.

— Как я?

— Пожалуй. Но разница всё же большая. От чьего-то дара она не защищает, только от физического нападения.

Теперь мне стало понятно, зачем она вышла мне навстречу, хотя безумно меня боялась. Работа у неё такая. Мне вдруг стало её жалко. Не думаю, что лично она желала расправы над нами, слишком труслива. Вреда от неё никакого.

— Пожалуй, я не стану её убивать. Просто напугаю, пусть убегает.

— Я всегда знал, что у тебя доброе сердце, — тепло улыбнулся мне Карлайл.

Доброе? Не знаю-не знаю... Может, и не злое, но до всеобъемлющей доброты Карлайла мне как до луны. Я готова помиловать невинных, а он — простить виновных, разница огромная.

За время нашего разговора Вольтури прошагали примерно четверть расстояния до нас, и из леса стали появляться остальные вампиры, из других кланов, поднятые на «праведную борьбу со злом», как они считали, а на самом деле — приведённые мне на убой в качестве отвлекающего манёвра. Это, в общем-то, тоже невинные жертвы, введённые в заблуждение. Если согласятся «сложить оружие» — я их тоже отпущу. Ох, да что это со мной? На меня толпой идут вампиры, красноглазые вампиры, а я готова их отпустить? С новорожденными у меня даже мысли такой не возникло. Может, дело в том, что их красные глаза выражают

испуг, растерянность, но совсем не безумную жажду убийства? Или, дело в том, что я слишком долго жила рядом с Эдвардом и Джаспером, которые тоже в своё время пили человеческую кровь, и цвет глаз у них при этом был соответствующий? Эдвард — во время своего десятилетнего «подросткового бунта», а Джас — до встречи с Элис, поскольку даже не знал альтернативы. Но они же исправились, теперь они хорошие. А другим не повезло, не встретился на их пути такой наставник, как Карлайл.

О-ё-ёй, это что же такое? Я уже жалею этих красноглазых? Я перевела взгляд на тройку старейшин — и всякие мысли о жалости испарились, как лёд в микроволновке. Вот уж кого мне совершенно не жалко, вот кого я уничтожу без раздумий.

Тут мне пришло в голову, что в моём плане с заманиванием врагов бегством есть одно слабое место. Если я буду летать над вампирами, то не смогу своим телом закрыть их от «вредоносного излучения» Джейн и Алека, о которых рассказывал мне Эдвард. Значит, их нужно будет вывести из игры самыми первыми.

— Кто из них Джейн и Алек? — снова прошептала я Карлайлу.

— Вон та невысокая парочка справа от Кая.

Ага, стало быть, Кай — это седой, а с другой стороны от Аро идет Марк. Я перевела взгляд на близнецов. Один чуть выше — видимо, Алек. Выглядит подростком. На кукольном личике застыло безразличное выражение. Сестра казалась его немного уменьшенной копией. На губах — милая улыбка, а в глазах затаилось нечто очень неприятное. Я сразу их узнала, хотя в прошлый раз видела мельком и на огромном расстоянии. Именно они с удобствами расположились вдали от поля боя, чтобы с безопасного расстояния понаблюдать за гибелью Калленов от рук новорожденных. После рассказа Эдварда я и так не испытывала к ним особой симпатии, но теперь поняла, что единственное мое к ним чувство — это чистая ненависть. Что ж, вот кого я убью без малейшей жалости. И меня не остановит их ангельская внешность и якобы юный возраст. Судя по тому, что Карлайл был знаком с ними, когда жил с Вольтури, они, скорее всего, даже постарше него. Ну что ж, голубчики, с этого момента вы под моим особым контролем.

— Ох, Карлайл, боюсь, что не получится у тебя дело миром решить. Они уже настроились нас убивать, и толпу накрутили, — негромко сказал Эдвард. Видимо, прочел мысли Вольтури.

— Я все же попытаюсь. Сделаю все, что смогу.

— Если удастся убедить хотя бы остальных, я их не трону. Пусть уходят. Прости, Карлайл, но раз Вольтури настроены на убийство — мне придется с ними разделаться. Ты считаешь их своими друзьями, но друзья так не поступают.

В это время Вольтури, дойдя примерно до середины поляны, перестроились в два ряда и остановились. Толпа вампиров из других кланов встала сзади них полумесяцем. Я заметила, что многие оглядываются по сторонам, словно высматривая какую-то опасность. Аро сделал шаг вперёд, Карлайл сделал движение, чтобы последовать его примеру, но вовремя вспомнил нашу договоренность и остался на месте. Мы ещё раньше условились, что никто из Калленов не будет вставать впереди меня — чтобы в случае опасности я могла стать для них живым щитом.

— Здравствуй, Аро, — сдержанно произнес Карлайл.

— Здравствуй-здравствуй, друг мой, — медоточивым голосом откликнулся тот. Благожелательная улыбка, словно бы приклеенная на его лицо, после этих слов слегка потускнела. — Хотя, в свете последних событий, я начинаю в этом сомневаться.

— Я никогда не давал повода усомниться в моей лояльности. И не нахожу причины для столь... недружелюбного визита.

— Не находишь причины? Вот как? А я слышал, что семья твоя увеличилась. Или это не является достаточной причиной для нашего недовольства?

— Как видишь, наша семья действительно увеличилась. Но, насколько мне известно, появление в семье новых членов никогда не считалось нарушением закона, если они находятся под контролем.

— Хватит разглагольствований, — вмешался в разговор седой старейшина. Кай — вспомнила я. — Нам безразлична эта девушка, которую вы обратили, хотя было бы не лишним поставить нас в известность. Отвечайте, где вы спрятали гаргулью?

Что?! Они так и не поняли, что я вовсе не новообращённый вампир, а та самая пресловутая гаргулья? Ну, допустим, второе объяснимо — я стою перед ними, вся такая «человекообразная», ни крыльев, ни когтей, ни клыков. И нет в моей внешности ничего от «гигантских монстров», как описывают гаргулий легенды. А если вдуматься, то вряд ли Вольтури в прошлый раз видели мое обращение — слишком далеко они были. Даже с вампирским суперзрением они могли на таком расстоянии видеть лишь крохотные силуэты, не более того. Я сама заметила их только тогда, когда, в погоне за Викторией, оказалась гораздо ближе к ним, чем к Калленам. Что они могли видеть? Лишь взявшуюся невесть откуда крылатую фигуру, пошинковавшую новорожденных, как капусту! Тем более, о том, что гаргульи могут иметь человеческий облик, они вообще не знают. Так что, не признать во мне гаргулью они вполне могли. Но принять меня за вампира?!

Конечно, внешне я в чём-то на вампира похожа. Бледная — ни малейшего следа загара, я же регенерирую, — красивая — в этом я не выбивалась из общего ряда Калленов. Допустим, на таком расстоянии услышать стук моего сердца для Вольтури проблематично. Пусть лёгкий румянец на моих щеках можно списать на использование косметики. Но глаза! Как они могли не увидеть мои ярко-синие глаза? Их цвет не имел ничего общего с чёрным, красным или золотистым цветом и их разновидностями, а ведь только такими и бывают глаза у вампиров. Так в чём же дело? Почему Вольтури так невнимательны?

И тут я поняла — да они же вовсе не рассматривали меня! Скользнули небрежным взглядом, посчитали чем-то, не стоящим внимания, и вновь сосредоточились на поисках гаргульи. Теперь мне стало понятно, что именно, а точнее — кого они высматривают по сторонам.

Я буквально кожей чувствовала недоумение моей семьи.

— Кай, мы никого не прячем, — умиротворяюще произнес Карлайл.

— Не лги нам. У нас есть свидетели, которые видели гаргулью. Каким-то образом ты приручил нашего злейшего врага, и теперь, я уверен, собираешься направить его против нас. Выдай нам чудовище, если твои помыслы чисты, но не отрицай, что оно у вас есть.

— Мартышка к старости слаба глазами стала! — пробормотала я себе под нос. Эдвард фыркнул.

— Это она на каком? — недоумевающе переспросил Эммет.

— На русском. С ней такое бывает.

— Успокойся, Кай, — видимо, не расслышав или не поняв моих слов, обратился Аро к брату. — Мне будет достаточно всего одного прикосновения, и мы сразу узнаем, что скрывает от нас Карлайл. Дорогой друг, если ты готов доказать свою невиновность — будь добр, сделай это.

И он приглашающе протянул руку. Нет! Я не могла этого допустить. Если Карлайл подойдет к Аро, то я уже не смогу мгновенно заслонить его в случае опасности.

— Нет! — громко повторила я вслух и сделала шаг вперед. — В этом нет никакой необходимости. Карлайл действительно никого не прячет. Взгляните на меня внимательнее — разве я похожа на вампира?

Вот теперь я привлекла всеобщее внимание. Сотни красных глаз мгновенно сосредоточились на мне. Я слышала перешёптывания:

— Глаза! Вы видите её глаза?

— А румянец на щеках?

— Вы слышите? У нее бьется сердце.

— Какой необычный запах! Я никогда такого не встречала.

Все эти перешёптывания прокатились по толпе вампиров, потом снова всё стихло. Все ждали реакции старейшин.

— Еще лучше! Да как вы посмели притащить сюда человека? — злобно зашипел Кай. Я наигранно-тяжело вздохнула и сокрушённо покачала головой.

— Еще и старческий маразм!

Потом слегка согнула ноги в коленях и, несильно оттолкнувшись, взлетела вертикально вверх метров на пять. Конечно, при желании я могла бы подняться раза в два выше, но вовсе не собиралась особо напрягаться ради каких-то красноглазых, я им не клоун на арене. Впрочем, хватило и этого.

Толпа ахнула и вновь зашептала. Конечно, для вампиров такие прыжки не в новинку, но не от того, в ком уже признали человека. Я перевела взгляд на старейшин. Марк откровенно скучал, если его даже и заинтересовало мое представление, то прочесть это по его невозмутимому лицу было невозможно. Кай был явно ошарашен и раздосадован, а Аро продолжал улыбаться. Хотя я заметила промелькнувшую в его глазах растерянность, он быстро ее подавил.

— Так кто же ты, загадочное дитя? — ласково обратился он ко мне.

— Разве вы еще не поняли? — удивилась я. — Я та, кого вы так усиленно искали. Я — гаргулья.

— Ложь! — практически взвыл Кай. — Я видел гаргулий! Я помню их. Гигантские, крылатые монстры. И ты пытаешься убедить нас, что являешься одной из них? Да тебя от земли-то едва видно.

— Уж какая есть, — развела я руками. — Зачем мне вам врать?

— Да чтобы выгородить Калленов, вот зачем! Они спрятали где-то настоящую гаргулью, а нам морочат голову, подсовывая тебя. Не выйдет!

— Кай, подумай сам, неужели я поступил бы так. Неужели отдал бы вам на растерзание невинного ребенка?

— Ты уже его отдал! И когда мы закусим твоим прыгучим человечком, то всё равно разыщем гаргулью.

Я услышала, как Эдвард резко втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Я понимала, как тяжело ему было сдерживаться, когда мне напрямую угрожали смертью. Протянув назад руку, я слегка коснулась его, пытаюсь успокоить. Сейчас не время для необдуманных поступков, и, как бы ему ни хотелось укрыть меня за своей спиной или броситься на угрожающего мне вампира — он остался неподвижным, проявив чудеса самообладания. Потом я исподлобья взглянула прямо в глаза Кая и тяжело уронила:

— Зубы о «человечка» не сломай.

Какое-то время мы буравили друг друга взглядом. Мне очень хотелось обратиться, чтобы Вольтури, наконец, увидели, с кем имеют дело. Но нет, пока нельзя. Раз в видении Элис я разговариваю с Аро в «человеческом» облики — значит так надо. Ладно, подожду пока.

Что-то не очень у меня выходит «мирное урегулирование». Но этот Кай бесит меня с первой же секунды, как открыл рот. Ничего, просто мысленно повешу на него табличку с номером три. Он — следующий на убой, после близнецов. А с другой стороны — идея Карлайла решить дело миром была провальной с самого начала. Эдвард же сказал, что это не поможет. У Вольтури есть цель — расправиться с Калленами, и уговоры тут вряд ли что-то изменят. Что же, есть еще одно сильное чувство, к которому я попытаюсь воззвать — чувство самосохранения. Если Вольтури поймут, что их хитрость с отвлечением меня на других вампиров не пройдет, что расправу я начну именно с них, может это заставит их отступить?

Наше безмолвное противостояние нарушил Аро.

— Брат, не стоит так. Сейчас мы все выясним. Джейн!

Услышав это имя я напряглась, но Аро лишь взял моментально подскочившую к нему вампиршу за руку и замер. Его глаза расфокусировались, словно глядели вглубь себя. Все замерли, молча ожидая, что же последует дальше.

Наконец он выпустил руку Джейн и вновь обратился к Карлайлу.

— Я не знаю, зачем ты пытаешься ввести меня в заблуждение. Чудовище, виденное Джейн было уродливым и огромным. И с крыльями. Так что, нужно было тебе, для правдоподобия, хотя бы выбрать кого-нибудь покрупнее.

— Крылья — дело наживное, — встряла я вместо Карлайла. — А не скажете ли вы мне, в руках у того чудовища было обезглавленное тело?

— Да, было, но откуда тебе это известно? — удивился Аро. — Кто тебе это рассказал? Ты, Эдвард? Прочёл мысли Джейн?

— Да, прочёл. — Раз уж к нему обратились напрямую, Эдвард решил вступить в разговор, хотя ранее мы условились, что говорить с Вольтури будем только мы с Карлайлом. — Но никому ничего не говорил — не было необходимости.

— Так, значит, тело всё же было? И намного оно было мельче того «гиганта»?

Аро задумался, видимо вспоминая видение Джейн. Потом подозвал Алека и взял его ладонь. Удивленно глянул на меня.

— Теперь я вижу, что это гаргуля была заметно мельче своей жертвы. Я не понимаю, как такое может быть?

— У страха глаза велики, — я пожала плечами, бросая пренебрежительный взгляд в сторону Джейн. Та оскалилась. Я предупреждающе прищурилась: «Не нарывайся!»

Не обращая внимания на наши беззвучные «переговоры», Аро приглашающе протянул мне руку.

— Мы можем раз и навсегда решить эту проблему. Не будешь ли ты столь любезна?..

Я задумалась. В принципе, подойти к Аро для меня проблемой не было. Никакого вреда причинить мне он не сможет, да и мысли мои не прочтёт. Но мне не хотелось отходить от Калленов. Будучи рядом, я могла в любой момент обратиться и прикрыть их всех. Они спокойно помещались за моими распахнутыми крыльями, мы проверяли. Но бросить их одних я не решалась.

Не поняв причины моего замешательства, Аро принял его за страх, поэтому решил сделать красивый жест и «пойти на уступку».

— Мы можем встретиться на полпути, — предложил он, выступая вперед. Рената, словно тень, последовала за ним, следом пошёл Здоровяк. Такой расклад вполне меня устраивал. Я решительно зашагала им навстречу, Эдвард — следом за мной, с другой стороны решительно пристроился Эммет. Всё по-честному — их трое и нас трое. Хотя я бы предпочла, чтобы ребята были как можно дальше от Вольтури, я не могла отказать им в желании сопровождать меня. И ровно посередине между строем Вольтури и Калленами мы встретились. Совсем как в видении Элис.

Аро, ласково улыбаясь, протянул мне руку. Я смело протянула свою, и он цепко схватил мою ладонь. Я успела подумать, что рука у него какая-то странная, совсем не похожа на руки других вампиров, к которым я прикасалась, но до конца сформулировать своё впечатление не успела. На меня нахлынули образы из жизни Аро, его мысли, желания, стремления. Поток был невероятный, за несколько секунд мне передались тысячелетия его жизни. Хорошо, что мой мозг практически сразу поставил блокировку, вычлняя из потока сознания лишь то, что касалось непосредственно нас и всей теперешней ситуации. А то мог бы просто зависнуть, словно перегруженный компьютер. Но кое-что нужное я из всего этого хаоса всё же извлекла.

Аро посмотрел на меня с удивлением и недоумением. Я вытянула свою руку из его ладони, очень странной на ощупь, словно слепленной из глины. Такое впечатление, что она вот-вот рассыплется от моего прикосновения. Не самое приятное ощущение. Потом я пристально посмотрела прямо в эти отвратительные бордовые глаза.

— Я вижу, что вы решили наказать Ирландский и Египетский кланы за то, что они не согласились выступить вместе с вами против Карлайла, как это стадо, — я пренебрежительно кивнула в сторону разношёрстной толпы, сгрудившейся за спинами ровного, как на параде, строя фигур, одетых в одинаковые тёмные плащи. Потом добавила металла в голосе. — Не советую. Очень не советую.

Теперь Аро был не просто удивлен, а ошарашен. Еще немного, и его глаза вылезут на лоб.

— Что, удивлены? Вы не только не смогли прочесть мои мысли — я прочла ваши. Неприятно, когда в голове копается кто-то посторонний, верно? Ну, когда-то же нужно и самому испытать то, что предлагаете другим. И повторяю — никаких репрессий! Я это обязательно узнаю и воздам сторицей. Мне это вполне по силам, уверяю вас. Вы меня поняли?

Аро, медленно кивнул и открыл рот, чтобы что-то сказать. Вот оно! Именно здесь обрывается видение Элис. Моментально обратившись, я распахнула крылья во всю ширь, стараясь максимально загородить и Эдварда с Эмметом, и остальных Калленов.

Глава 20. Неожиданная развязка. Часть 2.

Аро, медленно кивнул и открыл рот, чтобы что-то сказать. Вот оно! Именно здесь обрывается видение Элис. Моментально обратившись, я распахнула крылья во всю ширь, стараясь максимально загородить и Эдварда с Эмметом, и остальных Калленов.

И в ту же секунду из строя Вольтури раздался дикий визг. Переведя взгляд с Аро, я увидела Джейн, катающуюся по земле, корчащуюся от боли, визжащую, но при этом умудряющуюся буравить меня злобным взглядом.

Вот ведь пакость такая! Исподтишка решила свой дар на нас испытать. Вот теперь сама и наслаждайся! Эта злобная фурия даже не понимала, что чем дольше она старается меня зацепить, тем дольше сама будет страдать от боли. Но объяснять ей это я не собираюсь. Переведя взгляд на Аро, у которого заметно отвисла челюсть, я улыбнулась ему так же ласково и неискренне, как и он мне минуту назад. Кстати, от его улыбки не осталось и следа.

— Наденьте намордник на свою собачонку, будьте так любезны, — игнорируя вопли за его спиной, произнесла я, — пока я ей голову не откусила. В данный момент я не делаю этого исключительно из брезгливости, но я ведь могу и передумать.

Джейн затихла. Видимо, всё же «выключила» своё «боевое оружие», которое в данный момент стреляло по своей же хозяйке. Интересно, как скоро до них до всех дойдёт, что из себя представляет мой дар? Поймут ли, что я не только сама защищена, но и остальные тоже под моей защитой, в самом прямом смысле?

— Спасибо, малышка. Если бы не ты, мне бы здорово досталось от Джейн.

Так она не в меня метила, а в Эдварда? Ну, мерзавка, теперь тебе точно не жить!

Аро, наконец, сумел выдать из себя:

— Это невероятно!

— Теперь-то вы убедились? Никто никого от вас не прятал. И, кстати, поддержали бы, что ли, Ренату, бедняга сейчас в обморок упадёт. — И, переведя взгляд на перепуганную женщину, я успокаивающе добавила. — Да не трясись ты так. Я убиваю вампиров только в качестве самообороны. Пока на меня или на мою семью не нападут — я мирная и безвредная.

Не думаю, что Ренату мои слова успокоились, но, в принципе, они предназначались не столько ей, сколько Аро. Поймёт ли он намёк?

Я оглядела остальную толпу, проверяя их реакцию на моё обращение. А реакция была разная. От злости и откровенной ненависти, до удивления, задумчивости, даже какого-то разочарования. Кажется, я поняла причину последнего. Их подняли на борьбу со страшным, ужасным врагом, жутким чудовищем, а что же они увидели, настроившись на бой практически с драконом? Я знала, как выгляжу, поэтому могла представить себя их глазами. А видели они очаровательную куколку, совсем юную — подобранная Элис одежда делала меня ещё моложе, — хрупкую, на голову ниже окружающих. Стоит ли бояться такого котёнка?

Передо мной встала дилема. Как мне одновременно запугать Вольтури и убедить остальных в своей неопасности? В любом случае, мне совсем не нравилось стоять рядом с Аро, так далеко от остальных Калленов. Я чувствовала себя курицей-наседкой, желающей как можно скорее собрать своих цыплят под крылья, в безопасное убежище. Наверное, лучше было бы вернуться.

Я почувствовала, что пауза затягивается. Видимо, все ждали реакции Аро, который продолжал молчать, задумчиво меня разглядывая.

— Нет, Аро! — неожиданно проговорил Эдвард, словно отвечая на заданный вопрос. Впрочем, для него же не обязательно, чтобы слова были произнесены вслух. — Ничего у тебя не выйдет! Мы вовсе не хозяева Энжи, мы не «приручали» её, и она здесь не потому, что ей приказано. Неужели ты ещё не понял, что Энжи — самостоятельная личность, и делает только то, что сама решила?

— О чём это ты? — заинтересовался Эммет. Я тоже бросила на него вопросительный взгляд через плечо.

— Аро уже обдумывает, как бы Энжи себе заполучить. В качестве сторожевого пса.

— Что ты, Эдвард, я совсем не хотел никого обидеть, зачем же так. Просто хотел предложить... Энжи, да? Так вот, Энжи, возможно, тебе бы понравилось в Италии? У тебя появилась бы новая, большая семья. У нас очень красивый дом. Как тебе моё предложение?

— Аро, ты сошёл с ума? — раздался вопль из строя Вольтури. Впервые я была совершенно согласна с Каем.

— Подумай же, брат, какие перед нами откроются перспективы. А ты, девочка моя, подумай хорошенько. Зачем тебе прозябать здесь, в этой глуши? Ты могла бы приобщиться к мировой культуре и искусству, увидеть чудеса архитектуры Старого света. Соглашайся. А Калленов мы оставим в покое — ведь если ты уедешь от них, то их уже нельзя будет обвинить в нарушении закона, верно?

Опаньки, а вот это уже шантаж. Я тяжело вздохнула и повернулась к Эдварду.

— Он действительно дурак, или так, придуривается?

— Придуривается.

— Угу, я так и подумала. — И снова повернулась к Аро, с лица которого сползло всё наигранное дружелюбие, после того, как он услышал наш обмен репликами. — Что же, я выслушала ваше предложение. Отвечу по пунктам. Если я захочу увидеть Италию — я туда съезжу сама, как, впрочем, и в любую другую страну Старого и любого другого света. Старая семья меня вполне устраивает, новая мне не нужна. У Калленов очень красивый дом. Мне нравится жить в глуши, города меня не привлекают. И последнее — хотя я и отказываюсь от вашего предложения, но Калленов вы оставите в покое в любом случае. — Я доверительно понизила голос. — И только от вас зависит, каким образом вы это сделаете — соберётесь и тихо-мирно исчезнете с нашего горизонта и из страны в целом, или я просто вас всех уничтожу. И пусть вас не смущает мой юный и хрупкий вид — мне вполне это по силам, сами знаете. Так что решайте, даю вам десять минут. Ребята, отходим, — бросила я через плечо, после чего мы втроём, отступили назад, к нашей семье. Трое Вольтури тоже вернулись к своим. На месте нашей встречи остались сиротливо лежать пёстрые сланцы с порванными ремешками. Впрочем, они никогда мне не нравились.

Я вернулась на своё место, рядом с Карлайлом и сложила крылья, чтобы не закрывать остальным обзор. Потом извиняюще улыбнулась.

— Извини, Карлайл, я попыталась. Но не думаю, что удастся решить дело миром. Не уезжать же мне с ними, в самом деле?

— Конечно, нет! — воскликнул Эдвард.

— Я понимаю, дитя моё. Ты сделала, что могла. Печально, что они не только сами лезут на смерть, но и притащили с собой столько народу. — И Карлайл тяжело вздохнул.

В это время старейшины встали в кружок, что-то обсуждая. Остальные Вольтури сгрудились вокруг них, нарушив свой идеальный строй. Другие вампиры, те, что без плащей, растерянно топтались на месте, не вполне понимая, что происходит, и что им следует предпринять. Похоже, кое-кто начал сильно сомневаться в правильности своего появления здесь. Может, попытаться этим воспользоваться?

Я шагнула вперёд и подняла вверх правую руку, стараясь привлечь к себе внимание. Когда взгляды большинства пришедших сосредоточились на мне, я заговорила.

— Сейчас я обращаюсь к вам, к тем, кого Вольтури привели сюда. Вам сказали, что нужно объединиться и уничтожить страшную гаргулью, пока она не пришла и не уничтожила вас и ваших близких, верно? А теперь подумайте, разве я пришла к вам, чтобы

убивать вас? Нет. Зато это сделали Вольгури — пришли уничтожать невинных. Вам сказали, что я способна убить много вампиров, но если вы навалитесь все вместе, то одолеете меня? Новая ложь, вам меня не одолеть, даже напав толпой. А теперь хотите услышать истинную причину того, для чего вы все здесь? Возможно, вам известно, что в нашем клане есть те, кто видит будущее или читает мысли? А значит, скрыть от нас истину практически невозможно.

Я сделала паузу, дожидаясь, когда стихнут перешёптывания. Мои слова зацепили слушателей за живое. Про Элис и Эдварда давно ходили слухи, это не стало сюрпризом, а лишь подтвердило правоту моих слов.

— Так вот, теперь узнайте правду. Вольгури пришли сюда вовсе не ради меня. Им было бы наплевать, появившись где-то ещё. Они пришли, чтобы расправиться с Калленами, потому что они — иные. Они отказались от человеческой крови, они перестали быть как все. А непохожесть всегда карается. К тому же, Аро давно положил глаз на Эдварда и Элис, и глупо надеется, что если погибнут остальные члены семьи, то он сможет забрать их к себе. Ему не впервой так поступать, метод-то проверенный на практике. Но на его пути стою я.

Меня слушали в напряженной тишине. Возможно, кто-то уже начал подозревать нечто подобное, а для кого-то мои слова явились откровением. Не знаю. Но попытаться я должна была.

— Знайте же, что единственное ваше предназначение здесь и сейчас — это стать «пушечным мясом», отвлекать меня, пока Вольгури за вашими спинами расправляются с Калленами. Точнее — такой у Вольгури план. Но к Калленам я их не подпущу, пусть не надеются.

Поэтому я даю вам шанс уйти прямо сейчас. Как только Вольгури дадут сигнал к атаке — назад пути не будет. Здесь начнется резня, и я уже не стану разбирать, кто прав, кто виноват. Конечно, начать я постараюсь с Вольгури, они очень удачно выделяются своими плащами. Но это не значит, что я буду выбирать свои жертвы специально. Нет. Любой, кто направится к моей семье, будет уничтожен. Любой! Но пока вы еще не напали — вы не стали моими врагами. Поэтому не дожидайтесь здесь своей смерти. Уходите — и останетесь в живых. Нападёте — умрете.

Я вновь вернулась в строй и нашла руку Эдварда. Наши пальцы переплелись.

— Я сделала все, что могла, Карлайл. Решение за ними.

В это время старейшины закончили свое совещание, и Аро вышел вперёд, повернувшись лицом к остальным. Вольгури вновь стали ровными рядами, дисциплинированно внимая своему лидеру.

— Друзья мои! — обратился Аро ко всем собравшимся. — Не нужно слушать это существо. Все вы знаете, какими страшными врагами для нас были гаргульи. Как они охотились на нас, едва не истребив весь наш вид, заставив на долгие века уйти в подполье. И вот сейчас мы видим перед собой одну из них. Она уговаривает вас уйти. Задумайтесь, почему? Уж конечно не ради того, чтобы спасти ваши жизни. Гаргульи на такое не способны. Они тысячелетиями уничтожали нас, с чего бы сейчас что-то должно измениться? Просто она понимает, что вместе мы — сила, и вполне способны её одолеть. Посмотрите на неё. Это же детёныш. Она ещё не достигла своей настоящей силы. Но если сейчас мы оставим её в живых — она вырастет. И тогда она выследит нас всех по отдельности и уничтожит. Да, она и сейчас очень сильна, но мы — сильнее! Пока мы вместе — мы сможем её одолеть. Так давайте же сделаем это! Давайте уничтожим угрозу самому нашему существованию!

— А ведь совсем недавно он приглашал меня к себе, — пробормотала я. — Не смог отобрать игрушку, значит нужно её поломать. Детский сад, штаны на лямках...

— Значит, перемирия не будет. Печально, — негромко ответил мне Карлайл.

— Кое-кто всё же послушал Энжи. Вы это видите? — подал голос Джаспер.

Я тоже заметила, как то одна, то другая фигура отходит в сторону леса и быстро исчезает среди деревьев. Но благоразумных было единицы, остальные, видимо, решили сражаться.

— По крайней мере, хоть разомнёмся. Кнопка, а может, я всё же останусь? Чертовски хочется оторвать пару голов у Вольтури.

— Нет, Эммет, мы это уже обсудили. Мне нужно, чтобы вы все были вместе. Так мне будет легче, пойми. Потом поймаешь парочку недобитков, а сейчас — побежишь вместе с остальными.

— Такая мелкая, но такая командирша! Ладно, раз уж договорились...

Мы все приготовились, ожидая первого движения Вольтури в нашу сторону, чтобы дружно рвануть прочь. Я напряглась, понимая, что ближайшие минуты, а возможно, и секунды, решат многое. Главное — уничтожить Джейн и Алека, чтобы они не смогли пустить вслед Калленам свои «отравленные стрелы», я же не знаю, на каком расстоянии и с какой скоростью распространяется их дар. А потом — уничтожать тех, кто будет ближе. И не подпустить врага к своей семье.

И в этот напряженный момент я вдруг почувствовала какое-то изменение. Это не был звук, как таковой, но всё равно, мне казалось, что я что-то услышала. Нет, скорее почувствовала. Больше всего это напоминало ощущения, которые я испытывала в тот момент, когда недалеко от меня обращался какой-нибудь оборотень, более близкого сравнения я не нашла. Чувство не было неприятным, но оно было непонятным, поэтому заставило меня насторожиться.

— Малышка, у тебя уши шевелятся! Я и не знал, что ты так умеешь, — прошептал Эдвард.

Я тоже не знала. Но в данный момент напрягала все свои органы чувств, чтобы понять, что же происходит.

— Вы это чувствуете?

— О чём ты, Энжи?

— Ну, это! Я не понимаю, что происходит, но что-то явно не так!

Я оглядывалась, прислушивалась, но всё равно упустила момент, когда рядом со мной словно из ниоткуда появился крылатый гигант. Он будто бы свалился с неба, на котором еще мгновение назад не было ничего, кроме привычных низких серых то ли туч, то ли облаков. Всё, что я успела сделать — это шагнуть вперед и прикрыть Калленов распахнутыми крыльями, как рядом появился еще один, такой же. Они, словно статуи, застыли по бокам от меня и чуть впереди, сложив руки на груди и крылья за спиной. В этом положении я могла видеть их лишь сбоку и сзади. Мои крылья, которые я и не думала складывать, мешали мне шагнуть вперед, поэтому я просто наклонилась и, едва не вывихнув шею, посмотрела на них снизу вверх. Страх во мне не было, сама поза гигантов говорила о том, что они на моей стороне, против моих врагов. Но мне было очень любопытно понять, кто же они такие?

Первая моя мысль была: «Теперь понятно, почему гаргулий называют гигантами!» В том, что передо мной гаргульи, сомнений не было, а в том, что они гиганты... Я, конечно, существо довольно мелкое, и Калленам-мужчинам была где-то до подмышки, плюс-минус.

Но если бы я стояла лицом к лицу с этими созданиями, то дышала бы им в пупок! Рядом с ними даже оборотни показались бы недоростками.

А вот почему гаргулий называли уродливыми чудовищами, понять было невозможно. Более красивых мужчин я еще не встречала, за исключением Эдварда, конечно. Но его красота была несколько иная, еще юношеская. А рядом со мной стояли зрелые мужчины, лет тридцати пяти, может чуть больше. Их обнажённые торсы, широченные плечи и руки просто бугрились мышцами, но и перекаченными, как бодибилдеры, они не выглядели. Все в их телах было абсолютно естественно, гармонично и пропорционально, и от обоих просто веяло силой и мощью.

Если бы не волосы, их можно было бы принять за близнецов. Фигуры, лица, возраст — всё у них было абсолютно одинаковым. Практически все черты лица — разрез и цвет ярких синих глаз, чёрные брови и ресницы при светлых волосах, пухлые, чувственные губы, родинка над правым уголком рта — всё было абсолютно таким же, как у меня. Только нос был прямым, словно у греческой статуи, в отличие от моего, слегка курносого, брови гуще, скулы шире, подбородок мощнее, но в целом — это было моё собственное лицо, с поправкой на пол и возраст.

Тот, что опустился первым, застыл справа от меня. Его золотистые волосы, почти того же оттенка, что и у меня, может, чуть темнее, были подстрижены довольно коротко. Но даже современная стрижка не скрывала того, что волосы у него волнистые, и отрасти он их длиннее, завивались бы локонами, как у меня. У того, что стоял слева, даже и представлять ничего не нужно было. Его ярко-каштановые, даже несколько рыжие волосы, длинными локонами рассыпались по плечам и спине, достигая лопаток. Пряди со лба и висков были убраны вверх и скреплены на макушке в небольшой хвостик, видимо, чтобы не лезли в глаза.

Из одежды на обоих были только брюки, что было вполне логично. На блондине — тёмно-серые, явно от костюма, с простым неброским ремнём, на шатене — обтягивающие кожаные бриджи, подпоясанные широким ремнём с просто огромной пряжкой, на которой было вычеканено что-то непонятное — то ли руна, то ли ещё что-то, такое же древнее. На запястье у блондина были часы, на которых стояло клеймо «Ролекс». Я не особо разбираюсь в часах, но что-то мне подсказывало, что они настоящие. Шатен часов не носил, зато его предплечья и один бицепс украшали старинные золотые браслеты с рисунком, как на пряжке. И выглядели они очень старыми, даже древними, и тоже вполне настоящими.

Но кроме внешности было у них кое-что ещё, однозначно указывающее на явную связь между нами. На шее у них висели медальоны, практически такие же, как и у меня, со стилизованной гаргульей, у которой вместо глаз были сапфиры. Только у блондина он был, хотя и несколько крупнее моего, но ненамного, цепочка, на которой он висел, обхватывала его могучую шею практически впритык, а сам медальон лежал в ямке между ключицами, так же как и мой. С медальоном шатена всё было иначе. Во-первых, был он очень большим, пожалуй, с ладонь, и выглядел работой скорее кузнеца или чеканщика, чем ювелира. Во-вторых, так же как и браслеты, он выглядел старинным, средневековым. Ну, и в-третьих, висел его медальон на толстой, в мой большой палец, цепи сложного плетения, довольно длинной, чтобы его можно было надевать через голову, поэтому медальон располагался ровно посередине его груди.

В общем, если блондин выглядел вполне современно, то шатен словно бы явился из древней легенды. Выглядел он точь в точь как викинг, только меча и рогатого шлема не хватало. Я даже улыбнулась, хотя ситуация к веселью не слишком располагала — насколько

разными выглядели эти вообще-то такие одинаковые мужчины.

Кстати, на то, чтобы рассмотреть моих неожиданно явившихся родственников, а никем иным эти пришельцы быть просто не могли, ушло всего несколько секунд. И это не мешало мне продолжать держать поле под контролем. Поэтому я прекрасно видела, как, следом за первой парочкой, на поляну продолжали опускаться другие, такие же, гиганты. Пять, десять, двадцать... Они располагались по периметру, беря Вольтури и тех, кто пришёл с ними, в кольцо. При этом стоявшие за моей спиной Каллены оставались вне кольца. Когда, наконец, «дождь из гаргулий» закончился, я насчитала на поляне пятьдесят четыре крылатые особи, не считая меня. Все — мужчины, ни одной женщины. Все — гиганты, высокие, мускулистые и полуобнажённые. Блондины, брюнеты, шатены, пара совсем рыжих. Большею частью — взрослые мужчины, примерно одного возраста с двумя первыми, были и более молодые, и совсем юные. Но не было ни одного пожилого или средних лет. И все, как один, стояли, скрестив руки на груди, и хмуро глядели на стоящих посредине поляны вампиров.

У каждого, независимо от цвета волос, были чёрные брови и ресницы, ярко синие глаза и родинка над правым уголком рта. Да и лица у всех были словно у близнецов, с поправкой лишь на возраст. Более юные выглядели чуть ниже, всего на пару сантиметров, такую разницу мог заметить только тот, кто имел совершенное зрение вампира или же гаргульи. Но при их огромном росте эта разница превращалась практически в ничто. И у каждого на шее висел медальон, точно такой же, как у блондина. И все они — тоже мои родственники? Потрясающе! Оказывается, у меня просто куча родни. Ладно, с роднёй разберёмся позже, сейчас нужно закончить начатое дело, а именно — разобраться, наконец, с Вольтури.

Я перевела взгляд на наших врагов. От ровного строя Вольтури не осталось и воспоминания. Все они сбились в кучу, в полном ужасе оглядываясь по сторонам, не видя для себя никакого спасения. Я ехидно подумала, что будь у них человеческая физиология, то под толпой вампиров уже расплылась бы большая жёлтая лужа. Ещё бы! Собрались толпой расправиться с «детёнышем», и вдруг — такой сюрприз. Вот так-то, не стоит обижать маленького одинокого тигрёнка, к нему на помощь может примчаться его папка, а так же все папкины дружки.

В этот момент из толпы Вольтури раздался уже знакомый визг, и Джейн, корчась, свалилась на землю. В этот раз она довольно быстро сообразила прекратить буравить глазами окружающих, поэтому визжала уже не так долго. Теперь она вновь лежала, уткнувшись лицом в траву, приходя в себя после очередной шокотерапии собственного производства.

— Вот ведь дурочка, — качая головой, пробормотала я. — Ничему её жизнь не учит!

Услышав мой голос, оба моих «стража» впервые сами повернулись ко мне. Блондин просто улыбнулся мне, но, сколько же теплоты и нежности было в этой улыбке. А шатен приподнял одну бровь и спросил глубоким баритоном:

— Эти красноглазые досаждают тебе, Дани?

Глава 21. Забытая семья. Часть 1.

Итак, меня зовут Дани. Неплохо. Хотя я уже привыкла к Энжи. Ладно, обдумаю это позже. А сейчас мне задан конкретный вопрос, на который нужно дать ответ.

— Скажем так — их присутствие удовольствия мне точно не доставляет.

Шатен хмыкнул на мой заковыристый ответ. Потом посерьёзnel.

— Уничтожить их?

Ух, ты! Это значит, я могу сейчас дать команду, и целый отряд гаргулий разнесёт плохих вампиров в клочья? Стоит мне просто щёлкнуть пальцами — и Вольтури придёт конец, а вместе с ними — и всем угрозам моей семье, то есть Калленам? Искушение сказать «да» было очень велико. Но тут за моим плечом раздался вздох. И я поняла, что никакой резни не будет.

Сложив крылья — вряд ли теперь хоть кто-то попытается дёрнуться в сторону Калленов, я обернулась и вопросительно взглянула на Карлайла. Перехватив мой взгляд, он печально покачал головой.

— Может, хотя бы Джейн и Алека? И Кая? — без всякой надежды, просительно пробормотала я. — Это же не будет убийством невинных?

— Но это всё равно будет убийством, — грустно прошептал Карлайл.

Так и знала, что он это скажет. Но попробовать стоило. Итак, я должна отпустить своих врагов вот так просто? Нет! Так легко они не отделаются. Кое у кого передо мной должок.

Гаргульи всё так же стояли, молча и неподвижно, спокойно дожидаясь моего решения. Я подняла взгляд на Шатена.

— Дайте мне пять минут!

Последовал кивок. Шепнув Эдварду: «Подожди здесь», я шагнула вперёд, но пройдя несколько шагов, притормозила, обернулась и нашла глазами Эммета.

— Пошли.

Он тут же пристроился рядом, и мы вдвоём зашагали в сторону Вольтури. Эдвард, наверное, недоумевает, почему его я оставила, а Эммета позвала с собой. Ничего, скоро он это поймёт.

Подойдя вплотную к трясущимся вампирам, я жестом попросила Эммета остановиться и шагнула в толпу, расступившуюся передо мной, словно Красное море перед Моисеем. Дойдя до всё ещё лежащей на земле Джейн, я подняла её за шиворот, поставила перед собой, я потом с размаху дала ей пощёчину. От удара тело вампирши пролетело метров пятнадцать и растянулось на земле. Одним прыжком оказавшись рядом, я схватила её ногой за горло, наклонилась и зашипела:

— Это тебе за то, что пыталась причинить боль моему мужчине. И радуйся, что тебе это не удалось, иначе меня бы сейчас слушала только твоя голова. Без тела.

Джейн смотрела на меня совершенно безумными от страха глазами, но, судя по тому, что от боли не визжала, применить ко мне свой дар она больше не пыталась. Итак, урок усвоен. Оставив её лежать, я вновь вернулась к Вольтури. Нашла глазами Алека.

— Твоё счастье, что ты не попытался навредить моей семье.

Потом повернулась к Аро.

— Забудьте, что на свете существуют Элис и Эдвард. Забудьте, что на свете существуют Каллены. И вообще про существование Америки — забудьте. Иначе я приду и оторву вам голову. И никакой щит, — тут я пренебрежительно взглянула на полуобморочную Ренату, — вам не поможет. А чтобы вы поверили в это окончательно — вот! — и я щёлкнула его по лбу. Не сильно, просто чтобы унижить. — Ну что, помог вам щит? Запомните, от меня вам спасения не будет. Так что, не вздумайте впредь меня злить!

После этого я отвернулась и сделала пару шагов в направлении Калленов. Потом, словно спохватившись, остановилась и бросила через плечо:

— Ах, да! Эммет, врежь Каю!

Эммет расплылся в довольной улыбке. Через мгновение Кай растянулся рядом с Джейн,

а мы направились к своим. За всё это время никто, кроме меня, не издал ни звука. Гаргульи с интересом наблюдали за моими действиями. Остановившись перед Шатеном, который явно был здесь главным, я смело взглянула ему в глаза.

— Я удовлетворена. Пускай уходят.

— Ну, раз уж ты удовлетворена... — в глазах у Шатена плясали чертенята, хотя лицо оставалось абсолютно серьёзным. Он повернулся к Вольтури и всем, кто пришёл с ними. Кажется, пока мы шли, никто из них не шелохнулся, только Джейн и Кай приподнялись, но остались сидеть там, куда мы с Эмметом их зашвырнули. Не решились даже встать, застыли, дожидаясь решения своей участи.

— Вы можете уйти, — и Шатен царственным жестом взмахнул кистью руки, — но не вздумайте возвращаться! Второго шанса у вас не будет.

Гаргульи, стоявшие с противоположного конца поляны, расступились, открывая небольшой проход. Вампиры тонкой струйкой потекли из «ловушки» — никто не хотел слишком приближаться к гигантам, стоящим по краям прохода.

— И не вздумайте охотиться, пока не покинете страну! — крикнула я им вслед, прекрасно зная, что они меня услышат.

Когда последние серые плащи исчезли среди деревьев, десятка полтора гаргулий тоже поднялась в воздух и улетела в том же направлении. Я вопросительно взглянула на моих «стражей».

— Они проследят, чтобы никто из людей не пострадал. Мало ли, кто может оказаться в лесу, — перехватив мой взгляд, объяснил Блондин.

Откуда он это знал? Они не обменялись ни словом, ни жестом. И заранее договориться тоже вряд ли могли. Странно всё это. Меня окружало несколько десятков человек, ладно, пусть не человек, просто мужчин и парней, и ни один из них до сих пор не произнес ни слова. Они иногда переглядывались, но к этому свелось всё их общение. Говорили только Блондин и Шатен, и то только со мной. Эта тишина начала меня слегка напрягать.

И в этот момент, словно по команде, которую не услышала только я, все гаргульи вокруг меня обратились. Видимо, любая опасность миновала, и «боевые доспехи» уже можно было снять. Подумав, я тоже обратилась — не торчать же единственным пугалом в этой тусовке.

Интересно, как Каллены отреагировали на такое превращение — ведь таким образом гаргульи явно показывали, что не считают их врагами. Я обернулась к своим близким. Карлайл был спокоен — ведь обошлось без резни, все остались живы. Эсми, прижавшись к нему, слегка настороженно, но без особой опаски смотрела на окружающих её гигантов. Джаспер был напряжён, появление наших спасителей несколько выбило его из колеи, он не знал, как реагировать. Из-под его подмышки Элис сверкала широкой улыбкой — вот уж кто совершенно ничего не боялся. Как и я, она сразу поняла, на чьей стороне эти гиганты. Я оглянулась в другую сторону. Эммет подмигнул мне и показал большой палец. Видимо, его вполне устроила компенсация, которую я смогла ему предоставить взамен обещанной парочки Вольтури. Если бы не это моё обещание — я бы сама с удовольствием врезала Каю, но пришлось по-братски с ним поделиться. А Розали, как всегда, выглядела прекрасной и чем-то слегка недовольной. Надо будет спросить у Эдварда — чем именно?

Я повернулась к Эдварду и аж вздрогнула. Господи, да что же с ним такое?! Эдвард выглядел как человек, только что получивший самое страшное известие в своей жизни, какое только может быть. Его прекрасные глаза потухли, а лицо выражало такое безысходное страдание, что у меня защемило сердце. Моим первым порывом было — обнять, успокоить,

прогнать его боль или забрать её себе.

Но не успела я даже дернуться в его сторону, как меня подхватили на руки и прижали к чьей-то огромной груди. Краем сознания я сообразила, что это был Блондин, но всё моё внимание занимал Эдвард. Поэтому я совершенно равнодушно отнеслась к тому, что меня кинулись толпой обнимать остальные гаргульи. Меня передавали с рук на руки, подбрасывали в воздух, кружили, целовали мои щеки, нос, даже уши.

Ситуация несколько напоминала встречу, устроенную мне Калленами после того, как Джейк помог Эдварду отыскать меня. Но существенная разница была в том, что в тот раз я была этому рада и обнимала всех в ответ. Сейчас же я пассивно позволяла тискать себя, а сама пыталась извернуться и не упустить из вида Эдварда, потому что хотела быть только рядом с ним.

В какой-то момент поток огромных мужских рук, видимо, иссяк, и толпа отхлынула назад, вновь оставляя меня в руках Блондина, который держал меня, как держат маленького ребенка. Шатен потрепал меня по макушке, взъерошив мне волосы, и с улыбкой произнес:

— Ну, вот и всё. Пора возвращаться домой, Дани.

ЧТО?! Они собираются меня куда-то увезти? Забрать от Эдварда?! Нет! Ни за что Краем глаза я заметила, как при этих словах Эдвард вздрогнул, словно человек, внезапно получивший пулю в грудь. И я понимала теперь, что с ним, потому что испытала то же самое. С диким воплем «НЕТ!!!», я отчаянно забилась, вырываясь из рук Блондина. Не ожидая такой моей реакции, он выпустил, практически выронил меня, и я одним прыжком оказалась возле Эдварда, крепко уцепившись за него, как утопающий за соломинку. Руки Эдварда тут же обвилились вокруг меня, а я обернулась к своим родственникам и недавним спасителям, и громко зарычала на них. Потому что с того момента, как они решили разлучить меня с Эдвардом, они стали моими заклятыми врагами.

Остальные Каллены сгрудились вокруг нас, словно готовясь отразить нападение. Конечно, это было бы бессмысленно, против такого противника нам было бы не выстоять.

Но никакого нападения не было. Оба гиганта лишь внимательно смотрели на нас с Эдвардом, Блондин — печально, Шатен — чуть насмешливо. На груди и левом предплечье Блондина, прямо у нас на глазах, зарастали глубокие, довольно сильно кровоточащие царапины, на которые он не обращал никакого внимания. До меня дошло, что это я нанесла их ему, стремясь вырваться из его объятий. Но, похоже, это совсем его не рассердило. Несколько секунд прошли в молчании, а потом Блондин вздохнул.

— Я так надеялся, что ослышался.

— Нет, Джейми, — хмыкнул Шатен. — Она совершенно четко произнесла «моему мужчине». И сомнений быть не может — ты только взгляни на ее клыки.

Клыки? Я провела языком по зубам и нащупала длинные клыки. Но я же сейчас не в облике гаргульи! Как же такое возможно? А ведь эту парочку такое «неправильное» появление у меня клыков не удивило, даже наоборот, их это в чём-то убедило. Как же получилось, что клыки вновь вылезли у меня в человеческом облике, и снова без моего приказа или желания? А когда я специально пыталась их «выманить», рассчитывая получить-таки поцелуй Эдварда — они меня не слушались. Я уже ничего не понимала, но слегка расслабилась. Кажется, никто не собирается отдирать меня от Эдварда и уносить в неведомые дали. Кстати, как-то уж слишком легко они всё это восприняли. Или нет?

— Так рано! — вздохнул Блондин. Ах, да, Джейми.

— Считай, что ей повезло, — пожал плечами Шатен, чьего имени я пока не знала. —

Некоторым не удается это и за столетия.

— Но вампир! На Земле более семи миллиардов людей, а она нашла вампира!

Эдвард напрягся. Эта парочка еще помнит, что мы стоим рядом и все слышим?

— Зато ей не придется его хоронить, — глухо уронил Шатен. В глазах его мелькнула самая настоящая боль. Видимо, самому ему хоронить в свое время пришлось, причем кого-то очень дорогого. Но он быстро взял себя в руки. — К тому же, посмотри на мальчика. Все признаки налицо. А ты же знаешь, у вампиров это тоже на всю жизнь. И потом, мы не властны над своим выбором, так распорядилась судьба, а она никогда не ошибается. Значит, он был предназначен ей, а она — ему.

Да что же это такое?! Теперь они взялись обсуждать Эдварда. Впрочем, ничего плохого они о нем не говорят, наоборот, кажется, даже комплимент сделали, но кто-то должен научить этих мужланов элементарной тактичности. Я уже открыла рот, чтобы сделать это, но была остановлена самым настоящим стоном Джейми:

— Но она же ещё ребёнок!

Меня вдруг окатило волной самой настоящей паники. А что, если я и правда ребёнок? Мой примерный возраст был вычислен Карлайлом по человеческим меркам, но рядом с остальными гаргульями я казалась такой крохой! Нет, совсем уж маленькой я быть не могла, фигура у меня достаточно сформировавшаяся, но вдруг мне и правда двенадцать лет? Караул! Не видать тогда мне поцелуев Эдварда ближайšie годы, как своих ушей без зеркала. Поэтому, не дожидаясь очередной реплики Шатена, я выпалила:

— Сколько мне лет?

Оба собеседника застыли, потом медленно повернулись ко мне, глядя с удивлением и недоверием, наконец, Блондин-Джейми выдавил:

— Тебе семнадцать. Разве ты не помнишь?

Я с облегчением выдохнула и поняла, что Эдвард тоже задерживал дыхание. Со счастливой улыбкой я взглянула на него и получила такую же в ответ.

— Дани? — услышала я требовательный голос Шатена и поняла, что с «поцелуями на радостях» придётся повременить. Я вновь повернулась к ним, пожала плечом и криво улыбнулась.

— Не помню. Вообще ничего. Извините....

По толпе гаргулий, которые такими в данный момент совсем не выглядели, прошелестел изумлённый вздох. И опять тишина — переглядываются, даже жестикулируют, но молча, молча. Может, они просто немые? Джейми тяжело сглотнул и на мгновение прикрыл глаза, словно беря себя в руки. Только Шатен не казался удивлённым.

— Я заподозрил нечто подобное, когда мы поняли, что ты жива, но не пытаешься связаться с нами. К тому же тот блок, который ты поставила.... Никогда не сталкивался ранее с защитой такой силы. Нам так и не удалось сквозь него пробиться, даже совместно. Иногда казалось, что вот-вот, ещё немного, что ты сейчас ответишь, но потом снова — стена. Непробиваемая.

В это время Джейми присел передо мной на корточки, так что наши лица оказались на одном уровне и погладил меня по щеке.

— Дани, я твой папа.

Что ж, нечто подобное я уже и сама предполагала. То, что мы родственники, было видно даже слепому, а всё его поведение говорило о том, что это родство максимально близкое. Итак, вот передо мной мой отец. Заботливый, добрый, красивый. Любая девочка

мечтает о таком отце. Но я не почувствовала ничего. У меня уже был отец — и тоже заботливый, добрый, красивый. Пусть и не одной со мной крови, но был.

Я оглянулась на Карлайла, потом на Эдварда — он уже не выглядел, как приговорённый к немедленному расстрелу. Повозила ногой по траве. Снова взглянула на Джейми. Он ждал моей реакции. Наверное, я должна что-то сказать, как-то отреагировать? Но я не знала — как? И выпалила первое, что пришло мне в голову:

— Если мне уже семнадцать, то почему я выгляжу младше?

Джейми тяжело вздохнул и опустил голову. Видимо, ждал другой реакции. Шатен похлопал его по плечу, словно успокаивая, а потом объяснил мне:

— Потому что ты замедляешься.

— В смысле?

— В том смысле, что в определённом возрасте наше старение замедляется, а через какое-то время практически останавливается. После этого мы почти не меняемся. Ты начала замедляться три года назад, и за это время физически стала старше лишь на год.

Как интересно. Это многое объясняло — например, почему среди полусотни окружающих меня мужчин больше половины выглядят ровесниками. Мельком подумалось, сколько же им лет на самом деле, но только мельком — вампиры, окружающие меня всю мою жизнь — ту, что я помнила, — тоже имели такую особенность и не выглядели на свой истинный возраст, просто останавливались сразу, пропустив период «замедления». Тут новая мысль пришла мне в голову, несколько напугав.

— А в каком возрасте остановлюсь я? Физически?

На меня взглянули несколько удивлённо. Возможно, мой вопрос показался слишком несерьёзным и несвоевременным для подобной ситуации. Но для меня это был далеко не праздный вопрос. Я совсем не хотела застыть на веки уже тогда, когда внешне буду годиться Эдварду в мамы.

Шатен — нужно всё же узнать его имя, — терпеливо ответил.

— Мы не знаем. До тебя у нас девочек не рождалось. Ты переродилась на несколько лет раньше, чем это делали парни, так что и остановишься, скорее всего, тоже раньше. Но на сколько — пока неизвестно.

— Переродилась? — уцепилась я за новое слово. — Разве я не родилась такой?

Потом повернулась к Эдварду и прошептала:

— У меня сейчас будет взрыв мозга!

— Не у тебя одной, — шепнул Эдвард мне в ответ.

— Буду участвовать, — раздался голос Эммета, а Розали зашипела на него, чтобы помолчал и дал послушать.

Джейми встал и обратился ко всем одновременно.

— Я думаю, что нам предстоит долгий разговор. Может, продолжим его не здесь? Как я понимаю, с нами ты не поедешь, — это он уже обратился ко мне. И хотя это не прозвучало вопросом, я всё равно отчаянно замотала головой и ещё крепче прижалась к Эдварду.

— Не возражаете, если мы с Джеймсом заедем к вам чуть позже? — Шатен обращался к Карлайлу, сразу вычислив в нём главу семьи. Имя резануло слух, заставив слегка вздрогнуть. Слишком неприятные ассоциации были связаны с этим именем, лучше всё же Джейми.

— Добро пожаловать в наш дом, — и Карлайл бесстрашно протянул руку тому, кто считался истребителем вампиров. Тот аккуратно пожал её и, наконец, представился:

— Дэниел Кэмерон.

— Карлайл Каллен. Мы живём в лесу, в нескольких километрах от Форкса.

— Мы найдём. Уж теперь-то это будет просто, — и он легонько стукнул меня указательным пальцем по носу. — Теперь тебе уже не скрыться от нас, детка.

Джейми погладил меня по щеке. В глубине его глаз застыла грусть, и даже боль. Мне бы не хотелось быть причиной этого, но я не могла его вспомнить и принять, как отца. Что поделать?

Глава 21. Забытая семья. Часть 2.

Когда Дэниел и Джеймс повернулись, чтобы уйти, я не сдержала любопытство, и окликнула:

— Дэниел! — И когда он обернулся, спросила: — А вы мне кем доводитесь? Как мне вас называть?

— Можно просто Дэн. Но раньше ты звала меня дедулей.

— Вы мой дедушка?

— Нет! — подал голос один из стоящих поодаль мужчин. — Твой дедушка — это я.

У него были светло-русые волосы, немного темнее, чем у Джейми, но в остальном он ничем не отличался от большинства остальных. Возраст, рост, лицо, фигура — как под копирку. Всё, что я смогла пробормотать:

— Я думала, что они не умеют разговаривать...

— Прекрасно умеем. Но частенько ленимся делать это вслух, — заговорил ещё один, на этот раз жгучий брюнет. — Кстати, а я твой прадедушка.

— Вслух? Прадедушка? Мммм... — я застонала, сжала виски пальцами и уткнулась лбом Эдварду в грудь.

— Мне кажется, или у Кнопки дым из ушей пошёл? Ай! — кажется, Розали стукнула-таки Эммета.

Я почувствовала, как сильные пальцы взяли меня за подбородок и мягко повернули мою голову. Совсем близко я увидела ярко-синие глаза — словно в зеркало посмотрелась.

— Я понимаю, детка, что тебе сейчас сложно. Столько информации сразу. Мы всё тебе подробно расскажем и объясним, не переживай. Но вообще-то я — твой прапрадедушка. Я глава нашего клана, и все, кого ты сейчас видишь, те, кто улетели, и те, кто остался дома, охранять наших женщин, все они — мои потомки. И ты в том числе.

— Но почему? — простонала я. — Почему, даже потеряв память, я всё знала о вампирах, но ничего ни о вас, ни о себе? Как такое может быть?

— Мы не знаем. Почему ты потеряла память, почему поставила блок и укрылась от нас, почему даже сейчас не можешь вспомнить? Но мы всё выясним, обещаю. Чуть позже мы приедем, и поговорим.

— Хорошо, — кивнула я.

Когда Дэн снова отвернулась, я вдруг вспомнила, что кое-кто до сих пор не знает, что угроза миновала. Я уцепилась за эту мысль — после обрушившегося на меня в последние минуты потока информации, мне просто необходимо было отвлечься на что-нибудь обычное и нормальное. Глядя вслед Дэну и Джейми, я тихо спросила:

— У кого-нибудь есть с собой мобильник?

Он нашёлся у Джаспера. Услышав мой вопрос, гаргульи слегка притормозили. Джейми тоже достал телефон из кармана, но увидев, что мне уже дали другой, не стал предлагать свой. Но и уходить они не стали, видимо им было любопытно, с кем мне вдруг так срочно

понадобилось пообщаться. Я не собиралась ни от кого скрывать свой разговор, поэтому спокойно набрала знакомый номер. Трубку подняли после первого же гудка, словно ожидая звонка. Впрочем, так оно, скорее всего, и было. В трубке послышался голос Билли:

— Алло.

— Мистер Блэк, это Энжи Каллен, — произнеся это, я заметила, что гаргульи от моих слов явно оживились, похоже, даже развеселились. Что я такого сказала? Раз уж я не помнила своего настоящего имени, логично было взять другое, не ходить же безымянной. А использование фамилии приютившей меня семьи в разговоре с кем-то, кто знает меня в моей новой жизни — вообще совершенно нормально. Так с чего вдруг такая реакция? Ладно, узнаю позже, сейчас не до этого.

— Энжи! — похоже, папа Джейка был рад меня слышать. — У вас все в порядке?

— В полном. В окрестностях Форкса не осталось ни одного красноглазого.

— Во всем штате, — поправил меня Дэн.

Я посмотрела на него долгим взглядом, но всё же удержалась от вопроса, откуда ему это известно. Раз говорит, значит, так оно и есть.

— Даже во всем штате, — повторила я в трубку. — Так что, люди могут выходить из поселка — это теперь абсолютно безопасно.

— Спасибо! — в голосе Билли слышалось настоящее облегчение. Я представила, что он пережил этим утром, зная, что его племени грозит реальная опасность, а его сын-подросток находится где-то там, «на передовой», охраняя поселок от возможного нашествия вампирской орды. Это не безобидные Каллены, это настоящая, смертельная опасность, и я была рада, что смогла успокоить его.

— Если у вас есть возможность связаться с Сэмом, то пусть снимает оборону, в ней больше нет необходимости. И передавайте привет Джейку.

Попрощавшись, я выключила телефон и подняла глаза на гаргулий, смотревших на меня с явным любопытством.

— Это наши друзья. — Эммет громко и презрительно фыркнул, и я поправилась. — Ладно, наши союзники. По крайней мере — сегодня. Я должна была сообщить им, что угроза миновала, они же переживали.

Но их интересовало совсем не это.

— Энжи Каллен? — переспросил Джейми — ну, не могу я его папой называть, даже мысленно! — Энжи?!

Мне была непонятна такая реакция.

— Да, а что тут такого? Имя как имя, вполне нормальное.

— Конечно, нормальное, — вмешался Дэн. — Но кое-кто клялся, что больше никогда в жизни не станет на него откликаться.

— Я запуталась. Вы, вообще, о чём?

— Энжи, — я не сразу сообразила, что Джейми обратился ко мне, назвав моим новым именем. — Ты знаешь, как тебя зовут на самом деле?

— Я так поняла, что Дани. Вы же сами меня так называли.

— Верно. Дани. Даниэлла.

— В мою честь, кстати, — уточнил Дэн.

— А твоё полное имя — Анжелика Даниэлла Кэмерон. И до семи лет мы звали тебя Энжи.

По толпе Калленов прошёл шёпот изумления. Совпадение было невероятным. Впрочем,

я ведь сама почувствовала некий отклик на это имя, это должно было что-то значить. Но, всё равно, это была уже передозировка информации. Какие еще новости и странности обрушатся на меня в следующие секунды? И сколько выдержит мой мозг? Я вновь уткнулась лицом в грудь Эдварда и пробормотала.

— Я хочу домой.

Эдвард всегда понимал меня лучше, чем кто бы то ни было. В следующий момент он уже подхватил меня на руки.

— Дайте ей прийти в себя, — строго произнёс он. — Пусть отдохнёт, тогда и продолжите разговор.

И, не дожидаясь чьей либо реакции, Эдвард развернулся и рванул в сторону нашего дома. Но я успела услышать слова, сказанные Дэном.

— Я же говорил — все признаки налицо.

Только дома, сидя на коленях у Эдварда, я, наконец, расцепила руки и выпустила его шею. Мне было немного стыдно за свой срыв. Сейчас, когда мы были одни, в безопасности, далеко ото всех, моё поведение на поле стало казаться мне слишком уж детским.

— Извини! — пробормотала я в плечо Эдварда.

— Всё нормально, малышка. На тебя столько всего свалилось. И сегодня, и всю неделю до этого. Ты здорово держалась.

— Но под конец я сорвалась. На ровном, в сущности, месте. Просто это открытие насчет имени меня добило. Как такое вообще возможно? Эсми взяла это имя буквально с потолка. А я ведь почувствовала что-то, хотя точно знала, что это не мое имя.

— Эсми просто сразу поняла, что ты — маленький ангел, — пробормотал Эдвард, целуя меня в макушку.

— Да какой я ангел?! Ты бы видел меня в тот момент — это было чудище, а не ангел.

— А я тебя видел. В мыслях Элис. Ты была всего лишь грязной, ладно, очень грязной, но эти синие глазки никакая грязь не в состоянии была скрыть.

Его губы легкими поцелуями коснулись сначала одного моего века, потом другого.

— И этот носик.

Еще один чмок.

— И эти губки!

На этот раз поцелуй был гораздо дольше. Тут мне вспомнилось то, что сегодня доставило особую радость.

— Эдвард, мне семнадцать! Представляешь, мы ровесники!

— Не совсем так, малышка. Мы ведь берем физический возраст, а не календарный. А физически тебе лишь пятнадцать, помнишь, что сказал твой... «дедуля».

— О, боже! У меня есть и дедуля, и прадедуля, и прапра... Мне так сложно это всё воспринять. Столько народа — и все мои родственники! Интересно, а у меня ещё братья есть? Элис говорила, что должны быть.

— Ещё?

— Ну, кроме Эммета и Джаспера? Не думаешь же ты, что если у меня вдруг обнаружили ещё родственники, то я сразу же откажусь от вас? Вы всё равно моя семья, и этого уже не изменить никогда. Если только...

— Что «только»?

— Если только вы сами не захотите больше быть моими родственниками.

Эдвард крепко обнял меня и, положив подбородок на мою макушку и слегка покачивая

меня, пробормотал:

— Как, имея запредельный коэффициент интеллекта, ты, порой умудряешься говорить такие глупости?

— Это я от растерянности. Просто сегодня столько всего произошло. Дело даже не в Вольтури — их я никогда не боялась, просто опасалась, что кому-то из вас причинят вред, который я не успею предотвратить, как это попыталась сделать Джейн. Но появление моих родных... Довольно драматичное, согласишься. В общем, я несколько выбита из колеи, поэтому порой несу чушь, уж прости.

— Всё в порядке, я всё понимаю. Кстати, а мне твои родственники понравились. Такие... Немногословные, в большинстве своём, — улыбнулся Эдвард.

— Что возвращает нас к тому, что сказал мой... прадедушка. Они ленятся общаться вслух. Это они что же, мысленно разговаривают, что ли?

— Почему бы и нет? Это не более странно, чем твоя защита от любого нашего дара. К тому же, я ведь могу читать мысли — это, в принципе, по своей природе мало отличается от мысленного общения.

— А ведь и правда. Я как-то об этом не подумала. Просто к твоему-то дару я привыкла давно, а здесь... Ладно, примем как данность. Только почему же я их не слышу, раз уж я одного с ними вида и рода? Знаешь, у меня возникает всё больше вопросов, которые я хотела бы им задать.

— Вот и задашь, когда они придут к нам в гости. Не думаю, что они особо задержатся.

Тут я вспомнила, что не только к моим родственникам у меня есть вопросы.

— Эдвард, а чем Розали была так недовольна там, на поле? Неужели тем, что не удалось подраться с Вольтури? Я бы ещё поняла, если бы недоволен остался Эммет, но Розали?

— Нет, всё гораздо проще, — усмехнулся Эдвард. — Я ведь уже говорил тебе, насколько тщеславна Розали. Она и с твоим-то присутствием едва смирилась, а здесь — полсотни мужчин, и каждый красивее неё. Такое пережить ей будет весьма проблематично.

— Эдвард, а почему ты так ужасно выглядел, когда появились гаргульи? Словно тебя к немедленному расстрелу приговорили?

— А так, в сущности, и было. Я чувствовал, словно меня и правда приговорили к тому, что хуже смерти. Думал, что потеряю тебя.

Я серьёзно посмотрела ему в глаза, а потом повторила его же слова, сказанные на пару минут раньше.

— Как, имея запредельный коэффициент интеллекта, ты, порой, умудряешься говорить такие глупости? Неужели ты так и не понял — я никогда с тобой не расстанусь!

— Но они — твои родные. И собирались забрать тебя с собой. И я ничего не смог бы сделать. Я чувствовал себя таким беспомощным.

— Да мало ли что они собирались! Главное — это то, что собираюсь делать я! А именно — быть рядом с тобой остаток вечности. И после — тоже.

Лицо Эдварда приблизились к моему, но прежде чем наши губы слились, он успел шепнуть.

— И я тоже, мой ангел. И я тоже.

Я не знаю, как долго мы вот так сидели и целовались. Я готова была делать это часами, но через некоторое время Эдвард отстранился.

— Наши родные вот-вот появятся на пороге.

— Ну и пусть! — и я снова потянулась к его губам.

— Они и так специально шли не торопясь, чтобы дать нам время. Но теперь они уже совсем рядом.

Я вздохнула, но с колен Эдварда слезать не стала. Пускай, что они, нас в обнимку не видели, что ли?

Тут и я услышала, как шестеро вампиров приближаются к дому. Молча. Или уже всё обсудили, или отложили на потом. Хотя вряд ли. На поле боя они в основном молчали, просто наблюдали, но, как только гаргулий рядом не стало, должны же они были хоть как-то отреагировать? Я бы на их месте не удержалась бы.

Первой в дом влетела Эсми, и, со словами: «Через час придут гости, а у меня ещё ничего не готово!» умчалась на кухню. Розали убежала в свою комнату. Эммет посмотрел ей вслед, немного подумал и решительно включил по телевизору какую-то спортивную передачу — кажется, просто новости, я не вслушивалась. Перед тем, как устроиться на диване перед огромным экраном, он обернулся и подмигнул мне.

— Спасибо, Кнопка. Я получил огромное удовольствие.

— От сердца оторвала, — сразу поняв, о чём он, ответила я. — Цени.

Карлайл ушёл к себе в кабинет. Элис что-то тихонько втолковывала Джасперу в соседней комнате. О происшедшем на поле больше не было сказано ни слова. Я удивлённо повернулась к Эдварду. Верно истолковав мой вопросительный взгляд, он тихо сказал мне на ушко.

— Они решили дать тебе продышаться и прийти в себя. На тебя свалилось слишком многое, а ещё предстоит визит твоих родных. Так что, когда будешь готова обсудить произошедшее сегодня, тогда и поговорим.

— Ой, а можно, не сейчас? У меня и правда, голова кругом. И вообще, не хочу даже вспоминать об этих Вольгури. Только знаешь что? Пусть Карлайл свяжется со своими друзьями и предупредит их. Мол, если Вольгури сунутся — пусть смело пугают их мной. Раз уж я дала слово, что не позволю никаких репрессий в отношении них — то так тому и быть.

— Спасибо, — послышался голос Карлайла из кабинета. — Я обязательно с ними свяжусь.

После этого я попросила Эдварда сыграть для меня. Его игра всегда успокаивала и умиротворяла меня, я готова была слушать его часами, хотя, по словам окружающих, играла не хуже. Но это было совсем не то. Эдвард с радостью уселся за рояль — ему и самому музыка помогала расслабиться. Я подтащила поближе кресло и свернулась на нём клубочком. Эммет выключил телевизор — видимо, передача его не захватила. Вот так я и провела следующий час — любясь Эдвардом и наслаждаясь его игрой.

Глава 21. Забытая семья. Часть 3.

Наконец мы услышали звук приближающейся машины. Очень мощной машины. Джаспер и Эммет тут же прилипли к окнам.

— Хаммер! — констатировал Эммет.

— Можно было бы догадаться, — пожал плечами Джаспер. — Они, наверное, только в нём и помещаются.

Из кухни выглянула Эсми.

— Как раз вовремя. У меня уже всё готово. — И, обведя глазами гостиную, скомандовала. — Элис, Джаспер, Эммет, накрывайте на стол.

Все дружно кинулись в столовую, которая при мне никогда не использовалась по

своему назначению, хотя была полностью обставлена и оборудована. В мгновение ока стол был накрыт словно в лучшем ресторане. Сквозь широко распахнутые двойные двери мне было хорошо всё это видно. Я пожала плечами. Если вкусы моих родственников хоть немного совпадают с моими, то всё это лишнее. Заметив, что стол накрыт на троих, я вздохнула.

— Я бы предпочла поесть на кухне. Но, видимо, придётся высидеть торжественный ужин?

— Не волнуйся, малышка, ничего страшного не случится, — улыбнулся Эдвард. — Просто Эсми так рада наконец-то принять в своём доме гостей, вот и старается вовсю. Простим ей эту маленькую слабость?

За это время машина подъехала к крыльцу. Карлайл, как хозяин дома, уже открывал входную дверь гостям. Эдвард встал со стула, и я последовала его примеру, взяв его за руку. Он тут же сплёл наши пальцы и ободряюще мне улыбнулся.

Дэн и Джейми — дедуля и папуля, — вошли в гостиную и вежливо поздоровались с хозяевами. Карлайл представил им членов своей семьи — видимо, на поле боя он этого сделать не успел. Всех, кроме Розали — та так и не соизволила спуститься. А я внимательно разглядывала вошедших. На этот раз они были одеты практически одинаково. Оба в джинсах, немного разных оттенков, в простых тёмных футболках и светлых кроссовках. Под мышкой у Джейми был зажат здоровенный фотоальбом, Дэн держал в руке большой пакет.

Когда Карлайл представлял им Эдварда, они повернулись к нам лицом, и я заметила, что их футболки не такие уж и простые. На тёмно-синей футболке Джейми большими белыми буквами было написано «Самый лучший в мире папа», а на чёрной футболке Дэна разноцветные слова складывались в очаровательную по своей скромности фразу: «Я что, тут опять, что ли, самый красивый?» Я подумала, что это даже хорошо, что Розали не спустилась — такого она бы не пережила, поскольку надпись была, в общем-то, правдива. Почти. Мелькнула мысль, что надо бы подарить Эдварду нечто подобное, ведь самый-то красивый здесь — это он. Мы, молча, рассматривали друг друга, никто не спешил завязать разговор, возможно, не зная, как его начать. Наконец неловкую паузу прервал Эммет.

— Милые футболочки. Где взяли?

— Дани подарила! — с явной гордостью произнёс Джейми.

— И мне тоже, — подхватил Дэн.

— Я никогда не сомневался в твоём чувстве юмора, — тихонько сказал мне Эдвард.

И в этот момент Эсми пригласила всех к столу. Гости не стали жеманиться, оставили альбом и пакет на журнальном столике и спокойно уселись за огромный стол, на котором было сервировано только три места. Дэн сел с одного торца, мы с Джейми с двух сторон от него. Эдвард, конечно же, рядом со мной, напротив него уселась улыбающаяся Элис. Джаспер был очень недоволен её соседством с огромной гаргульей, но ничего не сказал, просто молча сел рядом. Эсми вынесла огромное блюдо с отбивными и овощным гарниром, потом разные закуски, тоже в огромном количестве. Я подумала — хорошо, что, благодаря моему аппетиту, в доме всегда есть большие запасы продуктов. Голодными гости из-за стола точно не встанут.

От вида и запаха еды у меня заурчало в животе, и рот наполнился слюной. Только теперь я поняла, как же давно ела в последний раз. Ещё утром. А сейчас за окном уже начали сгущаться ранние осенние сумерки, стало быть, обед я пропустила. Надо же, а я и не заметила этого, видимо, слишком переволновалась. Я набросилась на еду, изо всех сил

стараясь не урчать и не чавкать. Через некоторое время я заметила, что еда на тарелке не убывает. Это Эдвард подкладывал мне новые порции, выбирая кусочки повкуснее и игнорируя укоризненный взгляд Эсми — видимо, та считала такое поведение неуважительным по отношению к гостям. Впрочем, гостей это ничуть не смутило — они спокойно отдавали должное чудесным блюдам, приготовленным Эсми.

Я услышала, как Карлайл извиняется перед гостями за то, что не подал к ужину спиртное. Из всех живущих в этом доме пить что-то, кроме крови, могла одна лишь я, а поскольку я была несовершеннолетней, то покупать в дом алкоголь было нецелесообразным. А купить вина для гостей никто не догадался. Но Дэн заверил Карлайла, что в этом не было никакой необходимости — они не употребляют спиртные напитки, поскольку это совершенно бессмысленно, алкоголь на гаргулий вообще никак не действует. Поэтому гости вполне удовлетворились соком — его-то в доме было в избытке.

Наконец, гости положили столовые приборы на опустевшие тарелки и поблагодарили Эсми за чудесный ужин. Я продолжала есть. Видя это, Дэн хмыкнул:

— Как вам удалось прокормить эту маленькую обжору?

Я застыла с полным ртом и удивленно на него взглянула. Я что, действительно ем слишком много?

— Она пропустила обед! — тут же встал на мою защиту Эдвард. — И потом, Энжи ещё подросток и должна питаться, как следует, чтобы нормально расти.

И он подложил мне на тарелку ещё несколько кусочков, ласково приговаривая:

— Кушай, малышка, кушай досыта, и не обращай ни на кого внимания.

Я криво улыбнулась ему и продолжила жевать. Мнение Эдварда для меня было намного важнее всех остальных мнений на свете.

— А он начинает мне нравиться, — пробормотал Джейми.

— Привыкай, он теперь тоже часть нашей жизни, — пожал плечами Дэн, а потом обратился ко мне. — Извини, Дани, я просто пошутил. Похоже, что неудачно.

Я кивнула, давая понять, что принимаю извинения. Рот у меня был занят. Видимо, решив дать мне спокойно закончить ужин, Дэн обратился к Карлайлу.

— Я понимаю, что у вас к нам куча вопросов. У нас их не меньше. Может быть, для начала расскажете, как наша девочка попала к вам?

Пока Карлайл и Эсми, дополняя друг друга, рассказывали о том, как меня нашли, в каком состоянии, как поняли мою необычность и как решили оставить меня в своей семье, я, наконец, закончила есть, и теперь словно заново переживала те моменты. Лицо Эдварда, вместе со всеми слушавшего этот рассказ, временами выражало настоящую муку, и я догадывалась, почему. Он не только слышал рассказ родителей, но и видел картинки из их воспоминаний. И вид меня, разбитой и окровавленной, доставлял ему самую настоящую боль. Я осторожно взяла его за руку и тихонько шепнула.

— Всё хорошо. Я в порядке.

Он слегка вздрогнул и прижал мою руку к своей щеке, нисколько не стесняясь моих родных. Но те не обратили на это никакого внимания, они напряженно глядели на рассказчиков, внимательно, не перебивая, слушая их. Лишь у Джейми в самые напряженные моменты желваки играли на скулах, словно он изо всех сил стискивал зубы.

Потом, когда начался рассказ о моих странностях, все слегка расслабились, особенно, когда Карлайл описывал свою реакцию на то, как я совершенно спокойно и невозмутимо говорила с ними о вампирах, словно это было в порядке вещей, или стояла с куском сырого

мяса в руках, разрываясь между голодом и отвращением. Совершенная вампирская память помогла ему передать всю историю очень подробно, практически дословно. А рассказ свой Карлайл и Эсми закончили объяснением причин, почему они решили взять меня в свою семью.

Какое-то время все молчали, а потом Джейми встал и склонил голову перед Карлайлом. Дэн последовал его примеру.

— Я даже передать не могу, насколько я благодарен вам за спасение моей дочери. Страшно даже представить, что могло бы с ней случиться, попади она в том, беспомощном, состоянии в руки не тех, кого надо. Военных, учёных... С ней могло случиться что угодно. — Джейми тяжело сглотнул и продолжил. — Сама судьба свела вас вместе. И отныне я — ваш должник навеки.

— Весь наш клан отныне обязан вам за нашу девочку, — подхватил Джейми. — Теперь вы навсегда под нашей охраной и защитой. Впрочем, — тут он взглянул на меня и Эдварда, — если я всё правильно понял, наши семьи и так уже связаны крепче некуда.

Эдвард тоже встал, и я вместе с ним.

— Вы всё правильно поняли сэр. — И уже обращаясь к Джейми. — Мы с вашей дочерью любим друг друга. Я отдаю себе отчет, что она ещё очень юна, но поверьте, я буду защищать, любить и лелеять её до конца своих дней, сколько бы мне их не осталось. Клянусь, что сделаю всё, чтобы она была счастлива.

— Я верю тебе, парень. И вижу, что моя девочка нашла свою истинную пару. Так что, как бы тяжело мне не было от мысли, что моя крошка принадлежит уже не только мне — я просто вынужден с этим смириться. У меня просто нет выхода — над такими вещами мы не властны. Это просто случается. Конечно, лучше бы это случилось попозже...

— Уверю вас, мой сын достаточно благоразумен, и понимает, что им с Энжи нужно подождать, пока она подрастёт.

— Ха! Ещё бы! Да бедная Кнопка месяцами на него охотилась, а он был неприступен, как скала. Хотя с ума по ней сходил, это у него просто на лбу написано было.

— Эммет, когда-нибудь я всё же откушу тебе нос, чтобы ты не совал его в чужие дела!

— А что я такого сказал? Одну только правду!

Не обращая внимания на нашу с Эмметом перепалку, Эдвард со всей серьезностью ответил моему отцу.

— Не волнуйтесь, сэр. Мы не станем спешить. Не раньше, чем Энжи исполнится восемнадцать.

— Осталось меньше года! — тут же встряла я.

— Пока ей не исполнится восемнадцать физически, — уточнил Эдвард.

— Ты издеваешься?! — взвыла я.

— Ты нравишься мне все больше, парень, — улыбнулся Джейми.

Я надулась. Все они заодно! Такими темпами мне что, ещё девять лет прикажите ждать? Не то чтобы я рвалась испытать всё прямо сейчас, но через годик, ну, через три. Но девять?! Ладно, это тема для приватного разговора. Не хватало ещё обсуждать нашу с Эдвардом потенциальную сексуальную жизнь перед всеми моими отцами. И дедулей до кучи! А уж про братьев вообще молчу!

— А вы, правда, можете разговаривать не вслух? А как это у вас получается? Вы мысли читаете, да? Вот Эдвард у нас тоже может мысли читать. У всех, кроме Энжи. На неё вообще ни один наш дар не действует, наоборот, она может его обратно посылать. А вы тоже так

умеете? Судя по тому, что Джейн визжала и каталась по земле, глядя на вас — умеете.

Я всегда знала, что Элис — просто прелесть. До чего вовремя она вмешалась, просто ошарашив гаргулий потоком вопросов, да и остальных, надеюсь, тоже сбила с мысли. И конечно, сделала она это нарочно, чтобы выручить меня из неловкой ситуации. Это стало очевидно, когда она едва заметно подмигнула мне и вновь выжидательно уставилась на гостей. Те, не привыкшие к такой манере Элис вести беседу, даже вроде бы слегка растерялись. Потом Дэн улыбнулся ей.

— На какой из вопросов отвечать сначала?

— На любой! — Элис сложно было сбить с толку.

— Может, лучше пройдем в гостиную. Там удобнее вести беседу, — предложила Эсми.

Все дружно перебрались в соседнюю комнату и расселись кто где. Гостям предоставили просторный диван, я втиснулась в одно кресло с Эдвардом и с вызовом взглянула на Джейми. Тот понимающе улыбнулся, но ничего не сказал. А Дэна моя демонстрация, похоже, позабавила. Впрочем, он с самого начала был на нашей с Эдвардом стороне, приняв наши отношения без всяких оговорок, как данность.

— Итак, отвечу сначала на первый вопрос. Точнее — на несколько вопросов на одну тему. Мы не можем читать чьи-то мысли. Но внутри семьи мы способны мысленно разговаривать. Это напоминает разговор по мобильному телефону. Я, например, не знаю, о чём в данную минуту думает Джейми, но если он захочет мне мысленно что-то сказать — это я услышу. И отвечу таким же образом. Ещё мы можем передавать зрительные образы — по принципу веб-камеры. Один смотрит, а другой это же видит. Опять же — по обоюдному желанию. К тому же, это не обязательно происходит между нами двумя. И разговор, и «видеопередача» может происходить между любым количеством участников, опять же, по их желанию. Причём расстояние значения не имеет. А так же, мы всегда можем определить местонахождение друг друга, где бы мы при этом ни находились.

— Удивительно! Вы словно бы становитесь единым целым! Такая невероятная связь — это потрясающе, — восхитился Джаспер.

— Здорово! Можно сэкономить на билетах в кино. Или на стриптиз. За что?! — взвыл Эммет, потирая затылок.

— Веди себя прилично! Хотя бы при гостях! — за отсутствием Розали, Эммета пыталась воспитывать Элис.

— Так вот как вы узнали, что Вольтури покинули штат. И вот почему все остальные молчали на поле! — теперь мне многое стало понятно.

— Но если вы можете находить друг друга где угодно, тогда почему же?..

Эдвард не договорил, но я подхватила его мысль.

— Почему вы сразу не нашли меня? Почему ждали так долго?

— Потому что, ты поставила защиту. И до сих пор её не сняла.

— Защиту? Какую? Я не понимаю.

— Постараюсь объяснить. Знаешь, у каждого дара есть и обратная сторона. Очень удобно разговаривать мысленно через полмира, но иногда голос в твоей голове может раздаться в самый неподходящий для этого момент. Мы стараемся не злоупотреблять этим, но не всегда удаётся. Поэтому у нас есть ещё одна особенность — мы можем по желанию блокировать всё то, что я перед этим перечислил. Если проще — то мы выключаем «мобильный телефон», и никто уже не может до нас «дозвониться». И определить наше местоположение — тоже. Всё, что я описывал ранее, дается нам с рождения, это очень

удобно для защиты потомства — всегда можно найти потерявшегося ребенка, прийти на помощь в трудную минуту, уберечь от беды. Но в жизни взрослых есть моменты, когда уединение очень важно. Вот тогда и вступает в силу наш следующий дар — способность закрыться ото всех.

— Мне бы такая способность очень пригодилась, — вздохнул Эдвард. Остальные слушали рассказ Дэна, словно зачарованные.

— Так вот, — продолжил Дэн — эта способность дается нам, когда мы становимся взрослыми, при перерождении. Но ты, Дани, переродилась слишком рано, будучи ещё ребенком. И получила способность, пользоваться которой рационально, в силу своей юности, ещё не могла. Ты поставила защиту, чтобы удрать из дома, что в тот момент тебе было строжайше запрещено, для твоей же безопасности. Но отправиться на день рождения подруги через полстраны для тебя было гораздо важнее, чем послушаться взрослых и более мудрых членов семьи. К чему это привело — тебе известно. А твоя защита до сих пор при тебе.

Захватывающая история вдруг превратилась в обличение моего проступка. И я верила, что всё произошло из-за моей безответственности. Я сама, сама была во всём виновата. Каждое слово обвинения заставляло мою голову склоняться все ниже под бременем вины.

— Хватит! Довольно! — резкий голос Эдварда прервал рассказ Дэна. Сильные руки привычно перетаскивали меня, сжавшуюся в клубочек, на колени, заключив в ласковые надежные объятия. Прохладные губы прижались к моим волосам в утешающем поцелуе. Потом Эдвард вновь поднял голову, смело обращаясь к гиганту, сидящему напротив:

— Что бы она ни натворила в своей прежней жизни, теперь она этого не помнит. И жестоко упрекать её в этом теперь, когда она даже не может оправдаться.

— Он прав, дед. Ты несколько увлёкся.

— Вот чёрт, — с досадой пробормотал Дэн. На мою макушку легла огромная рука, неловко погладив по волосам. — Прости меня, девочка. Я не хотел... Просто... Мы так долго считали, что ты погибла. Это было страшное время.

— Мне жаль, что я заставила вас волноваться. Простите, — пробормотала я, всё еще не решаясь поднять глаза.

Какое-то время все молчали. Наверно, всем хотелось знать подробности, но никто не решался затронуть болезненную тему. Я лихорадочно пыталась найти какой-нибудь нейтральный вопрос, но всё, что приходило в голову, так или иначе, коснулось бы моего глупого поступка, имеющего такие тяжёлые последствия. И в этот момент раздался мелодичный голос Розали. Она стояла наверху лестницы, ведущей на второй этаж, и с интересом разглядывала наших гостей.

— Почему во всех легендах гаргулий называют уродливыми монстрами и чудовищами. Вы ведь... невероятно красивы. — Бедная Розали! Она едва не подавилась этим комплиментом чьей-то чужой красоте, но всё же произнесла его. — Вы можете это объяснить?

— Всё просто, — улыбнулся ей Джейми. — Настоящие гаргульи были... Мммм... Как бы это сказать помягче? Они были несколько менее человекообразны, чем мы.

— Настоящие?! — воскликнуло сразу несколько голосов.

— А вы тогда какие? Искусственные, что ли? — сострил Эммет.

— В каком-то смысле так оно и есть, — спокойно кивнул Дэн. — Нас вполне можно назвать искусственными. Так же как и вас.

Бомба номер два. После секундного замешательства первым опомнился Карлайл.

— Вы знаете, откуда мы взялись? — Дэн невозмутимо кивнул. — И почему при всей непохожести в нас столько общего? Почему у нас у всех по двадцать пять пар хромосом?

— Про хромосомное сходство слышу впервые. В последний раз я видел вампиров вблизи еще ребенком, и было это более тысячи лет назад. В то время тема хромосом была, как вы понимаете, не слишком актуальна. Но вот насчет всего остального — ничего сложного. Мы так похожи, потому что у нас общие предки. А различия объясняются разницей в... ммм... способе нашего «изготовления». Но думаю, будет лучше, если я расскажу вам всё по порядку. Всё, что знаю сам. Только история эта долгая.

— Завтра воскресенье. В школу не вставать. Я могу сегодня дольше не ложиться. А остальным тем более некуда торопиться.

— Что ж, тогда слушайте. Большую часть из того, что я сейчас вам расскажу, я услышал от своего отца, которого не видел с четырнадцати лет. В детстве мы многое принимаем на веру, а когда я вырос, и у меня появились вопросы — задать их было уже некому. Так что, что знаю — расскажу, а чего не знаю — узнать уже негде.

Мы все устроились поудобнее и приготовились слушать. Розали присела рядом с Эмметом, и он тут же обнял её и пригрёб к себе под бочок. Я так и осталась сидеть на коленях у Эдварда, уютно привалившись к его груди. Все, затаив дыхание, приготовились слушать волшебную сказку.

— Итак, — своим глубоким завораживающим голосом начал Дэн. — Давным-давно, в далёкой-далёкой галактике бушевали... звёздные войны!

Глава 22. Откуда взялись вампиры. Часть 1.

Дэн сделал паузу, с хитрой улыбкой ожидая нашей реакции. И она не заставила себя ждать.

— Это что, шутка? — первым опомнился Джаспер.

— Вообще не смешно! — пробормотала я.

— Ха! Я же говорил, что Кнопка — инопланетянка! — обрадовался Эммет.

— А я-то подумала, что нам тут действительно правду расскажут, — недовольно протянула Розали.

— Мы что, действительно не с Земли? Это бы многое объяснило, — задумчиво протянул Карлайл.

— Извините! — улыбнулся Дэн. — Просто эта знаменитая фраза слишком подходит для начала моего рассказа. Вы ведь не думаете, что Земля — единственная обитаемая планета во Вселенной? И люди — единственные мыслящие существа в ней? Уверяю вас, это совсем не так. И где-то очень далеко есть, по крайней мере, две различных цивилизации, чьё развитие намного опережает наше. Что-то они в своё время не поделили, начались вялотекущие конфликты, которые вполне можно было бы назвать и войнами, если бы не огромное расстояние между ними. В основном столкновения происходили между космическими кораблями в пограничных или нейтральных территориях. И вот однажды, один такой корабль был подбит, но на остатках «топлива» сумел всё же удрать от врагов. Экипаж остался в живых, но корабль был повреждён непоправимо и не пригоден к дальнейшему полёту, а значит, и к возвращению домой. К тому же, уходя от врагов сквозь искривлённое пространство, практически наугад и вслепую, он вынырнул в совершенно незнакомой галактике. Экипаж перебрался в спасательные «шлюпки» и покинул гибнущий корабль. И

хотя эти «шлюпки» не были приспособлены для дальних перелётов, но смогли доставить спасшихся на ближайшую планету с подходящими для жизни условиями.

— На Землю? — полувопросительно-полуутвердительно сказала я.

— На Землю, — кивнул Дэн. — Произошло это несколько тысячелетий назад, примерно четыре или пять, сложно сказать точнее. Те самые выжившие инопланетяне, временно поселившиеся на Земле, и были истинными гаргульями. Конечно, себя они называли иначе, да и у людей для них было много различных названий, но именно это слово к ним прилипло сильнее всего, на нём и остановимся.

Чтобы вам было более понятно дальнейшее, скажу пару слов о том, что же представляли из себя те гаргульи. В принципе, вы видели нас там, на поляне, так что некоторое представление об их внешности имеете. Добавьте к этому человекообразные, но всё же не совсем человеческие черты лица — и картина окажется завершённой. То есть, у них было по два глаза, нос, рот с губами и зубами и так далее, но пропорции были чуть иными, форма тоже отличалась. Совсем ненамного, но любой человек сразу бы понял, что перед ним не люди. Они не были особенно уродливы, просто они были другими.

— Но как же легенды?

— Вы когда-нибудь слышали про игру «Испорченный телефон»? А выражение «сделать из мухи слона»? Здесь тот же принцип. Мало кто из людей вживую видел гаргулий, но те, кто видели, замечали их непохожесть, а рассказывая другим людям, слегка преувеличивали её. Те — ещё немного, и так далее, пока гаргульи не превратились в ужасных монстров, каких частенько стали изображать на крышах старых домов. Причём, к тому времени прошло не одно столетие после того, как все гаргульи исчезли, так что те, кто их потом рисовал или лепил, вкладывали в их изображения только своё воображение, а вовсе не факты.

— А я из-за этого целую неделю себя уродливым чудовищем считала. После того, как поняла, кто я такая на самом деле.

— Почему? — удивился Джейми. — Разве нельзя было в зеркало посмотреться. Да и кто угодно мог тебе сказать, что это вовсе не так.

— Это длинная история, потом как-нибудь расскажу. Просто все эти выдумки здорово мне кровь в своё время испортили.

— Хорошо, предположим, что люди сами допридумали внешность гаргулий. Но я слышал о них от того, кто их видел лично. От Аро. Вы могли видеть его на поле боя, он глава Вольтури.

— Это ему Кнопка щелбан отвесила, — уточнил Эммет.

— И он тоже называл гаргулий «огромные крылатые чудовища», — продолжил Карлайл. — С первыми двумя утверждениями я согласен, но как быть с «чудовищами»?

— Я могу предположить только одно, — пожал плечами Дэн, — раз он вампир, и при этом видел гаргулий, то, скорее всего, он был свидетелем того, как гаргульи расправляются с вампирами? И чудом выжил?

Дождавшись кивка Карлайла, подтвердившего его предположение, Дэн продолжил.

— Вы и сами можете представить, с какими лицами даже люди мчатся в атаку. Думаю, вы это даже видели. Рты оскалены, лица перекошены ненавистью или страхом. Никто не бежит на врага с милой улыбкой. Добавьте к этому всё же не вполне человеческие черты лица, плюс ужас самого Аро. Так что, его восприятие в тот момент раз в десять усилило «чудовищность» облика гаргулий. Но, в любом случае, всё это относится к истинным гаргульям и моей семье не касается. Нас-то считают довольно красивыми, — и он

застенчиво затрепетал ресницами.

Я прыснула, остальные тоже заулыбались. Все, кроме Розали. Ну и ладно, иногда полезно увидеть, что не являешься чем-то исключительным. И всегда найдётся кто-то сильнее, умнее, а в её случае — красивее.

— Скромняга, — пробормотал Джейми.

— Ну, а что тут поделаешь, если я — такой красавчик? — развёл руками Дэн.

— Эдвард красивее! — тут же заявила я, вызвав хохот свои «новых» родственников.

— Кто бы сомневался, — усмехнулся Джейми.

— Может, хватит уже выяснять, кто здесь красивее? — недовольно заворчала Розали. — Кажется, нам пообещали рассказать, откуда мы все взялись.

— Извините, мисс! — покаянно склонил голову Дэн, но никакого раскаяния в его голосе не слышалось. — Итак, я продолжу. Физиология гаргулий практически ничем не отличалась от нашей, когда мы с крыльями, или от вашей. Все функции организма настолько замедлены, что их словно бы и нет. Но это не так, совсем не так.

— Что вы имеете в виду? — в Карлайле сразу же заговорил исследователь.

— Всё просто. Вот скажите, бьётся ли у вас сердце? Течёт ли кровь? Дышите ли вы, чтобы насытить её кислородом?

— Нет. На все три вопроса — нет.

— Ответ неверный. Правильный ответ — «да, но очень-очень медленно». Примерно в тысячу раз медленнее, чем у человека. Возьмём, к примеру, сердце. У обычного здорового человека оно, в идеале, делает около шестидесяти ударов в минуту. А у вас оно бьётся где-то раз в три часа.

— Это невозможно! Мы бы всё равно услышали. Даже если бы оно билось раз в неделю.

— Возможно, если бы оно три часа молчало, а потом бы делало «стук». Но это ведь не так. Сердце полтора часа медленно расширяется, а следующие полтора — так же медленно сжимается. Отследить это можно, только если специально наблюдать, а вы, я уверен, этого не делали.

— Конечно, нет. Мне и в голову такое не приходило. Но теперь я обязательно это проверю!

— Вы говорите, что и кровь у нас есть? Но мы бы её видели! Я сражался с таким количеством вампиров, столько голов им поотрывал, что давно со счёта сбился — уж я бы это заметил, — вступил в разговор Джаспер.

— Если учесть скорость её вытекания, то её как бы нет вообще. Она не просто не жидкая, она даже не желеобразная. Нужны часы, чтобы заметить её движение. Но если ты убил вампира — то у мёртвого кровь не течёт, а если просто ранил — вступает в силу регенерация. Рана закрывается до того, как из неё вытечет кровь. Поэтому вам и казалось, что крови у вас нет. А всё дело в её скорости.

— Вы перевернули все мои представления о нас, — покачал головой Карлайл. — Мне столько нужно будет переосмыслить. Века моего изучения вампиров просто перечёркнуты вашими словами.

— Ничего, дорогой. Представляешь, сколько новых открытий у тебя впереди — утешила мужа Эсми.

— Невероятно! У меня, оказывается, всё ещё есть кровь! В голове не укладывается — шепнул мне Эдвард.

— Я несколько отвлёкся, но вообще-то я хотел сказать, что в отличие от земных

млекопитающих, гаргульи жили в другом времени, точнее — в других временах. Все функции их организма были замедлены, зато скорость их передвижения была быстрее так же примерно в тысячу раз. И мы, и вы немного медленнее их, но всё же, в сравнении с людьми, мы все просто реактивные. Зато стареем мы намного медленнее людей.

— Мы стареем? Вы имеете в виду только себя, или и нас тоже? — для Розали это был не праздный вопрос. Я знала, как тяготит её вампирская «неподвижность». «Мы застыли. Нет никакого движения», — так она сокрушённо описывала свои ощущения от теперешнего положения. А теперь оказывается, это не так.

— И себя, и вас. У нас у всех примерно одна скорость старения — где-то в тысячу раз медленнее, чем у людей. Кроме Дани, конечно. Она пока ещё стареет только раза в три медленнее, чем её ровесницы. Точнее — взрослеет.

— Но почему это происходит? И как мы связаны с теми гаргульями-инопланетянами? Что-то вы всё время в сторону уходите. Лучше расскажите, что с ними дальше-то было, после приземления?

— Эммет! — негромко одёрнула сына Эсми.

— Всё в порядке, парнишка прав. Не выходит у меня связного повествования. Ладно, попробую ещё раз. Итак, оказавшись на Земле, гаргульи поняли, что до прибытия подмоги им придётся провести на ней не один год. По своему исчислению, разумеется. Тогда они ещё не знали, что здесь всё несколько иначе происходит. Атмосфера была вполне подходящей — гаргульи всё же дышали кислородом, хоть и очень редко. И мы с вами дышим, только очень незаметно даже для самих себя, просто набирая воздух в лёгкие при разговоре — нам этого хватает. В общем, в этом им повезло.

И тут перед гаргульями встал вопрос пропитания. На своей планете, с гораздо более суровыми условиями существования, кстати, их вид питался... соком растений, скажем так. Эти «растения» они культивировали на плантациях и регулярно добывали из них «сок». Довольно скоро гаргульи обнаружили, что Земля просто-таки кишит разнообразными аналогами их растений, чей «сок» идеально подходит для питания. Он даже был более питателен, чем на их родной планете, так что этого сока им требовалось гораздо меньше. У местных растений был только один минус — никто их здесь не культивировал, росли они сами по себе, так что их приходилось искать, а кроме того — в отличие от растений с планеты гаргулий, эти могли передвигаться. Ничтожно медленно, но всё же могли. Поэтому приходилось их находить и ловить, что, впрочем, особой проблемой не являлось. Думаю, вы уже догадались, о каких растениях шла речь, и что за сок так понравился гаргульям?

— Животные и их кровь! — раздалось сразу несколько голосов. И мой в том числе.

— Верно, — кивнул Дэн, — только есть одно уточнение. В разряд животных в тот момент попали и люди тоже.

Кто-то ахнул. Кто-то понимающе кивнул. Я пожала плечами и шепнула Эдварду.

— Я и сейчас парочку таких знаю.

— Я тоже! — шепнул он мне в ответ.

— Может, съедим эту парочку? Раз уж они животные, значит, можно! — тут же вмешался Эммет.

— Ты, кажется, очень хотел послушать? Вот и слушай, — осадил его Эдвард.

— В то время на Земле уже было несколько достаточно развитых цивилизаций, — продолжил Дэн. — Но корабль приземлился там, где сейчас находится северная Шотландия. Разглядеть цивилизацию там было весьма проблематично — местные жители всё ещё

носили шкуры. Но очень быстро гаргульи поняли, что перед ними — разумные существа. И поэтому использовать людей в качестве еды стало среди них запрещено. Впрочем, еды хватало и так. Постепенно гаргульи налаживали свой быт, приручали скот — «культивировали овощи», построили себе жилища — с их силой это не было проблемой. Они наладили контакт с несколькими близлежащими человеческими кланами, и порой выручали их в каких-то сложных бытовых ситуациях, но во всякие войны и конфликты не вмешивались — считали, что не имеют права как-то влиять на ход человеческой истории. Некоторые из них путешествовали, другие оставались дома, жили спокойной уединённой жизнью и дожидались, когда за ними прилетит спасательная экспедиция и заберёт их с этой дикой планеты.

Шло время, века на земле сменяли друг друга, появлялись и исчезали цивилизации, а гаргульи, ничуть не меняясь, со стороны наблюдали за этим. Их существование обрастало легендами. Они избегали контактов с людьми, кроме соседних кланов, но любое, даже случайное их появление, надолго давало людям пищу для пересудов и домыслов. И каждый трактовал их образ в меру своей фантазии. Гаргульи и драконы, ангелы и демоны, грифоны и Пегас — это всё про них. Даже валькирии и сирены — тоже они, что особенно забавно, ведь среди гаргулий не было ни одной женщины.

— Пегас? — удивился Карлайл.

— Ни одной женщины?! — одновременно с ним воскликнул Эммет.

— Я всегда знал, что ты — ангел, — пробормотал Эдвард мне на ушко, легонько поцеловав его между делом. Я расплылась в довольной улыбке и едва не замурлыкала. И увидела удивлённые, даже несколько обалдевшие глаза Дэна и Джейми.

— Он назвал её ангелом? — поражённо протянул Джейми.

— И она не двинула ему в челюсть? — в тон ему продолжил Дэн.

— Кто ты, и куда дела мою дочь? — на этот раз, обращаясь ко мне, спросил Джейми.

Я пожала плечами. Чего они от меня ждали?

— Она у нас стала совсем ручная. Тихая, милая и послушная, — ехидно протянул Эммет, придвигаясь поближе к тому краю дивана, возле которого стояло наше с Эдвардом кресло. Видимо, решил получше разглядеть мою реакцию. — Настоящий ангелочек!

Зря он это сказал. И приблизился зря. Мой кулак мгновенно впечатался ему в челюсть, отбросив назад, к Розали. А я зашипела сквозь стиснутые зубы, баюкая левой рукой правую:

— Я не ангелочек!

— Прекрати её дразнить! — закричал Эдвард на брата. — Она снова об тебя пальцы сломала!

— Ты чего, Кнопка? — потирая челюсть, забормотал Эммет. — Я же пошутил!

— Ты когда-нибудь дошутишься, Энжи тебе голову оторвёт! — пригрозила ему Элис.

— Или нос откусит, — усмехнулся Джаспер.

Розали тоже что-то шипела Эммету, я не вслушивалась. Эсми то укоризненно смотрела на него, то извиняюще — на гостей. Карлайл в первую секунду машинально дёрнулся, намереваясь оказать помощь моей пострадавшей руке, но вовремя вспомнил, что в этом нет нужды. А наши гости вдруг дружно расхохотались. Все притихли и уставились на них. Наконец, отсмеявшись, Джейми удовлетворённо кивнул головой.

— Моя девочка!

— Да, кое-что не меняется, — поддержал его Дэн.

— Только Эдвард может называть меня так. Только он. И больше — никто! — я

постаралась сказать это максимально твёрдо, подбавив в голос металла. — Я — не ангел. И закроем тему. Так что там дальше про гаргулий, Пегасов и сирен?

— Доченька, когда бьёшь вампира, нужно предварительно обратиться. Иначе тебе самой будет гораздо больнее, чем ему.

— Знаю. Но если я обращаюсь, то просто-напросто прибью его, а это в мои планы пока не входит, — я дёрнула плечом. — Как бы Эммет не доставал и не бесил меня — он мой брат, и я люблю его.

— И я тебя, Кнопка. Хотя ты тоже порой бываешь тем ещё чертёнком.

Мы обменялись понимающими улыбками. Мир был восстановлен.

— Ты заметил, что на чертёнка она никак не отреагировала, — обратился Джейми к Дэну.

— Потому что чертёнок, — пожал плечами тот.

— Мы про Пегаса услышим или нет? Мне уже самой страсть как любопытно.

Глава 22. Откуда взялись вампиры. Часть 2.

— *Мы про Пегаса услышим или нет? Мне уже самой страсть как любопытно.*

— Да просто всё с Пегасом. Случайность, в общем-то. Вот представьте, вам срочно нужно попасть из пункта А в пункт Б. По безлюдной местности. И у вас с собой велосипед. Что вы сделаете — поедете на велосипеде или побежите, неся велосипед в руках?

— Второе, конечно. Мы бегаем в сотню раз быстрее любого велосипеда, — ответил за всех Джаспер.

— Вот и один из гаргулий так же рассуждал, когда ему срочно нужно было перебраться в другое место. А с собой у него была лошадь. Решил путь срезать через горы, не думал, что там вообще кто-то живой окажется. Но оказался. Какой-то пастух овцу сбежавшую искал. И увидел вдаль, в небе, на фоне заката, силуэт летящей лошади с огромными крыльями. А дело было в древней Греции, и гора та называлась Олимпом.

— Потрясающе! — пробормотал Карлайл. — Из каких только случайностей не складывается порой жизнь.

— Вы даже не представляете, насколько правы. Само ваше существование как вида — тоже результат случайности.

— Кажется, сейчас мы услышим разгадку своего появления в этом мире, — прошептал мне Эдвард. Я почувствовала, что он напрягся, и, взяв его руку, сплела наши пальцы в качестве молчаливой поддержки. Эдвард поднял наши руки и поцеловал уже зажившие костяшки моих пальцев, а потом выжидающе взглянул на замолчавшего Дэна, который с интересом нас разглядывал. Перехватив его взгляд, Дэн улыбнулся и снова обратился к Карлайлу.

— Здесь в двух словах не объяснить. Чтобы было понятнее — снова перейду к аналогиям. Представьте, что в саду вашей матушки растут очень красивые цветы, которые вам хотелось бы поставить в вазу в своей комнате. Но это вам строго запрещено, потому, что на клумбе цветок может цвести несколько недель, а в вазе завянет через три-четыре дня. Но однажды вы видите, как упавшее с дерева яблоко сломало стебель у одного из цветов, и теперь он быстро засохнет. Как вы считаете, будет ваша мама возражать, если вы срежете этот цветок и поставите его в вазу? Вряд ли, он ведь всё равно уже практически погиб, спасти его невозможно, так почему бы напоследок не получить от него немного удовольствия? К чему я это говорю? Сейчас поймёте.

Как я уже говорил, использовать людей для пропитания стало для гаргулий табу. Но кровь-то человеческую они уже пробовали, и некоторым она понравилась. Не так, как вам, совсем нет! Ничего похожего на вашу жажду, просто вкусы у всех разные, так же как и у людей. И поэтому, был достигнут компромисс — кровь людей всё же можно было иногда употреблять, но только в одном-единственном конкретном случае. А именно — кровь смертельно раненных на поле боя воинов. Это было самым настоящим актом милосердия — раны в живот, например, тогда были стопроцентно смертельными, а умирать от них человек мог по нескольку дней, в страшных муках. И выпить кровь такого раненного, оборвав его страдания, грехом не считалось. Вот так некоторые гаргульи и поступали иногда, правда, очень-очень редко. Найдя такого умирающего на поле, заваленном телами мёртвых и раненных, они уносили его с собой, чтобы не пить на глазах возможных свидетелей — ведь кто-то из лежащих на поле мог и выжить. И некоторые выжившие потом рассказывали о крылатых созданиях, уносивших падших воинов прямо в рай. Тогда его ещё называли Валгаллой.

— Валькирии! — воскликнула я.

— Верно. Горячечный бред тяжелораненого вполне мог наделить брутальных мужчин-гаргулий чертами прекрасных дев. А так как не заметить их габариты было сложно даже в бреду — то они превратились в крылатых дев-воительниц, имеющих мистическое происхождение, а потому — таких крупных. Так вот, сейчас и начнутся те самые случайности. Дело в том, что гаргульи, в отличие от вас, питались кровью по «человеческому» графику приёма пищи — часто и понемногу. Поэтому крупную добычу они делили на несколько едоков, а будучи в одиночестве, довольствовались мелкими зверьками, чтобы зря не переводить пищевые ресурсы.

— Ага, Кнопка вон тоже кроликов ловит. И как она их только пьёт, они же совершенно безвкусные?

— А мне они нравятся! Имею право?

— Конечно, имеешь, малышка. Не слушай Эммета. Он просто из вредности так говорит.

— Точно. Сам-то он вообще вонючих медведей пьёт, но я же молчу. — После чего я повернулась к Дену, извиняюще улыбнулась и проговорила сладеньким голоском. — Простите моего брата за то, что он всё время вас перебивает. Хотя большинство членов нашей семьи выглядит школьниками, на самом деле в ней только два настоящих ребёнка — я и Эммет.

— Мне восемьдесят шесть! — оскорблённо взвыл Эммет.

— Ничего, парень, повзрослеешь ещё, какие твои годы, — «утешил» его Дэн.

Эммет взглянул сначала на меня, потом на Дэна, понял, что на два фронта ему не победить и, признавая поражение, сделал жест возле рта, словно закрывая его на застёжку-молнию, после чего уселся поудобнее возле Розали, скрестил руки на груди и всем своим видом стал показывать, что скорее умрёт, чем произнесёт ещё хоть слово.

— Ты сделала Эммета. Снова, — едва слышно шепнул Эдвард мне на ушко. Но Дэн, видимо, услышал.

— Моя школа! — подмигнул он Эдварду. — Итак, я продолжу. Опять небольшое отступление. Никак у меня связное повествование не получается. Но иначе будет не понятно. В общем, хотя все гаргульи и были одного вида, но у них, как и у людей, было нечто вроде рас. И, хотя в экипаже было всего двадцать три воина — вспомните, там же война была, какая-никакая, — среди них были представители разных рас. Отличия были весьма

незначительны, люди их даже не заметили бы, хотя для самих гаргулий это было очевидно. И, как выяснилось уже на Земле, у представителей одной из рас оказалась ещё одна, весьма значительная особенность. На родной планете это никак не проявлялось, а вот при контакте с земной фауной выяснилось, что в их слюне — или в том, что у людей зовётся слюной, — есть некий фермент. То, что вы теперь зовёте своим ядом.

По рядам Калленов пронёсся вздох изумления, но никто не произнёс ни слова. Все, как замороженные, слушали рассказчика. Джейми, явно знавший всё это уже наизусть, тем ни менее, устроившись поудобнее, тоже внимал своему прадеду с не меньшим интересом.

— И вот теперь мы и переходим к той самой цепочке совпадений, которой вы обязаны своим существованием. Однажды несколько гаргулий решили полакомиться человеческой кровью. Нашли очередное поле боя, осторожно пошарили среди убитых и раненных, брошенных умирать. И один из представителей той самой «ядовитой» расы нашёл воина, чей живот был распорот от желудка до паха. Но бедняга ещё дышал, его сердце пусть слабо, но билось. Быстро унеся потерявшего сознание человека с поля боя, гаргулья выпил несколько глотков его крови и остановился, приберёт остальное для своих друзей. Уж не знаю точно, что там произошло, но что-то их задержало. И когда они всё же появились, то обнаружили, что их соратник совершенно растерян, а потенциальный обед, который должен был бы с минуты на минуту испустить дух, очень даже бодро орёт и корчится от боли. Никто не мог ничего понять, тем более что страшная рана зарастала прямо на глазах. Чувствуя свою ответственность, да и просто из любопытства, гаргульки остались рядом с человеком, с удивлением наблюдая за его преобразованием. Он не только поправился, но и стал красивее, и, как потом выяснилось — сильнее и быстрее обычного человека. Впрочем, что я буду вам пересказывать все его отличия, вы и сами их прекрасно знаете. Итак, это и был самый первый вампир.

Гаргульки забрали получившееся существо с собой и стали его изучать. Оно было диким и необузданным, но намного слабее и медленнее гаргулий, поэтому контролировать его для них особой проблемы не составляло. Выяснилось, что это существо, буду называть его вампиром, так проще, хотя в то время этого названия ещё не было, испытывает тягу именно к человеческой крови, испытывает жажду. Вам ведь это хорошо знакомо, верно? Когда новый вампир находился рядом с гаргульями — жажда стихала, но когда спустя какое-то время он стал более спокойным и управляемым, и его стали отпускать на охоту одного, оказалось, что в такие моменты жажда брала над ним верх. После того, как он убил несколько людей, больше его одного не оставляли.

— Запах, — пробормотал Джаспер.

— Что?

— Я сказал — запах. Запах гаргулий почему-то перебивает нашу жажду. Уж я-то знаю это не понаслышке, испытал его действие на себе, когда в нашем доме поселилась одна маленькая гаргулья.

— Вполне вероятно. Сам я общался только с теми вампирами, которые жили среди гаргулий. Они никогда их не покидали, никогда не пробовали человеческой крови. Они не знали настоящей жажды, просто не испытывали её. Поэтому и объяснить, почему, выйдя из-под контроля гаргулий, вампиры становились дикими и начинали убивать людей, они не могли. Сам я приписывал это некоему мысленному воздействию на них гаргулий, возможно, гипнозу. В детстве это меня не интересовало, а потом спросить было уже не у кого. Но запах — интересная версия.

— Это не версия, это факт. Мы все испытали это на себе, — серьёзно сказал Карлайл. — Запах Энжи и её кровь стали для нас спасением, заглушив боль, с которой мы жили долгие века.

— Кровь! — взвился Джейми. — Что вы имеете в виду? Дани, вампиры пили твою кровь?!

Последние слова прозвучали как настоящий рёв. В ту же секунду огромная гаргуля в полной «боевой выкладке», с распахнутыми крыльями, стояла посреди гостиной, едва помещаясь в ней. Ещё мгновение — и она набросится на беззащитных вампиров.

— Вы пили кровь моей дочери?!

Спрыгнув с колен Эдварда, я моментально обратилась, краем сознания отметив, что Дэн остался в человеческом облике, хотя тоже встал, настороженно переводя глаза с Калленов на Джейми и обратно. Встав напротив взбешённого гиганта, я ткнула его кулаком в живот, топнула ногой и заорала.

— Немедленно прекратите размахивать крыльями. Разобьёте хоть одну вазу Эсми — будете искать такую же, а это антиквариат! И это приличный дом, в нём не рычат! Хочется попсиховать — вон лес, вперёд, ломайте, крушите, не жалко. А здесь, будьте добры, вести себя как следует, вы тут в гостях!

Огромная ошеломлённая гаргуля молча отступала перед беснующейся крохой. Со стороны это, наверное, выглядело забавно, но мне смешно не было.

— Но они пили твою кровь! — уже более спокойно, но всё ещё возмущённо, увещевал меня Джейми. — Это непростительно!

— Моя кровь! — я снова врезала ему в живот, выше не доставала. — Кому хочу (удар), тому даю (ещё удар). И не перед кем отчитываться не собираюсь!

И, напоследок — пинок по лодыжке. Мелькнула мысль — хорошо, что я так и не обулась, иначе очередным кроссовкам пришёл бы конец. Зато от обуви Джейми остались одни ошмётки, как, впрочем, и от футболки.

— Дани, прекрати меня бить! Я, в конце концов, твой отец, нельзя же так! — голос Джейми звучал примирительно, даже немного жалобно.

Но я была слишком зла. Как он посмел напугать мою семью?!

— Я этого не помню! И на данный момент единственный отец, которого я знаю — это Карлайл. А вы смеете на мою семью зубы скалить! Не позволю!

Джейми вновь обратился и примиряюще выставил вперёд ладони.

— Всё-всё, я больше ни на кого зубы не скалю, успокойся. Но Дани, когда я услышал, что вампиры пьют твою кровь... У меня перед глазами потемнело, я не сдержался.

— Вы произносите это так, словно они у меня кровь из шеи сосут.

— А разве нет?

— Конечно, нет! Мы в двадцать первом веке живём, в конце-то концов! Всё вполне цивилизованно. Я сдаю кровь, они её пьют. Из пробирки. Как лекарство. Там и нужно-то чуть-чуть всего. И вообще, это была моя идея, а Эдварда я и так еле заставила.

— Ты отказывался пить её кровь, парень? Почему? — Дэну, похоже, было по-настоящему любопытно.

Я оглянулась, чтобы удостовериться, что мои близкие не очень сильно испугались. Похоже, так оно и есть. Или они расслабились после того, как Джейми обратился, или больше всех здесь испугалась именно я. Конечно, заметно, что мужчины придвинули к себе своих женщин и даже частично задвинули их себе за спину, но и только. Никакого страха на

лицах я не заметила. Вот и хорошо, вот и славно. Пожав плечами, я тоже обратилась — зачем стоять тут пугалом, когда нет никакой опасности?

— Я считал это неправильным, сэр, — ответил Эдвард Дэну.

— Конечно, мы никогда не стали бы кусать Энжи. Она же член нашей семьи. — Это уже Карлайл обращался к Джейми.

— Тем более что кровь у Кнопки невкусная, — встрял Эммет.

— Лекарство вкусным не бывает! — кажется, я это ему уже говорила.

Потом я обратилась к Джейми.

— А даже если бы и пришлось меня кусать, что здесь особенного? Если это в качестве лечения и с моего согласия? Вот если бы вы, например, могли своей кровью лечить кого-то из близких, неужели бы не сделали этого?

— В точку! — хмыкнул Дэн. — Ты подловила его, детка. Твоя мама регулярно пьёт его кровь. В качестве лекарства. Из стакана, конечно. Она всё же человек.

— Она больна? — я не помнила свою родную мать, но всё равно заволновалась.

— Нет, она здорова. Более чем. А кровь мою пьёт просто для профилактики, так у нас принято.

— Всё интереснее и интереснее. Но, опять же, повторяюсь — если бы это было нужно, я бы не возражала, если бы моим родным пришлось бы меня кусать.

— Я никогда не стал бы этого делать. И другим не позволил бы, — твёрдо заявил Эдвард. Я вернулась к нему и свернулась клубочком у него на коленях.

— Ничего в этом страшного нет. Ну, правда. Только чешется потом немного, вот и всё.

— Чешется? А ты откуда знаешь? Ты же говорила, что тебя не кусали? — подозрительно прищурился Джейми.

— Может, хватит уже, а? Сколько можно, в конце-то концов?! Карлайл же рассказывал, что пытался меня обратить, когда я, смертельно раненная, бухнулась ему под ноги. И как, по вашему мнению, он должен был это сделать? Таблетку мне дать? Заклинание надо мной прочитать? Станцевать ритуальный танец? Конечно же, он меня укусил, другого метода пока не изобрели. Но ради моего же спасения!

— Малышка, успокойся. — Эдвард нежно погладил меня по спине. — Твой папа просто о тебе волнуется, не нужно сразу на него нападать.

— А чего он! Можно подумать, они нашли меня здесь, всю такую измождённую, измученную, покусанную и обескровленную. Подумаешь, я вам капельку своей крови дала, что в этом такого уж страшного?

— Мне ведь это тоже не нравится, так что я прекрасно его понимаю.

— Кстати, даже и не думай отвертеться от завтрашней порции. И от послезавтрашней. И вообще!

— Как скажешь, малышка, как скажешь.

— Ладно, пока эта парочка воркует, может, вы продолжите свой рассказ? А то остановились на самом интересном месте, — сказал Эммет.

— Что ж, вроде все утихомирились. Тогда продолжу. Итак, какое-то время среди гаргулий жил всего один вампир. Они его опекали, обучали, изучали — куда ж без этого.

— До чего знакомо звучит, — едва слышно шепнула я на ухо Эдварду, стараясь не прерывать рассказчика. Но, заметив, что Карлайл понимающе взглянул на нас и усмехнулся, я поняла, что меня всё же услышали. Но ведь действительно, аналогия просто бросалась в глаза!

— В итоге выяснилось, — продолжал свой рассказ Дэн, — что хотя вампир и уступал гаргульям по всем параметрам, но в целом, физически, он почти от них не отличался. И тогда кому-то из гаргулий, а напомним, среди них были одни только мужчины, пришла в голову идея, которая просто витала в воздухе — если они точно так же обратят кого-то из человеческих женщин, то смогут получить подруг, которых можно будет хотя бы обнять без опаски раздавить.

— Отличная идея. Не представляю, как они тысячу лет без женщин вытерпели? — пробормотал Эммет.

— Для них прошёл лишь год, не забывайте. Но да, это было сложно. В общем, обсудив всесторонне эту ситуацию, они решили попробовать. Конечно, обращать разрешалось только тех женщин, кто пошёл бы на это добровольно. Но найти таких, в принципе, было не сложно. Перед глазами был образец — за прошедшие полсотни лет с момента обращения, первый вампир не постарел ни на день, он был здоров, красив, силен. Кто устоит перед подобной перспективой? А принять гаргулью в качестве спутника жизни, в то время, когда женщины ценились меньше, чем скот, когда их без права выбора отдавали за грубых звероподобных мужланов, а впереди их ждал только тяжёлый беспросветный труд, постоянные беременности и роды, колотушки мужа да ранняя смерть — так ли уж это сложно?

Конечно, бывали и среди тех мужчин исключения, но в целом картина оставалась весьма мрачной. На этом фоне вежливые, заботливые, воспитанные мужчины, относящиеся к женщине с уважением и предлагающие вечную жизнь без тягот, страха и боли, были более чем привлекательной альтернативой. Кто при этом станет обращать внимание на крылья или когти такого мужчины, если когти он использует, чтобы защитить подругу от всех возможных врагов, а крыльями готов укрыть от любых невзгод? В общем, в течение пары сотен лет, подруг себе нашли больше половины гаргулий. Обращение было уже неплохо отлажено — ведь в экипаже было целых три «ядовитых» гаргульи. Нашли подругу даже тому, первому вампиру. Их жёны никогда не пробовали человеческой крови. Находясь рядом со своими мужьями, они не испытывали жажды и потребности убивать людей. И глаза у них через несколько месяцев после обращения из красных становились золотистыми. Всё было хорошо, все были, в общем-то, счастливы. Но потом начались проблемы.

Глава 22. Откуда взялись вампиры. Часть 3.

Всё было хорошо, все были, в общем-то, счастливы. Но потом начались проблемы.

Ситуация вышла из-под контроля. Гаргульи ослабили надзор и разрешили некоторым своим женщинам появляться среди людей в одиночку. До этого они всегда сами их везде сопровождали, но за прошедшие десятилетия стали им больше доверять.

— Они позволяли вампирам появляться среди людей? — удивился Карлайл.

— А почему бы и нет? Конечно, не перед всеми, а только перед жителями тех поселков, с которыми веками поддерживали контакт. Для тех людей сами гаргульи стали уже чем-то привычным, хотя и загадочным, почти божественным. В те времена люди проще относились ко всему сверхъестественному. А уж женщины, выглядевшие так же, как и люди, только очень красивые, тем более вполне вписывались в их мироосознание. Это не были постоянные контакты, но всё же, довольно регулярные. И женщины могли общаться со своими родными, пока те были ещё живы, да и с их потомками тоже. Так что ничего особо странного в том, что жёны постепенно стали более свободны в своих передвижениях, не

было.

— Они начали пить кровь людей? — кажется, Джаспера это ни капли бы не удивило.

— Нет, конечно же, нет. Это было табу, самый сильный запрет в их жизни. И хотя, пока они были вдали от мужей, их одолевала жажда, но они успешно с ней справлялись. Вы же ведь тоже как-то справлялись с ней до появления Дани, верно? Конечно, не все хотели испытывать муки жажды взамен на свободу передвижения. Часть женщин вообще не видели в этом какой-то необходимости, им было комфортно рядом с мужьями, а те никогда не отказывались сопроводить своих жён к родным. Однако, некоторым всё же хотелось какого-то личного пространства — ведь все люди разные. Но человеческую кровь никто из них не решался даже попробовать. Дело не в этом.

— Тогда в чем?

— В очередной цепочке случайностей. Одна из женщин-вампиров решила навестить своих близких, впервые с момента обращения. Она была обращена всего пару десятилетий назад, поэтому у неё был реальный шанс застать в живых всех своих родных. И надо же было такому случиться, что именно накануне этого дня её брата на охоте покалечил вепрь. Смертельно покалечил, среди прочего — распоров ему клыками живот. И в момент появления сестры, он умирал в страшных муках. Это был её любимый младший брат, которого она когда-то нянчила. И она должна была наблюдать его страшную, мучительную, нелепую смерть! По рассказам мужа она знала, что первый вампир при обращении был исцелён примерно от такой же раны. А ещё она знала, что тоже ядовита — это выяснилось, когда кто-то из вампиров недопил какую-то зверюшку, и та тоже обратилась. И тогда она решила на то, что вампирам было строжайше запрещено — она решила сама обратить своего брата!

Она унесла его в лес, подальше от людей, чтобы своими криками он не привлекал к себе внимания. Там, в лесу, она его и обратила. А когда он переродился, она совершила ещё один роковой поступок. Боясь сознаться в содеянном мужу, который, скорее всего, пожалел бы брата своей любимой жены и взял бы его под опеку, она велела брату бежать как можно дальше. И как ни дик и необуздан был тот новорожденный вампир, остатки самосохранения заставили его бежать, бежать, куда глаза глядят. И, будучи далеко, лишённый сдерживающего влияния гаргулий, он в полной мере проявил свой вампирский характер. Подгоняемый жаждой, он начал убивать людей.

Это сейчас, в двадцатом веке, начни вампир открыто убивать — пошли бы слухи, новость мгновенно облетела бы весь свет и стала известна всем и каждому. Но в то время о событиях, случившихся даже в соседнем городе, гаргульи могли узнать только через несколько месяцев. А если он делал это скрытно, убивал одиноких путников и прятал в лесу их тела? В общем, гаргульи весьма не скоро обо всём узнали.

Дальше пойдут предположения того, как развивались события, точных данных нет. Скорее всего, через какое-то время этот вампир-отщепенец затосковал в одиночестве и создал компанию себе подобных. Те тоже наделали себе кто армию, кто гарем, и пошло-поехало. Когда это превратилось в стихийное бедствие, и человечество, бесконтрольно уничтожаемое, было на грани исчезновения, в дело вступили гаргульи. Понимая, что само по себе всё это начаться не могло, они провели дознание и нашли виновного. Точнее — виновную.

— Сильно ей досталось? — снова встрял Эммет.

— Нет. Гаргульи были хоть и строгие, но справедливые, и понимали, что намерения у

неё были благими, продиктованными любовью к брату. Да и кто на её месте не поступил бы так же? К тому же, она и сама давно раскаялась и мучилась виной за то, что натворила. Конечно, ей вменили в вину то, что она скрыла всё от мужа, позволив вампирам настолько бесконтрольно размножаться, что промедли гаргульи ещё немного — от людей остались бы лишь воспоминания. Особо её не наказывали — чувство вины за содеянное стало для неё и так достаточно суровым наказанием. Но спасти человечество было необходимо. И тогда гаргульи ступили на тропу войны. А так же наложили строжайшее и бескомпромиссное табу на создание новых вампиров. Дальше, вы, по-видимому, знаете.

— Да уж, что было дальше нам очень хорошо известно. Легенды об этом передаются вампирами из уст в уста тысячелетиями, — задумчиво произнёс Карлайл. — Я часто слышал их, когда жил среди Вольтури, а потом рассказывал своей семье. И в этих легендах гаргульи — самый страшный кошмар вампиров.

— Представляю, насколько вы были шокированы, когда обнаружили, кого же вы пригрели в своей семье, — усмехнулся Джейми. Он снял разодранную футболку и остатки обуви, и теперь остался в одних джинсах, словно снова был на поле боя.

— Да уж, шок действительно имел место. Особенно если учесть ситуацию, во время которой произошло её первое обращение, — кивнул Карлайл. — Но это быстро прошло. К тому времени Энжи уже пару месяцев жила у нас, и мы все успели её по-настоящему полюбить. Так что, для нас это было уже не важно. К тому же, в тот момент она нам всем жизнь спасла. Так не все ли равно, что у неё есть крылья или когти, — он явно намеренно процитировал Дэна, — если эти когти и крылья защитили нас от врагов.

— И что же это была за история такая, что Дани обратиться пришлось? Причём, как я понимаю, спонтанно?

— Да уж куда спонтаннее. Она прямо в прыжке обратилась. У меня просто челюсть отпала: только что рядом была наша Кнопка — и вдруг на её месте появилась летучая мышка на стероидах, — захихикал Эммет.

Я улыбнулась, пытаюсь представить эту картину со стороны. Да, теперь уже можно улыбаться воспоминаниям, но тогда мне смешно не было. И позже тоже. Ещё не скоро после того момента мне довелось улыбнуться.

— Что же, видимо, теперь моя очередь рассказывать долгую историю, — сказал Карлайл. — Потому что рассказ мой тоже начнётся издалека.

— Ты не проголодалась? — заботливо поинтересовался Эдвард. — Рассказ будет долгий. Может, принести тебе что-нибудь с кухни?

Услышав слова Эдварда, Дэн встал, молча прошёл к журнальному столику, на котором они с Джейми оставили принесённые с собой вещи, про которые я уже и позабыла, взял оттуда пакет и так же молча поставил мне на колени, после чего сел обратно на своё место. Я заглянула в пакет и расплылась в довольной улыбке — он был доверху наполнен шоколадными батончиками.

— Спасибо большое, — пробормотала я, роясь в этом изобилии и набирая полную пригоршню лакомства. Поводив зажатыми в горсти батончиками перед Калленами, я радушно поинтересовалась:

— Кто-нибудь хочет? — и удовлетворённо констатировала. — Никто не хочет! — после чего начала с чистой совестью разворачивать шоколадку.

— Да, семейка тебе досталась прямо-таки идеальная, — покачал головой Джейми.

— Конечно. Никто из нас не претендует на её вкусняшки, — вспомнил когда-то

сказанную мною фразу Джаспер.

— Вот уж за что Дани готова была биться до последней капли крови. Чем угодно поделится, последнее отдаст, но попробуй тронуть её батончики — руку откусит!

— Были прецеденты? — живо поинтересовался Эммет. Я застыла с набитым ртом. Неужели?..

— Я образно, — покачал головой Дэн. Мне показалось, или Эммет облегчённо выдохнул. Поскольку он при всём желании физически не смог бы съесть мои конфеты, чего ему бояться-то?

— Зря вы так, — в очередной раз вступился за меня Эдвард. — Конечно, в нашей семье ей не нужно с кем-то делиться едой, но, насколько мне известно, она регулярно подкармливала одного оборотня, в том числе и шоколадными батончиками. Может, она их и очень любит, но спокойно ими делится.

— Оборотня?! — в один голос воскликнули гаргульи.

— Я думала, что это собачка бездомная, — пожала я плечами.

— Ага, собачка. Размером с лошадку, — ухмыльнулся Джаспер.

— У нас здесь неподалёку живёт племя квилетов, некоторые представители которого становятся оборотнями, — объяснил Карлайл. — У нас с ними перемирие, а в данный момент мы даже стали кем-то вроде союзников.

— Это им я звонила там, на поле. Красноглазые могли представлять угрозу и для них тоже. Я решила, что должна их предупредить, чтобы оборотни были настороже и смогли бы защитить своё племя.

— Умеешь же ты заводить нестандартных друзей, доченька, — покачал головой Джейми.

— Я сама существо нестандартное. А подобное тянется к подобному. Мне комфортно в этом мире, где я могу быть собой.

— Может, всё же расскажете, что же там произошло у вас в первое превращение Дани? — вмешался Дэн. — Да и про оборотней хотелось бы поподробнее.

И Карлайл приступил к рассказу. Он рассказал, как создавал свою семью, так непохожую на остальных вампиров, как, приехав в Форкс в прошлый раз, встретил квилетских оборотней, как заключил с ними договор. Я вставила небольшой рассказ о своём собственном знакомстве с несчастной бездомной собачкой, такой умной, такой доброй. И кем эта собачка в итоге оказалась.

Потом Карлайл рассказал о том, что я уже слышала от Эдварда перед битвой с новорожденными — об Элис, Джеймсе и Виктории, обо всех событиях, что привели в итоге к нападению на нас новорожденных. И что произошло на поле, что именно нас спасло в тот момент, когда гибель казалась неизбежной. Здесь снова подключилась я и рассказала о своей жизни в лесу, о том, как я осваивалась в новом теле, о знакомстве с оборотнями и заключении своего собственного договора с ними. Потом «микрофон» перешёл к Эдварду — он коротко поведал о том, как с помощью моего нового-старого друга Рыжика смог найти меня. И снова заговорил Карлайл. О Вольтури, о жизни с ними и после них, о том, что предшествовало сегодняшним событиям. Когда он дошёл до появления на поле боя армии гаргулий, стояла глубокая ночь, и я с трудом держала глаза открытыми и пыталась зевать не очень откровенно.

— Невероятно, — пробормотал Дэн. — Ваша история покруче моей будет. Честно говоря, давно я никого не слушал с таким интересом.

— Вы рассказали нам, откуда взялись мы, вампиры, — вступила в разговор Элис. — А откуда же взялись вы сами? Ведь те гаргульи-инопланетяне не умели превращаться в людей. Или умели?

— Нет, не умели, конечно. Но это тоже довольно долгий рассказ — вы ведь захотите узнать подробности. А малышка Дани уже совсем спит.

Я вздрогнула и с усилием вытаращила глаза, хотя это требовало просто титанического усилия.

— Я не сплю!

— Конечно, нет, но уже третий час ночи и тебе давно пора в кровать, — ласково заворковал надо мной Эдвард. — А утром мы услышим продолжение истории. Когда ты выспишься и поешь!

Мне показалось, или он сделала ударение на последнем предложении, словно предназначено оно было не только мне? Гаргульи встали.

— Пожалуй, мы пойдём. И придём завтра попозже, чтобы Дани успела и выспаться, и поесть. — Дэн тоже сделал ударение на последних словах. Они с Эдвардом понимающе переглянулись. Джейми присел перед нашим креслом на корточки и взял меня за руку.

— Твоя мама очень хочет тебя увидеть. Она безумно соскучилась.

— Тогда пусть приезжает завтра вместе с вами. Мы даже удивились, что она сегодня не приехала. Решили, что она сейчас далеко, — ответил за меня Карлайл.

— Нет, она в Сиэтле. Но я не решился взять её сюда. Конечно, мы понимаем, что вы отказались от человеческой крови — достаточно взглянуть вам в глаза, — но я не хотел рисковать. Моя жена — человек. И по-человечески хрупка и уязвима. Я не могу подвергнуть её даже самой минимальной опасности. Извините.

— Я без Эдварда никуда не поеду! — надулась я. Ту маму мне, конечно, жалко, но я её не знаю. И, в любом случае, Эдвард мне дороже кого угодно на свете, любых родственников, как новых, так и старых.

— Мы всё понимаем и не обижаемся. Возможно, завтра, мы придём к какому-нибудь решению, — предложил Карлайл.

— Да, пожалуй, лучше всё обсудить завтра. Точнее, сегодня. Пойдём, Джейми.

— Сейчас уже очень поздно. Вы, наверное, слишком устали, чтобы вести машину, — заволновалась Эсми. — Кто-нибудь из мальчиков сможет вас отвезти.

Джаспер и Эммет дружно шагнули вперёд, предлагая свои услуги водителя — им очень хотелось покататься на этой огромной машине.

— Благодарю вас, мэм, — и Дэн галантно поцеловал Эсми руку. — За ваше гостеприимство, за чудесный ужин и за ваше предложение. Но в этом нет необходимости. У нас есть другой, более быстрый «транспорт». И пока мы им пользуемся — мы абсолютно точно не уснём.

И он подмигнул мне, поскольку в этот момент я отчаянно зевала, рискуя свернуть челюсть. Эдвард встал, продолжая держать меня на руках.

— Спать-спать-спать, — бормотал он, направляясь к лестнице на второй этаж.

— погоди минутку, — остановила его я, и через его плечо взглянула на гаргулий. — Если вы полетите, значит, машина вам до утра точно будет не нужна?

— Вообще-то нет, — дружно ответили они, предварительно недоумённо переглянувшись.

— Не возражаете, если мы немного на ней покатаемся? — я сделала умильные глазки,

насколько это вообще было возможно, учитывая, что я с трудом держала их открытыми.

Джейми достал ключи из кармана и кинул мне. Разумеется, я их поймала. Какой бы сонной я не была — рефлексы меня не подводили. А поймав — тут же швырнула в сторону братьев. Джаспер схватил их первым, и они оба рванули из дома.

— Десять кругов вокруг дома! С каждого! — крикнула я им вслед.

— Договорились! — послышался голос Эммета, после чего взревел мотор «Хаммера» и вскоре затих вдали. Гаргульи вопросительно смотрели на меня, абсолютно симметрично подняв правые брови.

— Кто-то любит кататься на машинах, а кто-то на «лошадках». И все довольны, — объяснила им я, после чего уронила голову на плечо Эдварда, закрыла глаза и забормотала. — Всем спокойной ночи. Я сплю...

Через секунду Эдвард уже укладывал меня в постель, а в следующую — влажным полотенцем обтирал мои ноги. Конечно, я же полдня босиком ходила. Всё остальное подождёт до утра.

— Гмм... — послышался снизу голос Джейми. — Я правильно понял — они в одной комнате спят?

— Да, — подтвердил Карлайл. — Но вы не волнуйтесь. Всё совершенно невинно. Во-первых, мой сын — джентльмен. А во-вторых — мы же все дома. И всё слышим. Так что ваша дочь в полной безопасности во всех смыслах.

— И потом, только Эдвард может прогнать кошмары Энжи. Больше никто, — подхватила Элис.

— Успокойся, Джейми, — голос Дэна стал удаляться. — Ты же сам понимаешь — их уже не разлучить. А мальчик ей достался славный, даром что вампир.

— Да всё я понимаю. Но спросить-то я мог?

Голоса затихли. Видимо, гаргульи улетели. Кстати, мне кажется, я догадалась, что за голоса я слышала во сне. Думаю, мои «кошмары» ко мне больше не вернуться. Эдвард скользнул в постель и набросил на нас покрывало. Я тут же привычно устроилась у него на груди. Вернутся кошмары или нет — не важно. Только рядом с Эдвардом, на его груди, я могу спать спокойно, ведь пока я сплю — он рядом, а значит — в безопасности. Почувствовав его губы на своей макушке, я довольно улыбнулась и провалилась в сон.

Глава 23. История Дэна. Часть 1.

Первое, что я услышала, проснувшись, было едва слышное шипение двух голосов:

— Только попробуйте её разбудить!

— Уже почти полдень. Сколько можно спать?

— Столько, сколько нужно. У неё был тяжёлый день, она совершенно измотана.

— Парень, ты что-то путаешь. Моя дочь просто физически не способна уставать.

— Устать можно и морально. На неё столько вчера свалилось, включая вас! Она же не каменная! И нервы у неё не железные. Так что, идите и играйте дальше в карты с Джаспером. А Энжи пусть спит. Дайте ей выспаться.

— Мы торчим здесь уже три часа.

— У вас, кажется, впереди вечность? Думаю, ещё часок потерпите.

— У моей жены нет этой вечности. А она хочет увидеть, наконец, свою дочь!

— Ладно, в любом случае, вы её уже разбудили. Сейчас она встанет.

Ещё как встану! Я ракетой вылетела из постели и рванула в ванную, бросив на ходу:

— Уши заткнули! Оба!

В одном аспекте я порой очень завидовала вампирам. Я сидела на унитазе, возвращая природе почти суточную норму отработанных веществ, и во весь голос распевала «Мы — чемпионы» группы «Квинн». За прошедшее время я практически перестала стесняться Калленов, но появление в доме двух посторонних мужчин, по совместительству бывших моими ближайшими родственниками, и тоже имеющих суперслух, в такую минуту меня несколько напрягало.

Когда я вышла из ванной, Эдвард уже встал и даже переоделся. Джейми, всё ещё торчащий в нашей спальне и занимавший, казалось, половину свободного пространства, поднял глаза от моего жёлтого слонёнка, которого вертел в руках, и вопросительно поднял бровь:

— «Мы — чемпионы»?

— Слишком много ушастых вокруг, — буркнула я и нырнула в гардеробную, где быстро схватила комплект свежей одежды. Пробегая обратно в ванную, я бросила в пространство. — Неприлично вторгаться в чужую спальню без приглашения.

Уже стоя под душем, я услышала голос Джейми:

— Она права. Пойду-ка я, пожалуй. Кстати, теперь-то хоть можно телевизор включить и не ходить на цыпочках, чтобы принцессу не разбудить?

— Теперь можно, — усмехнулся Эдвард.

Выйдя из ванной и обнаружив в спальне лишь Эдварда, я тут же бросилась в его гостеприимно распахнутые объятия. При родственничках пришлось на время воздержаться от поцелуев, и я соскучилась. Минут через десять Эдвард неохотно отстранился.

— Пойдем-ка лучше вниз, а то там уже поисковую экспедицию снаряжают.

Вся семья, а так же двое гостей, собрались в просторной кухне. В этот раз на Джейми была простая белая рубашка-поло, а на Дэне — ярко-желтая футболка с надписью: «Если хочешь поцеловать меня — просто улыбнись!» Представляю, с какими каменными лицами мимо него проходили мужчины.

Широко улыбаясь, я поманила его, чтобы наклонился, и чмокнула в гладко выбритую щеку.

— А меня? — несколько обиженно спросил Джейми.

Поцеловала и его.

— А меня? — в тон ему дурашливо протянул Эммет, с трагической миной на лице протягивая ко мне руки. Расхохотавшись, я перецеловала всю семью, включая Эдварда. Причем Эдварда, в отличие от остальных, я поцеловала в губы, после чего вызывающе глянула на гостей. А те никак на это не отреагировали. Вообще никак! Ну и славно.

Эдвард усадил меня за стол и привычно взялся за приготовление плотного завтрака, ловко управляясь сразу с тремя сковородками. Я поняла, почему все собрались именно здесь — чтобы, не теряя времени, послушать продолжение рассказа Дэна. Передо мной появилась первая порция омлета, я принялась за еду, а мой дедуля приступил к рассказу.

— Сделаю очередное отступление — расскажу о ещё одной особенности гаргулий. Вот у людей есть поговорка — «найти свою вторую половину». Но смысл, который они в эту фразу вкладывают, весьма далек от того, как эти слова звучали в устах гаргулий. У их вида была одна особенность — они находили свою половину в самом прямом смысле этого слова. Лишь двое на всей их планете предназначались друг другу. И когда они встречались — это было уже навсегда.

Только у такой пары, предназначенной друг другу, рождались дети. Слова «их свела судьба» — из той же серии. Как вы знаете, жизнь гаргулий была очень долгой. И они могли многие тысячелетия ждать свою пару. Разница в возрасте могла быть огромной, любая из половинок могла быть старше. Но когда вторая половинка появлялась — то пара всегда находила друг друга. На некоем подсознательном уровне они стремились друг к другу. Их неосознанно влекло поехать куда-нибудь, что-то сделать, изменить. И в итоге это всегда приводило туда, где эти двое совершенно случайно встречались. Они узнавали друг друга моментально — потому что такое чувство спутать было невозможно ни с чем. И эти пары оставались вместе на всю оставшуюся жизнь.

Но до того, как истинная пара встречалась, а это, повторюсь, порой происходило очень и очень не скоро, практиковались так называемые «временные браки». Когда два одиноких существа образовывали союз, основанный на дружбе, симпатии, даже влюбленности. И оба понимали, что всё это лишь временно, пока один из них не найдет свою истинную пару. Или пока им просто не надоест быть вместе. Всё это очень напоминало современные отношения между людьми, с той лишь разницей, что если в таком временном союзе сожителям хотелось разойтись — они расходились, поскольку в их браке не было основной скрепляющей силы — детей. Истинные же пары не распадались никогда, поскольку супруги не видели своей жизни вдали друг от друга, и с годами эта потребность не ослабевала.

Я взглянула на Эдварда. У меня было такое чувство, словно Дэн рассказывает сейчас о нас с ним. Ведь мы с самого первого взгляда и прикосновения поняли, что связаны навеки. Просто не понимали всей необратимости этого и старались скрывать свои чувства, даже бороться с ними. Я покачала головой. Сколько нервов можно было бы сохранить, сколько времени сберечь, услышь я всё это раньше. Хотя, я ведь слышала всё это раньше, уверена в этом, просто забыла.

Когда Эдвард поставил передо мной тарелку с оладьями, я встретила с ним глазами и поняла, что он думает о том же самом.

— Таким образом, — продолжил Дэн свой рассказ, — те вампирши, которых взяли в жёны гаргульи на Земле, были теми самыми «временными подругами». Найти здесь свою истинную пару никто и не надеялся.

Но вот однажды, когда с момента запрета на создание новых вампиров и расправой почти со всеми старыми прошла еще пара тысячелетий, случилось то, чего никто и предположить не мог. Однажды капитан корабля... назовем его Джоном, его истинное имя нам всё равно не выговорить. Так вот, прежде он практически никогда не удалялся от поселения гаргулий, считая своим долгом и здесь, на Земле, присматривать за своими подопечными, охранять их, защищать, ну и всё в том же духе.

Но однажды он решил зачем-то слетать в другой город, расположенный достаточно далеко от их поселения. Кстати, позже он так и не смог внятно объяснить, что конкретно ему там понадобилось. В общем — полетел. Дело было зимой, темнело рано, его никто не заметил. Скорость нашу вы представить можете — добрался он туда где-то за пару часов, то есть ночь ещё не настала. И обнаружил в городе странное оживление. Все люди толпами направлялись к главной площади. Заинтригованный, Джон отправился туда же. Он летел достаточно высоко, так что снизу на фоне темного неба его никто увидеть не смог бы. Особенно учитывая, что вся тогдашняя иллюминация заключалась в факелах в руках горожан.

И что же он увидел, подлетев к площади? Вся она была заполнена народом,

выкрикивающим всякие оскорбления, среди которых чаще всего звучала фраза «Смерть ведьме». А посреди всего этого беснующегося человеческого моря находился помост, на нём стоял огромный столб, к которому цепями была прикована хрупкая девушка с длинными рыжими волосами. Больше ничего рассмотреть было нельзя — её голова была опущена, словно она была без сознания, и волосы закрывали ей лицо. У её ног была сложена огромная куча хвороста, к которой какой-то человек в чёрном одеянии уже поднёс зажжённый факел. Ещё немного — и пламя бы охватило девушку. Но Джон успел вовремя.

— Он спас её? — словно зачарованная, пробормотала Элис. Я поняла, что давно застыла с набитым ртом и вилкой в поднятой руке, внимая рассказчику. Да и остальные не сводили с него глаз, даже неугомонный Эммет на этот раз не влезал со своими комментариями. История Дэна захватила всех.

— Конечно же, он её спас. Он не мог поступить иначе! Обычно гаргульи избегали людей и не вмешивались в их дела — считали, что не вправе мешать их истории и развитию идти своим чередом. Но здесь был явно не тот случай. В общем, Джон ринулся вниз, разорвал цепи и выдернул девушку из костра в самый последний момент — подол её платья уже загорелся. Но Джон потушил огонь до того, как бедняжка получила серьёзные ожоги. Он понес её в свой поселок — а куда еще? Больше нигде она не была бы в безопасности. В тот момент девушка была совершенно измучена как физически — сами можете вспомнить из истории, как именно «тестировали» «ведьм» на предмет продажи ими своей души дьяволу, — так и морально. Боль от ожогов, которые она всё же успела получить, заставила её очнуться, но совсем ненадолго. У девушки едва хватило сил взглянуть на своего спасителя, и она снова потеряла сознание. Но одного взгляда в её огромные зелёные глаза Джону хватило, чтобы понять — он держит на руках свою истинную пару, ту, что предназначена ему судьбой.

— Одно прикосновение, — пробормотала я. — Один взгляд в глаза. И всё становится ясным...

— Да, — кивнул мне Джейми. — Всего лишь один взгляд и одно прикосновение. Тебе ведь тоже это знакомо?

— Ещё как знакомо. Только жаль, что всего этого я не знала раньше — проблем было бы меньше.

— Неужели Джон действительно нашел свою пару в земной девушке? — потрясённо покачал головой Карлайл.

— Да. Вот такой выверт судьбы. У неё было странное чувство юмора. Я про судьбу.

— И что было дальше? Джон обратил её? Ну, не сам Джон, но вы поняли. Она стала вампиром? — конечно же, Эммет не смог молчать долго. Но, в принципе, он озвучил вопрос, который интересовал всех нас.

— Нет, — покачал головой Дэн. — Не забывайте про табу. Вспомните, Джон был их командиром. Он не мог сам нарушить закон, преступать который запрещал своим подчинённым. Это было абсолютно невозможно.

— А как сама девушка ко всему этому отнеслась? — поинтересовалась Эсми.

А ведь действительно, как? Это сейчас передо мной сидят два обалденно-красивых мужчины. На них, наверное, женщины гирляндами вешаются. Но ведь Джон-то был другим. Каково было бы обычной девушке обнаружить, что она навсегда связана с... нечеловеком?

— Поначалу она была, вероятно, шокирована. Но в тот момент она была больна и измучена. А Джон выхаживал её со всей нежностью и заботой, какую только можно себе

вообразить. С добротой, которую она ни разу не встречала за всю свою предыдущую жизнь. И пока она выздоравливала — он был рядом. Заботился о ней, кормил, умывал, обрабатывал ее раны. И разговаривал с ней. Он рассказал ей о себе всё — от своей пары невозможно иметь секреты. Он рассказывал о своей планете, о жизни на Земле, в общем — обо всём. И если поначалу она и боялась его, то была слишком слаба, чтобы как-то это проявить. Ей приходилось принимать его заботу и помощь, и слушать его рассказы. К тому же не забывайте, он ей жизнь спас. В общем, к тому времени, как девушка поправилась, Джон стал для нее самым близким и необходимым существом на свете. На такую любовь и преданность невозможно не ответить.

— А имя у неё было? — спросила Розали. — А то вы все «девушка» да «она».

— Конечно, у неё было имя. Её звали Майри. Майри Кэмерон.

— Кэмерон? — от неожиданности я подавилась куском бекона и закашлялась. Эммет успел пару раз от души хлопнуть меня по спине, пока Эдвард не перехватил его руку.

— Но ведь Кэмерон — это ваша фамилия! — продолжил мою мысль Джаспер. — Это ведь не совпадение?

— Конечно, не совпадение, — улыбнулся Дэн. — Майри была моей матерью. А Джон — отцом. А поскольку у него не было фамилии в нашем понимании этого слова, то я ношу фамилию матери.

Какое-то время все потрясенно молчали, переваривая услышанное. Конечно, Джейми упоминал, что моя мама — человек, но он ведь и сам, как и я, большую часть времени был вполне человекообразным. Но если Джон был истинной гаргулей, той, что физически неотличима от вампира, даже ещё сильнее, то как? С человеческой девушкой?!

Видимо, такие же мысли вертелись не только в моей голове, но никто не решался их озвучить. Верно истолковав наше молчание и вопрос в глазах, Дэн усмехнулся.

— О, да, для них это было очень и очень непросто. Люди ведь такие хрупкие.

— Невероятно хрупкие, — кивнул Карлайл. — Я практически каждый день имею с ними дело. И не могу себе даже представить...

— Когда любишь по-настоящему, то преград не существует. Конечно, Джону пришлось нелегко. Но учтите, что он был вполне опытным мужчиной, а не безусым юнцом. На родной планете у него были женщины. Так что он понимал, как именно нужно обращаться с любимой. Не стану грузить вас подробностями интимной жизни моих родителей, скажу лишь, что при известном самоконтроле со стороны мужчины, даже в подобных семьях всё складывается вполне гармонично.

Мне пришло в голову, что даже в своем человеческом облике Джейми всё равно ведь невероятно силён. И если его жена — человек, то он столкнулся с той же проблемой, что и Джон в свое время. Не в таком масштабе, конечно, но всё же. Тут до меня дошло, что я обдумываю интимную жизнь собственных родителей. Нет, ничего не хочу знать и даже предполагать! Меня принес аист! Я уткнулась в стакан с соком, надеясь, что никто не заметит моих пылающих щёк.

— Но я всё равно не понимаю, — покачал головой Карлайл. — Неужели остальные не поняли бы своего командира, если бы он всё же нарушил табу. Всего раз. Это же был явный форс-мажор.

— В каком-то смысле, это моя вина. Видите ли, Джон начал обдумывать это с самого начала. Он понимал, что человеческая жизнь очень коротка и хрупка. Но такие вещи, как попрание тысячелетнего табу, вот так просто не происходят. А к тому времени, как он

обсудил ситуацию со своими соратниками, пока было принято общее решение о нарушении табу — а нужно было дождаться всех отсутствующих на тот момент гаргулий, ведь подобное решение должно было быть принято только единогласно, — пока он подготовил к этой мысли Майри — прошло некоторое время. Не особо долгое, всего каких-то несколько месяцев, просто секунды, по меркам гаргулий, но этого хватило.

— Для чего?

— Для меня, — улыбнулся Дэн. — Хотя в мире Джона именно в таких семьях появляются дети, он на такое даже и не рассчитывал. Одно то, что он нашёл свою пару среди людей, то есть, в сущности, среди другого вида — уже одно это было чудом. Но самую возможность появления ребёнка в таком межвидовом браке он даже и предположить не мог. Однако же, второе чудо произошло — моя мать забеременела. Не настолько они оказались разными, их виды. И, конечно же, ни о каком обращении теперь уже речи не шло — это могло просто-напросто убить зародыш, как нечто вредное для организма. Как яд устранял всякие раны и болезни, так мог устранить и меня. Знаете, был момент, когда отец даже подумывал об этом — он безумно испугался за мою мать. Для человека выносить ребёнка от гаргульи могло быть смертельно опасно. Если бы я изначально был физически таким же, как мой отец — я мог просто поломать маму изнутри.

— Но ведь этого не произошло? — спросила Эсми. — Или?..

— Нет, всё было хорошо. Как ни странно, беременность её ничем не отличалась от обычной, человеческой. Конечно, все «прелести» этого состояния она испытала сполна, как и любая другая женщина, но ничего особо сверхъестественного не было. И в положенный срок родился я.

— Просто поразительно! — в очередной раз покачал головой Карлайл. — Но вы сказали, что не были физически таким, как ваш отец. А каким же вы были?

— Обычным. Как ни странно, я был, или казался, самым обычным человеческим младенцем. Потом, правда, выяснилось, что я никогда не болею. И я был несколько крупнее, сильнее и умнее других детей моего возраста, но всё в рамках, ничего особо выдающегося. Я был мягким, тёплым, спал, ел, плакал, пачкал пелёнки — в общем, если бы не был похож на отца, кое-кто мог бы подумать, что я обычный человеческий ребёнок, а моя мама была неверна мужу.

— Но так не бывает. Дети смешанных пар, полукровки, наследуют черты обоих родителей, и не только внешние. Так происходит и у людей, и у животных. Это закон природы.

— Я и унаследовал. Просто проявилось это иначе. А точнее — позже.

— А можно поподробнее? — Я, наконец, закончила завтракать, и могла полноценно участвовать в разговоре, не опасаясь подавиться. — А то я запуталась. Если физиологически вы на него не были похожи, то чем же тогда?

Глава 23. История Дэна. Часть 2.

— *А можно поподробнее? — Я, наконец, закончила завтракать, и могла полноценно участвовать в разговоре, не опасаясь подавиться. — А то я запуталась. Если физиологически вы на него не были похожи, то чем же тогда?*

— Внешностью, — улыбнулся Дэн. — Не буду вас больше интриговать. Черты лица у меня отцовские.

— Но вы же сами сказали, что у них были неправильные, нечеловеческие лица?

— Это смотря что называть нечеловеческим. Даже среди людей есть много таких, чьи лица человеческими не назовёшь. Гаргульи тоже были разными. И черты лица Джона были довольно близки к человеческим, по крайней мере, уродливым его никто бы не назвал. А я очень похож на него. Просто у меня те же самые черты сглажены, очеловечены. Возьмём для примера Джейми и Дани. Любой, у кого есть глаза, скажет, что они невероятно похожи. Но какой-нибудь инопланетянин заметит больше сходства между Дани и Элис, например. Потому что мы, сравнивая Джейми и Дани, делаем поправку на то, что один — зрелый мужчина, а другая — девочка-подросток. Так и с моим отцом. Если сделать поправку на то, что он — истинная гаргулья, а я — человек, то в остальном сходство было невероятным. К тому же, глаза я тоже унаследовал от него.

— Да, я сразу заметила, какие невероятные у Энжи глаза, — закивала Элис. — Этот необычный цвет — я никогда такого у людей не встречала. И чёрные брови и ресницы при светлых волосах, учитывая, что и то и другое натуральное, тоже указывало на то, какая она особенная.

— Да, ещё одна наша странность. Из поколения в поколение, у всех нас синие глаза и чёрные брови и ресницы. Они наследуются от отцов, равно как и вся внешность в целом. И только волосы мы наследуем от матерей. Гены моего отца невероятно сильны и неизменно проявляются во всех его потомках.

— Тогда почему не наследуются волосы? Почему такая странная избирательность? — удивился Карлайл.

— А разве я не сказал? Гаргульи были лысыми.

У меня отпала челюсть.

— Нет, вы как-то упустили эту милую подробность, — усмехнулся Джаспер.

— Бедная Майри! — покачала головой Розали.

— Знаешь, Кнопка, — раздалось хихиканье Эммета. — А тебе крупно повезло, что ты унаследовала волосы своей мамы, а не лысину своего пра-пра... короче, Джона. Эдвард тогда вряд ли в тебя влюбился бы.

— Ничего ты не понимаешь, Эммет, — покачал головой Эдвард.

— Розали! — окликнула я сестру. — Если я обрею Эммета наголо, ты сильно расстроишься?

— Пожалуй, да. Мне слишком нравятся его кудри, а отрастают они невероятно медленно.

— Тогда не стану, так и быть. Но только ради тебя. Хотя он того заслуживает.

— Не настолько уж всё было печально, — обратился Дэн к Розали. — Да, у гаргулий не было пышных шевелюр, но это не выглядело особо ужасно. Просто они были другими, вот и всё. И Майри любила Джона за то, какой он был, а не за то, как выглядел.

— Не по хорошу мил, а по милу хорош, — закивала я.

— Опять она непонятно что бормочет, — проворчал Эммет.

— Она говорит, что любят не потому, что считают красивым, а считают красивым, потому что любят. И она права, — перевел для него Эдвард.

— Ты помнишь русский? — обрадовался Джейми.

— У меня проскальзывают иногда фразы. Я этого даже не замечаю, пока кто-нибудь это не отметит, вот как Эммет сейчас. Я вообще-то еще два языка знаю.

— Ты знаешь их гораздо больше. Просто русский — родной язык твоей мамы, вы обычно именно на нём разговариваете. И ей будет приятно, что ты его не забыла.

— Судя по тому, что сейчас вы именно на нём и общаетесь — не забыла, — улыбнулся Эдвард.

Надо же, а я снова не заметила, что перешла на другой язык. Я взглянула на Калленов. Кажется, кроме Эдварда нас понял только Карлайл. Не очень-то вежливо получилось. Я снова перешла на английский.

— Судя по всему, я забыла только то, что касается лично меня и моего прошлого. Все знания и умения остались при мне. Кстати, а в каком классе я должна была учиться?

— В одиннадцатом. Мы собирались дожидаться, когда ты окончишь школу, а потом переехать в другое место. Там бы мы снова отправили тебя в школу, в девятый, или даже в восьмой класс.

— Я сейчас в десятый хожу. Неудивительно, что мне так скучно на уроках.

— Привыкай! — хмыкнул Эммет. — Мы вот так, по кругу, уже раз по десять сходили. Школа, колледж, порой университет. А потом снова школа.

— Все равно, если бы я пошла сразу в одиннадцатый, я бы была в одном классе с Эдвардом. Нужно срочно сдавать экзамены экстерном и перебираться на класс выше. Вот прямо завтра и пойду в администрацию с заявлением. Да, прямо завтра.

— Не спеши так, малышка, — Эдвард, пододвинув стул, присел рядом со мной и привлек меня к себе. Я с удовольствием к нему прижалась. — Давай пока с текущими проблемами разберёмся.

— Ах, да. Нужно же будет навестить остальных моих родных. И прогулять при этом школу, что радует. Но без Эдварда я никуда не поеду, так и знайте! И если хоть кто-то попытается его обидеть...

Я нахмурилась и многозначительно посмотрела в глаза Дэна, а потом и Джейми, давая им возможность самим догадаться, какие репрессии с моей стороны последуют.

— Чтобы даже ни одного косога взгляда в его сторону. Так остальным и передайте! Вы можете, я знаю.

— Они и сами всё прекрасно слышат, — ухмыльнулся Дэн.

— Не переживай за меня, малышка, к косым взглядам мне не привыкать, — ласково улыбнулся мне Эдвард. Но меня зацепила фраза Дэна.

— Вы что, телетрансляцию в прямом эфире устроили?!

— А как же иначе? Все хотят видеть тебя, пусть и нашими глазами.

— Они все очень тебя любят, Дани. И безумно рады, что ты нашлась, целая и невредимая, — подхватил Джейми.

— И вы тоже ведете трансляцию? — Джейми кивнул. — Всё время?!

Ещё один невозмутимый кивок. Я почувствовала, как пылают мои уши, и попыталась спрятаться у Эдварда подмышкой.

— Мы — чемпионы! — замурлыкал Эммет, окончательно добивая меня.

— Эммет! — одернула его Эсми.

— А что такого? Просто песенка классная, — тот невинно пожал плечами.

— Ой, Дани, нашла, кого стесняться! — заулыбался Дэн. — Да большинство из них в свое время меняли тебе подгузники и мыли твою обкаканную попку.

Называется, утешил! Мне всё-таки удалось засунуть голову Эдварду подмышку, и я решила остаться там навсегда.

— Мужчины меняли подгузники? — удивилась Розали. — Как необычно.

— Ничего необычного, — пожал плечами Джейми. — Дети — это самое дорогое, что у

нас есть. Они бесценны, но при этом так хрупки и уязвимы. Поэтому обязанность по защите и охране нашего потомства лежит не только на родителях, а на всей семье. Если у какой-то пары рождается малыш — все холостые члены семьи по очереди оберегают, а заодно и нянчат малыша. Я сам в свое время заботился о младших кузенах и племянниках. А они теперь так же возятся с моими детьми. Точнее — с младшим сыном. Все остальные мои дети уже переродились и не требуют присмотра. По крайней мере, мы так думали. — В его голосе прозвучал лёгкий укор, явно адресованный мне.

— Почему только холостые? — поинтересовалась Элис.

— Потому что те, у кого есть жёны, остаются с ними. Они ведь тоже нуждаются в защите. И к тому же, так недолго остаются с нами. Мы научились замедлять их старение, но только замедлять. Сделать их бессмертными нам не под силу.

Тут мне пришла в голову мысль, заставившая забыть о смущении и вылезти из подмышки Эдварда.

— Вы сказали, что в поисках истиной пары гаргульи совершают странные поступки. Внезапные поездки, неожиданные решения — и всё это в итоге помогает им найти того, кто предназначен им судьбой? И что делают они это неосознанно, порой сами не понимая, зачем? Я вас правильно поняла?

— Да, верно, — кивнул Дэн, ещё не догадываясь, к чему я клоню.

Я гордо выпрямилась, насколько это вообще было возможно, сидя на табуретке, пригладила волосы, вставшие дыбом после визита подмышку к Эдварду, и обличающе ткнула пальцем сначала в Дэна, потом в Джейми.

— Тогда почему вы укоряете меня за мой глупый и необдуманный поступок, если в итоге я нашла Эдварда?

Секунд десять гаргульи, застыв, глядели на меня, явно поражённые моими словами. Такое объяснение моего побега из дома им и в голову не приходило. Первым очнулся Джейми.

— Она права, дед. Под таким углом мы на это не смотрели. Вспомни, куда меня самого занесло в поисках Насти.

— Ты полностью реабилитирована, детка! — кивнул Дэн. — Мы не вправе осуждать тебя за то, над чем ты не властна. Это была твоя судьба. Всё, что тебе пришлось пережить...

— Оно того стоило! — подхватила я, глядя в такие родные глаза Эдварда.

— Подождите-подождите! — не выдержал Карлайл. — Я правильно понял — вы научились продлевать своим жёнам жизнь? Но как такое возможно?

— Держу пари — всё дело в их крови, — ответил ему Джаспер. — Мы уже на себе испытали её волшебные, иначе не скажешь, свойства. И если она умудряется убить нашу жажду, то почему бы ей не продлить жизнь людям?

— Ты прав, парень. Именно наша кровь исцеляет наших жен и замедляет их старение. Но, к сожалению, это лишь временный эффект. Они всё равно смертны.

— А как вам удалось это всё обнаружить? И ещё — вы уже второй раз упомянули перерождение Энжи. Что это значит?

— Пожалуй, вернусь-ка я к своему рассказу, — решил Дэн. — И расскажу всё по порядку. Тогда вам всё станет ясно.

Итак, после моего рождения мама категорически отказалась обращаться в вампира. Во-первых, она кормила меня грудью, во-вторых, хотела, по её словам, испытать все радости материнства, не боясь случайно раздавить своего малыша. Позже она призналась мне, что

надеялась на ещё одного ребёнка, но не сложилось. В общем, обращаться она была согласна только вместе со мной. В итоге было решено дожидаться, пока я стану взрослым. Это не было для Джона особой проблемой — по человеческим меркам ему было лет сорок, а моей маме — только семнадцать. Так что, дожидаясь, пока я вырасту, она лишь приблизилась бы к мужу по возрасту, а яд при обращении исправил бы любые возрастные изменения или хворобы, которые могли у неё к тому времени возникнуть. И если бы случилось что-либо непредвиденное: смертельное ранение или болезнь — он успел бы обратиться к ней и этим спасти. Точнее — кто-нибудь из тех, у кого был яд, а таких в посёлке было почти два десятка. Так что, никаких объективных причин для её немедленного обращения не было. Конечно, для отца было бы проще, если бы мама сразу стала вампиршей, чем оставалась хрупким человеком, но раз таково было её желание — он согласился, поскольку ради неё был готов на всё. Что для него были какие-то пятнадцать-двадцать лет в сравнении с ожидающей их вечностью. Если бы он только знал...

Дэн замолчал и, прикусив губу, уставился в пространство. Казалось, что мыслями он сейчас далеко отсюда. Мы тоже молчали, никто не хотел прерывать его. Наконец, Джейми ободряюще сжал его плечо. Словно очнувшись, Дэн обвел нас глазами, похлопал по руке Джейми, словно говоря, что с ним всё в порядке и продолжил свой рассказ.

— Итак, мы с мамой остались людьми. Моё детство было счастливым, просто идеальным. Мои родители обожали меня и друг друга. Я был единственным ребенком в поселении, и все его обитатели опекали и всячески баловали меня. Я мог совершенно спокойно бродить по окрестностям — никакая опасность мне не грозила. Во-первых, где бы я ни был — несколько гаргулий и вампиров скрытно следили за мной, давая мне ощущение свободы, но при этом охраняя от любой опасности. Во-вторых, мне, в принципе, мало что могло там угрожать. Дело в том, что для своего поселения гаргульи выбрали совершенно неприступное место.

Это была небольшая долина, окруженная высокими горами по всему периметру. Было в неё несколько проходов, но обосновавшись там, и перегнав туда стада овец и коров, гаргульи устроили несколько обвалов и запечатали практически все проходы. Остался лишь один, тайный ход. Знающий его человек мог спокойно по нему пройти, а незнающий — никогда бы его не нашёл. Самим гаргульям он был не нужен, сами понимаете, для них горы не были преградой, но этот проход пригодился позже их женам. Преодолеть гору и для вампиров не было особо сложно, но так было быстрее и удобнее, поэтому-то проход и оставили. А когда появились мы с мамой — отец укрепил, очистил и ещё больше замаскировал проход. Именно по нему я и удирал порой к своим друзьям, абсолютно уверенный, что делаю это скрытно и незаметно. Отец не хотел, чтобы я рос в золотой клетке, поэтому давал мне максимальную свободу, точнее — её иллюзию. Но мне хватало и этого.

Я часто встречался с ребятами из соседнего, человеческого поселка — сначала меня отводил отец или мама, чаще — оба сразу, потому что я практически никогда не видел их по-отдельности. А когда я подрос — стал бегать к друзьям сам. Мы вместе играли и дрались, бегали за ягодами и на рыбалку, а когда подросли — учились сражаться на мечах и охотиться. В общем — обычные мальчишеские забавы. А ещё у меня была особая связь с отцом, только у нас двоих. С самого моего рождения мы могли обмениваться мыслями. Больше никто этого не мог, только мы. Позже отец рассказал, что на его планете такая связь образуется между кровными родственниками. Передача мыслей и зрительных образов на расстоянии была нужна для лучшего выживания. Впрочем, вчера я вам об этом уже

рассказывал, не стану повторяться. В общем, я был счастливым ребенком. Ничего не предвещало беды. А потом все рухнуло в одночасье.

— Но что же случилось? — не выдержав, воскликнула я. Кто или что могло представлять угрозу для суперсильных и неуязвимых гаргулий? Моего воображения не хватало, чтобы представить это.

— А случилось то, чего все ждали долгие тысячелетия, и уже, в принципе, ждать перестали. За гаргульями прилетели с их родной планеты. Вначале казалось, что всё будет хорошо. Никто не возражал, чтобы они забрали с собой свои семьи. Даже первого вампира готовы были принять с распростёртыми объятиями — всё же, это было нечто новое, невиданное и, по-видимому, представляющее особый научный интерес. Отец решил срочно обратиться к маме — в нашем человеческом состоянии мы не пережили бы полёт — перегрузки, недостаток кислорода, да мало ли какие ещё могли возникнуть проблемы у людей на космическом корабле, приспособленном под нужды гаргулий. Или вампиров, разницы особой не было. Отцу дали неделю, после чего в приказном порядке велели быть на корабле. И вот тут начались проблемы.

Кажется, я уже догадалась — какие. У Карлайла ведь тоже в своё время ничего со мной не получилось.

— Ты не обратился, — это был не вопрос. Я даже не заметила, что перешла на «ты». Дэн воспринял это как должное.

— Да, я не обратился. Мама настояла, чтобы меня обратили первым. Словно предчувствовала что-то. В итоге — ничего. Меня перекусали все ядовитые гаргульи и несколько вампиров — никакого эффекта. Это было, конечно, больно, я потерял порядочно крови, ведь в то время практически ничем от человека не отличался, но ничего не происходило. Кончилось тем, что мама запретила дальнейшие попытки, пока меня случайно не убили. Когда стало понятно, что обратиться не получится, а значит, и полететь на планету отца я буду не в состоянии, она сама категорически отказалась обращаться. Раз уж никуда не полечу я — значит, и она останется здесь, на Земле, со мной. И, конечно же, отец тоже решил остаться. У него и мысли не возникло оставить нас здесь одних. Когда, спустя неделю, прилетел шатл — сам корабль был слишком велик и оставался на орбите, — отец так и сообщил приехавшим за нами, что никуда не полетит.

К сожалению, у них на него были иные планы. Как оказалось, мой отец был не просто капитаном небольшого военного корабля — не такая уж и важная, в принципе, должность. Он, на свою беду, был единственным сыном очень большой шишки, на тот момент бывшей кем-то вроде маршала или командующего флотом. Когда такой человек отдаёт приказ, генералы берут под козырёк. А он приказал не только отыскать его сына, но и вернуть его домой. Любыми средствами. Думаю, имелось в виду преодоление любых преград в поисках, отказ сына вернуться мой дед, наверное, и предположить не мог. Но солдафоны на спасательном корабле не вникали в такие тонкости. У них был приказ, нарушение которого могло стоить им в лучшем случае карьеры. Поэтому отца просто-напросто скрутили и силой уволокли на корабль. Он пытался сопротивляться, но силы были не равны. Его экипаж ничего не мог поделать — на том корабле были офицеры, гораздо выше по званию, чем мой отец, и они обязаны были подчиняться их приказу. Так что, в итоге все улетели, а мы с мамой остались на Земле вдвоём.

— Как же вы выжили? — казалось, если бы вампиры могли плакать, Эсми давно бы разрыдалась. Дэн пожал плечами.

— Физически и материально проблем особых не было. Ещё до моего рождения отец построил для нас с мамой крепкий, тёплый дом, со всеми возможными в то время удобствами, и обустроил его со всей заботой и любовью. Долина наша была защищена от любых возможных захватчиков, хода в неё не знал никто, кроме нас. Она была полна овец и коров, так что пищей мы были обеспечены на многие годы, а так же могли, при желании, продавать овечью шерсть, да и самих овец. Коров протащить сквозь проход не удалось бы. У нас были куры и гуси, пара дойных коров, огород и большой запас зерна и муки. Отец никогда не допустил бы, чтобы мы с мамой были ограничены в еде, или испытывали недостаток хоть в чём-то ещё, поэтому кладовые всегда ломились от запасов. Всех хищников в долине гаргульи выловили в первые же годы — им не нужны были конкуренты. В общем, мы были полностью всем обеспечены и в абсолютной безопасности.

К тому же, мы были богаты. Гаргульям не нужны были деньги, но достать их проблемы никогда не составляло. И в основном тратили они их на золотые и драгоценные украшения для своих жён. Те порой тоже делали им подарки. За тысячелетия их скопилось немало. Когда стало ясно, что мы с мамой останемся на Земле одни, все улетающие гаргульи и вампириши оставили нам свои драгоценности. Это было единственное, что они могли для нас сделать.

Дэн коснулся своего медальона, висевшего поверх футболки, потом перевёл взгляд на браслеты. И я поняла, что не зря они выглядели такими старинными. Они такими и были.

— Этот медальон мама подарила отцу. Сама сделала рисунок для ювелира. Он никогда его не снимал, но в тот раз, перед вторым прилётом шатла, надел на меня. Я до сих пор не знаю, что его заставило это сделать? Может быть, он что-то предчувствовал? Но я рад, что этот медальон остался у меня, как память о нём. Когда у меня самого появились дети, я решил в память об отце сделать для них похожие медальоны. Но так как делал я их для младенцев — то и размеры у них совсем другие. А потом это стало в нашей семье традицией — каждый малыш в свой первый день рождения получал такой медальон. И никогда его больше не снимал.

— Вы сказали, что у вас не было физических и материальных проблем. А что с душевными? Как вы это всё пережили? — Эдвард, слушая рассказ Дэна, всё крепче прижимал меня к себе, словно и меня могли тоже схватить и увести от него. Наверное, он ставил себя на место Джона. Я же пыталась представить, каково пришлось Майри. Я даже не заметила, что по моим щекам текут слёзы, пока Эдвард не стёр их.

— Это было... тяжело. Очень. Особенно маме. Они ведь даже не успели проститься. Несколько часов после отлёта шатла у нас с отцом ещё оставалась связь. Он всё время повторял, как любит нас с мамой, как ему больно с нами расставаться. Просил меня смотреть на маму, чтобы видеть её моими глазами. Зная это, она держалась, старалась не плакать, говорила ему, что никогда его не забудет, и будет любить до самой смерти. Я тоже держался, ради них. Передавал маме слова отца, старался поддержать её. Мы понимали, что эта разлука — навсегда. Даже если, прилетев на свою планету, отец сразу же отправился бы назад — это ничего бы не дало. Он бы всё равно не застал нас в живых. Человеческая жизнь слишком коротка для таких расстояний. Когда связь прервалась, мама рухнула на землю и разрыдалась так, словно у неё разорвалось сердце. По сути, так оно и было. Наверное, если бы не я — она бы долго не протянула. Но ради меня она продолжала жить, свыклась, сжилась с потерей мужа, но никогда от неё не оправилась. Всю оставшуюся жизнь она тосковала по нему. Она прожила очень долгую для того времени жизнь, и умерла с его

именем на устах.

Какое-то время мы молчали, переваривая услышанное. Вся эта история объясняла, куда в одночасье исчезли гаргульи. И тут до меня дошло, что по легендам это произошло более тысячи лет назад.

— Сколько же тебе лет? — воскликнула я.

— Тысяча четыреста восемьдесят семь, — улыбнулся он. Я перевела взгляд на Джейми.

— Мне триста шестьдесят восемь, — не дожидаясь вопроса, ответил он.

Он даже старше Карлайла! Не удивительно, что меня, в своё время, не впечатлили возраста Калленов — для меня такое было в порядке вещей.

— Но как же вы стали бессмертным? — удивился Карлайл. — Вампирский яд на вас не действовал, гаргульи улетели, значит, обратить вас было просто некому. Так что же с вами произошло?

Глава 23. История Дэна. Часть 3.

— *Но как же вы стали бессмертным? — удивился Карлайл. — Вампирский яд на вас не действовал, гаргульи улетели, значит, обратить вас было просто некому. Так что же с вами произошло?*

— Я не совсем бессмертный, — покачал головой Дэн. — Так же как и вы. Теоретически, и нас, и вас можно убить. И мы стареем. Просто стареем мы ну очень медленно, да и убить нас проблематично. Так что, поскольку перспектива моей смерти ничтожно мала и безумно далека — то условно меня всё же можно так называть.

— Хватит уже философствовать, ответь лучше на вопрос — укорил его Джейми.

— Ладно-ладно, сейчас всё расскажу. В общем, когда отец улетел, мне было четырнадцать. Я уже был крупнее и сильнее большинства взрослых мужчин, но оставался обычным человеком. Я неплохо справлялся со всякими хозяйственными работами, старался, как мог, оградить от них маму. И с каждым годом это давалось мне всё легче, поскольку я продолжал расти, росла и моя сила. Мы практически никогда не покидали нашу долину, лишь изредка навещали соседнее поселение — в основном, чтобы обменять несколько овец на какие-нибудь необходимые в хозяйстве вещи, или одежду с обувью, ведь из своей я вырастал очень быстро. Остальное время мы были одни. И, как я сказал раньше — я никогда не болел, даже всякие детские хвори, от которых в то время умирало два малыша из трех, обходили меня стороной. Тем неожиданнее для нас стала моя внезапная и непонятная болезнь.

Как говорится — ничего не предвещало. Я свалился с высоченной температурой практически за какой-то час. У меня едва хватило сил дойти до дома, где я и рухнул на кровать совершенно без сил и практически без сознания. Я почти ничего не помню из того времени, а по рассказам мамы, я двое суток метался в таком жару, какого она в жизни своей не встречала. А ведь она повидала много больных — с самого раннего детства она помогала своей бабушке-целительнице. И после её смерти продолжала лечить людей. Не на пустом же месте её объявили ведьмой! На свою беду она была ещё и красавицей, а это частенько вызывает зависть и даже ненависть. А уж придумать повод обвинить в колдовстве целительницу, в то время было легче лёгкого.

Но я несколько отвлёкся. В общем, все усилия мамы сбить мой жар оставались безуспешными. Сейчас я знаю, что моя температура поднялась примерно на тридцать градусов (* по Фаренгейту, около десяти по Цельсию) — ни один человек такого не пережил

бы. Потом я вдруг успокоился, а температура стала резко падать. Еще сутки я пролежал совершенно неподвижно, становясь всё холоднее. Если бы мое сердце не билось, и не было дыхания — мама бы решила, что я умер. Что она пережила в те дни — даже представить невозможно. А потом я вдруг открыл глаза, зевнул и заявил, что умираю с голоду. И только выходя из комнаты и выломав дверной косяк, неловко задев его плечом, я осознал, что стал другим. А потом начались сюрпризы.

— О, как же мне это знакомо! — пробормотала я.

— Да, пожалуй, только ты по-настоящему сможешь меня понять. Мы с тобой оказались в равном положении — оба не подозревали, что с нами происходит.

— Но ты хотя бы знал о своем отце. Так что, мог догадываться. У меня же вообще не было никаких версий, одни сюрпризы. Мне было сложнее!

— Сомневаюсь. Скажи, много ли вещей ты переломала из-за того, что не смогла правильно рассчитать силы.

— Не много. Пожалуй, только ручку двери в кабинете Карлайла помяла. Вроде бы и всё. Прокушенные вилки считаются?

— А ещё собственную руку вдребезги разбила, — нахмурившись, напомнил Эдвард. Надо же, я об этом давно забыла, а он помнит.

— Это не совсем «вещь», так что не в счёт. Ах, да, еще макушку у сосны отломала, когда затылком об неё билась. И больше ничего случайно. Только специально.

— Это потому, что к настоящему времени ты уже три года как переродилась, и за это время научилась управлять своим телом практически на уровне инстинкта. А поначалу мы едва можем свою силу контролировать. Даже когда рядом наставники, готовые в любой момент помочь и посоветовать — это не проходит легко. А уж в моём случае — особенно. Я переломал половину вещей в доме, пока приспособился к более бережному обращению с ними. Правда, ремонтировать мебель, например, или даже сделать новую, взамен поломанной, мне стало тоже гораздо проще.

— А вот это знакомо уже нам, — сказал Карлайл, — Каждый из нас, в первые месяцы после обращения, столкнулся с этой проблемой. Вещи вдруг стали невероятно хрупкими.

— А ещё все мы немного завидуем Энжи, потому что нам приходится специально прилагать усилия, чтобы не двигаться слишком быстро, — добавила Элис. — А у Энжи это выходит само собой.

— Да, — кивнула я. — Я сознательно ускоряюсь, а все остальные сознательно замедляются.

— Да уж. В этом Кнопке здорово повезло, — вздохнул Эммет.

— Что поделать. Как я говорил ранее — нас по-разному «делают». Отсюда и различия. Возможно, всё дело в том, что мы уже такими рождаемся. Этот ген есть в нас всегда, он просто спит, ожидая своего часа. Но мы изначально запрограммированы такими стать. А вы — нет. Каждый из вас до обращения был обычным человеком. И повернись жизнь иначе — таким бы и остался до самой смерти. Ваши тела не были предназначены для таких изменений, может, потому вам и сложнее создавать в последующем видимость обычного человека? Хотя, это всего лишь теория, а почему это происходит на самом деле — мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

— А что было с вами дальше? — поинтересовался Джаспер. — Энжи понадобилось два месяца, чтобы в первый раз превратиться. А сколько времени прошло у вас?

— Намного дольше. Почти два года. Просто я не знал, что могу это делать по желанию,

а так как жили мы уединённо — катализатора для спонтанного превращения тоже не было. А потом мы решили съездить в большой город, на ярмарку. Впервые за всю мою жизнь. Я уговорил маму поехать, продать какое-нибудь украшение, всё равно у нас целый сундук лежал мёртвым грузом, а заодно купить кое-какие вещи, которые нельзя было раздобыть в соседнем поселении или у проезжих торговцев. Она не хотела туда ехать — это был её родной город, где её едва не казнили. Но мне так хотелось увидеть большой город, и я убедил маму, что прошло уже двадцать лет, вряд ли был шанс, что она встретит кого-то знакомого, кто сможет её опознать. К тому же, кое-кто из жителей соседнего поселка как раз ехал в тот же город, и мы могли поехать все вместе. В общем, я её уговорил. Сначала всё шло хорошо, мы продали ювелиру золотую цепь, выручили хорошие деньги и пошли бродить по ярмарке. Вот тут-то всё и случилось.

— Вы встретили вампиров, — понимающе закивала я.

— Нет. С чего ты взяла? — удивился Дэн. — После отлёта отца, я их вообще до вчерашнего дня больше ни разу не видел.

— Но... но... катализатор... Я, видимо, не так тебя поняла. Ладно, проехали. Ты рассказывай лучше, что же там дальше произошло.

Я ничего не понимала. Если Дэн собирался рассказать о своём первом спонтанном обращении, то без вампиров здесь точно не обойтись. Или я ошибаюсь?

— А произошло именно то, чего мама так боялась. Её узнали. Угораздило же нас столкнуться в таком большом, по тем временам, городе с чуть ли не единственным человеком, способным её опознать. Это была её бывшая соседка и подруга детства, они выросли вместе, а потом та приревновала к маме своего жениха. И не придумала ничего лучше, как устранить «соперницу», сделав ложный донос. Хотя маме тот парень и даром был не нужен. И теперь, столкнувшись с мамой нос к носу, негодяйка тут же узнала её. Представляете, у неё хватило наглости заорать, указывая на маму пальцем: «Ведьма, ведьма!». К сожалению, хотя саму маму в лицо уже никто, за редким исключением, не опознал бы, та история была известна всему городу.

Казнь ведьм в те тёмные времена была не такой уж редкостью. Но далеко не за каждой ведьмой Люцифер лично являлся из преисподней. Ну, вы понимаете, о чём я? За прошедшие двадцать лет острота события ничуть не уменьшилась, не стерлась из людской памяти. И когда та женщина, вцепившись матери в рукав, заорала: «Вот она, подружка Люцифера! Вновь явилась сюда за нашими душами!», то толпа, ни минуты не колеблясь, накинулась на неё. В тот момент, когда это произошло, я не был с мамой рядом — загляделся на разложенные на прилавке кинжалы, а мама отошла чуть в сторону, разглядывая ткани или что-то в этом роде. Между нами и было то всего метров пять, не больше, но когда я обернулся на крик — людской муравейник практически поглотил её. Со своей новообретенной силой и скоростью я и так справился бы с толпой, причем достаточно быстро. Но в тот момент в чьей-то руке сверкнул нож, занесенный над мамой. Это спустило курок. Я обратился.

Сначала я этого даже не понял. Просто прыгнул в толпу, расшвырял людей, может, кого и убил, не знаю, в тот момент я не особо об этом волновался. Руку, занёсшую нож над моей матерью, я точно оторвал. Подхватив маму на руки, я рванул прочь оттуда, даже не замечая, что не бегу, а лечу. Повозку с лошадью и всеми вещами мы, конечно, бросили там, но ничего особо ценного в ней не осталось, да и не до неё было. И только оказавшись уже за городской стеной, я осознал, наконец, что происходит. Сказать, что я был поражен — значит ничего не

сказать.

— Ха! — воскликнула я. — А что же тогда говорить о моей реакции? Ты хотя бы отца, как пример, перед глазами имел. А я...

— Знаешь, мне в тот момент тоже было весьма не по себе. Зато домой мы добрались за пару часов, хотя до города ехали несколько суток.

— А как скоро ты сообразил, что можешь оборачиваться по своему желанию?

— Довольно скоро. Практически всю дорогу мама рыдала у меня на руках, и я думал, что это реакция на то, что она только что пережила. А оказалось, что это были слезы радости. Теперь я окончательно стал сыном своего отца. Она была счастлива видеть это, словно любимый муж прислал ей весточку. В общем, как-то так она это мне объяснила.

— То есть, я верно поняла, монстром ты себя не считал?

— Верно. Мама бы мне этого не позволила, она явно показала, что считает меня в моём новом облики чем-то прекрасным и совершенным. Так что с самооценкой проблем у меня в тот момент не возникло.

— Повезло тебе, — вздохнула я, вспоминая нелёгкие дни в лесу. — А меня это ещё долго «блокировало».

— Сначала-то я думал, что стал таким навсегда. Вроде как новая стадия, как моё предыдущее перерождение. Даже не предполагал, что теперь я...

— Оборотень? — подсказала я.

— Пожалуй, подходящее слово. Да, я не думал, что смогу иметь сразу два обличья. Но когда мы прилетели домой, я не смог со своими крыльями войти в дом, просто в дверь не поместился. И я подумал: «Хорошо бы снова стать прежним!» — и стал.

— Мне понадобилось четыре дня, чтобы это осознать. Зато я сразу могла складывать крылья как плащ.

— Потому, что ты умела это делать раньше. Твоё тело помнило. Но ты этому училась, так же, как ходить, плавать, летать. Ничего не даётся просто так. А мне пришлось осваивать всё это самому, с азов. К счастью, пример отца был перед глазами, я вспоминал всё, что он умел, тренировался сам, а потом обучил всех своих детей и внуков. И тебя в том числе.

— И всё равно, я не могу понять! Я была уверена, что катализатором для моего обращения послужили красноглазые вампиры. Я увидела их глаза — и обратилась. А ты говоришь, что обошёлся без этого. Вся моя теория развалилась! Что же тогда заставило меня обратиться? Почему на меня так подействовали их глаза, если они не являлись катализатором? Я не понимаю! Я запуталась!

— Ха! Ну, ты и тупишь, Кнопка! Даже я понял, в чём тут дело! — Эммету доставлял огромное удовольствие то, что он наконец-то хоть в чём-то меня опередил.

— Малышка, ты действительно не поняла, что послужило для тебя толчком к обращению? Ведь после рассказа Дэна всё становится ясным, как день. — Эдвард поцеловал меня в висок, а потом заглянул в глаза. — Неужели и вправду не догадалась?

Я помотала головой.

— Я настолько свыклась со своей теорией про красноглазых вампиров. Ведь в ней всё так правильно и логично. И теперь мне немного трудно переключиться на что-то другое.

— Энжи, у Вольтури тоже красные глаза. Почему ты не растерзала их сразу же, как увидела? — спросил Карлайл.

— Но я же обещала вам попытаться всё решить мирным путем. Да и для всех вас так было безопаснее. Худой мир лучше хорошей ссоры.

Эдвард негромко перевел для остальных мою последнюю фразу, и я поняла, что снова сбилась на другой язык. В последние дни это происходит со мной всё чаще.

— И сложно тебе было сдержать это обещание? — поинтересовался Джейми.

— Да не особо. — Я постаралась вспомнить поточнее свои вчерашние чувства. — Я знала, что сильнее, и в любой момент могу их остановить, поэтому была спокойна. Нет, немного я всё же волновалась, но если бы Вольгури набросились на нас, я бы их покрошила не раздумывая. Никакие обещания меня не остановили бы...

Я замолчала и призадумалась. Остальные тоже молчали, давая мне самой сделать вывод.

— Если бы они набросились... — медленно, с расстановкой, повторила я. — Новорожденные набросились... И я испугалась...

Я обвела глазами Калленов.

— Я испугалась за вас. — Потом перевела взгляд на Эдварда. — Я испугалась за тебя. Они могли тебя убить...

— Ты быстро соображаешь Энжи, — одобрительно произнёс Джаспер. — Но ты всегда была очень сообразительной.

Я повернулась к Дэну и четко и уверенно сделала вывод.

— Моим близким грозила опасность. Смертельная опасность. Я не могла позволить им погибнуть. И моя вторая сущность пришла мне на выручку!

— Всё верно, детка, всё верно. Именно страх за близких и выпускает нашего «внутреннего зверя» на свободу. В этом случае мы оборачиваемся самопроизвольно, не зависимо от сознательного решения. Это просто инстинкт.

— Так, хорошо, ладно! Но тогда почему, когда я рвала на части новорожденных, у меня в голове постоянно крутились слова, скорее даже приказ: «Убей вампира, защити семью». Собственно, это-то и послужило толчком для моей последующей теории. Понимаете, это не были мои мысли, это был... словно голос крови, что ли. Приказ, которому я не могла не подчиниться, да и не хотела. Почему именно «убей вампира»?

Я никак не рассчитывала услышать смех в ответ на свой вопрос. Причем смеялись все — и Каллены, и Кэмероны. Не смеялся только Эдвард, хотя и он смотрел на меня с улыбкой. Я надулась.

— Ах, Дани-Дани! А кого ещё должен был приказывать убить твой внутренний голос, если на вас напали именно вампиры? — отсмеявшись, покачал головой Джейми.

— Думаю, что если бы на вас напали кролики-мутанты, у тебя в голове звучал бы призыв: «Убей кролика», — подхватил Дэн.

— А если бы радиоактивные тараканы, то: «Убей таракана», — не удержался Эммет. — А если бы это были танцующие грибы — то: «Убей грибочек».

Я взглянула на него исподлобья.

— Что-то мой внутренний голос начинает всё чаще мне нашёптывать: «Убей Эммета». Может, стоит, наконец, прислушаться? Кстати, с тебя ещё пятнадцать кругов вокруг дома причитается. Когда долг отдавать собираешься?

— Как пятнадцать? Вчера ещё было десять.

— Инфляция! — пожала я плечами.

— Думаю, что выбивание долгов можно пока отложить. Дани, твоя мама очень ждёт встречи с тобой. Надеюсь, ты не откажешься съездить, повидаться с ней? Тем более, что ты уже поела.

— Да, конечно. Я готова.

Хотя я и не помнила свою прежнюю семью, но могла себе представить, что испытывает мать, считавшая своего ребёнка погибшим, а узнав, что он жив, не имеющая возможности его увидеть.

— А дорогой я расскажу тебе всё, что ты ещё захочешь узнать, — пообещал Джейми.

— Эдвард, ты же поедешь со мной? — я вдруг поняла, что требуя его присутствия в этой поездке, даже не спросила об этом его самого. Сомневаюсь, что он будет против, но элементарная вежливость требовала уточнить.

— Малышка, я тебя теперь никуда одну не отпущу. Куда ты — туда и я. Без вариантов.

— Имейте в виду! — развернулась я к Джейми и Дэну. — Я никому не позволю его обидеть, так и знайте!

— Дани, я же тебе всё уже объяснил. Раз Эдвард — твоя половинка, то для нас он неприкосновенен. Более того — он теперь под нашей защитой. Так что успокойся и не сверкай глазами, никто твоего Эдварда обижать не собирается.

В это время Джейми взял со столика привезённый вчера фотоальбом.

— Посмотришь дорогой. А я расскажу тебе, кто есть кто.

— А мы разве не полетим? — удивилась я. — Мне казалось, что вы торопитесь.

— Нет, днём это слишком опасно, нас могут увидеть, — покачал головой Джейми.

— Прошлой ночью мы летели без опаски лишь по безлюдной местности, а по городу всё равно пришлось ехать на такси, чтобы внимание не привлекать, — объяснил Дэн. — А сегодня утром нас подвёз один из моих внуков, летели мы лишь по лесу. Так что, на машине всё равно быстрее получится. Да и удобнее.

Мы высыпали на веранду. Джаспер подогнал «Хаммер» к крыльцу.

— Ни царапинки! — гордо объявил Эммет. — Мы его потом заправили и даже помыли. И раз уж мы теперь вроде как родня — дадите ещё покататься?

— Конечно, — кивнул Дэн. — Десять кругов вокруг дома — и катайтесь хоть всю ночь.

Все рассмеялись, потом стали прощаться. Элис повисла у меня на шее и шепнула на ухо:

— Возвращайся скорее!

— Смирись, вам от меня уже никогда не избавиться, — шепнула я в ответ.

Розали поправила мне причёску, по другому закрепив заколки, удерживающие пряди моих волос на висках. Эми, сказав: «На дорожку», сунула Джейми в руки объёмный пакет, судя по запаху — с бутербродами.

Наконец мы уселись в машину: Дэн за руль, Джейми рядом с ним, мы с Эдвардом сзади. Альбом с фотографиями Джейми положил на сиденье рядом со мной. Машина тронулась и повезла меня на встречу с мамой, которой я не помнила.

— Ну, — угнездившись поуютнее в объятиях Эдварда, обратилась я к Дэну. — И что с вами было дальше?

Глава 24. Волшебная кровь. Часть 1.

— Я же обещал Карлайлу рассказать про нашу кровь, продлевающую жизнь. И не успел, — сокрушённо покачал головой Дэн.

— Дед, как недавно мне указал Эдвард — у нас впереди вечность. А Настя и так ждала слишком долго.

— А вы расскажите нам сейчас, а я потом перескажу отцу, — нашёл выход Эдвард. — Кстати, может, заодно и ещё на один его вопрос ответите? Он его не задал, но много об этой

странности думал. Собственно, мне это тоже не вполне понятно.

— Спрашивай. Если я знаю ответ — я его дам.

— Вот смотрите — вы наполовину человек, наполовину гаргуля. Ребёнок представителей двух разных видов. И признаки обоих родителей у вас проявились, пусть и не совсем в равной степени, но, в любом случае, в вас есть некая часть от отца, некая — от матери. Вы похожи на них обоих, но вообще-то, от них обоих и отличаетесь. Вы не то и не другое, вы нечто среднее, что вполне нормально и правильно для полукровки.

— Пока ты говоришь только то, что я и так знаю. А вопрос-то в чём?

— В том, что, судя по всему, ваши сыновья тоже являются... как бы сказать помягче... помесью. Простите, сэр!

— Не извиняйся. Помесь и есть, что ж тут такого.

— Я это к тому, что ваши сыновья уже не полукровки, а квартероны. В их жилах лишь четверть крови гаргульи. Но, как я понял, физиологически они от вас ничем не отличаются, верно?

— Верно.

— А если взять Энжи? Раз она ваша праправнучка, то в ней всего лишь одна тридцать вторая часть «нечеловеческой» крови. Она практически человек. Но она, всё равно, точно такая же, как и вы, с поправкой на пол и возраст перерождения. Я прав?

— Я тебе больше скажу, парень. У меня есть несколько потомков на поколение младше Дани. Хотя и старше её по возрасту. Так и они от меня не отличаются, хотя крови гаргулий в них вообще чуть-чуть.

— Вот это-то нам и непонятно! Наследственные признаки гаргулий должны были бы постепенно сглаживаться, сходить на нет с каждым последующим поколением, с каждым очередным «скрещиванием» с человеком. Но этого не происходит. Почему?

— Про доминантные гены слышал когда-нибудь?

— Конечно, слышал, сэр. У меня два медицинских образования, помимо всего прочего.

— Дело не может быть только в доминантных генах гаргульи, — вмешалась я. — Иначе у тебя вообще не было бы человеческих признаков. Ты бы родился таким же, как Джон. Но ты — полукровка, а вот твои потомки — твои точные копии. Мне теперь это тоже кажется странным.

— Ну вот, теперь это кажется странным и мне, — вздохнул Дэн. — Раньше я принимал это как данность, потом тот парень, Мендель, вывел эти свои законы наследственности. Я принял к сведению то, что мои гены являются доминантными, потому проявляются во всех последующих поколениях, и успокоился. Я не учёл, что не являюсь первым в этой цепочке. И теперь тоже ничего не понимаю.

— А может, и дальше принимать это как данность? — предложил Джейми. — Возможно, когда-нибудь, мы и сможем это узнать. А пока можно предположить следующее — природе настолько понравилось, каким ты у неё получился, что она решила и дальше копировать образец, не зависимо от того, в каких именно пропорциях в нас соединяются гены человека и гаргульи.

— Мне это нравится, — улыбнулась я. — Так и буду считать. Если учесть, что вообще-то все мы — мифические существа, как, например, титаны, полубоги древней Греции, то стоит ли особо заморачиваться? Мы просто такие, какие есть, вот и всё.

— Насчёт титанов... — неуверенно начал Дэн.

— Что? — похоже, сейчас будет ещё один сюрприз.

— Титаны — это тоже гаргульи, — подтвердил Дэн мои подозрения. А потом смущённо добавил. — И немножечко я.

Мы расхохотались. Потом Эдвард напомнил:

— Так что насчёт вашей крови? Как она продлевает жизнь?

— А Майри ты тоже жизнь продлил? — не выдержала я. — Потому она и жила долго?

— Нет, — покачал Дэн головой. — К сожалению, тогда я ни о чем подобном даже не догадывался. Увы, мама прожила только шестьдесят два года.

— Всего? Так мало? — удивилась я.

— Поверь, малышка, даже для моего времени это было много. А уж полторы тысячи лет назад она вполне могла бы считаться долгожительницей.

— Верно говоришь, парень, — кивнул Дэн. — В то время уже тридцатилетние женщины считались пожилыми, едва ли не старухами. Тяжелый труд, ранние браки, бесчисленные роды, плохое питание — все это быстро их старило. Я уж не говорю про эпидемии и практически полное отсутствие медицины. Так что, прожила мама очень долго. Хотя я и не мог тогда использовать свою кровь, но в целом заботился о единственном родном человеке, как только мог. А мог я многое. И жизнь мамы разительно отличалась от жизни ее современниц. Конечно, детство у нее было тяжелым — рано осиротев, она жила с бабкой-целительницей. Это не особо прибыльное дело, так что росла она впроголодь. Но участь бесприданницы спасла ее от брака лет в тринадцать, от колотушек мужа, от ранних родов. А потом, попав к отцу, она была полностью избавлена от всяческих лишений. Сытная пища, отсутствие тяжелой работы, всего один ребенок. К тому же, мы жили весьма уединённо, особенно после отлёта отца — так что, все эпидемии обходили нас стороной, а обычные болезни, например, простуды, она сама неплохо лечила травами. Да, жизнь моей мамы была долгой. Но, в конце концов, я остался один.

К тому времени мне уже исполнилось сорок пять, но я выглядел лет на двадцать пять или чуть больше. Не сразу мы заметили, что мое взросление замедлилось. Последующие наблюдения показали, что, с момента перерождения, наше время начинает идти медленнее, за три года мы становимся физически старше лишь на год. Вот почему ты выглядишь такую юной, Дани. А спустя примерно пятьдесят лет мы практически перестаём стареть. Я старше Джейми на тысячу с лишним лет, но физически между нами разница лишь в год. Сейчас мы живем по времени моего отца. А ты пока в промежуточной стадии.

Мне снова пришло в голову, что если я тоже так долго не буду останавливаться, но могу стать заметно старше Эдварда. И что тогда? Как это будет выглядеть со стороны? Тётушка, соблазбившая мальчика? От подобной мысли меня передернуло.

— И как вы жили дальше, оставшись в одиночестве? Было очень тяжело? Вы ведь, наверное, никому и открыться не могли? — расспрашивал Дэна Эдвард. — Мне в этом плане было легче — у меня сразу была семья. Отец, потом мама, а позже и братья с сёстрами. Даже отец не был поначалу совсем уж один — при желании, он мог найти себе подобных. Но таких, как вы, просто не существовало, верно?

— Да. В то время я был единственным не только на Земле, но, видимо, и во всей Вселенной. Я был один в своем роде, полукровка, не принадлежащий ни к одному известному виду. Но я мог неплохо притворяться человеком. Энжи ведь это тоже без труда удавалось, верно?

— Да. Я совершенно спокойно ходила в школу несколько месяцев, а никому и в голову не приходило, что я другая!

— Приходило, Энжи, приходило, — улыбнулся Эдвард. — Просто никто и близко не подходил к верному ответу.

— Ты мне этого не говорил!

— А зачем? — пожал плечами Эдвард. — Ведь о том, что ты не человек, что все мы — не люди, никто и не подозревал. А все остальные фантазии не стоили особого внимания. Я всегда очень тщательно отслеживаю мнение людей о нас. И поверь, мелькни у кого-то хотя бы случайная мысль, хоть немного похожая на правду — мы уехали бы в тот же день. А всякие мысли о том, что Карлайл делает нам пластические операции, отчего мы все такие красивые, или то, что мы все сидим на каком-то секретном наркотике, и потому такие умные, не стоят того, чтобы обращать на них внимание.

— Удобный у тебя дар, парень, — покачал головой Джейми. — Особенно в вашей ситуации.

— Удобный, — согласилась я. — Только неотключаемый, к сожалению, а это, порой, здорово напрягает, правда, Эдвард?

— Да, малышка. Зато сейчас я общаюсь со всеми вами как совершенно обычный человек, слыша только слова, но не мысли. Я уже почти забыл, как это бывает.

— До встречи с вашей семьёй я и не подозревал, что мы не только закрыты от любого дара вампиров, но и можем отражать его, обращая против владельца, — покачал головой Дэн. — Вампиры, среди которых я рос, дара не имели. Или он никак не проявлялся. Во всяком случае, я ничего о таком не слышал.

— А ты остался жить там же, после смерти своей мамы? — вернулась я к прежней теме.

— Нет. Что мне там было делать? Я хотел увидеть мир. Я похоронил маму там же, в нашей долине, в очень живописном месте.

— На неосвящённой земле? Аааа, ну да, мы же атеисты, — пробормотала я.

— С чего ты взяла? — Дэн поймал мой взгляд в зеркале заднего вида и вопросительно приподнял бровь.

— Я так думаю. Все мои знания и умения остались при мне, так что, если бы я была религиозна, то знала бы это.

— В целом, ты права. Меня вполне можно было бы назвать язычником, хотя никаким богам я не поклоняюсь и жертв, конечно же, не приношу. Но наши жёны, в большинстве своём, были религиозны, что не помешало их сыновьям унаследовать безверие отцов. Когда живёшь на свете сотни лет, сложно продолжать верить в доброго боженьку, о котором рассказывала в детстве мама. С возрастом мы все постепенно становимся атеистами. А с тобой всё ещё проще — твоя мама родилась в советской России, где несколько поколений выросло, не веря в бога, так что ты атеистка с рождения. Но моя мама всё же была верующей. Поэтому я нашёл священника, который согласился отправиться со мной, причастить и исповедовать маму перед смертью, провести все необходимые обряды и освятить землю, в которой я её похоронил.

— Храбрый он, наверное, был, раз не побоялся отправиться неизвестно куда, ради умирающей женщины, — задумчиво проговорил Эдвард.

— Храбрый? Да он трясся, как осиновый лист. Но золото делает храбрецами даже самых трусливых людей. Я завязал ему глаза, а потом перенёс домой и обратно по воздуху — не хотел оставлять маму одну надолго. Так что, найти туда дорогу он не смог бы при всём желании. И наш дом, пусть и опустевший, остался в безопасности.

Перед тем, как покинуть нашу долину, я расширил тайный ход и выгнал оттуда наши

стада, разделив животных между жителями соседнего поселения. После чего наглухо запечатал единственный проход. Теперь попасть туда можно только по воздуху. Или с альпинистским снаряжением. При современных средствах передвижения это не особо сложно, но я давным-давно выкупил и нашу долину, и все окрестные земли, так что могила моей матери в полной безопасности. Позже я поставил над ней красивый памятник. Если бы кто-то посторонний увидел его, то очень удивился бы, почему ангел, который распростёр свои крылья над фигурой женщины — лысый. Да и сами его крылья не совсем похожи на ангельские. Но мы-то знаем, кто именно изображён на той композиции. Хотя бы так мои родители всегда вместе.

Кроме обычной в таких случаях надписи на могильной плите выбито кое-что ещё. То, что случайный человек примет всего лишь за орнамент. Но на самом деле это надпись, которую, кроме меня, не сможет прочесть ни один человек на Земле.

— И что же там написано? — хотя, я уже об этом догадалась.

Немного помолчав, Дэн глухо произнёс, подтверждая мою догадку.

— «Отец, я жив. Свяжись со мной». Я понимаю, что он не вернётся. Когда отец улетал, я был всего лишь человеком, и рос с человеческой скоростью. Ничто не указывало на то, что я смогу прожить так долго. Поэтому ему просто нет смысла возвращаться. — Дэн тяжело вздохнул и пожал плечами. — Но я всё равно жду. И не перестану ждать никогда.

Эдвард положил руку Дэну на плечо и сочувственно произнёс.

— Я бы тоже ждал.

Какое-то время мы молчали. Наконец, я не выдержала.

— Ну а потом? Что с тобой было потом?

— Я отправился путешествовать. Взял на первое время немного золота, остальное закопал от греха подальше. Дом я заколотил, но каждые несколько лет я туда возвращаюсь. Чиню то, что пришло в негодность, периодически перекрываю крышу, привожу в порядок могилу мамы. В общем, поддерживаю его в жилом состоянии. Назовите это сентиментальностью, ваше право. Сейчас у меня много домов по всему миру, еще больше я продал, подарил, бросил. Но это — мой первый дом, его построил мой отец, в нем умерла моя мама. И пока я жив — буду и дальше о нём заботиться.

— Иногда мы живем в той долине, — вступил в разговор Джейми. — Дома остальных гаргулий давно превратились в руины, мы построили там несколько коттеджей с современными удобствами. Но старый домик деда по-прежнему занимает там своё почётное место. Хотя, от первоначального дома там остались разве что каменные стены, всё остальное заменено, и не единожды.

— Хотела бы я там побывать.

— А ты бывала там, и не раз. Просто не помнишь. Все мои потомки там бывали еще в детстве. Летом там действительно замечательно. Природа совершенно не тронутая. Я привел туда свою жену. Конечно, я выстроил для неё роскошные дома в нескольких столицах, но там мы провели свой медовый месяц. — Дэн улыбнулся воспоминаниям.

— Она была твоей парой?

— Да. Это тоже наследие моего отца. Хотя порой это очень непросто, все мы, в конце концов, находим свою пару, или половинку, как мы чаще говорим. Мне понадобилось более четырёхсот лет, чтобы её найти.

— Ого! Ничего себе! Как долго?

— Не так уж это и долго, — пожал плечами Джейми. — Я встретил твою маму и

возрасте трёхсот с лишним лет.

— А один из моих сыновей в свои девятьсот сорок всё ещё ищет. И, в конце концов, всё равно найдёт. Самым «молодым» остепенился мой внук Стивен. Когда он нашёл свою половинку, ему было всего сто двенадцать лет.

— Мне ровно сто, — улыбнулся Эдвард.

— Ты в любом случае не станешь рекордсменом, парень. Потому, что Дани перебила любой прошлый и будущий рекорды, найдя свою пару в семнадцать.

— При том, что фактически ей всего пятнадцать, — покачал головой Джейми. — В нашей семье все находили свою половинку, когда она была уже в подходящем для брака возрасте. Из более чем полусотни случаев — только одно-единственное исключение, но там особый случай. А вот почему тышла свою пару так рано — не понятно. Обычно судьба не ошибается. Странно.

— Да ладно тебе сокрушаться, Джейми. Парень же обещал подождать. Всё будет нормально, успеет твоя дочка подрасти.

— Да, но я не рассчитывал, что она покинет нас так скоро.

— Кстати, дедуля, у «парня» имя есть, — почему-то меня начала раздражать это безличное обращение. Казалось, что Дэн как бы принижает Эдварда, не называя по имени. — Или старческий склероз не позволяет запомнить его?

— Ничего, малышка, я не против.

— Я против! У тебя красивое имя, и Дэн язык бы не сломал, если бы его произнёс.

— Кстати, Эдвард, — делая ударение на имени, заметил Дэн. — У «малышки» вроде как тоже имя есть? И даже не одно.

— Ладно, проехали! — я поняла, что, наверное, напрасно придираюсь. — Раз уж Эдвард не возражает... Кстати, а второй случай — это про Майри, да? Ей ведь тоже было семнадцать?

Я решила, что благоразумнее сменить тему.

— Ей было шестнадцать, к семнадцати у неё уже я родился. Но мы вовсе не её имели в виду. В свои шестнадцать Майри считалась едва ли не старой девой, учитывая, что в то время девочки становились невестами в одиннадцать лет. Нет, речь не о ней, а о твоей маме. Но это отдельная история, и там действительно был исключительный случай. А пока — открой-ка альбом на первой странице.

Я положила большой фотоальбом так, чтобы в раскрытом виде он лежал на наших с Эдвардом коленях. Не сразу я поняла, что первая фотография сделана с картины. Очень старой картины, судя по манере письма. На ней не так-то легко было рассмотреть молодую черноволосую женщину в старинном платье.

— Моя Камилла, — пояснил Дэн. — Это единственное её изображение, которое у меня осталось. Этой картине более шестисот лет, и она является лишь копией. Оригинал давно истлел, как я не старался его сохранить. Я заказывал много копий, но эта единственная, которая вышла действительно похожей. И мне стоило огромного труда сберечь хотя бы её до той поры, когда изобрели цветную фотографию.

Я встретил её в Испании. Проезжал по улице, а она сидела на балконе. И уронила свой веер прямо на меня. А я инстинктивно его поймал. Потом поднял голову, взглянул ей в глаза и утонул в них. За несколько сотен лет у меня было много женщин, как вы понимаете, но такой реакции раньше не было никогда. Рост у меня, сами видите, нестандартный, да и конь был под стать мне. Так что я просто встал в стременах и протянул ей веер. И когда она брала

его — наши пальцы мимолётно соприкоснулись. И всё. Я был сражён наповал. Окончательно и бесповоротно.

— Один взгляд, — понимающе пробормотала я.

— Одно прикосновение, — подхватил Эдвард.

— И всё становится ясным, — закончил Джейми.

— Да. Я всё понял. Ещё одно моё сходство с отцом.

— И что? Ты на ней женился? Сразу же? Она ведь уже была в брачном возрасте, как ты утверждаешь?

— Как у тебя всё просто, Дани! Я не успел и словом с ней перемолвиться, как на балкон вышла её дуэнья, отлучавшаяся на минутку, чтобы что-то принести, и обожгла меня таким взглядом, что будь я чуть менее непробиваемым — был бы испепелён на месте. Мне пришлось удалиться. Той же ночью я увиделся со своей любовью, забравшись к ней в спальню с огромным букетом цветов, жутко её при этом напугав.

— Это ты ещё без крыльев был, — усмехнулась я. — Или?..

— Нет, конечно же, я был в человеческой ипостаси. Ты же знаешь, чтобы преодолеть высокие стены, крылья нам не нужны. Собственно, Камилла испугалась просто от неожиданности. Она призналась, что я сразу же ей понравился — вот оно, притяжение половинок в действии. Она готова была выйти за меня хоть в ту же минуту, но не всё было так просто.

— Догадываюсь. Её папа не пришёл в восторг?

— Это еще мягко сказано. Камилла была дочерью испанского вельможи, а кем был я? Иностранцем без роду-племени. Конечно, я в любой момент мог бы просто выкрасть Камиллу, но оставил этот вариант на самый крайний случай.

— Неплохой вариант, кстати, когда законные методы бессильны, — пробормотал Джейми. Мне показалось, или это было не просто случайное замечание?

— И что же вы предприняли? — поинтересовался Эдвард.

Глава 24. Волшебная кровь. Часть 2.

— *И что же вы предприняли?* — поинтересовался Эдвард.

— Проще сказать, чего я не предпринял. Для начала я попросил у её отца дать мне полгода, чтобы доказать, что я достоин его дочери. А потом... Да, многое было потом. Я поставил себе цель — разбогатеть. Потому, что всё на свете имеет свою цену, даже титулы и родословную вполне можно купить. Конечно, у меня был целый сундук золота, но даже этого могло оказаться недостаточно. Так что, я начал зарабатывать, как мог.

Я участвовал во всех рыцарских турнирах, которые только происходили в то время. Под разными именами и гербами, чтобы ни у кого не появились подозрения в том, что все эти люди на самом деле — один и тот же человек. К счастью, закрывающие лицо шлемы и отсутствие каких-либо документов для участия в турнирах, облегчали мне этот обман. Да и допинг-контроль в то время ещё не придумали — его бы я точно не прошёл бы. Порой я за день участвовал в двух-трёх разных турнирах в разных городах, а иногда и странах. И я никогда не проигрывал. Я брал не только призовые деньги, но и коней, оружие и доспехи побеждённых мною рыцарей. А потом они всё это у меня выкупали — такой в то время был обычай.

К тому же, я занялся торговлей. Сосредоточился на редких, труднодобываемых товарах издалека. Сами понимаете, мне не нужен был транспорт, я не тратился на доставку, охрану,

был избавлен от рисков, связанных с пиратами, разбойниками, стихийными бедствиями. Я просто брал товар и переносил его из пункта «А» в пункт «Б». Достаточно было лишь организовать рынок сбыта, и я получал баснословные прибыли. Кстати, если кому интересно, импорт-экспорт на данный момент — одна из заметных составляющих благосостояния нашей семьи. А начиналось всё с простой попытки поскорее заработать для того, чтобы поскорее жениться.

В итоге, спустя полгода, я явился к отцу Камиллы новоиспечённым испанским дворянином, что стоило мне пары огромных сундуков золота, переданных в пустую казну тогдашнего монарха, причём, мой титул был выше, чем у отца Камиллы. Через пару столетий он позволил бы мне именоваться Грандом — а это высшая знать в Испании. Так же, я стал владельцем огромного поместья, правда, весьма запущенного и требующего больших вложений — прежний владелец разорился, и его собственность ушла с молотка. А ещё я на тот момент обладал состоянием, раз в пять превышающим всё состояние моего будущего тестя. Конечно, это были безумные полгода, но они того стоили — Камилла стала моей женой.

— Испанский Гранд? Рыжий? — захихикала я.

— За эти годы лично я получил ещё парочку титулов, кроме того, где-то с десятков бродит по семье, периодически меняя владельцев, якобы переходя к потомкам их предыдущих обладателей, хотя порой, как это ни забавно, переходят от сына к отцу, от внука к деду и так далее.

— Мне обращаться к вам «Ваше сиятельство»? — шутливо поинтересовался Эдвард.

— Да какое из меня сиятельство? Так, поблёскиваю иногда, да и то слабенько, в отличие от вас, вампиром. А если серьёзно, сейчас я официально не ношу никакого титула, на данный момент испанским Грандом является мой второй сын Себастьян. Уж он-то как нельзя лучше подходит для этой роли — брюнет, в мамочку, как впрочем, и его братья. Камилла подарила мне четырёх сыновей. Мы прожили душа в душу более пятидесяти лет. И я до сих пор люблю её. И никогда не перестану любить.

— А как тебя, шотландца, вообще занесло в средневековую Испанию? — поинтересовалась я, но поймав в зеркале насмешливый взгляд, закивала головой. — Ну да, ну да! Притяжение половинок. Извини, ступила.

— Ох уж, это притяжение! Куда оно нас только не заносит, — покачал головой Джейми. Судя по всему, его занесло вообще в Россию. Нужно будет расспросить поподробнее. Я только раскрыла рот, как Эдвард опередил меня, задав свой вопрос.

— Так кто же определил целительные свойства вашей крови? И как давно? Мой отец тоже понял, что кровь Энжи является универсальным лекарством. Но он проводил исследования на современном оборудовании. А как было у вас?

— Вот мы и подошли к этой теме, парень. То есть, Эдвард.

— Да я, в общем-то, не возражаю, если вам так привычнее.

— Дани возражает.

— Ладно, Дэн, называй Эдварда как тебе удобнее. Даже не понимаю, чего я вообще так к этому слову прицепилась?

— Зато я понимаю, — повернулся ко мне Джейми. — Поскольку Эдвард — твоя половинка, ты на подсознательном уровне стараешься защитить его от любой угрозы, сколь бы минимальна и надумана она не была. Даже от нас. Даже от несуществующего оскорбления, которого никто, кроме тебя, не видит. Это, в общем-то, нормально. Просто

постарайся не перебарщивать с фантазиями.

— Я постараюсь, — серьёзно ответила я. — Но всё равно, в обиду его не дам.

— Само собой, — кивнул Дэн. — Никто и не спорит. А про нашу кровь в общих чертах догадался Себастьян.

— Твой сын? Тот, который сейчас Гранд?

— Он самый. Произошло это случайно и при весьма трагических обстоятельствах. Её жена едва не умерла при родах. Ребёночка-то она родила вроде бы нормально, но у неё открылось сильное кровотечение. Повитуха уже и рукой на неё махнула — не выживет, мол. После такого не выживают.

Себастьян был в отчаянии. У него на глазах умирала его любимая, его половинка. Причём, умирала не глубокой старушкой, как до этого его мать и невестка, а совсем ещё молодой женщиной. А он был бессилён хоть что-то сделать для её спасения. Он видел, что она истекает кровью, готов был отдать ей всю свою кровь, но как? До изобретения переливания крови было ещё много столетий, никакого другого способа придумано не было. И тогда, в отчаянии, он решил просто дать ей выпить свою кровь, ничего иного ему в голову не приходило. Он разрезал себе руку, нацедил кровь в стакан и заставил её сделать несколько глотков. И представьте себе — буквально через пару минут кровотечение прекратилось. Приободрённый такой реакцией, он сплил ей ещё пару стаканов крови. Результат был ошеломляющим — та, что должна была бы испустить дух в течение ближайшего часа, не позже, к концу этого самого часа уже всю ходила по комнате и чувствовала себя настолько хорошо, словно не только не лежала при смерти, но и вообще не прошла только что через роды.

— Ух, ты! — восхитилась я. — Ей передалась наша регенерация?

— Не совсем наша, малая её часть. Но этого хватило. Акушерке, конечно, пришлось заплатить за молчание, а то не миновать бы Себастьяну обвинения в колдовстве. Потому что, такое волшебное исцеление иначе как колдовством объяснить было бы нельзя.

А вскоре произошло ещё одно событие — Глэдис, жена Себастьяна, захотела навестить своих родных, показать новорожденного сынишку. Чувствовала она себя превосходно, поэтому муж не стал возражать против столь скорого визита, сам отнёс её с двумя ребятишками в деревню родителей. Туда как раз приехали родственники из города, было застолье, посвящённое рождению нового внука хозяина дома, весь день шел пир горой, а на утро выяснилось страшное. Приехавшие гости не встали со своих кроватей, метались в лихорадке и в течение нескольких дней умерли. К тому времени все, кто с ними контактировал, слегли с теми же симптомами. Взрослые и дети, старые и молодые, — всех скосила чума. Тогда она частенько гуляла по Европе, вспыхивая то здесь, то там. Никаких средств оповещения, никаких карантинных мер — люди разносили её по стране, заражая целые города. И в той деревне мало кто выжил, умерли практически все её обитатели. Единственными не заболевшими во всей деревне оказались Себастьян, оба малыша — что в принципе объяснимо, — и Глэдис. Хотя она, несмотря на попытки мужа увести её из опасного места, не покладая рук ухаживала за своими родными, наплевав на опасность, видимо решив, что всё равно уже заразилась, хуже уже не будет — с ней ничего не произошло. Она осталась жива и здорова.

— Это что же получается? Ваша кровь не только лечит, но и предотвращает болезни? Вроде прививки?

— Ты прав, парень. Это действительно нечто вроде прививки. Только эффект

временный. Если бы всё это случилось на пару недель позже — Глэдис обязательно заразилась бы. Конечно, новая порция крови Себастьяна её вылечила бы, но приятного с этого было бы мало. Да и неизвестно, догадался бы он достаточно быстро, что его кровь помогает не только при кровопотерях? А здесь — результат был налицо. Себастьян даже успел догадаться, в чём дело, и спасти мать Глэдис и одного из её братишек — они прожили немного дольше остальных, и он успел сделать вывод. К сожалению, вся остальная семья к тому времени умерла. Впрочем, тут ничьей вины не было — в то время чума выкашивала целые народы, и найти виновных было невозможно.

— И как долго длится этот эффект? — поинтересовалась я.

— Постепенно выяснилось, что примерно стакана крови достаточно, чтобы месяц быть в безопасности от любой заразы. Это если пить. При переливании достаточно и половины дозы. Чаше или больше пить бессмысленно — эффект тот же. Хотя вначале Себастьян спаивал свою кровь Глэдис каждую неделю. Так, на всякий случай.

— Кровь Энжи для нас — тоже нечто вроде прививки. Но эффект короче — едва хватает часов на восемь. К счастью, её запах действует не хуже, чем её кровь, только она должна быть рядом.

— А в школе это никак было не осуществить. Вот я и придумала про кровь. Однажды мы с Джаспером провели эксперимент — он выпил полстакана моей крови сразу, но эффект всё равно исчез часов через десять.

— Я не знал об этом эксперименте, — удивился Эдвард.

— Мы специально тебе не говорили, а Джаспер сразу уехал с Элис на охоту на несколько дней. А потом старался при тебе об этом не думать. Я же знала, что тебе это не понравится.

Судя по выражению лица Джейми, ему этот эксперимент понравился не больше, чем Эдварду.

— Да ладно вам! Сами-то жёнам свою кровь даёте, а мне что, нельзя? А Джаспер бедняга, чуть не удавился, пока пил — говорит, моя кровь совсем невкусная.

— Наши жены тоже даются, особенно поначалу, — усмехнулся Дэн. Похоже, только он спокойно отнёсся к моему рассказу. — К счастью, сейчас мы, в основном, обходимся переливанием, так что пить кровь без экстренной необходимости нашим женщинам уже не нужно. Кстати, про кровь. Как я сказал, Себастьян стал регулярно поить жену своей кровью. Поскольку Глэдис воочию и на себе убедилась в её целительных свойствах, то особо и не возражала, хотя и давилась, как ты точно подметила. Но это нормальная человеческая реакция, главное — что был результат. За всю оставшуюся жизнь она ни разу даже ни чихнула, не говоря уж о чём-то более серьёзном, а случайные порезы и царапины заживали на удивление быстро и без осложнений. Но оказалось, что самое удивительное открытие ждало их впереди, сделали его лишь спустя довольно много лет, до этого не замечали. Глэдис стала медленнее стареть. Кровь гаргульи, регулярно попадая в её организм, излечивала не только видимые болезни и травмы, давя их в зародыше, но и просто исправляла многие возрастные изменения.

— Так вот что означает ваше «замедлять старение своих половинок»? — понял Эдвард. — И насколько вы его замедляете?

— Примерно в три раза, — ответил Джейми. — Они стареют с той же скоростью, как и мы в промежуточный период. Вот моей жене сейчас сорок три года, а физически ей около двадцати шести. Я начал делать ей регулярные переливания в восемнадцать лет, до этого она

ещё росла и получала мою кровь лишь по необходимости. Я мог бы начать делать это и раньше — я про регулярные переливания, но Настя сама отказалась — хотела поскорее стать взрослой. Впрочем, возможно, наша кровь замедляет лишь старение, а не взросление детей. Не знаю, не проверяли.

— Я её понимаю, — пробормотала я.

— У тебя нет выбора. Это твоя врождённая особенность. А у неё выбор был, и она им воспользовалась. А я делал так, как хотела она.

— А Глэдис во сколько начала пить кровь? И сколько прожила?

— Ей в то время было лет двадцать с небольшим. Её старшему сынишке уже исполнилось шесть. А прожила она более ста пятидесяти лет. Всё же это было средневековье, люди жили меньше. А жена одного из моих внуков относительно недавно умерла в возрасте двухсот тридцати семи лет. Просто отказалась продолжать делать переливания дальше, и угасла за пару месяцев. Жить дряхлой старушкой тоже радости мало, она устала и сама захотела уйти.

— Я представляю, как обрадовался Себастьян, когда понял, что его жена проживёт намного дольше!

— Да, он был несказанно счастлив. Мы слишком быстро теряем своих половинок — человеческая жизнь не просто коротка, но и полна опасностей. И найти способ увеличить этот срок и сделать его более безопасным — это было для всех нас величайшим счастьем. Вся семья благодарна Себастьяну за его озарение. Если бы не он — неизвестно, когда бы мы до такого додумались, и сколько половинок потеряли бы не только от ранней старости, но и от болезней. Конечно, рядом с нашим практически бессмертием и такая их жизнь слишком коротка, но всё же это лучшее, что мы можем сделать. Был момент, когда Себастьян надеялся, что это действительно лишь переходный период, как у нас, а потом Глэдис замедлится так же, как и мы. Увы, для этого мало было получать кровь извне, нужно таким родиться.

— Я бы свою половинку точно потерял бы, едва найдя, а ты вообще бы не родилась, — покачал головой Джейми. — Если бы никто из нас так и не догадался...

— Спасибо Себастьяну, — пробормотал Эдвард. — Обязательно пожму ему руку при встрече.

В этот момент машина резко свернула, и фотоальбом, лежащий у меня на коленях, пополз вбок, привлекая к себе моё внимание. Я машинально перелистнула страницу. Оформлен он был в любопытном стиле. На левых страницах были фотографии старинных картин или миниатюр, на которых были запечатлены мужчины в исторических костюмах разных эпох, на правых — эти же мужчины в современной одежде. На «исторической» половине часто были так же старинные изображения женщин. Либо на отдельной картине, либо — на общей с мужем. Но на правых страницах мужчины были в одиночестве. Под фотографиями были подписаны имена и даты рождения.

— Это мой личный альбом, — сказал Дэн. — Я собрал здесь изображения всех своих потомков и их жён в хронологическом порядке. К сожалению, не всегда удавалось сохранить до наших дней хотя бы одно совместное изображение, особенно старшим поколениям. Тебе проще будет ориентироваться в семье, если ты его просмотришь.

Я кивнула. Это мне действительно поможет, учитывая мою фотографическую память. Сам Дэн был изображён в виде рыцаря на старинной гравюре. Сходство было весьма условным, но его гордая осанка была передана очень точно. Перелистнув пару страниц, я

зацепилась взглядом за подпись «Себастьян и Глэдис». На картине была изображена пара в костюмах 13 — 14 века, точнее я вряд ли бы могла определить. Если честно, Глэдис показалась мне довольно невзрачной — мелкие черты лица, высокий, по моде того времени, лоб — этот эффект достигался выбриванием волос надо лбом, что мне всегда казалось просто уродующим женщин. Сложно было сказать, какой она была на самом деле — манера письма того времени вносила коррективы во внешность по тогдашним канонам красоты. Вряд ли я это когда-нибудь узнаю. Пожав плечами, я перевела взгляд на современную фотографию Себастьяна и вздрогнула.

— Я же его видела! Там, на поле. Он еще сказал, что он... — я в растерянности оглянулась на Эдварда.

— Твой прадедушка, — закончил он мою мысль.

— Это правда? — обратилась я к старшим.

— Да, — ответил Джейми. — Мы с тобой прямые потомки Себастьяна и Глэдис. Я тебе больше скажу: мой отец — это тот самый малыш, чьё рождение едва не стоило бабушке жизни и невольно поспособствовало открытию, сделанному моим дедом.

— А ты молодец, запомнила его, — похвалил меня Дэн. — И не просто запомнила, но и узнала на фотографии. Для посторонних мы все на одно лицо, но друг друга прекрасно различаем, причём в обоих своих ипостасях. Ты тоже раньше это легко делала и, похоже, не утратила своей способности.

Я покачала головой, с новым интересом разглядывая картину. Нет, всё равно, Глэдис выглядела просто страшенькой. Надеюсь, это всё же вина художника. И мода тогда была странная. Если мне, как ей, сбрить брови и часть волос — я тоже вряд ли останусь хотя бы просто симпатичной. Так что, не стоит верить старой картине, главное, что для мужа она была самой прекрасной на всём свете, а остальное — ерунда.

Глава 25. Долгий путь домой. Часть 1.

Пожав плечами, я продолжила листать альбом. Картины становились всё современнее, их качество — всё лучше. Часто на них уже были изображены целые семьи с детьми.

— Знаешь, Дэн, а у меня тоже есть для твоего альбома фотография. Вполне историческая.

— Это какая?

— А, «офицер и сестра милосердия»? — догадался Джейми.

— Она самая.

— Висит у них в спальне, — пояснил Джейми Дэну.

— Хммм, а что, вполне подходящая. Буду рад получить копию для своего альбома.

Я поняла, что Джейми только что мысленно показал Дэну ту картину.

— Совсем как ты с Элис, — шепнула я Эдварду.

— Только у них это происходит по желанию, а я вижу и слышу не только то, что мне хотят показать, но и то, чего мне знать и не надо бы. Знаешь, я так им завидую?

— Каждому своё, парень. Уверен, твой дар не раз выручал вашу семью в трудные моменты.

— Это так, сэр. Вы правы.

— Зови меня просто Дэном. Мы уже практически родня.

— Хорошо, сэр. То есть, Дэн.

— Он привыкнет, — я потёрлась щекой о плечо Эдварда, к которому прижималась,

поскольку мы оба склонились над фотоальбомом. — Просто мой Эдвард очень хорошо воспитан. В отличие от меня.

Мужчины рассмеялись. Я, улыбаясь, продолжала листать альбом. Тут мой взгляд зацепился за одну из картин.

— Вы вроде бы говорили, что у вас в семье до меня не рождалось девочек. А как же она?

Картина изображала семью в костюмах семнадцатого века. Мужчина в пышном парике, женщина в сильно декольтированном платье с кринолином — они словно пришли из фильма про мушкетёров. Два мальчика, на вид лет десяти и пятнадцати, одетые в уменьшенные копии роскошного отцовского костюма, стояли позади родителей, сидящих на изящной кушетке. На коленях у женщины сидел младенец в кружевных пелёнках. А к коленям мужчины прижималась очаровательная девочка лет четырёх в свободном голубом платье, в рюшечках и оборочках. Светлые локоны, очень напоминающие мои, были рассыпаны по её плечам. Семейное сходство было столь велико, что о возможности того, что малышка приёмная, не возникало даже мысли. Так почему же именно я была первой девочкой? Может, она умерла ребёнком, до обращения? Нет, Дэн точно сказал — «не рождалось».

— А это вовсе и не девочка, — и Эдвард указал мне на подпись, на которую я не обратила внимания. Она гласила: «Колин и Маргарет с сыновьями Джорджем, Джастином, Джеймсом и Джорданом».

— Джеймсом? Джейми, ты один из этих мальчиков? Который из них?

— Тот, который «девочка», — усмехнулся Джейми.

— А почему на тебе платье? — да, теперь я видела, что ребёнок вполне мог быть и мальчиком. Длинные локоны в то время носили и мальчики тоже, к тому же, у девочки, для парадного портрета, их убрали бы в причёску.

— Потому, что в то время так было принято. Мальчики до пяти лет носили платья. В богатых семьях, по крайней мере.

— Как странно. А почему? Это же неудобно — в длинном платье у малыша больше шансов запутаться в подоле и упасть. Штанишки намного практичнее и безопаснее.

— Этому обычаю много веков, — пояснил Джейми. — И возник он не на пустом месте. Так делали, надеясь обезопасить ребёнка.

— Но от чего?

— От смерти.

— Не понимаю. Как платье может защитить от смерти лучше, чем штанишки?

— Всё просто. Обычай этот основан на суеверии тёмных, неграмотных людей. В то время детская смертность имела катастрофические размеры. В семьях рождалось по десятку и более детей, но только единицы доживали до брачного возраста. Детские болезни уносили в основном малышей, к тому же мальчики умирали чаще девочек, которые по природе своей более выносливы. Вот люди и решили, что смерти больше нравятся мальчики. Поэтому и стали наряжать маленьких мальчиков в платья — вдруг смерть придёт за мальчиком, увидит девочку, решит, что ошиблась и не станет забирать ребёнка. Конечно, это не могло помочь реально, но люди в это верили. Поэтому такой обычай продержался аж до девятнадцатого века.

— Но в нашей семье дети не болеют. Тогда к чему это платье?

— Потому, что мы стараемся не выделяться. И следуем всем обычаям того народа и

времени, в котором живём.

— Мы ведь тоже так делаем, — напомнил мне Эдвард. — Носим зимой тёплую одежду, хотя вообще не мёрзнем. Ездим на машинах, хотя бегаем гораздо быстрее.

— И ходим в школу, хотя знаем больше учителей, — скривилась я.

— Порой это может доставлять довольно большие неудобства, — подхватил Дэн. — Долгие века мне приходилось мазать зубы углём, выходя «в люди». В то время здоровые зубы можно было увидеть разве что у детей. У взрослых такой сияющей улыбки, как у нас, быть не могло.

— Кстати, о зубах! — воскликнула я. — Помните, на поле боя у меня появились клыки. Для меня это было странно и неожиданно. А для вас, вроде бы, в порядке вещей. Они появляются, когда я этого не жду, но когда я этого хочу — не слушаются. Почему так происходит? Объясните.

— А были и другие случаи, когда у тебя непроизвольно появлялись клыки? — уточнил Джейми.

— Ещё один раз. Я тогда здорово разозлилась на Эммета. Хотя нет, подождите! Был же ещё один раз. Когда я увидела новорожденных. Но я сразу после этого обратилась в гаргулью, в первый раз, так что в тот момент не обратила на это внимание, а позже решила, что это как бы начальный этап превращения.

— Мы никогда не обращаемся постепенно, — покачал головой Дэн. — Всё происходит одновременно.

— Скажи, а ты в тот момент тоже рычала? Как тогда на поле? — продолжал выяснять Джейми.

— Да, верно, рычала. В первый раз я сама себя этим перепугала. А когда позже попробовала рычать — ничего не получилось, как и с клыками.

— Всё верно. Именно так это и происходит, — кивнул Дэн.

— Да что — «это»?!

— Видишь ли, Дани, — стал объяснять Джейми. — Мы существуем в одной из двух ипостасей — либо человек, либо гаргулья. Или-или. Промежуточных состояний не бывает. За единственным исключением. Когда возникает, или нам кажется, что возникает, угроза нашим отношениям с нашей половинкой — в этом случае в человеческом облике у нас вполне могут проявиться признаки гаргульи. А именно — клыки и рычание. Это бывает редко, но прецедентов в семье было достаточно, чтобы мы заметили и поняли эту закономерность. И когда ты, испугавшись разлуки с этим мальчиком, оскалилась на нас и зарычала — у нас отпали последние сомнения. Этот признак показал всем окружающим, что ты нашла свою половинку. И попытаться разлучить вас рискнул бы разве что сумасшедший.

— Вот почему вы так легко с этим смирились, сэр?

— Легко? Не сказал бы. Но смирился однозначно. Я мог переживать, расстраиваться, негодовать — в конце концов, я её отец, имею право. Тебя же я тогда вообще ещё не знал. Но мне и в голову не пришло как-то воспротивиться, попытаться что-то изменить. Потому что половинку нам даёт судьба, и мы не вправе с ней спорить.

— Кстати, с новорожденными всё ясно, — заметил Дэн. — А что там с Эмметом? Из-за чего ты так на него разозлилась, что у тебя проявились эти признаки? Он попытался вас разлучить?

— Ну, не в прямую. Но у нас с Эдвардом в тот момент только-только всё стало налаживаться. А Эммет возьми и ляпни нечто неллицеприятное. Прямо по больному месту.

Он частенько сначала говорит, а потом думает. Вот я и испугалась, что Эдвард снова отдалится. Так что, да, здесь тоже всё совпадает. Я действительно увидела в нём угрозу нашим отношениям.

— Никто и никогда не разлучит нас, малышка. И уж тем более глупые шутки Эммета. Поверь, я этого не допущу.

— Да, теперь я это знаю. Но тогда всё было ещё так зыбко и неясно. Вот я и психанула.

Пока мы обсуждали мои клыки, я пролистала большую часть альбома и дошла до разворота, на которой была семья Джейми. Моя семья. На правой, современной стороне, была изображена семья, стоящая в весеннем саду на фоне цветущей яблони. В центре композиции возвышалась гигантская фигура отца семейства. Он выглядел ни на день не старше, чем теперь, хотя фото явно было сделано более десяти лет назад. Правой рукой он нежно прижимал к себе невысокую стройную молодую женщину, которая рядом с ним казалась совсем крошечной. Волосы того же цвета, что и у меня, только прямые, большие серые глаза, изящное лицо сердечком — его я тоже унаследовала от неё. И слава богу! Мне только брутального отцовского подбородка не хватало! Левую руку женщина положила на плечо стоящего перед ними мальчика лет десяти. Тот держал на руках рыжего щенка кокер-спаниеля, который весь извивался в попытке лизнуть хозяина в щёку. На другой руке у матери сидел годовалый малыш. Ещё один мальчик, на вид немного помладше того, что со щенком, сидел у Джейми на плечах. А на его левой руке сидела пятилетняя девочка в жёлтом платье. Вся семья весело смеялась, глядя на проделки щенка.

— Какая замечательная фотография, — пробормотала я.

— Да, — подтвердил Дэн. — Мне она тоже нравится больше, хотя в тот момент было сделано и другое фото, где все смотрят в камеру. Но в этом альбоме и так слишком много официальных портретов, так что я выбрал именно этот кадр.

— Ты здесь такая очаровашка, — шепнул мне Эдвард и потёрся носом об моё ухо. — Хотя ты всегда очаровашка. И тогда, и сейчас.

— Элис была права. Она сказала, что я росла с братьями. — И я прочла под фотографией: — Джеймс и Анастасия с сыновьями Майклом, Николасом, Тайлером и дочерью Анжеликой. Анжеликой?

— Я же говорил — до семи лет мы звали тебя Энжи, — напомнил мне Джейми.

— А почему перестали?

— Потому, что ты этого потребовала. В детстве ты воспринимала имя Энжи как должное. Но в школе учительница объяснил тебе его «ангельское» происхождение. А поскольку ангельским поведением, в отличие от имени, ты никогда не отличалась, то довольно часто получала от учительницы выговоры, сопровождаемые проповедями на тему, что раз уж у тебя такое имя, то ты просто обязана ему соответствовать.

— Хотя, на мой взгляд, — перебил его Дэн, — ты была всего лишь нормальным, живым ребёнком, которому просто было скучно среди ровесников. К шести годам ты уже читала толстые книги и знала таблицу умножения до ста, а вас там учили читать по слогам и считать на пальцах. Нам бы отдать тебя сразу в третий класс, но, как говорилось раньше — мы стараемся не выделяться и не привлекать к себе внимание, если этого можно избежать.

— Ты довольно долго всё это терпела, — продолжил Джейми, — из гордости скрывая всё это от нас — мы же не сидели в твоей голове постоянно, уважали твоё право на частную жизнь. Если бы знали — конечно, осадил бы эту, с позволения сказать, «педагогиню». Но мы не знали. А ты молчала, терпела, копила всё в себе. А потом был взрыв. Сейчас уже

сложно сказать, что именно послужило причиной, кажется, ты отлупила пару мальчишек, которые, наслушавшись учительницу, стали воспринимать слово «ангелочек» как нечто негативное и дразнить тебя им. В итоге — пара расквашенных носов, вызов родителей в школу, и твоя истерика на тему: «Я не ангелочек, и никому не позволено меня так называть!». Из той школы мы тебя, конечно, забрали, высказав твоей учительнице, а заодно и директору, всё, что думаем об их педагогической деятельности. Но дело уже было сделано — пришлось нам всем привыкать называть тебя вторым именем, а ты с той поры бросалась с кулаками на любого, кто имел неосторожность сравнить тебя с ангелочком.

— А мне нравилось твоё новое имя, — улыбнулся Дэн.

— Ещё бы. Его же ей в твою честь дали, как ты скромно заметил там, на поле. Не только тебя одного это и радовало.

— Анжелика Даниэлла, — задумчиво протянул Эдвард. — Энжи Дэниелс. Не так уж и сильно ты забыла своё настоящее имя, как казалось.

— Это ты о чём? — удивился Джейми.

— Имя «Энжи» придумала Эсми. Сокращённо от Энжел-Ангел. Куда же деваться, если она у нас такой ангелочек.

— Я, кстати, уже тогда решительно заявила ей, что я не ангелочек. Но на имя согласилась, оно затронуло во мне что-то, я вздрогнула и обернулась, услышав его, хотя была абсолютно уверена, что это не моё имя. Решила, что просто знала кого-то с этим именем.

— Анжеликой её окрестил уже Джаспер, когда делал Энжи документы. А фамилию она выбрала себе сама. Просто стала листать телефонный справочник и решила, что эта фамилия будет «правильной». Так что по новым документам она Анжелика Элизабет Дэниелс.

— Не Каллен?

— Нет. Мы же не знали, надолго ли она с нами. И было бы странно усыновлять такую взрослую девочку.

— А квилеты просто не знают фамилию Дэниелс. Не было случая упомянуть её. Зато они прекрасно знают, в какой семье я живу. Вот я и представлялась им Энжи Каллен. Так было проще.

— И, в конце концов, так ведь в итоге и будет, рано или поздно, — пожал плечами Эдвард.

— Лучше поздно, — проворчал Джейми.

— Со сколько лет Настя носит фамилию Кэмерон, не напомнишь? — ехидно осведомился у него Дэн.

— Ты прекрасно знаешь, что это не в счёт. Она носила эту фамилию лишь номинально. А вовсе не потому, что вышла за меня! Точнее — вышла, но не по-настоящему. Ну, то есть, по-настоящему, но не сразу. Тьфу, ты меня запутал!

— Я тебя запутал? Да ты сам запутался и остальным головы заморочил!

— Сам же всё прекрасно знаешь, так чего же цепляешься?

— Я-то знаю. Но может, и ребятишкам тоже расскажешь?

Слушая их перепалку, я разглядывала фотографии на левой стороне разворота. Джейми выглядел просто монументально на портрете, судя по костюму, начала восемнадцатого века. Но не его изображение привлекло моё внимание, а маленькая чёрно-белая фотография, не больше половины моей ладони, примостившаяся рядом. На ней был изображён худенький, измождённый до полупрозрачности ребёнок с короткоостриженными светлыми волосами и огромными серыми глазами в пол-лица, под которыми разливались не менее огромные

синяки. Тоненькая шейка торчала из слишком широкого ворота белой рубашки, под воротником был повязан галстук, похожий на тот, что носят скауты. Ниже было написано: «Настя 10 лет». Господи, этот ребёнок выглядел лет на шесть, не старше, к тому же было непонятно, как в таком хрупком тельце до сих пор теплилась жизнь? Я перевела взгляд на семейную фотографию. Да, рядом с Джейми она выглядит крошечной, но, учитывая его габариты, у моей мамы — вот я и назвала её так, впервые, пусть и мысленно, но я это признала, — вполне обычный, средний рост. И она выглядит абсолютно здоровой, румяной, весёлой. Стройной, но совсем не хрупкой. Так что же с ней случилось в детстве, в каком концлагере она побывала, чтобы так ужасно выглядеть?

— Господи, кто же довёл её до подобного состояния? — потрясённо выдохнул Эдвард у меня над ухом. Видимо, наши мысли шли в одном направлении.

— Нет-нет, ничего такого. Не пугайтесь. Никто её не «доводил». Просто она была больна. Очень сильно больна, практически смертельно. Я едва не опоздал. — Джейми громко сглотнул, видимо, представив себе такое развитие событий.

— А сейчас?.. — я не уточнила, но всем и так было ясно, о чём я спрашиваю.

— Сейчас всё прекрасно. Наша кровь творит чудеса. Настя полностью поправилась. Но когда я впервые её увидел...

— Расскажи! — попросила я.

Глава 25. Долгий путь домой. Часть 2.

— *Расскажи!* — попросила я.

— Что ж, слушайте. Дело было больше тридцати лет назад, в то время у Америки с Россией, а точнее — с Советским Союзом, была холодная война, и проникнуть за железный занавес было весьма не просто. Мы и не стремились — хотя документы у нас практически идеальные, но всё же не настоящие, и лишний раз засвечивать их во всяких посольствах и других не менее дотошных организациях мы избегаем.

Но в тот раз я поступил вопреки всем нашим правилам. Маленькое отступление — наша семья богата. Очень.

— Наша тоже. Очень, — улыбнулся Эдвард.

— Верю. Так вот, мы спонсируем довольно много всяческих благотворительных проектов. И в тот раз я курировал организацию, которая занималась тем, что посылала в другие страны врачей для обмена опытом, консультаций и другой помощи. И тут случилось так, что, благодаря какому-то чуду, железный занавес чуть приподнялся, и появилась возможность отправить в Москву несколько детских врачей, а так же волонтеров с лекарствами и подарками. Визит намечался короткий, всего на несколько дней. Что именно побудило меня присоединиться к этой группе? Интерес? Любопытство? Вряд ли. Желание осмотреть достопримечательности? Нет, я уже бывал в России раньше, и не раз, даже язык выучил, для нас это легче лёгкого. Короче, никаких объективных причин для этой поездки у меня не было. Теперь-то я понимаю, что со мной происходило. Но в тот момент я действовал, как под гипнозом. Задействовал все связи и немалые деньги, добился включения в состав группы, даже с фальшивыми документами нигде не прокололся. И вскоре уже был в Москве.

Сначала всё шло нормально, даже рутинно. Каждый день мы посещали одну из больниц, врачи осматривали детей, мы, волонтеры, раздавали им подарки. Конечно, видеть радость в глазах больных малышей уже само по себе награда, но я чувствовал, что мне чего-то не

хватает, что-то должно произойти — и не происходит. Но на четвертый день это случилось.

Мы, как обычно, приехали в очередную больницу и пошли по палатам, раздавая малышам мягкие игрушки, а детям постарше — фломастеры, невероятную редкость в то время. Мы вошли в одну из больших палат, ребяташки столпились возле нас, улыбались, благодарили, получив подарки, всё как обычно. Но я заметил, что один ребёнок остался в своей кровати, стоящей в самом дальнем от двери углу. Малыш смотрел на нас огромными печальными глазами, но даже не пытался подойти. Выбрав медвежонка посимпатичнее, я подошёл к кровати, присел на корточки и протянул малышу игрушку. Никогда не забуду это изумление в огромных глазёнках и недоверчивый шёпот: «Это мне?». Честное слово, я чуть не разрыдался. Позже я узнал, что это был первый подарок, первая игрушка, вручённая лично ей.

Джейми прервался, чтобы сглотнуть комок в горле — даже спустя столько лет он не мог спокойно вспоминать ту встречу. А потом продолжил.

— Я смотрел в эти серые омуты и не мог оторваться, не понимая, что со мной происходит. Я спросил: «Как тебя зовут», и малыш ответил: «Настя». До этого момента я был уверен, что передо мной мальчик. Я сказал: «Да, Настя, это тебе» и протянул ей игрушку. Когда она брала медвежонка, наши пальцы соприкоснулись. И всё. В меня словно молния ударила. Это была она — моя половинка. Эта крошечная, робкая, очень больная девочка стала для меня смыслом существования отныне и навеки. Она смотрела на меня со счастливой улыбкой, озарившей её бледное личико, а я понимал, что мы уже никогда больше не расстанемся, чего бы мне это ни стоило.

Я пообещал обязательно прийти к ней снова и отошёл, чтобы поговорить с врачами. То, что я узнал, чуть не сбilo меня с ног. Моя суженная, моя половинка, умирала. Она родилась с тяжёлым пороком сердца. Сейчас такое уже оперируют, и довольно успешно, но не тогда. Родители отказались от неё сразу же после рождения, едва узнав страшный диагноз. Усыновить ребёнка, которому врачи и года жизни не гарантировали, желающих тоже не нашлось. Так она и жила, а точнее — выживала, деля время между детдомом и больницей. Нужно отдать должное врачам — не имея возможности вылечить её, они, тем не менее, сделали почти невозможное — так долго поддерживали в ней жизнь. Но и они оказались в итоге бессильны — Настя просто тихо угасала. И ни русские врачи, ни наши, приехавшие со мной — никто не давал ей больше месяца жизни. Тогда-то я и понял, почему в этот раз судьба свела нас так рано — ещё немного, и я потерял бы свою половинку, не успев её найти. А теперь я успеваю спасти её — у меня было при себе универсальное лекарство от всех болезней.

— И ты её вылечил, — утвердительно кивнула я.

— В итоге — да. Но сначала мне нужно было сделать так, чтобы хотя бы иметь возможность её лечить. А для этого нужно было находиться рядом. Кто бы мне это разрешил? Да и поить её при всех кровью было бы, по меньшей мере, неосторожно.

— И что же вы сделали, сэр? — спросил Эдвард. — Кажется, вы обмолвились о том, что похищение порой — совсем неплохой выход.

— Ты её похитил? — в моём восклицании было поровну удивления и восхищения.

— Да, когда понял, что законные методы не помогут. На следующий день у меня была весьма содержательная беседа с директрисой детского дома, в котором Настя жила в короткие промежутки между больницами. Очень приятная женщина, она была бы рада, если бы девочка обрела семью. Я соврал, что женат — в конце концов, любая из жён моих

кузенов не отказалась бы сыграть роль моей жены. Кому, как не им знать всё о половинках и их фантастической связи. Говорил, что мы с женой не можем иметь детей, что давно мечтаем о ребёнке — всё, что уместно было говорить в таком случае. Утверждал, что в Штатах есть врач, который обязательно спасёт Настю, что он может оперировать такие пороки. Даже то, что я иностранец, можно было бы обойти — при желании, найти лазейку в законе можно всегда. Особенно, когда в средствах не ограничен. Директриса была полностью на моей стороне, готова была содействовать мне по мере сил.

Джейми замолчал.

— Но? — не выдержала я. — Здесь так и слышится «но».

— Да, было одно огромное «НО», и об него разбивались все мои благие намерения сделать всё правильно и законно. Время. Его у нас не было. Во-первых, моя виза истекала через пару дней. Во-вторых, этого времени не было у Насти. В общем, вариант с усыновлением отпадал. И я ушёл, сделав вид, что смирился. Кстати, эту фотографию я стащил вместе с личным делом Насти, как только директриса отвернулась. К своему удивлению, я обнаружил, что малышке уже одиннадцать лет. Просто болезнь не давала ей нормально развиваться. Практически все крошечные силёнки её организма уходили на элементарное выживание. На нормальное развитие не оставалось почти ничего. Но и это тоже было поправимо. И в итоге у меня остался лишь один выход — похищение.

— И как ты это проделал? — мне не терпелось узнать подробности.

— Первым делом я вызвал на помощь «кавалерию». Вся семья была в курсе происходящего, и мой брат и два кузена, те, что в тот момент были относительно неподалёку, поспешили ко мне на помощь. После этого я закупил всё необходимое — одежду, продукты, сумку, чтобы всё это упаковать. А ночью прилетел за Настей. Было лето, форточка в палате была открыта, так что мне не составила труда открыть окно и незаметно проникнуть внутрь. Я завернул мою девочку, вместе с медвежонком, в одеяло, взял на руки и улетел. Никто даже не заметил её исчезновения до самого утра.

Когда мы летели в сторону гостиницы, Настя вдруг проснулась. Я-то рассчитывал, что она проснётся уже в номере, когда я буду в человеческом облике. А тут представьте — ночь, страшная высота, и её несёт куда-то огромное крылатое чудовище. А ведь у неё было больное сердце.

— Она очень испугалась? — спросил Эдвард.

— Как ни странно, нет. Всё пошло совсем не так, как я ожидал. Она обрадовалась. Представляете, улыбнулась, обняла меня своими слабыми ручонками за шею и зашептала: «Я знала, что ты прилетишь за мной». Я не поверил своим ушам. Едва выдавил из себя: «Откуда же ты знала?». «Мне Егоровна сказала. Нянечка в больнице. Что скоро за мной прилетит Ангел и заберёт меня с собой. Туда, где я не буду болеть. Только почему-то при этом плакала. А зачем плакать? Ты же за мной прилетел, значит, всё будет хорошо. Я ещё вчера догадалась, что это ты». Я мысленно поблагодарил неизвестную мне Егоровну, которая невольно облегчила мне объяснение и спасла малышку от шока. Но на всякий случай уточнил: «Значит, ты согласна улететь со мной?». А она прижалась лицом к моей шее и прошептала: «Куда угодно!» Её не пугали мои крылья, клыки, твёрдая холодная кожа. Ведь я был её Ангелом.

— У вас это, похоже, семейное, — усмехнулся Эдвард. И уточнил: — Быть ангелами.

— Вполне возможно, — улыбнулся Джейми. — Настя меня до сих пор иногда так называет. Мне нравится.

— Мне тоже, — призналась я. — Но только если меня так называет Эдвард.

— А об остальных ты ломаешь себе пальцы, — покачал головой Эдвард и, достав из кармана носовой платок, вытер мои мокрые щёки. А я даже и не заметила, что плачу. Тщательно высморкавшись, я спрятала платок в карман своих брюк — не возвращать же его Эдварду в таком виде.

— А когда ты рассказал ей правду? — поинтересовалась я.

— Да практически сразу, как мы прилетели. Хотя, конечно, не всю правду, только то, что она могла бы воспринять в тот момент. Я залетел в гостиничный номер через окно, как и вылетел, так что о появлении у меня в номере похищенной девочки никто и не догадывался. На первое время это было неплохое убежище. Я объяснил Насте, что я особый ангел, живущей на земле. И что излечится она не по мановению волшебной палочки, а от волшебного лекарства, которое у ангелов вместо крови. И нацедил ей немного в стаканчик. Моя моментальная регенерация её просто заморозила, поэтому она без возражений и почти без отвращения выпила мою кровь. Всю свою жизнь она пила лекарства, порой совершенно гадкие на вкус, так что опыт в этом деле у неё был немалый. Эффект не заставил себя ждать. Вскоре ей стало легче дышать, и она смогла говорить нормальным голосом, а не шептать. Убедившись, что новое «лекарство» помогает намного лучше всего, что давали ей до этих пор, Настя с большим воодушевлением принялась за лечение. Она спокойно уснула, и послушно пила очередную порцию каждый раз, как я её будил. И утром уже могла сидеть в кровати и с удовольствием поела. Конечно, облегчение было внешним, сама болезнь никуда не делась и так быстро не исчезла. Но, по крайней мере, главные симптомы отступили, давая нам такое необходимое время.

Я сообщил своим коллегам, что, видимо, простудился, и не рискну появиться в таком виде перед больными детьми. Особой необходимости во мне не было, поэтому никто не возражал против того, чтобы я остался на денёк в гостинице. Мы с Настей просидели этот день в номере — я поил её «лекарством» и рассказывал о своей семье. От половинок не бывает секретов, помните? Хотя болезнь истощила её тело, на интеллекте это никак не отразилось. Будучи надолго прикована к больничной койке, Настя много читала, и во многом даже опережала своих сверстников. Поэтому она совершенно спокойно приняла тот факт, что какое-то время нам нужно будет скрываться ото всех, пока мы будем добираться домой. Она была готова пойти куда угодно, сделать что угодно, только бы не разлучаться со мной. Притяжение половинок действует на обе части целого, так что, наши желания никогда больше не разлучаться, абсолютно совпадали. Мой же рассказ о гаргульях она восприняла как нечто само собой разумеющееся — в конце концов, она была ещё ребёнком, а дети легче принимают всё сверхъестественное.

К вечеру Насте стало уже настолько хорошо, что она смогла ходить по номеру, впервые за последние несколько месяцев. Пока ещё держась за мою руку, но всё же это был огромный прогресс. Когда стемнело, прилетел мой брат Джордан. Он немного младше меня, но для человеческого глаза мы выглядим близнецами. Он занял моё место в гостинице, в группе волонтеров, а также выехал по моим документам из страны. Никто ничего не заподозрил, даже люди, которые провели рядом со мной последние несколько дней. Если возникали какие-то неловкие моменты, например, кто-то упоминал о чём-то, о чём я должен был знать, Джордан тут же мысленно связывался со мной, и я давал ему подсказку. В общем, наша подмена прошла гладко. А я вновь взял завёрнутую в одеяло и уже уснувшую Настю на руки, сумку с самым необходимым повесил на плечо и улетел.

— И её не хватились? — удивилась я.

— Хватились, конечно. Но не сказать, чтобы особо искали. Она как-то не сильно кому-то была нужна. Были бы у неё родители — другое дело. А сирота, к тому же умирающая... Ну, поискали немного. Директор детдома сообщила следователю о моём желании усыновить девочку. Они отработали и эту версию. Но у меня было железное алиби, ведь ни я, ни Джордан, не покидали гостиницу в одиночку после исчезновения Насти. Когда следствие окончательно зашло в тупик, было решено, что девочка сама ушла из больницы и, скорее всего, утонула в реке. Или упала в канализационный колодец. Или что-то ещё, такое же «правдоподобное». То, что она не могла ходить — в расчёт не принималось. Похищение инопланетянами тогда ещё в моду не вошло, так что эта версия даже не возникала. А зря — она была ближе всего к истине.

Спустя месяц дело закрыли — искать ребёнка, который и под наблюдением врачей с трудом дотянул бы до этого срока, не имело смысла. Так всё и заглохло. Мы позже осторожно интересовались — дело отправили в архив и забыли. Кстати, оттуда оно благополучно испарилось, и не так уж и дорого это стоило.

— А что было дальше с вами? Неужели ты так и нёс её до дома?

— Нет, конечно. Не через океан же! Одному мне такой перелёт при желании совершить было бы вполне возможно. Хотя и голодно. Но не с малышкой на руках. Нет, мы летели медленно и не особо далеко. И только по ночам.

— «Мы»? — переспросил Эдвард.

— Да, мы. Два моих кузена встретили меня на окраине Москвы. Одному мне было бы сложно всё это осуществить. Мы летели ночами, а днём останавливались в безлюдных местах. Ставили палатку для Насти, чтобы она могла при желании отдохнуть. Кузены добывали еду в ближайших деревнях и охраняли мою малышку, пока я охотился. И то я старался сократить свои отлучки до минимума, чаще всё же ел человеческую пищу. За несколько дней мы пересекли пол-Европы. Настя воспринимала всё как невероятное приключение — столько интересного она не видела за всю свою жизнь. Нужно было видеть её восторг от бабочек, которых я для неё ловил, а она выпускала на волю, от венков, которые я для неё плёл. Я сам порхал вокруг неё бабочкой, а кузены тихо, чтобы не услышала Настя, насмехались надо мной, а про себя отчаянно завидовали — ведь они ещё не нашли своих половинок.

Так мы и добрались до Германии. Точнее — до Мюнхена. В то время он располагался в ФРГ, и туда, в отличие от стран соцлагеря, которые мы миновали, уже мог прилететь наш частный самолёт, на котором мы все и улетели домой.

— Но у вас же не было документов? Как же вы прошли паспортный контроль в международном аэропорту? — удивилась я.

На меня с одинаковой иронией взглянули три пары глаз.

— А кто тебе сказал, что мы его проходили? — усмехнулся Джейми.

— Это же частный самолёт, — пояснил Дэн. — Паспортный и визовый контроль проходили только те, кто был в самолёте, поскольку официально прилетели в страну и так же официально из неё улетели. О появлении в салоне самолёта ещё нескольких пассажиров таможенным службам знать было вовсе не обязательно.

— Вспомни, как Карлайл проводил в клинике твой первый медосмотр, — напомнил Эдвард. — Никто из людей даже не догадался, что ты там побывала. Мы же все быстрые. Очень быстрые. Людям за нами не уследить.

— Ой, ну да, конечно. Всё время об этом забываю! — сокрушённо покачала я головой, вызвав смех всей троицы. Но смех был добрым, и я не обиделась. Хорошо, что меня не слышал Эммет — уж он бы не упустил случая подколоть меня в будущем на предмет начальной фазы склероза, или чего-нибудь ещё, в том же духе.

— Так вы тоже там были, сэр, то есть Дэн?

— Конечно! Не мог же я такое упустить. Вся семья была взбудоражена. Впервые за тысячу лет кто-то из нас нашёл свою пару, когда она была ещё ребёнком. Я должен был это увидеть. Встретил их на окраине, на арендованной машине. Настя была такая крошечная худенькая, такая серьёзная. И, что уж греха таить — чумазая. И цеплялась за Джейми, как коала за последний невырубленный эвкалипт. Я быстренько снял люкс в одном из отелей, там мы привели малышку в порядок, отмыли, приодели.

— Собственно, отмывала-то её Лора, жена моего двоюродного дяди Герберта, конечно, — усмехнулся Джейми. — Они специально прилетели вместе с Дэном — девочке необходима была рядом женщина. Всё же, хотя Насте и стало лучше за эти дни, но она всё равно оставалась ещё довольно слабенькой и больной, и не могла самостоятельно себя обслуживать. А я в это время рванул по магазинам и купил ей кучу красивых платьев, туфелек, гольфиков. И соломенную шляпку с цветами. У Насти были совсем короткие волосы, чтобы в больнице было проще за ними ухаживать, её просто-напросто стригли под машинку, чуть ли не налысо. Я поклялся, что обязательно отращу ей косички — девочка должна выглядеть девочкой, а не мальчиком. Так же, я купил ей целую кучу игрушек — всё не мог забыть её восторг по поводу маленького плюшевого мишки, её первой собственной игрушки. Мы даже успели отвести её до отлёта в местный Лунапарк. Ненадолго, но впечатлений ей хватило. Я всё время носил Настю на руках, что никому не казалось странным, ведь она выглядела совсем малышкой, но всё же все эти новые, хотя и приятные впечатления, её утомили, и она уснула на моём плече по дороге назад, и даже не проснулась, когда мы пробрались на самолёт.

— Отмыли, купили новых платьев и игрушек, сводили в Лунапарк, — стала я загибать пальцы. — Ребята, да у вас сценарии просто под копирку!

— А засыпать на обратной дороге — у вас, видимо, семейное, — хмыкнул Эдвард.

— Просто она столько была в своей жизни лишена. И мне хотелось восполнить ей всё и сразу. Меня приходилось останавливать, чтобы я не скупал игрушки магазинами. Впрочем, её баловал не только я. Вся наша семья полюбила мою малышку.

— А что вы сказали окружающим? Откуда у тебя вдруг появился ребёнок? Она ведь жила с тобой?

— Конечно, со мной! А какие могли быть варианты? Первое время она вообще боялась меня из виду выпускать — никак не могла поверить, что я не исчезну, и она снова не останется одна. Первый год я был всё время рядом с ней — в этом прелесть богатства, при желании можно не ходить на работу. За этот год Настя окончательно поправилась — врачи вообще не находили в её сердечке хоть каких-то патологий, всё благополучно заросло. Этот же год я использовал для её обучения — во-первых, ей нужно было освоить язык, а во-вторых — не отстать от сверстников слишком сильно. Как я уже говорил, она была очень умненькой, и через год уже пошла в школу, правда на пару классов ниже своего возраста. Обучение на неродном языке — задача не самая лёгкая, и мы решили особо не торопиться. К тому же, она всё ещё выглядела младше своих лет, так что прекрасно вписалась в свой новый класс. Для всех вокруг она была моей сироткой-крестницей, чьи родители в завещании

назначили меня её опекуном. В принципе, особых вопросов ни у кого не возникло, не такой уж это и редкий случай. Так мы и жили.

— А на что Дэн намекал, говоря про то, что она рано стала носить фамилию Кэмерон.

— Ах, это... — мне показалось, или скулы Джейми действительно окрасились румянцем смущения? — Да это он так, просто болтает, не обращайтесь внимания.

— Джейми и Настя поженились, когда ей исполнилось шестнадцать, — выдал его Дэн.

— Кто тебя за язык тянул! — воскликнул Джейми.

— Она бы всё равно рано или поздно узнала.

— Лучше поздно!

— И этот человек требовал, чтобы мы ждали ещё девять лет! — возмутилась я. — А сам!

Мне уже семнадцать! У меня просто слов нет!

— Да не так всё было. Это всё было не по-настоящему!

— Священник был самый настоящий. Я сам его нашёл, — похоже, Дэна здорово веселили попытки Джейми оправдаться.

— Может быть, сэр, вы просто всё расскажете по-порядку? Уверен, что у вас были на то веские причины.

Глава 25. Долгий путь домой. Часть 3.

— *Может быть, сэр, вы просто всё расскажете по-порядку? Уверен, что у вас были на то веские причины.*

— Зови меня Джейми, Эдвард. И да, причина у меня была веская. Этого хотела Настя, а для меня её желания важнее собственных.

— То есть, она захотела выйти замуж в шестнадцать лет, а вы согласились? Так просто?

— Просто? Это было совсем не просто. Я понимал, что она совсем ещё девочка, какая из неё жена? Но для неё это вдруг стало очень важным. Понимаете, хотя я и вырастил её, отца она во мне не видела никогда. С самых первых дней она сама для себя решила, что как только она вырастет — мы поженимся. Это периодически проскальзывало в её разговорах о будущем, как другие дети говорят: «Когда я вырасту, то...», так она говорила: «Когда я вырасту, и мы поженимся, то...», то есть, как о чём-то само собой разумеющемся. Хотя я никогда ей ничего такого не говорил, про половинки и всё остальное, она просто это знала. Но я не возражал — знал, что так оно в итоге и будет. Просто Насте нужно стать взрослой, вот и всё.

— А если бы она передумала, когда подросла? Разве у неё не было выбора?

— Выбор есть всегда. И я бы принял любое её решение. Но мы же половинки. Мы связаны судьбой. Навеки. И она подсознательно понимала это, даже будучи ребёнком. Но когда немного подросла, у неё вдруг появилась навязчивая идея, что передумать могу я. Подростки имеют не самую устойчивую психику, весьма критично относятся к своей внешности и могут высосать трагедию из пальца. Хотя, благодаря периодическому приёму моей крови, так, немного, чисто для профилактики, она была избавлена от такой «милой» приметы переходного возраста, как угри и прыщи, фигурой-то она всё равно в то время напоминала гадкого утёнка. Видели бы вы её подростком — одни руки и ноги, кисти и стопы. И сказало отставание в физическом развитии — в неполные шестнадцать, её фигура была практически детской, несформировавшейся, в отличие от Настиных одноклассниц, которые были хоть и младше неё, но уже гораздо фигуристей. Вот она и вбила себе в голову, что я никогда не женюсь на такой «уродине». И переубедить её было

невозможно. К тому времени я ей уже и про половинок рассказал, и про судьбу. Бесплезно. Если уж подросток вбил себе что-то в голову... В общем, в итоге я сдался и пообещал жениться на ней, как только ей исполнится шестнадцать. И пришлось мне это обещание выполнять.

— Да уж. Мне, значит, не раньше восемнадцати замуж можно, а сам!

— Дани, ну о чём ты говоришь?! Она же была ещё совсем ребёнком. Болезнь значительно замедлила её физическое развитие, в свои шестнадцать она выглядела младше, чем ты сейчас! Кстати, ты, например, никогда не была гадким утёнком, как и остальные гаргульи. Так что, таких проблем у тебя никогда не было. И единственное, что Настя получила от меня в первые годы брака — это фамилию и душевное спокойствие. Всё остальное осталось по-прежнему.

Дэн многозначительно кашлянул.

— Ну, да, да! Мы целовались, и что? Я, в конце-то концов, не железный. Но и всё! Прошло пять лет, прежде чем наш брак стал реальным. Когда любишь человека, то ради его блага можешь и подождать.

Последнее предложение Джейми сказал с особым выражением. Я заметила, как они с Эдвардом встретились глазами в зеркале заднего вида.

— Я тоже смогу подождать, — твёрдо сказал Эдвард.

— А у меня право голоса есть?

— Нет! — прозвучал дружный хор из трёх голосов.

— Шовинисты, — буркнула я и надулась.

— Мы прожили с Настей больше тридцати лет, у нас четверо детей и я люблю её ничуть не меньше, чем десять или двадцать лет назад. И никогда не стану любить меньше. Я знаю, что впереди у нас ещё почти двести лет, но мне этого мало. Даже представить не могу, что со мной будет, когда я её потеряю. Точнее — могу. У меня прямой доступ к чувствам тех моих родственников, кто потерял. И это страшно.

— Это очень страшно, — глухо обронил Дэн. — Это всё равно, что отрезать половину сердца. Прошла почти тысяча лет, но не было ни дня, чтобы я не вспомнил свою Камиллу. Мне без неё так плохо. Зачем нужно бессмертие, если нельзя разделить его с любимой?

— Мы можем лишь продлить жизнь своим половинкам, но по сравнению с нашими жизнями — это капля в море. Сделать их бессмертными не в наших силах.

Джейми сделался таким же мрачным, как и Дэн. Один предвидел разлуку с любимой, другой вспоминал уже пережитое.

— Но это возможно, — задумчиво протянула я.

— Что возможно? — переспросил Дэн.

— Не терять их. Сделать бессмертными. У первых гаргулий это получалось прекрасно, ты же сам рассказывал.

— Но... — начал было Эдвард, но я прижала пальцы к его губам, не давая произнести то, что он собирался.

— Не желаю слышать ни слова на тему «проклятые души» и тому подобное. Обсуждали уже. И ты знаешь моё к этому отношение. В данном случае это действительно выход.

Я почувствовала, что губы Эдварда сложились в улыбку под моими пальцами, а потом поцеловали их. Моя рука скользнула на его щеку, ласково её гладя. Эдвард стал наклоняться ко мне, но вдруг вздрогнул, бросил взгляд вперёд, потом резко рванулся и, перегнувшись через плечо Дэна, схватил руль и выправил машину. Если бы не его реакция, машина слетела

бы в кювет, поскольку дорога заворачивала, а Дэн никак на это не реагировал. И он, и Джейми просто застыли, глядя вперёд пустыми глазами. От прикосновения Эдварда, Дэн словно очнулся, схватился руками за виски и застонал. Через пару секунд он взял себя в руки и забрал у Эдварда руль. В это время Джейми тоже зашевелился и затряс головой.

— Ох, Дани, умеешь ты выбрать время, чтобы бомбу взорвать, — потирая висок, пробормотал Дэн. — Я думал, у меня голова от криков взорвётся.

Джейми обернулся, и горящими глазами впился в Эдварда.

— Это возможно? Это на самом деле возможно?

— Да, Джейми, вполне возможно. Мой отец сможет это сделать. Но вы уверены, что действительно этого хотите? Я никому не пожелал бы такой жизни. Хотя теперь, когда я нашёл Энжи, я начинаю думать, что, возможно, моя жизнь не так и ужасна, как мне казалась раньше....

— А что с вами произошло? — удивилась я. — Вы словно застыли. Ослепли и оглохли разом.

— Мне так тоже показалось, — Дэн всё ещё тёр висок. — Когда в твоей голове разом заорут больше полусотни голосов... Не дай бог тебе такое испытать.

— Да кто заорал-то? — Но я и сама уже догадалась. — Вы что, продолжали «сеанс» всё это время?

— Конечно. Вся семья присутствовала при нашем разговоре. Это редкий случай, когда мы все на связи одновременно. В этом случае мы стараемся говорить лишь по необходимости, чтобы не перегружать «эфир». Но когда ты сказала про способ... Господи, нам такое и в голову никогда не приходило.

— Это выход, это определённо выход, — бормотал в это время Джейми. — Мне не придётся терять Настю.

— А сейчас они не кричат? Успокоились? — продолжала допытываться я.

— Не знаю. Я закрылся, пока мозги не взорвались. Ты хоть понимаешь, что ты нам предложила? Для многих уже поздно, но для остальных — это же такой шанс!

— А сами вы что, додуматься не могли? Это ведь не моё изобретение. Я просто вспомнила твой рассказ, вот и всё. Ну и твои слова там, на поле, что мне не придётся хоронить свою половинку, как всем вам. И я подумала — а почему только мне?

— Это всё меняет, это всё меняет! — продолжал бормотать Джейми, обхватив голову руками и раскачиваясь, словно в трансе.

— Да что с ним такое? — кивнула я на него. — Ты вроде бы уже вполне адекватный, а он...

— Дай ему время, детка. Твоё предложение меня радует постольку, поскольку это даёт надежду моим потомкам. Для меня самого уже поздно, Камиллу не вернуть. А Джейми только что осознал, что ему не придётся терять свою половинку. Ты убрала висевший над ним Дамоклов меч. Даже не представляешь, как нас мучает постоянное сознание того, что половинки в нашей жизни лишь на короткий миг, и мы вынуждены беспомощно наблюдать, как они покидают нас. А теперь....

— И всё равно, не могу понять, неужели за тысячу лет никому из вас такое и в голову не пришло?

— Дани, когда я в последний раз видел вампиров, я был ещё ребёнком. Остальные вообще с ними никогда не сталкивались. Мы, конечно, понимали, что где-то они всё же есть, но никогда не думали о них в таком ключе. Они же вроде как наши враги. Не обижайся,

парень. Твоя семья — исключение.

— Конечно, я не обижаюсь. Но вы понимаете, что это не самое простое решение. Вашим женщинам от многого придётся отказаться, если они выберут эту жизнь. Не такая уж она и прекрасная.

— Эдвард, рядом с гаргульями они не будут мучиться от жажды, а ведь это самое тяжёлое в вашей жизни. А в остальном — только плюсы. И они вполне могут и дальше пить кровь мужей, только уже немного для другой цели. Ведь моя кровь вам реально помогла, правда?

— Правда, малышка. С тех пор, как ты вошла в нашу жизнь, она кардинально изменилась. В лучшую сторону.

— Решать Насте, но я её уговорю. — Джейми продолжал раскачиваться, держась за голову. — Я обязательно её уговорю. Я не могу её потерять, просто не могу!

Дэн свернул на обочину и остановил машину. Потом положил руку на плечо правнуку.

— Джейми, успокойся! Это не нужно решать прямо здесь и сейчас. Ты просто должен принять тот факт, что теперь у тебя есть выбор. И у тебя впереди ещё достаточно времени, прежде чем вы с Настей решитесь на такой шаг.

— Я в порядке, — Джейми обернулся ко мне. В глазах его стояли слёзы. — Ты даже не представляешь, доченька, что ты сейчас для меня сделала. И не только для меня.

— Да что я сделала-то? Решение лежало на поверхности, любой бы догадался.

— Как видишь, мы не догадались. Но теперь всё изменится. И тебе благодарна вся семья.

— Ты открылся? — поднял бровь Дэн.

— Да. Они пообещали не орать больше. И, может, уже поедем? Настя, наверное, вся извелась, ожидая нас.

— Я, пожалуй, пока открываться не буду, хватит им и тебя одного, — и Дэн тронул машину с места. Какое-то время мы ехали молча, давая Джейми окончательно прийти в себя, но у меня накопилось слишком много вопросов.

— Я всё это время хотела спросить — вы знаете, что со мной случилось на самом деле? Как я вообще оказалась в том месте? И откуда рухнула?

— С самолёта, конечно. Не с НЛО же.

— Ну, у Эммета и такая версия возникала...

— Конечно! Самолёт... — покачал головой Эдвард. — В списках же была семнадцатилетняя девушка, но мы отмели эту версию, поскольку ты явно была младше. Как оказалось — напрасно.

— Но ведь самолёт взорвался. И дальше того места, где меня нашли. И у меня же были пули в голове — они-то откуда? Вам хоть что-нибудь об этом известно?

— Да, теперь известно. — Джейми вздохнул. — Но и сами мы всё совсем недавно узнали. А до этого — стена.

— Мы и звали-то тебя от безысходности, не веря, что услышим отклик, — подхватил Дэн. — И только когда ты обратилась — мы это почувствовали. Но ты всё равно не откликалась.

— Они меня звали! — повторила я в пространство. — Эдвард, познакомься с моими ночными кошмарами.

— Так это из-за вас она вначале плакала каждую ночь? — нахмурился Эдвард.

— Так ты нас слышала? — оживился Джейми. — А почему же не откликнулась?

— Как? Я не могла! Я пыталась, но вообще ничего не могла — ни шевельнуться, ни ответить. Это было так страшно, ваши голоса звучали так безысходно. И только Эдвард мог меня спасти. Только в его объятиях я переставала плакать. Он не позволял «голосам» меня мучить.

— Да уж, блок ты поставила такой сильный, что и сама не могла его снять, — покачал головой Дэн.

— Потому, что не помнила, как это делается, — пояснил Джейми. — Точнее — не помнила, что можешь это сделать.

— Вы что-то говорили про день рождения подруги. И что я сбежала из дома. А поподробнее можно?

— Конечно — кивнул Джейми. — Расскажу всё по порядку. Но без особых подробностей — мы уже скоро приедем. Потом, если захочешь, узнаешь всё в деталях, а пока — самое основное.

Наша семья, как уже упоминалось, очень богата. Но живём мы относительно скромно, если учесть то, чем владеем в реальности. Стараемся не привлекать к себе особого внимания — оно, учитывая, кто мы такие, нам совсем ни к чему. Своими фирмами и корпорациями мы управляем в основном анонимно, через подставных лиц. К тому же мы не держим слуг, охрану — нам это вроде бы и не нужно. Мы сами в состоянии обеспечить необходимую безопасность нашим семьям. Но тут мы прокололись.

У нас интересы в разных областях, но мы с одним из моих братьев относительно недавно занялись некими разработками, не стану грузить вас подробностями, которые начали приносить весьма неплохой доход. А поскольку дело совсем новое — то его мы зарегистрировали под своими именами. Законспирировать никогда не поздно — так мы считали. Но, на нашу беду, этими разработками заинтересовалась одна не очень хорошая организация. Если проще — то что-то вроде мафии. И нам было сделано некое предложение, от которого мы вежливо отказались. Пошли угрозы. Это было не особенно приятно, но мы считали, что ничего особо страшного в этом нет. Так, временное неудобство. Что эти смертные могут нам сделать? Из всей семьи на данный момент уязвимы были только моя жена и младший сын Тайлер. Ему тринадцать, до перерождения ещё долго. Но они оба были под неусыпным наблюдением — такие вещи мы на самотёк не пускаем. Ты же к тому времени уже три года как обратилась, поэтому тебе охрана была уже не нужна. Так мы считали.

И тут ты вдруг заявляешь, что тебе просто жизненно необходимо слетать на день рождения бывшей одноклассницы. Вы сидели за одной партией, когда мы жили на другом конце страны. Мы, как и ваша семья, Эдвард, регулярно меняем место жительства, и по той же самой причине, что и вы — люди замечают, что мы не стареем, или стареем слишком медленно. Ты, Дани, за прошедшие со времени нашего переезда четыре года, время от времени общалась с ней в интернете, но никогда не рвалась вновь встретиться. А тут словно с цепи сорвалась — поедешь, и всё! Мы пытались тебя отговорить. Хотя тебе практически невозможно причинить вред — всё равно опасность разоблачения была достаточно сильной. Представь, если бы киллер выстрелил в тебя на людях, а ты бы раз — и ожила! Или врачи попытались оказать тебе помощь — а ты твёрдая, холодная, но при этом живая? В общем, мы тебе запретили лишний раз без необходимости покидать дом, тем более — город.

Чтобы обезопасить семью, мы должны были обезглавить ту организацию. Нам нужно было лишь ещё немного времени, чтобы добраться до главаря этой банды — угрозы нам

передавали шестёрки, которые и сами-то почти ничего не знали. Мы уже подобрались достаточно близко и просили тебя подождать — пусть ты не попала бы на этот день рождения, но смогла бы спокойно навестить подругу позже. Это тоже было не самым безопасным делом, учитывая твою изменившуюся физиологию, но мы готовы были пообещать тебе что угодно, только бы ты успокоилась. Если бы мы в тот момент поняли, что тебя гонит тот же инстинкт, который погнал меня в Россию, а Дэна в Испанию... Но у нас и мысли такой не возникло. Ты была ещё ребёнком! Ты и сейчас ребёнок.

— Мне, хотя бы, не одиннадцать! — огрызнулась я.

— Но там был особый случай. Если бы мы не встретились в тот момент, то через месяц Насти бы просто не стало.

— Меня тоже, — негромко обронил Эдвард.

Мы замерли.

— Что? — переспросил Дэн.

— Если бы мы не встретились в тот момент с Энжи, то меня бы тоже просто не стало. Только через два месяца.

— Новорожденные, — выдохнула я.

— Конечно. Сколько шансов было у нас выжить в той бойне? Нисколько. Если бы ты не появилась у нас этим летом — ни меня, ни моей семьи уже бы просто не существовало.

— Вот тебе и объяснение! — воскликнула я, обращаясь к Джейми. — Ты всё удивлялся, почему мы встретились так рано? Думаю, теперь все вопросы отпали.

— Я понял это, когда вы, Джейми, рассказывали, почему нашли свою половинку так рано. Аналогия была слишком явной.

— А я как-то даже и забыла про новорожденных. Настолько свыклась с мыслью, что я сильнее, что даже как-то и не представляла себе сценарий, в котором они бы победили. Я так привыкла считать себя частью твоей семьи, что и не задумывалась о том, как бы вы справились без меня.

— Никак. Ты всех нас спасла.

— Так и должно было быть. Так распорядилась судьба. Никогда не спорь с судьбой — она знает лучше.

— Ладно, больше не заикнись про твой возраст, — явно против воли выдавил Джейми.

— Это было бы просто замечательно. И, может быть, закончишь свой рассказ? Я всё же сбежала?

Глава 25. Долгий путь домой. Часть 4.

— *Я всё же сбежала?*

— Конечно! В тот момент тебя можно было бы удержать только силой. А мы этого не поняли. В итоге ты закрылась от нас — мы не могли не только достучаться до тебя, но и просто обнаружить твоё местоположение. Пользуясь этим, ты удрала ночью из дома и отправилась в аэропорт. Билет ты заказала заранее. В конце концов, ты же не была пленницей. Мы не отслеживали твои телефонные звонки или расходы по кредитке. Но, как оказалось, это делали те, кто нам угрожал. Они точно знали, что ты полетишь на том самолёте, и приняли свои меры. Им нужно было надавить на нас, показать, что для достижения цели они пойдут на что угодно. Так что, им было мало твоей смерти — сама по себе ты их не интересовала. Ты должна была стать лишь посланием, которое мы должны были обязательно получить. Просто взорвать самолёт, на котором ты полетишь, им было

недостаточно — да мало ли, от чего он мог взорваться, вдруг просто мотор неисправный был, какой же это жест устрашения? Нет, им нужно было обставить всё с особым драматизмом, чтобы у нас и сомнения не возникло, что эти люди не шутят. Это самое стремление к театральщине и спасло тебе в итоге жизнь.

— Не понимаю.

— Что ж, мы тоже узнали это не так давно. А дело было так. Один из пилотов той авиакомпании состоял в той самой организации. Устроить так, чтобы его поставили на нужный рейс, было не особо сложно — тому, кто должен был лететь, устроили небольшую аварию, и парень загремел в больницу. Ничего серьёзного, но в тот рейс выйти он уже не смог. Поставили замену. Пилоту пронести на борт пистолет и бомбу особого труда не составило. Дальше всё было делом техники. В нужный момент он поставил самолёт на автопилот, расстрелял экипаж в кабине из пистолета с глушителем, чтобы раньше времени не взбаламутить пассажиров, включил на бомбе таймер, надел парашют, вышел в салон, спокойно подошёл к тебе — ты или спала, или слушала с закрытыми глазами музыку в наушниках. В общем, опасности не почувствовала. Он всадил тебе несколько пуль в голову, открыл дверь, вышвырнул твоё тело наружу, потом спрыгнул сам. Через несколько минут взорвалась бомба. Если бы ты в тот момент находилась в салоне — ты бы погибла. В человеческом обличье тебя разорвало бы на куски — против такого не поможет никакая регенерация. Предполагалось, что когда найдут твоё тело с пулями в голове, власти зайдут в тупик, а мы поймём адресованное нам послание. Вот почему пилот выкинул тебя из самолёта до взрыва. И этим, сам на то не рассчитывая, спас тебе жизнь.

— Но моё тело не нашли. Потому что меня подобрала Карлайл и Эсми и увезли с собой.

— Да. И долгое время мы считали, что ты погибла вместе с остальными пассажирами. Опознать хоть кого-то было невозможно, даже хотя бы количество людей определить. Бомба была невероятно мощная, пилот перестраховался. Никто не должен был заметить его отсутствия — он «погиб» вместе со всеми остальными, исчез, за что получил хорошее вознаграждение от своего босса.

— Но как вы всё это узнали? С такими подробностями?

— Мы нашли их, — ответил Дэн. — И босса, и пилота. И остальных. Когда мы пришли за ними и показали свой истинный облик — они визжали, пачкали штаны и были готовы рассказать нам всё, что нам угодно. Именно так мы и узнали, где и под каким именем скрывается пилот. А от него — все эти подробности.

— И что с ними теперь? — поинтересовался Эдвард. Я заметила, что, несмотря на внешнее спокойствие и почти равнодушный голос, он крепко сжал кулаки, выдавая сдерживаемую ярость.

— Их уже нет, парень. Ни одного не осталось. Мы защищаем свою семью. Уничтожаем угрозу под корень. И следов не оставляем.

— Жаль. Я хотел бы сам это сделать.

— Ничего не поделаешь. Мы же не знали, что нужно кого-нибудь для тебя приберечь. Но пусть тебя утешит то, что перед смертью им было очень больно и очень страшно.

— Что же, слабое, но всё-таки утешение.

— Эти люди в самолёте, — в растерянности прошептала я. — Они погибли из-за меня. Я виновата в их смерти.

— Нет! — воскликнул Эдвард и крепко прижал меня к себе, уронив альбом с наших колен на пол. — Не смей даже думать так. Это не твоя вина! Не ты заложила бомбу. Не ты

расстреляла экипаж. И не ты прострелила себе голову. Ты — такая же жертва, как и остальные. Вины на тебе не больше, чем на них.

— Но я выжила, а они...

— И в этом твоей вины нет, — присоединился Джейми к увещаниям Эдварда. — Ты такой родилась.

— Все, кто в этом действительно виноват, уже понесли заслуженное наказание, — внёс свой вклад Дэн. — Погибших это не вернёт, конечно, но больше эти негодяи никому не навредят.

— И чтобы я от тебя больше такого не слышал! Ты должна мне это пообещать. Договорились, малышка?

— Хорошо. Обещаю.

Я прижалась к Эдварду, понимая, что сдержать это обещание будет сложно. Но я постараюсь. Эдвард прав — не я взорвала бомбу. А мой побег, приведший ко всей этой истории... Как оказалось, от меня здесь мало что зависело. Так что, и за это винить себя я не стану. Так распорядилась судьба, сводя половинки вместе. И не мне с ней спорить.

— А как же вы меня нашли? И так вовремя появились на поляне?

— А за это ты можешь поблагодарить Вольгури, — ухмыльнулся Дэн. — Они нас на тебя и вывели. Знаешь, поначалу, когда мы отследили твой путь до самолёта, то долгое время считали тебя погибшей. Мы, конечно, продолжили попытки с тобой связаться, но как я говорил, скорее от отчаяния, чем надеясь на самом деле тебя найти. Потом, когда ты впервые переродилась, мы поняли, что ты всё же жива. Мы не могли с тобой связаться, не могли определить твоё местоположение, но определить момент перевоплощения мы можем, как бы ты от нас не закрывалась. Поняв, что ты жива, мы взяли за поиски.

— Мы знали, что будь ты в самолёте в момент взрыва — ты бы точно не выжила, — продолжил Джейми. — Поэтому предположили, что тебя в том самолёте просто не было. Ты могла купить билет, пройти регистрацию, а в самолёт не сесть. Скрыться. Но куда?

— Мы искали, где только можно. Остальные рейсы — нет. Машину напрокат ты тоже не брала. Может быть, поезд или автобус? Никого с твоими приметам там не запомнили. Ты могла уехать автостопом или просто улететь. Беда в том, что и у подруги ты в итоге так и не появилась. Так что, способ передвижения был не столь важен, раз мы не знали, куда именно ты направилась. Короче — тупик за тупиком.

— И всё это мы должны были делать скрытно. Искать тебя официально мы не могли. Мы стараемся избегать любого контакта с властями. Даже в интернете разместить твоё фото под заголовком «Пропал ребёнок» мы не рискнули — полиция или ФБР могли бы этим заинтересоваться. Поэтому поиски велись практически вслепую.

— А мы ведь тоже не могли дать объявление «Найден ребёнок», — пожал плечами Эдвард. — По тем же самым причинам, что и вы.

— Хотя Эммет и предлагал это сделать, но это же Эммет, — хмыкнула я.

— Мы прочёсывали все сводки о пропавших людях — там не было ни слова про Энжи. И мы решили, что её никто не ищет.

— О, поверьте, мы её искали! — воскликнул Джейми. — Хотя и безрезультатно. Но мы не сдавались. Ты определённо была жива, и это давало нам силы продолжать поиски. К тому же, мы продолжали всей семьёй пытаться с тобой связаться. Порой казалось, что в окружающей тебя стене появляется трещина. В итоге, суммируя те крохи, те даже не следы, а тени от следов твоего сигнала, мы смогли вычислить примерное направление, в котором

нужно тебя искать.

— Но мы не прекращали и другое своё расследование. Оно несколько замедлилось, поскольку основные силы мы бросили на твои поиски. Но оставить всё как есть мы тоже не могли. И в итоге всё же выяснили, что с тобой произошло. Это уже была зацепка. Мы знали примерное место, где тебя выбросили из самолёта — смогли вычислить, учитывая направление полёта, скорость и место взрыва самолёта. И у нас было примерное направление того места, откуда предположительно шёл твой сигнал. Мы решили начать просто прочёсывать местность от пункта «А» в направлении «В», в надежде, обнаружить хоть какую-то зацепку. Беда в том, что тебя довольно далеко увезли от места падения, но всё равно, теперь место поисков ограничивалось всего лишь парой штатов, а не всем земным шаром, как прежде.

— Мы собрали всю семью — всех, за исключением тех, кто остался с жёнами. Когда Настя узнала, что ты где-то в этом районе, то настояла на том, чтобы перебраться поближе. Наш выбор пал на Сиэтл. Именно там мы назначили место общего сбора. И, по иронии судьбы, в тот момент, когда мы туда приехали, там вдруг собралось просто огромное количество вампиров. Мы прекрасно узнали их по запаху — прочли его в воспоминаниях Дэна. Их было очень много, даже для такого большого города, и они всё прибывали и прибывали. Это нас весьма заинтриговало, и мы стали за ними наблюдать. Издалека, конечно. Они не обращали на нас никакого внимания — нашего запаха они не знали, да и выглядим мы как обычные люди.

— Ха! — не выдержала я. — Вы себя в зеркало видели? Какие же вы «обычные»?

— Я же говорю — мы наблюдали издалека, на глаза им не лезли. И они были заняты каким-то своим, очень для них важным делом. Устроили общий сбор в лесу за городом. А потом, видимо дождавшись всех, кто должен был явиться, куда-то отправились. А мы последовали за ними на достаточно большом расстоянии, чтобы глаза не мозолить. Когда мы обращаемся, то на определённом расстоянии вампиры нас уже не видят, а мы их — очень даже легко.

— Да, я знаю, — кивнула я. — Самой приходилось это делать в своё время.

— Что было дальше — тебе известно. Мы тебя нашли. Было понятно, что эти красноглазые что-то против тебя имеют. Но, поскольку мы прекрасно знали, что никакого вреда они тебе причинить не в состоянии, то решили сначала понаблюдать. Дать тебе возможность разобраться с ними самой. Но, поняв, что ты не одна, что ты кого-то пытаешься защитить, поняли, что это уже может стать для тебя проблемой. Поэтому и решили вмешаться.

— Да ладно, чего уж там. Нам просто надоело наблюдать, хотелось скорее обнять тебя, вот и всё. Извини, если помешали тебе самой задать им жару.

— Нет, я вам очень благодарна за вмешательство. У нас, конечно, был неплохой план, но любой, даже самый замечательный план, может сорваться. И кто-то из тех, кто мне очень дорог, мог бы пострадать. Так что, спасибо.

— И я вам тоже очень благодарен за вмешательство. Мне было очень не по себе, что приходится прятаться за спину малышки Энжи.

— Не за что, парень, — и Дэн подмигнул Эдварду, поймав его взгляд в зеркале заднего вида. — Обращайся, если что.

Я почувствовала, что машина замедляет ход и, выглянув в окно, поняла, что мы уже въезжаем в город. Осталось не так уж много времени на расспросы. Краем глаза, я заметила,

что Эдвард поднял альбом с пола и аккуратно положил рядом с собой на сидение. Пожалуй, это правильно. Досмотреть его я смогу и позже. Скоро я встречу с остальной своей семьёй — братьями и мамой. По рассказам Джейми я уже полюбила ту малышку, которую он привез домой много лет назад, но осознать, что это и есть моя мама, не могла. Разумом-то я всё понимала, но вот чувства молчали. Я так ничего и не вспомнила. До сих пор.

— Почему я не могу ничего вспомнить? Откуда вообще взялась эта амнезия? Да, травма у меня была страшная, дважды смертельная — и от пуль, и от падения. Но я же восстановилась! Карлайл делал мне сканирование — мой мозг в порядке. Я помню всё, что не касается лично меня, всё! Даже про вампиров. Даже про вампиров-вегетарианцев! Всё, что я читала или изучала, всплывало в моей памяти в нужный момент, даже такая ерунда, как дата сражения, случившегося полтора столетия назад. Я просто знала ответ. Но при этом я даже имени своего вспомнить не смогла. Вообще ничего, что хоть как-то указало на мою личность, помогло бы вернуть меня домой. Не слишком ли избирательной была моя амнезия? Вам не кажется всё это странным?

— Это — нет, не кажется, — хмыкнул Дэн. — А вот твоё недоумение по этому поводу — очень даже.

Я обвела взглядом лица всех троих мужчин. Они смотрели на меня с одинаковым ласково-насмешливым выражением, Дэн через зеркало, Джейми — повернувшись к нам с Эдвардом.

— Я снова что-то упустила, да?

— Скажи, Дани, если бы ты не потеряла память, что бы произошло дальше? После твоего падения.

— Ну... — Я прикинула подобное развитие событий. — Думаю, что я поблагодарила бы Карлайла за попытку помочь мне и отправилась бы домой. Или, учитывая, как я тогда выглядела, скорее всего, связалась бы с вами, чтобы вы меня забрали. Как-то так.

— И мы с тобой так и не встретились бы, верно, малышка?

— Верно, — я содрогнулась, представив себе жизнь без Эдварда. Без моей половинки. Даже представить себе такое было страшно. — И мы бы с тобой так бы и не встретились. Никогда...

— Вот почему ты не помнила, кто ты такая, — пояснил Джейми. — Вот почему была закрыта от нас. Никаких случайностей, всё было просчитано до мелочей.

— Допустим. Тогда — да, я должна была потерять память. Но почему она не вернулась позже? Например, когда я обратилась впервые — почему я ничего не вспомнила? Или когда вы появились там, на поляне? Или позже, когда вы всё мне рассказали? В принципе, мне достаточно было бы просто встретить Эдварда! После этого было уже совершенно неважно, помню я что-то о себе или нет — в любом случае, после того, как я встретила свою половинку, хотя и не понимала этого, меня из дома Калленов уже и бульдозером было бы не выпихнуть. Но даже сейчас память ко мне не вернулась. А если этого никогда не произойдёт? Что тогда?

— Да ничего, — пожал плечами Дэн. — Будешь жить дальше. Со временем накопишь новые воспоминания. Перезнакомишься со всей роднёй заново. К нам ты вроде бы уже вполне привыкла.

— Да, привыкла. Вы мне нравитесь. Но это чувство к вам, оно одинаковое. Как к дядюшкам. Прости, Джейми, но я не могу воспринимать тебя как отца. Пока — не могу. Мне жаль, но на данный момент мои родители — это Карлайл и Эсми.

— Это тяжело, — вздохнул Джейми. — Но то, что ты жива, что вернулась к нам, это уже такой подарок, что всё остальное на этом фоне меркнет. Я подожду. И буду надеяться, что ты, в конце концов, всё же нас вспомнишь.

— А... ммм... Настя. Ей ведь, наверное, это причинит боль? Мне бы этого не хотелось.

— Быть в разлуке с тобой для неё было намного страшнее. Так что, не переживай — твоя мама сильнее, чем кажется. Она тоже справится.

— Кто знает, какой тебе понадобится толчок? — рассуждал Дэн. — Воспоминания могут вернуться в любой миг, или не вернуться никогда. Что будет, то и будет. В любом случае — мы приехали.

Машина остановилась возле шикарного отеля. Они живут относительно скромно, угу. Видимо, главное слово здесь — «относительно». Хорошо ещё, что хотя на нас с Эдвардом всего лишь джинсы и футболки с ветровками, но все вещи фирменные и дорогие, спасибо Элис. Мы не будем выглядеть здесь белыми воронами. Джейми тоже накинул ветровку, Дэн — кожаный пиджак: день был прохладный, в одних футболках люди не ходили. Мы вошли в просторный холл и сразу прошли к лифту.

— А ключ? — удивилась я.

Дэн молча достал из кармана пластиковую карту-ключ и в лифте вставил её в прорезь над кнопками. Над прорезью шла надпись — «Пентхаус».

— Да, я вижу, вы стараетесь не выделяться.

— Нас тут довольно много. Не только твоя мама и братья, но и те, кто их охраняет. Я же тебе говорил: жёны и дети — наша самая большая драгоценность, и мы бережём их как зеницу ока. Нам и твоей потери хватило, ещё одну мы не переживём!

В это время Джейми положил руку на плечо Эдварда.

— Послушай, сынок. Ты не обижайся, но знаешь, у меня к тебе просьба. Ты к моей жене не приближайся, ладно. Просто в стороночке постой.

— Джейми, ты же обещал! Я вот сейчас развернусь и уйду отсюда! Раз здесь к Эдварду такое отношение, значит, и мне здесь не место!

— Успокойся, малышка. Всё в порядке, я не против и не обижаюсь.

— Я против! Я обижаюсь! Мы с тобой — одно целое, и идём в комплекте!

— Дани, успокойся, — Дэн положил руку мне на плечо и слегка стиснул. — У тебя своя половинка, у него — своя. И вы оба становитесь не вполне адекватными, опасаясь за них. Войди в положение Джейми. Ты всего лишь боишься, что твою половинку обидят, а он — что её убьют. Кому из вас хуже?

— Эдвард никого не тронет, тем более — мою маму, — недовольно забормотала я, прекрасно понимая, что Дэн прав. — Ладно. Пусть Эдвард не подходит к ней близко. Не так уж это и важно. Меня просто обидело, что вы считаете его способным...

— Малышка, я вампир. У твоего папы есть все основания не особо мне доверять. Но он всё же собирается впустить меня в номер, хотя, уверен, предпочёл бы этого не делать. Так почему бы и нам не пойти на уступки? Это называется «компромисс».

В это время двери лифта открылись, и мы сразу вышли в просторную, роскошно обставленную гостиную. Передо мной полукругом стояли шестеро — трое мужчин, два юноши и мальчик-подросток, который тут же кинулся мне на шею. И хотя он был даже немного повыше меня, но я сразу же почувствовала, какой он лёгкий и горячий. И хрупкий. В моей новой жизни мне ещё не доводилось обнимать людей, даже просто до них дотрагиваться, это был новый для меня опыт. Я сразу поняла, что это мой младший

братишка Тайлер. Тот, что ещё не переродился. Я его не помнила, но была рада, что у меня есть младший брат. Я аккуратно обняла парнишку, стараясь ненароком не причинить ему боли. Он что-то несвязно и радостно болтал о том, как он рад меня видеть, а я просто обнимала его, не вполне понимая, как мне на это реагировать. Но тут кто-то из взрослых отцепил его от меня, и я услышала голос Джейми.

— Мы же договорились — сначала мама.

Джейми взял меня за плечи и повёл вперёд. Я оглянулась на Эдварда. Он остался возле лифта, Дэн стоял рядом, положив руку ему на плечо. Эдвард ободряюще мне кивнул и улыбнулся. В это время мы с Джейми прошли сквозь расступившийся «строй» гаргулий, и я, повернувшись, увидела у окна молодую женщину. Она почти не изменилась с того момента, как была сделана та фотография в саду. И выглядела совсем юной, старше меня всего лет на десять. Мокрыми от слёз глазами она жадно вглядывалась в моё лицо. Джейми подвёл меня к ней и, со словами:

— Я привёл её, Настенька, как и обещал, — отступил назад.

Она порывисто шагнула ко мне, не стирая текущих по щекам слёз. Горячие ладони обхватили моё лицо, мягкие губы целовали лоб, щёки, волосы. Потом она порывисто обняла меня и, прижавшись щекой к моему виску зашептала.

— Данюшка. Доченька моя родная!

И всё встало на свои места. Я осторожно обняла её за талию, привычно уткнулась носом в ямку под ключицей, вдохнула такой родной запах и, не сдерживая слёз, пробормотала:

— Мамочка, я вернулась.

Эпилог. Юбилей. Часть 1

Я стояла у окна и с высоты второго этажа наблюдала за человеческим муравейником на поляне. Хотя слово «человеческий» в данном случае было весьма условным — настоящих людей там было всего двое, плюс парочка ещё не переродившихся гаргулий, которых с натяжкой тоже можно было бы назвать людьми. А в остальном там были вампиры и гаргульи, последние заметно преобладали. Уж не знаю, отнести ли к людям ещё и оборотня, пусть условно? В любом случае, он там тоже был.

Меня на поляну не пустили. Элис прямо так и заявила

— Нечего тебе там делать. Мы всё сделаем сами, а ты появишься, когда придёт время.

Конечно, выпрыгнуть из темноты и закричать «СЮРПРИИИИЗ!!!» они не смогут. Какой же это сюрприз, если я внимательно наблюдаю за всеми приготовлениями? Но всё равно — все были там, внизу, что-то организовано делали под руководством Элис, а я торчала в дома одна. Даже Эдвард был где-то там, со всеми. Я надулась, а потом вновь улыбнулась. Скоро появится. Надолго он меня никогда одну не оставляет, мы же половинки. Мы по отдельности долго не можем. Хватит того, что в последнее время он на охоту уходит без меня. Правда, он старается сократить время охоты до минимума, обходясь оленями в ближайшем лесу. Ничего, скоро я снова смогу охотиться вместе с ним, совсем скоро.

Я с удовольствием оглядела открывающийся из окна вид. Давненько я здесь не была. Каллены вернулись в свой дом рядом с Форксом всего пару месяцев назад. А поскольку мы с Эдвардом давно уже жили отдельно, то как-то не довелось их тут навестить после очередного «новоселья». И я рада, что нашёлся повод вновь побыть здесь. Как же я любила этот дом! Он был мне особенно дорог, поскольку именно здесь я впервые встретила Эдварда, мою пару, мою половинку, мою любовь. В этих стенах мы обрели друг друга. И просто замечательно, что зная о том, что приближается мой юбилей, Элис известила всех, что только она сможет организовать достойное празднование, которое обязательно должно пройти в нашем старом доме в Форксе. Мы с Эдвардом не возражали. Наоборот, нам это было очень приятно.

Глядя, как преобразается поляна перед домом и окружающие её деревья, я вспоминала, как когда-то давно Элис на этом же самом месте организовала нашу с Эдвардом свадьбу. Как же это было прекрасно. Мы так долго этого ждали. Конечно, не девять лет, как бы этого не хотелось моему отцу. Так долго ждать я отказывалась. Пригрозила, что мы с Эдвардом сбежим в Лас-Вегас и там быстренько поженимся, в конце-то концов, мы оба были уже совершеннолетними, и разрешение родителей нам не требовалось. В итоге удалось достичь компромисса — мы поженились, когда мне исполнился двадцать один год. И так я почти четыре года ждала! К сожалению, до этого Эдвард был солидарен с отцом, так что мне пришлось смириться. Но ожидание того стоило. Свадьба была просто незабываемой — Элис расстаралась вовсю. Я бы предпочла более скромную церемонию, но это было попросту нереально — одна только моя семья включала в себя более восьмидесяти человек. Так что, хотя приглашены были только «свои» — те, кто либо сам был мистическим существом, либо состоял с такими в родстве, — но гостей собралось более сотни. Кстати, сегодня они собрались практически в том же составе, плюс несколько новых членов семьи.

А Элис только позволь развернуться в полную силу, она горы свернёт. Тем более что добровольных помощников у неё теперь хоть отбавляй. А даже если и не вполне

добровольных — когда это останавливало Элис? Вон, на краю поляны, в кресле, специально вынесенном из дома, сидит Марк Вольтури и неумело, но старательно, плетёт цветочную гирлянду. Называется — заехал на минуточку, подарки передать! Я коснулась роскошного рубинового ожерелья, висящего у меня на шее — подлиза Аро изо всех сил старается меня задобрить. Забавно, но, по-моему, меня одну он боится больше, чем всех моих гигантских родственничков, вместе взятых. Возможно потому, что именно я первой оторвала пару голов у его стражников, нарушивших договор. Сами были виноваты! А я просто рядом оказалась, и не смогла отказать себе в удовольствии, которого лишилась когда-то на поляне.

Возле Марка пристроились трое детей, подающих ему цветы и с огромным интересом слушающих его рассказ. Ещё бы — Марк раза в два старше Дэна, он много интересного повидал, есть о чём поведать. За необычным квартетом неотрывно и внимательно наблюдает не менее десятка пар глаз, но я прекрасно знаю, что дети в полной безопасности. Во-первых, запах такого количества гаргулий убивает любую вампирскую жажду. Во-вторых — нужно быть полным идиотом, чтобы попытаться напасть на детей среди почти сотни гаргулий — растерзают, едва дёрнешься. Да и Лиззи, старшей из детей, уже не страшны ни вампирские клыки, ни вампирский яд. В гаргулю она пока не перерождается, но и в человеческом обличье легко даст отпор любому вампиру. Ну и, в-третьих — Марк гораздо легче остальных Вольтури приспособился к новому образу жизни.

Я вспомнила, как примерно через месяц после того, как семья нашла меня, и ко мне вернулась память, несколько моих дядей и дедушек навестили Вольтури и заключили с ними договор. Условия договора были просты и однозначны — Вольтури прекращают пить человеческую кровь, а гаргульи их не убивают. Коротко и ясно. Вольтури перешли на кровь животных, жить-то хочется, а гаргульи периодически устраивают им внезапные «проверки зрения». В первые годы несколько Вольтури лишились голов, нарушив диету и продемонстрировав проверяющим ярко-красные глаза. Парочка из них — на моём личном счету! Как-то я из любопытства решила совершить экскурсию в Вольтерру. Приятно вспомнить, как, увидев меня, Джейн завизжала и попыталась спрятаться под креслом Кая — пришлось вытаскивать её оттуда за ногу, «случайно» сломав на ней пару пальцев. Ничего, она быстро восстановилась, но некую компенсацию за всех своих предыдущих жертв всё же получила.

К моему большому разочарованию, глаза у Джейн были золотистыми, так что голову она сохранила. Я-то решила, что она пыталась скрыть от меня признаки нарушения договора, но нет — я просто-напросто внушала ей дикий ужас ещё с нашей последней встречи на поляне. Скорее всего, она так и не разобралась толком, каким образом получала от меня свою же собственную «шокотерапию», вот и попыталась спрятаться от греха подальше. Я даже слегка расстроилась — ведь уже поверила в то, что смогу расправиться с этой мерзавкой, имея на то законное основание. Но в это время в зал ввалилась парочка вампиров, не подозревающих о моём прибытии. Поскольку предыдущая проверка была всего дней за пять до этого — они решили слегка расслабиться, надеясь, что до следующего приезда гаргулий признаки потребления человеческой крови станут незаметными. Просчитались, голубчики! Я с наслаждением оторвала обе головы с ярко-красными глазами. Это несколько умерило моё разочарование и сделало меня самым жутким кошмаром Вольтури. Собственно — сами виноваты. Сидели бы в своей Вольтерре спокойненько, не делали бы попользований в сторону Калленов — глядишь, до сих пор не привлекли бы внимание гаргулий. Ну а теперь — извольте жить по новым правилам, если вообще хотите

жить.

Марк, почему-то, легче остальных перенёс переход на другое питание. Да и меня он вообще не боялся — видимо, выработанный долгими годами пофигизм давал о себе знать. Именно поэтому Вольтури и отрядили его лично доставить мне подарки. Ожерелье я, конечно, надела, чтобы сделать ему приятное, но вообще-то, к украшениям я всегда была равнодушна, мне достаточно семейного медальона и обручальных колец. Другая часть подарка намного больше пришлась мне по душе — Марк привёз так же несколько огромных ящиков «Мясных деликатесов от Вольтури», которые я просто обожала. Часть из них будет подана к праздничному столу, где прожорливые гаргульи быстренько их уничтожат, но останется ещё достаточно, чтобы я могла в полной мере насладиться подарком.

Подумать только, а ведь и к такому повороту событий я так же косвенно приложила руку. Вынужденные перейти на звериную кровь, Вольтури встали перед проблемой её добывания. Италия — это вам не северная Америка с её лесами и заповедниками, с дикими зверями в Европе напряжёнка. Особенно, если нужно прокормить сразу несколько десятков вампиров. Оставались домашние. Но и тут возникли проблемы. Прятать обескровленные трупы — привлечь внимание полиции. Оставлять на месте — привлечь уфологов и всяких прочих охотников за непознанным. В общем, какое-то время Вольтури как-то изворачивались, изображая скотокрадов и чупакабру, по выбору. Но в итоге последовали моему совету, который я мимоходом дала им в свой единственный визит. И скупили несколько мясокомбинатов, расположенных в окрестностях. Вольтури достаётся кровь закупленных живьём коров и овец, а обескровленные туши идут на переработку. И вскоре «Мясные деликатесы Вольтури» стали известны по всему миру. Качество у них, действительно, отменное, так что я с удовольствием тоже их ем. Никогда не знаешь, как повернётся жизнь. Она, порой, такие сюрпризы подбрасывает, что просто диву даёшься!

В это время прохладные руки обвились вокруг меня, прижимая спиной к сильной, твёрдой груди. Я с улыбкой откинулась назад, и подбородок Эдварда привычно лёг мне на макушку. И ему не пришлось для этого наклоняться — я всё же подросла. И теперь была нормального среднего роста. Я подняла руку раскрытой ладонью вверх.

— Дай!

В мою ладонь легла большая очищенная морковь, и я тут же с наслаждением вонзила в неё зубы.

— Я никогда к этому не привыкну. — Я почувствовала, как Эдвард усмехнулся и покачал головой.

— И не нужно. Скоро я вновь перейду на шоколадки. Кстати, как это тебе удалось вырваться из цепких коготков нашего маленького надсмотрщика? Ты, разве, уже все деревья украсил?

— Элис переживёт. Вон у неё сколько помощников. А я хотел быть с тобой.

Прохладные губы уткнулись мне в ухо, целуя и щекоча его. Я почувствовала, как моё тело вспыхнуло — Эдвард точно знал, куда нужно коснуться, чтобы я запылала огнём. Мы уже столько лет вместе, но для меня каждый раз словно первый.

— Когда же этот день закончится? — застонала я.

— Увы, малышка, он, считай, ещё даже не начинался. Но когда закончится!..

Его слова заставили меня слегка застонать от предвкушения и разочарования одновременно. Ну почему мы не можем просто удрать от всей этой толпы, чтобы побыть хоть немного наедине? С самой первой ночи, когда Эдвард бережно ввёл меня в мир

чувственной любви, нам с трудом удавалось оторваться друг от друга. Как я порой жалела, что не вампир и вынуждена спать по ночам! Как завидовала остальным Калленам. Но увы — мы всё же были разные, и с этим приходилось мириться. И приспособливаться. В какой бы из двух своих ипостасей я не находилась — всегда один из нас был более уязвимым. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, какие проблемы возникали у других смешанных пар, так что, грех было жаловаться. За прошедшие годы мы прекрасно научились подстраиваться друг под друга — а разве могло быть иначе? Мы же были половинками.

— Кстати, мой племянник Ричард недавно исчезал одновременно со своей женой. А когда они вернулись спустя час — ты бы видел их довольные физиономии. А почему нам нельзя?

— Потому, что сегодня ты — главное действующее лицо праздника. Твоё исчезновение сразу же заметят.

— Ну и пусть!

— Потерпи немного, малышка. Обещаю, мы всё наверстаем.

— Обещаешь? — я развернулась в его объятиях и хитро прищурилась.

— Клянусь! — воскликнул Эдвард и страстно поцеловал меня. Я обвила руками его шею и вся отдалась поцелую. Уж не знаю, чем бы это закончилось, если бы у Эдварда за спиной не раздалось ехидное покашливание.

— Ники, сгинь! — бросила я, не глядя на брата.

— Я-то сгину. Только ты не забыла, что вы возле стеклянной стены стоите? Постыдились бы, на поляне дети.

И, довольно насвистывая, Ник удалился, унося какую-то коробку, видимо, с очередными украшениями.

— Он прав, — вздохнул Эдвард. — Не то время, не то место...

— Не та компания, — подхватила я, вновь разворачиваясь к окну и глядя на суetyщийся за стеклом народ.

Я увидела, как мама подняла голову от стола, на котором раскладывала салфетки, и послала мне воздушный поцелуй. Я помахала ей в ответ. Отец, как всегда, где-то рядом с ней, если видишь одного из них, будь уверен — второй не далее чем в десяти метрах. Вот и он, неподалёку, внимательно слушает что-то говорящего ему Карлайла. Я знаю, как он признателен доктору Каллену, и не только за меня. В своё время именно Карлайл обратил мою маму, сделав её бессмертной. Теперь мои родители навеки вместе и никогда не расстанутся, смерть уже не отберёт у отца его половинку. И ещё у восьми моих родственников — тоже. И у всех, кто найдёт свою половинку в будущем. С того времени, как я «взорвала бомбу», ткнув носом своих недогадливых мужчин в лежащее у всех на виду решение, только одна из жён отказалась становиться бессмертной. Увы, к тому времени она была уже глубокой старушкой, и не захотела оставаться такой навеки, несмотря на уговоры мужа, для которого она была прекрасна в любом обличье, даже сморщенная и седая. Она решила уйти, и ушла. К счастью, остальные жёны согласились на обращение и вечную жизнь, и благополучно прошли перерождение. Ещё две пока ещё остаются смертными — хотят сначала родить и вырастить детей. Благодаря крови мужей это не отнимет у них много физических лет. В нашей семье это стало чем-то вроде традиции — мать обращается после того, как перерождается её младший ребёнок. Так и моя мама решила сначала родить ещё одного малыша, и обратилась после того, как переродился мой самый младший братишка Эрик. Теперь она выглядит лет на пять младше отца, и это её вполне устраивает.

Руки Эдварда обвили мой выпуклый животик, и он захихикал, почувствовав под ладонью ощутимый толчок.

— Она со мной поздоровалась!

— Это мальчик! — привычно возразила я, на ощупь доставая из кармана его ветровки ещё одну морковку. — Элис уже накупила кучу голубых вещичек!

— Хм, мне она демонстрировала розовые. Интересно, почему?

— Похоже, она делает запасы на любой случай. Малышу не износить все эти крошечные вещички и за десять лет!

— Поделимся с Эвитой — у неё-то точно будет мальчик. А у нас де-евочка! — буквально пропел Эдвард.

— Ладно, через три месяца всё и узнаем. Тогда уж ты сам убедишься, что это мальчик. С ума сойти! Живём в двадцать первом веке, а словно в средневековье — не можем узнать пол малыша, пока он не родится. Хотя, я и так всё знаю. И вообще, у нас в семье чаще рождаются мальчики!

— А ты? А Лиззи? — хитро прищурился Эдвард.

— Ну, ладно, кто будет, тот и будет. Мы ведь всё равно его будем любить. — Я захихикала. — Обычно в этом случае говорят: «Не важно, кто будет, лишь бы здоровенький!». Но для нас это не актуально, верно? У нас «нездоровеньких» просто не бывает!

Я погладила свой живот там, где его не обхватывали большие ладони Эдварда, и получила в ответ приветственный толчок. Помню своё удивление и радость, когда поняла, наконец, что же со мной происходит. А как ошарашен был Эдвард — он-то был уверен, что не может иметь детей. И как безумно счастлив он был, когда поверил, наконец, в это чудо. Как оказалось — ни он, ни я бесплодными не были. У меня, после перерождения, лишь исчезли внешние признаки — действительно, ну откуда взяться кровотечению при моей-то регенерации, — сама же репродуктивная система была в полном, просто идеальном состоянии. Просто Эдварду, учитывая особенности его физиологии и скорости жизни, понадобилось немного больше времени, чтобы сделать мне малыша. У него ушли годы на то, на что у человека уходят секунды. Но так ли это важно — ведь при нашем бессмертии время не играет большой роли.

Кстати, момент зачатия я могу определить вплоть до дня. Просто не сразу поняла, что это было именно признаком наступления у меня беременности. Обычных, человеческих, признаков у меня не было, и быть не могло — ни тошноты, ни головокружений, ни всяких других признаков гормональной перестройки организма. Зато однажды утром я захотела обратиться — и не смогла. Долго не могла понять, что же случилось. В конце концов, смирилась, хотя летать всегда очень любила. Ну, нет, значит, нет, можно вполне прожить и без крыльев. Следующим нераспознанным звоночком было то, что я вдруг резко разлюбила шоколадные батончики, зато так же резко полюбила овощи, особенно морковь, которую поглощала теперь в невероятных количествах. Карманы Эдварда теперь постоянно были набиты морковью, да и остальные члены семьи тоже время от времени подсовывали мне разные овощи. Я очень скучала по шоколадным батончикам, но есть их не могла — точно так же, впервые обратившись после битвы с новорожденными и поняв, что могу питаться лишь кровью, я скучала по человеческой еде. Ну, ничего, скоро я снова вернусь к своему любимому лакомству, малыш стоит того, чтобы на время от них отказаться.

То, что и неспособность к полётам, и внезапная смена вкусовых пристрастий — лишь

признаки беременности, я поняла только тогда, когда ребёнок зашевелился у меня в животе. После первоначального шока и последующей радости, я испытала страх. Страх за малыша. В нашей семье дети в смешанных браках рождались людьми — ведь и носившие их матери тоже были людьми. Я, генетически, была человеком почти на девяносто семь процентов, если считать происхождение, и если мой малыш будет таким же, как остальные дети в нашей семье — мой организм его просто раздавит! Не зря же я перестала обращаться — зародыш не мог ни обратиться вместе со мной, ни выжить в моём «каменном» организме. Здесь природа всё предусмотрела. Но ведь и в «человеческом» обличье физически я человеком не была, а значит, представляла угрозу для своего будущего ребёнка. Вот такие мысли сразу же пришли мне в голову, очень напугав. Но, выслушав мои опасения, Эдвард и прилетевший по его просьбе Карлайл, тут же меня успокоили. Будь мой малыш хрупким человеком, я бы просто не почувствовала его шевеления. А я его чувствую достаточно отчётливо — следовательно, мы с моим ребёнком физически полностью совместимы.

И они оказались правы — наш сынишка Доминик родился точно таким, какой я стала уже после перерождения. Сильным, быстрым, крепким, способным к регенерации. Умным. И прохладным. А самое удивительное — он рос в три раза медленнее других детей. В общем — был абсолютно таким, какой я в своё время попала к Калленам. Вот такое удивительное создание получилось от соединения наших с Эдвардом генов. К счастью, обращаться в гаргулюю от рождения он всё же не умел! Это к нему пришло гораздо позже, в положенное время. Так что, сейчас он ничем не отличается от всех остальных мужчин-гаргулий в нашей семье. Я назвала сына Эдвардом, в честь отца и кровного деда, поддержала, так сказать, семейную традицию. Но наличие в семье двух Эдвардов, в быту оказалось не таким уж и удобным. В итоге довольно скоро мы стали называть сынишку Домиником — это было его второе имя. Оно ничего не означало, не было выбрано в честь кого-то, мне просто нравилось, как оно звучит. И теперь я уже не представляю, что Доминика могут звать как-то по-другому. Всё же, мой Эдвард — единственный и неповторимый, я только его и могу так называть.

Эпилог. Юбилей. Часть 2.

Кстати, насчёт имени. Я — Энжи, ею и остаюсь до сих пор. Имя «Дани» сыграло свою роль, помогло мне пережить детский комплекс и благополучно кануло в лету. Кто знает, не попади я к Калленам, возможно, так и осталась бы Дани. Но это произошло и помогло мне вернуть моё истинное имя. Моя семья достаточно легко вернулась к имени Энжи, один только Дэн был недоволен — ведь Даниэлой-то меня называли в его честь, о чём он время от времени нам напоминает. Поэтому он продолжает принципиально называть меня Дани. Я ему позволяю — надо же доставить дедуле небольшое удовольствие. Но для остальных я — Энжи, и никак иначе.

И ещё. Одно из моих давних опасений оказалось напрасным. Я вовсе не выгляжу тётушкой Эдварда, моё «взросление» прекратилось гораздо раньше, чем у мужчин в нашей семье. Конечно, я и переродилась раньше них, но то, что я перестала взрослеть, физически даже не достигнув двадцати лет, стало для меня приятным сюрпризом. Хотя, конечно, немного я Эдварда всё же «переросла», но поскольку он порой кажется взрослее своего физического возраста, то мы прекрасно смотримся вместе. Всё же, какое счастье, что я так рано перестала взрослеть!

— Что-то я не вижу здесь Дэна, — сказал Эдвард. — Было любопытно, что за надпись

будет в этот раз на его футболке. Но не нахожу его, хотя Эвита давно здесь. Ты не знаешь, в чём дело?

— Честно говоря, я сама без понятия. Вчера утром Дэн связался со мной и извинился, предупредив, что опоздает на мой праздник. Обещал сделать всем невероятный сюрприз. Был каким-то радостно-возбуждённым. А потом закрылся. С тех пор я пару раз «стучалась» к нему. В первый раз он приоткрылся на секундочку, только чтобы сказать «потом-потом», и снова закрыться. А во второй раз вообще не открылся. И ребята тоже до него достучаться не могут, хотя не особо стараются — он же сам предупредил, что пока на связь выходить не станет. Более удивительно, что он прислал сюда Эвиту. Одну. Я не помню, видела ли их хоть раз по-отдельности с момента свадьбы. Вот это мне действительно странно.

— Ну, Дэн прекрасно знает, что здесь она сейчас в большей безопасности, чем где бы то ни было. Его сыновья прекрасно присмотрят за ней. Посмотри, как они выются вокруг «мамочки», предвосхищая любое её желание, любой каприз.

— И уже ужасно ей этим надоели, как мне кажется. Но пусть терпит — знала, в какую семью входила.

— Всё же любопытно, что же за сюрприз готовит Дэн? Что могло его заставить покинуть Эвиту? У меня даже предположений нет.

— Знаешь, за последний год у нас уже случилось два события, которые ранее казались просто невозможными. У меня такое чувство, что нас ждёт третий. Ладно, к вечеру мы всё узнаем. Дольше он без Эвиты не выдержит, явится, откуда угодно. Так что подождём.

Эвита. Вот она, сидит в кресле, со скамеечкой, подставленной под ноги, со стаканом чего-то прохладительного в правой руке, левая покоится на выпуклом животе, который лишь немного меньше моего. Вокруг неё суетятся три моих прадеда, игнорируя попытки Элис привлечь их к праздничному украшению близлежащих окрестностей. И не только потому, что Дэн поручил их заботам свою юную супругу, и не потому, что на будущих матерей в нашей семье чуть ли не молятся. Но ещё и потому, что само существование Эвиты дало им нечто невероятно важное — надежду. Как в своё время я подсказала способ не терять своих половинок тем, у кого они есть сейчас или появятся в будущем, так и она показала им, что шанс вновь обрести счастье есть и у тех, кто свою половинку давно потерял. Потому что, если хрупкое смертное тело половинки было утеряно навсегда, то её бессмертная душа может вновь вернуться к тому, для кого была предназначена.

— Что это в руках у Саймона, не веер ли? — захихикал Эдвард.

— Не смейся! Вспомни, как сам надо мной трясся, когда я Доминика носила. И Лиззи. И сейчас тоже. И вообще постоянно надо мной трясёшься, хотя, в отличие от Эвиты, я хрупким и беспомощным человеком не являюсь.

— Потому что люблю, — и Эдвард снова поцеловал меня в ушко.

— Знаю. Поэтому и позволяю. И потому, что тоже тебя люблю. И дай ещё морковку!

— Умеешь же ты романтический настрой сбить! — расхохотался Эдвард, вкладывая в мою ладонь очередную морковку.

— Нам пока нейжя, — впиваясь в неё зубами, прошепелявила я. — И не целуй меня в ухо — я от этого возбуждаюсь. Вот закончится праздник, удерём ото всех, тогда...

— Ладно, не буду, — Эдвард вновь положил подбородок мне на макушку. А я смотрела на Эвиту и вспоминала, как около полугода назад мы были просто ошарашены тем, что случилось с Дэном.

До этого Дэн ни разу не бывал в Вольтерре. Считал ниже своего достоинства устраивать

«медосмотр» Вольгури, как он это называл. Но в этот раз почему-то решил съездить туда сам. Почему-то... Если бы на его месте был кто-то из холостяков, уже одно это странное желание заставило бы задуматься если не его самого, то кого-то из его более опытных родственников. Но Дэн-то был вдовцом. Так что, ни у кого даже мысли не мелькнуло о возможном развитии событий. И напрасно. Когда Дэн собрался войти в ворота замка Вольгури, оттуда как раз выходила экскурсия. Вольгури продолжали изредка пускать к себе туристов, правда, теперь и выпускали их целыми и невредимыми. Просто ещё одна статья дохода, ну и для отвода глаз, конечно.

И вот, когда туристы выходили, одна из девушек споткнулась о ступеньку и полетела бы на землю, не подхвати её Дэн. Она подняла на него глаза, поблагодарила... Взгляд, прикосновение... Дэн был в шоке — это была его половинка! Более того — лицом она была вылитая Камилла, его жена, которую он схоронил около тысячи лет назад. Вот так мы и поверили в переселение душ. Конечно, в реинкарнацию и до нас верили миллионы людей, но теперь у нас было настоящее доказательство. И надежда для тех, кто считал, что остаток жизни проведёт в одиночестве.

В тот раз Вольгури «медосмотра» избежали. Потому что расстаться со своей вновь обретенной половинкой Дэн уже не смог. Притяжение было обоюдным — и спустя месяц они поженились. Кстати, Эвита утверждает, что часто видела его во сне до их встречи, причём в облике средневекового рыцаря. Дэн уверен, что это её воспоминания об их прежней жизни. И хотя родителей Эвиты несколько шокировал столь скоропалительный брак, но Дэн сделал всё возможное, чтобы произвести на них хорошее впечатление. Он даже постригся! Носит костюмы, аккуратную современную стрижку и уже ничем не напоминает викинга. Интересно, надолго ли его хватит? По крайней мере, футболки с забавными надписями он всё равно продолжает носить.

И всё же, что за великий сюрприз он нам готовит? Первым была реинкарнация его половинки. Второй сюрприз нам всем преподнесла Розали. Около трёх месяцев назад, выпив кровь оленя, она вдруг выbleвала всю её обратно, после чего заявила, что никогда больше не возьмёт в рот эту гадость. А вернувшись домой, выпила весь запас моей крови из холодильника, известив изумлённых Калленов, что ничего вкуснее в своей жизни не пробовала. Запасы, конечно, тут же восполнил один из моих кузенов, оказавшийся неподалёку. И теперь мы всей семьёй следим, чтобы у Калленов всегда было в избытке нашей крови, поскольку кроме неё Розали соглашается изредка пить только кровь кроликов, от крупных, а особенно хищных животных её, видите ли, тошнит. Вы когда-нибудь слышали, чтобы вампира тошнило? Но Розали утверждает, что с ней именно это и происходит. К тому же, теперь ей очень нравится, как пахнут оборотни — а ведь еще совсем недавно она кривилась при одном только их приближении. Так что, хотя других, человеческих, симптомов у неё нет и быть не может, всем уже давно понятно, что же с ней происходит — Розали тоже беременна.

Когда первоначальный шок у всех прошёл, стало понятно, что чего-то подобного вполне можно было бы ожидать. Все функции в организме вампиров замедляются, но никуда не исчезают. Просто Розали понадобилось гораздо больше времени для этого, вот и всё. Конечно, поскольку оба родителя у будущего малыша — чистокровные вампиры, скорее всего, ходить Розали беременной ещё лет семьсот. Но она настолько счастлива, что готова ждать сколь угодно долго, лишь бы её «несбыточная» мечта о собственном ребёнке наконец-то осуществилась. Эммет ходит, раздувшись от гордости, и бросает на всех взгляды,

исполненные такого превосходства, словно он — единственный мужчина на свете, умеющий делать детей. А я порой ловлю взгляды, которые Карлайл и Джаспер бросают на своих женщин, и мысленно улыбаюсь. У вас тоже это впереди, нужно только немного подождать. У истинных половинок не бывает иначе.

— Розали снова обнюхивает Джейка, — похоже, наши с Эдвардом мысли текли в одном направлении. — И он, бедняга, терпит.

— Да, после того, как я ему всё объяснила. Поначалу-то он шарахался и ничего не мог понять. Но, узнав, что к чему, благородно делает вид, что ничего не замечает.

Я улыбнулась, глядя на стоическую физиономию моего друга Рыжика. За те несколько лет, что я в юности прожила в этом доме, я сделала всё возможное, чтобы наладить отношения между вампирами и оборотнями. Кто-то должен был это сделать, и я это сделала, поскольку мне оборотни доверяли. Вмешательство гаргулий внесло свою лепту, особенно когда я рассказала квилетам легенду о небесных гаргульях, и о создании ими вампиров. Квилеты весьма заужали моих родственников, которым по наследству перешла слава истребителей вампиров, хотя конкретно на счету моей семьи только пять оторванных голов Вольгури, причём две из них — лично на моём. Учитывая новорожденных, я одна уничтожила красноглазых раз в десять больше, чем вся моя семья, вместе взятая. И, в итоге, мне удалось-таки наладить отношения между двумя фракциями фантастических существ. Действительно, если уж в мире и даже в браке могут сосуществовать вампиры и гаргульи, то почему бы оборотням так же не поддерживать с ними добрососедские отношения.

Проще стало, когда вожаком стаи, а соответственно и вождём всего племени, стал Джейк. Оказалось, что и у них есть кое-что общее с нами. Например — то, что мы называем половинками. У оборотней такое тоже случается, только в каком-то половинчатом варианте. Например, половинок находят только некоторые из них, остальные довольствуются обычными человеческими чувствами — любовь, страсть, влечение. Как и обычные люди, они могут создавать семьи и иметь в них детей, даже если их супруги и не являются их половинками. Но некоторым всё же везёт. И вот тут — снова «половинчатость». Если у гаргулий и вампиров встречаются две, предназначенные друг другу судьбой, половинки, то они «узнают» друг друга. Притяжение у них обоюдное, не зависимо от того, понимают ли они, что именно с ними происходит, или нет. В случае с оборотнем, обнаружившим свою половинку, притяжение чувствует только он сам. Они называют это запечатлением на ком-то. Сам же объект запечатления этого не чувствует. Оборотню приходится завоёвывать любовь своей пары, что порой бывает весьма не просто. Всё же интересно, каким же образом оборотни получили такую частичную особенность гаргулий? И какую роль в самом их появлении сыграли гаргульи или вампиры? В нашей семье никаких рассказов о чём-то подобном нет. Легенды квилетов тоже мало что объясняют. Но каким-то же образом лишний ген попал в их генофонд, и я более чем уверена — он тоже неземного происхождения. Впрочем, это не так уж и важно. Мы все просто есть, мы все немножечко инопланетяне, ну и ладно. Не стоит ломать голову над тем, чего нам никогда не узнать.

Ещё одной, схожей с нами, особенностью оборотней было то, что в каком-то смысле они тоже были бессмертны. Ну, условно бессмертны. Во-первых, регенерация, почти такая же, как у меня, не давала им погибнуть от разных ран и несчастных случаев, которые для человека были бы смертельными. А во-вторых, при желании, они могли не стареть. Пока оборотень продолжает превращаться — он остаётся молодым, его организм, по-видимому, обновляется, или что-то ещё происходит. В общем, если хотят, оборотни могут жить

практически вечно. Но те, кто обрёл своих истинных половинок, не хотели жить после их смерти. У гаргулий в этом плане выбора не было, а у оборотней он был. Они просто переставали обращаться, после чего старились и умирали вместе со своими половинками. Так и поступил в своё время Сэм. Спустя лет десять после нашей первой встречи он передал свои полномочия Джейку и покинул стаю. А Джейк, видя нашу семью воочию, видя своих запечатлённых собратьев, читая их мысли, пришёл к решению — не довольствоваться суррогатной заменой, а ждать свою истинную половинку. Времени для этого у него хоть отбавляй, нужно лишь запастись терпением. Поэтому, даже сейчас, он оставался таким же молодым, как в день нашей первой встречи. Точнее — третьей, Рыжик всё же не в счёт. Только глаза выдавали его зрелость и мудрость, но всё равно в них частенько плескались смешинки, которые мне так нравились раньше. Джейк до сих пор мой лучший друг. Мы частенько перезваниваемся и общаемся в интернете. И я рада, что теперь могу снова встретить воочию его — бессменного альфу квилетских оборотней.

Я уже точно решила — когда Джейк, наконец, найдёт свою половинку, я сделаю всё возможное, чтобы продлить ей жизнь, а значит, и ему. Я лично буду давать ей свою кровь — для друга ничего не жалко. Я пока не говорила ему об этом, пусть сначала найдёт, но я уверена, что он не откажется. Хотя, кто знает, какие выверты судьбы могут произойти? Джейк вполне может найти свою половинку среди бессмертных — это было бы великолепным вариантом. Но пока Джейк в поиске. И этот поиск может длиться веками.

В это время народ на поляне зашевелился и стал стягиваться к крыльцу, окружая его полукругом. В комнату вбежала Лиззи.

— Мама, пора!

С этими словами она влетела в мои распахнутые объятия и обхватила меня выше выпирающего живота.

— Все ждут.

— Мы уже идём, малышка, — я говорила это, зарывшись носом в каштановые волосы дочери, точно такие же, как у её отца. И она, и Доминик унаследовали прекрасные волосы Эдварда, соблюдая традицию нашей семьи — от родителя-«негаргульи» наследуется только цвет волос. В остальном малышка была моей точной копией, к счастью, семейный подбородок обошёл её, так же, как и меня.

— Мама, я давно уже не малышка! Мне же уже тридцать пять!

— Ты и в триста пятьдесят останешься моей малышкой. И в тридцать пять тысяч. Смирись, доченька.

— Скорее бы уже этот ребёночек родился! Тогда ты будешь трястись уже над ним, а не надо мной.

— Даже и не надейся на это, — улыбнулся Эдвард. — Нас хватит на вас троих. И на младенца, и на тебя, и на Доминика.

— Когда же я уже вырасту-то, наконец? — тяжело вздохнула Лиззи, слегка переигрывая.

— Не торопись взрослеть, доченька, — покачала я головой. — Взрослой ты будешь вечно, а ребёнком — уже больше никогда. Наслаждайся, пока можешь. Когда-то давно дедушка Карлайл сказал мне нечто подобное, когда я тоже переживала из-за слишком юной внешности. И только став, наконец, взрослой, я поняла, как же он был прав. Со временем поймёшь и ты.

— Кнопка, а нельзя ли немного отложить лекцию о радостях детства? Мы тут вообще-то

уже заждались. Ты выйдешь, наконец, или нет?

— Уже иду! — откликнулась я, и обнимаемая с двух сторон мужем и дочерью, вышла, наконец, к гостям.

И были объятия, поцелуи, поздравления и подарки. Шутки, смех и веселье. Огромный торт, на котором я задула ровно сто свечей. Ломящиеся от вкусной еды столы, хотя часть гостей и не смогла отдать должное кулинарным изыскам. Впрочем, под обалдевшими взглядами гостей, Розали съела огромный кусок торта.

— Он же у неё не переварится! — ошеломлённо прошептал Эдвард мне на ухо.

— Ничего, вытошнит потом, — я равнодушно пожалала плечами, жуя очередную морковь. — Для беременных это нормально. Зато сейчас ей вкусно. Пусть хоть весь съест. Точнее, всё, что осталось.

А гораздо позже, когда праздник близился к завершению, и я неторопливо покачивалась в объятиях Эдварда под медленную музыку, над лесом раздался стрёкот вертолёт. Все отвлеклись от танцев и разговоров и стали наблюдать, как небольшой серебристый вертолётик собирается приземлиться на краю поляны. По команде Элис, все дружно ухватились за ближайšie скатерти, и этим уберегли посуду и остатки закусок от сдувания. Цветочным гирляндам повезло меньше, но их всё равно вскоре нужно было бы убирать, так что, ничего особо непоправимого не произошло.

Из вертолёт, у которого ещё продолжали медленно вращаться лопасти, выпрыгнул Дэн. Ему очень шла новая стрижка, на плечи была небрежно наброшена джинсовая куртка, не скрывавшая надпись на футболке: «Ищу врага, который будет отдавать мне свой ужин». Первым делом он отыскал глазами Эвиту и просиял совершенно солнечной улыбкой. Впрочем, он вообще был весь какой-то сияющий. Потом повернулся ко мне.

— Прости, Дани, я немного опоздал. Но ты только посмотри, кого я привёз на твой праздник.

Следом за Дэном из кабины вертолёт, появилась ещё одна фигура. Гаргулья в своём истинном обличье. Его крылья были сложены за спиной, как плащ. Первой моей мыслью было — но ведь кроме Дэна все гаргульи уже были здесь. Или я всё же обсчиталась? Но тут я поняла, что тот, кто стоял рядом с Дэном, не принадлежал к моей семье. Он вообще не принадлежал к жителям Земли. Черты лица были немного искажены, пропорции нарушены. Но, не смотря на это, а так же на полное отсутствие волос на голове, этот мужчина просто завораживал. Он был красив странной, неземной красотой. Он смотрел на нас ярко-синими глазами в обрамлении длинных чёрных ресниц, моими глазами, улыбался чуть застенчивой улыбкой, притягивая взгляд к родинке над уголком рта. И видя их с Дэном рядом, никто уже не усомнился бы в их невероятном сходстве. Моё первое впечатление меня обмануло — он всё же принадлежал к моей семье. И, поняв это, я шагнула вперёд, улыбнулась и, протягивая руку, произнесла:

— С возвращением, Джон. Добро пожаловать в семью.

Постскрипtum.

Когда, спустя три месяца, у нас с Эдвардом родились двойняшки, мы единодушно решили назвать их Джон и Майри.

Постпостскрипtum.

Джейк нашёл свою половинку. Эдвард в шоке. Я в растерянности, но зато точно знаю

одно — кровь я ей давать не стану, в этом нет никакой необходимости. Джейк пребывает в эйфории, все его мысли только о суженой, и ему совершенно наплевать на шок Эдварда. Ну а Майри просто счастлива — радостно гукает и протягивает свои крошечные ручонки к Джейку, едва его увидит. И в этом нет ничего удивительного — мы узнаём свою половинку в любом возрасте.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net